

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1994

**ББК 83.3Р
Л64**

Редакционная коллегия

К Н ГРИГОРЬЯН, Н А ГРОЗНОВА, В А ТУНИМАНОВ, Г М ФРИДЛЕНДЕР

Ответственный редактор

К Н ГРИГОРЬЯН

Ответственный секретарь

М П ЛЕПЕХИН

Рецензенты Б В АВЕРИН, В П СТЕПАНОВ

Л $\frac{4603020101-584}{042(02)-94}$ 360-93-1

© Коллектив авторов, 1994
© Российская Академия наук, 1994

ISBN 5-02-028029-1

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Необходимость специального издания, предназначенного для публикации хранящихся в Пушкинском Доме рукописных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, возникла немного лет спустя после его основания (1905). Первым опытом подобного рода явились два выпуска «Временника Пушкинского Дома» — на 1913 (вышел в 1914 г.) и 1914 (вышел в 1915 г.) гг.¹ Содержание «Временника» составили обзорные материалы Пушкинского Дома и научная публикация наиболее интересных рукописных источников. Эти два важнейших направления в публикаторской деятельности Пушкинского Дома нашли свое отражение и в структуре всех последующих сборников. В то же время был осуществлен и принципиально иной тип издания, построенный на тематическом подборе публикуемых документов: «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии» (1917). Ф. Ф. Ильин-Раскольников в рецензии на первый выпуск «Временника Пушкинского Дома», положительно оценивая его появление, писал: «Пушкинский Дом может быть полезен только при условии его общедоступности, только в том случае, если в нем найдут место для занятий все желающие без различия социального положения, взглядов и независимо от органов печати, в которых они сотрудничают».²

В 1919 г. был утвержден штат сотрудников Пушкинского Дома в составе 12 человек, а в 1921 г. ему было выделено собственное здание,³ что позволило приступить к систематической и планомерной разборке и публикации хранящихся в Пушкинском Доме материалов по истории новой русской литературы. Издательская деятельность Пушкинского Дома 1922—1929 гг. отличается своим тематическим разнообразием: отдельными сборниками были представлены почти все классики русской литературы от Пушкина до Короленко.

Выработать единый тип издания сразу не удалось. Структуру прежнего «Временника» продолжили «Радуга: Альманах Пушкинского Дома» (1922), «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год» (1922), «Литературные портфели» (1923) и два выпуска «Атенея»: кн. 1—2 (1924) и кн. 3 (1926); последний номер полностью был посвящен восстанию декабристов. Тематически подобранные материалы, зачастую публикуемые не самостоятельно,

а в составе текста основанного на них исследования, издавались в начатой в 1922 г. серии «Труды Пушкинского Дома». Главенствующее место в «Трудах» занимал Пушкин: Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина (1922; 2-е изд., испр. и доп. — 1923); *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. (1925); *Поляков А. С.* О смерти Пушкина. (По новым данным) (1922); Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина (1924). Кроме того, отдельно были изданы публикации-исследования, основанные на критическом изучении рукописей поэта: «Гавриилиада» (1922), «Домик в Коломне» (1922), а также новонайденные «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово» (1927). В «Трудах» же вышли и первые два тома подготовленной Б. Л. Модзалевским «Переписки» Пушкина (1926, 1928).⁴

Тематика остальных выпусков «Трудов», построенных на впервые вводимых в научный оборот материалах Рукописного отдела, отличалась значительным разнообразием: *Модзалевский Б. Л.* Роман декабриста Каховского (1926); *Кубасов И. А.* Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения (1922); Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма (1923); *Гессен С. Я., Коган М. С.* Декабрист Лунин и его время (1926); Декабристы. Неизданные материалы и статьи (1925); Неизданные стихотворения Дельвига (1922); Федор Иванович Тютчев в письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову (1926); *Блок Г. П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета (1924); *Островский.* Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи (1924); *Салтыков-Щедрин М. Е.* Письма. 1845—1889 (1924); Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906 (1929); *Чехов А. П.* Затерянные произведения, неизданные письма, воспоминания, библиография (1925); Письма В. Г. Короленко. 1888—1921 (1922). Несколько публикаций было выполнено вне серийных рамок: Чехов. Новые письма. (Из собраний Пушкинского Дома) (1922); И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома (1922); М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма (1932). Кроме того, появилось третье направление в освоении рукописных богатств Пушкинского Дома: к обзорам фондов и публикациям материалов прибавилось описание рукописей. Первым опытом подобного рода, как и следовало ожидать, явилось краткое описание: Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР (1929).

Издательская деятельность Пушкинского Дома сдерживалась из-за малой мощности полиграфической базы Академии наук — всего лишь три из вышеперечисленных изданий были напечатаны в академическом издательстве; все же остальные печатались в издательствах частных («Картонный домик», «Атеней», М. и С. Сабашниковых), кооперативных («Время», «Academia», «Кооперативное издательство литераторов и ученых», «Петроград», «Книга», «Наука и школа», «Прибой»), Госиздате или же издавались самим Пушкинским Домом заказным порядком. Угасание нэпа, приведшее к прекращению деятельности большинства частных

и кооперативных издательств, а также происшедшие в 1929—1930 гг. изменения в кадровом составе Пушкинского Дома на три года приостановили его публикаторскую деятельность.

Реорганизация Академии наук в 1930 г. и как следствие преобразование Пушкинского Дома в Институт литературы и пополнение его фондов материалами по истории русской литературы XVIII—XX вв., ранее хранившимися в Библиотеке Академии наук (что позволило в несколько раз увеличить объем фондов Пушкинского Дома), а также активизация деятельности издательства Академии наук, взявшего на себя все хлопоты по изданию трудов Института, позволили в кратчайшие сроки в невиданных ранее размерах приступить к освоению хранившегося в Институте богатейшего рукописного наследия, значительно расширив хронологические рамки публикуемого материала — от XVIII века до советской эпохи.

В 1931 г. увидел свет первый выпуск сборника «Литература» под редакцией А. В. Луначарского. В 1932 г. начали выходить тематические сборники, объединенные серийным изданием «Литературный архив» — всего за два десятилетия вышло 12 томов: А. Н. Радищев: Материалы и исследования (1936); Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу (1936); Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Т. 1—2 (1936); Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования (1935); А. Ф. Писемский. Письма (1936); Из литературного наследия Ф. М. Решетникова (1932); Глеб Успенский: Материалы и исследования (1938); М. Горький: Материалы и исследования. Т. 1—4 (1934—1951).

Издательские замыслы руководства Института этим не ограничились. В 1934 г. было принято решение об издании как ежеквартального журнала, посвященного изучению русской литературы, так и неперiodически выходящих сборников архивных материалов. В октябре 1936 г. в Институте состоялось совещание под председательством вице-президента АН СССР академика В. Л. Комарова, на котором было принято решение об издании «Литературного архива».⁵ Его первый выпуск, посвященный Пушкину и его эпохе, увидел свет в 1938 г.,⁶ второй — «Шестидесятые годы» — был издан в 1940 г.

В предвоенное десятилетие было продолжено также такое традиционное для Рукописного отдела Института направление научной работы, как описание рукописей. Были опубликованы описания рукописей Пушкина (1937), Чернышевского (1939), Писарева (1941), Горького (1936), Маяковского (1940). Новые направления исследовательской работы с рукописями для Института той поры нашли свое выражение в подготовке академических собраний сочинений (Радищев, Пушкин, Гоголь, Успенский), где текстологический комментарий эволюционировал в самостоятельно развернутое исследование, в котором давалось подробное описание рукописей. С этого времени научное издание текстов писателей-классиков и подготовка полных собраний их сочинений явились основным направлением деятельности Института.

Участие сотрудников Института в Великой Отечественной войне, а также эвакуация и реэвакуация фондов Рукописного отдела на шесть лет замедлили труды по изучению и публикации рукописного наследия. Основным направлением научно-публикаторской работы Рукописного отдела и Музея Института послевоенного периода явилось издание «Описания рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома». Были изданы семь томов: «Н. В. Гоголь» (1951); «М. Ю. Лермонтов» (1953); «Л. Н. Толстой» (1954); «И. С. Тургенев» (1958); «И. А. Гончаров», «Ф. М. Достоевский» (1959); «А. Н. Островский» (1959); «Революционные демократы» (1962); позднее вышел «А. П. Чехов» (1978). Продолжалась подготовка полных собраний сочинений классиков (Радищев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Успенский; позднее — Капнист, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Блок). После десятилетнего перерыва было возобновлено издание «Литературного архива» — вышли тома 3-й (1951), 4-й (1953), 5-й (1960), 6-й (1961). Одновременно с «Литературным архивом», состоящим из одних только публикаций, с 1947 г. начался выпуск «Бюллетеней Рукописного отдела Пушкинского Дома», где основное внимание уделялось научному описанию рукописей, тематическим обзорам и хронике текущих поступлений; публикации же, напротив, были единичны. Следует также отметить, что «Литературный архив» был органом общепубликаторским, в то время как «Бюллетени» (с 1947 по 1961 г. вышли 9 выпусков) являлись органом исключительно Рукописного отдела.

Постепенное увеличение интервалов в сроках выхода и последующее угасание обоих изданий, одновременно прекративших свое существование в 1961 г., может быть объяснено тем, что в 1940—1960-х гг. Институт приступил к изданию продолжающихся тематических сборников: «XVIII век» (с 1935; возобновлен в 1958), «Пушкин: Исследования и материалы» (с 1956), «Некрасовский сборник» (с 1951), «Тургеневский сборник» (с 1964), «Достоевский: Материалы и исследования» (с 1974), а также сборники Отдела советской литературы и Сектора взаимосвязей русской и зарубежной литератур. В 1957 г. начал выходить ежеквартальный журнал «Русская литература», где также было опубликовано значительное количество материалов Рукописного отдела Института. Не следует забывать и о том, что с 1939 по 1949 г. Институт русской литературы издавал также и «Литературное наследство» (т. 33—55) — на страницах этого издания материалы Рукописного отдела публикуются постоянно с 1933 г. по настоящее время.

В 1971 г. была сделана попытка возродить «Бюллетень» после десятилетнего перерыва. Новое издание было названо «Ежегодником Рукописного отдела Пушкинского Дома», но по своей структуре и по содержанию первые три его выпуска на 1969—1971 гг. (1971—1973) полностью явились продолжением «Бюллетеня». Затем тип издания был изменен: научные описания рукописей бо-

лее не печатались (было сочтено более целесообразным печатать отдельным изданием сводный каталог рукописей одного автора по всем архивам СССР — осуществлено для Достоевского, Короленко и переписки Блока) Начиная с выпуска на 1972 г (1974), «Ежегодник» стал состоять из двух равноправных разделов — обзоров и публикаций, а также информации о новых поступлениях С выпуска на 1974 г. «Ежегодник» выходил в меньшем формате и в переплете. Всего вышло 12 выпусков «Ежегодника» — на 1969—1980 гг. (1971—1984).

Возобновленный настоящим томом «Литературный архив» как по композиции, так и по содержанию публикуемых материалов является органическим продолжением «Ежегодника».

Редакционная коллегия

¹ Сведения об изданиях Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР см в кн *Михайлова А К* (сост.) Пушкинский Дом Библиография трудов Л., 1981

² Р Р [Ильин-Раскольников Ф Ф] Литературная полка рабочего // *Путь правды* 1914 13 апр № 60 С 2

³ *Баскаков В Н* Пушкинский Дом 1905—1930—1980 (Исторический очерк) Л., 1980

⁴ После кончины Б Л Модзалевского вне серии были изданы т 3 (1935) и «Письма последних лет» (1969)

⁵ ИРЛИ, служебные документы за 1929—1944 гг., л 83—85

⁶ Репринтно переиздан в Лихтенштейне Literaturnj archiv Materialy po istorii literatury i obscestvennogo dvizenija Dusseldorf Brucken-Verlag, Vadus Europe-Printing, 1972 Т 1 (Slavica-Reprint No 78/1)

* Настоящий том был подготовлен и сдан в издательство в 1987 г Выход его был задержан по независящим от редколлегии обстоятельствам — *Отв ред*

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Базанов

МАТЕРИАЛЫ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Литературный архив Сергея Есенина, в целом, как известно, сравнительно неплохо (хотя, конечно, далеко не полностью) сохранившийся, в силу различных причин уже вскоре после трагической смерти поэта оказался раздробленным на несколько неравных по своему объему и значению частей и затем так и не был собран воедино. Наиболее обширные и интересные собрания материалов поэта и документов о нем хранятся ныне в четырех ведущих московских историко-литературных архивохранилищах — в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 190), в Рукописном отделе Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ф. 32), в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 393) и Государственного Литературного музея (ф. 4); в значительно меньшем объеме они имеются в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 276).¹ Различные документы и материалы разрозненно хранятся также во многих других архивах и музеях Москвы, Ленинграда и Рязани; кроме того, отдельные автографы поэта находятся в частных собраниях и коллекциях.

По сравнению с другими архивохранилищами, Рукописный отдел Пушкинского Дома обладает относительно небольшим собранием автографов поэта и различных материалов о нем,² однако и они представляют несомненный интерес, позволяя в целом ряде случаев внести отдельные уточнения и дополнения (подчас весьма существенные) в творческую биографию Есенина. Некоторые из них уже опубликованы (полностью или в извлечениях), хорошо известны исследователям и читателям и даже вошли в собрание сочинений поэта. Другие, напротив, хотя и привлекали подчас внимание отдельных исследователей, но в целом еще нуждаются в тщательном изучении и всестороннем осмыслении. Наконец,

часть материалов выявлена только в процессе подготовки к печати данного обзора и, таким образом, впервые вводится в научный оборот на его страницах.

1

Хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома автографы поэтических произведений Есенина в большинстве своем относятся к дореволюционному периоду его творчества. Наиболее ранний из них — беловая рукопись одного из первоначальных вариантов стихотворения 1915 г. «Я странник убогий...»³ под

снятым впоследствии заглавием «Убогий».⁴ Аккуратно и четко переписанный автограф, судя по всему, выполнен в Петрограде в конце 1915 г. и, очевидно, предназначался для публикации в одном из столичных периодических изданий. Об этом, в частности, свидетельствует не только завершающая его подпись «Сергей Есенин», но и, прежде всего, имеющаяся здесь же приписка поэта, обращенная, как то можно предположить, к сотрудникам редакции: «При сем „Лисицу“ вычеркнуть, ибо она для цикла не подходит».⁵ Планировавшаяся публикация, однако, не состоялась, и стихотворение это было напечатано лишь в вышедшем в начале февраля 1916 г. сборнике стихов поэта «Радуница».⁶ Месяцем раньше, 10 января 1916 г., в «Биржевых ведомостях» появилось и упомянутое в приписке стихотворение «Лисица» — также вне какого-либо цикла.

Являясь единственным — и к тому же беловым — сохранившимся автографом стихотворения «Я странник убогий. . .» (летом 1915 г. Есенин привел его, тогда только что написанное, в письме В. С. Чернявскому (VI, 64), но оригинал письма, опубликованного еще в 20-е гг., ныне утрачен), рукопись «Убогого», текстуально совпадающая с опубликованным в «Радунице» (1916) вариантом, дает очень небольшой материал для текстологических наблюдений. Однако и в этом отношении она представляет определенный интерес, поскольку имеющийся здесь текст отличается как от самого раннего варианта (известного по упомянутому письму Есенина В. С. Чернявскому), так и от окончательного варианта стихотворения, напечатанного во втором издании сборника «Радуница» (1918). Все содержащиеся в нем разночтения отмечены и полностью воспроизведены — по тексту сборника «Радуница» (1916) — в шеститомном собрании сочинений поэта (IV, 252), однако помещенный там комментарий к этому стихотворению (IV, 285—286), к сожалению, не содержит каких-либо сведений ни о самом его автографе, ни об имеющейся на нем приписке поэта, приоткрывающей нечто новое в творческой биографии Есенина той поры.

Комментируя в этом же собрании сочинений стихотворный экспромт Есенина «Перо не больница. . .» (IV, 215), известный лишь по автографу в альбоме петроградского переводчика и библиографа Ф. Ф. Фидлера (1859—1917), куда поэт записал его 6 октября 1915 г., С. П. Кошечкин отмечает, что альбом этот хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (см.: IV, 302). Сведения эти ошибочны — альбом с таким экспромтом в действительности находится в Государственном Литературном музее в Москве. Однако среди материалов хранящегося в Пушкинском Доме архива Ф. Ф. Фидлера, значительную часть которого составляют альбомы, специальные тетради, записные книжки и т. п., систематически заполнявшиеся по его просьбе широким кругом как известных писателей, так и начинающих литераторов, имеется другой альбом, где также находится автограф Есенина (ф. 649, оп. 2, № 17, л. 1). Любопытно, что хотя запись сделана тоже

6 октября 1915 г., но выполнена она уже не на квартире Фидлера, а в гостях у известного литературного критика того времени А. А. Измайлова. О знакомстве Есенина с ним в ту пору, насколько известно, каких-либо иных документальных свидетельств исследователям пока что выявить не удалось, в связи с чем запись эта приобретает особый интерес даже безотносительно к ее конкретному содержанию — просто как один из источников для более полного раскрытия творческой биографии раннего Есенина, документально устанавливающий не известный ранее факт. С другой стороны, заслуживает, конечно, внимания и само по себе наличие в различных альбомах Фидлера двух одновременно написанных, но датированных одним и тем же днем автографов поэта, свидетельствующее, по крайней мере, о неслучайности встречи Есенина с Фидлером в этот день.

Сам по себе рассматриваемый автограф Есенина достаточно лаконичен и не отличается особой оригинальностью:

У

А. А. Измайлов

6 окт(ября) 1915

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елках — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

Сергей Есенин

Как видим, поэт в данном случае ограничился простым воспроизведением отрывка из еще не опубликованного в ту пору стихотворения «Не ветры осыпают пуши. . .» (I, 88). Это пятая, заключительная строфа стихотворения, лишь через полтора месяца, 22 ноября 1915 г., появившегося в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» с первоначальным вариантом первой строки «Не с бурным ветром тучи тают. . .» Текстуально эта строфа почти полностью совпадает с опубликованным тогда вариантом, лишь много позднее подвергшимся авторской правке. Небольшое различие содержится только в третьей строке этого фрагмента, которая в печатном тексте выглядела уже несколько иначе: «Что в елях — крылья херувима».

К октябрю 1915 г. относится и хранящийся в архиве известного в ту пору петроградского литератора Б. А. Лазаревского (1871—1936) другой автограф поэта — написанное на отдельном листке карандашом и затем обведенное чернилами четверостишие «Все встречаю, все приемлю. . .» (ф. 145, оп. 1, № 10, л. 30). Это также отрывок (строки 13—16) из стихотворения «Край родной! Поля как святцы. . .» (в окончательной редакции: «Край любимый! Сердцу снятся. . .» — I, 84), написанный, очевидно, по просьбе Б. А. Лазаревского, который вклеил его в свой дневник в качестве некой иллюстрации к сделанной им 21 октября 1915 г. записи

о выступлении Есенина и Николая Клюева на вечере в редакции «Ежемесячного журнала». Как документальное свидетельство современника о первых шагах юного поэта в столице и о том глубоком впечатлении, которое он произвел в литературных кругах, эта дневниковая запись тоже представляет несомненный интерес: «. . .вечером пошел я в „Ежемесячный журнал“. Думал, что проскучаю, а вышло интересно.

Читал я свои рассказы, ну да сие не важно, а важно, что я, вообще не любящий стихов, кроме Лермонтова и Шевченко, поэтов почти не читающий, вдруг услышал двух поэтов — да каких!

Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и безудержность (у него), как у Шевченко в молодости. Начал он читать негромко, под сурдинку, басом. И — очаровал.

Проникновеннее Некрасова, сочнее Кольцова. Мирлолюбов плакал. . . чуть не заплакал и я.

Не чтение, а музыка, не слова, а явления, а главное — дикция особенная. . . Как нельзя перевести Шевченко ни на один язык, даже на русский, сохранив все нюансы, так нельзя перевести и Клюева. Вот его автограф:

„Что ты, нивушка, чернешенька,
Как в нужду кошель пороженька.
Николай Клюев“.⁷

И далеко же этим футуристам и Маяковским с их криком и воем до этой музыки; точно весь народ русский говорил».

Переходя далее к рассказу о Есенине, Б. А. Лазаревский вклеил в этом месте листок с автографом в ту пору еще не опубликованных строк поэта:

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

*Сергей Есенин.*⁸

После этого следует весьма лаконичная, но на редкость выразительная запись: «Затем выступил его товарищ Сергей Есенин. Мальчишка 19-летний, как херувим блондинистый и завитой и тоже удивил меня.

В четверть часа эти два человека научили меня русский народ уважать и, главное, *понимать* то, чего я не понимал прежде: музыку слова народного и муку русского народа — малоземельного, водкой столетия отравляемого.

И вот точка. И вот мысль этого народа и его талантливые дети — Клюев и Есенин!» (ф. 145, оп. 1, № 10, л. 27—27, об., 30—30, об.).⁹

Интересные материалы Есенина предреволюционного периода сохранились в архиве петроградского книгоиздателя М. В. Аверьянова (1867—1941), в издательстве которого, как известно, в на-

чале 1916 г. вышел в свет первый сборник стихов поэта «Радуница». Здесь следует отметить прежде всего макет небольшого сборника произведений Есенина «Зарянка. Стихи для детей» (ф. 428, оп. 1, № 132), подготовленный поэтом к печати в том же 1916 г., но так и оставшийся неопубликованным.

Это несшитая тетрадь из 14 листов разноформатной бумаги (л. 1, 14 и 3, 13 — двойные), лицевая сторона обложки которой (л. 1) оформлена Есениным как титульный лист: в верхней части листа вписано имя автора, посередине крупными буквами с характерными завитушками — заглавие, чуть ниже под ним, уже несколько мельче, — подзаголовок; наконец, в нижней части листа написано слово «Книгоиздательство» и поставлена дата — «1916». На последующих листах, содержащих уже стихотворные тексты, размечены (и обозначены здесь же арабскими цифрами) страницы будущей книги, соответственно которым разбиты и тексты всех стихотворений: не более 12 строк на страницу.

Сборник состоит всего из 10 стихотворений разных лет: «Воробышки» («Поет зима — аукает. . .») (л. 3), «Пороша» («Еду. Тихо. Слышны звоны. . .») (л. 4), «Ветер, как саж. . .» (л. 5), «Береза» («Белая береза. . .») (л. 6), «Колокол дремавший. . .» (л. 7), «Прячет месяц за овинами. . .» (л. 8), «С добрым утром!» («Задремали звезды золотые. . .») (л. 9), «По лесу леший кричит на сову. . .» (л. 10), «За рекой горят огни. . .» (л. 11) и «Молотьба» («Вышел зараня дед. . .») (л. 12); листы 2, 13 и 14 — чистые. Частично эти стихотворения уже печатались двумя годами ранее в предназначенном «для семьи и начальной школы» ежемесячном иллюстрированном детском журнале «Мирок» (1914, № 1, 2, 4 и 7), причем три стихотворения даже представлены в макете вырезками из этого журнала, наклеенными на чистые листы бумаги. Это «Береза» — самая ранняя среди известных сегодня публикаций поэта (напечатанная в «Мирке» под псевдонимом «Аристон»), а также «Колокол дремавший. . .» (в журнале было под заглавием «Пасхальный благовест», здесь уже не воспроизведенным) и «С добрым утром!» Не располагая, очевидно, печатными текстами двух других опубликованных в «Мирке» стихотворений («Воробышки» и «Пороша»), поэт представил их в макете беловыми автографами. Такими же аккуратно переписанными автографами являются и тексты остальных стихотворений, которые Есенин, вероятно, написал специально для этого сборника в процессе его подготовки к печати. При жизни поэта они вообще не публиковались, и, таким образом, эти автографы являются единственным источником текста соответствующих произведений, чем прежде всего и обуславливается их ценность.

Судя по имеющимся в макете «Зарянки» различным пометам, принадлежащим, очевидно, самому издателю (они носят редакторский характер и сделаны зеленым карандашом), представленный Есениным сборник не показался М. В. Аверьянову заслуживающим внимания и публикации. Явное недоумение вызвал уже сам подзаголовок — «Стихи для детей»: слова «для детей» дважды

ды подчеркнуты, а сбоку на полях поставлены два восклицательных знака. И это неудивительно: как издатель М. В. Аверьянов не занимался выпуском литературы для детей, поэтому обращение Есенина к нему с таким предложением в данном случае было, так сказать, не по адресу. Ряд замечаний вызвали здесь и сами тексты стихотворений. Два из них («Вечер, как сажа. . .» и «За рекой горят огни. . .»), вероятно, совсем не понравились М. В. Аверьянову: они отчеркнуты характерной волнистой линией. В других случаях тем же карандашом подчеркнуты лишь отдельные строки. В стихотворении «Воробышки», например, в строках:

А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным —

подчеркнуты слова «по ставням свешенным» (л. 3). Не удовлетворила М. В. Аверьянова и строка «Понеслись удары» в стихотворении «Колокол дремавший. . .» (л. 7). Но особенно много замечаний вызвало стихотворение «Пороша». Подчеркнув слово «густою» в предпоследней строке третьей строфы:

А под густою макушкой
Долбит дятел на суку, —

М. В. Аверьянов с явной настороженностью отнесся и к следующей, заключительной строфе:

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль, —

в которой его внимание привлекли вторая строка (она целиком подчеркнута) и слово «лентой» в последней строке (л. 4).

Помимо этих редакторских пометок рукописи стихов «Зарянки» в ряде случаев имеют и небольшие авторские поправки отдельных строк. Так, в начальной строфе стихотворения «Вечер, как сажа. . .»:

Вечер, как сажа,
Липнет в окно,
Белая пряжа
Ткет полотно, —

поэт исправил вторую строку: «Льетса в окно» (л. 5). В стихотворении «Колокол дремавший. . .» аналогичной правке подверглись строки:

Скрылась за рекою
Бледная луна, —

в которых слово «бледная» заменено на «белая» (л. 7). Наконец, в заключительной строфе стихотворения «За рекой горят огни. . .»:

Кому радость, кому грех,
А мне радость, а мне смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех, —

Есенин также исправил вторую строку, сделав ее идентичной последней: «А нам радость, а нам смех» (л. 11).

Помимо макета сборника «Зарянка» в архиве М. В. Аверьянова хранятся беловые автографы еще двух стихотворений поэта — «В том краю, где желтая крапива. . .» и «Как покладинка лег через ров. . .» (ф. 428, оп. 1, № 132, л. 15—16). На первом из них имеется приписка Есенина — очевидно, своеобразная помета для памяти: «31/1 — 17 г. I экз. Рад(уницы) для Б. Я. С.» (кого именно из своих друзей или знакомых обозначил поэт такими инициалами, установить пока не удалось). Поскольку это стихотворение было опубликовано в «Ежемесячном журнале» еще в конце 1916 г. (№ 9—10. С. 8—9), а хранящийся в архиве М. В. Аверьянова его автограф не содержит каких-либо разночтений, то это, очевидно, авторская копия, подготовленная, возможно, для сборника «Голубень», издание которого Есенин одно время намеревался предложить М. В. Аверьянову.

На бумаге такого же типа и формата написан и автограф стихотворения «Как покладинка лег через ров. . .», которое также было опубликовано в «Ежемесячном журнале», но только в конце 1917 г. (№ 11—12. С. 7). Текстуально этот автограф почти полностью совпадает с опубликованным в «Ежемесячном журнале» его вариантом (небольшое разночтение имеет только начальная строка второй строфы: не «Тихо выплыл из ровных долин», как значится в автографе, а «Снова выплыл из ровных долин»), который лишь позднее подвергся весьма существенной переработке и изменился почти до неузнаваемости (см. стихотворение «Ночь и поле, и крик петухов. . .» — I, 111). Однако зафиксированный в данном автографе текст не является изначальным: это уже по меньшей мере вторая редакция стихотворения, исправленного автором, очевидно по критическим замечаниям сотрудников редакции «Ежемесячного журнала», в архиве редактора которого, В. С. Миролубова (1860—1939), хранится более ранний (первоначальный?) беловой автограф его (ф. 185, оп. 1, № 1390, л. 6), поступивший в редакцию, как о том свидетельствует «Книга регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“», 18 января 1917 г.¹⁰

Впрочем, разночтения между этими двумя автографами стихотворения «Как покладинка лег через ров. . .», хронологически, вероятно, не столь уж далеко отстоящими друг от друга, не очень значительны. Помимо все той же начальной строки второй строфы, которая в автографе из архива В. С. Миролубова совпадает с первопечатным текстом («Снова выплыл из ровных долин»), они касаются прежде всего четвертой строфы, в автографе из архива М. В. Аверьянова совпадающей с публикацией «Ежемесячного журнала»:

Знаю я, не приснилась судьбе
Песня новая в тихой избе,
И как прежде архангельский лик
Веет былью зачитанных книг, —

а в автографе из архива В. С. Миролюбова данной в иной (более ранней) редакции, завершающейся даже грамматически во многом еще несовершенной формой:

И как прежде архангельский стан
Опоясан кольцом таракан.

Помимо регистрационного номера по книге поступлений «Ежемесячного журнала» (№ 4776) на полях этой рукописи находим также запись литературного редактора журнала (в ту пору им был один из лидеров и теоретиков партии эсеров В. М. Чернов): «Звучно и красиво, но отдельные строки <...> странны. Ч(ернов)». Ответом на эту запись, вероятно, является помета самого В. С. Миролюбова: «Попросите поправить».

Кроме того, на рукописи было сделано еще несколько записей, впоследствии тщательно стертых и теперь уже практически почти не поддающихся прочтению. Тексты их доступны нам сегодня лишь благодаря тому, что еще в 1940 г. они (как и аналогичные пометы на других автографах Есенина из архива В. С. Миролюбова) были внимательно изучены ленинградским библиографом Н. В. Хлебниковой, которая расшифровала и атрибутировала их (сообщив результаты своих разысканий руководству Рукописного отдела) по просьбе последней жены поэта — С. А. Толстой-Есениной, готовившей в это время комментарий к составленному ею для Гослитиздата однотомнику произведений Есенина. «Я с головой в этой работе <...> готовлю книгу *срочно*, — писала она в этой связи 28 августа 1940 г. — Уже опаздываю, мучаюсь и не могу кончить, п(отому) ч(то) хочу сделать лучше, а времени мало <...> Сейчас голова кругом идет. Ведь по Есенину очень мало работали люди. Сейчас нужно все делать, а материалов так мало! Мало, ужасно мало сведений для комментариев. Мало сохранилось рукописей. . .» (р. I, оп. 33, № 50, л. 30, об.—31, об.).

С особым и вполне понятным вниманием относясь к каждому новому факту, С. А. Толстая-Есенина сразу же заинтересовалась сообщением Н. В. Хлебниковой о не известных ей до того пушкинодомовских автографах поэта: «Я счастлива бесконечно, я растеряна, напугана, ошеломлена. Ужас, что я наделала! Как я могла не узнать раньше о Пушкинском Доме! Ведь я убеждена была, что там ничего нет. И спросила Вас в смутной надежде. . . а вдруг что-н(и)б(удь) туда попало. И Вы пишете, что „много“! Боже мой, что же мне делать теперь?! Ведь сроки у меня крошечные, в Ленинград меня никто и ни за что сейчас не пустит <...> Надо молить П(ушкинский) Д(ом) сделать фотокопии (срочно?) или кого-н(и)б(удь) сделать машин(опис)ные точные копии, вроде транскрипции <...> Что же мне делать? Посоветуйте, ради бога, и помогите, если можно» (5 сентября 1940 г.; р. I, оп. 33, № 50, л. 34—34, об.). Получив же вскоре согласие своей подруги оказать ей посильную помощь в изучении этих автографов, она подчеркивала в письме от 13 октября 1940 г.: «Главное, мне интересно восстановить зачеркнутое. То, что возможно. Даты, место напи-

сания и т. п., т. е. все то, что может послужить материалом для истории создания произведения» (там же, л. 37—37, об.). При этом особый интерес у нее вызвали именно автографы из архива В. С. Миролюбова, в связи с которыми она спрашивала Н. В. Хлебникову 28 августа 1940 г.: «Нет ли каких-н(и)б(удь) признаков, по которым можно было бы установить их дату? Мне это страшно нужно. Особенно в отношении „Голубеня“, датировка коего совершенно в тумане. Нет ли на обложках, на обр(атной) стороне или еще где-н(и)б(удь) редакционных пометок, указывающих хотя бы на № журнала, для кот(орого) они предназначались? Ради бога, не сердитесь, что тревожу Вас, но мне ужас как нужны хоть какие-н(и)б(удь) сведения об этих вещах». И далее: «Нельзя ли установить, чьим почерком сделаны пометки. М(ожет) б(ыть), они в П(ушкинском) Д(оме) это знают. Надпись на „Как покладинка лег через ров“ и подпись „Ч“. Я предполагаю, что это Чацкина, ред(актор) „Северных записок“, в кот(орых) Е(сени)н печатался в 1916 году. Если бы удалось установить, что это ее почерк, тогда все почти станет ясно: значит, он эти вещи взял из „Сев(ерных) зап(исок)“, т(ак) к(ак) там они были не одобрены, и отдал их Миролюбову. Тогда они твердо датируются 1916 г., и тогда, значит, о них есть упоминания в переписке Е(сени)на с „Сев(ерными) зап(исками)“ в 1916 г., о 4-х вещах, не принятых редакцией „С(еверных) з(аписок)“. Вот я и молю, нельзя ли выяснить, почерк ли это Чацкиной или нет? Верно, что буква „Ч“?» (там же, л. 40).

Тщательное изучение автографов не подтвердило это предположение С. А. Толстой-Есениной: «Спасибо за разбор надписи „Ч“. Очень интересно», — писала она 8 ноября 1940 г. (там же, л. 44). Пометы на автографах, как со всею очевидностью удалось установить Н. В. Хлебниковой, принадлежали В. М. Чернову. Однако характерно, что двадцать лет спустя и составители первого пятитомного собрания сочинений Есенина (М., 1961—1962) вновь, без всяких на то оснований, именно С. И. Чацкиной ошибочно приписали эти пометы, неполно и неточно воспроизведя их в своих комментариях.¹¹

Наряду с конкретными замечаниями В. М. Чернова по отдельным строкам стихотворения «Как покладинка лег через ров. . .» («Образ смелый, но слишком капризно это сравнение» — о первой строфе; «Не понимаю. . .» — о строке «Опоясан кольцом таракан» и т. д.) здесь находится и его же общий отзыв о Есенине с достаточно высокой в целом, хотя и несколько, конечно, своеобразной оценкой его поэтического дарования, далеко не в последнюю очередь обусловленной, думается, слабым практическим знакомством этого видного деятеля партии эсеров с реальной жизнью крестьянской России предреволюционных лет (не ощущая многих принципиально важных особенностей которой, он подчас даже настойчиво подчеркивал в своих письмах В. С. Миролюбову: «. . . нам нужно не зарываться исключительно в деревню. . .» (ф. 185, оп. 1, № 1237, л. 14, об.)): «Талантлив, несомненно (вы-

ше, думается, Ширяевца и куда тоньше!), стихом владеет, но склонность к эксцентрическим вычурам портит отдельные строки самих по себе прекрасных стихотворений. Ч(ернов)».

Аналогичные пометы В. М. Чернова имеются и на автографах хранящихся в архиве В. С. Миролюбова стихотворений Есенина «Голубень» и «Снег, словно мед ноздреватый. . .» (ф. 185, оп. 1, № 1390, л. 3—5), которые в отличие от стихотворения «Как покладинка лег через ров. . .» так и не были опубликованы в «Ежемесячном журнале». В «Голубени» редакторский карандаш целиком зачеркнул шестую строфу:

Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон, —

а также зафиксировал недоумение, которое вызвали у В. М. Чернова заключительные строки восьмой строфы:

За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

Еще более резкое возражение редактора вызвала, судя по его решительным пометам на рукописи, концовка следующей, девятой строфы этого стихотворения:

Хозяйка спит, а свежая солома —
Прямая ляжками вдовеющей любви.

Однако в целом, вероятно, произведение ему понравилось, о чем, в частности, свидетельствует его пометка: «Да. Ч(ернов)», — являющаяся, очевидно, свидетельством того, что рукопись может быть принята к печати после ее доработки автором. Об этом говорит и имеющаяся здесь же помета В. С. Миролюбова: «Поправить».

Едва ли не еще более критическое отношение вызвало у В. М. Чернова стихотворение «Снег, словно мед ноздреватый. . .»: «Вычурно. Ч(ернов)». В начальной строфе его:

Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол, —

редактор решительно отчеркнул последние строки, пометив на полях с явным недоумением: «Что это за чудесный теленок?» Отчеркнута им и заключительная строфа:

И за глухие поклоны
С лика упавших седи, —
Пишет им числа с иконы
Божий слуга — Дамаскин.

В связи с ней на полях появилась новая помета: «Развязка не слишком ли непринужденно?». Но, как и в предыдущем случае, в целом стихотворение определенно понравилось В. М. Чернову, о чем наглядно свидетельствует другая его помета на рукописи: «Все-таки да. Ч(ернов)».

Критические замечания В. М. Чернова, судя по всему, совершенно не убедили Есенина, который отказался дорабатывать эти стихотворения, и они были затем без сколько-нибудь существенных изменений опубликованы им в других изданиях: «Голубень» — в петроградской газете «Земля и воля» 30 сентября 1917 г., а «Снег, словно мед ноздреватый...» — лишь почти через полтора года после представления его редакции «Ежемесячного журнала», 26 июня 1918 г., в московской газете «Голос трудового крестьянства».

Особый интерес представляет хранящийся в архиве В. С. Миролюбова автограф стихотворения Есенина под заглавием «Жгемь» (ф. 185, оп. 1, № 1390, л. 1—2), которое имеет регистрационный номер 4273 и, согласно «Книге регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“», поступило в редакцию 16 сентября 1916 г. (там же, № 1345, л. 138, об.—139).

Избрав заглавием своего стихотворения мало кому известное диалектное слово, Есенин был вынужден пояснить его смысл в особом примечании: «Жгемь — мечта, дума». Кроме того, им же исправлена в этом автографе строка 45-я: вместо зачеркнутого текста: «Ты махнула складками одежды» — вписан новый вариант: «Чуть махали складки от одежды». Каких-либо иных исправлений в тексте нет, если не считать произведенной В. М. Черновым замены заглавия стихотворения: зачеркнув авторское заглавие «Жгемь», он написал рядом другое — «Мечта», под которым Есенин впоследствии его и опубликовал, но уже не в «Ежемесячном журнале», а в петроградском журнале «Нива» (1918. № 3, 20 янв. С. 38), где оно было напечатано с отсутствующим в автографе 1916 г. подзаголовком «Из книги „Стихи о любви“». Поскольку стихотворение это больше не перепечатывалось при жизни поэта, именно по публикации «Нивы» оно и воспроизводится ныне в его собрании сочинений (IV, 127—129).

Собрание сочинений Есенина не фиксирует наличие каких-либо вариантов в тексте этого стихотворения. Между тем опубликованный в журнале «Нива» текст в ряде случаев существенно отличается от первоначального. Особенно большой правке подверглись вторая и третья строфы третьей части (строки 37—44) стихотворения:

Я хотел сказать тебе так нежно,
Что искал тебя от ранних лет,
Но в молчанье любви моей безбрежной
Ты сама мне кинула ответ.

Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла,
Показала редкие седины,
Улыбнулась горько и ушла . . .

При последовавшей без малого полтора года спустя публикации в журнале эти строки почти полностью были переработаны:

Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор.
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.
Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...

(IV, 128)

Кроме того, в автографе имеется и ряд других, уже гораздо менее существенных разночтений по сравнению с печатным текстом. Так, во 2-й строке вместо «Золотятся листья с вялых ив» стало «Золотятся листья вялых ив», в 27-й строке вместо «Белую водою солнце моясь» напечатано «Синею водою солнце моясь». В строке 50-й произошли более значительные изменения: вместо «Показав рассудку черный шрам» стало «Как крыло, прильнув к ее ногам». Наконец, необходимо отметить, что при публикации в «Ниве» не было соблюдено и достаточно отчетливо обозначенное в автографе деление текста на строфы, что, возможно, было сделано редакцией журнала по техническим причинам, поскольку стихотворение Есенина помещено не на самостоятельной полосе, а в подверстку к другому материалу.

2

Обладая почти двадцатью автографами дореволюционных произведений Есенина, Рукописный отдел Пушкинского Дома хранит значительно меньше творческих рукописей поэта послеоктябрьского периода, однако их историко-литературное значение в ряде случаев исключительно высоко, поскольку они содержат не известные до сих пор тексты Есенина.

Наиболее ранним и самым обширным послереволюционным автографом поэта является беловая рукопись его поэмы «Пришествие» (Отдельные поступления, № 14662), поступившая еще в 20-х гг. среди других материалов первого выпуска альманаха «Мысль» (Пг., 1918), на страницах которого состоялась одна из самых первых публикаций поэмы. Это текстуально совпадающая с опубликованным в альманахе вариантом наборная рукопись поэмы с незначительными авторскими поправками в строках 14, 71 и 102-й.

К первым послеоктябрьским годам относится и беловой автограф стихотворения «Песни, песни, о чем вы кричите?..» (р. 1, оп. 7, № 67, л. 2), которое впервые увидело свет в сборнике стихов Есенина «Преображение» (Пг., 1918). По сравнению с окончательным текстом, автограф содержит некоторые разночтения в 13-й строке («Но осенняя синь не лечит» вместо опубликованного в сборнике «Преображение» «Но равнинная синь не лечит»).

Кроме того, в этом автографе находим первоначальную редакцию заключительной строфы стихотворения:

Есть несчастье в мире этом,
Хоть отраднo его носить,
То несчастье — родиться поэтом
И своих же стихов не любить, —

которая без каких-либо изменений была воспроизведена в сборнике «Преображение», а затем, уже в 20-х гг., подверглась коренной переработке:

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

(I, 155)

Все остальные автографы произведений Есенина относятся к самым последним годам жизни поэта. Два из них — «В голове болотный бродит омут. . .» и «Я знаю, знаю. Скоро, скоро. . .» (р. I, оп. 7, № 67, л. 3—4) — являются, судя по всему, авторскими копиями и представляют собой однотипные отрывки (строфы 5—7) из стихотворений «Видно, так заведено навеки. . .» (I, 258—259) и «Гори, звезда моя, не падай. . .» (I, 262), опубликованных соответственно 31 июля и 21 августа 1925 г. в газете «Бакинский рабочий». В правом нижнем углу обоих автографов имеется помета красным карандашом — «ЕН», указывающая, очевидно, на принадлежность этих рукописей в 20-е гг. сестре поэта Е. А. Есениной-Наседкиной.

Одну из наиболее интересных творческих рукописей Есенина передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома в мае 1967 г. артист Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина, народный артист РСФСР Н. К. Вальяно. Это черновой автограф стихотворения «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель. . .», не публиковавшегося при жизни поэта и впервые напечатанного лишь в 1959 г. по списку С. А. Толстой-Есениной; по ее же свидетельству, оно предположительно датировалось 1925 г.

Обнаруженный автограф (р. I, оп. 7, № 70) не датирован автором, но тем не менее полностью подтверждает датировку С. А. Толстой-Есениной: судя по многочисленным и очень характерным своим особенностям, он выполнен на бумаге из того же блокнота, из которого поэт затем вырвал листок для записи своего предсмертного стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья. . .»; как хорошо известно, листок этот также хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (там же, № 19).

Не привлекавшая до сих пор к себе внимания исследователей-есениноведов рукопись стихотворения «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель. . .», которое можно считать теперь одним из самых последних произведений поэта, содержит большую авторскую

правку и позволяет раскрыть характер творческой работы Есенина. Несомненный интерес с этой точки зрения представляет прежде всего первая строфа стихотворения, перед которой в тексте имеется начатая, но так и не получившая своего завершения и самим поэтом зачеркнутая строка: «... целуй меня...» Первоначальный набросок строфы:

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Глупый юноша, грустящий по зиме,
Эту жизнь живу я словно кстати,
Заодно с друзьями на земле, —

Есенин сразу же начинает править. Внося небольшое исправление в последнюю строку, которая вследствие этого приобрела более широкое звучание: «Заодно с другими на земле», поэт в то же время коренным образом переработал вторую строку — «Перстень счастья ищущий во мгле», хотя и новый ее вариант, существенно преобразивший ее общий смысл, очевидно, не во всем удовлетворил его; во всяком случае, в списке С. А. Толстой-Есениной строка читается иначе: «Синь очей утративший во мгле» (IV, 209).

Вторая и четвертая строфы не имеют в автографе каких-либо поправок и полностью соответствуют опубликованному по списку С. А. Толстой-Есениной варианту. Почти не имеет правки и третья строфа:

«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Небольшое исправление содержится здесь лишь в первой строке (первоначально в автографе было: «„Дорогая“, „милый мой“, „навек!“»), а также в несколько ином варианте дана вторая строка: «А в уме всегда одно и то ж». Но уже последующий текст подвергся столь значительной переработке, что мог бы стать, вероятно, предметом специального изучения, поскольку мы имеем здесь дело с многослойной авторской правкой, в ходе которой Есенин подчас вообще отбрасывал, а не просто лишь правил отдельные строки, затем то вновь восстанавливал их, то снова зачеркивал.

Это относится прежде всего к пятой строфе, первоначальный вариант первой строки которой: «Ты сама сдержать себя не в силах» — сразу же был отброшен (зачеркнут) поэтом. Записав ниже новый вариант этой строки: «И ничто сдержать тебя не в силах», — Есенин, однако, не стал продолжать его; еще ниже здесь находятся две другие строки, каждая из которых также зачеркнута автором:

Я не лучше прочих многих милых
Ты не краше многих дорог(их (?)).

Кроме того, все эти четыре строки снова перечеркнуты Есениным, который затем вновь обратился к работе над пятой строфой. Новый вариант ее первой строки: «Но, всегда ища себе родную» — теперь уже вполне удовлетворил поэта, и в дальнейшем он больше не возвращается к ней. Гораздо сложнее обстоит дело со второй строкой; ее окончательному тексту: «И томясь в неласковом плену» — в автографе и теперь предшествует несколько других вариантов, тщательно зачеркнутых Есениным и почти не поддающихся прочтению. Заключительные строки этой строфы также не сразу рождаются у поэта, хотя они и не потребовали большой доработки. В их первоначальный вариант:

Я тебя и в прошлом не ревную,
Как и в настоящем не кляню, —

поэт вносит лишь отдельные уточнения и исправления, сохраняя их общее звучание и смысл:

Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Еще более многослойна и в гораздо меньшей мере поддается расшифровке авторская правка в заключительной, шестой строфе, окончательному тексту которой здесь также предшествует несколько более ранних вариантов отдельных строк.

Одно из относительно недавних поступлений есенинских автографов в Пушкинский Дом — экспромт поэта «Из всякого сердца вынется. . .» (р. I, оп. 7, № 80), посвященный Клавдии Александровне Любимовой, дочери хорошо известного в прошлом художника Александра Михайловича Любимова, активного сотрудника ряда сатирических и театральных журналов предреволюционных лет, который, по определению К. И. Чуковского, «был одним из самых талантливых русских карикатуристов» и «одним из замечательнейших мастеров русского шаржа, которым русское искусство может гордиться».¹² Адресат экспромта не вызывает каких-либо сомнений, поскольку о нем достаточно определенно свидетельствует предваряющая автограф помета самого поэта; ее можно, очевидно, рассматривать и как заглавие стихотворения: «Клавдии Александровне Любимовой». Текст этого стихотворного экспромта, написанного в 1924 г. по случаю дня рождения его адресата, воспроизводится здесь впервые:

*Клавдии Александровне
Любимовой*

Из всякого сердца вынется
Какой-нибудь да привет.
Да здравствует именинница
На много лет!

Я знаю Вас очень недавно,
Клавдия Александровна,
Но жить Вам — богáтеть
Купеть да — мохнáтеть!

К следующему году —
Прибавок к роду.
А через два годы —
Детей, как ягоды!

Сергей Есенин.

С семьей Любимовых Есенин, очевидно, встречался во время пребывания в Тифлисе в 1924 г., где она тогда проживала, и публикуемый экспромт — первое и пока что единственное документальное свидетельство, устанавливающее самый факт такого знакомства поэта, которое, судя по всему, было кратковременным и не оставило сколько-нибудь заметного следа в творческой биографии поэта. Помимо этого автографа в Рукописном отделе Пушкинского Дома имеются фотографии самого А. М. Любимова конца 1920-х—начала 1930-х гг. (р. I, оп. 7, № 82) и фото-портрет К. А. Любимовой с дочерью 1924—1925 гг. (там же, № 83), а также уже цитированное выше письмо К. И. Чуковского К. А. Любимовой от декабря 1967 г. В свете этих фактов знакомство Есенина с семьей Любимовых при всей его мимолетности (возможно, только кажущейся из-за невыявленности соответствующих документальных источников) безусловно заслуживает внимания, и дальнейшие разыскания, быть может, еще позволят в будущем сделать здесь новые, более существенные и значительные открытия, шире и глубже характеризующие творческую биографию поэта этого периода.

Наконец, в середине 1986 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома поступил еще один есенинский документ — рукопись его стихотворения «Воздух прозрачный и синий. . .» (1925). Это беловой автограф с небольшой авторской правкой во 2-й строке (Поступления 1986 г., № 20а), в целом совпадающий с тем текстом, который печатается ныне в собрании сочинений поэта (I, 284—285).

3

Беловые и черновые автографы стихотворных произведений Есенина — основная по своему значению и в количественном отношении наиболее обширная, но в целом, конечно, далеко не единственная часть рукописного наследия поэта, хранящегося в архиве Пушкинского Дома, в различных фондах которого имеются и некоторые другие автографические материалы вдохновенного певца рязанских раздолей.

Автографы литературно-критических работ поэта почти отсутствуют в Пушкинском Доме. Здесь имеется всего лишь два таких материала. Это находящийся в архиве известного литературоведа и критика Л. М. Клейнборга (1875—1950), много сил и энергии отдавшего изучению писателей из народа и рабочей журналистики, небольшой фрагмент (отрывок рукописи с двойной пагинацией листа — «4» и «6») не сохранившегося полностью ответа Есенина

на проводимую Клейнбортом в 1915—1916 гг. в связи с подготовкой им книги о читателе из народа анкету о Горьком, Короленко, Л. Толстом и Гл. Успенском — «Когда я читаю Успенского. . .» (ф. 586, № 313), а также беловая рукопись известного литературного памфлета поэта «дама с лорнетом. Вроде письма. (На общеизвестное)» (р. I, оп. 7, № 52), написанного в 1924—1925 гг. на бланках ЦК Компартии Азербайджана. Оба текста хорошо известны и давно уже вошли в собрание сочинений поэта (V, 160, 215—218), поэтому нет необходимости детально останавливаться на них.

Почти столь же скупо представлены в Рукописном отделе Пушкинского Дома и инскрипты (дарственные надписи) Есенина, значение которых для изучения творческой биографии поэта трудно переоценить, поскольку, как это совершенно справедливо подчеркивала С. А. Толстая-Есенина еще в октябре 1940 г. в одном из писем Н. В. Хлебниковой, «некоторые дарственные посвящения, которые делал Есенин, очень содержательны, а иногда <имеющиеся в них> дата и место <написания> дают материал для каких-н<и>б<удь> сведений о жизни или писаниях» (р. I, оп. 33, № 50, л. 39).

В Рукописном отделе хранится всего несколько таких автографов.¹³ Два из них обращены к Николаю Клюеву. Первый — на подаренной Есенину Клюеву 30 марта 1916 г. фотографии: «Дорогой мой Коля! На долгие годы унесу любовь твою. Я знаю, что этот лик заставит меня плакать (как плачут на цветы) через много лет. Но это тоска будет не о минувшей юности, а по любви твоей, которая будет мне как старый друг. Твой Сережа. 1916 г. 30 марта П<е>т<роград>» (р. I, оп. 7, № 62, л. 1) — уже хорошо известен исследователям и не раз цитировался (как правило, в различных извлечениях) в их работах.¹⁴ Другой, несколько более поздний хронологически, поступил совсем недавно — в составе различных историко-литературных документов, переданных в Рукописный отдел из Литературного музея Пушкинского Дома. Гораздо более лаконичная по своему характеру, но не менее интересная надпись не датирована автором и, судя по неустойчивости написания, относится к концу 1918 г., когда декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. о введении новой орфографии еще только начинал осуществляться на практике, нередко приводя к очевидному смешению «нового» и «старого» правописания. Именно такой разнобой характерен для этого автографа, выполненного на листке форматом 16.6 × 13.1 см, являющемся, очевидно, вырванным по какой-либо причине форзацем одного из опубликованных в ту пору сборников произведений Есенина, — судя по совокупности внешних признаков, скорее всего, только что тогда увидевшего свет в возглавляемом самим поэтом книгоиздательстве «Московская Трудовая Артель Художников Слова» его сборника «революционных поэм» «Сельский часослов».¹⁵ Таковую датировку этого автографа вполне подтверждает, думается, и сам текст надписи: «Николаю Клюеву с грустью за его последние

стихи. С. Есенин» (Поступления 1985 г.), — со всей очевидностью отражающий те серьезные осложнения, которые наметились к этому времени во взаимоотношениях между поэтами.

В 1973 г. вместе с материалами архива фольклориста и этнографа Капитолины Васильевны Вяткиной (1892—1973) в Рукописный отдел поступил еще один, не публиковавшийся до тех пор инскрипт поэта. Надпись сделана на отпечатанном в 1920 г. в Харькове (в выходных данных, однако, помечено: «Москва») коллективном сборнике стихов С. Есенина, А. Мариенгофа и В. Хлебникова «Харчевня зорь» и также не имеет не только точной даты, но и четко обозначенного адресата: «Дорогому Алексею Павловичу с родной северной суровой нежностью, которая крепче и тяжелей южного винограда и кипарисов. С. Есенин» (ф. 742, оп. 2, № 44). Вероятнее всего, она обращена к много работавшему в ту пору над произведениями из крестьянской жизни известному советскому писателю А. П. Чапыгину (1870—1937), с которым поэт, несмотря на ощутимую разницу в возрасте, долгие годы связывали узы дружбы и дневниковые записи которого, частично хранящиеся в пушкинодомской части его архива (ф. 280, оп. 1, № 120), нередко содержат различные заслуживающие внимания сведения о поэте, позволяющие, в частности, установить некоторые новые (совсем не нашедшие отражения в каких-либо других источниках) факты об имевших место встречах Есенина с Чапыгиным и об участии поэта в ряде литературных вечеров.¹⁶

Особый интерес представляет выпущенный издательством «Злак» в 1920 г. сборник стихов Есенина «Трерядница», поступивший в Пушкинский Дом в начале 1986 г. от известного ленинградского историка журналистики и литературного критика А. Я. Гребенщикова и содержащий обращенный к его отцу, Я. П. Гребенщикову, инскрипт поэта: «Якову Петровичу, князю обезьяньему, с верой в слово русское и душу нашу русскую. — А все-таки лучше быть слепым и верить в дорогу к раю, чем исповедающим электричество, и видеть только живот и слушать песню кишков. С. Есенин. 1920, 10 окт (ября). Москва» (поступления 1986 г., № 9). О знакомстве Есенина с Я. П. Гребенщиковым до сих пор вообще не было ничего известно, в связи с чем эта интересная надпись поэта, приоткрывающая какие-то новые штрихи его биографии, заслуживает особо пристального внимания исследователей.

Помимо указанных материалов в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится также сборник поэта «Трерядница» (1921), подаренный Есениным в сентябре 1924 г. известному впоследствии литературоведу и критику В. А. Мануйлову (ф. 713). В воспоминаниях самого В. А. Мануйлова воспроизведен текст этой надписи и подробно рассказано об обстоятельствах, побудивших Есенина сделать ее и обусловивших ее особенности.¹⁷

Несколько более широко представлено в Рукописном отделе Пушкинского Дома эпистолярное наследие Есенина, значительная часть которого относится к предреволюционному периоду. Здесь

хранятся, в частности, его письма 1915 г. к А. М. Ремизову (ф. 256, оп. 1, № 88) и Д. В. Filosoфoвy (ф. 115, оп. 6, № 12). К 1916 г. относятся письма к М. В. Аверьянову (ф. 428, оп. 1, № 39), Л. Н. Андрееву (ф. 9, оп. 3, № 22), в Литературный фонд (ф. 155, Журнал Комитета Литературного фонда, 1916 г., № 30, л. 15), в Постоянную комиссию для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Академии наук (ф. 540, 1916 г., д. № 8, л. 2) и председателю этой комиссии академику Н. А. Котляревскому (там же, л. 1). В предоктябрьские же годы начинается переписка Есенина с Н. А. Клюевым и Р. В. Ивановым-Разумником, продолжавшаяся и после революции: в отделе хранятся четыре письма поэта Клюеву 1915—1922 гг. (р. I, оп. 7, № 61) и шесть — Иванову-Разумнику за тот же период (ф. 155, Журнал Комитета Литературного фонда, 1915 г., № 6, л. 40—41; ф. 79, оп. 1, № 262), одно из которых (без даты, относится к началу 1918 г.) сохранилось даже в двух вариантах — черновом, оказавшемся в архиве В. С. Миролюбова (ф. 185, оп. 1, № 1816), и белом, отправленном адресату (ф. 79, оп. 1, № 262, л. 4—5). К 1921 г. относится хранящееся в отделе письмо к С. Д. Балухатому (р. I, оп. 7, № 22), к 1924 г. — к издательским работникам Е. Я. Белицкому (там же, № 20) и О. М. Бескуну (там же, № 21), а также к организаторам литературного вечера поэта в Ленинграде, в здании Клуба Лассалья (там же, № 67), к 1925 г. — ряд записок к В. И. Эрлиху (там же, № 23, 27 и 28).

Помимо этих хорошо уже известных и давно вошедших в собрание сочинения поэта эпистолярных материалов в Рукописном отделе хранится еще один документ, не попавший пока что в поле зрения исследователей: копия записки Есенина организатору первого литературного вечера поэта по возвращении его из зарубежной поездки в августе 1923 г. А. К. Алексееву от 14 января 1924 г. (р. I, оп. 7, № 63). Оригинал был предложен Рукописному отделу в декабре 1955 г. его тогдашним владельцем, сомневающимся в подлинности автографа («Очень рад, — писал он 6 января 1956 г. заведующему Рукописным отделом Пушкинского Дома проф. Б. В. Томашевскому, — что записка, посланная Вам, оказалась подлинным автографом С. А. Есенина. Что же касается денежной части вопроса, то он меня очень мало интересовал, поэтому никаких возражений против его оценки у меня нет» — делопроизводственный архив Рукописного отдела ИРЛИ), однако по не вполне ясным причинам покупка тогда не состоялась — 10 февраля 1956 г. автограф был возвращен владельцу, который разрешил снять с него машинописную копию. За прошедшие с тех пор три десятилетия эта записка Есенина так и не появилась в печати, ее современное местонахождение также неизвестно, что побуждает вновь обратиться к снятой с нее в свое время копии.

Как удалось установить, рассматриваемая записка Есенина является ответом на датированное тем же днем, 14 января 1924 г., письмо к нему самого А. К. Алексеева, которое хранится среди

других документов есенинского фонда в отделе рукописей Государственного Литературного музея в Москве:

«Уважаемый Сергей Александрович!

Будьте настолько добры сообщить запиской, найдете ли Вы возможным выступить на вечере вместе с Д. Бедным и Маяковским или только вдвоем с Маяковским.

Если указанный состав Вас не удовлетворяет, то согласны ли Вы на Ваш самостоятельный вечер. О форме необходимо поговорить.

Вечер предполагается в 20-х числах (22-го) января.

Когда и где я могу Вас видеть?

Организатор Вашего 1-го вечера

А. Алексеев.¹⁸

Таким образом, уже при первом сопоставлении письма А. К. Алексеева и ответной записки к нему Есенина обращает на себя внимание, что оба документа самими авторами датированы одним и тем же числом. Однако здесь нет какой-либо ошибки и объясняется это очень просто. Есенин был в ту пору не совсем здоров и находился в больнице, куда А. К. Алексеев передал свое письмо и сразу же получил ответ на него. Выражая принципиальное согласие на устройство литературного вечера с его участием, Есенин в то же время счел предложенные А. К. Алексеевым варианты такого вечера не вполне подходящими, о чем со свойственной ему прямоотой и написал в своей записке:

«Тов. Алексеев.

Самостоятельный вечер я готов устроить. Но вдвоем с кем-либо считаю неудобным по направлению.

Приветствую и жму руку.

С. Есенин.

14 янв(аря) 1924.

(Р. С.) А если групповой, то было бы лучше. *С. Е.*».

При всей своей предельной лаконичности и заметно бросающейся в глаза суховатой сдержанности, эта записка все же представляет несомненный интерес. Отдавая явное предпочтение («было бы лучше») коллективному вечеру широкого круга различных поэтов, тем более что именно такого типа литературные вечера наиболее часто организовывались в ту пору и пользовались успехом у слушателей, хотя и допуская при этом возможность своего индивидуального вечера, Есенин, однако, вполне определенно отказывается выступать только «вдвоем с кем-либо» из числа упомянутых А. К. Алексеевым поэтов, избирая, впрочем, достаточно деликатную формулировку для выражения своего несогласия. В полной мере понять и достойно оценить столь очевидно проявляющуюся в данном случае тактичность поэта по отноше-

нию к собратьям по перу можно, лишь хорошо зная всю сложность личных и творческих взаимоотношений Есенина с Маяковским и в особенности с Д. Бедным, который незадолго до того, в декабре 1923 г., резко обрушился на поэта, целиком поверив клеветнической статье известного журналиста тех лет Л. Сосновского «Испорченный праздник» («Рабочая Москва». 1923. 22 ноября), обычно обвинявшей Есенина и его ближайших друзей в антисемитизме и представившей их как отпетых хулиганов, устроивших, дескать, пьяный дебош (состоявшийся затем суд единогласно снял с них эти необоснованные обвинения).¹⁹ С учетом этих обстоятельств, столь деликатная формулировка Есенина говорит, конечно, о многом и заслуживает особого внимания.

К сожалению, продолжавшаяся болезнь поэта так и не позволила А. К. Алексееву довести начатое дело до конца. Наступившие же затем, в связи с кончиной В. И. Ленина, траурные дни и вообще, разумеется, сняли с повестки дня вопрос об устройстве планировавшегося литературного вечера.

Наконец, следует отметить хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома деловые бумаги и документы Есенина. Автографов поэта среди них немного. Это, во-первых, запродажная от 16 ноября 1915 г. на издание М. В. Аверьяновым первого сборника стихов Есенина «Радуница» (ф. 428, № 177, л. 1), а также две расписки его в получении аванса «в счет гонорара» за этот сборник в сумме 25 рублей (там же, л. 2) и 50 экземпляров «Радуницы» и сборника стихов Н. Клюева «Мирские думы» (там же, л. 3), полные тексты которых давно уже опубликованы и вошли в собрание сочинений Есенина (VI, 68, 268). В равной мере заслуживают внимания и сохранившиеся в архиве Р. В. Иванова-Разумника две другие расписки поэта, данные им книгоиздательству «Скифы» («Революционный социализм»), тексты которых менее известны. Они составлены издательским работником и только подписаны поэтом (его автографы выделены курсивом): «Получил в счет аванса 120 рублей (сто двадцать). *Сергей Есенин* (ф. 79, оп. 4, № 95, л. 35) и «Двести рублей в счет гонорара за „Голубень“ получил 21 февраля 1918 г. *Получил Сергей Есенин*» (там же, л. 40).

Из имеющихся в фонде Р. В. Иванова-Разумника разрозненных материалов архива книгоиздательства «Скифы» видно, что Есенин по меньшей мере еще дважды получал здесь гонорар за публикацию своих произведений: 16 августа 1917 г. ему было выдано 116 рублей, а 11 декабря того же года — 400 рублей (ф. 79, оп. 4, № 95, л. 4—4, об.), однако расписки поэта о получении этих денег не сохранились. В архиве имеется лишь еще расписка жены поэта, З. Н. Райх, которая 13 января 1918 г. получила здесь 90 руб. 50 коп. — «гонорар за стихи С. Есенина во 2-м сборнике „Скифы“» (там же, л. 33).

Три расписки Есенина имеются также в хранящейся в фонде В. С. Миролюбова книге выдачи гонораров «Ежемесячного журнала»: 31 марта 1916 г. он получил здесь 30 рублей, 29 декабря

того же года — 43 руб. 20 коп., а 23 февраля 1917 г. — еще 25 руб. 20 коп. (ф. 185, оп. 1, № 1339, л. 48; см. также: там же, № 1356, л. 54, 127; № 1357, л. 37). Среди них особый интерес для биографов поэта представляет последняя расписка, поскольку в совокупности с другими документами, в том числе и из архива «Ежемесячного журнала», она позволяет во многом уточнить связанный с обстоятельствами службы поэта в армии накануне и во время февральской революции и до сих пор получающий весьма противоречивую интерпретацию в трудах исследователей один из наиболее сложных эпизодов биографии Есенина, который отмечал в этой связи в своей автобиографии: «Революция застала меня на фронте, в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что отказался написать стихи в честь царя» (V, 224). Давно уже документально установив, что такой отказ Есенина «написать стихи в честь царя» действительно имел место, исследователи в то же время принципиально различно решают вопрос о том, где именно на самом деле — на фронте, в Петрограде или же по месту прохождения военной службы, т. е. в Царском Селе, — поэт встретил события февральской революции, и данная расписка его, как представляется, дает возможность значительно точнее и определеннее решить этот непростой вопрос.²⁰

4

Помимо указанных автографов самого Есенина, а также ряда копий различных его текстов (автобиографий, писем и т. д.), подробно останавливаясь на которых, очевидно, нет особой необходимости, поскольку, кроме отмеченной выше копии записки поэта к А. К. Алексееву от 14 января 1924 г., среди них практически отсутствуют такие, которые добавляли бы что-либо принципиально новое к хорошо известным исследователям их оригиналам (находящимся в других архивохранилищах), в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится значительное количество весьма разнообразных документов, обладающих различной степенью информативности и, естественно, крайне неравнозначных по своей относительной ценности, которые в целом можно было бы охарактеризовать как материалы к биографии поэта, в той или иной мере способствующие более полному и глубокому освещению ее отдельных периодов и аспектов.

Впрочем, собственно биографических документов Есенина здесь немного. В большинстве своем это материалы более широкого характера, лишь содержащие различные сведения, прямо или косвенно устанавливающие либо уточняющие отдельные факты творческой биографии поэта. Среди таких документов следует отметить прежде всего уже известные биографам поэта, но полностью еще не публиковавшиеся две рекомендательные записки Сергея Городецкого от 11 марта 1915 г. знакомым ему редакторам и издателям, в которых он представлял только что появившегося в Петрограде Есенина, в свою очередь двумя днями

раньше направленного к нему Александром Блоком. Одна из них адресована уже упоминавшемуся выше редактору-издателю «Ежемесячного журнала» В. С. Миролюбову: «Дорогой Виктор Сергеевич. Приласкайте молодой талант *Сергея Александровича Есенина*. В кармане у него рубль, а в душе богатство. Посылаю и свое стихотворение, — м(ожет) быть, понравится Вам (. . .) Если можно, оплатите по рукописи стихи Есенину» (ф. 185, оп. 1, № 442, л. 1). Другая обращена к известному в свое время книгоиздателю и критику С. Ф. Либровичу (1855—1918) — выступавшему и под своим именем, и под различными псевдонимами («Виктор Русаков», «Лукиан Сильный», «С. Доротин» и др.), плодovитому автору весьма многочисленных исторических, историко-художественных, литературно-критических и искусствоведческих, мемуарных, беллетристических и т. д. сочинений о Петре I, Димитрии Самозванце, Пушкине, Мицкевиче, Горьком, А. Толстом, Л. Бернштаме и др., среди которых едва ли не наиболее скандальную известность приобрела вышедшая в начале века его книга «Нерусская кровь в русских писателях». Он подготовил также ряд медицинских, естественнонаучных и иных работ популяризаторского характера на русском, французском, немецком и польском языках и обладал в целом немалыми возможностями для оказания помощи начинающим писателям. «Дорогой Сигизмунд Феликсович. Направляю к Вам Сергея Есенина — наш новый юный талант. Надеюсь, Вы примите его стихи и оплатите по рукописи, и прилично. Ему нужна поддержка. . .» — писал Городецкий (ф. 123, оп. 2, № 284).

Как хорошо известно, благосклонное внимание Александра Блока, с удовлетворением отметившего «свежие, чистые, голосистые» стихи Есенина,²¹ и подобные рекомендательные записки во многом облегчили вхождение молодого поэта в литературную жизнь столицы: «Стихи у меня в Питере, — с гордостью писал он в этой связи Н. Ключеву 24 апреля 1915 г., — прошли успешно. Из 60 принято 51. Взяли „Северные записки“, „Русская мысль“, „Ежемесячный журнал“ и др.» (VI, 59). Однако, как о том свидетельствуют документы, в том числе хранящиеся и в Рукописном отделе Пушкинского Дома, содержащаяся в этих записках С. Городецкого просьба незамедлительно («по рукописи») оплатить стихи Есенина все-таки удовлетворялась далеко не в каждом случае. В частности, материалы архива редакции «Ежемесячного журнала» убеждают в том, что, приветливо встретив поэта 12 марта 1915 г. и приняв его стихи вместе с упомянутым в цитированной записке стихотворением самого С. Городецкого «Арктур» (см. ф. 185, оп. 1, № 1345, л. 61, об.—62), В. С. Миролюбов, например, вопреки просьбе, не оплатил их сразу же по получении: единственной, так сказать, поблажкой по отношению к Есенину стало лишь отданное им указание оформить ему авансом подписку на «Ежемесячный журнал» до конца 1915 г. (в счет будущего гонорара), которая вскоре, 28 апреля, и была оформлена (см. там же, № 1339, л. 48).

Ряд интересных материалов об участии Есенина в работе возникшего в 1915 г. в Петрограде литературного общества «Страда» хранится в архиве председателя этого общества, известного в свое время поэта, прозаика и журналиста И. И. Ясинского, который уже в ту пору исключительно высоко оценивал поэзию Есенина, акцентируя в своих статьях и выступлениях «благотворное значение Клюева и Есенина для всей современной русской поэзии» (ф. 352, оп. 1, № 444, л. 13), а позднее усматривал одну из основных заслуг возглавляемой им «Страды» в том, что она «дала возможность Есенину в ряде выступлений и критических бесед о нем выработаться и технически развернуться таланту этого гениального юноши. . .» (там же, № 750, л. 2).

Не является, разумеется, каким-либо биографическим документом поэта в строгом смысле этого слова, но представляет несомненный интерес и документально устанавливает весьма примечательный факт творческой биографии Есенина периода революции и гражданской войны хранящаяся в архиве Р. В. Иванова-Разумника газетная вырезка с публикацией поэмы Александра Блока «Двенадцать», в печатный текст которой самим Блоком внесены некоторые исправления и уточнения отдельных строк. К одной из таких авторских поправок в начальной строфе девятой главки:

Не слышно шуму городского,
Над старой башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина! —

в которой поэт исправил вторую строку, придав ей бóльшую конкретность: «Над Невской башней тишина», — Р. В. Ивановым-Разумником сделано примечание, раскрывающее источник этой авторской правки: «По совету С. Есенина» (ф. 79, оп. 4, № 14).

Если же имеет в виду собственно биографические документы поэта, то следует отметить, что в делах Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (ф. 491, № 6) сохранилась копия (отпуск) полученного Есениным 18 апреля 1924 г. удостоверения, выданного ему, очевидно, в связи с предполагаемым участием его в проводимых в это время в Ленинграде по линии Всероссийского союза поэтов культурно-просветительных либо каких-то иных мероприятиях:

«Удостоверение

Правление Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов настоящим удостоверяет, что предьявитель сего Сергей Александрович Есенин является членом Всероссийского союза поэтов.

Действительно по 18 мая 1924 г.

Тов. председателя
Ленинградского отдела ВСП
Секретарь

*Н. Тихонов
Шмерельсон.*

В архиве известного в свое время ленинградского поэта-имажиниста Б. Г. Шмерельсона (1901—1943?), который наряду с Николаем Тихоновым подписал это удостоверение, сохранились некоторые другие документы и материалы о Есенине. Помимо большого числа газетно-журнальных вырезок с публикациями произведений поэта и литературы о нем, в большинстве своем относящихся к концу 1925-го—началу 1926 г. (ф. 699, № 114—118, 120—122, 124, 126—129, 131—138, 140—142), и подборки различных афиш литературных вечеров с участием Есенина (ф. 699, № 23), среди которых находим и листовку московских имажинистов (отпечатана типографским способом), призывавшую устроить 12 июня 1921 г. на Театральной площади в Москве «всеобщую мобилизацию» (т. е. демонстрацию) всех «друзей действующего искусства» (там же, л. 1),²² здесь имеется, например, шуточная «расписка» (автограф) заведующего Ленинградским отделением Госиздата И. И. Ионова: «Даю разрешение С. Есенину продать любому издателю все, что им продано Ленгизу. Ионов. 4 VII — 24 г.» (ф. 699, № 125). Отправленная 18 июля 1924 г. из Детского Села на ленинградский адрес друга поэта А. М. Сахарова («Гагаринская, 1, кв. 12, Сахарова. Поэту Есенину»), в квартире которого проживал тогда Есенин, телеграмма: «Вторая санатория Дома ученых сердечно поздравляет дорогого именинника, шлет наилучшие пожелания. Королева» (там же, № 130) — документально подтверждает мемуарное свидетельство Вс. Рождественского о поездке «в середине лета 1924 года» Есенина в Детское Село, где он выступал с чтением стихов по приглашению санатория научных работников.²³ Очевидно, к этому же времени относится и хранящаяся здесь машинопись поэмы Есенина «Сельский часослов», на последнем листе которой имеется владельческая запись: «Получил от С. Есенина в 1924 г. в Ленинграде. Гр. Шмерельсон» (там же, № 119, л. 5). О том, что у Б. Г. Шмерельсона в свое время имелись и подлинные рукописи Есенина, свидетельствует сохранившаяся в его архиве расписка ленинградского поэта и автора известной мемуарной книги о Есенине «Право на песнь» (Л., 1930) В. И. Эрлиха: «Расписка. Дана в получении мною рукописи С. Есенина „Пугачев“ от Гр. Б. Шмерельсона. 3 I — 26. Л(е)н(ин)г(ра)д. В. Эрлих» (там же, № 143).

Не располагая более какими-либо собственно биографическими материалами о Есенине и тем более документами, являющимися прежде всего принадлежностью его личного архива, Рукописный отдел Пушкинского Дома, как отмечалось выше, хранит немало документов более общего характера, в той или иной мере уточняющих и конкретизирующих различные факты и эпизоды прежде всего творческой биографии поэта. Говоря о них, следует в первую очередь обратить внимание на хранящиеся в уже упоминавшемся архиве В. С. Миролюбова материалы (документы редакции «Ежемесячного журнала», записные книжки самого В. С. Миролюбова и т. д.), заслуживающие значительно более

пристального, чем это обычно имеет место, внимания исследователей, которые, как правило, обращаются главным образом лишь к «Книге регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“».

Книга эта действительно представляет несомненный интерес. И тем, что именно из нее мы узнаем о существовании двух либо ныне вообще утраченных, либо еще в ту пору до неузнаваемости переделанных и переименованных произведений поэта — «Галки» и «Белые, скользкие тропы...», поступивших в редакцию журнала соответственно 12 марта 1915 г. и 25 февраля 1917 г. (ф. 185, оп. 1, № 1345, л. 61, об., 160, об.). И тем, что с предельной документальной точностью зафиксированное в этой книге время поступления в редакцию рукописей других есенинских стихотворений в ряде случаев во многом помогает уточнить датировку этих произведений поэта, либо вовсе затем по каким-то причинам так и не публиковавшихся в «Ежемесячном журнале», как то произошло, например, со стихотворениями «Вечер» (вероятно, стихотворение «На лазоревые ткани...»), «Жгемь» («Мечта») и «Голубень», поступившими в редакцию соответственно 16 января 1915 г. и 18 января 1917 г. (там же, л. 53, об., 138, об.—139 и 155, об.), либо подчас с большим опозданием появлявшихся на страницах журнала. Так, например, выясняется, что лишь стихотворение «За горами, за желтыми долами...» было сразу же послано в типографию (поступило 3 апреля 1916 г. — там же, л. 117, об.) и напечатано в апрельском же номере «Ежемесячного журнала» за этот же год. В некоторых других случаях разрыв между временем поступления произведения в редакцию и его публикацией в журнале также почти незаметен: стихотворения «Девичник» и «День ушел, убавилась черта...», поступившие 27 апреля 1915 г. и 16 августа 1916 г. (там же, л. 70, об., 135, об.), вскоре после этого и были напечатаны в «Ежемесячном журнале» (1915. № 6; 1916. № 11). Но уже, скажем, стихотворение «Белая свитка и алый кушак...», поступившее 1 сентября 1915 г. (ф. 185, оп. 1, № 1345, л. 85, об.), появилось в журнале только в майском номере (№ 5) следующего года, пролежав, следовательно, без всякого движения в редакции почти девять месяцев.²⁴ Около пяти месяцев находилась в редакции и опубликованная в декабрьском (12-м) номере за 1916 г. есенинская «сказка для детей» «Исус-младенец», поступившая в «Ежемесячный журнал» 29 июля 1916 г. (там же, л. 133, об.). Однако в данном случае эта задержка вполне объяснима: поэт, как известно, первоначально предполагал выпустить «сказку» отдельным изданием, в связи с чем еще 13 июля 1916 г. представил эти стихи, как отмечают комментаторы собрания его сочинений, «в Петроградский комитет по делам печати, где в тот же день они были запрещены к публикации духовной цензурой» (VI, 437), и только после этого предложил уже не разрешенное к печати произведение «Ежемесячному журналу», на страницах которого через некоторое время оно и увидело свет.

Наряду с «Книгой регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“», столь же тщательного изучения требуют, несомненно, и многие другие материалы этого неплохо в целом сохранившегося архива, вплоть до приходо-расходных журналов конторы редакции, а также дневников и записных книжек В. С. Миролюбова, в которых находим немало различных упоминаний о Есенине, до сих пор не привлекавших должного внимания исследователей. Так, уже в 1915 г., составляя списки лиц для предварительного оповещения о предстоящих вечерах «Ежемесячного журнала», которые по традиции регулярно устраивались в помещении редакции, В. С. Миролюбов каждый раз непременно включал в них — наряду с Вяч. Шишковым, А. Чапыгиным, Л. Андреевым, Ф. Сологубом, С. Городецким, Е. Замятиным, С. Подъячевым и другими известными писателями — и Есенина (ф. 185, оп. 1, № 27, «День за днем. 1914», л. 158, 158, об., 164, об., 165 и др.). Анализ другой записной книжки В. С. Миролюбова позволяет сделать предположение о том, что в ряде случаев отдельные произведения Есенина не были опубликованы в «Ежемесячном журнале» — очевидно, по не зависящим от редакции причинам — подобно тому, как то подчас происходило тогда и в других журналах, например в горьковской «Летописи», о чем, в частности, свидетельствует письмо самого Горького И. А. Бунину от 24 февраля 1916 г.: «Вчера цензор зарезал длинное и недурное стихотворение Есенина „Марфа Посадница“, назначенное в февраль. . .»²⁵ Так, судя по этой записной книжке, редакция «Ежемесячного журнала» намеревалась печатать стихотворения или какие-либо другие произведения Есенина в феврале 1916 г.: фамилия поэта упомянута В. С. Миролюбовым в списке других авторов под общей рубрикой «Содержание 2го №» (ф. 185, оп. 1, № 27, «День за днем. 1916», л. 19—19, об.), однако ни во втором, ни в третьем номерах журнала за этот год произведения Есенина так и не появились. Что именно предполагалось поместить в февральском номере — установить теперь уже очень трудно; в четвертом номере «Ежемесячного журнала» за 1916 г. было опубликовано стихотворение поэта «За горами, за желтыми долами. . .», однако оно никак не могло готовиться для февральского номера, поскольку, как уже отмечалось выше, поступило в редакцию лишь 3 апреля 1916 г.

В записных книжках В. С. Миролюбова находим, кроме того, запись не встречающегося более ни в каких иных источниках петроградского адреса поэта той поры, приоткрывающую, таким образом, новое направление поисков при изучении его биографии тех лет: «Есенин Серг. Александр. — Казацк(ий) пер., д(ом) Бахрушина, кв. 208» (ф. 185, оп. 1, № 34, записная книжка № 4, л. 12), а также ряд кратких заметок о встречах с Есениным уже после Октября, в Москве. «Слушал споры имажистов», — отмечал, например, В. С. Миролюбов 2 марта 1919 г., фиксируя далее свои впечатления об этом литературном вечере только что образовавших тогда свою особую группу поэтов-имажинистов,

само название объединения которых, вероятно, еще не успело обрести терминологической четкости и устойчивости, чем, видимо, и объясняется допущенная здесь неточность в ее обозначении. Только из этих лаконичных записей мы впервые узнаем о том, что 2 марта 1919 г. состоялся такой литературный вечер, ставший едва ли не самым первым публичным выступлением имажинистов, лишь незадолго до того (30 января 1919 г. — в Воронеже, а через несколько дней, 10 февраля — в Москве) обнародовавших «программную» декларацию о создании своей группы, благодаря участию Есенина вскоре получившей достаточно широкую известность. «Волнуется, ищут», — подчеркивал В. С. Миролюбов, говоря об участниках вечера, среди которых ему особенно понравился временно тогда примыкавший к имажинистам, но затем довольно скоро отошедший от них Николай Колоколов («скромен и приятен», — записано о нем). И далее, уже о выступлении самого поэта: «Есенин так прокричал свое стихотв(орение) „Пантократор“, что я нич(его) не понял. Сильный крик. Так нельзя „читать“...» (ф. 185, оп. 1, № 6, л. 11 об.).

В равной мере заслуживают пристального внимания содержащиеся в дневниках и записных книжках В. С. Миролюбова все другие — и достаточно многочисленные — упоминания имени Есенина по различным поводам (ф. 185, оп. 1, № 6, л. 10, об., 50, об., 111; № 27, «День за днем. 1916», л. 19, об., 93; № 28, записная книжка № 3, л. 25; № 34, записная книжка № 4, л. 16, и др.), детальное изучение и всестороннее осмысление которых вне всяких сомнений будет способствовать более полному и глубокому освещению творческой биографии поэта. Не меньшего внимания с этой точки зрения заслуживают, наконец, и широко представленные в фонде В. С. Миролюбова собственно редакционно-издательские документы «Ежемесячного журнала», вплоть до приходо-расходных книг конторы редакции и другой делопроизводственной документации 1915—1917 гг., где также не раз встречается имя Есенина (там же, № 1338, л. 24—26, 31, 32; № 1340, л. 93; № 1356, л. 54, 177; № 1357, л. 37, и др.). Несмотря на возникавшие подчас между ним и сотрудниками редакции разногласия в оценке его произведений, поэт все-таки всегда становился выше личных обид и не порывал дружеских отношений с журналом: уже после Октябрьской революции, 17 ноября (1 декабря по новому стилю) 1917 г. он в очередной и последний раз оформил — в счет гонорара — дальнейшую подписку на «Ежемесячный журнал» (там же, № 1357, л. 143, об.—144), который, однако, вскоре перестал издаваться. Небезынтересно отметить при этом, что, судя по сохранившейся документации, его, так сказать, положение и авторитет в редакции все более и более укреплялись: если в 1915—1916 гг. стихотворения поэта оплачивались здесь из расчета по 30 копеек за строку (там же, № 1338, л. 24—26), то в 1917 г. ему платили уже по 50 копеек (там же, л. 31—32) — наравне с такими признанными мастерами

стиха, как Блок, Бунин, Брюсов, Бальмонт и др., что также говорит о многом и является своеобразным отражением и свидетельством неизменно возрастающего общественного признания таланта и мастерства поэта.

5

Значительный объем разнообразной информации о Есенине содержит хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома переписка его современников, хотя материалы эти подчас крайне противоречивы и отличаются особенной сложностью, поскольку нередко несут на себе зримый отпечаток ничем не сдерживаемых (по причине интимного характера такого рода документов) авторских симпатий и антипатий, доверительно выражая которые в отнюдь не рассчитанном для обнародования частном письме, автор, естественно в таких случаях, прежде всего озабочен не столько опасением задеть самолюбие обсуждаемых третьих лиц, сколько желанием выразить о них свое субъективное мнение, «выплеснуть» (используя удачное выражение самого Есенина) в слова все наболевшее в душе, мало заботясь при этом о форме выражения своих чувств. Все это, разумеется, побуждает с особой осторожностью подходить к подобным документам, отделяя в них главное от второстепенного, наносного и случайного, обусловленного какими-либо мелочными обидами и тем более досадными недоразумениями.

Хотя такого рода письма современников о поэте и имеются в Рукописном отделе Пушкинского Дома (несколько ниже о них еще будет сказано более подробно), однако в целом хранящаяся здесь эпистолярная есениниана ими далеко, конечно, не исчерпывается, поскольку наряду с ними немало находится и таких писем, которые имеют принципиально иной характер и ценны прежде всего содержащимися в них фактическими сведениями, в той или иной мере помогающими уточнить отдельные страницы творческой биографии поэта и полнее охарактеризовать сложную, недостаточно еще изученную исследователями картину восприятия Есенина и его творчества как хорошо известными литераторами той эпохи, так и его рядовыми читателями-современниками. С этой точки зрения заслуживают, например, пристального внимания письма Г. А. Бениславской Вольфу Эрлиху 1924—1926 гг. (ф. 697, № 27),²⁶ а также письма ему же С. А. Толстой-Есениной от 26 июля 1925 г. с припиской самого Есенина (там же, № 47; опубликовано в собрании сочинений поэта: VI, 192—193) и сестры поэта А. А. Есениной-Ильиной от 20 декабря 1926 г. (р. I, оп. 7, № 24).

Определенный интерес представляют и хранящиеся в архиве Максимилиана Волошина письма его парижского друга и книгоиздателя М. О. Цетлина (1882—1946), опубликовавшего вторую книгу стихов Волошина «Anno Mundi Ardentis» (М., 1916). Адресованные самому Волошину, они позволяют несколько уточнить

историю появления произведений Есенина в выпущенном издательством М. О. Цетлина «Зерна» коллективном сборнике стихов «Весенний салон поэтов» (М., 1918); история эта отчасти уже привлекла внимание исследователей после публикации в 1977 г. фрагмента письма Волошина Цетлину от 16 октября 1916 г., в котором поэт откликнулся на сообщение своего парижского друга о принятом решении возобновить работу по подготовке к печати книг в возглавляемом им издательстве: «Сейчас же, — отвечал ему Волошин, — написал Марине Цветаевой в Москву, чтобы она выслала тебе рукописи своих обеих книг стихов и чтобы написала Есенину, т(ак) к(ак) я с ним не знаком и не знаю, где он, а она с ним хороша».²⁷

Судя по сохранившимся письмам М. О. Цетлина, первоначально он предполагал организовать выпуск в своем издательстве целой серии ежегодно выходящих в свет сборников стихов антологического типа, помочь в сборе материалов для которых он и просил Волошина. Однако довольно быстро издатель решил отказаться от этого замысла. «Организовать ежегодную антологию, как мы предполагали, — писал он Волошину 28 декабря 1916 г., — теперь уже поздно. Я думаю издать просто сборник уже бывших в печати стихотв(орений). К сожалению, я не имею многих сборников. Не знаю также, писать ли предисловие с кратким обзором сборников (. . .) Не знаю, перепечатывать ли бывшие в журналах и сборниках». И далее, уже непосредственно откликаясь на процитированные выше строки из письма Волошина: «Я еще не получил стихов М. Цветаевой, очень им (буду) рад. Есенин меня немного разочаровал, когда я перечел его книжку. Все же он милей мне других поэтов этого рода. Некоторая „сусальность“, я думаю, у него пройдет» (ф. 562, оп. 3, № 1261, л. 38—38, об.). В следующем письме, от 4 февраля 1917 г., он вновь отмечал в этой связи: «Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что почитала М. Цветаева, мне мало нравится: длинно, приблизительно внешне, импровизация „Соп брио“!²⁸ И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищами Клычковым и прочими „рыбками“» (там же, л. 43, об.—44).

К сожалению, в других сохранившихся в архиве Волошина письмах Цетлина больше нет каких-либо упоминаний о подготовке задуманного им сборника, вышедшего в свет весной 1918 г. под заглавием «Салон поэтов весенний первый» и вскоре переизданного под заглавием «Весенний салон поэтов», так что не вполне ясно, прислал ли, наконец, Есенин свои стихи для этого сборника или же они были воспроизведены там по уже имевшимся, более ранним их публикациям.

Безусловно заслуживает внимания хранящаяся в архиве Р. В. Иванова-Разумника сравнительно большая, но очень разрозненная подборка копий писем к нему Андрея Белого, во многих из которых содержатся различные высказывания о Есе-

нине и его произведениях. Так, например, делясь своими впечатлениями о подготовленном главным образом Ивановым-Разумником первом выпуске сборника «Скифы» (Пг., 1917), А. Белый писал ему 28 августа 1917 г.: «„Скифы“ мне очень нравятся; „Марфа Посадница“ (поэма Есенина. — В. Б.) порадовала особенно» (ф. 79, оп. 3, № 81, л. 33). В одном из следующих его писем, от 17 января 1918 г., вновь встречаем упоминания о Есенине, хотя и в очень своеобразном контексте. «Мне, — отмечает здесь А. Белый, — выражают недоумение: как это я оказался среди левых эсеров. Чисто внешне мне было бы слегка конфузно оказаться среди чисто партийной газеты («Знамя труда». — В. Б.) *одному* (беспартийному *декаденту*); на это я, конечно, не обратил бы внимание; но и в этом пункте участие Блока, Клюева, Есенина, Ремизова, Чапыгина меня радует; с удовольствием буду сотрудничать там». И далее, уже о самом поэте: «Если увидите Есенина, поблагодарите его еще раз за поэму, посвященную мне («Пришествие». — В. Б.); она мне очень понравилась, и я часто ее перечитываю» (там же, л. 52—54). Еще позднее, 23 сентября 1918 г., сообщая Иванову-Разумнику московские новости, А. Белый уже гораздо сдержаннее писал о поэте: «Здесь сейчас Есенин; он, кажется, ждет Н. А. Клюева в Москву. Что-то Есенин мне по линии своего литературного поведения не очень нравится: уж очень практичен он. . .» (там же, л. 64). Наконец, не лишенный определенного интереса рассказ о встрече с поэтом находим и в письме А. Белого от 11 марта 1925 г.: «Сегодня (. . .) зашел к Пильняку (. . .) Пильняку звонят: „Кто?“ — „Есенин“. — „Приходи, у меня Б<орис> Н<иколаевич>“. Думаю: „Вот некстати, надо же бежать. . .“ Пильняк — мне: „Оставайся: Есенин едет к тебе“. Явился Есенин — с 4-мя бутылками под мышкой, заставил пить вино (не люблю вина: пил насильно); все думал, как бы удрать (уже 7 часов); вдруг Пильняк на 2 часа уезжает по делу и насильно меня оставляет с Есениным; уйти невозможно; думаю: „Вот так попался. . .“. С Есениным происходит разговор; он рассказывает мне о своих берлинских встречах с Асей, о которых я даже не знал; и, не подозревая, дает мне ответ на мои безрезультатные домыслы накануне об Асе» (там же, л. 92).

Во многом интересно хранящееся в архиве В. С. Миролубова письмо Александра Ширяевца к нему от 10 марта 1916 г. (ф. 185, оп. 1, № 1265, л. 15; частично оно уже публиковалось в 1962 г. в статье В. Ф. Земскова и Н. И. Хомчук «Есенин и Ширяевец») ²⁹ с крайне резкими выпадами против А. Блока, который незадолго до того не смог принять самого А. Ширяевца, а еще раньше — С. Клычкова. «Один только Есенин попал к нему, да и то обманном путем», — с явным раздражением отмечает здесь А. Ширяевец, ссылаясь при этом на циркулирующие среди петроградских литераторов слухи, лишенные в данном случае даже видимости правдоподобия, поскольку, как хорошо известно, Есенин уже 9 марта 1915 г., в первый же день своего пребыва-

ния в столице, был принят Блоком, который исключительно высоко оценил его произведения и направил поэта, наряду с Михаилом Мурашовым, к Сергею Городецкому, в свою очередь 11 марта того же года давшему Есенину, как уже отмечалось выше, ряд рекомендательных записок, значительно облегчивших вхождение молодого поэта в литературную жизнь столицы. Так что информация А. Ширяевца в данном случае по меньшей мере не совсем точна.

Не останавливаясь детально на других материалах переписки В. С. Миролюбова, в архиве которого хранится, например, письмо к нему С. А. Толстой-Есениной 1926—1927 гг. (ф. 185, оп. 1, № 5236) и ряд других заслуживающих внимания эпистолярных документов, следует, однако, отметить еще письма к В. С. Миролюбову Николая Ключева (там же, № 617): они во многом уточняют и дополняют крайне сложную картину непростых взаимоотношений Есенина с Ключевым, «дружба-вражда» которых все в большей мере привлекает сегодня внимание исследователей, поскольку тщательное изучение и глубокое осмысление ее имеет принципиально важное значение не только для более детальной характеристики творческих биографий обоих поэтов, но и для правильного понимания ряда общих проблем истории ранней советской поэзии и литературы в целом, не утративших своей актуальности, судя по некоторым современным дискуссиям, и в наши дни.

Впервые имя Есенина появляется в письме от 22 июля 1915 г. «Журнал получаю и восхищаюсь им каждономерно», — сообщал Ключев Миролюбову, делясь при этом впечатлениями от только что прочитанного им летнего номера «Ежемесячного журнала» за 1915 г., в котором были опубликованы стихотворения Есенина «Девичник», «Сыплет черемуха снегом. . .», «Я надену красное монисто. . .» и «Троицыно утро, утренний канон. . .» — «Какие простые, неискусные песенки Есенина в июньской книжке — в них робость художника перед самим собой и детская, ребячья скупость на игрушки-слова, которые обладателю кажутся очень серьезной вещью» (ф. 185, оп. 1, № 617, л. 10).

Нет необходимости, конечно, детально останавливаться на этом раннем отзыве Ключева о стихах Есенина: он достаточно выразителен и не нуждается в особых комментариях. Как известно, вскоре, осенью того же года, произошло личное знакомство поэтов и начался период их ярких совместных выступлений на литературных вечерах в Петрограде и Москве, которые привлекли к ним внимание самых разных писателей, вызывая, впрочем, весьма противоречивую реакцию с их стороны. Некоторые литераторы с явным неодобрением отнеслись к этим маскарадным выступлениям, о чем достаточно красноречиво свидетельствует, в частности, письмо С. Д. Фомина к Л. М. Клейнборту от 27 января 1916 г.: «У нас, в Москве, „поэзо-концертная“ эпидемия, — читаем в нем. — С легкой руки Ив. Бунина начали выступать Северянины, Ратгаузы, поэтессы (оптом) и, между прочим, „на-

родные поэты“ (как себя именуют) Н. Клюев и С. Есенин. Последнее на вечере свободной эстетики³⁰ были в бархатных кафтанах, красных рубахах и желтых сапогах. Что они читали — не знаю, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ узнал ⟨об этом⟩ по заметке в „Утре России“. Но, скажу Вам, однако, ломанье их в литературе и маскарад на на вечерах — мне не нравятся. Пожалуй, они далеки от настоящего народничества» (ф. 568, № 213, л. 24, об.—25).³¹ Другие, напротив, проявили к ним большой интерес, нередко даже приглашая обоих поэтов к себе, чтобы иметь возможность поближе познакомиться с ними и их творчеством; об этом свидетельствует, например, также хранящееся в Пушкинском Доме письмо Вячеслава Шишкова Клюеву от 14 февраля 1916 г. с приглашением посетить его квартиру в ближайшие дни: «Если выберете свободный час когда — загляните с Есениным к нам, на Колпинскую, 14, кв. 18» (ф. 428, оп. 1, № 171).

Именно к этому времени относится недатированное письмо (написано, очевидно, в середине февраля 1916 г.), в котором Клюев, судя по всему, объяснял Миролюбову, почему он и Есенин не смогли откликнуться на приглашение принять участие в очередном литературном вечере редакции «Ежемесячного журнала»: «Я с Есениным просим у Вас прощения за среду — но проф. Сакулин читал в этот же день доклад о нас. И весь вечер в Педагогическом институте был занят нашим стихочитанием» (ф. 185, оп. 1, № 617, л. 20—21). Как легко установить, в данном случае имелся в виду состоявшийся в особо памятный для Есенина день, 10 февраля 1916 г. (когда молодой поэт встретился с М. Горьким и подарил ему только что увидевший свет свой первый сборник стихов «Радуница» с характерной дарственной надписью: «Максиму Горькому, писателю земли и человека от баяшника соломенных суемов Сергея Есенина на добрую память. 1916 г. 10 февр. Пт.»),³² литературный вечер Клюева и Есенина в Женском педагогическом институте, открывшийся вступительным словом уже широко известного в ту пору литературоведа и критика П. Н. Сакулина (1868—1930). Небезынтересно отметить в этой связи, что содержащая высокую оценку раннего творчества Есенина обширная статья П. Н. Сакулина «Народный златоцвет» (Вестник Европы. 1916. № 5. С. 193—208), черновой автограф которой также хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 48) и заслуживает особого внимания, является, вероятно, доработанным вариантом текста именно этого выступления, встретившего весьма доброжелательный отклик у слушателей, о чем, в частности, свидетельствует письмо В. М. Чулицкого Сакулину от 15 февраля 1916 г.: «Многоуважаемый Павел Никитич, в одном кружке в конце этой недели будут читать Н. А. Клюев и С. А. Есенин. Мне бы очень хотелось сообщить кружку то *вступительное слово*, которое Вы сказали в Педагогическом институте. Не будете ли Вы любезны переслать его мне, хотя бы в черновом виде? Я бы доставил его Вам к указанному Вами сроку».³³

Последующие письма относятся уже к периоду революции и гражданской войны, когда взаимоотношения между Есениным и Клюевым значительно осложнились, хотя в представлении многих их современников поэты все еще по-прежнему являлись литературными спутниками и единомышленниками, ничем практически не отличающимися друг от друга даже по своим, так сказать, чисто внешним «показателям». Достаточно характерны в этом смысле, например, хранящиеся в Пушкинском Доме рукописи различных статей и заметок Максимилиана Волошина той поры, среди которых, впрочем, отсутствуют работы, специально посвященные Есенину или Клеюеву: свое мнение о них Волошин, как правило, выражал лишь в нескольких беглых, попутно высказываемых и к тому же далеко не во всем точных замечаниях, «вкрапливаемых» им в литературно-критические статьи более широкого плана. Так, например, в черновых набросках под заглавием «Голоса современных поэтов», являющихся своеобразным «проспектом» опубликованной 4 июня 1917 г., в петроградской газете «Речь» статьи «Голоса современных поэтов», Волошин, пытаясь определить своеобразие поэтического голоса Есенина, никак не отделяет его от Клеюева (в опубликованном варианте статьи этот текст отсутствует): «Клеюев и Есенин. Деланно-залихватское треньканье на балалайке, игра на гармошке и подлинно русские захватывающие голоса» (ф. 562, оп. 1, № 315, л. 1, об.). Почти столь же лаконично и в такой же мере нераздельно характеризует он этих поэтов и через два года — в статье «Революция, проверенная поэзией» (другое заглавие — «На весах поэзии»), отражающей крайне сложное, глубоко противоречивое, а то и просто ошибочное отношение Волошина к событиям послеоктябрьской действительности, которые далеко не во всем принимались им в ту пору.³⁴ Лишь учитывая эту ошибочность политической поэзии поэта, можно в полной мере понять и объяснить предельную саркастичность имеющегося здесь замечания Волошина о том, что «в стихах присяжных большевистских поэтов Клеюева и Есенина (<...> хорошие строфы, написанные подлинным языком, механически чередуются с официально-программным барабанным боем, который ничем не отличается ни от военных, ни от патриотических стихов старого времени», поскольку, по его глубокому убеждению, «уж таково свойство» любых «политических идеологий, каким бы содержанием они не были наполнены» (там же, № 338, л. 6), в силу чего, как он категорично подчеркивал в другом месте, подлинному поэту и надлежит прежде всего «в дни революции быть Человеком, а не Гражданином», помня о том, «что знамена, партии и программы — то же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома» (там же, № 7, л. 150, об.).

Здесь не место, разумеется, подробно останавливаться на очевидной иллюзорности и даже несомненной антиисторичности всех этих ложных исходных посылок Волошина, для которого — в полном соответствии с его общей концепцией — «больше-

визм» Ключева и Есенина попросту оказался «мало интересен» (там же, № 338, л. 6); гораздо более существенно в данном случае обратить внимание на то, что даже такой пронзительный поэт и читатель, как Волошин, обладавший почти провидческой способностью «распознавать и оценивать истинные таланты»,³⁵ еще совершенно не ощущал в годы революции и гражданской войны тех глубоких противоречий, которые наметились к этому времени во взаимоотношениях между Есениным и Ключевым, найдя рельефное отражение и в рассматриваемых письмах Ключева к Миролюбову. Ценность этих писем в том, что они позволяют гораздо точнее определить причины возникших между поэтами и подчас приобретающих весьма острую форму разногласий, которые еще только ожидают глубокого и всестороннего осмысления, хотя именно содержащиеся в них предельно экспрессивные, подчас даже откровенно раздражительные отзывы о Есенине прежде всего и способны поставить в тупик при первоначальном знакомстве с письмами.

Приоткрывая много нового для более детальной характеристики не только ряда существенных аспектов творческой биографии Есенина, но и всего литературного процесса революционной эпохи, эти письма Ключева, обширные по своему объему и разнообразные по содержанию, не поддаются однозначному прямолинейному истолкованию, требуют глубокого и всестороннего осмысления в широком историко-литературном контексте и нуждаются в специальном рассмотрении.³⁶

Пожалуй, еще более сложным документом, занимающим совершенно особое место среди других биографических материалов о Есенине, являются хранящиеся в архиве Максимилиана Волошина письма к нему Ольги Константиновны Толстой (урожд. Дитерихс; 1872—1951), матери последней жены поэта С. А. Толстой-Есениной.

С внучкой Л. Н. Толстого и своей будущей женой Софьей Андреевной Толстой (1900—1957) Есенин впервые случайно встретился еще в 1921 г., дав тогда ей и ее друзьям пропуск на свой литературный вечер в «Стойле Пегаса»,³⁷ но по-настоящему познакомился только 5 марта 1925 г. (см. VI, 352, 370), и уже в своем апрельском письме она спрашивала у Волошина: «Макс, знаете ли вы последние стихи Есенина? Если у вас нет — я вам пришлю, п(отому) ч(то) они должны понравиться Марусе.³⁸ Это мое увлечение всей зимой» (ф. 562, оп. 3, № 1185, л. 23, об.). Все ее последующие письма, сохранившиеся в архиве Волошина, написаны уже после трагической гибели Есенина, с которым она зарегистрировала свой брак 18 сентября 1925 г., и содержат лишь беглые упоминания о поэте. Так, например, сердечно благодаря Волошиных, откликнувшихся на весть о гибели ее мужа и пригласивших ее к себе в Коктебель, она писала 17 февраля 1926 г.: «Мои очень дорогие Маруся и Макс, спасибо Вам большое от всего сердца за Ваше внимание и доброту. Меня очень тронуло Ваше письмо и зов в Коктебель.

Я не могу приехать сейчас. Очень многое держит меня в Москве. Мечтаю только о том, чтобы приехать к Вам на весну. Не знаю ничего, что и как будет, но этого мне очень хочется. Всегда чувствую Вас очень близкими и по-настоящему друзьями. Не думайте, что забывала Вас. Письма вообще пишу плохо, а думаю о Вас и разговариваю часто. Месяца три тому назад написала вам довольно большое письмо и случайно не послала его. Если хотите, пришлю его теперь, чтобы Вы знали, как я жила и как о Вас думала.³⁹ Я очень много думаю о Марусе. Мне хочется знать, читала ли она стихи моего мужа, любит ли их? Есть ли у Вас его книги и какие?» (там же, л. 26—26, об.).⁴⁰

«Стихи Есенина мы, конечно, знаем и любим, но в нашей библиотеке нет ни одной его книжки», — несколько уклончиво ответил Волошин С. А. Толстой-Есениной 19 марта 1926 г.⁴¹ Гораздо более определенно, судя по всему, высказался он о Есенине, отвечая ее матери, О. К. Толстой, обширное письмо которой Волошиным от 4 марта 1926 г. буквально с первых же строк обращает на себя внимание своей предельно острой взволнованностью: «Дорогие, милые, добрые мои Мария Степановна и Максимилиан Александрович, давно уже хотела писать Вам (я должна ответ на письмо М. С.), а особенно все это время, после наших ужасных событий. Но просто не могла, до того тяжело было. Соня получила Ваше письмо (мне даже пришлось прочесть его по телефону, т<ак> к<ак> все это время она не живет дома, а скитается по Москве), и знаю, что недавно она Вам написала. Я с самого начала советовала ей поехать к Вам, т<ак> к<ак> знала, что только у Вас она смогла бы найти истинный покой и *нравственную* поддержку. Она в ужасном душевном состоянии. Она не плакала и не плачет, с ней не было никаких истерик или обмороков; на похоронах она не проронила ни одной слезы и была как каменная; но если бы вы видели ее лицо, выражение этого страшного душевного напряжения, а также отчаяния в глазах — вы поняли бы, как она страдает...» (ф. 562, оп. 3, № 1184, л. 10—10, об.).

Как и некоторые другие материалы О. К. Толстой той поры, опубликованные еще несколько лет тому назад,⁴² ее переписка с Волошиными 1926—1927 гг. (помимо цитируемого письма в архиве поэта сохранилось несколько других ее во многом аналогичных посланий) — на редкость сложный и крайне противоречивый документ, требующий исключительно вдумчивого, предельно осторожного и очень подчас критического к себе отношения, поскольку многое здесь в ряде случаев вольно или невольно смещено, а то и просто искажено, что объясняется целым рядом причин как субъективного, так и объективного характера. Человек предельно строгих нравственных принципов и жизненных правил, убежденная толстовка, глубоко чуждая любым проявлениям нередко сопутствовавшей тогда поэту литературной богемы с ее почти безграничной беспечностью, беззаботностью и бытовой неупорядоченностью, О. К. Толстая — и это

понятно — с самого начала крайне болезненно отнеслась к чрезмерно быстро переросшему рамки обычного дружеского знакомства увлечению дочери явно не «вписывающимся» в размеренный быт семьи ближайших потомков великого русского писателя Есениным. Воспринимая поэта с очевидным предубеждением и отнюдь не считая его достойным руки своей любимой дочери, она — что также вполне естественно — с острой болью переживала неудачное, по ее мнению, замужество дочери и, по свидетельству мемуариста, откровенно «не любила стихов Есенина»,⁴³ чего, впрочем, не скрывала никогда, прямо отмечая, например, в том же письме к Волошиным: «Я до сих пор не могу проникнуться общим гипнозом, что он был „великий“ поэт (<...> Большинство его стихов (<...> мне непонятны, чужды (<...> даже отвратительны» (там же, л. 11, об.—12). Тем в меньшей степени сохраняла О. К. Толстая способность к спокойному и объективному восприятию событий: чрезмерно гипертрофированное, но вполне, конечно, понятное материнское «чувство обиды за дочь, — по справедливому замечанию В. А. Мануйлова, — ожесточало ее»,⁴⁴ до предела наполняя гневом и болью все, что выходило тогда из-под ее пера: «Бедная, бедная Соня, так любить такого человека!» (там же, л. 11, об.); «. . . мне так больно за Соню, что она боготворит его! (<...> Такое слепое поклонение — грех, да и не умно» (там же, л. 16, об.) и т. д.

Все это обуславливает своеобразие писем О. К. Толстой, которые очень разноплановы и далеко не равнозначны. С одной стороны, они содержат обширный и разнообразный материал, существенно в ряде случаев дополняющий то, что уже известно о последнем периоде жизни Есенина, обстоятельствах его безвременной кончины, проводов поэта в последний путь и посмертной судьбы его наследия, а также необычайно ярко раскрывающий (это, разумеется, произошло вопреки субъективному желанию О. К. Толстой, просто благодаря ее стремлению с максимальной подробностью и наглядностью передать свое глубокое беспокойство за дальнейшую судьбу любимой дочери, и поэтому особенно ценно в данном случае), насколько преданной и самоотверженной оказалась С. А. Толстая-Есенина в своей беззаветной любви к поэту, уже после смерти которого ей пришлось приложить немало усилий, чтобы отстоять свое законное право оберегать его память и иметь возможность заниматься работой по выявлению и сбору литературного наследия Есенина и материалов о его жизни и творчестве. Безусловно заслуживает внимания подробный и документально точный рассказ О. К. Толстой о своей первой «встрече» с уже покойным поэтом, которая помогла ей, наконец-то, увидеть ранее совершенно недоступную ее взору и пониманию душу Есенина: «Должна сознаться, — со свойственной ей откровенностью писала она Волошиным все в том же письме от 4 марта 1926 г., — что первые минуты, первые два дня по его смерти у меня на душе не было особенно доброго чувства к нему, у меня было „гапсине“⁴⁵ против него за бедную дочь. Но когда я увидела его

в гробу, то невольно заплакала, и сердце сразу смягчилось и даже простило ему. У него было очень, очень милое, такое скорбное лицо, и я вдруг увидела на нем его *душу*, которой совсем не чувствовалось последнее время. Мне стало ужасно жалко его, этого задаром погибшего, одаренного человека, и не так поэта жалко, как просто человека. И никогда не забуду мою первую встречу с Соней (в Доме печати). Она бросилась ко мне на грудь, обняла меня, вскрикнув: „Мамочка, прости ему!“ — и замерла так. Я, конечно, расплакалась и могла только прижимать и гладить ее, и мне было легко ей ответить, что я уже простила ему, увидав его скорбное, милое лицо. Это, кажется, очень утешило ее. Мы сели в сторонку, она положила свою горемычную головку мне на колени и так мы долго просидели молча, я только гладила ее. Она в этот вечер была еще какая-то мягкая, доступная. Но на следующий день, на похоронах, она стала какая-то каменная и уже недоступная. Должно быть, на нее очень неприятно и тяжело повлияло < . . . > поведение т-т Мейерхольд⁴⁶ < . . . > А потом пошли эти истории с бумагами его (в связи с вопросом о литературном наследстве поэта. — В. Б.),⁴⁷ и тут выказала себя очень отрицательно его сестра, и Соня очень страдала. Держит она себя поразительно достойно и благородно, ни на что не претендует, но очень хотела работать над его бумагами. И теперь это поручено ей. Отчасти это дало ей дело, но, с другой стороны, она все время будет находиться в этой отравленной атмосфере его писаний, впитывать этот яд, эту болезненную психику. Вот почему я так рада Вашему приглашению, а еще больше, что Соня соглашается. Она хочет сперва, *если* будут деньги, проехать недели на две к Ирине Карнауховой,⁴⁸ а потом к Вам, пока у Вас тихо. Но все это в зависимости от денег, у нее *абсолютно* не было и нет ни копейки, и она существует на гроши, кот<орые> я уделяю ей из моего мизерного заработка. А работать она еще не в состоянии. . . » (там же, л. 14, об.—15, об.).

С другой стороны, доверительно делясь с Волошиными своими горькими думами, О. К. Толстая живописует здесь столь же выразительную, сколь и неверную в целом картину семейных взаимоотношений своей дочери с поэтом, которого она решительно и безоговорочно обвиняет в самых разных прегрешениях, в большинстве своем лишенных сколько-нибудь серьезных оснований. Нет необходимости, конечно, детально останавливаться на этих впечатляющих, но совершенно не соответствующих действительному положению дел «фактах», само описание которых подчас вызывало у О. К. Толстой немалые затруднения («ведь слов нет, чтоб передать все, что этот несчастный, погибавший человек выкидывал. . .»), тем более что сведения об этих «фактах» были почерпнуты ею не путем личных наблюдений (поскольку она проживала тогда на квартире В. Г. Черткова — мужа ее сестры Анны Константиновны) и не из бесед с дочерью («она ведь никогда ни словом мне не пожаловалась на него и кротко, любовно переносила свою мученическую участь»), а, по ее же свидетельству,

из досужих вымыслов разного рода «доброжелателей»: «Все это от меня скрывалось. Мне уже потом рассказывали. . .» — раскрывала она источник своей информации (там же, л. 10, об.—11). В то же время совершенно очевидно, что даже и эта — наиболее сложная — часть письма О. К. Толстой в известной мере представляет определенный интерес, поскольку до некоторой степени раскрывает, хотя крайне односторонне и с явными преувеличениями, ту непростую обстановку, в которой оказался Есенин в последние месяцы своей жизни. Совсем, вероятно, не ощущая того, сколь тягостной для певца рязанских раздолий была царившая в доме музейной атмосфера, что с присущей ему откровенностью отмечал сам Есенин в одном из писем летом 1925 г.: «С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено „великим старцем“, его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня» (VI, 192), — О. К. Толстая, однако, довольно точно уловила другую беду поэта — в его непосредственном окружении, увы, в ряде случаев оказывались и такие «друзья», о которых даже сам Есенин подчас отзывался с явным раздражением. «Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать» (VI, 157), — читаем в одном из его писем, а в другом об этих надоедливых «друзьях» говорится еще более резко: «Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головоутиательства, а прожигать себя стало совестно и жалко» (VI, 115). Не приходится поэтому сомневаться в том, что при всех своих несомненных преувеличениях в «распекании» разгульной жизни Есенина и своей дочери: «Я ведь с лета ушла из квартиры <. . .> а они жили там ⁴⁹ и с ними его сестры, ⁵⁰ двоюродный брат ⁵¹ и всякие типы — приезжавшие, уезжавшие. Образовался какой-то постоянный двор. С сентября месяца, со времени начала издания его стихов в Г<осударственном> изд<ательстве> ⁵² и по мере получения громадных сумм, он стал пить все больше и больше, и одновременно отношение его к Соне становилось все хуже и хуже <. . .> Он жил только для себя <. . .> тратил безумные деньги на кутежи, <. . .> а квартира осталась неоплаченной за 3 месяца и у Сони не было ни башмак<ов>, ни калош — *ничего*. Он даже не собрался купить обруч<альные> кольца. И она находит его добрым! <. . .> Уехал в Питер, не оставив дома *ни* копейки и оставившись должным и домов<ому> комитету, и нескольким лицам. Т<ак> ч<то> когда Соне пришлось уехать в Ленинград, то она заняла. И вот только третьего дня из Комитета увековечения его памяти были уплочены эти долги. Мне же с лета еще он задолжал около 500 р. (у него тогда не было получек) и так до сих пор и не отдал, предпочитая прогуливать деньги. . .» (там же, л. 11—13, об.), — О. К. Толстая была безусловно права, воспринимая тех, кто, по ее выражению, «кутил» с поэтом, как подлинных виновников его преждевременной гибели. «М<ожет> б<ыть>, — подчеркивала она в этой связи, — никто кроме меня так и не беспокоился о нем:

ведь я обращалась к нескольким значительным лицам в литературном мире, могущим оказать на него влияние, прося их обратить внимание на его поведение, взять его от лица союза писателей *под опеку*, поместить его куда-нибудь на лечение, спасти его *от самого себя*. Но, увы, все это было напрасно! Большинство его «друзей» предпочитало с ним кутить и пить на его деньги. А потом лили крокодиловы слезы, писали стихи, статьи, говорили речи. Некоторых из них я просто видеть не могу и так и заявила, что не подам им руки. Как вспомню все это ужасное время, все пережитое, то точно кошмар какой-то. И право же, даже не *он* так виноват, а вся эта среда, эта богема» (там же, л. 13, об.—14).

Получив это обширное, горькое и тяжелое письмо, Волошин сразу же ответил на него, о чем свидетельствует новое письмо О. К. Толстой, от 6 апреля 1926 г., в какой-то мере позволяющее судить и о содержании ответа Волошина. Сокрушаясь, что дочь, вопреки ее уговорам, не хочет отложить задуманную поездку в Ленинград («она упорно утверждает, что это необходимо, что ей надо собирать там какие-то материалы и т. п.»), О. К. Толстая подчеркивала при этом: «На нее нужно сильное, постороннее влияние. Мои уговоры только злят ее. Вот почему я так сильно желаю, чтоб она поехала к Вам, чтоб пожила с Вами обоими. У Вас такой запас твердой веры в духовные силы человека и в необходимость жить ими и „возвеличивать“ их в себе. Не могу без чувства умиления вспоминать о Вас, и всегда, всегда буду безгранично благодарна Вам обоим за Соню и за себя». Последующий текст уже прямо передает общий смысл письма самого Волошина, который, судя по всему, разделял достаточно распространенное в ту пору мнение о «необразованности», «невоспитанности» Есенина и необузданной стихийности его таланта: «Ваше письмо, дорогой М(аксимилиан) А(лександрович), я, конечно, не читала Соне, хотя ей оно и было бы полезно своим трезвым отношением к поэзии Ес(енина). Да, он был не умен, не знал меры, был бестактен. Да просто и необразован, невоспитан и внешне, и *душевно* главное, без всяких принципов и идеалов (. . .) С большим интересом читала Ваше письмо, не только сама, но и некот(орым) друзьям, все находили Ваше суждение очень умным, верным и сердечным. Жалко, что нельзя напечатать, для многих было бы полезно» (там же, л. 16—16, об.).

Особый интерес представляет одно из более поздних писем О. К. Толстой к Волошиным, от 3 января 1927 г., привносящее дополнительные штрихи в крайне сложную и далеко еще не полностью воссозданную картину посмертной судьбы наследия Есенина. С прежней озабоченностью рассказывая здесь «о Сонином душевном состоянии», которая все последнее время «была очень плоха», О. К. Толстая отмечала далее: «И лишь за последний месяц стало заметно некоторое улучшение, как в здоровье, так и нервах. Последнее время она была очень занята устройством музея-выставки в память Есенина, проводила целые дни в Союзе писателей, стала бодрее, жизненнее. Конечно, очень тяжело пере-

живала надвигающуюся годовщину его смерти и бывала днями убийственно мрачна. Жутко бывало за нее. Но удачная выставка, интерес, вызванный ею, и вообще новая волна интереса в обществе к Есенину, значительно изменившая шедшую одно время против него травлю,⁵³ все это как-то оживило ее к Новому году. <...> Конечно, на настроение Сони много влияло и это возмутительное дело, поднятое против нее в суде, — о непризнании ее брака. В первой инстанции она выиграла; тогда та сторона подала дальше. Губ<ернский> суд вернул дело на пересмотр в нарсуд, кот<орый> на этот раз вынес решение, неблагоприятное для Сони. Тогда Соня апеллировала в губ<ернский> суд, кот<орый> 23-го дек<абря> *отменил* решение нарсуда. Не знаю, что будет делать теперь противная сторона, будет ли продолжать доказывать незаконность этого брака, т<ак> к<ак> будто бы, Ес<енин> не был разведен с Дункан.⁵⁴ Все это отвратительно, возмутительно и мучительно тяжело. Соня никогда об этом со мной не говорит. Но благоприятный исход ей важен потому, что без этого она не сможет принимать участия в издании, редактировании и т. п. сочинений Ес<енина>, а это ей, по-видимому, страшно дорого⁵⁵ <...>

Трудно сказать, что случилось. Забыл ли он, что был *женат* на Дункан, *забыл* ли он развестись или не приписывал значения этому акту по свойственной ему безалаберности и непризнанию условностей <...> Кто знает теперь? <...> Несчастный человек! Столько горя принес он ей своей смертью, а тут еще и это обвинение и точно публичное оскорбление. Вы понимаете, как я-то за нее болею? Она молчит, не касается со мной этого дела, никогда слова не скажет против его сестер (кот<орые> даже это лето жили у нас на квартире), но, видимо, очень страдает, что выражается в мрачности, апатии, раздражительности. Мне невыносимо такое ее состояние, я убеждаю ее лечиться, но она слышать не хочет. <...> Соня бывает очень тяжела, резка, несправедлива, эту осень особенно. Я считаю, что она определенно больна нервами, что ей надо лечиться м<ожет> б<ыть> даже в санатории. Мысль о ней глохнет меня, я дрожу за нее, что она совсем заболит или что с ней что-нибудь случится. Горько <...> видеть свою единственную дочь в таком состоянии <...> Вот что мучает меня так, и вот почему мне так тяжело писать. Да и сейчас пишу не то, не так. Но вы поймете меня и не осудите» (там же, л. 20—25).

6

Трагическая смерть Есенина, как известно, вызвала большую волну самых разнообразных откликов — статей, полемических заметок, размышлений о поэте и его творчестве, воспоминаний и стихотворений о нем. Многие из этих материалов хранятся и в Рукописном отделе Пушкинского Дома — как появившиеся в печати, так и оставшиеся по каким-либо причинам неопубликованными. Последние, естественно, представляют особый интерес, но и среди рукописей уже изданных документов и материалов

находится немало таких, которые заслуживают пристального внимания исследователей, поскольку, как теперь выясняется, они в целом ряде случаев содержат различные разночтения, подчас весьма существенные, по сравнению с печатным текстом.

Так, например, обширную правку содержит наборная машинопись опубликованной в журнале «Звезда» (1927, № 3) статьи Валериана Правдухина «От Иванушки-дурачка до Карла Маркса. О Сергее Есенине» (ф. 109, № 315), многие тезисы которой, судя по всему, вызвали в редакции разного рода сомнения и возражения и были затем либо существенно переработаны, либо совсем сняты. К числу последних относятся, например, замечания В. Правдухина о том, что «наша эпоха противоположна есенинской сущности или, вернее будет сказать, есенинская сущность не сродни основным устремлениям нашего времени» (л. 2), что талант поэта явился «органическим выразителем поэтической сущности нашей старорусской деревни» (л. 3), что поэт, «как пчела, вобрал в себя цветенье, соки уже издавна живущих в деревне песен, сказа, заговоров, поверий, старинных частушек», накапливая «запас поэтических обобщений, которые хранит народ у себя путем устных преданий и сказок» (л. 5), что ранние стихи Есенина во многом похожи «на картины русского художника Нестерова: тот же нежный, алеющий пейзаж с тонкими свечами берез, те же почти бесплотные люди — послушники, монахини, та же внутренняя отрешенность от действительности, то же полухристианское, полуязыческое опозитизирование природы и людей» (л. 6) и т. п. Поэт, подчеркивал В. Правдухин (это также сняла редакция), «завязал себя слишком глубоко в прошлом и в конце концов очутился одиноким, бесприютным, в каком-то безвоздушном пространстве»: «Поэзия Есенина, обновленная им народная песнь, сама оказалась выплеснутой, как рыба на сухой берег. Лишенная родной стихии, оторванная от родной пуповины, она задохнулась в раскаленной стихии нашей эпохи. Эпоху и время винить бессмысленно. Источник его последней беды был заложен в нем самом — слабым, наивном, некрепком человеческом тростнике. Народная песня, ушедшая из деревни, очутилась где-то на периферии города — около кабака, в кафе богемы. Национальный поэт оказался без родины» (л. 15). Аналогично были восприняты и замечания о том, что так называемая «есенинщина» является, помимо прочего, в какой-то мере и проявлением «богатой одаренности русского народа»: «Одаренности не только внешней. Это проявление внутренней силы его, не нашедшей пока что целиком правильного развития. Есенинщина — негативное выражение потенциально здорового нутра нашего крестьянства < . . . > Это поэтическое выражение любви к родине, к природе как внутренней вязи, соединившей одиноких колонизаторов огромных российских равнин в тесную трудовую семью, поклонение юности, материнству, любви, женщине, это проявление неискоренимого в человеке чувства последней любви и дружбы к миру < . . . > это — конечный, обжалованию не подлежащий приговор истории нашей

домостроевской сути, удушливым туманом обволакивающей страну в продолжении многих столетий» (л. 26).

Не ограничиваясь столь многочисленными и далеко не всегда бесспорными купюрами (здесь отмечена лишь часть из них) и другими переработками, редакция «Звезды» решила сопроводить статью В. Правдухина полемической заметкой П. Петровского «Ответ тов. Правдухину» (Звезда. 1927. № 3), наборная рукопись которой также хранится среди других материалов архива редакции этого журнала (ф. 109, № 312), но представляет уже гораздо меньший интерес, поскольку она почти не отличается текстуально от журнального варианта. Сравнительно небольшой редакторской правке подвергся и опубликованный также в «Звезде» (1926. № 4) мемуарный очерк В. С. Чернявского «Первые шаги», посвященный в основном начальным дням пребывания поэта в Петрограде в 1915 и 1916 гг., однако его наборная рукопись (ф. 109, № 279) тем не менее заслуживает внимания, так как она позволяет внести ряд уточнений в печатный текст. В еще большей мере это относится к хранящейся здесь же рукописи (автограф с авторской правкой) обширной статьи Валерия Друзина «Сергей Есенин» (там же, № 488), которая появилась сначала на страницах «Звезды» (1926. № 2), а затем была издана отдельной книжкой (Л., 1927): текстологический анализ этой интересной, во многом до сих пор не утратившей своего значения работы, сравнительно недавно вновь перепечатанной (с незначительными сокращениями) в сборнике статей В. П. Друзина «Вблизи и на расстоянии» (М., 1974), мог бы стать, пожалуй, предметом специального — и достаточно плодотворного — изучения.

Впрочем, еще большую ценность с этой точки зрения представляет хранящаяся в Пушкинском Доме черновая рукопись известной мемуарной книги Анатолия Мариенгофа «Роман без вранья» (р. I, оп. 7, № 54), к которой приложено датированное августом 1948 г. авторское предисловие «К рукописи „Романа без вранья“», также заслуживающее внимания исследователей и читателей. «„Роман без вранья“, — читаем в нем, — был написан, как говорится, одним духом — примерно за три летних месяца. Мы жили тогда на даче, под Москвой, в Пушкино.

Это первый черновик. Заготовительные листы, так сказать, „первейшие“, — не сохранились. Так же как и машинописный экземпляр. От руки вторично я не переписывал. Сначала роман назывался „Так жили поэты“ (с эпиграфом из А. Блока). Из „первого черновика“ в книгу вошло не все. Кое-что устранилось при просеивании материала, кое-что вычеркнул сам в корректуре, кое-что вычеркнули мне.

К „Роману“, когда он вышел, отнеслись по-разному. Люди, не знавшие Есенина близко, кровно обиделись за него и вознегодовали на меня: „оскорбил-де память“. Близкие же к Есенину, кровные, — не рассердились.⁵⁶ Мы любили его таким, каким он был.

Хуже дело обстояло с другими персонажами „Романа“. Николай Клюев при встрече, когда я ему протянул руку, заложил свою за спину и сказал: „Мариенгоф! . . . Ох, как страшно! . . .“ Покипятился, но недолго чудеснейший Жорж Якулов. „Почем Соль“ (Григорий Романович Колобов — товарищ мой по пензенской гимназии) — оборвал старинную дружбу. Умный, скептический Кожебаткин (издатель «Альционы») несколько лет не здоровался: не мог простить „перышных“ носков и нечистого носового платка. Явно я переоценил чувство юмора у моих друзей. Совсем уж стали смотреть на меня волками Мейерхольд и Зинаида Райх. Но более всего разогорчила меня Изидора Дункан, самая замечательная и самая по-человечески крупная женщина из всех, которых я когда-либо встречал в жизни. И вот она — прикончила добрые отношения < . . . > О многом я в „Романе“ не рассказал. Почему? Вероятно, по молодости торопливых лет. Теперь бы, я думаю, написал полней. Но вряд ли лучше. Самому жаль, что не обмолвился главкой-другой о „Любви хулигана“ < . . . > Я не знаю, в чьи руки попадет этот черновик „Романа без вранья“. И не хотел бы знать! В конце концов, он лучше, верней сохранится в этих чужих руках, чем у меня, безархивного человека. То, что он уцелел, это, право, какое-то чудо! Ведь у меня ничего нет — ни писем, ни черновиков, ни фотографических карточек той поры, ни собственных даже книг. И вдруг полная рукопись „Романа“! Пусть же и ее не будет. . .» (р. I, оп. 7, № 54, л. 1—2, 4, 6). В конце жизни, как известно, Мариенгоф вновь обратился к своим воспоминаниям, рукопись нового варианта которых под заглавием «Мой век, мои друзья и подруги» также хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (р. I, оп. 17, № 532).⁵⁷

Различные воспоминания о Есенине достаточно широко представлены в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и многие из этих мемуарных материалов представляют несомненный интерес. О школьных годах поэта, например, пишет в своем мемуарном очерке «О юности Сергея Есенина» (р. I, оп. 1, № 68) его земляк А. С. Аксенов, учившийся вместе с ним в 1909—1912 гг. в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. Школа, вспоминает он, «находилась на окраине большого торгового поселка Клепики, в сосновом бору, недалеко от мелкой речушки. В здании школы — закрытый интернат. Все ученики жили и питались с одного школьного котла 3 раза в день. За обучение и питание каждый школьник вносил в кассу школы в два срока 35 рублей в год». Есенин, отмечает далее А. С. Аксенов, «не был похож на всех нас < . . . > Он никогда уроков не зубрил. Бывало, раз, другой, от силы третий прочтет задание и материал знал на отлично. Сережа больше времени уделял чтке литературы. Все книги в школьной библиотеке знал наперечет < . . . > Он был любимцем всех учеников и учителей школы», «весел и забавен», «много умел рассказать с присущим ему юмором»: «Слушая его, все закатывались от смеха», — был «красив и привлека-

телен», «всегда с приятной улыбкой на лице» и «очень симпатичен», «имел хороший голос (тенор) и слух», так что когда ученики по субботним вечерам и воскресным утрам «отправлялись в церковь», то «его неоднократно просил участвовать в церковном хоре регент хора и он же учитель уроков пения в школе, учитель Гусев Виктор Алексеевич». Откровенно «не уважал Есенина», отмечает мемуарист, лишь учитель закона божьего священник Павел Иванович Агранов, поскольку «Сережа, бывало, донимал его вопросами», которые носили каверзный характер. Рассказывая же о том, как «очень оригинально познакомился» Есенин с дочерью владельца находившейся недалеко от школы мельницы-маслобойки П. И. Коновалова гимназисткой Марусей, автор замечает, что «он, как юноша, был в этих случаях непостоянен», «у него скоропалительных знакомых девушек было много» и многие из них «были от него без ума»: «Он любил гимназисток и они также взаимно его любили за его стихи, мальчишеские шутки».⁵⁸

Почти ровесник Есенина (род. 1897), А. С. Аксенов писал свои воспоминания, уже будучи пенсионером, в 1960 г., когда многие штрихи и детали далекой юношеской жизни основательно забылись и в памяти остались лишь самые общие впечатления той поры. В еще более солидном возрасте, на 80-м году жизни, обратился к мемуарам известный в свое время журналист и литератор С. П. Постников, «Некоторые добавления к воспоминаниям о С. Есенине» которого (р. I, оп. 7, № 85), датированные 6 июня 1962 г., являются непосредственным откликом на публикацию в «Звезде» (1962. № 4) мемуарного очерка Николая Никитина о Есенине: желая кое в чем уточнить и дополнить этот очерк, он и написал свои заметки, имеющие крайне отрывочный, подчеркнуто фрагментарный характер и касающиеся самых разных вопросов и периодов биографии поэта — от некоторых обстоятельств прохождения военной службы поэта до своей последней встречи с ним в 1922 г. в берлинском кафе «Прагер Диле».

Ряд живых деталей и интересных подробностей о Есенине содержат и черновые наброски воспоминаний А. М. Сахарова (р. I, оп. 25, № 389), которые помимо описания ряда совместных книгоиздательских начинаний Сахарова, Есенина и Мариенгофа включают также интересный рассказ о их поездке в Харьков в 1920 г.

К сожалению, на этом эпизоде рукопись воспоминаний А. М. Сахарова обрывается, и это тем более огорчительно, что его дружба с Есениным, как хорошо известно, именно в последующие годы приобрела особенно прочный характер, о чем свидетельствуют и многие документальные факты: в начале 1922 г. Сахаров на свои средства выпустил под маркой издательства «Эльзефир» поэму Есенина «Пугачев», позднее Есенин посвятил Сахарову поэму «Русь Советская» и вместе с ним совершил одну из поездок к себе на родину, а летом 1924 г., во время своего пребывания в Ленинграде, длительный период проживал на его квар-

тире, где, по свидетельству мемуариста, широко пользовался его богатой, хорошо подобранной библиотекой.⁵⁹

В различных собраниях Рукописного отдела Пушкинского Дома хранится немало других воспоминаний о Есенине, многие из которых также представляют несомненный интерес. К дореволюционному периоду относится небольшой мемуарный очерк Е. И. Студенцовой «Встречи: Владимир Владимирович Сладкопевцев и Сергей Есенин» (Поступления 1980 г., № 16), к 20-м гг. — известные заметки Дмитрия Фурманова о Есенине и о встречах с ним (р. I, оп. 32, № 13), а также воспоминания С. Д. Умникова «Мои встречи с Сергеем Есениным» (р. I, оп. 30, № 51), П. Ю. Бокль «Еще одна деталь к биографии Есенина» (р. I, оп. 2, № 438), обширный мемуарный очерк Н. М. Гариной «Есенин Сергей Александрович и Устинов Георгий Феофанович» (ф. 736, № 64), воспоминания А. В. Алмаатинской «Моя встреча с Есениным» (Поступления 1971, № 16) и др. Особый комплекс составляют мемуарные свидетельства о пребывании поэта в Батуми, о чем подробно рассказывают А. А. Лаппа-Старженецкая (р. I, оп. 15, № 173), воспоминания которой частично опубликованы,⁶⁰ а также целый ряд других современников — их воспоминания представлены в записи А. А. Лаппа-Старженецкой (там же, № 174—177; Поступления 1980 г., № 60; Поступления 1982 г., № 1, и др.). В ряде случаев, кроме того, здесь имеются также различные статьи, заметки и отзывы о посвященных Есенину воспоминаниях; многие из них касаются известных мемуаров Вольфа Эрлиха, которые анализируются в отзывах Константина Федина (р. I, оп. 31, № 185),⁶¹ Николая Тихонова и Елизаветы Полонской (ф. 699, № 183, л. 1).

Наряду с мемуарной есенинианой безусловно заслуживают внимания и хранящиеся в Пушкинском Доме стихотворения, посвященные Есенину. Два из них написаны еще при жизни поэта. Это стихотворение Александра Ширяевца «Гармонист» (ф. 185, оп. 1, № 1439, л. 3) и несколько более позднее хронологически стихотворение Надежды Рославлевой «Сергею Есенину» (ф. 291, № 39, л. 76), сохранившийся в делах Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей автограф которого датирован 12 августа 1924 г.

Среди имеющихся в Рукописном отделе поэтических откликов на смерть Есенина наиболее интересны черновые наброски стихотворения одного из крупнейших советских поэтов Александра Прокофьева (1900—1971) «У солнца тучи — вымя. . .», датированные автором 26 января 1926 г. (ф. 726, оп.1, № 10, л. 50, об.—51). Стихи не отделаны окончательно и при жизни поэта никогда не воспроизводились в печати: первая публикация основного текста состоялась уже в посмертном собрании сочинений Прокофьева, в 1978 г., среди других неизданных произведений раннего периода творчества поэта.⁶² Одна из зачеркнутых здесь строф:

Задумал песню просто,
А занесло на слом

Всю муторную россыпь
Моих неясных слов, —

в какой-то мере, думается, объясняет, почему стихотворение это так и осталось незавершенным, не до конца отшлифованным. Пытаясь объяснить трагедию поэта, Прокофьев, очевидно, во многом сомневался, не в полной мере представляя ее причины и истоки. Здесь же находим и еще один зачеркнутый самим автором фрагмент, имеющий существенное значение для более точного понимания всего авторского замысла и являвшийся, судя по всему, первоначальным вариантом концовки стихотворения:

И громче и напевней
В рассеянную рань
Пусть на моей деревне
Не зацветет герань.
Придет, придет недоля,
Недоля и беда:
С насиженных одоний
Нас тянет в города.

Несколькими днями раньше Прокофьева завершил работу над посвященным памяти только что погибшего Есенина стихотворением «Вьюшка смерть» Даниил Хармс (наст. фамилия Д. И. Ювачев; 1905—1942). Хранящийся в делах Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (ф. 491, № 5) автограф его датирован автором 14 января 1926 г. и имеет характерную для молодого поэта, подчеркнута ориентированного тогда на произведения ленинградских «заумников» (А. Туфанова, А. Веденского и др.), помету: «Даниил Хармс. Школа чинарей. Взирь Зауми».

Подчеркнуто демонстративно отрекаясь даже от обычных знаков препинания и почти совсем не признавая прописных (заглавных) букв, которые употребляются здесь лишь при написании имен собственных, «взирь-заумный» «чинарь», судя по всему, предназначал свое произведение прежде всего для своеобразной театрализованной декламации, о чем, в частности, достаточно наглядно свидетельствуют имеющиеся в тексте этого довольно таки обширного (объема свыше 80 строк) произведения многочисленные пометы акцентировочного характера:

ах вы сѣни мои сѣни	и с чегó бы это радоваться
я ли гúслями вяжú	лóжкой стучáть
приходíл ко мне Есѣнин	пошевѣливая пáльцами
и четýре мужикá	грúсть да печáль.

Вполне очевидное и естественное в данном случае отсутствие даже намеков на какие-либо внешние логические связи между отдельными компонентами (строфами) этого более чем оригинального текста столь же естественно и органично сочетается с весьма трудно уловимой внутренней логикой авторского «повествования», зачастую основывающегося на прихотливо-беспорядочном пере-

числении разнородных вещей и явлений, либо вовсе никак не соотносящихся друг с другом, либо лишь в самой общей форме обнаруживающих такую соотнесенность:

как ходили мы ходили
от порога в Кишинев
проплывали три недели
потеряли кошелек

для тебя ли изкорёжены
оружье штык
не такой ты Сережа
не такой уж ты

ты Сережа рукобойник
сарынь и дуда
разоёхотился по мойму
совсем не туда

пой — май
щеки дули
скарлотину перламутр
из-за ворота подули.

В стихотворении в ряде случаев в известной мере ощущаются — правда, очень смутно — и столь близкие Есенину песенно-частушечные, залихвацки-разудалые ритмы, сразу же заглушаемые, однако, таким ухарским ерничеством, в безудержной стихии которого буквально тонут крайне робкие проблески авторской мысли:

я плясала соколами
возле дерева кругом
ноги топтали плясали
возле дерева кругом

не по полу первая
загудила перьями
сперва чем то дудочным
вроде как ухабица

размогай меня затыка
на калоше и ведре
походи-ка на затылке
мимо запертых дверей

поливала сыпала
не верила лебедям
зашухала крыльями
зубами затопала

гули пели халваду
чирыкали до ночи
на засеке долго думал
кто поет и брови чинит

с такого по матери
с такого кубарем
в обнимку целуется
в очи валит блинлями.

Как и многие другие «взирь-заумные» тексты юного «чинаря» Д. Хармса,⁶³ с искренним увлечением экспериментировавшего в своих произведениях, стихотворение, естественно, лишено какой-либо цельности в восприятии образа трагически погибшего поэта. Это, скорее, некий полужанровый калейдоскоп подчеркнута фрагментарных мыслей по поводу Есенина, подвергшихся столь интенсивной «обработке» в духе своеобразного поэтического «вдения» автора, что очень трудно, конечно, говорить в данном случае об этих вызывающе экстравагантных строках как о явлении искусства. Даже вводя в свое более чем оригинальное «повествование» подчас некоторые сравнительно легко узнаваемые реалии и упоминая при этом как Николая Клюева:

а летями плюй его
до белой доски и сядь

добреду до Клюева
обратно закнуся, —

так и — что столь же естественно — Айседору Дункан (впрочем, не саму А. Дункан, а всего лишь «Дунькину пуговку»), в целом автор вплоть до самых заключительных строк так и не отходит от

самоценного жонглирования полуоформленными — в сущности, едва лишь только слегка намеченными и поэтому совершенно не поддающимися какому-либо «упорядочению» — обрывками мыслей:

пожурила девица
невеста сикурая
а Серёжа деревцем
на груди не кланяется

на груди не кланяется
не букой не вечером
посыпает около
сперва чем-то дудочным.

Став предметом откровенно формалистического экспериментаторства, трагедия Есенина, естественно, не получила при этом, да и не могла получить, сколько-нибудь серьезного осмысления. В равной мере нет этого и в подчеркнуто полемичном по отношению к известным стихам Маяковского стихотворении молодого в ту пору ленинградского поэта Леонида Рогинского «На смерть Есенина», автограф которого также хранится в делах Всероссийского союза поэтов (ф. 491, № 5). Не блещущее особыми художественными достоинствами, оно вполне определенно оправдывает сделанный Есениным выбор:

Но на земле ведь каждый волен
И жить и даже умереть!

Среди других стихотворных откликов на смерть Есенина следует отметить известный «Плач о Сергее Есенине» Николая Клюева (ф. 172, № 350), стихотворения И. Латейникова «Да отстаньте, я вовсе не этак. . .» (там же, № 1791) и Петра Тюнина «С. Есенину» (ф. 109, № 137), а также хранящееся в уже упоминавшемся архиве Б. Г. Шмерельсона стихотворение украинского поэта Михаила Семенко «Сергею Есенину» в очень слабом переводе на русский язык, который тогда же, очевидно, был выполнен Леонидом Черновым (ф. 699, № 139). Заслуживает внимания в этой связи и хранящееся в архиве поэта Ангелиса Лбовского (наст. фамилия А. Н. Кожухов; 1898—1955) письмо к нему С. А. Толстой-Есениной от 29 сентября 1927 г. с высокой оценкой его стихов памяти Есенина: «Многоуважаемый Ангелис Николаевич, — читаем в нем, — очень благодарю Вас за письмо и за стихи. Меня обрадовало хорошее и искреннее чувство к С(ергею) А(лександровичу), кот(орое) я в них увидела. Я передам Ваши работы в Музей Есенина при Всер(оссийском) с(оюзе) пис(а)телей, в кот(ором) собирается все, что касается Есенина. Непременно пришлите похоронный марш, о кот(ором) Вы пишете» (ф. 437, № 35).

В различных собраниях Рукописного отдела Пушкинского Дома имеются также посвященные Есенину стихотворения Елизаветы Полонской (р. I, оп. 22, № 261), Леонида Хаустова (р. I, оп. 33, № 98), Вячеслава Кузнецова (р. I, оп. 12, № 622). Анатолия Поперечного (р. I, оп. 22, № 550, л. 1—2), ряд стихотворений конца 50-х—начала 60-х гг. Александра Прокофьева — «Синь да синь. . .», «Легла дорога в Константиново» и др. (ф. 726, оп. I,

№ 142, л. 36—37, об.) — и некоторых других поэтов; тексты этих произведений не раз уже воспроизводились в печати.

Указанные материалы хотя и дают общее представление о «есениниане» Рукописного отдела Пушкинского Дома, но далеко не исчерпывают ее. Несомненный интерес представляют здесь, скажем, автографы написанных еще при жизни поэта различных статей и заметок, полностью или частично посвященных Есенину и его творчеству, — «Три богатыря» (1920) Р. В. Иванова-Разумника (р. I, оп. 11, № 3) и др. В еще большей мере заслуживают внимания подчас относящиеся к той поре тексты публичных лекций и дискуссионных выступлений разных лиц, в той или иной мере затрагивающих творчество Есенина: здесь необходимо отметить прежде всего датированный 1 октября 1918 г. подробный конспект лекции П. Н. Сакулина «Современные поэты из народа» (ф. 272, оп. 1, № 10) и обширную подборку подготовительных материалов к ней (там же, № 148), судя по которым анализ произведений Есенина революционных лет в сопоставлении со стихами других поэтов этого периода составлял своеобразную основу ее и был очень содержателен.

Наконец, немало ценных и интересных сведений о поэте содержит хранящаяся в Пушкинском Доме переписка писателей 30—60-х гг. Пожалуй, особенно характерен в этом отношении обширный архив Александра Прокофьева, который, как известно, не только сам посвятил Есенину ряд проникновеннейших стихотворений, но и многое сделал для увековечения его памяти. Еще в 1946 г. он возглавил работу по подготовке к печати однотомника произведений Есенина для большой серии «Библиотеки поэта»,⁶⁴ а в последующие годы одним из первых смело и уверенно охарактеризовал Есенина как великого национального поэта России.⁶⁵ Не случайно поэтому и читателя нередко воспринимали его прежде всего как своеобразного наследника и продолжателя дела певца рязанских раздолий: «По-моему, Вы очень близко знаете и поэтически чувствуете творчество нашего выдающегося поэта Сергея Есенина» (ф. 726, оп. 2, № 860); «Вы ближе всех к нему — по содроганию строки, по цветной палитре красок, по песенности, по яркой зачинности, по аккордам» (там же, № 140, л. 85—86); «Вы — современный Есенин, только более здоровый и жизнеутверждающий» (там же, № 1050), и т. д. Примечательно, что некоторые читатели в своих письмах к Прокофьеву даже вносили различные предложения по увековечению памяти любимого поэта: «Прошу Вашего, Александр Андреевич, ходатайства или предложения в Союзе писателей РСФСР, в Моссовете о названии одной из улиц Москвы именем Сергея Есенина, — писал, например, в январе 1962 г. молодой рабочий из Подмосковья. — Более всего подошла бы улица в Ленинградском р-не г. Москвы, называемая ныне улицей Хорошевское шоссе, или часть этой улицы. Хочу верить, что будет слышен Ваш голос за большого, выдающегося поэта-лирика...» (там же, № 860). Другие — что также достаточно показательно — нередко испытывали внутреннюю

потребность просто поделиться с Прокофьевым своими раздумьями о Есенине и его творчестве, и в ряде случаев эти их размышления столь глубоки и содержательны, что тоже заслуживают самого пристального внимания.

Особенно, пожалуй, примечательно в этом отношении обширное письмо от 31 октября 1948 г., с которым обратился к Прокофьеву известный впоследствии советский поэт, а в ту пору еще только начинающий литератор и фольклорист Виктор Боков.⁶⁶ «После Есенина я считаю Вас первым по силе и экспрессии песенного дара, по разинской буйности стиха», — писал он, подчеркивая при этом: «Чтобы Вам было понятно мое уподобление и преемственность, я подробнее остановлюсь на лично моей трактовке творчества Сергея Есенина, так как она несколько не сходится со школьными трактовками его как поэта чуждого, неприемлемого и вредного». Переходя далее к подробному изложению своей — не бесспорной в некоторых деталях и частностях, но в целом на редкость вдумчивой и содержательной — «трактовки» Есенина, действительно существенно расходившейся с тем, что писала тогда о нем критика (в основном негативное мнение которой о поэте подчас разделялось в ту пору даже наиболее крупными советскими писателями, например А. Твардовским, отмечавшим 4 февраля того же 1948 г. в одном из писем, что «поэт он, Есенин, в сущности посредственный»,⁶⁷ В. Боков писал: «Есенин — поэт великий, в лучшем смысле слова социальный, народный. Он рожден Октябрем, точнее — революционным подъемом широких крестьянских масс. Конек крестьянских изб окунулся своей мордой в кровавое зарево Октября, обретя в нем свой постой, сказав мужику: „Приехали“. Октябрь — это светлый праздник на улице русского крестьянина, он дал ему землю и право воскликнуть: — Земля моя! Я — хозяин земли!

В лице Есенина на сцену большого искусства поэзии вышел сам народ — крестьянство, один из ведущих классов революции.

Стихи Есенина — великий документ эпохи, говорящий о том, что в горнице русского крестьянства стало светло и он запел о счастье, засиял радугами души. Он абсолютно выразил черты духовной красоты и радости народной по поводу своего освобождения.

„О Русь, взмахни крылами!..“⁶⁸ — это не декларация, а ощущение свободы, радости.

Крестьяне, до того дававшие Слепушкиных, Дрожжиных, Суриковых, стоило им только добыть свободу Октября, родили песенного богатыря — Сергея Есенина. Поэтому так тяжела была его утрата, и, если бы каждый скорбящий о его гибели положил на его могилу горсть земли, в выросшем кургане можно было бы захоронить целую армию. Народ оплакивал в лице Есенина первую свою творческую надежду, услышанную благодаря Октябрю и песенному зову Есенина каждой хатой.

Маяковский питался соками города, Блок — города, филологии и чувственной философии (культ дамы), Есенин — это

цветок взметнувшейся черноземной стихии народа. Расцвет его дарования даже по внешним датам совпадает с революцией, он без нее немислим, ибо в клюевской келье религиозных ассоциаций ему было душно и тесно, и он говорил хозяину этих келий:

Тебе о солнце не пропеть.⁶⁹

Солнце — это собственно жизнь народа, это рисунок его бытия, без всякой мистики и мудрствований, это жизнь как жизнь, это ее слепок, данный Есениным в стихотворении „Пахнет рыхлыми драценами“.⁷⁰ Здесь простота и мудрость „Капитанской дочки“. До такой солнечности и торжества вечных форм жизни поднялся Шевченко в стихе „Вишневы садик коло хаты“.⁷¹

Есенин имеет одного очень близкого художника — Л. Толстого. Если Л. Толстой выразил психологию и чаяния широких крестьянских масс пореформенной России и кануна революции 1905 г., то Есенин, как поэт-лирик, выразил другую область народного духа — его художественное сокровенье, его образ, эстетику, орнамент его быта, в переплетении с духовными начертаниями, обретенными в этом орнаменте.

Теоретические его обоснования в „Ключах Марии“ пророчески велики, они сто́ят многих томов исследований. Он впервые, как поэт-ученый, верно прочел русский орнамент, его заставки, образы, эти прозрения легли в его избяной стих и светятся счастьем. Он поднял крестьянство как великую лирическую силу, наделенную высоким поэтическим даром, создавшую прозрачные шедевры устного песенного стиха, вроде „Не шуми, мати, зеленая дубровушка“, „Уж как пал туман на сине море“ и т. д.

Есенин впервые вместе с проснувшимся в Октябре крестьянством запел не в порядке экзотики и умиления барынек (ах, мужички пишут стихи!), не в порядке дискуссии, можно ли мужику петь на арене мира. Он запел как новый хозяин земли — свободно, без оглядки, зная, что за ним вековые традиции и культура отшлифованной, выкристаллизованной веками народной русской песни.

Эти песни народные были первым, великим выходом народа в поэзию. Есенин — это был второй выход народа в поэзию, личный. Если дворяне ошупью шли по теме „простой народ“ — через пушкинских Савельичей, обломовских Захаров, тургеневских „Хорей и Калинычей“, пуская их в литературу и отводя им место в ней такое, какое они занимали в барской передней, то Есенин прошел вместе с мужиками по барским покоем, срывая все барские иллюзии о коренной связи барина и мужика, о любви барина к мужику, показывая на примере, что эта любовь имела оговорку и оглядку даже в том случае, когда это касалось самого Есенина, человека выдающегося, что эта любовь никогда не забывала социального неравенства (конфликт «Анны Снегиной»).

Есенин — сам был дитя народа, сын крестьянина, ему нечего было оглядываться, поймет ли его песни народ, похож ли в них на

себя своими песенными признаками народ, он был живая песенная плоть народа, его творческая традиция, его революционная сторона.

Красоту души народной, богатое и разнообразное чувство этой одухотворенной красоты дал Есенин в своих стихах. Эту тему наметил Л. Толстой в рассказе „Тихон и Маланья“. Помните этот рассказ? Русскому поэту полезно вчитаться в него до изустной памяти. В этом рассказе в сжатом виде вся программа Есенина-поэта, автора глубоко национальной, здоровой лирики, смысл которой примерно таков: сегодня у народа праздник (Октябрь) и я пою — о невесте, о дубравах, о черемухе, о чем угодно, главное: пою.

И стоило только ему оторваться от своего кровного источника радости — народа, тема тлена задавила его, город-нэпман развратил, опустошил, довел до физической гибели. Эта гибель произошла в Ленинграде, она — вечное и грозное предостережение против потери связи поэта с производящим людским черноземом родины. Акт Есенина — следствие отрыва поэта-Антея от матери земли (<...>)

Почему я так много пишу о Есенине? Потому что рядом с ним в моем сердце — Вы. Народ, крестьянский, буйный, озорной, упрямый, нежный, солнечный.

Вы, который снимаете с пьедестала блоковскую, туманную незнакомку и ставите на ее место — земную, олонецкую крестьянку, с ее реальной плотью и красотой, узнаваемую сразу всем народом, где бы она ни появилась. Это я называю есенинским — не в подражании, а в сути — революционным утверждением действительности, оно декларативно, полемически заострено, но без перехлеста, без потери художественного такта. Эта незнакомка увидена не из ресторана, не «пьяницами с глазами кроликов» Блока, она увидена либо на проселочной дороге, либо в Ленинграде человеком, который твердо стоит на земле и по-хозяйски собирает все земные ценности (в т<ом> ч<исле> и красоту) русской земли. Как это Есенин не додумался до такой незнакомки?» (ф. 726, оп. 2, № 140, л. 1—6).

Ряд заслуживающих внимание документов и материалов имеется также в архивных фондах советских критиков и литературоведов, нередко обращавшихся в своих трудах к Есенину и его творчеству. Особенно много интересных и ценных сведений о поэте содержат сравнительно недавно поступившие в Рукописный отдел Пушкинского Дома материалы из архива ленинградского педагога и переводчика Александра Петровича Ломана (1909—1975) — неутомимого энтузиаста и организатора целого ряда есениноведческих начинаний, не все из которых, к сожалению, смогли быть реализованы им в полной мере, составителя одного из лучших за последние десятилетия, с большим вкусом и любовью подготовленного сборника избранных произведений Есенина «Словесных рек кипение и шорох. . .» (Л., 1965) и автора многочисленных статей и заметок о поэте, публиковавшихся как в массовой лите-

ратурно-художественной периодике (журналы «Нева», «Молодая гвардия» и др.), так и на страницах авторитетных академических изданий — в подготовленных Пушкинским Домом сборниках «Есенин и русская поэзия» (1967) и «Есенин и современность» (1975), в журнале «Русская литература» и др.

Поступившие в Рукописный отдел документы этого архива (Поступления 1982 г., № 54) отражают прежде всего ту большую работу по подготовке фундаментального справочно-библиографического пособия «Литературное наследие С. А. Есенина», которой А. П. Ломан с увлечением занимался в последние годы жизни: первый, еще во многом несовершенный вариант справочника был подготовлен им в 1965—1966 гг., работу над окончательным его вариантом прервала преждевременная смерть автора. Помимо материалов, непосредственно связанных с подготовкой этого оригинально задуманного издания, несомненный интерес представляет здесь также переписка, которую А. П. Ломан вел с широким кругом корреспондентов в связи с изучением различных вопросов биографии и творчества Есенина. Среди таких корреспондентов А. П. Ломана — известные исследователи-есениноведы (К. Л. Зелинский, Е. И. Наумов, П. Ф. Юшин, Ю. Л. Прокушев, В. Ф. Земсков, А. А. Козловский, В. А. Вдовин, Н. И. Ховряков,⁷² Е. Л. Карпов, В. П. Тимофеев, И. С. Эвентов и др.), ряд зарубежных ученых (Гордон Маквэй, Джесси Дэвис, Фриц Мирау, В. Пиотровский и др.), а также дочь и сын поэта Т. С. и К. С. Есенины, те, кому довелось в свое время близко встречаться с поэтом (Р. Ивнев, В. А. Рождественский, И. И. Шнейдер, Ю. П. Анненков, Д. Д. Бурлюк, И. В. Соколов, И. И. Марков и др.), ряд поэтов, писателей, художников, музыкантов и представителей других видов искусства, так или иначе соприкасавшихся в своем творчестве с есенинской тематикой (С. Ф. Антонов, А. Е. Решетов, Н. Н. Кутов, И. Л. Михайлов, Е. Е. Моисеенко, А. Д. Гончаров, С. Ф. Якушевский, С. К. Фролов, Я. Мацеевская, Н. А. Соколов, В. Харитонов, П. В. Русанов, Д. Н. Катышева и др.), коллекционеры-библиофилы (Н. А. Никифоров, М. С. Лесман, А. Ф. Марков, С. П. Юрчук, Н. Г. Юсов, И. А. Синеокий, А. Г. Кравцев и др.).

В архивных фондах других литературоведов также имеются различные материалы и документы о Есенине и его творчестве. Работы (в том числе и еще не опубликованные) о поэте находим порой даже у тех, чьи научные интересы, казалось бы, были весьма далеки от Есенина и его эпохи, например в архиве исследователя жизни и творчества Чехова М. П. Кленского (1881—1934), который составил не лишнюю определенности интереса, своеобразную тематическую классификацию стихов Есенина (ф. 509, № 146). Наконец, несомненно и то, что более тщательное обследование хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома архивов, собраний и коллекций позволит в дальнейшем обнаружить новые материалы, непосредственно относящиеся к биографии и творчеству одного из замечательнейших русских поэтов XX столетия.

¹ Описание автографов этого собрания см в кн *Рукописи С А Есенина Каталог / Сост Р Б Заборова Л*, 1970 18 с

² Краткий обзор некоторых из них см *Панченко Н Автографы С А Есенина в Пушкинском Доме / Вопр лит 1965 № 8 С 251—254*

³ См *Есенин С А Собр соч В 6 т М*, 1978 Т 4 С 93 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой)

⁴ ИРЛИ, р I, оп 7, № 67, л 1 Далее ссылки на места хранения в Рукописном отделе ИРЛИ материалов Есенина даются в тексте

⁵ Аналогичные приписки встречаются у Есенина и в некоторых других случаях, например на автографе «Удальца» (см IV, 282, VI, 56—57)

⁶ См *Есенин С Радунца Стихотворения Пг*, 1916 С 25—26 В комментарии шеститомного собрания сочинений ошибочно отмечено, что «Убогий» дан здесь «вместе со стихотворениями «Пойду в скупье смиренным иноком» и «Калики»» (IV, 285), указанные стихи действительно имеются в этом сборнике (с 12—14), но они отделены от «Убогого» целым рядом других произведений

⁷ Автограф Н Ключева написан на отдельном листке, вклеенном Б А Лазаревским в дневник

⁸ Стихотворение «Край родной! Поля как святцы» было опубликовано 25 декабря 1915 г в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» под заглавием «Край родной»

⁹ Помимо указанных автографов Ключева и Есенина в дневник вклеены также листок с рисунком Ключева (л 28) и газетная вырезка с текстом его стихотворения «Что ты, нивушка, черненька» (л 29)

¹⁰ В «Книге регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“» это стихотворение вовсе не отмечено, под № 4776 в ней зафиксировано лишь поступление в редакцию 18 января 1917 г стихотворения поэта «Голубень» (ф 185, оп 1, № 1345, л 155, об), и этот же регистрационный номер проставлен не только на хранящемся здесь автографе «Голубени» (там же, № 1390, л 3—4), но и на рукописях не зарегистрированных в «Книге» стихотворений — «Снег, словно мед ноздреватый» и «Как покладника лег через ров» (там же, л 5—6) Отсюда можно сделать вывод о том, что они также поступили в редакцию «Ежемесячного журнала» одновременно с «Голубенью»

¹¹ Своевременному выходу в свет подготовленного С А Толстой-Есениной одномоника произведений поэта, которому, как о том свидетельствуют и ее письма к Н В Хлебниковой 1940—1941 гг, она отдала много сил и энергии, помешала Великая Отечественная война «огромным ударом было для меня то, — писала она в этой связи 10 сентября 1941 г, — что остановили мою книгу, вынули из типографии Теперь придется ждать окончания войны» (р I, оп 33, № 50, л 53—53, об) Книга была издана только в 1946 г, под заглавием «Избранное» и уже без комментария, рукопись которого хранится ныне в Государственном Литературном музее в Москве и до сих пор во многом сохраняет значение ценного источника сведений о поэте

¹² Из письма К И Чуковского К А Любимовой от декабря 1967 г, в котором он тепло вспоминает о своих встречах с художником-карикатуристом, оставившим талантливые зарисовки Горького, Шалапина и многих других выдающихся деятелей русской литературы и культуры и пользовавшимся благосклонным вниманием со стороны даже такого строгого ценителя искусства, как Репин (р I, оп 7, № 81)

¹³ Следует отметить также, что, кроме того, в библиотеке Пушкинского Дома, являющейся филиалом Библиотеки АН СССР, хранятся четыре сборника Есенина с дарственными надписями В С Миролубову («Радунца», 1916), Н А Котляревскому («Радунца», 1916), С А Родову («Голубень», 1918) и С Д Балухатому («Трерядница», 1921) Тексты всех надписей опубликованы (см *Малеева Н Т Книги с автографами С А Есенина // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению Л*, 1970 Вып 2. С 290—295)

¹⁴ Факсимильно воспроизведен в кн *Ключев Николай, Медведев П Н Сергей Есенин Л*, [1927] Вклейка между с 18 и 19, Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома М, Л, 1959 Вып 8 Вклейка между с 148 и 149

¹⁵ Подробнее об этом см *Базанов В В 1) «Время мое пришло»* (Сергей Есенин и книгоиздательство МТАХС) // *Вопр лит 1975 № 1 С 199—211, 2) Сер-*

гей Есенин и Книгоиздательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (1918—1920) // Есенин и современность М., 1975 С 120—141

¹⁶ Подробнее об этом см *Базанов В В* Неизвестный автограф Сергея Есенина // У истоков русской советской литературы 1917—1922 Л., 1990 С 16—17

¹⁷ См *Мануйлов В* О Сергее Есенине // Звезда 1972 № 2 С 181

¹⁸ Государственный Литературный музей, ф 4, ОФ № 22 Письмо частично опубликовано в 1972 г — см *Базанов В В* Эпизод из истории создания литературных объединений крестьянских писателей // Рус литература 1972 № 3 С 166

¹⁹ Подробнее об этом см *Базанов В В* 1) Свидетельство очевидца и память истории Есенин в мемуарах последних лет // Рус литература 1976 № 1 С 238—251, 2) К вопросу о комплиментарной критике // Проблемы русской советской литературы 50—70-е годы Л., 1976 С 295—323

²⁰ Подробнее об этом см *Базанов В В* 1) Из архивов «Ежемесячного журнала» // Нсва 1970 № 10 С 196—197, 2) Литературная хроника «Сергей Есенин» // Рус литература 1971 № 4 С 208—209, 3) Материалы к биографии С А Есенина // Есенин и современность М., 1975 С 309—310

²¹ *Блок А А* Записные книжки 1901—1920 М., 1965 С 257

²² Текст этого документа воспроизведен (не вполне точно) в книге М Ройзмана «Все, что помню о Есенине» (М., 1973 С 138), где он, кроме того, получил весьма искаженную интерпретацию Подробнее об этом см *Базанов В В* Свидетельство очевидца и память истории (Есенин в мемуарах последних лет) // Рус литература 1976 № 1 С 238—251

²³ См об этом *Рождественский Вс* Страницы жизни Из литературных воспоминаний М., Л., 1962 С 276—281

²⁴ Впрочем, одновременно, вероятно, поступившее с ним стихотворение «Танюша» («Хороша была Танюша, краше не было в селе ») появилось в журнале уже в конце 1915 г (1915 № 11) Время его поступления в регистрационной книге не отмечено, но, судя по письму к Есенину секретаря редакции П Бермана от 16 сентября 1915 г «Виктор Сергеевич извещает Вас, что стихотворения Ваши „Танюша“ и „Белая свитка“ можно будет напечатать» (ЦГАЛИ, ф 190, оп 1, № 108), — оно поступило в редакцию одновременно с зарегистрированным в книге 1 сентября 1915 г стихотворением «Белая свитка и алый кушак ».

²⁵ Цит по Горьковские чтения 1958—1959 М., 1961 С 85

²⁶ См Неопубликованные письма Г А Бенниславской Из материалов о С А Есенине / Публ подгот Нина Панченко // Белые ночи О тех, кто прославил город на Неве Очерки, зарисовки, документы, воспоминания Л., 1973 С 259—277

²⁷ См *Цветаева Марина* Письма к М А Волошину / Публ В П Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год Л., 1977 С 155

²⁸ С блеском (*ит*)

²⁹ См Рус литература 1962 № 3 С 175

³⁰ Имеется в виду состоявшийся 21 января 1916 г в «Обществе свободной эстетики» (Москва) литературный вечер Клюева и Есенина со вступительным словом И И Трояновского «Н Клюев, — отмечал репортер «Утра России», — прочел былину-сказание „О Вильгельмице, царе поганым“, а г Есенин — сказание о Евпатии Коловрате Затем поэты читали лирические стихотворения В произведениях обоих поэтов в значительной мере нашла свое отражение современная война Оба поэта имели у слушателей успех» (см Вечер народных поэтов // Утро России 1916 № 22, 22 янв С 4)

³¹ Столь же, кстати, критическое отношение вызывали теперь и публикуемые Есениным произведения у одного из наиболее известных поэтов-суриковцев той поры С Д Фомина (1881—1958), который еще незадолго до того являлся соавтором Есенина по Суриковскому кружку и годом ранее, 2 февраля 1915 г, на общем собрании кружка был совместно с ним избран в его редакционную комиссию «Вот, — писал, например, С Д Фомин тому же Л М Клейнборту 9 июня 1916 г, — в „Сев(ерных) записках“ печатают роман С Есенина „Яр“ Печатание этой вещи я ничем другим не объясняю, как одним желанием вызвать ожесточенную критику Я нахожу, что это произведение в целом антихудожественное Есть, конечно, удачные художественные маски и зарисовки, но в общем автор (которого можно определить его же словами) „скопырнулся и утоп“ в одних словах — провинциализмах и идонизмах Его стихи хотя и корявые, но куда цельней и лучше прозы» (ф 568, № 213, л 34, об)

³² Цит по Летопись жизни и творчества А М Горького М, 1958 Т 2 С 545

³³ ЦГАЛИ, ф 444, оп 1, № 973

³⁴ Подробнее об этом см [Базанов В В] Поэзия первых лет революции (1917—1921) // История русской советской поэзии 1917—1941 Л, 1983 С 115—118

³⁵ Цветаева М Живое о живом Волошин // Лит Армения 1968 № 6 С 78

³⁶ Подробнее см У истоков русской советской литературы 1917—1922 С 44—48

³⁷ Текст пропуска и комментарий С А Толстой-Есениной к нему см Белоусов В Сергей Есенин Литературная хроника М, 1970 Ч 2 С 244

³⁸ Мария Степановна Волошина (урожд Заболоцкая, 1887—1976) — жена поэта

³⁹ Имеется в виду содержащее ряд интересных сведений о Есенине письмо от 23 ноября 1925 г, которое так и не дошло до Волошина (Письмо старое привезу — не могу сейчас найти» (ф 562, оп 3, № 1185, л 28), — сообщила ему С А Толстая-Есенина 6 апреля 1926 г), его полный текст уже опубликован Сергей Есенин в переписке современников // Вопр. лит 1980 № 12 С 228—230

⁴⁰ В еще более поздних письмах С А Толстой Есениной к Волошиным имя Есенина почти не встречается отдавая много сил и энергии сбору рукописей поэта и материалов о нем, она редко рассказывала об этом в своих письмах, ее упоминания имени поэта в переписке с Волошиными каждый раз обуславливались какими-либо конкретными обстоятельствами Так, например, 16 сентября 1926 г она писала «Посылаю к Вам своих больших друзей — Григория Романовича и Лидию Ивановну Колобовых Они очень хорошие люди, и я очень их люблю Они были большие друзья моего мужа » (ф 562, оп 3, № 1185, л 29, об — 30) Другое ее письмо, от 6 апреля 1929 г, свидетельствует о том, что вскоре после завершения в 1928 г второго издания четырехтомного собрания сочинений Есенина планировалось его новое переиздание, однако резко усилившаяся в это время кампания борьбы с так называемой «есенинщиной» не позволила осуществить этот замысел «Недавно произошла очень для меня тяжелая история < > Подготовка нового полного собрания было самое сложное и главное мое дело в течение 8-ми месяцев, из-за этого я не уезжала из М(оск)вы все прошлое лето» Прекращение работы над уже подготовленным изданием (« все было готово, Ал(ексан)др Ник(олаевич) Тихонов издавал ») было воспринято ею очень болезненно «Я мрачна, расстроена, зла » (там же, л 47, об) В дальнейшем, как известно, сборники стихов Есенина неоднократно переиздавались и до, и после Великой Отечественной войны (первый из них появился уже в 1946 г), в 60-е гг сразу двумя изданиями вышло и новое собрание его сочинений в пяти томах

⁴¹ Сергей Есенин в переписке современников С 230

⁴² Таково, например, письмо О К Толстой к Р А и П И Кузнецовым от 11 января 1926 г, текст его см Мануйлов В О Сергее Есенине // Звезда 1972 № 2 С 186—188

⁴³ Там же С 186

⁴⁴ Там же

⁴⁵ Злопамятство, зло (фр)

⁴⁶ Имеется в виду Зинанда Николаевна Райх (1894—1939) — жена Есенина в 1917—1921 гг, затем она вышла замуж за В Э Мейерхольда, артисткой театра которого являлась

⁴⁷ Подробнее об этом см После смерти Есенина // Красная газета, веч вып 1926 13 янв, Дело о Сергее Есенине // Новая вечерняя газета 1926 3 фев, Иск к вдове Есенина // Красная газета, веч вып 1926 3 сент, Дело о наследстве Есенина // Вечерняя Москва 1926 4 сент и др

⁴⁸ Карнаухова Ирина Валентиновна (1901—1959) — известный советский фольклорист и прозаик, близкая подруга С А Толстой-Есениной, оказывавшая ей в тот период большую моральную поддержку

⁴⁹ О К Толстая не совсем права летом 1925 г Есенин лишь около полутора месяцев находился в Москве (с 28 мая по 9 июля и с 16 по 25 июля), после чего вместе с С А Толстой-Есениной уехал в Баку, откуда вернулся только 6 сентября, вскоре вновь уехал, уже в Константиново, где пробыл до 23 сентября (см VI, 465—466) После этого он около двух месяцев (исключая лишь время поездки

в Ленинград со 2 по 7 ноября) действительно проживал в квартире Толстых — вплоть до 26 ноября, когда лег в клинику 1-го Московского университета, которую покинул 21 декабря, через два дня отправившись в свою роковую поездку в Ленинград. Поэтому многие из следующих упреков О К Толстой относятся в сущности не столько к самому Есенину, сколько к его различным родственникам, которые все это время проживали в квартире Толстых.

⁵⁰ Екатерина (1905—1977) и Александра (1911—1980) Александровны Есенины

⁵¹ Илья Иванович Есенин (1902—1942²)

⁵² 30 июня 1925 г Есенин подписал договор с Госиздатом на выпуск собрания стихотворений в трех томах, непосредственная подготовка которого к печати завершилась в сентябре—октябре 1925 г.

⁵³ Подробнее об этом см статью Ю Л Прокушева «Судьба поэта» (Огонек 1975, № 36—37), а также мои работы, указанные в примеч 19

⁵⁴ Айседора Дункан (1877—1927) — знаменитая американская танцовщица, приехавшая в 1921 г по приглашению Советского правительства в Москву, где вскоре Есенин познакомился и близко сдружился с ней, 2 мая 1922 г был зарегистрирован ее брак с Есениным, в мае 1922-го—августе 1923 г они вместе совершили зарубежную поездку по ряду стран Западной Европы и Америки

⁵⁵ С А Толстая-Есенина активно работала в Музее С А Есенина с первых дней его организации вплоть до его закрытия в 1929 г, после чего специальным постановлением правления Всероссийского союза писателей была назначена пожизненной хранительницей собранных за время работы Музея (главным образом благодаря ее неутомимой энергии и стараниям) есенинских материалов и в последующие годы по мере возможности продолжала большую и сложную работу по сбору и систематизации рукописного наследия поэта. Помимо уже упоминавшегося сборника произведений Есенина «Избранное» (М, 1946), работу над которым частично отражают цитированные выше ее письма к Н В Хлебниковой, ею был подготовлен также к печати сборник поэта «Стихи и поэмы» (М, 1931)

⁵⁶ А Б Мариенгоф явно не прав: увидевшая свет в 1927 г и затем дважды переизданная его книга сразу же подверглась — и справедливо — весьма основательной критике буквально со всех сторон. Не соответствует действительности и следующая ниже утверждение о том, что якобы после ознакомления с «Романом без вранья» А Дункан «прикончила дружбу» с его автором как известно, А Дункан еще в сентябре 1924 г покинула СССР и трагически погибла в Ницце (Франция) 14 сентября 1927 г, т е буквально через несколько дней после выхода в свет книги Мариенгофа, с которой она, очевидно, вовсе не была знакома

⁵⁷ В делах Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (ф 291, № 1) находим еще один документ, написанный А Б Мариенгофом 2 января 1926 г (его подписали также Р Ивнев и Н Эрдман), ярко свидетельствующий о том, сколь резкое неприятие вызвала у бывших имажинистов статья Бориса Лавренева «Казненный дегенератами» «В „Красной газете“ (веч вып от 30 дек 25 г), № 315, появилась статья „Казненный дегенератами“ Б Лавренева, в которой автор позволяет себе назвать идейное литературное течение имажинизма, нам близкое и нами созданное, школой, родившейся „на пороге лупанария и кабака“, а ее представителей — литерат(урными) шантажистами, которые „не брезгали ничем“, лишь бы „в связи с именем Есенина упоминались и их ничтожные имена“, и которые, „не щадя своих репутаций, не пощадили репутации Есенина и не пощадили его жизни“. Называя имажинистов дегенерированными от рождения духовными сифилитиками, тлением „городских притонов“, Лавренив заявляет, что „нравственный долг“ предписывает ему „сказать раз в жизни обнаженную правду и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, черная кровь которых“ и т д. Мы считаем, что на Всерос(сийском) союзе писателей, членами которого мы состоим, лежит обязанность либо, если характеристика автора статейки верна, исключить нас из Союза писателей как недостойных быть его членами, либо призвать зарвавшегося клеветника к порядку и дать надлежащую оценку его выступлению, тем более отвратительному, что оно связано с ужасной смертью духовно и литературно близкого нам человека». Написанное 2 января, это заявление поступило в правление Всероссийского союза писателей лишь 18 января 1926 г. Из имеющихся в деле материалов не вполне ясно, рассматривалось ли оно в каком-либо органе Правления

- ⁵⁸ Воспоминания частично публиковались — см *Аксенов А* Есенин в Клепиках // Новая Мещера 1960 2 окт
- ⁵⁹ См *Мартынов П Н* Полвека в мире книг Л 1969 С 76
- ⁶⁰ См *Заборова Р Б* Из архивных разысканий о Сергее Есенине // Рус литература 1970 № 2 С 154—155 Ср Вечерний Тбилиси 1970 17 окт Курортная газета (Ялта) 1971 8 авг
- ⁶¹ Текст отзыва К А Фекина уже опубликован — см *Панченко Н* Автографы С А Есенина в Пушкинском Доме С 254
- ⁶² См *Прокофьев А* Собр соч В 4 т Л, 1978 Т 1 С 441—442
- ⁶³ Подробнее об этом см *Александров А А* Материалы Д И Хармса в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год Л, 1980 С 64—79
- ⁶⁴ В архиве Прокофьева хранится авторский экземпляр издательского договора от 3 апреля 1946 г на подготовку вступительной статьи к этому сборнику и на его общую редактуру (ф 726, оп 3, № 22, л 2—3, по ряду причин однотомник так и не вышел в свет)
- ⁶⁵ См *Прокофьев А А* Собр соч Т 4 С 344—346
- ⁶⁶ Не относящиеся непосредственно к Есенину, но в целом весьма существенные для правильного понимания и «есениноведческих» размышлений автора фрагменты этого письма (как и ряда других писем В Ф Бокова Прокофьеву) опубликованы в 1981 г — см *Базанов В В* Поэзия и фольклористика // Из истории русской советской фольклористики Л, 1981 С 22—65
- ⁶⁷ *Твардовский А Т* Собр соч В 6 т М, 1983 Т 6 С 27
- ⁶⁸ Начальная строка одноименного стихотворения Есенина 1917 г (I, 138)
- ⁶⁹ Из стихотворения Есенина «Теперь любовь моя не та...» (1918), посвященного Н Клюеву (I, 174)
- ⁷⁰ Начальная строка стихотворения Есенина «В хате» (I, 89)
- ⁷¹ Один из переводов этого стихотворения на русский язык выполнен Прокофьевым (см Резец 1939 № 6 С 6), который, кроме того, дал ему очень высокую оценку «Это стихотворение — настоящий поэтический шедевр, оно останется в памяти, как музыка, как аккорд глубоко потрясающей лирической силы» (*Прокофьев А* Свет поэзии Статьи и заметки о литературе Л, 1975 С 266)
- ⁷² Ряд заслуживающих внимание сведений о Есенине содержат также материалы переписки самого Н И Ховрякова

Л Н Иванова

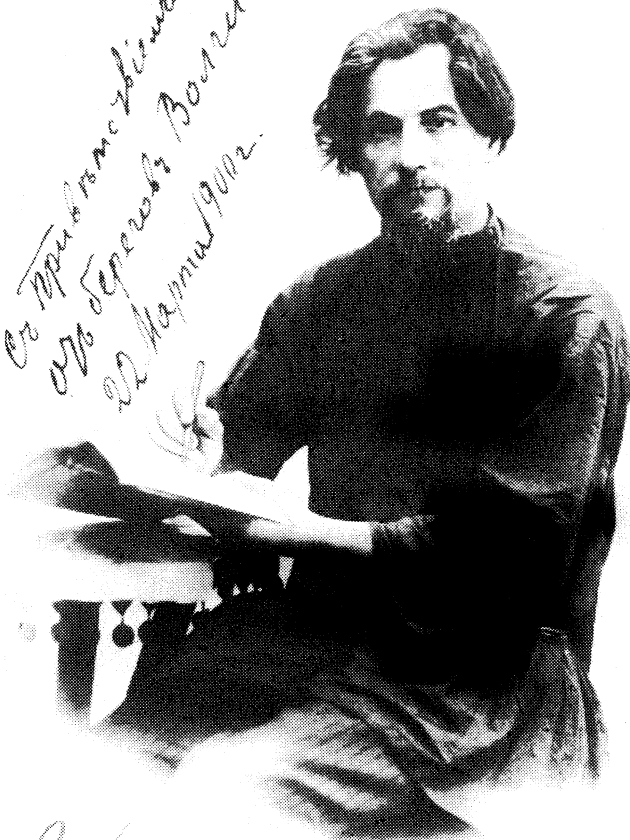
АРХИВ С. Д. ДРОЖЖИНА

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848—1930), «крупнейший после Сурикова поэт-самоучка»,¹ родился в деревне Низовка Тверского уезда Тверской губернии в семье крепостного Обученный деревенским дьячком лишь первоначальной грамоте, он в одиннадцатилетнем возрасте был послан в Петербург на заработки Начав с мальчика-полового в трактире, Дрожжин затем служил подручным буфетчика, лакеем у помещиков, приказчиком и продавцом в лавках и книжных магазинах в Москве, Ташкенте, Харькове, Ярославле и в различных губерниях Однако стремление к знаниям было велико на свои скудные заработки он постоянно приобретал книги, состоял читателем петербургской Публичной библиотеки

С шестнадцати лет Дрожжин начал писать стихи Опубликовав в 1873 г стихотворение «Песня про горе добра молодца»,²

Владу Всеволодову Дрожжину

с любовью
от братьев
из берегов Волги.
22 марта 1902г.

В. Дрожжин

стал печататься в периодических изданиях. В конце 1870-х гг. сблизился с группой петербургских писателей (Н. А. Соловьев-Несмелов, А. К. Шеллер-Михайлов, М. Н. Альбов, А. Н. Пешкова-Толиверова и др.), а спустя почти десять лет — с московским кружком писателей из народа, руководимым М. Л. Леоновым. В 1889 г. в Петербурге вышел его первый сборник: «Стихотворения. 1866—1888. С записками автора о своей жизни и поэзии».

В 1896 г. Дрожжин навсегда вернулся в Низовку и посвятил себя сельскому хозяйству и литературному труду.³ Не случайно за

ним прочно укрепилось «звание» поэта-пахаря, выразившее своеобразие его скромного места в поэтическом ряду.

Бывший крепостной крестьянин встретил Октябрьскую революцию почти 70-летним старцем, но до конца дней участвовал в литературной и общественной жизни. Скончался Дрожжин в Низовке, а в 1938 г. в поселке Завидово, куда была перенесена его могила, открылся музей его имени.⁴

1

Несмотря на жизненные перипетии и частые переезды, к концу жизни Дрожжину удалось сберечь немалое архивное собрание, иконографию, библиотеку.⁵ Советское правительство выступило с инициативой сбора и сохранения культурных ценностей: в 1920-е гг. с просьбами о рукописях и материалах для экспозиции к Дрожжину, как и ко многим другим писателям, обращались сотрудники архивохранилищ и музеев. Так на основе сданных поэтом материалов в 1923 г. (в связи с 50-летием его литературной деятельности) в Тверском, а в 1926 г. и Ржевском государственных историко-археологических музеях были открыты «Дрожжинские комнаты».

Небольшое, но содержательное собрание поступило в 1928 г. в Пушкинский Дом, что не было случайностью: добрые, порой многолетние отношения связывали поэта с рядом сотрудников этого учреждения. Прежде всего следует назвать одного из основателей Пушкинского Дома и первого его директора академика Н. А. Котляревского, с большой симпатией отозвавшегося о поэте еще в 1904 г.⁶

Первый вклад в архивохранилище молодого учреждения был сделан Дрожжиным в 1913 г.; в ответ на него 9 ноября того же года пришло письмо от Котляревского:

«Милостивый государь Спиридон Дмитриевич!

Получив принесенные Вами в дар Пушкинскому Дому Ваши сборники стихотворений, рукопись Вашей автобиографии и Ваши фотографические портреты, я, как управляющий делами Пушкинского Дома, имею честь принести Вам за них выражение живейшей признательности.

Препроводяя вместе с тем юбилейную медаль в память столетия со дня рождения Пушкина, прошу Вас не отказать принять ее, как знак благодарности за Ваше ценное пожертвование и внимание к задачам и целям Пушкинского Дома.

Нестор Котляревский».⁷

Знаком был Дрожжин и с академиком П. Н. Сакулиным. «Я всегда с любовью и часто вспоминаю о Вас в моем „Дневнике с записками о жизни и поэзии. 1848—1929“»,⁸ — писал Дрожжин

28 октября 1929 г., поздравляя Сакулина с назначением на должность директора Пушкинского Дома (№ 61). В письме к А. В. Попову⁹ от 1 марта 1930 г. поэт цитирует лестное для него письмо Сакулина от 10 февраля того же года: «Я один из Ваших старых почитателей<...> Поздравляю Вас с переименованием Низовки в Дрожжину.¹⁰ Это вполне заслуженная награда. Вы прочно вошли в историю русской поэзии, и Ваше место в ней определилось с полной отчетливостью. Изложенный Вами взгляд проф. А. В. Попова теперь является уже общепринятым мнением. И я в том же роде характеризую Ваше творчество в своей работе о русской литературе, которая издается в Германии на немецком языке.¹¹ Та же характеристика, но в более подробной редакции войдет в III часть моей „Русской литературы“. В этом году я работал над ней, но в печать еще не сдавал» (№ 58).¹²

Как и Котляревский, Сакулин приветствовал приобретение дрожжинских материалов Пушкинским Домом. В конце 20-х гг. начались переговоры с поэтом. Дрожжин успел подготовить лишь часть своего большого архива, которую передал 5 октября 1928 г. в дар через ученого секретаря Пушкинского Дома Б. И. Коплана.¹³ За полгода до кончины, 6 января 1930 г., Дрожжин составил завещание, в котором душеприказчикам — племяннику М. С. Дудорову¹⁴ и представлявшим интересы Пушкинского Дома А. В. Попову и В. М. Федорову-Курганову¹⁵ — предоставлялось право распорядиться оставшейся частью архива, библиотеки и прочим имуществом. Однако после смерти поэта большое собрание его рукописей поступило в ЦГАЛИ.¹⁶

В 1934 г. благодаря хлопотам сотрудников и представителей Пушкинского Дома к фонду Дрожжина были присоединены материалы из Московского областного архива, находившиеся ранее в Тверском историко-археологическом музее.

Небольшие фонды Дрожжина имеются также в Институте мировой литературы им. А. М. Горького (ф. 14) и в Государственном литературном музее (ф. 82).

Большинство фотографий Дрожжина и два живописных портрета: художников И. Д. Щепакина (1928) и А. И. Клименова (август 1930)¹⁷ находятся в Литературном музее Пушкинского Дома, а книги — в библиотеке.¹⁸

Следует также отметить, что в других фондах и собраниях Пушкинского Дома встречаются рукописи и письма Дрожжина. По мере необходимости они будут использованы в данной статье.

2

Творческие материалы фонда Дрожжина представлены белыми и черновыми рукописями поэтических сборников: «Гусляр» (1866—1887), изданный под заглавием: «Стихотворения. 1866—1888. С записками автора о своей жизни и поэзии» (СПб., 1889); «Песни и думки» (стихотворения разных лет, подготовленные

к переизданию, 1880—1918); «Разные стихотворения последних лет» (1889—1912); «Стихотворения, вырванные из 5-й кн. изд. 1912 и II-го тома» (1912); две наборные рукописи: «Песни молодости» (1912) и «Песни старого пахаря. 1906—1912» (1912—1913; М., 1913), а также тексты из подготовленного к печати сборника «Избранные стихотворения. 1866—1923» (1923).

Проследить творческую работу поэта позволяет большая переплетенная тетрадь, включающая черновые и беловые автографы стихотворений за 60 лет (1868—1928), вошедших в различные сборники и периодические издания. В фонде также немало разрозненных стихотворений (главным образом автографы) за 1873—1923 гг.¹⁹

Несомненный интерес представляет собой ряд автобиографических произведений Дрожжина (их он за свою жизнь немало написал и опубликовал).

В конце 1883 г. поэт познакомился с редактором «Русской старины» М. И. Семевским, который, заинтересовавшись судьбой «самородка-самоучки», предложил ему написать развернутую автобиографию. Дрожжин без особого труда справился с задачей: он много размышлял о жизни и еще в 18-летнем возрасте начал вести дневник. Эти записи (в архиве сохранилось пять самодельных тетрадок), охватывающие 1867—1871 гг. (№ 24), послужили ему ценнейшим подспорьем. В архиве журнала «Русская старина» находится наборная рукопись, помеченная 22 марта 1884 г. и озаглавленная «Воспоминания крестьянина поэта-самоучки. Автобиография С. Д. Дрожжина. 1 ч. Родина» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 34). Отредактировав рукопись, снабдив своим лестным предисловием, изменив заглавие на «Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина, описанная им самим», Семевский поместил ее в № 9—11 журнала за 1884 г.²⁰ Жизнеописание вызвало немалый интерес к судьбе и творчеству поэта и позднее не раз издавалось со значительными изменениями и дополнениями. В архиве поэта есть несколько вариантов (беловые и черновые автографы) одного из таких сочинений, а также наборная рукопись, датированная 19 декабря 1899 г., с правкой редактора, пометами и разрешением к печати цензора И. И. Феоктистова (№ 17, 18).²¹

Кроме того, в фонде имеются черновые и беловые автографы автобиографических произведений и автобиографий, предназначенных для различных изданий справочного характера и антологий.²² Здесь же можно упомянуть краткую автобиографию, написанную 1 мая 1923 г. для Пушкинского Дома, а также обширную рукопись, озаглавленную «Письма, дневники и разные автобиографические заметки как основные материалы для Автобиографии и Воспоминания. С. Д. Дрожжина. 1854—1875 гг. Извлечения 1904, 1917 и 1918 годов».

В фонде поэта сохранилась небольшая тетрадь с записями народных песен, сказок, легенд, собранных им в 1868—1907 гг. в окрестных деревнях. Видевший истоки своей поэзии в русском фольклоре²³ Дрожжин всегда испытывал к нему огромный интерес

и многие годы занимался собиранием образцов устного народного творчества. К этой деятельности поэта проявлял интерес известный фольклорист Ю. М. Соколов, вспоминая о большом рукописном сборнике с подобными записями, виденном у Дрожжина в Твери в 1927 г. Местонахождение этой рукописи установить не удалось.²⁴

Нередко отмечалась особая песенная природа поэзии Дрожжина, поэтому не случайно многие его стихотворения были положены на музыку²⁵ и входили в репертуар Н. В. Плевицкой, А. Д. Вяльцевой, Ф. И. Шаляпина и др. В архиве хранятся ноты некоторых романсов и песен на его стихи композиторов В. И. Ребикова, С. М. Любского, Ф. О. Лашека и др. Часть из них — с дарибельными надписями поэту.

3

Основная часть архива — письма к Дрожжину, где особое место занимают письма друзей, также дополняющие его биографию.

Обладая скромным поэтическим дарованием, Дрожжин, благодаря своим душевным качествам, имел немало друзей, в том числе и среди писателей. Одними из первых следует назвать А. Н. Пешкову-Толиверову и А. Н. Соловьева-Несмелова, представителей петербургского кружка литераторов, сыгравшего важную роль в жизни начинающего поэта. Отнесясь с интересом и симпатией к даровитому крестьянину, писатели приняли живое участие в его судьбе.²⁶

Писательница Александра Николаевна Пешкова-Толиверова (1842—1918) в журналах «Женское дело», «Новое дело» и «Игрушечка», которые она издавала и редактировала, уделяла немалое внимание творчеству писателей из народа. Письма ее к Дрожжину, несмотря на многочисленность (89; 1878—1916), небогаты историко-литературным содержанием, главное в них — дружеское участие. «От Вашего письма, мой хороший Спиридон Дмитриевич, — пишет она 21 сентября 1878 г., — веет щемящей тоской. Вы правы! Много безысходного горя в жизни нашего крестьянина, нужен выход и скорый. . . но нужна также и энергия со стороны крестьянина. А легко ли ему, — ему, у которого еще не зажили раны от крепостничества» (№ 152, л. 5, об.).²⁷ Зная о материальных трудностях Дрожжина и гнетущей его домашней атмосфере,²⁸ Пешкова-Толиверова способствовала ему в публикации стихов, помогала в устройстве на службу, а порой и вызволяла из опалы.²⁹ «Вам нельзя более жить в деревне. Деревенская тишь, деревенская природа не дадут Вашей чуткой натуре той нравственной жизни, которой Ваша душа требует и просит. Как съедутся мои знакомые в Питер, я сейчас учиню на них поход. Всеми силами буду искать Вам занятий» (17 июня 1878 г. — там же, л. 1). В последующих письмах Пешкова-Толиверова также пыталась подбодрить друга.

Как ни тяжел был нищенский крестьянский удел, Дрожжина все более тяготила жизнь «в людях», он мечтал о возвращении

в деревню. Одним из тех, кто поддерживал это его стремление, был детский писатель, журналист Николай Александрович Соловьев-Несмелов (наст. фамилия Соловьев; 1847—1901). Эта дружба, вспоминал Дрожжин, «особенно имела благотворное влияние на мои взгляды, убеждения и литературный рост».³⁰ «Ты хочешь остаться там, у земли? — писал Соловьев-Несмелов 28 ноября 1886 г. — Что же — постарайся найти внутри себя нотку, благодаря присутствию которой наш простой человек, сидя у земли и питая город развеселый, сам ест пустые щи и нередко без соли, спокойно говорит: „Ничего. . .“ Если эту самую нотку ты в себе нащупал и при этом чувствуешь, что можешь несколько перестроить свою лиру на средних нотах — между нашими народными поэтами и английским, или, вернее, шотландским Бернсом (Беранже не подходит к нашей народной музе — юмора над собою, над окружающим с мягким оттенком любовной грусти), то там делаешь, полагаю, лучше свое дело и выполнишь вернее свое назначение, чем здесь, сидя в сыром подвале дома Яковлева. Время и строй поэзии Кольцова, Никитина, Сурикова и самого Некрасова со всеми их *⟨1 нрзб.⟩* собратья *⟨ми⟩*, голубчик, в сотый раз тебе скажу, сделали свое дело — и требуют, они именно требуют теперь иных поэтов из народа. Приляг ухом, грудью к земле и ищи иного тона. . . Отойди от образцов, сделавших честно и художественно свое дело, иди своей тропой, — это тебе совет одного из искренних твоих людей, которому родное слово и родная поэзия всегда были и будут дороже всего на этом свете» (№ 175, л. 109, об.). В других письмах Соловьева-Несмелова (51; 1878—1886) речь идет о его службе в редакции «Игрушечки» в качестве секретаря, о поэте И. З. Сурикове (о его болезни, смерти и о работе над его биографией).³¹

В феврале 1889 г. к Дрожжину, поэзия и биография которого были уже знакомы читающей публике, обратился (в качестве редактора-издателя общественно-литературного сборника «Зарница») начинающий симбирский литератор Аполлон Аполлонович Коринфский (1868—1937) с просьбой прислать стихи. Сборник не состоялся, но завязалась переписка, а затем дружеские отношения, продлившиеся сорок лет.³²

В 1890 г. Коринфский переехал в Москву, затем в Петербург, стал активно печататься, сблизился с писательской средой.

В архиве Дрожжина хранятся 99 писем к нему за 1889—1927 гг. А. А. Коринфского, известного уже в 1890—1910-е гг. поэта и беллетриста.³³ Эти письма не только дополняют биографию Коринфского, но и содержат биографические сведения о некоторых литераторах: «Познакомился два дня тому назад с Алексеем Ермиловичем Разореновым.³⁴ У него здесь в Палашевском переулке своя овощная лавка. Это старик 70 лет (родился в 1819 году), представляет из себя ходящую летопись «доброе старого времени», был дружен с Суриковым (или вернее — тот был дружен с ним), начал писать стихи 17-ти лет, еще в тридцатых годах. . .» — пишет он из Москвы 11 января 1890 г.

Кратко изложив биографию поэта-самоучки,³⁵ автора песни, «известной всей России (и грамотной и неграмотной)», — «Не брани меня, родная. . .», Коринфский заканчивает: «Славный старик, дай бог многим из нашей молодежи (тоскующей и ноющей) догнать его во взглядах и суждениях. . . Много пересказал он мне про Сурикова, немало интересного, нового. Еще раз скажу: славный старик! . . И, хотя в нем есть кое-что такое, что уже должно было в вечность отойти (следы 20-х и 30-х годов), но все-таки душа у него до сих пор молодая. . .» (№ 120, л. 14, об. — 16). В этом же письме приводятся сведения о поэте И. А. Белоусове.

6 января 1892 г. Коринфский сообщает о новом петербургском знакомстве: «Познакомился у Соловьева-Несмелова на днях с Ник(олаем) Сем(еновичем) Лесковым и нашел, что это не только большой (большой) талант (что я знал и раньше), но вдобавок к этому человек большого, глубокого ума. Остроумен к тому же, как бог знает кто. . . Просто удивительно, — как будто это самый обыкновенный смертный. . . А лесковых у нас в это безвременье не особенно много ведь!».» (№ 120. л. 72—72, об.).

В письмах последующих лет также нередко встерчаются имена литераторов, общих друзей и знакомых. Среди них: К. М. Фофанов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. С. Баранцевич, И. Ф. Горбунов и др.

Восторженно встретив Февральскую революцию, Коринфский не принял Октябрьскую и последовавшие за ней преобразования в обществе. Этим объясняются его фактический уход от литературной деятельности, одиночество, материальная нужда. «Спрашиваешь ты, друже милый, о том — где я печатаюсь теперь? Нигде, ибо негде, — да и не пишу почти ничего, совершенно придавленный и растерзанный в клочки проклинаемой всеми жизнью при современном архинасильническом режиме. . . Была, брат, у нас литература, ширилась и росла — могутнела год от года, и *нет ее*, плюнули ей в глаза господа душители и гасители всякой свободной мысли и наложили на нее и на ее творцов и работников свою потную, скользкую, грязную тяжелую руку: „Запретить! Чтоб и духу ее не было!..“ <. . .> Темно нам живется, темным-темнешенько. . .» (18 мая 1921 г.; № 121, л. 19—19, об.). Поэту остается жить лишь воспоминаниями о прошлом, об ушедших друзьях: «Ты спрашиваешь о музее покойного (тоже, тоже покойного!!!) Ф. Ф. Фидлера? ³⁶ Дочь его, Маргарита ³⁷ (где она *теперь* — я не знаю, но видел ее раза два в революционное уже время) *продала* весь его музей коллекционеру А. Е. Бурцеву, ³⁸ миллионеру *до* революции, а потом перебивавшемуся книжной—антикварной торговлей в лавке отнятого у него громадного дома. Где и что он *теперь* — не знаю. Фриц наш, вместо Публичной библиотеки, оставил музей и все свое по завещанию дочери, она *продала* музей, кажется, за 30 тысяч — настоящих, а не большевистских, еще до Октябрьской революции, а Фидлер сам похоронен в первый день Февральской («Да святится имя *ея!*») Революции. . . Наш милый друг, наш незабвенный „немец“ перехитрил перед своей смертью всех нас — несших в его сокровищницу литературы свои вклады! . . Да простит

ему Господь этот грех!.. Он так любил литературу, как никто, — воистину был ее любовником, верным ей до преддверия своей могилы на Волковом кладбище, теперь наполовину запустелом, замусоренном и ограбленном... Кажется, кто-то говорил, что и крест Фидлера (как и А. М. Сальникова, нашего с тобой друга) тоже пошел на топливо...» (7(20) сент. 1924 г.; № 121, л. 29, об. — 31).

Приведем фрагмент еще одного письма А. А. Коринфского, представляющего несомненный интерес: «Покончил с собою (повесился) Сергей Есенин. Страшная смерть!.. Ты, конечно, читал уже об этом, а — может быть — и на похороны его (в Москве) попал по своему приезду туда?.. Ну, да, вероятно, так... Несмотря на всю *сумбурность* и *разгильдяйность* его писаний, это был *поэт*, прирожденный, поэт родного—русского (хотя во многом извращенного современностью) типа, — не «советский» вы... к, торгующий площадными словами, а (как ни взгляни на его сущность) сбившийся с пути носитель страдающего национального (русского!) духа... Некоторые вещи у него были изумительно хороши, были и ранившие сердца своими воплями; когда хотел — он мог понимать и русскую природу, и русскую душу — с ее стихийностью, с *ея Правдою*... Слава Богу, этот Сергей Есенин не был „пролетарским“ поэтом, а только крестьянским, русским... И появился он со стихами не теперь, а *до „них“*... Как не сказать о нем твоими, друже, словами: „Кончилась жизнь *молодая и сильная!*“ — дикая, своевольная, пьяная, буйная (зачастую — хулиганская), но все же русская!.. Да будет легка ему московская земля!..» (27 дек. 1925 (9 января 1926) г.; № 121, л. 55, об.).

О другой многолетней дружбе напоминают два письма Дрожжину поэта-самоучки Максима Леоновича Леонова (1872—1929).³⁹ Их знакомство состоялось в конце 1880-х гг. в московской мелочной лавке, где служил Леонов, объединивший вокруг себя писателей из народа (с 1903 г. — Суриковский литературно-музыкальный кружок). Став членом кружка, Дрожжин участвовал в многочисленных коллективных сборниках, издаваемых Леоновым.

В 1910 г. за политическую неблагонадежность Леонов был выслан в Архангельск, где организовал издание газеты «Северное утро» (1910—1919), на страницах которой пропагандировал творчество поэтов-суриковцев. Письма к Дрожжину, относящиеся к 1926 г., содержат подробности сложного и малоизвестного периода жизни М. Леонова: «Вот уже 15 лет, пожалуй, даже больше, как я сижу здесь, в этой дыре. Первоначально была здесь сидеть цель, была у меня газета и дела шли хорошо, обзавелся собственной типографией, но все это кануло. Отрезанные от центра фронтом, мы сидели здесь, не зная, что творится у вас в центре. Преподносились нам сообщения о большевиках черт знает какие, сгущались краски и мы писали все это, и в результате, когда фронт был ликвидирован „милые“, черт бы их побрал,

англичане сбежали из Архангельска, я оказался преступником, как редактор „Белой“ газеты, и пришлось в результате отбыть наказание в лагере принудительных работ, таскать камни, пилить дрова, чистить сортиры и т. п., и в таком положении целый год. Вот уж поистине не везет человеку: при проклятом самодержавии чуть не 20 раз пришлось сидеть в тюрьмах и отбывать ссылку, и отбыть 3 года крепости, и при Народном правительстве, о чем всю жизнь мечталось и за что ушли все молодые силы, то же самое. Горько, друг мой, и обидно. Обидно не на кого-либо, а на себя самого, что так глупо все это вышло. И вот теперь я торгую, служу в кооперативном товариществе „Призыв“ в качестве продавца в отделе детских игрушек, получаю 60 р<ублей> в месяц и на это живу <...> Пробовал писать о своем положении сыну,⁴⁰ и тот был по этому поводу у Луначарского. Последний, спасибо ему громадное, написал местному завгубоно, чтобы, дескать, обратили на меня внимание, как на человека, который должен занять более соответствующую должность, но так это как-то и прошло, а еще просить и напоминать о себе просто не хочется. Как-нибудь доволоку остаток дней» (11 марта 1926 г.; № 133, л. 4).

Собственное нелегкое положение не ожесточает Леонова. «За тебя я очень рад, — пишет он далее, — и весь переполнен благодарности Советской власти за те заботы, которые она оказывает литературным работникам» (там же, л. 5). В том же письме поэт с гордостью рассказывает о сыне Леониде: «От сына часто получаю письма. Весной он едет в командировку. Наметил поездку в Персию.⁴¹ Получил от правительства на эту поездку деньги. Приняты к постановке его две пьесы. Одна „Унтиловск“ — в Московском Художественном Театре. Другая „Барсуки“ — в 3-й студии имени Вахтангова. Пойдут обе пьесы в будущем сезоне»⁴² (там же, л. 5, об.—6). В сыне стареющий поэт видит свое единственное утешение: «Если я не мог дать сам хотя не многое, то, быть может, он допоеет мою лебединую песню», — пишет он 19 января 1926 г. (там же, л. 1, об.).

11 июня 1916 г. Дрожжин писал А. А. Коринфскому: «За последние годы я завален письмами молодой крестьянской интеллигенции и так называемых (в книге Васильева) „самородков“, что меня радует; это большей частью молодежь от 12 до 20 лет, учащаяся и закончившая школу грамоты, между ними, хотя и мало, но есть и с искрой таланта».⁴³ Немалая часть таких писем за 1850—1928 гг. сохранилась в архиве Дрожжина. Авторы их — крестьяне, служащие лавок, мелкие ремесленники, учащиеся. Некоторые из них печатались в периодических изданиях, коллективных сборниках, состояли членами литературных кружков, объединений. Во многих письмах (или в приложениях к ним) — стихотворения, реже — рассказы. Некоторые корреспонденты присылали небольшие рукописные сборники в самодельных тетрадах. Можно назвать такие сборники, как «Смех и слезы» (1850—

1860) Я. П. Безукладникова, «Занятия мастерового Евгения Орлова после десятичасового физического труда» (1911), «Грезы и тени» (1895) П. Т. Полстовалова и др. Присылаемые произведения были, как правило, беспомощны и подражательны (подчас тому же Дрожжину). Но в данном случае заслуживает внимания сам факт обращения к творчеству, стремления к самовыражению людей, которым порой овладение элементарной грамотностью стоило невероятных усилий; людей, задавленных нуждой, изнурительным трудом и ищущих выхода. «Вся жизнь моя прошла и проходит в убийственном однообразии: целый день (не исключая и праздничных дней) с 6—7 ч (асов) утра до 9 ч (асов) вечера нахожусь в лавке с аршином в руках, встречаю и провожаю покупателей», — пишет крестьянин Тульской губернии А. М. Ворохов⁴⁴ 1 марта 1896 г. (№ 218). О «злом духе „семинарщины“, иссушающем сердце бесплодной казуистикой и убивающем в зародыше лучшие запросы и порывы души», пишет 28 января 1914 г. воспитанник 5 класса Одесской духовной семинарии Николай Волитарский (№ 246).

Дрожжин часто печатался в доступных народу дешевых изданиях «Посредника», журналах «Читальня народной школы», «Солнышко» и др. Его поэзия была близка и понятна простому люду, а в его биографии многие находили сходство со своей жизнью. Это пробуждало в людях веру в собственные силы, в возможность изменить и собственную судьбу. Из разных уголков России они обращались к Дрожжину: просили совета, как начать самообразование, присылали на отзыв произведения. Некоторые описывали свою жизнь, иные просто выражали читательскую благодарность. «Я крестьянин Рязанской губернии — крестьянин-страдалец, с детства выброшенный за борт жизни. Круглый сирота (< . . . >), — пишет 15 февраля 1919 г. мастеровой В. А. Моисеев — Читал Ваши стихотворения в сборнике „Поэзия труда и горя“,⁴⁵ которые живой волною льются на исстрадавшуюся грудь забитого нуждой человека, и поднимающие во мне со дна души — силу, бодрость и веру в людей, которые своею теплой любовью и ясностью облегчают мою изможденную от трудов и горя грудь. И в то же время, когда читаю Ваши стихи, я забываю свою тяжелую долю, и в то же время мне становится легко и свободно. . .» (№ 267).

О серьезном отношении Дрожжина к корреспонденциям такого рода свидетельствуют его письма к И. А. Рослову (6; 1929—1930),⁴⁶ А. И. Скребкову (4; 1925—1928), а также пометы об ответах и отправлениях просимых книг, фотографий на многих письмах к нему. В конце жизни (16 августа 1928 г.) Дрожжин вспоминал: «Я много раз собирался написать по имеющимся у меня во множестве материалам большую статью о поэтах, вышедших из глубины народной, но все откладывал такую работу и не написал» (№ 233).

Активный интерес к творчеству самоучек выражен также в письме к Дрожжину Ивана Абрамовича Назарова (1878—1962),

поэта, вышедшего из рабочей среды, организатора суздальского кружка писателей из народа, редактора-издателя альманаха «Пробуждение». «Ввиду такого времени (военного. — Л. И.), — писал он 23 декабря 1914 г., — я тоже не хотел выпускать 4-ю книгу альманаха „Пробуждение“, но со всех концов России массу прислали разного материалу. И меня, конечно, очень ободрило, и я решил выпустить.⁴⁷ Издания мои барыша мне никакого не дают, и я, конечно, не интересуюсь этим. Меня очень радует то, что среди народа есть много жаждущих знания и стремившихся ко всему прекрасному и святому. На эти издания часто тратятся мои последние гроши. . . порою отказываю себе и семье в необходимом (человек я семейный — имею три дочери и сына), живу безвыездно в своем городе Суздале около 15 лет, занимаюсь в канцелярии податного инспектора. . .» (№ 142). За многие годы подвижнического труда Назаров собрал обширный и ценнейший материал для биобиблиографического словаря писателей из народа,⁴⁸ выпустил книгу воспоминаний «Встречи и письма» (Владимир, 1957).

Искренняя и лиричная поэзия бывшего крепостного крестьянина продолжала звучать и в послереволюционной России: в народной среде Дрожжин пользовался неизменной популярностью, у интеллигенции вызывал уважение, как старейший поэт из народа. Не случайно к нему обратился и начинающий журналист Константин Александрович Федин, приглашенный в 1919 г. в Сызрань для создания и редактирования литературно-художественного и общественно-политического журнала, названного им «Отклики».⁴⁹

«Сызрань, 26 мая 1919

Глубокоуважаемый Спиридон Дмитриевич!

Почти одновременно мною получен Ваш адрес из Петрограда от П. Я. Заволокина⁵⁰ и Суздали от Ив⟨ана⟩ Аб⟨рамовича⟩ Назарова, и я спешу обратиться к Вам с большой просьбой.

Вот уже два месяца, как мне удалось организовать издание пролетарского периодического органа „Отклики“ при Отд⟨еле⟩ народного образования города Сызрани, Симб⟨ирской⟩ губ⟨ернии⟩. Журнал издается на средства Отдела и преследует цель, объединив начинающих пролетарских поэтов и беллетристов со старыми писателями из народа, дать широким кругам города и деревни лучшее, что можно в настоящее время найти в среде русских писателей и работников просвещения.

П. Я. Заволокин писал мне, что он переслал Вам первомайский № „Откликов“.⁵¹ Для ознакомления. Если Вы его не получили, сообщите в редакцию.

К вам, как старейшему и самому заслуженному поэту народному, обращаюсь я с просьбой дать для моего детища какое-либо из Ваших последних стихов, песен и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. Я выражаю искреннюю надежду, что Вы не откажете молодому журналу в моей просьбе.

Прошу Вас также сообщить при случае Вашим друзьям о существовании в далекой Сызрани юного, смелого рабоче-крестьянского органа.

Жду Вашего ответа и заранее благодарю от всего сердца за поддержку.

Ваш К. Федин.

Сызрань, Симб<ирской> губ<ернии>
Советская ул<ица>. Редактору „Откликов“
Константину Александровичу Федину» (№ 189).

С подобными письмами Федин обращался и к другим, в том числе начинающим, писателям из народа.⁵² Из произведений, поступивших от этих писателей, он задумал составить отдельный номер и озаглавить его «Самородок». Этот план, так же как и особый «крестьянский» выпуск, остался неосуществленным, так как «Отклики» вскоре прекратили свое существование (вышло 7 номеров).⁵³ Не успело состояться и сотрудничество в журнале Дрожжина.

Кроме упоминаемых выше, корреспондентами Дрожжина были: И. А. Белоусов (30; 1914—1927), В. В. Брусянин (1914), М. И. Брусянина (7; 1925—1926), В. В. Васильев (псевд. Ясав; 4; 1911—1923), Н. В. Верещагин (6; 1879—1889), Г. К. Гегер (псевд. Нелюбин; 3; 1915), В. А. Гиляровский (1918), С. П. Глазенап (1924), Д. С. Дрожжин (отец) (25; 1872—1875), Н. П. Дружинин (1923), М. С. Дудоров (2; 1919, 1923), Н. Н. Захаров-Мэнский (4; 1922—1925), В. А. Зириг (2; 1927), Л. Н. Златовратский (1926), К. А. Иеропольский (4; 1923—1926), А. Н. Лбовский (1926),⁵⁴ И. П. Милютин (33; 1922—1927), А. Д. Максимов (30; 1923—1927), М. И. Ожегов (1927), И. Н. Поздняков (12; 1883—1905), М. Е. Пятницкий (1924), П. А. Сергеев (1927), В. В. Смиренский (3; 1925), А. К. Флеров (3; 1923), Ф. И. Чернов (1925), А. К. Черткова (урожд. Дидерихс; 1919), Е. Е. Шаров (1923), Е. И. Шведер (2; 1919) и др.

Из корреспонденций Дрожжину следует также упомянуть письма от разных лиц и учреждений за март—июнь 1923 г. в связи со статьей А. К. Флерова «Пока не поздно»,⁵⁵ в которой говорилось о тяжелом материальном положении старого поэта. Большая часть писем — на отрезных купонах денежных переводов.

4

Интереснейшую страничку жизни Дрожжина приоткрывают материалы его архива, относящиеся к знакомству с австрийским поэтом Райнером Марией Рильке (1875—1926), проявлявшим начиная с 90-х гг. глубокий интерес ко всему русскому.

Дважды посетив Россию (в 1899-м и 1900 г.), Рильке считал ее своей «духовной родиной».⁵⁶

Получив в феврале 1900 г. письмо от своей русской знакомой С. Н. Шиль⁵⁷ с рассказом о Дрожжине и один из его сборников,⁵⁸ Рильке был поражен его биографией и стихами, которые сразу начал переводить на немецкий.⁵⁹ Личность поэта-крестьянина, открывшаяся в его стихах и биографии, вполне соответствовала сложившимся в этот период представлениям Рильке о русском человеке вообще: это был идеализируемый им образ живущего одной жизнью с природой сельского труженика, для которого существует единственная ценность — собственная душа.

Стремление ближе узнать полюбившегося поэта стало одной из причин второй поездки Рильке в Россию — летом 1900 г. Он попросил С. Н. Шиль списаться с Дрожжиным,⁶⁰ получил его согласие на встречу и был радушно принят в Низовке, где провел почти неделю (с 18(5) по 23(10) июля). Вопреки опасениям Шиль, Рильке не испытал разочарования от встречи с настоящей русской деревней⁶¹ и поэтом-хлебопашцем.⁶² Уехав, он еще некоторое время писал в Низовку, посылал свои книги, фотографии. Еще более осязаемый след оставило это знакомство в душе Дрожжина, который подробно описал события тех дней в своем дневнике, а затем издал очерк, озаглавив его «Современный германский поэт Райнер Мария Иосиф Рильке. (Из записок и воспоминаний)».⁶³ Кроме того, он неоднократно пытался возобновить едва начавшееся сближение. Так, 1 августа 1909 г. Дрожжин пишет:

«Друг мой Райнер Иосифович!

С июля месяца 1900 года прошло много лет, а память о Вашем посещении маленькой русской деревушки остается до сих пор лучшим моим приятным воспоминанием, когда Вы гостили у меня вместе с Вашим другом Луизой Саломе.

Вы обещали когда-нибудь быть в России и снова посетить мой уголок на берегу Волги.⁶⁴ Как бы я обрадовался Вашему посещению! Ваш талант поэта меня пленил, и я буду счастлив, если Вы будете, как великие Шиллер и Гетте, гордостью не только Германии, но и всему миру. Очень жалею, что не могу читать Вас на немецком языке, но все одно мы с Вами родные по духу. Это меня утешает.

Напишите мне, мой друг, как Вы живете?

Ваша карточка-фотография сохраняется в моем альбоме вместе с карточкой Луизы Густавовны, как драгоценность.⁶⁵ Я теперь живу постоянно в своей деревне на пенсии Академии наук, мои стихотворения изданы в одиннадцати книгах. Читаются крестьянами, грамотность которым в России достается по-прежнему с большим трудом. Школ у нас очень мало. Я говорю это не в унижение России, которая останется великой, как славна и велика Ваша Германия, но у нас еще много есть несовершенного в управлении ею.

Друг мой, я пишу Вам по старому адресу, в полной надежде, что Вы получите мое письмо. Пишите мне Вашим милым почерком по-русски по следующему адресу: Россия, станция Новинское Московской губернии, в деревню Низовку, Спиридону Дмитриевичу Дрожжину.

Обнимаю Вас и целую. Заочно Ваш душой,

Спиридон Дрожжин.

Р. С. За последние годы у меня напечатано 3-е издание стихотворений 1866—1888 гг. и „Баян“, и „Новые русские песни“, и „Песни рабочих“, и „Заветные песни 1904—1906“» (№ 59).⁶⁶

Рильке жил в это время в Париже, поэтому письмо вернулось в Низовку со штемпелем: «Nicht ermittelt. P. A. Schmargendorf (Bgr. Berlin)».⁶⁷

После этого, вспоминает Дрожжин, «я больше не делал попыток писать ему».⁶⁸ Но поэт ошибается: в архиве Рильке находится его второе письмо, от 30 июля 1913 г., на этот раз нашедшее адресата (оно было послано на имя лейпцигского издателя — «для путешествующего Рильке»): «Прошло 13 лет, как Вы были у меня в деревне, и я все эти годы вспоминал Вас, и хотел Вам писать и послать мои новые книги <...> Я написал Воспоминания о Вашем пребывании у меня в доме и в России 1900 года. Воспоминания эти появятся в московском журнале „Путь“ <...> Пишите, родной, о себе. Я очень радуюсь Вашей почетной известности в Германии и у нас в России. Мне Фидлер пишет, что Вы теперь путешествуете, несмотря на это, надеюсь, что мое письмо попадет Вам в руки и я смогу с Вами переписываться. . .»⁶⁹ Но, по-видимому, и это письмо осталось без ответа.

Разумеется, Дрожжин был далек от понимания духовных исканий Рильке, а также глубинной цели его визита (об этом свидетельствуют и воспоминания поэта, представляющие собой полувосторженное и поверхностное изложение событий). И все же неудачи Дрожжина на пути возобновления отношений не следует оценивать однозначно: спустя несколько лет после поездки контакты Рильке с Россией «начинают слабеть и на рубеже 10-х годов практически обрываются».⁷⁰

Имя Рильке еще раз встречается среди материалов архива Дрожжина, в письме к нему С. Н. Шиль от 17 ноября 1927 г.:

«Дорогой Спиридон Дмитриевич!

Вы, вероятно, уже слышали о смерти нашего друга, поэта Райнера Осиповича Рильке. Он скончался в Швейцарии в Монтрё 30 декабря 1926 года.⁷¹

В годовщину его смерти в нашем Литературно-художественном обществе „Камена“⁷² состоится заседание, посвященное его памяти. Я прочту свои воспоминания о нем и его письма ко

мне.⁷³ Не могли бы Вы приехать в Москву и также выступить у нас с Вашими воспоминаниями?

Если Вы не располагаете быть в Москве в конце декабря, убедительно прошу Вас прислать мне в скором времени маленькую памятку о нем. Желательно было бы получить от Вас такие сведения:

1) есть ли у Вас письма Райнера Осиповича и сколько именно?⁷⁴ Где фотография Ваша и его,⁷⁵ и что еще, какая память?

2) где они сейчас находятся?

3) есть ли письма его спутницы Луизы Густавовны Андреас-Саломе и сколько именно?⁷⁶

4) писал ли Вам Райнер Осипович потом из Германии?

5) нельзя ли попросить Ваших тогдашних соседей помещиков Толстых прислать мне хоть краткое воспоминание о знакомстве с Райнером Осиповичем?⁷⁷

Пожалуйста, дорогой Спиридон Дмитриевич, сделайте это в память друга нашего. Теперь всюду за границей собирают о нем все материалы. У нас в России его высоко ценят и мы тоже должны собрать о нем все сведения.

Председательница „Камени“, член Союза писателей Софья Николаевна Шиль (Сергей Орловский).

Наше заседание состоится 29 декабря, Дом ученых, ул. Кропоткина, 16, в 7 час(ов) вечера» (№ 200).

Состоялось ли это заседание, установить не удалось.⁷⁸

5

Широко представлены материалы трех юбилеев Дрожжина: 30-, 40- и 50-летия литературной деятельности (1903, 1913 и 1923 гг.). Чествования, организуемые московским кружком писателей из народа, собирали порой более ста человек и сопровождались журнальными и газетными юбилейными статьями. Большие празднования происходили и на родине поэта, в Твери. Сохранились адреса, коллективные приветствия и телеграммы от литературных обществ, издательств, периодических изданий. Среди них: Суриковский литературно-музыкальный кружок, Общество любителей русской словесности, Всероссийские союзы писателей и поэтов, Толстовский музей, редакции журналов «Семья и школа», «Жаворонок», «Родник» и др.

С поздравительными письмами и телеграммами к Дрожжину обращались: И. А. Белоусов, В. Я. Брюсов, Г. А. Вяткин, В. А. Гиляровский, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский, М. Е. Пятницкий, С. Т. Семенов, А. С. Серафимович, Ф. И. Шаляпин⁷⁹ и др.

Стихотворения к юбилеям Дрожжину присылали: К. С. Баранцевич, В. А. Гиляровский, А. А. Коринфский и др. Небезынтересным в ряду юбилейных материалов 1923 г. представляется автограф стихотворения С. М. Городецкого:

ДОРОГОМУ С Д ДРОЖЖИНУ

19 декабря 1923 г

Есть голос в деревенских далях –
Родной, пленительно-простой
Им осенью леса рыдали
Над полевою пустотой

Таится он в левучих реках,
В тиши просторов снеговых,
В притихшем ветре на просеках,
В весеннем запахе травы

И в думках мельницы-гадалки
В безветренные вечера,
В жужжании сказочницы-прялки
И в звонком стуке топора

В нем горе стало простотою,
Разгул завил свое гнездо,
И все слилось пережитое
С порывом песни молодой

Вот этот голос, этот голос
Из песен Дрожжина звенит
Столетье нынче расколосось,
И радость взвихрила огни

Деревья нарядились в иней,
И улыбается поэт,
Что сам заиндевел в полыни
Семидесяти пяти лет!

На молодые поколенья
Глядит он, сердце веселя,
Что раскидала, как поленья,
Господ восставшая земля

Мы славим песни трудовые
Поэта радости и слез,
Что на своей крестьянской вые
Полвека в красный мир принес

Тверь»⁸⁰ *С Городецкий*

Необходимо также упомянуть множество детских писем, стихотворений и рисунков (1923 г.). Дрожжин много писал для детей, участвовал в большинстве современных ему детских журналов, его стихотворения входили в школьные хрестоматии. Поэт часто выступал перед школьниками, переписывался с ними, принимал их у себя в деревне. Об одной из таких поездок летом 1923 г. рассказывает рукописный «Сборник в честь С. Д. Дрожжина», составленный из сочинений учеников одной из тверских школ.

Кроме упомянутых ранее личных документов Дрожжина в фонде имеются: уведомления об избрании его почетным членом Московского кружка писателей из народа (1903), действительным членом Общества любителей российской словесности при

Московском университете (1905), членом Литературного фонда (1906) и Общества деятелей периодической печати и литературы (1909), а также о присуждении денежной премии им. М. Н. Ахматова за стихотворные сборники 1907—1909 гг. (1910),⁸¹ документы о назначении пенсии и единовременных пособий (1895—1923), опросный лист участника съезда пролетарских писателей с ответами Дрожжина (1919); письма из различных учреждений с просьбами о материалах для экспозиции или архива (1924—1927), переписка с Тверской уездной управой о необходимости открытия в Низовке школы и народной библиотеки (1913—1916). Осенью 1919 г. школа и библиотека были открыты и названы «имени поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина»⁸² Основу библиотеки составило книжное собрание Дрожжина, которым и раньше пользовались крестьяне: сохранилось два рукописных каталога (1867—1885) с записями о выдаче книг односельчанам.

Помимо хранящихся в Музее Пушкинского Дома различных изображений Дрожжина, в его архиве также находится 14 одиночных и групповых фотопортретов за 1909—1928 гг.

В фонде имеется небольшое количество документов разных лиц. Среди них письма: С. А. Венгерова к Ф. Д. Батюшкову (1909), А. Н. Плещеева и Е. А. Салиас де Турнемир к Т. П. Пассек (оба б. д.), А. М. Ремизова к А. А. Измайлову (1912), А. П. Чехов к М. В. <Клюкину> (б. д.), а также открытка, отправленная Н. С. Лесковым в Харьков, в один из суворинских книжных магазинов «Нового времени» (где в то время служил С. Д. Дрожжин): «Не откажите сообщить мне немедленно: какое число подписчиков есть у Вас по настоящее время на «Собрание» моих сочинений. Н. Лесков. 5 июля 1889» (№ 295).⁸³

¹ *Золотницкий Д. Дрожжин и поэты деревни // История русской литературы* В 10 т. М., Л., 1954. Т. 10. С. 755. О месте Дрожжина в ряду поэтов из народа см. также *Калмановский Е. С. Суриков и поэты-суриковцы // И. З. Суриков и поэты-суриковцы* М., Л., 1966. С. 5—54 (Библиотека поэта. Большая серия), *Лотман Л. М. Крестьянские поэты 60—70-х годов* И. З. Суриков Л. Н. Трефовлев С. Д. Дрожжин // *История русской поэзии* В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 95—106, *Григорян К. Н. Поэзия 1880—1890-х гг. // История русской литературы* В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 119—121, *Скатов Н. Некрасов. Современники и продолжатели* Очерки М., 1986. С. 41—48.

² См. *Грамотей 1873* № 12, декабрь. С. 48—50.

³ Этот шаг встретил горячее одобрение Л. Н. Толстого, о знакомстве и встречах с которым поэт рассказал в автобиографии *Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1848—1900)*, описанная им самим, и избранные стихотворения М., 1900. С. 94—96.

⁴ См. *Ильин Л. А. Дом-музей С. Д. Дрожжина // Музеи Верхневолжья* Путеводитель М., 1981. С. 223—233.

⁵ Первая, с огромным трудом приобретенная библиотека и архив сгорели в 1894 г., во время пожара в его деревенском доме.

⁶ См. *Котляревский Н. А. И. З. Суриков и С. Д. Дрожжин // Детский отдых* 1904. № 5. С. 4—28. Статья, по-видимому, послужила поводом к переписке, а затем и личному знакомству. В архиве Котляревского сохранились 8 писем к нему Дрожжина за 1905—1925 гг. (ИРЛИ, Ф. 135, № 304), в которых поэт рассказывает о себе, благодарит за регулярно присылаемые книги Котляревского и издания Пушкинского Дома.

⁷ ИРЛИ, ф 101 (архив С Д Дрожжина), № 31 (далее при ссылках на этот фонд в тексте статьи указывается только номер единицы хранения)

⁸ Это последнее автобиографическое произведение Дрожжина осталось не изданным

⁹ Попов Александр Васильевич (1881—1965), литературовед, кандидат филологических наук, в 1920-е гг сотрудник Исследовательского института языков и литературы Запада и Востока (ИЛЯВЗ), преподаватель ЛГУ, занимался изучением творчества Н А Некрасова (см некролог Некрасовский сборник Л, 1967 Вып 4 С 288—289) Летом 1928 г в поездке по некрасовским местам Попов познакомился с Дрожжиным, сообщившим ему ряд полезных сведений, относящихся к Некрасову Пораженный душевной молодостью и «неустанно бьющим родником творчества» старого поэта, Попов еще дважды побывал в Низовке, предполагал выступить с докладом о Дрожжине в Пушкинском Доме, работал над исследованием о нем (См воспоминания Попова «Народный поэт» в кн Памяти С Д Дрожжина К двадцатилетию со дня смерти поэта (Статьи, воспоминания, публикации) / Сост Л Ильин Калинин, 1951 С 47—51, см также *Ильин Л В* гостях у С Дрожжина // Калининская правда 1983 24 дек) После смерти Дрожжина Попов передал в Пушкинский Дом 9 его писем 1928—1930 гг (№ 58), где наряду с рассказами о литературных делах и планах, о посетителях Низовки Дрожжин упоминает о встрече с Горьким 28 сентября 1928 г, воспроизводит его запись в памятной книжке поэта (опубликована Л А Ильиным в газ «Пролетарская правда» (1940 № 302, 29 дек), а затем в кн *Дрожжин С Д* Стихотворения М, 1948 С XXVII (Библиотека поэта Малая серия), автограф записи находится в ЦГАЛИ (ф 176, № 29, л 5))

¹⁰ Переименование произошло в декабре 1929 г

¹¹ См *Sakulin P N Die Russische Literatur Wildpark, Potsdam, 1932* S 148

¹² Речь идет о книге П Н Сакулина «Русская литература Социолого-синтетический обзор литературных стилей» (М, 1928—1929 Ч 1—2, третья часть осталась неопубликованной)

¹³ Коплан Борис Иванович (1898—1942) — историк литературы, поэт, архивист

¹⁴ Дудоров Матвей Семенович (1891—1956) — поэт, автор нескольких поэтических сборников, изданных в Твери в начале 1920-х гг Закончив в 1924 г Тверской институт сельского хозяйства и лесоводства, с 1926 г жил в Москве, в последние годы работал в Министерстве лесного хозяйства

¹⁵ Федоров-Курганов Владимир Михайлович — в 1920-х гг преподаватель Техникума точной механики, оптики и часового производства, заведовал библиотекой техникума, для которой собирал коллекцию книг и фотографий с автографами писателей (часть собрания позднее поступила в Пушкинский Дом) В альбоме Федорова-Курганова наряду с записями А Белого, Н А Клюева, В Я Шишкова и других имеется автограф стихотворения Дрожжина «Моим читателям» («Недаром я, мои читатели-друзья») с датой «д Низовка, 3 июля 1930 г» (ИРЛИ, Р I, оп 31, № 117, л 28, об—29)

¹⁶ Краткую характеристику фонда Дрожжина см Центральный государственный архив литературы и искусства СССР Путеводитель Литература М, 1963 С 179—180

¹⁷ Для исполнения этого последнего прижизненного портрета Дрожжина художник был специально командирован Пушкинским Домом в Низовку Поэты рисовали неоднократно В письме к Н А Котляревскому от 15 января 1925 г он вспоминал «юношеский портрет, рисованный карандашом Архипом Ивановичем Куинджи в то время, когда я жил на Большой Морской в табачном магазине Габая и Мичри мальчиком (Петербург, 1866—1869 гг — Л И), а художник, тогда еще не известный, заходил сюда за табаком и папиросами Я знал, что он хорошо рисует и учится в Академии Вот раз и говорю „Архип Иванович — нарисуй меня!“ Давай, говорит, мне чистой бумаги и карандаш Я подал ему то и другое, встал около него, и портрет, нарисованный им в профиль, вышел, как вылитый Я его всегда хранил, как зеницу ока, поэтому он и сохранился у меня даже от пожара сгоревшего в 1893 году дома и моей библиотеки» (ИРЛИ, ф 135, № 304 л 15, об—16) Рисунок был сделан 4 ноября 1868 г и много лет хранился в одном из альбомов поэта (см *Дрожжин С Д*

Автобиография с приложением избранных стихотворений М 1923 С 4) В 1920 х гг портрет был передан в Тверской историко археологический музей

Для обширной «Галереи русских писателей» в 1909 г Дрожжина рисовал И К Пархоменко Сохранились его письма к Дрожжину 1909—1926 гг (№ 149), а также альбом художника где среди автографов А А Блока (стихотворение «Весенний день прошел без дела » датированное 27 февраля 1910 г), А М Ремизова, К А Федина, К М Фофанова, В В Розанова и других портреты ружных писателей имеются и дрожжинские записи 1909 г, в том числе стихотворение «Пускай крестьянин я простой » (см также воспоминания И К Пархоменко «О том что было» (б м б г))

¹⁸ Среди книг следует отметить экземпляры сборников с правкой автора, вставками и вклеенными автографами стихотворений Песни труда и свободы М , 1923 (библиотечный шифр Бр $\frac{467}{2}$) и Поэт пахарь С Д Дрожжин и его песни М , 1924 (шифр Бр $\frac{467}{8}$), имеются также книги поэта с дарительными надписями Пушкинскому Дому а также С А Венгерову, Н А Котляревскому, Л Н Клейн борту и др

¹⁹ Степень опубликованности рукописного поэтического наследия Дрожжина определить весьма затруднительно помимо многочисленных изданий собственных книг, он участвовал в коллективных сборниках и — чрезвычайно активно — в периодической печати

²⁰ Говоря о несомненной одаренности поэта, Семевский с сожалением замечал «Но обстоятельства сложились для него не так благоприятно, как сложились они для его высокодаровитых предшественников — Кольцова и Никитина Если талант Спиридона Дрожжина, еще человека молодого, уже замечен в литературе, если некоторые периодические издания радушно отводят свои страницы для его поэтических произведений, то за всем тем крестьянин Дрожжин и на 36 году от рождения все еще не выбил из тех крайне тяжелых жизненных условий, которые препятствуют и его самообразованию, и развитию его поэтического творчества Во всяком случае жизнь такого человека интересна и поучительна Вот почему мы пригласили С Д Дрожжина рассказать нам грустную повесть своей жизни, исполненной почти непрерывных лишений и тяжелого скитальничества» (Русская старина 1884 № 9 С 503)

²¹ Опубликовано Жизнь поэта крестьянина С Д Дрожжина (1848—1900), описанная им самим, и избранные стихотворения М , 1900

²² См, например *Сальников А Н Русские поэты за сто лет СПб, 1901* (ср письмо Дрожжина Сальникову с автобиографическими сведениями от 13 дек 1900 г — ИРЛИ, ф 357, оп 5, № 42), *Заволокин П Я Современные рабочие крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами Иваново Вознесенск, 1925* и др Автограф подробной автобиографии Дрожжина, датированной 1913 г, находится также в фонде С А Венгерова (ИРЛИ, ф 377, 1 е собр, № 1148), ср обращение Венгерова к Дрожжину « следовало бы Вам поделиться с читающей публикой настроением деревни В высшей степени было бы интересно, если бы Вы, человек органически связанный с деревней, сообщили бы доподлинные думы крестьянства» (14 ноября 1905 г, копировальная книга писем — там же, ф 377, неразобранная часть)

²³ Об этом Дрожжин писал во всех автобиографических произведениях По добную точку зрения разделяют и литературоведы См, например *Ильин Л Дрожжин и устная поэзия // Литературный альманах Калинин, 1947 Кн 1, январь—февраль С 114—129, Сидельников В М Народная песня и творчество Дрожжина // Сидельников В М Писатель и народ Очерки М, 1962 С 195—207* и др Один из сборников Дрожжина целиком составлен из переложений фольклорных произведений Сказки, легенды и были М, [1914]

²⁴ См об этом в указанных статьях В М Сидельникова и Л А Ильина В фонде Дрожжина сохранилось письмо к нему Ю М Соколова от 6 января 1926 г, свидетельствующее о сердечности их взаимоотношений (№ 173) Об этом же говорит надпись на книге Ю М и Б М. Соколовых «Поэзия деревни Руководство для собирания произведений устной словесности» (М, 1926) Дорогому, милому Спиридону Дмитриевичу Дрожжину от любящих братьев Соколовых 8/VI 1926 Москва» (книга, как и вся библиотека Дома-музея Дрожжина

в деревне Завидово, погибла во время немецкой оккупации Цит по Ильин Л А Из материалов бывшей личной библиотеки С Д Дрожжина // Родной край Калинин, 1959 № 11 С 148) См также письмо Дрожжина А А Коринфскому от 21—22 июля 1924 г « у меня имеется сборник более 200 страниц народных песен, сказок и легенд, записанных мною в продолжение многих прошлых лет в разных местах и от разных лиц, который по совету Юрия Матвеевича Соколова и поэта Сергея Городецкого я передал на просмотр заведующему отделом Госиздата» (ЦГАЛИ, ф 176, оп 1, № 805)

²⁵ См Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года) Справочник / Сост Г К Иванова М., 1966 Вып 1 С 120—122

²⁶ В статье «И З Суриков и С Д Дрожжин» Н А Котляревский, называя этих поэтов наиболее крупными после Кольцова поэтами-самоучками, замечает «Своим литературным образованием Дрожжин обязан исключительно самому себе, круг петербургских литераторов оказал ему духовную поддержку тогда, когда самая трудная работа была им уже проделана» (Детский отдых 1904 № 5 С 22)

²⁷ В очерке «С Д Дрожжин» Пешкова-Толиверова писала «Я лично знаю Спиридона Дмитриевича с 1878 года и по настоящее время сохраняю с ним самые дружеские отношения Спиридон Дмитриевич — человек крайне мягкий, увлекательный и отзывчивый Несмотря на тяжелую жизнь, он не озлобился, а сохранил к людям чисто детскую привязанность» (Игрушечка 1895 № 7 С 296) Дрожжин в свою очередь называл Пешкову-Толиверову «моя добрая печальница», «более других отзывчивая на людское горе» (Дрожжин С Д Жизнь поэта крестьянина С 86, 89)

О незаживших «ранах крепостничества» напоминает, например, один из ранних документов Дрожжина «Билет» (вид на жительство) от 9 февраля 1865 г, в котором вслед за перечислением внешних примет 17-летнего крестьянина ему дается разрешение два месяца проживать в различных губерниях, «если же в течение льготного месяца после сего срока не явится, то с ним поступлено будет, как с бродягою» (№ 25, здесь же находится «аттестат» об исправной службе у помещицы С П Секириной от 1 мая 1872 г)

²⁸ Находясь в зависимости от отца, презиравшего стремление сына к образованию и стихотворству, Дрожжин, уже взрослый, вынужден был сносить отцовские оскорбления и даже побои Перебравшись в очередной раз в Москву для службы в суворинском книжном магазине «Нового времени», он писал 24 октября 1892 г П В Быкову «Из деревни до сих пор меня гонит семейный гнет и нужда постоянная Я думаю, пока еще хватает силы, поработать у Суворина, иначе мои дети могут очутиться нищими» (ИРЛИ, ф 273, оп 1, № 218)

²⁹ Пишущий и печатающийся крестьянин вызывал подозрение тверских властей В ноябре 1884 г, когда Дрожжин собирался выехать на должданное место службы в Петербург, к нему нагрянул ночной обыск, кончившийся безрезультатно, но повлекший за собой подписку о невыезде Лишь благодаря хлопотам Пешковой-Толиверовой в феврале 1885 г Дрожжин был освобожден от надзора (см документ, выданный исправником, — № 25) Об этом эпизоде см также Дрожжин С Д Жизнь поэта-крестьянина С 86—89

³⁰ Дрожжин С Д Жизнь поэта-крестьянина С 69

³¹ Соловьев-Несмелов, будучи другом и биографом Ивана Захаровича Сурикова (1841—1880), содействовал его заочному знакомству с Дрожжиным В последний год жизни тяжело больного Сурикова они состояли в переписке (см тексты писем в кн Дрожжин С Д Жизнь поэта-крестьянина С 71—74) С большим сочувствием к Сурикову относилась и Пешкова-Толиверова, которая писала Дрожжину 17 июля 1878 г «Суриков живет в Самарских степях, чувствует себя лучше и написал целых 15 стихотворений Беднейшему был нужен отдых Затянулся точно рабочая кляча Не знаю, надолго ли его поправит кумыс! Он ухватился за него, точно утопающий за соломинку» (№ 152, л 1—2) Поездка (на средства Литературного фонда) не спасла изнуренного нуждой и тяжелой работой поэта, скончавшегося вскоре от туберкулеза легких В архиве А Н Пешковой-Толиверовой сохранилось письмо к ней Сурикова от 30 января 1876 г с жалобами на нездоровье (ИРЛИ, ф 227 № 73)

³² Дрожжин описал свое знакомство с А А Коринфским в автобиографических набросках 1900-х гг (№ 17, л 14—15) См также запись Коринфского в альбоме

Дрожжина, относящуюся к 1890—1891 гг и озаглавленную «Моя маленькая биография» (ЦГАЛИ, ф 176, оп 1, № 1191) 38 писем Дрожжина к Коринфскому хранятся в личном архиве А И Милютиной См ее публикацию части писем С Д Дрожжин в его переписке с А А Коринфским // Учен зап Енисейского пед ин та Вып 5 (Каф лит) Красноярск, 1963 С 65—92

³³ Содержательная биографическая справка о Коринфском с использованием архивных материалов ИРЛИ опубликована Л А Николаевой Поэты 1880—1890-х годов Л, 1972 С 414—420 (Библиотека поэта Большая серия)

³⁴ Разоренов Алексей Ермилович (1819—1891) — поэт-самоучка

³⁵ Коринфский фактически пересказал записанную в его альбом автобиографию Разоренова, которую год спустя опубликовал в статье-некрологе «Памяти незаметного человека» (Саратовский листок 1891 № 25, 30 янв) Следует отметить, что Коринфский, прадед которого был крепостным, не только интересовался творчеством поэтов-самоучек, писал о них (в том числе о Дрожжине — см., например, вступительную статью к его сборнику «Песни старого пахаря 1906—1912» (М., 1913)), но также изучал жизнь народа См., например, его книги «Народная Русь Круглый год сказаний, поверий, обычаев русского народа» (М., 1901), «Трудовой год русского крестьянина Десять бытовых очерков» (М., 1904) и др.

³⁶ Фидлер Федор (Фридрих) Федорович (1859—1917), известный коллекционер, педагог и переводчик русской литературы на немецкий язык (см *Данилевский Р Ю* Переводчик русских поэтов Ф Фидлера // Рус литература 1960 № 3 С 174—177, Из дневника Ф Ф Фидлера / Предисл и публ К М Константинова [К М Азадовского] // ЛН 1982 Т 92, кн 3 С 831—838 и др) Небольшая часть его знаменитого петербургского «Литературного музея» хранится в Пушкинском Доме (в Рукописном отделе, Музее и библиотеке) Фидлер был большим почитателем поэзии Дрожжина, которого называл «Кольцовым наших дней», переводил его стихи на немецкий и поместил автобиографию поэта в своем сборнике «Первые литературные шаги Автобиографии современных русских писателей» (М., 1911 С 147—162) Дрожжин бывал на литературных собраниях в доме Фидлера, его автографы встречаются на страницах фидлеровских альбомов, а имя нередко упоминается в дневниковых записях Приведем одну из них, наиболее развернутую «6 января 1900 г Сегодня меня посетил народный поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин из деревни Низовка Тверской губернии, где он живет постоянно, как простой крестьянин (Его старшая дочь замужем за крестьянским парнем, а две другие зарабатывают ежемесячно по пять рублей позументной работой) Он кормится в основном тем, что дает урожай, так как литературная деятельность приносит ему ежегодно лишь какие-нибудь сто рублей И все же за деньги, полученные им теперь у Вольфа, напечатавшего в „Новом мире“ его стихи (он пишет их лишь тогда, когда они просятся наружу из его души), он купил Гейне он обожает этого поэта (он — самоучка) и зовет его „Ханье“ Он очень мил, естественен и доверчив, хотя и не лишен самодовольства по поводу своих литературных успехов Он испытал в своей жизни немало горя и рассказывал разные случаи, которые, впрочем, уже напечатаны в его автобиографии Когда он работал еще приказчиком в Москве в книжной лавке, его навестил сам Лев Толстой, настроенный к нему весьма дружелюбно Однако Дрожжин не является последователем Т(олсто)го, он, правда, не курит, зато употребляет мясо и пьет водку и пиво» (ИРЛИ, ф 649, оп 1, № 5, л 94—95, пер с нем К М Азадовского)

³⁷ Фидлер (в замужестве Гольдштейн) Маргарита Федоровна (1887—?) После смерти отца, согласно его завещанию, она предлагала его коллекцию Академии наук и Публичной библиотеке, которые из-за недостатка средств не смогли приобрести ее Тогда коллекция и была продана А Е Бурцеву (см Из дневника Е П Казанович / Публ В Н Сажина // Пушкинский Дом Статьи Документы Библиография Л, 1982 С 177)

³⁸ Бурцев Александр Евгеньевич (1863—1938) — библиофил, собиратель рукописей XVIII—XX вв, автор множества библиофильско-библиографических и этнографических трудов Большую часть огромной коллекции Бурцев в 1920—1930-х гг продал Пушкинскому Дому (в том числе и часть коллекций Фидлера) и ленинградской Публичной библиотеке Оставшиеся после его смерти документы частично обрели место в других архивохранилищах страны, частично — утрачены

Немногочисленные сведения о Бурцеве и судьбе его коллекции разноречивы См *Петрицкий В А* История одного заблуждения Петербургский библиофил А Е Бурцев (1863—1938) // Русская демократическая книга Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда Л, 1983 С 56—63

⁹⁹ В архиве А И Яцимирского сохранилось 7 писем Дрожжина к М Леонову за 1891—1901 гг (ИРЛИ, ф 193, № 117) О жизни и творчестве М Л Леонова см *Ковалев В А* Поэт-суриковец М Л Леонов (Максим Горемыка) // Русская литература Тр Отдела новой русской литературы [Вып] 1 М, Л, 1957 С 251 — 264

¹⁰ Речь идет о старшем сыне М Л Леонова — Леониде Максимовиче Леонове (р 1899), избравшем путь литератора и уже тогда ярко проявившем себя Первые шаги в печати Леонид Леонов делал при помощи отца с сентября 1913 г в газете «Северное утро» начали появляться его корреспонденции и стихи

¹¹ В августе—сентябре 1926 г Л М Леонов предпринял поездку в Сухум (Сухуми)

¹² Премьера во МХАТе првого драматического произведения Л Леонова «Унтиловск» состоялась 17 февраля 1928 г (художественный руководитель постановки — К С Станиславский, режиссер — В Г Сахновский) Подробнее об этом см *Марков П А* Приход Леонова в МХАТ // Творчество Леонида Леонова Исслед и сообщ Встречи с Леоновым Библиография / Под ред В А Ковалева Л, 1963 С 464—471 Премьера инсценировки романа «Барсуки» в Театре им Е Б Вахтангова в постановке Б Захавы состоялась 22 сентября 1927 г

¹³ См С Д Дрожжин в его переписке с А А Коринфским С 82 Речь идет о книге *Васильев В В (Ясав)* Русские самородки Жизнеописания и характеристики / Со вступ очерком А А Коринфского Ревель, 1916

¹⁴ Ворохов Андрей-Миронович (р 1872) — окончил двухклассное училище, с 1891 г печатался в «Тульских ведомостях», журналах «Свет», «Родина», участ вовал в коллективном сборнике «Грезы»

¹⁵ *Дрожжин С Д* Поэзия труда и горя Новое собрание стихотворений М, 1901

¹⁶ Об И А Рослове см статью В Боровика «Талантливый крестьянский поэт» (№ 288)

¹⁷ Намерение Назарова осуществилось 4-я книга альманаха писателей из народа «Пробуждение» вышла в Вязниках в 1915 г В нее вошли 3 стихотворения Дрожжина и воспоминания о нем

¹⁸ Словарь остался неизданным, машинописный экземпляр хранится в ЦГАЛИ (ф 631 оп 9, № 1485—1488)

¹⁹ Во время подготовки данной статьи письмо Федина было предоставлено группе по изданию собрания его сочинений в 12 томах, где затем опубликовано в 11-м томе (М, 1986 С 17—18) без комментариев Поэтому автор считает целесообразным сохранить здесь публикацию текста письма с необходимыми пояснениями

⁵⁰ Дрожжин записал в дневнике 27 мая 1919 г «Из Петрограда от редактора литературного сборника „Автобиографий пролетарских поэтов“ П Я Заволокина получено письмо с просьбой написать краткую автобиографию, дать стихи и фотографическую карточку, другое из Сызрани, от редактора журнала „Отклики“ К А Федина о присылке стихов и дальнейшем моем сотрудничестве» (*Дрожжин С Д* Автобиография с приложением избранных стихотворений С 63) Заволокин Павел Яковлевич (1878—1941) — писатель из народа, составитель сборника «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (Иваново-Вознесенск, 1925) В архиве Заволокина в ГПБ находится рукописный текст его доклада «Собирание автобиографий поэтов современников», прочитанного в Пушкинском Доме 23 октября 1923 г (ф 290, № 21) Заволокин помещал в журнале Федина свои статьи и стихотворения В архиве Дрожжина находятся 10 писем к нему Заволокина 1919—1925 гг, в которых упоминается журнал «Отклики» и его редактор Так, в письме от 7 января 1920 г говорится «Бывший редактор журнала „Отклики“ К А Федин в настоящее время в Петрограде, он в настоящее время на военной службе Изредка бывал у меня Я как-то показал ему статью Власова-Окского о его посещении Низовки» (№ 110, л 8, об)

⁵¹ См об этом письмо Заволокина к Дрожжину от 12 мая 1919 г (№ 110)

⁵² В архиве писателя и журналиста Николая Николаевича Ильина (псевд Нилли, 1884—1944) сохранились три письма к нему Федина за 1919 г с приложением письма в созданный Ильиным Симбирский Дом народного творчества Эти документы свидетельствуют об установившейся связи редакции «Откликов» с коллективом симбирских писателей самоучек (ИРЛИ, ф 385, № 40)

⁵³ Подробнее о Федине — редакторе «Откликов» см *Левинсон З И* Разыскания о К А Федине // Творчество Константина Федина Статьи Сообщения Документальные материалы Встречи с Фединым Библиография М, 1966 С 235—266, *Ширмаков П П* Публицистическая и литературно критическая деятельность К А Федина 1919—1921 годов // Там же С 267—294, см также мемуарный очерк самого Федина «Сызранский период» (*Федин К А* Собр соч В 9 т М, 1962 Т 9 С 529—537)

⁵⁴ В фонде поэта Ангелиса Николаевича Лбовского (наст фамилия Кожухов, 1898—1955) находятся 2 письма к нему Дрожжину (ИРЛИ, ф 437, № 33), одно из которых, от 2 апреля 1926 г, со стихотворением 1924 г «Памяти Ленина» («Долго пел я о народе») было представлено в Пушкинском Доме на выставке новых поступлений Выставка новых поступлений Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР 1934—1935 М, Л, 1935 С 27

⁵⁵ См Известия ВЦИК 1923 № 50, 6 марта По ходатайству Общества по изучению Тверского края ЦЕКУБУ назначила Дрожжину повышенную пенсию и академический паек

⁵⁶ О своеобразии восприятия Рильке России и о взаимоотношениях поэта с представителями русской культуры (в том числе с Дрожжиным) см *Рудницкий М* Русские мотивы в «Книге часов» Рильке // *Вопр лит* 1968 № 7 С 135—149, *Азадовский К М Чертков Л Н* Русские встречи Рильке // *Рильке Р М* Ворпсведе Огюст Роден Письма Стихи М, 1971 С 357—385, *Rilke und Russland Briefe Erinnerungen Gedichte/Herausgegeben von K Asadowski Berlin und Weimar, 1986* Автор выражает глубокую признательность К М Азадовскому за помощь в работе над этим разделом статьи

⁵⁷ Шиль Софья Николаевна (псевд Сергей Орловский, 1863—1928) писательница, переводчица и литературный критик Активно сотрудничала в издательстве «Посредник» (где в 1899 г познакомилась с Дрожжиным), преподавала на Пречистенских курсах для рабочих (о ней см *Словарь членов Общества любителей российской словесности М, 1911* С 213—214) Рильке, познакомившийся с Шиль в Берлине зимой 1899—1900 гг, прислушивался к ее советам в процессе познания России При посредничестве Шиль состоялось и личное знакомство двух поэтов

⁵⁸ Это были «Песни крестьянина» (М, 1898) Позднее Рильке познакомился и с другими изданиями произведений Дрожжина в список русских книг, составленный им осенью 1900 г, входят еще три сборника поэта (ИРЛИ, ф 619, (архив Р М Рильке), № 27)

⁵⁹ «Это было для меня большой неожиданностью, — писал Рильке к Шиль 23 февраля 1900 г — Та зрелая простота, за которой угадывается глубокий и молчаливый, одинокий человек, объединяется с прекрасным звучанием, мастерством и подвижностью ритма Я тотчас же перевел кое-что» (*Вопр лит* 1975 № 9 С 220) Два стихотворения («Прими меня, сторонюшка родная» и «В родной деревне») в переводе Рильке были опубликованы в «Prager Bote Ostbeilage des Prager Tageblatts» (1900 15 апр) Стихотворение «В родной деревне», вырезанное из газеты и подаренное самим Рильке, находится в архиве Дрожжина (№ 19) Переводы девяти других стихотворений из того же сборника сохранились в рукописи в архиве Рильке в Бремене (см *Brutzer S Rilkes Russlandreisen Diss Konigsberg, 1934* Стихотворение подклеено к одному из номеров газеты «St Petersburg Herald» (1906 № 322, 328, 1907 № 7, 14, 21) с переводами Ф Ф Фидлера 13 дрожжинских стихотворений, также на немецкий язык

⁶⁰ Об этом Дрожжин сообщал Фидлеру 29 марта 1900 г «Ко мне на Пасхе собирается Златовратский, а после Пасхи один из немецких поэтов г Райнер Рильке, он делает переводы моих стихотворений Едет из Берлина в Россию вместе с двоюродной сестрой, тоже писательницей, с тем чтобы по возможности узнать

русскую деревню Мне об этом писала одна встретившаяся с ним в Берлине русская путешественница» (ИРЛИ, ф 649, оп 3, № 45, л 1—1, об) Упомянутая писательница (не состоявшая на самом деле в родстве с Рильке) — Лу (Луиза Густавовна) Андреас-Саломе (1861—1937), немка по происхождению, родившаяся в России и уехавшая в молодости в Германию Она содействовала развитию русско-немецких культурных связей, дружбой с ней и был в известной мере вызван интерес Рильке к России В обоих путешествиях Андреас-Саломе сопровождала поэта (см о ней Рус литература 1969 № 1 С 130—133)

⁶¹ См письмо С Н Шиль к Рильке от 24 марта (6 апреля) 1900 г, где о деревне, в частности, говорится «Побывав там, Вы наверное во многом перемените свой взгляд на Россию, ужаснетесь своего очарования ею и, может быть, совсем с другим чувством, иными очами посмотрите на Вашу родину, где люди все таки хоть живут по-человечески, а не по-звериному» И далее — о Дрожжине «Дрожжин — славный человек, с ним интересно познакомиться» (ИРЛИ, ф 619, № 23, л 8, об —9)

⁶² «Как мы Вам благодарны за посредничество!» — писал Рильке из Низовки к Шиль (Вопр лит 1975 № 9 С 234) А в альбоме Дрожжина поэт записал «Я ваше стихотворения очень, *чрезвычайно люблю*, и теперь еще больше понимаю и люблю их, когда я видал родину Ваших пьесен и Ваши жизни! Ваш Райнер Иосеф Рильке» (альбом хранится в ЦГАЛИ, ф 176, оп 1, № 1191, л 38 Цит по Rilke und Russland S 609, здесь же запись краткой автобиографии Рильке и приписка Лу Андреас-Саломе Все эти записи опубликованы Дрожжиным в журнале «Путь» (1913, № 12) с исправлениями орфографии и стиля, что повлекло за собой некоторые смысловые неточности)

⁶³ Первоначально опубликован в журнале «Путь» (1913 № 12 С 29—35), затем, с небольшими сокращениями, вошел в книгу «Жизнь поэта-крестьянина С Д Дрожжина (1848—1914 гг), описанная им самим, и избранные стихотворения» (М., 1915 С 98—103) Беловой автограф очерка с авторской правкой хранится в архиве поэта (№ 8, л 212—216 об) По словам С Н Шиль, Рильке в свою очередь «всю жизнь собирался написать воспоминания свои о путешествии 1900 года < > Были некоторые глубокие причины, которые помешали осуществить эту работу» (письмо Шиль к Я З Черняку от 12 мая 1927 г — ЦГАЛИ, ф 2208, оп 2, № 500)

⁶⁴ 29 декабря 1900 г Рильке писал Дрожжину из Берлина « Я чуть не каждый день вспоминаю Вашу деревню Я ничего не забыл, — ни Вашу любовь, ни гостеприимный Ваш дом, ни тот вечер, когда Вы читали нам превосходные и звучные Ваши стихотворения < > Я весной непременно опять поеду в Россию и потом, уже лучше говорящий и понимающий Ваш язык, буду чаще беседовать с Вами обо всем» (цит по Путь 1913 № 12 С 34) Намерение Рильке не осуществилось Оригинал письма, как и других четырех писем 1900—1901 гг, см ЦГАЛИ, ф 176, оп 1, № 135, 136

⁶⁵ «В январе 1901 года, — вспоминал Дрожжин, — я получил из Берлина от Рильке с надписями два фотографических портрета его и Андреас-Саломе, книгу стихотворений и письмо > Далее Дрожжин приводит текст письма и, в частности, такие строки « я приложу мою книгу (извините, что раньше не мог послать) и фотографию, которую я только потому велел исполнить, чтобы Вам ее подарить» (Путь 1913 № 12 С 34) Упоминается стихотворный сборник Рильке «Mit zur Feier» (Berlin, 1899) с надписью «С Д Дрожжину к моему году 1901 На добрую память и сердечно Р-М Рильке Шмаргендорф—Берлин Декабрь 1900» (книга не сохранилась) Цит по Ильин Л А Из материалов бывшей личной библиотeki С Д Дрожжина С 147

⁶⁶ См сборники Дрожжина Стихотворения (1866—1888) С записками автора о своей жизни и поэзии 3-е изд, значит испр и доп М., 1907, Баян Стихотворения М., 1909, Новые русские песни М., 1909, Песни рабочих М., 1906, Заветные песни Стихотворения 1904—1906 М., 1907

⁶⁷ «Адресат не обнаружен П/о Шмаргендорф (округ Берлин)» (нем)

⁶⁸ Путь 1913 № 12 С 35

⁶⁹ ИРЛИ, ф 619, № 10, л 1—2 Полный текст письма (в пер на нем яз) опубликован в кн Rilke und Russland S 360—361

⁷⁰ Рильке Р-М Ворпсведе Огуст Роден Письма Стихи С 381

Последнюю весть от Рильке Дрожжин получил из Праги в 1904 г. Это была «Песнь о любви и смерти корнета Отто Рильке» (отд. от ежемесячного обзора «Deutsche Arbeit» (Prag, 1904, IV Jahrgang, I Heft October S 59—65)) на немецком языке, с надписью по-русски «Поэту и приятелю Спиридону Д (митриевичу) Дрожжину посылает сердечнейшие поздравления и спасибо за добрую память Райнер Осипов Рильке» (книга утрачена, цит. по: Путь 1913 № 12 С 35).

⁷¹ Рильке скончался в швейцарском санатории Валь-Мон 29-го, а не 30 декабря 1926 г., как было ошибочно сообщено в русской печати (см., например Печать и революция 1927 Кн 2 С 230). Эту же дату приводит в письме к Дрожжину от 19 декабря 1927 г. А. А. Коринфский «О смерти Райнера-М (арии) Рильке (немецкого поэта), когда-то посетившего тебя в твоей, дорогой каждому простому русскому сердцу, Низовке. Я знал еще давно, даже выписку из газетного сообщения сделал, чтобы написать тебе, да так и (не) написал († 30 XII 1926 г.) И это было *поэт*, хотя и чужой для меня, близкий разве только по одному тому, что ты говоришь о нем в своей автобиографии» (№ 121, л. 64, об.).

⁷² Литературно-художественное общество «Камена» (1922—1928, первоначально студия, кружок) было основано в Москве, при Всероссийском Союзе писателей самой С. Н. Шиль, она же была бессменным председателем его правления. В общество входили писатели и литературоведы, читавшие на заседаниях свои произведения. В 1926—1927 гг. общество собиралось в Доме ученых (Приведенные сведения о «Камене» получены из писем Шиль к разным лицам, в частности к П. Н. Сакулину — ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, № 999). 16 декабря 1928 г. в «Камене» состоялась заседание памяти Шиль.

⁷³ В 1927 г. Шиль написала воспоминания о Рильке, используя сохранившиеся у нее письма 1900 г. поэта и его спутницы. Эти материалы она пыталась опубликовать в журнале «Печать и революция» (см. ее подробные письма 1927 г. к Я. З. Черняку (ЦГАЛИ, ф. 2208, оп. 2, № 500), а также письма мемуарного характера к П. Н. Сакулину от 20 мая того же года (там же, ф. 444, оп. 1, № 999)), задумывала книгу «Рильке в России». Эти намерения не были осуществлены. По рукописи, хранящейся в научной библиотеке МГУ (фонд С. Н. Шиль, № 1004), воспоминания (в пер. на нем. яз.) опубликованы в кн. Rilke und Russland S 438—452.

⁷⁴ См. примеч. 64.

⁷⁵ Речь идет об одном из снимков, сделанных 8 (21) июля 1900 г. Н. А. Толстым (см. ниже), запечатлевшем Дрожжина и Рильке. Впервые воспроизведен в журнале «Путь» (1913, № 12).

⁷⁶ Известны лишь совместные с Рильке письма Л. Андреас-Саломе к Дрожжину, а также ее запись в альбоме поэта, опубликованные в журнале «Путь» (1913, № 12). Автографы находятся в ЦГАЛИ (ф. 176, оп. 1, № 1036, 1191).

⁷⁷ Речь идет о семье владельца соседней деревни Новинки Николая Алексеевича Толстого (1856—1918?), художника, переводчика и писателя-дилетанта, проявлявшего интерес к Дрожжину «Осенью 1897 года знакомлюсь и близко схожусь с прекрасной семьей г. Толстых», — писал поэт в автобиографических набросках (№ 17, л. 16, об.). Летом 1900 г. Толстые помогли Дрожжину принять необычных гостей (предоставив им свой дом для ночлега), подружились с ними. Позднее Рильке некоторое время состоял с Толстым в переписке (см. ИРЛИ, ф. 619, № 4, 19).

⁷⁸ В письмах С. Н. Шиль конца 1927 г. к П. Н. Сакулину (ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, № 999) и И. А. Белоусову (там же, ф. 66, оп. 1, № 1039) приводится программа (с вариантами) предполагаемого заседания, где среди участников упоминаются Дрожжин и Белоусов. Прочитав статью Белоусова «С. Д. Дрожжин и Р. Рильке», основанную на воспоминаниях Дрожжина (Свободный час 1919 № 8 (1) С 9), Шиль ошибочно предположила, что он лично присутствовал при встрече поэтов летом 1900 г.

⁷⁹ Текст телеграммы Ф. И. Шаляпина 1903 г. приведен в статье Л. Ильина «Федор Шаляпин и Спиридон Дрожжин» (Калининская правда 1963 № 44, 21 февр. С 3).

⁸⁰ Справедливо оценивая сборник Дрожжина 1913 г. «Песни старого пахаря 1906—1912» как некоторый анахронизм на фоне ярко заявивших о себе Н. А. Клюева и С. А. Клычкова (см. Городецкий С. Пучина стиховная // Речь 1913 18 февр. (3 марта) № 48), Городецкий вместе с тем испытывает к самому

поэту неподдельную симпатию и уважение. Подтверждением тому наряду с приведенным стихотворением (кстати, помета «Тверь» позволяет предположить по езде к юбилею) может служить одна из дарительных надписей Городецкого «Дорогому и любимому другу С Дрожжину на память о светлых встречах наших С Городецкой 10 V 1924» — на книге стихов «Веснушки Ванюшки» (М, 1924, цит по *Ильин Л А* Из материалов бывшей личной библиотеки С Д Дрожжина С 145) Знакомство поэтов состоялось, по-видимому, у Фидлера, на одном из его традиционных вечеров 4 ноября (день его рождения), собиравших «весь литературный мир» В дневнике педантичного Фидлера имена двух поэтов впервые соседствуют в записи о вечере 4 ноября 1909 г (см *Фидлер Ф Ф* С литературного мира Характерные черты и суждения Кн 21 1909—1910 гг ИРЛИ, ф 649, оп 1, № 13, л 155—155, об) В редакционной заметке об этом вечере в «Биржевых ведомостях» (от 6 ноября 1909 г), где Городецкий упоминается среди впервые присутствовавшей молодежи, с особой теплотой и подробно говорится о Дрожжине

Автор публикации «Люди и встречи (Из архива Сергея Городецкого)» В П Енишерлов, говоря о связи поэта с крестьянскими поэтами, пишет «И, конечно, не случайно, что среди близких Городецкому людей был и замечательный русский поэт-самоучка Спиридон Дмитриевич Дрожжин Его несколько раз рисовал Городецкий» (Огонек 1978 № 16 С 22—23, в журнале воспроизведен один из карандашных портретов, изображающий Дрожжина в 1922 г)

⁸¹ Премия за сборники «Стихотворения 1866—1888» (3-е изд М, 1907), «Заветные песни Стихотворения 1904—1906» (М, 1907), «Новые русские песни (М, 1909) и «Баян Стихотворения» (М, 1909) была присуждена на основании «Отзыва о сочинениях С Д Дрожжина» почетного академика, великого князя Константина Константиновича (псевд К Р), опубликованного в «Сборнике отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп Академией наук» (Т 5 за 1910 г, Пг, 1915 С 167—195), а также в кн *К Р* Критические опыты Пг, 1915 С 324—354 Беловой автограф статьи находится в архиве К Р (ИРЛИ, ф 137, оп 1, № 38) Вторым «ходатаем» Дрожжина в Академии был Н А Котляревский, которому поэт писал 9 января 1911 г «Не нахожу слов и выразить Вам моей благодарности за Ваше представление в Академию моих стихотворений Такая славная награда и хороший отзыв Великого Князя, конечно, для меня дороже всякой медали, на которую я только и рассчитывал» (ИРЛИ, ф 135, № 304, л 8)

⁸² См об этом *Дрожжин С Д* Автобиография с приложением избранных стихотворений С 56

⁸³ Речь идет о продаже собрания сочинений, предпринятого Лесковым в конце 1888 г на деньги, взятые в кредит и под проценты у А С Суворина в надежде, что полученный доход даст возможность год-два не печататься и «написать что-нибудь веское» Но почти весь доход пошел на погашение долга Суворину Подробнее см *Лесков Андрей* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям (Тула, 1981 С 529—544, сообщено А А Шелаевой)

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ А. М. БАКУНИНА

Публикация К. Ю. Лаппо-Данилевского

Поэтическое творчество Александра Михайловича Бакунина, отца известного мыслителя и политического деятеля Михаила Бакунина, не было предметом отдельного исследования, стихи его по большей части не опубликованы, а место в истории русской культуры не определено, так же как не осмыслена его роль в львовско-державинском кружке, с участниками которого он поддерживал тесные творческие контакты.

Архив Бакуниных, переданный в Пушкинский Дом в 1924—1925 гг. А. А. Корниловым, содержит обширный материал по истории этой семьи с середины XVIII до конца XIX в., а также большое число неизвестных художественных текстов, важных для понимания истории русской литературы во всей ее полноте.

Александр Михайлович Бакунин родился 18(29) октября 1768 г. от брака Михаила Васильевича Бакунина (9.IX.1730—12.II.1803)¹ с княжной Любовью Петровной Мышецкой. 8 апреля 1779 г. у премьер-майора Семена Никифоровича Шишкова М. В. Бакунин приобрел имение Прямухино (Премухино),² с которым связаны наиболее яркие страницы культурной жизни этой семьи.

Родные братья М. В. Бакунина, Петр Васильевич Большой (1724—1782) и Петр Васильевич Меньшой (1734—1786), как и их отец Василий Михайлович (ум. в 1766 г. в чине действительного, статского советника), служили в Коллегии иностранных дел. Второй из них принадлежал сначала к интимному кружку графа Н. И. Панина, но, видимо, вовремя отошел от него и избежал опалы. Он пользовался большим влиянием на службе, что и позволило, по всей вероятности, его племяннику А. М. Бакунину получить 13 лет от роду должность актуариса в Коллегии иностранных дел, а в 1781 г. отправиться в Турин для службы при посольстве, которая для молодого человека, близкого родственника видного сановника, была, вероятно, необременительна, чем объясняется окончание А. М. Бакуниным в эти годы Падуанского университета по философскому факультету — в 1789 г. он получил звание доктора философии за латинскую диссертацию по гельминтологии. Научные успехи А. М. Бакунина были отмечены Туринской академией, выдавшей ему 4 июня того же года диплом,³ которым он причислялся к ее членам. Видимо, к самому концу 1780-х гг. относится посещение Франции, где он стал очевидцем революционных событий.⁴

Все это время молодой человек состоял на государственной службе: 21 марта 1784 г. назначен переводчиком, а 26 февраля 1787 г. пожалован в коллежские ассессоры. 14 июня 1790 г. А. М. Бакунин был уволен от занимаемой должности, а 31 ноября ушел в отставку в чине надворного советника.⁵

Наибольшее влияние на это решение имели, по утверждению А. М. Бакунина, пожелания его родителей, но ряд документов позволяет заключить, что главной причиной отставки и окончания столь блестяще начатой дипломатической карьеры были расстроенные денежные дела Бакуниных. Самоотверженным трудом по управлению имением в течение 1790—1810-х гг. А. М. Бакунину удалось поправить пошатнувшееся материальное положение семьи, избежать разорения. В письме от 1 марта 1792 г. к Н. А. Львову, соседу и ближайшему другу, Бакунин умолял помочь с уплатой процентов и просил в крайнем случае продать бриллианты своей матери. Долги Бакуниных достигали в марте 1791 г. 53 тысяч рублей, за год он надеялся их сократить до 43 тысяч. Заключалось письмо следующим образом: «Неужели все исчезнет — ради Бога достаньте деньги, хотя бы волшебством (...) я бы счастливейший был на земле человек, если бы добиться денег».⁶

В деревне, занимаясь ведением хозяйства, А. М. Бакунин уделял часть своего досуга поэзии — во всяком случае, к 1790-м гг. относятся первые дошедшие до нас его стихотворения. Литературным занятиям способствовали в немалой степени контакты с львовско-державинским кружком (сестрам Дьяковым, на которых были женаты Капнист, Львов и Державин, А. М. Бакунин по материнской линии приходился двоюродным братом), укрепившиеся во время его пребывания на службе в камерной части города Гатчины с 12 января по 14 ноября 1797 г. Перед этим назначением он был пожалован в коллежские советники.

Тяжелая болезнь отца и, видимо, продолжавшиеся материальные трудности побудили Бакунина оставить столицу; после 14 ноября 1797 г. он фактически безвыездно жил в провинции. Его портрет этого времени донесло до нас письмо А. М. Ермолаева к А. Х. Востокову от 11 июля 1802 г.: «В Торжке пробыли мы семь часов. Здесь увидел я Александра Михайловича Бакунина, который чрезвычайно на тебя похож. Облик лица такой же, как у тебя, брови срослись, волосы черные, близорук, неловок, не слишком опрятен, добр, знающ, умен и пишет стихи. Сколько сходства! признаюсь, что, увидя его, я весьма обрадовался».⁷

В конце 1800-х гг. поэт некоторое время служил по дворянским выборам новоторским и тверским предводителем (1806—1808). К 1800-м гг. относится дружба с поэтом М. В. Храповицким (1758—1819);⁸ его письма к А. М. Бакунину хранятся в ИРЛИ.⁹

Важнейшим материалом для характеристики политических взглядов А. М. Бакунина 1800-х гг. являются его письма к А. Н. Оленину 1803 г.¹⁰ и трактат того же года «Условия помещика с крестьянином»,¹¹ сохранившийся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки в Петербурге. Атмосфера первых лет царствования Александра I благоприятствовала разного рода проектам, что, видимо, побудило поэта высказать свои мысли. Известно, что А. Н. Оленин хотел дать ход трактату, хлопотал о его рассмотрении.¹²

В одном из писем Оленину А. М. Бакунин, развивая свое положение о том, что «не просвещение от наук бывает, а успехи наук от просвещения», подвергает критике воззрения наиболее видных представителей европейского Просвещения (Вольтера, Руссо, Рейналя и др.) и приходит к выводу, что Россия должна, опираясь главным образом на национальные традиции, достигнуть истинного просвещения, задачи которого он определил как «воскрешение правосудия», «разлучение истины от суеверия», упорядочение законодательства и доходов всех сословий и некоторые другие. Роль монарха по осуществлению этой программы будет заключаться в том, что он, «храня законы, уподобится Богу, хранящему уставы природы».¹³

Особый интерес в трактате А. М. Бакунина представляет предисловие, свидетельствующее о его антикрепостнических убеждениях: «Нетрудно доказать из деяний русского народа, что рабство вкупе с невежеством внесено в Россию

иноплеменными, возросло в бедствиях, укоренилось насилием и, следовательно, не есть зло России природное или полезное»¹⁴

В заключение автор приветствует указ Александра I о вольных хлебопашцах и предлагает меры для юридического упорядочения отношений крестьянина и помещика на основе взаимной выгоды и равноправия

В частной жизни поэта произошли значительные события — в 1810 г А М Бакунин влюбился в Варвару Александровну Муравьеву, гостившую у своего отчима П М Полторацкого в соседнем имении, и вскоре они поженились. От этого брака родились 11 детей, из которых один умер во младенчестве. Для характеристики образования, которое Бакунины дети получали дома, достаточно указать, что их с детства обучали четырем языкам — французскому, немецкому, английскому и итальянскому. О широте интеллектуальных интересов семьи свидетельствует и библиотека Бакуниных, ее большая часть (787 книг) сохранилась в Государственном архиве Тверской области.¹⁵ Некоторые из книг, как явствует из вышеупомянутых отчетов Б И Коплана о командировках, влились в библиотеку Пушкинского Дома

Поездка В А и А М Бакуниных в 1811 г в Тверь, где в то время был двор принца Георгия Ольденбургского и его жены Екатерины Павловны, надолго оставила след в памяти семьи. Поэт был принят при дворе принца, где состоялось его знакомство с Н М Карамзиным, О А Кипренским, здесь же он встретился с Ю А Нелединским Мелецким и Ф В Растопчиным, знакомыми ему по службе в Гатчине в 1797 г

Нельзя обойти вниманием дружбу В А и А М Бакуниных в 1810-е гг с основателем «Союза спасения» А Н Муравьевым, деятельность которого поэт хотел направить по руслу политической умеренности. Недавно опубликовано 16 писем А Н Муравьева к его кузине и ее мужу из-за границы (1812—1814), хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.¹⁶ Они позволяют судить о силе взаимной привязанности. Более поздние письма, видимо, были уничтожены в Прямухине после декабрьского восстания 1825 г

В 1830—1840-е гг гостями Прямухина были друзья Михаила Бакунина — В Г Белинский, Н В Станкевич, В П Боткин, И С Тургенев, жившие здесь, спорившие, влюблявшиеся в сестер Бакуниных

В 1836 г А М Бакунин был избран на трехлетие почетным попечителем Тверской губернской гимназии, после чего был в отставке, причиной которой было сильное ухудшение зрения, начавшееся еще в 1800-е гг и завершившееся слепотой.¹⁷ Одна из поэм Бакунина так и называется «О слепота, порок большой». Ее создание относится, видимо, к началу 1830-х гг, так как сохранившаяся беловая копия написана на бумаге, изготовленной в 1832 г.¹⁸ Скончался А М Бакунин в своем поместье Прямухино 9 (21) декабря 1854 г

Первое сообщение о существовании поэтического наследия А М Бакунина относится к 1859 г, когда в сборнике «Братчина» была опубликована статья В И Панаева «Из моих воспоминаний о Державине».¹⁹ Ее автор рассказывал, как он юношей послал пять идилий маститому поэту, тот ответил, ободрил, а в качестве образца прислал превосходную, по его мнению, идилию. Это было стихотворение А М Бакунина «Жатва», опубликованное здесь же со следующим примечанием В И Панаева «Они (стихи — К Л-Д) очень хороши, но не идилия»

В «Сочинениях» Г Р Державина, подготовленных к печати и изданных в 1864—1883 гг Я К Гротом, были напечатаны пять писем Державина к А М Бакунину 1800—1804 гг.²⁰ Они являются важным источником наших знаний о переводческих опытах Бакунина из Т Тассо и П Метастазии, тексты которых пока не найдены

Несколько поздних стихотворений А М Бакунина и отрывки из поэмы «Осуга», служащие источником воссоздания культурной атмосферы Прямухина,

были опубликованы в книге А А Корнилова «Молодые годы М Бакунина Из истории русского романтизма» (М, 1915) Ряд страниц этой книги посвящен прошлому семьи Бакуниных

В 1920-х гг с архивом Бакуниных работал Б И Коплан, В статье «Из литературных изысканий начала XIX века А М Бакунин и В В Капнист»²¹ он опубликовал два письма Капниста к Бакунину и в качестве приложения к ним — 10 стихотворений последнего («Молитва любви», «Вариньке», «Ей же», иная редакция «Жатвы», «Осень Г Р Державину — на отставку его», «Приглашение» и др.)

В 1933 г в «Литературном наследстве» (т 9—10) появилась статья З Артамоновой «Неизданные стихи Н А Львова», посвященная рукописям Львова, сохранившимся в составе архива Г Р Державина в Государственной публичной библиотеке им М Е Салтыкова-Щедрина Здесь впервые упоминается о творческих контактах между Н А Львовым и А М Бакуниным и напечатаны отрывки первой части «Епистолы к А М Бакунину»²²

Публикация в 1950-х г в составе полного собрания сочинений В Г Белинского всех его писем к М А Бакунину и его отцу явилась важным свидетельством знакомства выдающегося критика с творчеством поэта,²³ казавшимся, видимо, в 1830-е гг несколько архаичным, что не воспрепятствовало, однако, интересу Белинского к поэзии А М Бакунина

Издание поэтического наследия Бакунина представляет определенные трудности каждое стихотворение сохранилось в нескольких списках, в силу чего датировка затруднена В данной публикации мы стремились осветить поэтическое творчество А М Бакунина 1790—1800-х гг, поэтому в начале помещены стихи из тетради, подаренной автором Н А Львову, имеющей помету «1799, 24 января, Черенчицы», и стихотворение «Случилось черту через горы», являющееся, видимо, непосредственным откликом на Швейцарский поход А В Суворова (1799), а также «Г Р Державину» (более полный, разысканный нами вариант), связанное с событиями 1803 г

Значительную помощь при датировке оказывает альбом В А Муравьевой,²⁴ куда в 1810—1811 гг были занесены отрывки стихотворений «Утро», «Любви» и заключительное восьмистишие «Ночи», примененное к конкретному случаю (предполагавшаяся 16 октября 1810 г свадьба) Собственноручная запись А М Бакунина о том, что эти стихи написаны за несколько лет до этого («J'écrivais il y a quelques années en m'attendant à l'amour»)²⁵ позволяет отнести их к 1800-м гг

Существуют и косвенные соображения Большинство стихов этого времени обращено к Лизе и Даше Так звали дворовых девушек Н А Львова, славившихся исполнением народных танцев и ставших для его друзей объектом своеобразного эстетического поклонения, — им адресовал стихи Г Р Державин, их рисовал В Л Боровиковский Характерно, что в редакции «Утра», внесенной в альбом жены, А М Бакунин изменил обращение «Проснись, Лиза» на «Проснись, Варя»²⁶ Основная тема стихов этого времени — гармоническое слияние жизни человека и природы, предощущение любви, что позволяет датировать их первым десятилетием XIX в

Бумага, на которой написаны стихи А М Бакунина, подтверждает наши датировки в этой публикации мы ориентировались главным образом на списки, сделанные на бумаге ярославских фабрикантов Яковлевых, выпускавшей в 1790, 1792, 1797 гг,²⁷ и на бумаге фирмы Хониг и сыновья (J Honig & Zoopen) с филигранью «Pro patria»,²⁸ изготовленной в 1765 г Эти списки хранятся в чет вертой папке второй описи архива Бакуниных По ним опубликованы тексты большинства стихотворений («Утро», «Весна», «Любви», «Даша и Любим», «На хижину», «Семик») Более поздние редакции и варианты стихов по другим спискам указаны нами в комментариях

В 1810-е гг в лирике А М Бакунина центральное место заняла тема жизни его семьи в Прямухине, усилился эпический элемент, что привело к созданию в следующее десятилетие поэмы «Осуга» В заключение приведено стихотворение «Прогулка» (между 1826 и 1828 гг), свидетельствующее об эволюции творчества поэта Наряду с тем, что оно отразило усилившийся консерватизм его мировоззрения (см концовку), это стихотворение содержит указание самого помещика на неразрешимые противоречия между ним и крестьянами, а также размышления поэта о сущности русского народного характера, наблюдения о развращающем влиянии крепостного права на дворовых В целом это стихотворение, как и вообще позднее поэтическое творчество А М Бакунина, отразило смену восторженной идеализации крестьянской жизни в стихах 1790—1800-х гг более реалистическим изображением окружающего мира

Публикуемые ниже стихи М А Бакунина представляют также несомненный интерес для постановки общих теоретических проблем литературного творчества — в первую очередь для понимания той связи, которая существует между читательской аудиторией и писателем В 1790—1800-е гг, когда А М Бакунин в своем творчестве ориентировался на узкий круг просвещенных ценителей литературы (Г Р Державин, Н А Львов, В В Капнист, Ф П Львов и др), его стихи по своим художественным достоинствам вполне соответствовали общему уровню произведений писателей-сентименталистов, а в чем-то, пожалуй, превосходили их Все усиливавшаяся изоляция поэта, отторженность от литературного процесса приводят к тому, что его творчество становится лишь фактом истории семьи

При публикации текста за основу была принята инструкция по подготовке стихотворений для «Библиотеки поэта»²⁹ Необходимо отметить некоторые отклонения от этих правил последовательно сохранено окончание «ой» в именительном падеже прилагательных мужского рода (они часто рифмуются, составляя однородные пары с другими прилагательными), а также авторское написание отдельных рифмующихся слов (например, «иттить») Примечания А М Бакунина помещены непосредственно после поясняемых стихотворений

¹ Даты жизни М В Бакунина установлены по отчету о командировке Б И Коплана, 1926 г — ААН СССР, ф 2, оп 1 (1926), ед хр 27, л 250

² Ср указание А М Бакунина в письме к посреднику размежевания Ф А Шишкову (1843 г) — ИРЛИ, ф 16, оп 4, № 52, л 1

³ ИРЛИ, ф 16, оп 6, № 1

⁴ Об отношении поэта и его окружения к французской революции см *Лапте-Данилевский К Ю* К вопросу о рецепции событий Великой французской революции // *Рус литература* 1989 № 3 С 49—56

⁵ В Рукописном отделе ИРЛИ есть следующие документы, позволяющие восстановить биографию А М Бакунина копия формулярного списка (1836, ф 16, оп 6, № 20, л 1—2, об), справка о его службе (там же, № 13, л 1—1, об), письмо Бакунина А Х Бенкендорфу (1843) с рассказом о себе (там же, № 24, л 9—10) Приезд коллежского советника А М Бакунина в Петербург из Турина состоялся 12 марта 1790 г, как явствует из ведомостей обер-полицмейстера Н И Рыльева (ЦГАДА, ф 16, № 16, л 68)

⁶ ИРЛИ, ф 16, оп 4, № 37/2, л 4

⁷ Переписка А Х Востокова СПб, 1874 С VI

⁸ См *Заборов П Р* Незданная поэма М В Храповицкого «Четыре времени года» // XVIII век М, Л, 1962 Сб 5 С 429—434 Здесь же основная библиография

⁹ ИРЛИ, ф 16, оп 9, № 532

¹⁰ ГПБ, ф Олениных, № 168, 15 л

¹¹ Там же, № 806, 64 л

¹² См Там же, № 542 (письмо А Н Оленина неустановленному лицу (1803))

¹³ Там же, № 168, л 10—10, об

¹⁴ Там же, № 806, л 2

- ¹⁵ См Государственный архив Калининской области Рекламный проспект Калинин, 1986 С 18
- ¹⁶ *Муравьев А Н* Сочинения и письма Иркутск, 1986 С 163—195
- ¹⁷ Ср указание В А Соллогуба о слепоте поэта в 1830 е гг — Русский Архив 1865 № 5 Стб 749
- ¹⁸ ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 25
- ¹⁹ Братчина СПб, 1859 Ч 1 С 107—128
- ²⁰ Сочинения Державина В 9 т СПб, 1864—1883 Т 6 С 873, Т 9 С 322—325
- ²¹ *Коплан Б И* Из литературных исканий конца XVIII—начала XIX в (А М Бакунин и В В Капнист) // Материалы общества по изучению Тверского края 1928 Вып 6, С 27—46, отд изд Тверь, 1928
- ²² ЛН 1933 Т 9—10 С 273—274
- ²³ *Белинский В Г* Полн собр соч М, 1956 Т 11 С 258
- ²⁴ ИРЛИ, ф 16, оп 6, № 55
- ²⁵ Там же, л 97, об
- ²⁶ Там же, л 104, об
- ²⁷ *Uchastkina Z V* A History of Russian hand paper-mills and their water-marks Hilversum, 1962 Vol 9 P 261, № 784—786
- ²⁸ *Клепиков С А* Филлиграни и штампы М, 1959 С 85, № 1144
- ²⁹ *Киселев В С* Инструкция по подготовке книг «Библиотеки поэта» Отдел «Русская поэзия» Л, 1985

1 ДРУГУ МОЕМУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Вблизи ручья пустырь в печали
 Лежал бесплодно пустырем;
 Цветы его не отняли,
 И белоус порос по нем,
⁵ Доколь ручей струей живою
 Его к добру не растворил;
 Пустырь покрылся муравою
 И первой цвет произрастил.
 Как в сельской он расцвел свободе,
¹⁰ Таков к тебе и провозден,
 Прими его, ты друг природе,
 А он природою рожден.

2 НА СВАДЬБУ ФЕДОРА И НАДЕЖДЫ

Скрылся солнца лик веселой,
 Заскрыпел дремучий лес,
 И борей в одежде белой
 блеклой лист с дерев понес,
⁵ Затрещал мороз жестокой,
 Серой волк в полях завыл —
 Все мертво, и снег глубокой
 Мать сыру землю покрыл,
 Не журчит между цветами
¹⁰ Льдом окованной ручей,
 Не свистит между кустами

Сладкопевец соловей.
 Дев веселых хороводы
 Не играют на берегах,
 15 И небес лазурны своды
 Не рисуются в водах.
 Одна Талыжна ¹ сверкает,
 В ней одной вода светла,
 Против солнышка играет
 20 В общей скуке весела;
 На берегу, что подмывает
 Ее быстрой чистой ток,
 Одна пеночка ² вспевает,
 Расцвелал один цветок; ³
 25 Лель ⁴ с Полелием ⁵ сидели
 На зеленом бережку,
 Воздух нежностью согрели,
 При мне свили по венку;
 Свив веночки, полетели,
 30 И за ними птичка в след. . .
 и струи потечь хотели,
 Но покрыл внезапной лед! ⁶
 Но друзья мои, постойте,
 Вам ли вместе так спешить!
 35 Наперед вы мне откройте,
 Кто вас мог соединить!
 Не тревожась дальним странством,
 Отвечали мне с огнем —
 Мы надежду ⁷ с постоянством
 40 Увенчаем сим венком.

¹ Талыжна — речка в родине Федора. Его же прекрасная пьеса или песенка.

^{2,3} Пеночка, Цветок — его же сочинения.

^{4,5} Лель, Пблель — славенские боги: 1 — Любви, 2 — Брака

⁶ Лед означает кончину, случившуюся перед тем, его отца.

⁷ Надежда — ния невесты, которую подлинно Федор добыл постоянством.

3 РУЧЕЙ

Давно ли здесь по тундре мшистой
 Тропинка к гибели влекла,
 Висела над струей нечистой
 Студеная густая мгла?
 5 Земные недра поглощали
 Дерзнувшего в нее войти,
 И люты звери расхищали
 Погрязшего в своем пути; ¹
 Где не было следов живущих,
 10 Был образ смерти начертан,

Там песни соловьев поющих
Плясать нуждаются поселян,
На мураве густой, цветущей
И Лелю можно послужить.
15 Но что за шум воды текущей?
Ручей ли здесь? Не может быть!
То не ручей, то Лель могущий,
Что образ свой в водах сокрыл,
И гений жизни, в ней текущий,
20 Долину мертву оживил.
Две девы на берегу дернистом
В ручье любят себя собой,
В кристалле познакомясь чистом
С невинною своей красой.
25 Невинности черты святые
Сугубу прелесть им дают,
Колесня кудри завитые,
В восторге радостном поют:
«Теки, ручей, краса природы,
30 И к счастью путь нам укажи,
Умножь свои прозрачны воды
В угодность нашей госпожи,
Ты мог бы шумным водометом,
Струею воздух рассекать
35 И, радужным играя светом,
Дождем блестящим упадать,
Ты мог бы гордою рекою
Обширнейший прославить брег
И пышность предпочтя покою,
40 Направить к морю быстрой бег;
Но пышность тщетну презираешь,
Для ней ты скуп своей водой
И берега те оживляешь,
Где резвится любовь с тобой.
45 Стремленьем бурным и напрасным
Ты не гремишь, как водопад,
Что зрелищем своим ужасным
Прохожего тревожит взгляд;
Как дружбы глас, твое журчанье
50 К тебе издалика влечет;
Отъемлет труд, целит страданье
И в душу сок и силы льет.
Ты на гранит не променяешь
Твоих зеленых берегов,
55 Где ты, рождая, удвояешь
Прекрасной вид живых цветов;
Как вихри возмутить ни тщатся
Твой чистой и спокойной взгляд,
К тебе опустятся, смирятся

60 И на струях твоих скользят.
Но если, зноем изнуренны,
Бегут стада, ты их зовешь,
Журчишь и воды возмущенны
Охотно пользе предаешь.
65 Во дни печальные премены
Не сократит зима твой ход,
Окостенелы ея члены
Растают в недре твоих вод.
Теки, ручей, краса природы,
70 И к счастью путь нам укажи.
Умножь твои прозрачны воды
В угодность нашей госпожи».

¹ Болото в Черенчицах было прежде непроходимое — оно высушено — в доме М(арии) А(лексеевны) жили тогда Лизинька и Дашинька.

4. НА ПРОДАЮЩИЙСЯ СЕКРЕТ, ЧТОБЫ ХЛЕБ БЕЗ УДОБРЕНИЯ ЗЕМЛИ РОДИЛСЯ

Не имею я охоты
Ново таинство узнать,
Чтобы с поля без работы
Плод стократной собирать —
5 Нет, работать мне милее,
Мне Бог руки, силу дал,
Даша смотрит веселее,
Чем я больше работал.

5. НА ВЛЮБЛЕННУЮ СТЫДЛИВУЮ ДЕВУШКУ

Дочь огня и стали чистой,
Искра трут в лесу зажгла
И струей блестящей, быстрой
Всю поверхность обтекля,
5 Если ветер не повеет,
Вовсе пеплом трут истлеет,
Но не вспыхнет никогда.

6

Случилось черту через горы
За нуждой некогда иттить,
На все дела ведь черти скоры,
Ну как его остановить?
5 Но черта вдруг остановило
Бездонной пропасти жерло.

Перескочить не можно было —
Подагрой крылья повело,
Был барин черт, «Дружней, ребята!» —
10 Ногою топнул, вздернул хвост,
Откуда черти, чертенята,
Откуда черту чертов мост?
Французам как-то по наследству
Тот мост достался от чертей,
15 Французы, грабя по соседству,
Душили, жарили людей,
И черти и французы вместе
Как принялись тот мост ломать!
Хотя душа и не на месте,
20 За рвом хотят похрабровать.
С французом черт засел в засаде,
И по стенке стали тут,
Верхом на быстром водопаде
Русак спустился, где не ждут.
25 Но взвидя русских на дороге,
Тупей и волос дыбом встал,
Откуда вдруг взялися ноги,
Хоть чуть бы черт их испугал.

7. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

Скучно, хладной ветер веет,
Моросит ненастной дождь,
Солнце низкое бледнеет,
Иль и ты, небесной вождь,
5 Око светлое природы,
Помрачилось тоской?
Смертной хлад на быстры воды
Гробовою лег доской.
Уронив завесы брачны,
10 Лес печален стал и дик,
Сосны лишь чернеют мрачны,
Слышен птиц зловещий клик,
В зеркалах живых природы
Взор стесняется тоской,
15 Грудь земли оледенелу
Снег студеной схоронил,
Ночь приемлет область целу,
День светильник уронил. . .
Призрак вся мирская слава,
20 И повапленной лишь тлен —
Токмо сердце мужа права
Неизменно средь премен.
Он охотнее трудится,

Когда солнышко тепло,
25 Но и стужи не боится,
На душе его светло.
Мудрой муж, весну встречая,
Не щадит своих трудов,
И, плодов осенних чая,
30 Зиму встретить сам готов,
Свист змеиной презирает,
Злоязычьем невредим.
Он бессмертье предвкушает,
Силой Вышнего держим.¹

¹ Надпись державинского герба — Силой Вышнего держим.

8. УТРО

Звезды на небе чуть блещут,
Ждут веселых дней царя,
Сквозь листов, кои трепещут,
Видна утрення заря;
5 Проснись, Лиза! Голосистой
Уже петел возгласил,
И зефир росой душистой
Твои кудри окропил,
Уже небо голубеет,
10 Аромат цветы лиют,
На ключе туман белеет,
Птички хором все поют:
«День прекрасной, возвратися,
Освети лицо полей!»
15 Лиза милая, проснися,
Из цветов вязанку свей —
Встретим солнце на восходе,
Оно примет с высоты,
В жертву чистую природе,
20 Нашу радость и цветы».

Начало жизни, царь природы,
Отец прекрасная весны,
Ты освещаешь все народы,
Одушевляешь все страны.
25 Едва ли смертной заблуждает
Того равняя божеству,
Кто все живит, растит, питает,
Дает уставы естеству.
Но ежели для славы вечной
30 Мир целой — недовольной храм,
То образ свой в тебе, конечно,
Бог начертал в утеху нам.

Прими же ты цветы простые,
Что нашей собраны рукой,
35 Не горы нам пошли златые,
Любовь, здоровье и покой.

9. НОЧЬ

Солнце томными лучами
Освещает верх холмов,
Тень простерлась над полями,
Вечер к нам сойти готов.
5 Звонко эхо повторяет
Песни жителей сельских,
Но заря как угасает,
Вместе с нею шум утих,
Против месяца вдаль вьется
10 Серебристая струя,
И по рощам раздается
Сладкой голос соловья.
Хоть прошел ты, день прекрасной,
Хоть твой яркой свет угас,
15 Но твой свет был не напрасной,
Дорог был нам всякой час —
Мы зарю твою встречали,
Вместе с птичками в полях,
Землю потом орошали,
20 Провели тебя в трудах.
Вечер тихой и прекрасной,
Нам теперь отраду льет,
Час настал тому ужасной,
Кто во праздности живет,
25 Тщетно ждет себе покою
До полуденных лучей,
Сон лобзающей рукою
Не сомкнет его очей.
Счастье наше в нашей воле,
30 Лиза милая, поверь,
Работали мы день в поле,
Отдыхать пойдем теперь.
Подголовок нам душистой
Лель из юных роз совет
35 И лилей вязанкой чистой
Радость к ложу прикует,
Огонь небесной возгорится
Божеством исполнит грудь,
И невинность согласится
40 В недрах нежности заснуть.

Чело блистающе колебля,
 Рекою проливая свет,
 Полмира взорами объемля,
 К нам солнце красное идет —
⁵ Все радостно его встречают,
 Деревья ветви простирают
 К одушевляющим лучам.
 Ручей под малым моим садом
 Стремится шумным водопадом
¹⁰ Подобиться большим рекам.

Бежит с лугов снег бездыханной,
 Спешит дать место мураве,
 Уже цветок благоуханной
 У Сони вижу на главе!
¹⁵ И спутника весны прекрасной
 Уже глас радостной, согласной
 Меня восхитил и тронул —
 Над озимью густой взвиваясь,
 Возвыся голос, удаляясь,
²⁰ В лазури ясной утонул.
 Дерев на ветвях обнаженных
 Прозрачной зеленеет лист,
 В кустах досель уединенных
 Я слышу соловьиной свист.
²⁵ И эхо вновь любви обеты,
 Умножа скромные ответы,
 Умолкло позади холмов —
 Так Сонюшка моя, робея
 И слов окончить не умея,
³⁰ Склонялась на мою любовь.

Гряди, стран северных отрада,
 Туманы, мраки разгони,
 Яви нам землю в виде сада,
 Дышащу пламенем любви,
³⁵ Лети на крыльях лебединых,
 Раздайся в песнях соловьиных
 И в чистых возблестай струях,
 Природе возврати свободу,
 Заставь людей любить природу
⁴⁰ И в наших расцветай сердцах.

11 ЛЮБВИ

Любовь! Невинности подруга,
 Источник радости, доброт,
 В обширности земного круга
 Тобой всё движется, живет.

5 Неугасимой огонь блаженства
Для счастья смертных, совершенства,
Для облегчения в скорби.
С душою Богом вдохновенной
Закон природы непрременной
10 Почто тебя страшимся мы?

Под именем твоим развратство
Нередко мы боготворим,
Находим в роскоши приятство
И удалством нахальство чтим,
15 Иль бурной предаваясь страсти,
В претерпеваемой напасти
Тебя виновною зовем,
Но в том виновно ль солнце ясно,
Что можно здание прекрасно
20 Небесным воспалить лучом?

Не оскорбись моим неверством —
Где без корысти безо лъсти
Не одеяну лицемерством
Тебя возможно обрести?
25 Или, терпения награда,
Несчастливым лучшая отрада,
Ты не со всеми можешь жить?
Как звезды на небе возженны,
Для тех, чьи очи ослепленны,
30 Напрасно стали бы светить.

Прости, что не познавший власти
Твоей дерзает говорить,
И, опасаяся злой части,
Не смеет сам начать любить,
35 Но ждет в безмолвии глубококом,
Чтоб ты, возрев прелестным оком,
Коснулась наконец ему.
Соделала б вернейшим другом,
Счастливым, может быть, супругом,
40 Наполнив сердца пустоту.

Приди, любовь, приди, рассмейся,
Воспламени холодну грудь,
В крови моей, в душе разлейся,
Дай мне от радости вздохнуть.
45 Дай умереть тобою млея,
Как от излишества елея
Светильник угасает сам,
Иль розу ветерок, лобзая,
Восхитив аромат, играя,
50 Листы разносит по лугам.

12. <ДАША И ЛЮБИМ>

Лю б и м

Что задумалась так, Даша?
Для чего не весела?
Иль счастливая жизнь наша
Вместе с летом отцвела?
5 Иль осенний дождь студеной
Душу смог охолодить?
Разве в рощице зеленой
И счастливыми лишь быть?

Д а ш а

Нет, мой друг, одна кончина
10 Счастье дружбы сократит,
Но печальная картина
Поневоле дух теснит,
Тьма угрюмая склоняет
Свод небесной до земли
15 И сугубой разливает
Мрак по озеру вдали,
Взор отрады не находит
В мертвых рощах и в полях,
Свищет ветер и все наводит
20 Им унынье или страх.

Лю б и м

Буря, вихрь и дождь холодны,
Тьма на небе и в струях
Не столь тмят красы природны,
Как печаль в твоих очах.
25 Прихотям переменным счастье
Переменное дано,
Но и в ведро и в ненастье
Неизменно здесь оно.
Мы природы чтим уставы,
30 Мы счастливы быть должны,
Наша радость и забавы
Тесно с ней сопряжены,
Сквозь осеннюю завесу
Красота ее видна,
35 А оттенков без примесу
Лишь бесчувственность одна.
Но оставим утешеньем
Прихотливцам городским
Быть счастливыми суждьем.
40 А не чувством лишь простым,
И тоскою бесполезной
Не встревожим наших дней.

Что-нибудь, мой друг любезной,
На душе лежит твоей?

Д а ш а

⁴⁵ Тяжело от мила друга,
Тяжело таить себя,

Л ю б и м

Искренность — любви подруга,
И нельзя таить любя.

Д а ш а

⁵⁰ Но когда не в нашей власти
В радость скуку пременить?

Л ю б и м

Облегчить ее отчасти
Может друг и разделить.

Д а ш а

Друг мой! Щедрою рукою
Нам с тобой судьба дала
⁵⁵ Все, что нужно для покою,
Но богатство отняла.
Пусть оно для нас не нужно,
Пусть презрительно оно
Но к несчастным сердце дружно,
⁶⁰ Так уж нам судьбой дано.
Лишь вчерась пожар ужасной
Семью по миру пустил
Но что в жалости напрасной,
Коль дать помочи нет сил?
⁶⁵ Чуть из хижины успели
Вывести плачущих детей,
Искры с шумом полетели,
Обвился огонь по ней,
С скрипом страшным кров склонился.
⁷⁰ «Где мой сын?» — Лубин вскричал,
Молвил, бросился, сокрылся,
У всех дыбом волос стал.
Вопль отчаянной супруги
Замер. Свет померк в очах,
⁷⁵ И трепещущи подруги
Ее держат на руках,
Все толпились, все немели,
И теснились все вокруг,
Но помочь ему не смели —
⁸⁰ Тебя не было, мой друг.
Лубин, пламенем покрытой,

Вихрем огненным гоним,
Сквозь навислой кров разрытой
С сыном вылетел своим,
85 В тот же миг с ужасным треском
Все обрушилось за ним.
Пламя взвыло с ярым блеском,
Черну ночь удвоил дым.
Голос тот еще я внемлю —
90 «Цело все», — как он сказал,
И, чело потупя в землю,
Над детьми своими стал,
Все спаслись, но все без хлеба —
Мать, отец, семья детей,
95 Просят помощи у неба,
Не надеясь от людей.
О мой друг, теснима мукой,
Я отраду не найду,
О мой друг, кто нам порукой
100 За изменную судьбу?

Л ю б и м

Даша, выйдем и вдоль саду
Проберемся на гумно,
Несчастливым быть в отраду
Не богатому дано.
105 Была б добрая лишь воля,
То и средство найдено —
Вот с большого нами поля
Сколько хлеба собрано.
Полно все гумно скирдами,
110 Золотыми Бог горами
Наградил за милой труд.
Что же нам теперь мешает
Разделить, что Бог дает,
Кто несчастных утешает,
115 То счастлив, конечно, тот.
Мы теперь друзьям поможем,
Нам они в прискорбной час,
Если век прожить так можем,
То счастливее кто нас?
120 Ты смеешься, взор стыдливой
И румянец говорит —
Вот и осень день счастливой
Против чаянья дарит.

Д а ш а

Всякой день ты мне милее,
125 Не далеки мы от них,
Небо, кажется, светлее,

Ветер, кажется, утих
Солнце, запад освещая,
Облаков румянит тень,
130 Добрым людям обещаю
В октябре веселой день.

13 НА ХИЖИНУ

Терем строй себе горою,
Кто цены не знает дней,
Днем я хижину сострою
И счастлив назавтре в ней.

14 СЕМИК

Там, над долиною тенистой,
В коей Осуга воду льет,
И с шипом козеллист душистой
Составили висячий свод,
5 Где томно горлицы воркуют,
Где вихри бурные не дуют,
Дернистой холмик предстоит.
На нем березка зеленеет,
Листочки ветерок лелеет
10 И будто с ними говорит.

К березке тихо приближался
Поющих дев веселой сонм,
Венком прекрасным увенчался,
Гордясь их красотою холм;
15 Оне веночки завивали,
Веселу пляску затевали,
Березке похвалу поют. . .
Не слышно зэфиров шептанье,
И ручейки, забыв журчанье,
20 Безмолвною струей текут.

Красна, приятна и полезна,
Царица северных лесов,
Станица, соловьям любезна,
Растешь всеместно без шипов —
25 В долине, на юру высоком,
Приятна запахом и соком,
Не так возвышенна, как ель,
Не так горда, как дуб ветвистой,
Но во твоей тени душистой
30 Покоится нередко Лель.

Сойди на землю, бог прекрасной,
И светом радости блесни,
Тебе единому согласно
Мы наши посвящаем дни.
35 Как ветерком огонь живет,
Горит светлее, лучше греет,
С тобою легче дышим мы,
Послушны твоему влиянию,
Как легких зэфиров лобзанью,
40 Покорны алые цветы.

За легкими девиц следами,
Едва ли оком лъзя успеть —
Зефир, запутавшись крылами,
От них не тщится отлететь.
45 Прильнув к одежде иль взвивая,
Рисуя или закрывая,
Являет новые красы —
Так облаками в ночь весенню
Затменно скоротечной тенью
50 Лицо серебряной луны.

Глаза приятней устремленны
На скрытой в отдаленье вид,
Что сквозь верхи дерев склоненны
Лишь временно на нас сквозит —
55 Так снежны перси возвышенны
Едва белея, сокровенны
Под кольцами густых кудрей
Казались снегом, что весною
Дерев под тению густою
60 Таятся солнечных лучей.

Березки ветви закачались,
Восколебалася земля —
В молчанье девы рассмеялись,
И в дом тенистой, где струя
65 Брега счастливы омывает,
Цветы удвоя, лобызает
И чистым плещет серебром,
Березка тронулась за ними,
Теня листочками сквозными,
70 И стала на берегу крутом.

Струя, прозрачность удвоя,
И дев, стоящих на берегу,
Прекрасной образ присвоая,
От них заемлет красоту.
75 Крылатой юноша явился,

И холм дернистой поклонился,
И расцвела трава под ним.
С усмешкою в устах небесной,
Возвыся голос свой прелестной,
80 Он девушкам сказал младым:

«Как цвет поблекнет ваша младость,
Но счастье ваше не минет,
И дней минувших чиста радость
На запад ваш лучи прольет.
85 Я буду с вами неразлучен,
Всегда пастух благополучен
Отыдет от сего ручья —
Жестокая, как воск растает,
С невинностью любовь взывает,
90 Как с ночью голос соловья.»

15. ПРОГУЛКА

Кто после чая, весну встречая,
Дети, со мною хочет гулять?
Но долгих сборов и договоров,
Вы это знаете, я не люблю:
5 Кто опаздает, пусть догоняет,
Ждать я не стану, марш и в полях!
Вот и большая, наша пустая,
Как дом опальной, клетка стоит —
10 Прошлого года, разного рода
Пели, порхали пташечки в ней,
И чисто поле, в сладкой неволе
Позабывали, тешили нас,
Гнезdochки вили и выводили
15 Без опасенья деток своих;
Важен и пышен тетерев Мишин
Гордо похаживал и токовал,
И возле будки дикие утки
В корыте плавали, будто в реке,
20 На них похожи, чисто вельможи,
В лужах купаются спеси своей.
Весело было слушать и мило
Видеть проказы и суеты;
И пасифлоры цветов узоры,
25 Как по решетке переплелись
С душистой гоей, в цветочках коей
Пчелкам готовой сочится мед.
Но скорбь и горе постигли вскоре,
Рушили счастье бедных троян —
30 Греки-улисы, первые крысы
Мрачной изменою к ним забрались,

И филомелы вдруг онемели,
Лишася голосу и головы;
Уточек бедных, всех до последних
Лютой кот Васька перетаскал,
35 Тетерев с голоду во время холоду,
Всеми покинутой, жизнь окончал —
Будьте ж судьями себе вы сами,
Птичек сажать ли нам или нет.
Грех тяжкой, право, а не забава
40 Лишить их вольности и уморить —
Разве своими, а не чужими
Руками будете оберегать.
Чудное дело, умной и смелой
И добродушной русской народ
45 Бросится в пламя и воду прямо
Руку несчастному помощи дать,
А постоянное, как окаянное,
Дело по должности тяжко ему.
Пусть бы в Италии, от нас подалье,
50 Укоренился, как виноград,
От лишней сласти лень и все страсти,
А к нам нелегкая их занесла.
Сблизи заронила, а не знакомилась
Дворня с Неаполем наша, кажись,
55 И на припеке готова, боки
Грея, валяясь, в сору лежать,
Есть ухоботья, носить лохмотья,
Лишь бы не делать ей ничего.
Сходство столь дивное во всем противном
60 Климаты могут ли производить,
Не мы ли сами, выкопав ямы,
Необходимо падаем в них?
Больно и жалко, что только палкой
Двигутся души наших людей —
65 Древле дворовые были готовые
На службу воины, а не рабы,
Но как-то разом, крепким указом
Аркан ревизии их увязал.
Давно ль под белыми, оледенелыми
70 Снегами в саване были поля,
В ризы венчальные, сбросив печальные,
Вот облакается та же земля.
Будь летом краше, солнышко наше,
Душу в бездушное тело вложи,
75 Не разрушая, а соглашая
Собственность личную с пользою всех —
Тогда и слуги будут нам други,
А не сокрытые в доме враги;
Нужда к работе придаст охоты,

80 Даромоедов на рудники
 И дух народной, как в день Господний
 Светлого праздника, жизнь озарит,
 И Николая вся Русь святая,
 Им воскресая, благословит

1 Находится в тетради стихотворений А М Бакунина, подаренной автором Н А Львову 24 января 1799 г в имени последнего Черенчицы (ИРЛИ, ф 16, оп 2, ед 1, л 1) Тетрадь принесена в дар ИРЛИ М Л Львовой 12 февраля 1928 г (через Б И Коплана)

2 Там же, л 1, об —2, об Написано на свадьбу Ф П Львова (1772—1835), двоюродного брата Н А Львова, и Н И Березиной (ум 1808) Их брак датируется с точностью до дня благодаря письму Д М Полторацкого к А П Полторацкой от 23 января 1795 г «Сегодня я ночевал у братца < > проспал долго, потому что протанцевал на бале до 3 х часов у Федора Петровича, его свадьба была третьего дни, куда я с Олениным приглашен был Вечерса на бале были все Бакунины — девок целая куча [нрзб] — только стареют и мужей не добывают» (ГБЛ, ф Полторацких, оп 2, № 39, л 3, об) Стихотворение было, однако, написано ретроспективно, так как отец Ф П Львова, о смерти которого говорится в примечании Бакунина, умер не раньше 1796 г Другой вариант (ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 4, л 2—2, об), без авторских комментариев, содержит следующие разночтения

- 17—20 Одна Талыжна, сверкая
 Против косвенных лучей,
 Крутой берег подмывая,
 Весела в печали сей
 29—37 Венки свили, полетели,
 Пеночка за ними вслед,
 Струи так же течь хотели
 34—37 Но куда же вы летите,
 К чему скоро так спешить,
 Наперед вы мне скажите,
 Кто вас смог соединить?

Стихотворения Ф П Львова были опубликованы в «Московском журнале» Н М Карамзина под несколько иными названиями «К реке Талыжне» (1791 Ч 4 С 124—127), «К пеночке» (1792 Ч 7 С 113—118), «Цветок» (1792 Ч 8 С 111—114)

3 Там же, л 3—4, об Другой вариант (ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 4, л 2, об) под названием «Никольской ручей» имеет следующие варианты

- 16 Ручей? Где, здесь? Не может быть!
 24 Их младость с собственной красой
 26 «Им красу» вместо «прелесть»
 43 «ты» вместо «и»
 55 «лобызаешь» вместо «удвояешь»
 61—64 Коль стадо ток твой возмущает
 От жажды в знойные часы,
 Ручей для пользы истокает
 Покой охотно и красы

Лизинька и Дашинька — дворовые девушки Н А Львова и его жены М А Львовой, славившиеся исполнением народных танцев, для друзей Львовых они стали объектом своеобразного эстетического поклонения — им посвящены стихи Г Р Державина, их рисовал В Л Боровиковский

4 Там же, л 9, после опущенной здесь нами «Жатвы»

5 Там же, л 9, об

6 ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 2, л 1—1, об Это отклик на сражение при Чертовом мосту (14(25) сентября 1799 г), один из наиболее героических эпизодов Швейцарского похода А В Суворова (10(21) сентября — 1(12) октября 1799 г)

7 Там же, № 10, л 5—5, об Доработанный вариант стихотворения опубликован Б И Копланом (Из литературных изысканий начала XIX века Тверь, 1928 С 19—20) по списку, имеющему другое название «Осень Г Р Державину — на отставку его» (ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 8, л 8, об —9, об), где стихи 1—8 и 23—26 опущены

- 27 Ты, младу весну встречая
31 «презираешь» вместо «презирает»
33 «предвкушаешь» вместо «предвкушает»

Более поздняя редакция (на бумаге, изготовленной в 1834 г) имеет иное название «Зима Г Р Д(ержавину)» (ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 9, л 7—7, об) Приводим ее полностью

Уронив завесы брачны,
Лес печален стал и дик
Сосны только, ели мрачны,
И зловещих вранов крик
5 В зеркалах живых природы
Взор стесняется тоской,
Смертный хлад на быстры воды
Гробовою лег доской,
Грудь земли оледенелу
10 Снег глубоко схоронил,
Ночь приемлет область целу,
День светильник угасил
Призрак вся мирская слава,
Суета суетств и тлен,
15 Токмо сердце мужа права
Неизменно средь измен
Мудрой муж, весну встречая,
Не щадил своих трудов
И, плодов осенних чая,
20 Зиму встретить был готов,
Крику вранов он не внемлет
И в ответ врагам своим
«Ветки кедр не поколеблет,
Силой Вышнего держим»

Стихотворение вызвано именным указом от 7 октября 1803 г об отставке Г Р Державина с оставлением ему полного жалования

8 Там же, № 4, л 12, об —14, об 1800-е гг Первые 20 строк см там же, л 3, другой вариант (там же, № 8, л 5—5, об) имеет следующие отличия стихи 1—4 опущены, 9—21 заменены следующим восьмистишием

Звезды на небе чуть блещут,
Ждут небесного царя,
Сквозь листов, кои трепещут,
Светит утренняя заря
Встретим солнце на восходе,
Оно примет с высоты
В жертву чистую природе
Нашу радость и цветы

В ином варианте (там же, № 10, л 3, об) первое и второе четверостишия поменены местами, к ним присоединено последнее четверостишие первой части, вторая же часть оставлена без изменений Тот же текст с изменением обращения на «Проснись, Варя » — в альбоме В А Бакуниной (там же, оп 6, № 55, л 104, об — 106) Иная, более поздняя редакция сохранилась в другой папке (там же, оп 2, № 9, л 4—4, об)

Проснись, Лиза, голосистой
 Уже петел возгласил,
 И зефир росой душистой
 Теплой воздух увлажил,
⁵ Блеском утреннего света
 Поднебесье расцвело,
 Как от первого привета
 Юной девицы чело
 Филомелы в роще темной,
¹⁰ Звучной голос раздался,
 И величья в славе полной
 Царь небесной поднялся
 Начало жизни, смертных оку
 Доступной образ торжества,
¹⁵ Хвалебной твоему востоку
 Природы гимн гласят уста
 От нас прими цветы простые,
 И мир нам даруй и совет
 И сердцу радости родные,
²⁰ Как запах им даешь и цвет

9 Там же, л 1, об, 3, об, см также список без названия — там же, л 12
 Написано в 1800-е гг., так как в тетради В А Бакуниной (там же, оп 6, № 55,
 л 107) приведены стихи 33—40 под названием «Pour le 16 d'octobre» («На 16 ок-
 тября» — видимо, день венчания А М Бакунина и В А Муравьевой) Те же стихи
 под названием «Приглашение» — там же, оп 2, № 8, л 8

10 Там же, № 4, л 1—1, об 1800 е гг В 19 м стихе над «возвысьсь» надписан
 более поздний вариант «умножа»

11 Там же, л 6—6, об Стихи 31—50 воспроизведены автором в альбоме
 В А Муравьевой (1806—1812 гг., там же, оп 6, № 55) со следующим предисло-
 вием на л 97, об «J'écrivais il y a quelques années en m'attendant à l'amour
 entre autres choses» («Я написал в несколько лет назад среди других стихотво-
 рений в ожидании любви»), — что позволяет датировать стихотворение 1800-ми
 гг Стихи 40—47 были затем переработаны в отдельное стихотворение «Молитва
 юноши» (Коплан Б И Указ соч С 5), сохранившееся в двух списках (ИРЛИ,
 ф 16, оп 2, № 9, л 5, № 8, л 7, об)

12 Там же Л 9—11 Видимо, 1800-е гг *Лубин* — обычное пейзажное
 имя во французских комических операх XVIII века

13 Там же, 11 Видимо, 1800-е гг Сбоку приписка «Cela n'est qu'ébauche
 et n'a pas encore de fin» («Это лишь набросок и не имеет еще конца»)

14 Там же, л 14, об, 13, об Видимо, 1800-е гг Над вторым стихом
 надписан следующий вариант «Где ручей воду льет » Между третьей и четвертой
 строфами зачеркнуто десятистишие

Не тот, что греки обожали,
 Что за один прятный час
 Годами грусти и печали
 Платил, слезами веселясь
 Хотя и ты с колчаном ходишь,
 Напастей за собой не водишь,
 Но игры и невинной смех,
 Гуляешь в поле с пастухами,
 На поседках играешь с нами,
 Сотрудник и душа утех

Сбоку приписка, объясняющая причину изъятия «En autres plus coulant»
 («В других более гладко»)

15 Там же, № 3, л 1—2, об Написано весной между 1826 и 1828 гг (после
 воцарения Николая I и до отъезда М А Бакунина в Петербург в ноябре 1828 г —
 См Летопись семьи Бакуниных 1822—1870 // ИРЛИ, ф 16, оп 2, № 70, л 6)

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
ПИСЬМА К К. Н. БАТЮШКОВУ

Публикация В. А. Кошелева

Переписка К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского, являющаяся классикой русской эпистолярной прозы «допушкинского» периода, до сих пор остается еще в значительной своей части не опубликованной.

Письма Батюшкова к Вяземскому к настоящему времени изданы почти все. Часть из них (21 письмо) вошла в третий том «Сочинений К. Н. Батюшкова» — к сожалению, с многочисленными неточностями, неверными датировками и т. д.: Л. Н. Майков печатал их по копиям, которые «позволил снять» П. П. Вяземский.¹ В дальнейшем эти письма, попавшие на хранение сначала в Архив феодально-крепостнической эпохи Центрархива, затем в ЦГАЛИ (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1416), неоднократно использовались Д. Д. Благим, Н. В. Фридманом, И. М. Семенко и другими исследователями творчества Батюшкова, однако опубликованными оказались в самых разных изданиях. Д. Д. Благой опубликовал 3 письма Батюшкова к Вяземскому, включавшие значительные стихотворные экспромты (прозаическая часть писем была помещена в примечаниях);² Н. В. Фридман — 4 письма.³ Остальные 17 писем и записок Батюшкова были изданы (в отрывках) нами⁴ и (полностью) А. Л. Зориним.⁵ Кроме того, нами было опубликовано письмо Батюшкова к Вяземскому, не входившее в данную единицу хранения и бывшее неатрибутированным.⁶

Письмам Вяземского к Батюшкову повезло меньше. Л. Н. Майков, автор капитального биографического исследования о Батюшкове и комментатор его переписки, считал их утраченными.⁷ Писем к Батюшкову разных корреспондентов (Н. И. Гнедича, А. Н. Батюшковой, Н. Л. Батюшкова, Д. В. Дашкова и др.) вообще сохранилось очень немного в сравнении с его письмами, и те, что сохранились, датируются не позднее 1815 г. Это объясняется особенностями личности поэта и его биографии: Батюшков никогда не хранил ни черновиков, ни писем; кроме того, в припадках душевной болезни по крайней мере дважды — в 1821-м и в 1823 г. — уничтожал свой архив. Почти все письма к нему сосредоточены в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 19, К. Н. Батюшков), в собрании документов, имеющих «вологодское» происхождение.⁸ Практически все материалы, хранящиеся ныне в составе фонда Батюшкова в ИРЛИ, были неизвестны Л. Н. Майкову.

Из писем Вяземского к Батюшкову внимание исследователей привлек лишь отрывок, содержащий упоминание о Пушкине-лицейсте,⁹ которое в общем контексте переписки получает иное звучание. Некоторые отрывки из этих писем публиковались нами в книге «Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки» (Архангельск, 1985).

В настоящей публикации полностью приводятся 18 писем и записок Вяземского: ИРЛИ, Ф. 19, ед. хр. 28.

¹ *Батюшков К. Н. Сочинения* / Изд. П. Н. Батюшковым. Вступ. ст. Л. Н. Майкова. Примеч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. СПб., 1887. Т. 1. С. VII. Далее ссылка на это издание приводятся в тексте, первая цифра указывает том, вторая — страницу.

² *Батюшков К. Н. Сочинения* / Ред., ст. и коммент. Д. Д. Благого. М.; Л., 1934. С. 228, 249, 250, 564, 547; в этом же издании приведены многочисленные отрывки из других писем Батюшкова к Вяземскому.

³ Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 370—371; Рус. литература. 1970. № 1. С. 185—188; Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1967. Т. 2. С. 146—149.

⁴ В кн *Батюшков К Н* Нечто о поэте и поэзии / Сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева. М.: Современник, 1985.

⁵ В кн *Батюшков К Н* Избранные произведения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Л. Зорина и О. А. Проскурина. М.: Правда, 1986.

⁶ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 144—148.

⁷ В книге Л. Н. Майкова «Батюшков, его жизнь и сочинения» (2-е изд. СПб., 1896. С. 263) приведена лишь поздняя (октябрь 1828 г.) записка Вяземского к душевнобольному Батюшкову.

⁸ По нашему предположению, документы Батюшкова и письма к нему, входящие в это собрание, были сохранены его зятем П. А. Шпиловым. См. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. С. 129—131.

⁹ Отзыв Вяземского о молодом Пушкине был впервые опубликован Ю. М. Лотманом (Тр. по рус. и слав. филологии Тарту, 1960. Вып. 3. С. 311—312), который датировал письмо сентябрем 1815 г. Н. В. Измайлов, откомментировавший этот отзыв, датировал его второй половиной января—началом февраля 1815 г. (Временник Пушкинской комиссии. 1962. М., Л., 1963. С. 29—30). И та, и другая датировка требуют уточнений.

1

⟨ Не позднее 17 апреля 1810 г. ⟩

Не угодно ли будет Вашему Стихотворству пожаловать сего дня ко мне откушать, разумеется, на постный стол, с тем чтоб после обеда поехать к Юрию Александровичу Нелединскому.¹ Ожидаю с нетерпением Вашего ответа.

Вяземский.

А пропос! Правда ли, что Жуковский был вчера именинником и совершил маленькую тризну над гробом Асмодея.² Мне обидно, что он меня не пригласил; чем я ему не гожусь?

Адрес: Константину Николаевичу Батюшкову

Судя по содержанию записки и, в частности, обращению на «Вы», она относится к началу дружеского общения Батюшкова и Вяземского (познакомились в Москве в январе 1810 г.). Упоминание «постного стола» дает возможность датировать ее временем Великого поста. По содержанию она связана с двумя записками Батюшкова к Вяземскому этого же периода («Льстец моей ленивой музы» (опубл. Д. Д. Благим) и «Я посылаю Вам, любезный князь, прибавление к моей „Мечте“» (опубл. А. Л. Зориным)).

¹ Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828) — сенатор, поэт карамзинского круга.

² С В. А. Жуковским Батюшков познакомился тогда же, когда и с Вяземским, — в начале 1810 г. Под «тризной над гробом Асмодея», вероятно, имеется в виду чтение Жуковским в дружеском кругу баллады «Громобой» (1810). Заметим, что около этого же времени за Вяземским закрепилось шутивное прозвище «Асмодей», впоследствии ставшее его «арзамасской» кличкой.

2

⟨ Июнь 1810 г. ⟩.

Не забудь, брат, что ты поклялся возвратиться к нам в пятницу, а теперь уже суббота на улице: это не годится. Скажи подателю

письма, когда приехать к тебе дрожкам, карете, телеге, возку, лодке и проч и проч Жуковский со дня твоего отъезда ничего не написал, кроме того, что ты видишь на этом листе (<приписка Жуковского> и на обороте) ¹ Приезжай ради Бога, ради арака,² ради рака¹ все без тебя плачет¹ Приди, уйми вопли жалостного Сословия Батонди ³ бесится на тебя, он всякой день милее становится вчера вечером он сказал уже foutre^a при всех, не сомневаюсь, чтобы сегодня или завтра он не показал костыля отца Фомы (<приписка Жуковского> du pere Barnabas⁶) Неужели не приедешь смотреть и благоговеть² Жуковский пердит без всякой милости, и он вчера за чаем не мог удержаться не пернуть при К<атерине> А<ндреевне> ⁴ В извинение сказал он, что думал о тебе.

<Приписка Жуковского>

Так, мой друг, всегда пердится,
Лишь на память ты придешь!
Лишь в душе возобновится,
Как ты смотришь, ходишь, врешь,
Как^a пускаешь ртом и носом
Ты густой табачный дым,
Как тебя молокососом,
Скоморохом площадным
И парнасскою козьявкой
Величал Парнасский Князь^г
Приезжай, иль рассердясь,
Заколю тебя булавкой!

Адрес: Au petit Monsieur NN, poir ainsi dire Pipinka,⁵ ou autrement Colibri du Parnasse.^д

Милостивому государю моему Константину Николаевичу Батюшкову.

Письмо отправлено в Москву из Остафьева, имения Вяземского В июне 1810 г., перед отъездом в свое родовое имение (Хантоново, Череповского у., Новгородской губ.) Батюшков в течение двух недель гостил в Остафьева вместе с Вяземским, Жуковским, Н М и Е А Карамзинными См письма Батюшкова к Вяземскому от 7 июня («Я совершенно собрался ехать в деревню » (опубл А Л Зориным)) и от 29 июля 1810 г («Как волка ни корми » (опубл нами)), а также письмо Батюшкова к Жуковскому от 26 июля 1810 г («Насилу, любезный друг, собрался » (3, 98—100))

¹ На обороте листа — зачеркнутые черновые записи В А Жуковского

² Цитата из стихотворения Д В Давыдова «Бурцеву Призывание на пунш» (1804) «Ради бога и арака / Посети домишко мой!»

³ Батонди Ротонди (ум 1812) — старый итальянец, живший в усадьбе П А Вяземского, чудака и оригинал (см 3, 155, 676)

⁴ Карамзина (урожд Колыванова) Екатерина Андреевна (1780—1851) — вторая жена Н М Карамзина (с 1804 г), старшая единокровная сестра П А Вя

^a Французское ругательство

⁶ отца Барнабаса (фр)

^b Далее зачеркнуто табак

^г Было Величает Бог стихов

^д Маленькому господину NN, иначе говоря, Пипиньке или, по-иному, Колибри Парнасса (фр)

земского, внебрачная дочь А И Вяземского, фамилия дана по месту рождения — г Кольвани (Ревель, ныне Таллинн)

⁵ Пипинька — шутливая кличка, данная Батюшкову в дружеском кругу за его маленький рост (от «Пипина Короткого»)

3

20 октября (1810 г.)

⟨...⟩¹ он говорит, что Иванов,² Кокошкин,³ Яковлев⁴ и проч. так восхищены Мерзляковым⁵ и такое хранят к нему почтение, что, встретившись с ним, поют каждый раз: о преподобный Мерзляков! Моли Бога о нас!

С тех пор, как я в Москве, я никого еще не видал из твоих собратьев и потому не могу сказать, что делается на горе Парнасса. Хорошего, я думаю, ничего не делается в нашем отделении. Скажи мне ради Бога, которому я, сказать мимоходом, мало верю, что тебе вздумалось написать на адресе «в жительстве». Ты совсем с ума сходишь. «Песнь Песней» сделает из тебя, как я вижу, Шишкова.⁶ Сделай милость, не связывайся с Библией Она портит людей, я ее прочел нынешнее лето, и теперь уж ничему не верю. C'est ramas d'infamie et des bêtises emphétiques^a Приезжай-ка в Москву поспорить со мною. Je suis hérissé de citation de la Bible⁶ Я наемни слышал об одной прекрасной карикатуре, которой содержание сообщаю тебе. Предметом живописцу служило жертвоприношение Авраама, которое так изображено. Послушный Патриарх вооружен ружьем и прицеливается попасть в сына своего. Ангел с неба съят в пыжовник и осекает ружье.

Прости, любезный Константин!^a Будь здоров, люби меня и в доказательство того и другого приезжай скорее в Москву. Здесь чрезвычайно весело, красавиц много, дураков еще более. Качественский говорит и печатает, что «Тартюф» Молиера никуда не годится,⁷ на театре собаки съют и публика аплодирует и едва не кричит «форо!» и проч. и проч. и проч.

20 октября.

В⟨яземский⟩.

Ответ на это письмо — письмо Батюшкова (3, 138—139), неверно датированное Л Н Майковым августом—сентябрем 1811 г

¹ Начало письма утрачено

² Иванов Федор Федорович (1760-е—1816) — московский литератор и театрал

³ Кокошкин Федор Федорович (1773—1838) — поэт и переводчик, основатель и председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете, с 1818 г член конторы дирекции имп театров, с 1823 по 1831 г управляющий Московскими театрами

⁴ Яковлев Алексей Семенович (1773—1817) — актер и литератор

⁵ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт и критик, профессор Московского университета

^a Это куча высокопарных гнусностей и дуростей (фр)

⁶ Я буквально нашпигован цитатами из Библии (фр)

⁷ Далее зачеркнуто Слава Богу, ты здоров!

⁶ Летом и осенью 1810 г Батюшков, живя в Хантонове, активно работал над переложением библейской «Песни Песней царя Соломона», закончил его, послал на просмотр Н И Гнедичу и П А Вяземскому, но, не получив одобрительных отзывов, вероятно, уничтожил переложение См 3, 104, 106, 138, письмо № 4 настоящей публикации, письмо Н И Гнедича к Батюшкову от 16 октября 1810 г (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год Л, 1974, с 86—88 (публ М Г Альтшуллера)). О начале работы над «Песнью Песней» Батюшков писал Вяземскому 29 июля 1810 г (см *Батюшков К Н* Нечто о поэте и поэзии С 226—227)

⁷ Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор Московского университета, критик и журналист, один из соредакторов «Вестника Европы» (в 1810 г — совместно с В А Жуковским) Здесь имеется в виду его отзыв о переводе «Тартюфа» Мольера А М Пушкиным (см примеч 6 к следующему письму), помещенный в октябрьском номере «Вестника Европы» (1810 Ч 43, № 20 С 316—318, разд «Московские записки»)

4

〈Ноябрь 1810 г.〉

Письмо твое черт знает от которого числа получено мною с благодарностью и читано с большим удовольствием Твоя «Песнь Песней» меня измучит. Скажи мне ради Бога, на что это похоже, что девка, желая заманить к себе своего любовника, говорит ему, что у ней есть для него готовый шафран. Признаться, я невежа, не знаю ни обычаев, ни нравов древних и, следственно, не могу судить об них; а мне кажется, что и тогда такое призывание было похоже на то, если б кто теперь, приглашая к себе девку на ночь, сказал бы ей: «Приди ко мне, у меня и „Вестник Европы“, и „Немецкая грамматика“». Впрочем, повторяю тебе признание о невежестве своем, только думается мне, что девка нынешнего века ни шафраном, ни ревенем, ни «Вестником Европы» не соблазнится. К вечеру узнал от Каченовского, что Жуковский еще не умер. Приезжай поскорей в Москву, не только для того чтоб узнать от меня, что Каченовский осел, а о том получить достоверное и неоспоримое доказательство.

Без шуток, пора, пора в Москву.

Мой друг! с полей Амурам вслед
Погнались ласточки толпами,
Эол, предвестник сельских бед,
Шумя, парит под облаками
Дриады скрылись по дуплам,
И разукрашенная Флора,
Воздушного не слыша хора,
В печали бродит по садам
Спешి скорей в Москву, ленивец,
Счастливый баловень Харит,
Парнасса, Пафоса любимец,
Спеши, Философ-Сибарит!
Тебя веселье призывает
А дружба с нежностью зовет!
А тот кто зва их не внимает,
Тот счастья вечно не найдет,
Пока еще лелеет младость,
Повеселимся, милый мой!

Пускай венки плетет нам радость,
Пока не прибрела с клюкой
Плешивая^а дочь ада, старость,
С подагрой, с святыми в руках
Или с твореньями Шишкова,
С сухой площадкой на грудях
И с жалкой рожею Хвостова¹

Боже мой! что делается с «Вестником Европы»? Мне сей час принесли 20-й №-р. Каковы стихи на 266 странице? Какова нелепость, находящаяся на 254? Они переводят:

Bruit et chans et jole à l'hotel⁶

Шум в поле, а дома веселье

И переводить не умеют!² Во-первых, хотя бы chans и было бы написано так, как оно есть, то как не видеть по смыслу, что тут не о полях, а о песнях говорится³ Каково также нравится тебе критика Каченовского на Молиера? Настоящий плюгавый выполозок из гузна Дефонтена!⁴ Ей-Богу, когда читаешь то, что у нас печатается в книгах, в журналах, в газетах, то хочется все бросить и бежать куда-нибудь в африканскую степь. И я согласен с тобою. La Russie est un triste pays.⁵ А я принимаюсь за старую песню. Мой милый друг! возвратись скорее в Москву. Мне без тебя грустно. Пушкины кланяются, то есть муж и жена.⁵ Он очень зол на актеров, которые наемни изуродовали его «Ханжеева»⁶ Я на этот случай написал две эпиграммы:

Hier au soir quand'à la Comédie
On nous donnait lo piése du Pouchkine
Moliere, amant favorit de Thalie,
Quoique defirint, criaît à l'assassin!⁷

Другая

Quand la plante français entendit Kolpakoff,
Motschaloff, Prussakoff et le Vorobioff,
Defigurée ses vers et sans miséricorde,
Il crit s'approchant de son chef
Apollon! fais donc mettre à l'accorde
Tons comediens acteurs a P ---⁸

^а Зачеркнуто Некобрая

⁶ Шум и песни, и радость под крышей (фр)

^в Россия — печальная страна (фр)

⁷ Вчера вечером, когда в Комедии

Давали пьесу Пушкина,

Мольер, любимец и фаворит Талии,

Хотя и умерший, кричал «О убийцы!» (фр)

⁸ Когда французское растение услышало Колпакова,

Мочалова, Пруссакова и Воробьева,

Безжалостно уродующих его стихи,

Он закричал, приближаясь к своему покровителю

«Аполлон! приведи в согласие

Всех этих комедиантов с П — — —» (фр)

Ответ на письмо Батюшкова от конца октября—начала ноября 1810 г (3, 138—139).

¹ Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — сенатор, плодовитый поэт, излюбленная мишень для шуток и пародий современников

² Указанные стихи находятся в составе анонимного перевода из Шатобриана «Образ жизни и нравы рыцарей» (Вестник Европы 1810 Ч 53 № 20 С 247—266)

³ Переводчик перепутал французское *chaps* (песни) и *champs* (поля)

⁴ Цитата из эпиграммы И И Дмитриева «Ответ» (1806), направленной против выпадов М Т Каченовского Дефонтен (1685—1745) — аббат, французский реакционный критик, резко нападавший на Вольтера

⁵ Имеются в виду Пушкины Алексей Михайлович (1769—1825), поэт, переводчик и актер-дилетант, и его жена Елена Григорьевна, с которой у Батюшкова установились близкие, доверительные отношения

⁶ Имеется в виду постановка в Московском Императорском театре пьесы А М Пушкина «Ханжеев, или Лицемер» (1810), вольного перевода Мольерова «Тартюфа» И сам перевод, и исполнение его актерами вызвали критическую заметку «Вестника Европы» (1810 Ч 44, № 21 С 67—73)

5

11 декабря <1810 г.>.

Жуковский будет на сих днях в Москву, неужто ты захочешь перещеголять его и прожить еще долее в деревне? Перещеголяй его в стихах, в трудолюбии, позволяю, — но в этом сохрани тебя Боже! Сделай милость, приезжай скорее. Здесь Денис Давыдов, который тебе велел дружно поклониться и с большой радостью прочел некоторые твои стихотворства. Скоро будут в «Вестнике» его стихи, пересланные мною Жуковскому.¹ Он тебя очень любил за твой ум и приятный характер; теперь, узнав в тебе Поэта, и Поэта прекрасного, полюбил вдвое. Меня Жуковский уморил наемнишным письмом: он из Белева располагает нашими свиданиями в Москве: два раза в неделю в 6-том часу, раз в первом, два раза в 10-том и так далее. *C'est bien l'homme à projets et a plan s'il en fût james.*^a При всем том, однако ж, малый прекраснейший, добрейший, милейший и одаренный величайшими достоинствами. Если можно бы было выбирать родителей, я желал бы иметь его отцом, если бы из мужчины можно было делать женщин, я бы его желал иметь женою, с некоторыми, однако ж, договорами, например другой нос и более равнодушия к состоянию жопы своей. Приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, приезжай, — ей-Богу, не умею ничего сказать лучшего, и если мои слова подействуют на тебя, признаюсь, и не желаю ничего сказать лучшего. Прости, любезнейший Константин, или просто любезный, ибо я любезных Константинов, кроме тебя, не знаю ни в древней, ни в новейшей истории

Москва, 11-го декабря.

¹ В первом номере «Вестника Европы» за 1811 г (ч 55, № 1 С 24—25) была напечатана басня Д В Давыдова «Чиж и розы»

^a Это поистине прожектер, и у него есть план, который никогда не воплотится (фр)

21 сентября <1811 г.>.

Я получил, любезнейший друг, твое письмо, где ты веришь и не веришь, что я женюсь. Перестань колебаться и брось якорь уверения. — Теперь я бы уже был женатым, если не проклятая болезнь, то есть сильная простуда, сильный кашель и сильная лихорадка, которая не выпускает меня из комнаты третью неделю, в том мне не препятствовали. Твоих извинений не принимаю: лучше, чем шалберить в деревне, приезжай быть свидетелем счастья твоего друга, которого такое доказательство твоей к нему привязанности очень обрадует. — Вот каково, Константин Николаевич, мы переходим на степень людей солидных: дескать, прости, развратные ужины, уж теперь твой друг не будет *в забавах Геркулеса, в объятии Венер, за полночь время тратить до самого утра*, — нет, полно!

Теперь приезжай ко мне учиться нравственности и семейственным добродетелям. Жуковский мне пишет, что он от зависти не придет смотреть на меня, но ты, который не завидлив, приезжай, заклинаю тебя. Свадьба моя совершится в октябре месяце,¹ и я до приезда твоего не буду венчаться. Если ты не хочешь с невестой нас уморить, то советую тебе не медлить.

Прости, любезнейший друг. Я через силы написал тебе это письмо, слабость чрезвычайная. Вообрази, что я две недели почти ничего не ел и совсем не спал, занемог было не на шутку. Обнимаю тебя от всего сердца и жду прежде ответа, а после приезда твоего.

Преданный тебе Вяземский.

Сентября 21-го дня.

Адрес: Милостивому моему государю Константину Николаевичу Батюшкову. В Череповце.

Это письмо — ответ на письмо Батюшкова от 9—12 сентября 1811 г. (3, 143—144): «Ты женишься? Я этому верю и крепко не верю. . .» Ответом на это письмо стало письмо Батюшкова от 17 октября 1811 г. (3, 146—147): «Верю, мой милый друг, верю, что ты вступаешь во храм Гименея. . .»

¹ Свадьба П. А. Вяземского и В. Ф. Гагариной состоялась 18 октября 1811 г.

9-го декабря 1811 года.

Браво! браво! стихи твои прекрасны! сожалею, что не имею начала, и прошу мне его прислать.¹ Сделаю, однако ж, крошечные замечания. После того, что ты называешь^a нас *беспечными счастливыми*, ты упрашиваешь Жуковского сложить *печалей бремя*, — и следственно, ты соврал. Какому-то Вяземскому приказываешь

^a *Зачеркнуто:* говоришь.

ты его венчать! Кого *его*? Счастья ли? Жуковского ли? Веселья ли? Время ли? Потом того же Вяземского называешь ты Аристипповым внуком! Но почему Аристиппов он внук? Не знаю, вряд ли узнает и Вяземский, вряд узнает ли и кто-нибудь! Кроме сих безделиц, все прекрасно. Еще не нравятся мне кое-где излишние повторения, как, например, в двух соседственных стихах: *венчай, венчай; вино, вино*. Позвольте еще спросить: что такое *смерть опередить*? Оно мне кажется не весьма понятным и притом же кажется мне дурным подражанием известному некоторым охотникам стиху его сиятельства князя Петра Андреевича «*И смерть свою предупрежда!*» Вы, может быть, надеетесь, что этот стих, не имея ни предшественников, ни потомков, как и большая часть стихов его сиятельства, может быть присвоен, — но нет, вы ошибаетесь, и страшитесь последствий! Он мне велел вам сказать, что он от этого стиха не откажется ни за какую цену, и даже что обстоятельства, гонения людей и Судьбы не позволят ему прибавить хотя бы еще стих, чтоб, по крайней мере, сделать дистих, то он решится напечатать его одиноким! Не примут в журналы — в прибавления «Московских ведомостей»; не примут и тут — в особом издании!

Теперь соберусь я с силами и повествую тебе о Шаликовом² дела неимоверные, но, однако ж, справедливые:

Даруй мне, Муза, тон, согласный
С унынием души моей!

И вот едет Шаликов на паре лошадей по большой дороге, и вот приближается к Московской заставе и въезжает.

Пообчистившись, коливо возможно ему было, от грязи, едет он на извозчике в типографию, и вот уже и входит! и вот уже пускают вопли мщениа чернила, бумага и весь причет книгопечатания! «Добро! вот я вам дам! Ведь я опять здесь!» — запищал издатель «Аглаи»,³ и вот весь причет книгопечатания, объятый ужасом, умолкает!

И вот входит в типографию Каченовский переписывать из старых книжек «Вестника» статьи на будущее, надеясь, как умный человек, на дурную память своих читателей!⁴

И вот Князь журналистов подходит к Профессору-журналисту и журчит ему: «Милостивый государь! позвольте мне спросить, получили ли Вы мое письмо, где я говорю о бедной женщине, прося мое письмо поместить в „Вестнике“?» — «Получил» — «А почему не напечатали?» — спрашивает Князь журналистов, поправляя розу, приколотую у него на фраке! — «А потому, — отвечает Профессор-журналист, поправляя зеленый зонтик, висящий у него на глазах, что Вы называете эту женщину *супругою*, а об муже ее ни слова не говорите. И следственно, напечатав Ваше письмо, я бы мог ввести себя в неприятное положение против мужа той женщины!» — «Итак, извольте мне отдать мое письмо! оно мне годится для наполнения „Аглаи“!» — «К сожалению, не могу удовлетворить вашему жсланию. Письмо ваше

потеряно!» — «Как! мое письмо, плод моего пера, бумага, орошенная моими слезами! — о, вы злой человек¹ и это все знают!» «Позвольте усомниться в справедливости ваших слов, — отвечает ему Профессор-журналист, — ибо, хотя я и был бы злым и все бы то знали, и тогда не стали бы говорить, а доказательством тому служите вы: вы дурак, все это знают, а, однако ж, и тут никто не дает себе труда об этом говорить!»

И вот входит внезапно книгопродавец; осажденные упреками совести при виде человека, которого довели они почти до нищенства, убегают наши Журналисты, как некоторые убийцы, которые хотя и имеют дух резать человека, но не имеют твердости взирать на его труп!

Что же ты думаешь последовало после сей встречи? Шаликов написал прегрубое письмо Каченовскому и закончил тем, что не советует ему попадаться на глаза! — Каченовский, как истый Профессор, отнес письмо к Кутузову.⁵ Кутузов отослал его к обер-полицей-мейстеру, — и говорят, что Шаликов будет под присмотром. —

Возрадуйся, земля и море,
Ликуйте воздух, небеса!¹

Каково? — Но этого мало. Шаликов поклялся в первый раз, что от тебя встретит отвечать пощечиной за Лету?⁶ Этого все еще мало! — вот ответ его на мой Отъезд Вздыхалова:⁷

К НОВОМУ МИДАСУ

Родясь Момом, ты в Мидасы захотел
И кошельком своим на рынке прогремел,
Желая тем прельстить своей подобны души!
Какой же вышел горький плод?²
Гимен ослиные ему приставил уши
И на позорище пустил его в народ!³

Хотя я этих стихов не понял и до сих пор еще не понимаю, однако ж на всякий случай отвечал:

К СТАРОМУ ПЛЮГАВЦУ

Что мне плюгавцу отвечать?⁴
Ни рук, ни языка не хочется марать!

Вообрази! все это еще мало! К довершению всего, обещался он в газетах издавать на будущий год «Аглаю!» Он как пахарь с землею! Дал одному году отдых!⁸

Это письмо — ответ на письмо Батюшкова от конца ноября 1811 г. (3, 152—155) Ответ на него — письмо Батюшкова от 19 декабря 1811 г. «Маленький Овидий, живущий в маленьких Томах, имел счастье получить твою большую хартию » (3, 165—169)

¹ Батюшков послал Вяземскому «Конец послания „К Пенатам“ (первоначальное название послания «Мои Пенаты» — В К) Поэт, то есть я, адресуется к Вяземскому и Жуковскому » (3, 153) Вероятно, был послан заключительный отрывок послания (от слов «А вы, смиренной хаты / О, Лары и Пенаты!»)

Начало стихотворения было получено Вяземским значительно позже (см след письма)

² Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852) — писатель-сентименталист, подражатель Карамзина

³ «Аглая» — журнал, издававшийся Шаликовым в 1808—1810 и в 1812 гг

⁴ В 1811 г М Т Каченовский оттеснил Жуковского от издания и редактирования «Вестника Европы»

⁵ Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — сенатор, попечитель Московского университета в 1810—1817 гг

⁶ В сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» Шаликов назван «поэт присяжный, князь вралей» и выведен в образе «папушка» и «вдыхателя»

⁷ Вяземский в 1811 г написал две сатиры против Шаликова «Отъезд Вдыхалова» и «Первый отъезд Вдыхалова (Эпизодический отрывок из путешествия в стихах)»

⁸ В 1811 г журнал Шаликова «Аглая» не издавался

8

〈Январь—февраль 1812 г.〉

Ага, вы в Петербурге, почтеннейший Певец чужих Элеонор,¹ милостивый государь Парни Николаевич! в Петербурге! поздравляю вас! В столице роскоши, чухонцов, эстляндцев, изобретений вкуса, в той славной столице,² в которой Великий Росс хотел сделать нас немцами, Великая Немка сделать нас русскими!²

Вы можете раз в месяц сидеть с важностью в «Беседе» и слушать,⁶ не платя ни гроша за вход, как Захаров³ доказывает превосходство женщин над мужчинами тем, что почтеннейшая наша прабабка Эва сотворена из ребра Адама Саваовича, а почтеннейший наш прадед Адам Саваович только из персти, хотя однако ж где-то сказано, и кажется, в Священном Писании, что этот Саваович, каков ни был, а сделан, однако ж, на образ Божий был, — но это безделица! А что всего приятнее, вы, как говорят, можете запивать подобные тому истины чаем с сухарями или клюквенным морсом, приготовленным кухаркою знаменитого творца песни на зиму, известной многими подобными стихами: «А как, матки, придут святки, тут-то грохот, смехи, хохот! О какие тут дурные есть личищи, на игрищи!»⁴

Можете из первых рук узнавать посредством «Северной почты»,⁵ сколько было градусов мороза в Тамбове и что скоро можно будет нам совершенно обойтись торговли с прочими европейскими народами, ибо мы у них, начиная с сургуча, все уже переняли. Кроме ума и славы, однако ж! — возразит мне кто-нибудь! — Быть может, но, во-первых, эти безделицы не нужны для нас, православных русских, а далее, они на фабриках не выделяются, следственно мы и не виноваты.

Имеете случай видеть толпу молодых и старых Анакреонов и даже Сократов (если верить Пирону в известной его Оде к Приапу), и за рубль серебра или, много, за синенькую бумажку

¹ Далее зачеркнуто означенной Великим Россом, сделавшим нас немцами, и Великой Немкой, хотевшей сделать нас

⁶ Далее зачеркнуто конечно

возможность быть сами Анакреоном, что, как ни говори, а весьма приятно!

Стоит только вам свиснуть, и Гении прожектов и трагедий осенят вашу голову бессмертными своими крилами, одни обвешенные Владимирскими крестами, другие печатными похвалами Анастасевича.⁶ Стоит только приложиться к виску Висковатова,⁷ — и на целый год достанет в вас духа и телесных сил для перетаскивания Кребиллона,⁸ Вольтера и Расина! Стоит только приложиться к хвосту Хвостова — и вы в неделю напишете более од, чем находится ошибок против вкуса, языка и здравого смысла в шести стихах князя Шаликова. Стоит только очинить перо свое кортиком князя Шихматова⁹ — и подобные его шахматным стихам будут сами ложиться на бумагу вашу. Стоит только подавить немного шишку Шишкова — и священные ее отпрыски, окропивши чело ваше, переродят вас совершенно!

Можете, и, как я слышал, в самом деле вступаете в святилище Императорской Библиотеки¹⁰ (святилище тем священнее, что никто до него, ни даже сам обладатель, не дотрагивается) — и, без сомнения, займете место между отличнейшими Стереотипами.

Вы можете, по прекраснейшим вашим способностям к ремеслу Лафонтена, найти множество богатых предметов для сочинения басен: Станевич,¹¹ почитающий себя за Юнга потому, что и он копается около гробов, может вам подать мысль написать басню об осле, равняющем себя с конем, потому что и он стоит в конюшне; или Шишков, ругающий всех и почитающий себя за то Лагарпом, не послужит ли вам основою для басни о корове, которая равняет себя также с конем, потому что она, как он, брыкает!

(Продолжение впрдь).

Адрес:

Повесе Батюшкову,
дурному баснописцу Батюшкову,
раненому в жопу Герою Батюшкову,
по некоторым обстоятельствам Тибуллу Батюшкову,
не приехавшему в Москву, уstraшенному угрозами Шаликова
Батюшкову, написавшему какое-то славное послание к Жуковскому
и Вяземскому, о котором все известны, кроме Жуковского
и Вяземского, Батюшкову,
Пипиньке Батюшкову,
Стереотипу Батюшкову,
Блёске Батюшкову.

В начале января 1812 г Батюшков выехал из Хантонова в Петербург для устройства на службу Вяземский, усиленно звавши его в Москву, отвечая на это шутивным посланием

¹ Элеонора — героиня стихотворений двух переводившихся Батюшковым поэтов Т Тассо и Э Парни

² «Великий Росс» — Петр I, «Великая Немка» — Екатерина II

³ Захаров Иван Семенович (1754—1816) — сенатор, литератор, председатель одного из разрядов «Беседы любителей русского слова»

¹ Неточная цитата из стихотворения А С Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (1785)

⁵ «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» издавалась в 1809—1819 гг Почтовым департаментом Министерства внутренних дел и пользовалась большой популярностью

⁶ Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — писатель, член «Беседы», в 1811—1812 гг издавал журнал «Улей», вызывавший резкие нападки и насмешки современников

⁷ Висковатов Степан Иванович (1786—1831) — драматург, сотрудник «Беседы»

⁸ Кребийон (Кребийон) Проспер Жолио (1674—1762) — французский драматург, творчество которого явилось выражением упадка классицизма

⁹ Шихматов (Ширинский-Шихматов) Сергей Александрович, князь (1783—1837) — морской офицер, поэт, последователь и любимец А С Шишкова

¹⁰ Батюшков поступил на должность помощника хранителя манускриптов Императорской публичной библиотеки лишь 22 апреля 1812 г (ЦГИА, ф 733, оп 15, ед хр 14)

¹¹ Станевич Евстафий Иванович (1775—1835) — писатель, член-сотрудник «Беседы»

9

⟨Март—апрель 1812⟩

Что слышу я? Et toi aussi, Brutus?^a И ты вдался в петербургскую глупость? И ты на коленях перед Дашковым, речь его на Хвостова тебя восхищает?¹ А эта речь дерзость и глупость Остроты в ней нет, подлости много *Лежачего не бьют*. Что за мудрость обругать старика, который хотя и дурно пишет, но нимало не заслуживает никакого внимания. Пусть его пишет! он на вкус не имеет влияния, и публики мнение не нужно исправить на его счет, он всеми признан за вралю. Но такая пьеса, как Дашкова, вами боготворимого, может подействовать на ваши умы, и не с хорошей стороны. После этого вы уже пойдете по улицам показывать голые жопы прохожим. Что за пажеские шутки такие, Батюшков! Батюшков! Что с тобою стало? Василью Пушкину прощаю хвалить такие дурачества и пристращаться к модам сам не зная, для чего, — но тебе это стыдно. Я говорю тебе не шутя, а точно с прискорбием. Ты вовсе избалуешься.

Отдал ли ты мое письмо Милонову?² Каковы его стихи «К дестре»? Bravo! Bravo! А что ты делаешь? Не стыдно ли, что до сих про не прислал ты мне еще послания своего «К Пенатам»? Заплати 20 копеек какому-нибудь переписчику, а я тебе их отдам, и дело с концом. Напрасно ты так дурно судишь о трудах Московского общества.³ Речь Мерзлякова прекрасна, и была бы еще лучше, писанная без пристрастия.⁴ Но что делать, обвинять ее нельзя. Ее здесь не хотели пропускать даже и за два слова, сказанные о Карамзине Вот каков деспотизм здешнего куратора⁵ Сравнение Ломоносова с Державиным превосходно, не знаю, кто у вас в Питере мог бы так написать, — уж конечно не Анастасевич!¹

^a И ты тоже, Брут? (фр)

Возьми у Дашкова эпиграммы мои, присланные ему Пушкиным, и отдай Измайлову⁶ или кому другому для напечатания в «С⟨анкт⟩-П⟨етербургском⟩ Вестнике». Особливо же на Кутузова.⁷ Эту бестию надобно всячески мучить. Малейший в нем порок есть то, что он дурной стихотворец. Такого человека жалеть не надобно: эпиграммами, дубиной, происками вреди ему, как можешь и как умеешь. Всякое на него нападение есть жертва Истине и Добродетели. О Жуковском давно уже ничего не слышу и не могу думать без прискорбья. Каков молодец! С год ни одной строки его не читали. Что он делает? Бог весть.

Мне здесь сказывали, что ты, быть может, будешь в Москву. Дай мне знать о том и скажи, в какое время, ибо я, может быть, на несколько времени отлучусь из города и из подмосковной, а с тобою видеться смертно хочу. Прости, любезнейший. Сделай милость, не глупей! Когда ты увидишь Перовского,⁸ спроси у него песню, которая так начинается.

Это письмо является ответом на письмо Батюшкова от 27 февраля 1812 г (3, 216—219, неправильно датировано Л Н Майковым 1813 г)

¹ Имеется в виду речь Д В Дашкова на заседании Общества любителей словесности наук и художеств 14 марта 1812 г по поводу избрания в почетные члены Общества графа Д И Хвостова, в этой речи Дашков с жестокой иронией осмеял бездарного стихотворца Об участии Батюшкова в этой «глупости» см. *Тихонравов Н С* Д В Дашков и граф Д И Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г // *Русская старина* 1884 Т 43, № 7 С 105—113

² Милонов Михаил Васильевич (1792—1812) — поэт и переводчик Вяземский имеет в виду его послание «К сестре моей» («Когда, мой друг, опять, с тобою») Как свидетельствуют письма Милонова к Вяземскому от 25 февраля и 18 мая 1812 г (ЦГАЛИ, ф 195, оп 1, ед хр 2324, л 1, об, 2), Вяземский неоднократно пересылал ответы Милонову через Батюшкова

³ Имеется в виду первая часть «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете», вышедая в свет весной 1812 г

⁴ Имеется в виду речь А Ф Мерзлякова «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» // *Тр Общества любителей российской словесности при Московском университете* М, 1812 Ч 1 С 53—110

⁵ Попечителем (куратором) Московского университета был П И Голенищев-Кутузов (см примеч 5 к письму № 7 настоящей публикации)

⁶ А Е Измайлов в 1812 г был председателем Общества любителей словесности, наук и художеств, основным органом которого был журнал «Санкт-Петербургский вестник»

⁷ Эпиграмма Вяземского «Друзья нынешнего века» («Картузов другом просвещения») была напечатана в «Санкт-Петербургском вестнике» (1812 № 5 С 166) Других эпиграмм Вяземского в журнале не появилось

⁸ Перовский Алексей Алексеевич (1787—1836) — писатель (псевд Антоний Погорельский), сблизился с Вяземским в 1808 г, совершив с ним совместную поездку по Крыму

О *Пестуны* мои!

Слово слишком государственно-секретарское, чтобы находиться в такой пиесе и особливо после слова *Пенатов*, которое совершенно басурманское и слишком похожее на другое, так что, читая однажды даме, у меня вырвалось: о пердуны мои!

Походы прозвени
Про витязя с нагайкой!

Можно прозвенеть *про походы*, а не *походы про*.

И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!

Сии два стиха не в связи с предыдущим.

В стихах о Ломоносове неприличен эпитет *Исполина* по двум причинам. Ломоносов, во-первых, такой же Исполин, какой Шаликов умница: он написал несколько прекраснейших строф и только; а во-вторых, потому, что после сравниваешь ты его с лебедем.

Стихи твои о Карамзине несносны: что за «перо из крыльев Лея»? Что ты за Бланк¹ такой, чтоб красть, и у кого еще: у Панкратья Сумарокова?² Что за похвала Карамзину, что он перевел Мармонтелевы повести?³ Что за *таблицы Мнемозин*? Что значит *таблицы*? Что за *Мнемозины*, когда все, даже и Макаров,⁴ знают, что только одна Мнемозина?

Важных Муз

Еще хуже: *Строгих Муз*. Музы никогда не думали пугать и никогда не хотели быть ни Екатериной Владимировной Апраксиной, ни Настасьей Дмитриевной Афросимовой!⁵

О Жуковском повторю сказанное прежде.

Шампанское реками
В сей кубок наливай!

Картина слишком уродливая и слишком натуральная: *et puis qui dit trop, ne dit rien*,^a — а шампанского бутылка хороша!

Заметив стихи, которые мне не понравились, с таким же чистосердечием скажу тебе о прочих, что они прекраснейшие! Много новых и прелестных выражений: птички, которые со крылышек отрясают негу,⁶ — боженственно! Язык вообще отличный! Обнимаю тебя тысячу и тысячу раз за эту пиэсу. Bravo! Bravo! Батюшков!

Еще признаюсь, что и название пиесы «*К Пенатам*» мне не нравится. Это послание относится более к Жуковскому и ко мне, нежели к Пенатам; об них ты упоминаешь только в начале, а после и слуха нет. Прибавлю тебе, что сие мнение не единственно мне принадлежит, а почти всем, прочитавшим твою пиэсу. Неле-

^a и затем кто говорит слишком много, тот не говорит ничего (*фр*)

динский очень ее похвалил и просил доставить ему список советую тебе самому его ему прислать

Нас здесь тешат надеждо увидеть скоро Жуковского доброго и даже Парни Николаевича? Дай Бог, чтобы сбылись пророчества приятные! Пушкин тебе кланяется и не спит день и ночь, так он смущен о известиях Сатир, писанных у вас на его счет ⁷ Прости, любезнейший друг! Я наемни заезжал к Екатерине Федоровне, но не видал ее, ибо она больна Сын чрезвычайно огорчен потерей своего наставника.⁸

⟨*Приписка В. Л. Пушкина*⟩: Благодарю Вас за то, что Вы меня не позабыли и за то, что Вы меня любите

Я сейчас пробежал последнюю книжку достопочтенного нашего Общества: что за дрянь и как не стыдно печатать такие стихи и такую прозу. Я не знаю, как у нас достает духу оставаться членами подобного *Сослововраня* Я почти так же взбешен, как Вы были при чтении Прокоповича ⁹ и прочего, и прочего. — Простите, любезнейший Парни Николаевич, будьте здоровы и объявите войну Измайлову и братии.

Письмо представляет собой разбор послания Батюшкова «К Пенатам» (после замечаний Вяземского название было исправлено на «Мои Пенаты»), которое было переслано в Москву во второй половине апреля Как свидетельствуют текст послания и ответное письмо Батюшкова от 10 мая 1812 г (3, 183—186), Батюшков почти не использовал замечания Вяземского при переработке послания

¹ Бланк Борис Карлович (1769—1825) — писатель и переводчик

² Сумароков Панкратий Платонович (1765—1814) — поэт-карамзинист, редактировавший на протяжении 1804 г журнал «Вестник Европы»

³ Вяземский критикует строки из первоначальной редакции послания

Пером из крыльев Леля
Здесь пишет Карамзин,
Преимник Мармонтеля,
В таблицах Мнемозин

Н М Карамзин перевел в 1794 г «Нравственные сказки» Ж Ф Мармонтеля

⁴ Макаров Михаил Николаевич (1789—1847) — поэт, драматург, журналист

⁵ Е В Апраксина и Н Д Офросимова — богатые московские барыни, отличавшиеся острым языком и независимым вкусом (и стремившиеся к NB нравственному господству в московском обществе)

⁶ Вяземский имеет в виду следующие стихи Батюшкова

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты под окном,
Щебеча, покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих

⁷ Против В Л Пушкина была направлена сатира М В Милонова «К моему рассудку» (1812), о которой Батюшков подробно пишет в ответном письме (3, 185)

⁸ Имеется в виду внезапная смерть воспитателя Н М Муравьева швейцарца де Петра Ср в письме Батюшкова к сестре от 1 мая 1812 « Петра, этот добрый и честный человек, заболел нервической горячкой и в девятый день умер Какой удар для Катерины Федоровны и для Никиты!» (3, 180)

⁹ Ср в письме Батюшкова к Вяземскому от 5 мая 1812 г. «Вчера читал Московскую Беседу и вчера был в Питерской Мы выслушали сгоряча первое — рассуждение о Феофане Прокоповиче Шишкова, который нашего проповедника превозносил выше Цицерона » (3, 182)

11

29 июня <1812 г.>.

Как жалею я, любезный мой друг, о твоей болезни, и в какое время! Дай Бог, чтобы она скорее миновалась, и приезжай в Москву. возьми письмо мое к Северину,¹ и ты узнаешь все мои обстоятельства и может быть... сладостная надежда! узнаешь и о Жуковском Редкий человек! Я его люблю более прежнего!² Выздоровливай скорее Ты напрасно думаешь, что я забыл тебя, или, лучше сказать, напрасно пишешь, ибо, верно, этого не думаешь, но сейчас обстоятельства такие, что минуты свободной нет! Жуковского послания у меня теперь нет. Прости, любезнейший, дорогой друг. Выздоровливай скорее и примишь за меч полужаржавый,² и приди под наши знамена! Обнимаю тебя крепче обыкновенного, люблю более прежнего, желаю видеть чрезвычайно!

Сей час получил я от тебя письмо через почту, и как ты мне о своей болезни ни слова не говоришь, то я и надеюсь, что она миновала. Ты сказываешь, что денежные обстоятельства тебя связывают: дай мне знать, что нужно тебе, чтоб вырваться из Питера, — и я тотчас доставлю; потом приезжай в Москву как можно скорее, а там Бог поможет, и гроши, которые я теперь имею, к твоим услугам. Не замедли ответом, время дорого! Обнимаю от всей души. Да вот пришла мне мысль: выезжай из Питера как можешь, а из Москвы мы перешлем в ту же минуту. Дело славное! Качай!

29-го июня.

Москва

Письмо является ответом на письмо Батюшкова от июня 1812 г. (3, 194—195, Л Н Майков неверно датировал его первой половиной июля) Ответ на это письмо — письмо Батюшкова от 21 июля 1812 г. (3, 195—196).

¹ Северин Дмитрий Петрович (1792—1865) — дипломат и поэт, в 1812 г жил вместе с Вяземским в Москве Ср в письме Батюшкова от 21 июля «Вчера Северин показывал мне твое письмо Ты поручик! Чем черт не шутит!» (3, 195).

² Отсылка к выражению из послания «Мои Пенаты» «Висит полужаржавый / Меч прадедов тупой »

12

23 сентября <1812 г >

Я в Вологде, любезнейший друг, и судьба не дает мне и удовольствия найти тебя здесь. Мы свиделись с тобою в горестное время,

¹ Было обыкновенного

но в сравнении с настоящим оно было еще сносно¹ Теперешнее у〈жасно〉,⁴ и надежда, столь много раз нас обманувшая, не 〈име〉⁴ет уже права на сердца наши. Я привез сюда жену, и каждый день ожидаю ее разрешения² Да благословит ее Бог Все чувства, кроме чувства дружбы и привязанности к ближним и к вам, любезные друзья мои! — умерли в душе моей О происшествиях, о ужасных происшествиях, поразивших нас столь быстро, столь неожиданно, не имею силы думать. Все способности разума теряются, сердце замирает, вспоминая о Москве. Где ты, любезнейший? Говорят, в Владимире. Не думаешь ли приехать сюда? Не знаешь ли чего о Жуковском³ Он перед отъездом моим из Москвы был у меня и сказывал, что он из полка перешел в дежурство Кутузова.³ Признаюсь, не поздравляю его с этим Имя его для меня ужаснее имени врага нашего Прости, мой милый. Пиши, а если можно, приезжай к другу твоему Вяземскому.

Вологда. 23 сентября.

Адрес: Милостивому государю моему Константину Николаевичу Батюшкову.

Ответ на это письмо — письмо Батюшкова от 3 октября 1812 г (3, 205—207) После сдачи французами Москвы Батюшков находился в Нижнем Новгороде, Вяземский — в Вологде

¹ Вяземский и Батюшков встречались во второй половине августа 1812 г., накануне Бородинского сражения, в Москве См записку Батюшкова (3, 202—203)

² Осенью 1812 г В Ф Вяземская ждала первого ребенка П А Вяземский выехал из Москвы в Вологду потому, что туда отправился московский акушер В Рихтер

³ В августе 1812 г В А Жуковский поступил в московское ополчение в чине поручика, в сентябре был откомандирован к М И Кутузову для дежурства при ставке главнокомандующего армиями

20 октября 1812 〈г.〉.

Письмо твое, доставленное мне твоим зятем,¹ обрадовало меня и тронуло чрезвычайно. Ты точно меня любишь, и эта мысль для меня утешительна, особливо же в мрачных нынешних обстоятельствах. Хотя ты и крепко кажешься решившимся не бывать в Вологде, я все еще не расстаюсь с очаровательною сею надеждою, и сердце мое говорит мне вопреки письму твоему, что я обниму тебя здесь, что ты пожелаешь увидеть друга, может быть, в последний раз и посвятить несколько часов той дружбе, которая должна была утешать нас в старости и с которою суждено нам, может быть, проститься почти при самом ее начале и на заре жизни нашей. Желание твое ехать в армию растревожило

^a Край письма оторван

очень сестер твоих и меня; делай с собою, как советуешь Жуковскому: побереги себя для счастливейших дней.² Теперь и умереть не славно, таково гнусно и бедственно наше положение. Я получил на днях письмо от Северина, который отправляется в Гишпанию, а Блудов в Швецию. Признаюсь, я без зависти удивляюсь твердости их духа оставить в нынешнее время отечество и ехать арлекинствовать при иностранных дворах. Как знать, с каким лицом можно нам будет смотреть на прежних свидетелей и завистников славы нашей, обмоет ли конец грязь, которою покрылись мы при начале? Воздух Петербургский ядовит и заразителен: может быть, и я, питаюсь им, не чувствовал бы того, что чувствую теперь, — но я не жалею о том.

20-го октября *

Я вчера познакомился с твоими сестрами, и, благодаря дружбе твоей ко мне, был ими очень обласкан. Они беспокоятся о тебе и просили меня употребить свое красноречие, чтобы переманить тебя к нам. Ты просишь от них денег, и я советовал послать тебе только нужное на прогоны от Нижнего до Вологды. Московские Ваши собрания нимало меня не соблазняют.³ Здесь тихо и смирно, и будь с нами Карамзины, ты и Жуковский, я никогда не помыслил бы выехать. Москвы нет, и мне везде хорошо, потому что нигде не может быть приятно. Я здесь познакомился на стихах с Остолоповым,⁴ он человек любезный и умный. К Нелединскому хожу лечиться от грусти: он так тверд духом, так сносит великодушно несчастья, что я его стал почитать еще более. Даже веселость его не покинула, а напротив, он постоянное весел, чем прежде бывал. Кажется, он будто переломливает себя, чтобы давать другим пример философического терпения. Посылаю тебе плод его Вологодских ночей. Давно переведенная им славная Томасова ода⁵ переправлена теперь совершенно, как ты ее видишь, и достойна подлинника. Обнимаю тебя от всей души. Я так глуп, что едва, едва передвигаю мыслями. Приди, освети мрак моей души и разгони туман облеглий. .⁴ ⁶

Ответ на письмо Батюшкова от 3 октября 1812 г (3, 205—207)

¹ Зять Батюшкова — П. А. Шипилов, муж старшей сестры поэта Елизаветы, постоянно живший в Вологде. См. нашу публикацию писем Батюшкова к Е. Н. и П. А. Шипиловым. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. С. 129—144.

² Ср. в письме Батюшкова «Жуковский, ныне говорят, — в армии, другие — в Туле. Дай Бог, чтобы он был в Туле и поберег себя для счастливейших времен. Я еще надеюсь читать его стихи, надеюсь, что не все потеряно в нашем Отечестве, и дай Бог умереть с этой надеждою» (3, 207).

³ В своем письме Батюшков сообщал, что в Нижнем Новгороде он «нашел всю Москву» и описывал собрания у Архаровых (3, 206).

⁴ Остолопов Николай Федорович (1782—1833) — поэт, автор «Словаря древней и новой поэзии», в 1812 г. служил губернским прокурором в Вологде. В октябре 1812 г. Вяземский и Остолопов обменялись посланиями. См. Русский архив. 1866. Т. 4. Стб. 217—254.

* Край письма оборван

⁵ Ю А Нелединский Мелецкий заслужил известность своими переводами од А Тома «О должностях общества» и «На время»

⁶ Батюшков приезжал в Вологду в середине декабря 1812 г

14

3 февраля <1813 г >

По несчастью, письмо твое застало меня еще в Вологде, и теперь из Вологды же пишу к тебе Не имея ни малейшей возможности пособить Жуковскому, писал я к Тургеневу, и он тотчас послал нарочного в Вильну к Жуковскому с деньгами¹ Я всегда любил Тургенева, теперь люблю еще более Скоро, скоро думаю оставить здешние болоты, но, однако ж, все еще для меня *грядущее незримо*

Прости, любезнейший друг Пиши ко мне в дом Кожена к Грибоедову в Ярославль,² а люби везде, как я тебя, везде и всегда

3 февраля Вологда

Адрес Милостивому государю моему Константину Николаевичу Батюшкову в Нижнем Новгороде

Записка Вяземского является ответом на письмо Батюшкова от января 1813 г, опубликованное Н В Фридманом Изв АН СССР Отд лит и яз 1955 Т 14, вып 4 С 370 (в указанной публикации письмо Батюшкова неверно датировано сентябрем 1812 г)

¹ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк, археолог, мемуарист и государственный деятель Переписку его с Вяземским о материальной помощи Жуковскому см Остафьевский архив князей Вяземских Т 1 Переписка князя Вяземского с А И Тургеневым (1812—1819) / Под ред и с прим В И Саитова СПб, 1899 С 13—15

² О каком Грибоедове идет здесь речь, неясно В С Нецаева опубликовала записку А С Грибоедова к В Ф Вяземской с приглашением «бросать Вологду» и приезжать к нему ЛН 1946 Т 47—48 С 230 Отъезд Вяземских в Ярославль «к Грибоедову» несомненно связан с этим приглашением Однако, по указанию С А Фомичева, эта записка принадлежит не А С Грибоедову, а его дяде, Алексею Федоровичу, кроме того, по данным владимирского краеведа Г Д Овчинникова, А С Грибоедов в начале 1813 г был во Владимире, а не в Ярославле

15

Ярославль, 22-го мая <1813 г >

Сперва сердился я на тебя, любезный друг, теперь и сержусь, и беспокоюсь о тебе Уже более месяца, как не получаю от тебя ни строки Неужели одна лень причиною тому? Но если бы ты был и болен, разве нельзя попросить Тургенева или кого-нибудь <дъ> заставить, хотя слово, написать мне слово о тебе Не постигаю твоей беспечности, она прелестна в одах Горация и в стихах Лафара, но в дружбе она преступление Ради Бога, перестань быть преступником На той неделе еду я в Москву, — и радуйся, —

до получения от меня из Москвы письма запрещаю писать к себе, потому что не знаю, где остановлюсь. Скажи о том и Тургеневу, хотя для формы Невозможно иметь лучших друзей, как я имею, но нельзя иметь и друзей ленивейших, как вы.

Бедные Карамзины лишились Андрюши.¹ Смерть его мне чрезвычайно горестна. Жаль, если он не оставит по себе наследника имени своего Прости, любезный друг. Хотя и сержусь, и беспокоюсь, все люблю и обнимаю по-старому.

Вяземский.

Адрес: Милостивому государю моему Константину Николаевичу Батюшкову. В жительстве Н. И. Гнедича при Императорской библиотеке в С〈анкт〉-Петербурге.

Ответ на это письмо — письмо Батюшкова от 10 июня 1913 г (3, 226—228)

¹ О смерти малолетнего сына Карамзина см его письмо к В А Жуковскому от июля 1813 г из Остафьева Русский архив, 1870 № 11 Стб 1683 Через полтора года у Н М и Е А Карамзиных родился сын, также названный Андреем (1814—1854)

16

6-го августа 〈1814 г.〉. Москва.

Пожалей об нас, мой милый Батюшков, мы лишились своего Андрюши:¹ несчастная болезнь, мучившая его несколько суток, разлучила нас с ним навсегда. Это ужасно! Ты не отец и, следовательно, напрасно буду я тебе толковать мою горесть: ты не поймешь меня и понять не можешь; но ты меня любишь и, без сомнения, будешь мне сострадать. Я убит горем и Бог знает когда справлюсь. Недели две я хворал и теперь еще сижу дома на лекарствах. Я получил твое письмо от 29 июля и еще более уверился, что ты всегда пишешь ко мне в чаду. Никогда не отвечаешь на мои вопросы, а сам пишешь загадки. «Ты Бог знает как толкуешь мое письмо а vous regnis»^a — вот что ты мне говоришь, и вот я чего никак не понимаю. Прошу объяснения. Я у тебя спрашиваю: будешь ли сюда, — ты мне на это ни слова! Ни слова также о том, что делаешь, что будешь делать, что хотел бы делать. Остаешься ли в службе, и у кого ты, у Раевского ли или у Бахметева?² Бахметев здесь, в Москве, и едет в Каменец-Подольск, — неужели и ты с ним? Вот третий месяц как я ни строки от Жуковского не получаю, тогда как до того писал он ко мне каждую неделю. Его молчание меня чрезвычайно беспокоит. Не знаешь ли чего-нибудь о нем? Скажи Юрию Александровичу, что если я не присылаю к нему списка моих стихов для государыни, то от того, что, право, я теперь ни к чему не способен: грусть меня томит, болезнь надоедает, а беспокойствия в ожидании родов жены моей держат в беспрестанном волнении и заботе. Право, не до стихов, то есть до моих, а ты пришли мне все, что

^a вам позволено (*фр*)

ты написал для праздника, и разбор ³ Простодушному Лафонтену урок, урок и мне, хотя я и не Лафонтен, и вовсе не простодушен Я написал четыре стиха для бюста государя, и Бог весть что они шума наделали и приятного, и неприятного, теперь преобразили их в «Хор» и вовсе обрезали, и перерезали, и зарезали, и прокричат с ворот ⁴ Я молчу, потому что виновником всего Юрий Александрович, которого я люблю и почитаю, и потому, что я вижу хорошее намерение и доброе и лестное ко мне расположение Прости, мой милый, если я перерожусь, то есть отдохну от горя и забот, то, может быть, кончу послание к тебе, которое начал я по получении твоего письма из Парижа ⁵ Жена моя тебе кланяется

Избранной братии мой поклон скажи им о моей печали и скажи Тургеневу и Дашкову, чтобы они от меня теперь писем не ждали и не сердились право, насилу намарал я тебе и эти строки, первые, написанные мною с месяца Василья Пушкина здесь нет, он у тетки в Козельске мы собирались ехать вместе в Петербург Я, кажется, непременно буду до зимы

Вот мой адрес в Чернышевском пе(реулке) ⁶ в доме князя Засекина Сообщи его пр(иятелям?), потому что на почте не знают, где () Я, как должник, бегаю из дом(а)

Пожалуйста и ты не скромни(чай) () не знаю, где ты живешь

Не забудь сказать Юрию Александровичу мое почтение он, верно, будет жалеть о нас и любил мальчика

Ответ на письмо Батюшкова от 27 июля 1814 г (*Батюшков К Н* Нечто о поэте и поэзии С 277—278), которое в свою очередь было ответом на не дошедшее до нас письмо Вяземского Батюшков благодарил его «за прозаическую оду на мой приезд»

¹ Летом 1814 г у Вяземских умер сын, родившийся в Вологде в 1812 г (см примеч 2 к письму № 12 настоящей публикации)

² С 29 марта 1813 г до начала апреля 1816 г Батюшков находился на военной службе в качестве адъютанта генерал лейтенанта А Н Бахметева (1774—1841), потерявшего в Бородинском сражении правую ногу С августа 1813 г по июнь 1814 г Батюшков принимал участие в военных действиях русской армии в качестве адъютанта генерала от инфантерии Н Н Раевского, с конца июня 1815 г по 26 декабря 1815 г он находился при Бахметеве в Каменце Подольском

³ Имеются в виду «Сцены четырех возрастов», написанные Батюшковым (при участии П А Корсакова и Г Р Державина) по просьбе Ю А Нелединского Мелецкого для праздника в Павловске, устроенного императрицей Марией Федоровной по случаю возвращения Александра I Праздник состоялся 27 июля 1814 г (см письма Ю А Нелединского Мелецкого к Вяземскому — ЦГАЛИ ф 195, оп 1, ед хр 2391) «Сцены » впервые опубликованы М А Веневитиновым Русский архив 1887 № 7 С 341—363

⁴ Имеется в виду стихотворение Вяземского «Надпись к бюсту императора Александра I», которое для праздника в Павловске было положено на музыку и превратилось в «Хор, петый у вторых ворот, к Розовому павильону ведущих»

⁵ Имеется в виду послание Вяземского «К Батюшкову» («Ты на пути возвратном!») Письмо Батюшкова из Парижа от 17 мая 1814 г см 3, 272—274

⁶ Коньектуры вызваны плохой сохранностью письма

⟨Середина января 1815 г.⟩.

Ты сердисься на меня, Батюшков, и, что всего хуже, дуешься и молчишь. Признаюсь, я от тебя этого не ожидал. *Шутки мои могут быть площадными*,¹ но я от тебя требую любви не по уму моему, а по сердцу, тебе преданному и исполненному живейшею дружбою. Бранить меня, пенять мне ты можешь, но дуться и молчать — это непросительно. К тому же уверяю тебя, что письмо твое мне очень понравилось и что я его несколько ⟨раз⟩ перечитывал с большим удовольствием. Но полно говорить об этом. Ты кругом виноват и, надеюсь, сознаешься и каешься. У меня живет Жуковской: завидуй и пеняй себе, что ты не с нами. Прости, обнимаю тебя от всего сердца: пиши ко мне скорее. — Пришли мне ради Бога хотя список стихов, взятых тобою в Ярославле. У меня валялось в бумагах послание, к тебе начатое, но которое мне не совсем нравилось. Жуковский меня оживил, и я стану его продолжать. Дашкову и Жихареву дружеской поклон. Что слышно об малютке Северине?

Вот что я тебе написал до получения письма твоего через Лунина,² которого я рад любить, потому что ты его любишь, но которого я еще не видал, потому что он поехал в деревню. По письмам твоим видно, что ты грустен, — и это грустно. Но не шалишь ли ты, и грусть твоя не есть ли плод поэтического воображения? Кстатi о поэзии: не стыдно ли тебе говорить, что хочешь отказываться от стихов, что они тебе надоели? и проч. Признайся по совести, ты умер бы, если б запретили тебе писать. «*Не писать — не жить поэту*», — сказал Воейков,³ на которого ты, мне кажется, уже слишком нападаешь за его острую и забавную шутку. К чему это педанство, к чему это святое смирение? Весь свет шутит насчет ближнего, во всем свете пишут, и писали, и печатали не нам чета люди стихи и насмешки на глупцов, а мы крестимся и кричим: «Злодейство!» — при невинной шутке, не вредящей ни имени, ни чести ближнего. Что вы за проклятые фанатики? Et toi aussi, Brutus?^a Пипинька, я тебя не узнаю. Ты дуешься и за себя, и за других. Тебе надобно подышать *очищенным московским воздухом*, чтобы очистить себя от петербургских паров, закоптивших твой светлый и веселый ум. Что скажешь о сыне Сергея Львовича? — чудо и все тут. Его «Воспоминания»⁴ скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай Бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянником перед тем. Прости, мой милый и сердечный друг; люблю тебя сердечно, несмотря на то что ты

^a И ты тоже, Брут? (фр.).

Федул-губы-надул, что ты лезешь в фанатики, что ты ленишься и далеко от меня Бедный Левушка⁵ ужасно страдает от ноги Он тебе кланяется и любит Денис и Толстой⁶ также

⟨Приписка В А Жуковского⟩: Здравствуй, милой друг! Хотел к тебе писать много, отвечать на твое бесценное письмо,⁷ но принужден отложить до следующей почты Не обвиняй меня в лени. Люблю тебя и уважаю душевно Но против *некогда* слова нет.

Письма Вяземского к Батюшкову, написанные между 6 августа и серединой января, не сохранились Их было, по крайней мере, два 4 сентября 1814 г Батюшков послал Вяземскому отгиск «Письма к И М М (уравьеву)-А (постолу) о сочинениях г Муравьева, изданных по его кончине» (см Сын отечества 1814. Ч 16, № 35 С 87—116, записку Батюшкова см Батюшков К Н Нечто о поэте и поэзии С 279—280) Полученным от Вяземского ответом Батюшков был рассержен см его замечание в письме к В А Жуковскому от 3 ноября 1814 г «Ты не похож на нашего приятеля Вяземского, который на место замечаний на мое письмо о Муравьеве прислал мне кучу площадных шуток, достойных Пушкина» (3, 305) В ноябре—декабре 1814 г Вяземский послал Батюшкову еще одно письмо (не сохранившееся), на которое тот отвечал только 10 января 1815 г, послав ответ оказией с М С Луниным (см Батюшков К Н Нечто о поэте и поэзии С 285—286) Начало этого письма Вяземского написано до получения им письма Батюшкова, продолжение — сразу после получения письма «через Лунина», т е около 15 января 1815 г

¹ Выделенная фраза свидетельствует о том, что Жуковский показал Вяземскому письмо к нему Батюшкова (см выше)

² Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845) — декабрист, троюродный брат Батюшкова (ср в письме «Он мне родственник и приятель, прошу ваше сиятельство обласкать его, притом же он, как увидите, человек добрый, весьма умный и веселый, и великий охотник пуститься в метафизические споры »)

³ Цитата из сатиры А Ф Воейкова «Дом сумасшедших»

⁴ А С Пушкин прочитал «Воспоминания в Царском Селе» на лицейском экзамене 8 января 1815 г, В А Жуковский читал стихотворение Пушкина в кругу друзей уже неделю спустя, 15 января

⁵ Давыдов Лев Васильевич (1792—1848) — брат поэта Д В Давыдова, сослуживец Батюшкова в 1813—1815 гг, впоследствии генерал-майор

⁶ Толстой Федор Иванович («Американец») (1762—1846) — граф, участник Отечественной войны, известный своими дарованиями, эксцентрическими выходками и бретерством

⁷ Письмо Батюшкова к Жуковскому от 3 ноября 1814 г см 3, 302—306

5 апреля 1815 г.).

Ох! Батюшков, ты меня бесишь! Я своим умом часто безумствую, не спорю, — но ты с своим умничаешь и умствуешь, и одно гораздо хуже и стыднее другого Мое бездумие по большей части сменяет меня после пароксизма, а иногда и приводит в раскаяние, которое имеет свою сладость. Твое беспокойствие наводит на тебя мрачность, тяготит тебя и приводит в совершенное изнеможение. Меня пугал Жуковской, теперь вижу, что он только хворый, а ты — больной. Тоска Жуковского, может быть,

мать его Геня; твоя тоска, не сердись, мать дурачества. Представь себе сумасбродца, ощипавшего розу и, следовательно, лишившего ее и прелести, и запаха, и любующегося ее стеблем. Ты точно этот сумасбродец: ты стараешься погубить прелесть своей жизни и тут подзываешь меня разрешить. Скажи мне ради Бога, что ты делаешь и с кем ты бываешь? Тогда буду я иметь сам ключ загадки, превратившей тебя из милого, острого Батюшкова в какого-то сумрачного и угрюмого Батюшкова. Рожденный любезным повесою (разумеется, я принимаю значение этого слова в одном хорошем смысле), ты лезешь в скучные колпаки; рожденный мотыльком, что за охота проситься тебе в филины? Полезай под дупло, если хочешь, но не оставляй в оном своих крыльев. Шутки в сторону, я сердит на тебя, потому что в тебе или притворство, или глупость — да, глупость! чисто глупость. И умнейший человек может поглупеть, когда его умом овладевают какие-то мечты, и особенно же, когда он, вопреки природе, хочет быть тем, чем она не хочет, чтобы он был. Вы все в Петербурге более или менее ходите на ходулях, смотрите на вещи в неверные^а стекла и все хотите быть чем-то, и сами не знаете, как быть чем-то и — часто — что такое это что-то. Ты скажешь мне, что я ругаюсь или несу дичь: говори что хочешь — а я скажу все-таки свое, то есть что я на тебя сердит, потому что искренно тобою недоволен! Будь Батюшковым, каким был, когда я отдал тебе часть моего сердца, или не требуй моей любви, потому что я рожден любить Батюшкова, а не другого. Прости мне, я горячусь напрасно: ты болен, как сказывали мне, и, может быть, скучаешь — вот отчего и обложил твой ум такой плачевный мрак. Но что делают твои петербургские друзья? Ради Бога растолкуй мне все. Или суждено мне завсегда трепетать о друзьях своих? Успокоенный немного насчет одного, должен я сетовать и плакать о другом! Да черт же вас побери, Жуковской! и Батюшков! Вы меня заставили любить себя, чтоб терзать меня. По чести это глупо! В этих словах нет шутки: огонь, может быть, шутовской, но чувство в них сердечное. На следующей почте стану писать тебе о том же; теперь некогда. На следующей пришло и чай, и сказку.¹ Два слова о последней: рассказ хорош, но тон холоден и слишком тих: это река в октябрьское тихое утро. К тому же, хотя стихи и хороши, но в них не дышит Батюшков, этот масляный, душистый, сладостный Батюшков, que vous savons^б в «Развалинах Шведского замка», мастерской и лучшей твоей работе, в «Пенатах».² Я, может быть, ошибаюсь, но ты не рожден сказочником: на следующей почте пришлю подробный рассмотри, а в субботу буду читать сказку перед судилищем. *Votre conte est la fable des deux pigeons humanisees.*^{в3} Ради Бога, пиши ко мне более о себе: я хочу тебя в твоих письмах видеть, как на ладоне,

^а Было: какие-то.

^б Которого мы знаем (фр.).

^{в3} Ваша сказка — басня о двух очеловеченных голубях (фр.).

и тогда, взявши микроскоп моего рассудка, приговорю тебя на жизнь или смерть Прости Жуковской должен быть у вас Поцелуй его сто раз, нет, один, но в этом поцелуе передай ему душу, пылающую дружбой к нему Тебя я не целую, потому что еще не знаю, достоин ли ты или нет

Моих стихов тебе не посылаю и не пошлю, потому что ты хочешь важное, а у меня его нет, но по дружбе своей к тебе могу послать тебя за важным к Шихматову, который даст тебе «*Ночь на гробах*», к Шишкову, который даст тебе «*О пагубных Наполеона Бонапарта помыслах. Повесть*», или к некоторому родителю экзаметров,¹ — — — —, но замолчу! Батюшков! что с тобою сделалось? ты, верно, вырос, потолстел, нос распрямился, волоса почернели, вырос зоб на груди, тебя перекрестили в какие-нибудь Никифоры и Бог весть какие с тобою сбылись превращения Но полно! у меня кровь кипит от злости Кидаю перо и не прощаюсь с тобою! Демид! возьми это письмо! запечатай его, сам сделай надпись и не кажи мне его Отнеси на почту, и чтобы в расходной книге не выставляли перед издержкою за весовые деньги имя того, к кому оно послано.

Москва 5-го апреля 1815-го года

В〈яземский〉

Сохранились письма Батюшкова к Вяземскому от 17 февраля («Князь Юрий Трубецкой») и 25 марта 1815 г («Сию минуту получаю другое письмо»), см *Батюшков К Н* Нечто о поэте и поэзии С 286—288, датировка уточнена по содержанию писем В этом письме Вяземский подробно отвечает на основные мотивы обоих писем Батюшкова

¹ С письмом от 25 марта Батюшков послал Вяземскому сказку «Странствователь и Домосед», просил прочесть ее «обществу» и прислать «замечания»

² Вяземский неточно называет элегию Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» и послание «Мои Пенаты»

³ Имеется в виду басня И И Дмитриева «Два голубя», по сюжету и основной идее близкая к «Странствователю и Домоседу» Батюшкова

⁴ «Родитель экзаметров» — Н И Гнедич, приятель Батюшкова

П. П. ЕРШОВ ПИСЬМА К П. А. ПЛЕТНЕВУ

Публикация Е. П. Горбенко

Архив П А Плетнева в ИРЛИ, насчитывающий 1478 единиц хранения, располагает интересными, подчас уникальными документами, долгие годы считавшимися утерянными или просто забытыми

Человек обширных творческих связей, развитию которых способствовали не только его литературные труды, но — едва ли не в большей степени — приятельские отношения с писателями 1820—1830-х гг и педагогическая служба в Петербургском университете в должности профессора русской словесности (с 1832 г), Плетнев тщательно хранил адресованную ему корреспонденцию Как правило, в левом верхнем углу полученного письма он проставлял дату его получения и дату ответа (если таковой имелся)

Сохранились в архиве Петра Александровича и пять писем к нему Петра

Павловича Ершова, бывшего его воспитанника по философско-юридическому факультету университета (1830—1834), в девятнадцатилетнем возрасте снискавшего небывалый успех своей сказкой «Конек-Горбунук» Восприемником первого и уникального по своему долголетию литературного детища Ершова стал профессор Плетнев Он ввел сказку в студенческую аудиторию, а самого автора — в круг Пушкина, Жуковского Ершов получает приглашение запросто бывать на вечерах в доме профессора, завсегдатаями которого были известные петербургские литераторы «Память Ваших благодеяний указала мне на Вас», — напишет Ершов Плетневу 29 декабря 1839 г., имея в виду дружеское попечение признанного литератора и ученого о молодом таланте

С июля 1836 г и до кончины (в 1869 г.) судьба связывает Ершова с родной Сибирью, с Тобольском Литературные заботы, планы, надежды отступают перед обыденностью каждодневных обязанностей учителя Тобольской гимназии

Эпистолярное наследие Ершова сохранилось далеко не полностью И до сегодняшнего дня не все даже из дошедших до нас волнующих документов эпохи стали достоянием печати Наиболее полно представлена переписка Ершова в воспоминаниях его университетского приятеля Андрея Константиновича Ярославцева¹ Ярославцев смело ввел в повествование доступные ему письма Ершова, которые «представляются не только по содержанию, но и по слогу их самым верным отражением души и характера его» (Ярославцев С 43) «Считаем такой способ для наших воспоминаний о его жизни самым правдивым», — решил Ярославцев — и весьма своевременно (Там же) Автографы большинства опубликованных им писем в настоящее время либо утеряны, либо еще не обнаружены Книга Ярославцева располагает и еще одним бесценным документальным материалом ответными письмами Плетнева к Ершову, автографы которых обнаружить также не удалось

Публикуемые ниже письма поэта органично включаются в переписку его с Плетневым, представленную в книге Ярославцева, и восполняют те досадные пробелы, на которые указывал автор «Воспоминаний»

Письмо Ершова от 29 декабря 1839 г положило начало переписке с Плетневым До этого, в течение первых трех лет отсутствия Ершова, опосредованные связи между тобольским учителем и петербургским профессором осуществлялись через друзей поэта — В А Треборна и А К Ярославцева В письмах к Треборну Ершов не забывает передавать обязательные приветы Плетневу Друзья в свою очередь упрекают его в невнимании к бывшему наставнику, который продолжает интересоваться судьбой талантливого воспитанника² От них же знал Плетнев и о важных переменах в жизни Ершова — о смерти горячо любимой матери, единственного близкого ему человека, и о последовавшей вскоре романтической женитьбе его на Серафиме Александровне Лещевой, вдове с четырьмя детьми Не случайно в письме к Плетневу Ершов не задерживается на подробностях этих печальных и радостных событий

Первое письменное обращение Ершова к Плетневу, к тому времени уже ректору Петербургского университета (с 1839 г), — откровенная просьба Это результат глубокого разочарования молодого человека в наивных (теперь!) юношеских мечтаниях стать этнографом неизведанного Сибирского края, посвятить себя изучению быта, нравов, обрядов, фольклора населяющих Сибирь народов Действительность жестко скорректировала желаемое и возможное Совместить учительский кропотливый труд с кочевой жизнью исследователя было более чем нереально Женитьба окончательно приковала Ершова к должности Но не сложившиеся сразу отношения с директором Тобольской гимназии Е М Качуриным, человеком, далеким от творческих порывов, побудили молодого педагога, прибегнув к помощи влиятельных петербургских знакомых, искать другое место службы Эти попытки Ершов будет возобновлять вплоть до 1857 г — до назначения его директором Тобольской гимназии

Между тем на педагогическом поприще он обнаружил незаурядные способности, о чем вспоминали его ученики. Так, К. М. Голодников писал о новаторских методах преподавания Ершова: «П. Ершов отбросил прежнюю схоластическую методику преподавания и начал преподавать словесность по университетским запискам (. . .) Все сообщаемое учащимся сумел сделать настолько интересным, что по классу словесности все шло хорошо и лекции его ожидали с большим удовлетворением».³

Однако семейные обстоятельства (рождение и смерть дочери в 1840 г.) вынуждают Ершова отложить планы переезда в другой город на неопределенный срок. К тому же предложенное ему место в Томске, не удовлетворяло его.

Регулярная переписка с Плетневым, едва начавшись, прекращается до 1846 г., что, впрочем, не мешает им при случае обмениваться приветями, пожеланиями, просьбами.

На всем протяжении долгого жизненного пути Плетнева в отношении к нему Ершова присутствует не убывавшее с годами ученическое благоговение. Ему важно знать, как отнесся Плетнев к его женитьбе, почему не отзывается в «Современнике» на второе издание «Конька-Горбунка» (М., 1840): «А его мнение мне дороже всех в совокупности» (Ярославцев. С. 72).

При письме к Треборну от 10 января 1841 г. Ершов посылает для «Современника» два неопубликованных стихотворения Пушкина — «Мой первый друг, мой друг бесценный» и «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок», — полученные от И. И. Пущина. 25 сентября того же года по тому же адресу были отправлены еще два стихотворения Пушкина, однако судьба этого второго дара остается неизвестной: в «Современнике» Плетнева произведения Пушкина больше не появлялись, а указанное письмо к Треборну не сохранилось.

Затруднения материального характера вынуждают Ершова к сотрудничеству в изданиях Смирдина и Сенковского, и все-таки он находит возможность «безвозмездно» печататься в «Современнике».

В 1842 г. Ершов целиком отдается идее создания нового гимназического курса, структура которого была изложена им в очерке «Мысли о гимназическом курсе». Предметы были подобраны по трем разделам: науки, языки, искусства.⁴ В этот же период он обдумывает «Курс словесности» — учебное пособие для гимназий. При жизни поэта этот труд так и не был издан, а позднее следы его затерялись, так что судить о новаторских приемах Ершова в области преподавания литературы можно только по отдельным скупым замечкам его учеников. Не был знаком с содержанием курса и Ярославцев. В 1845 г. Ершов отправил рукопись в Министерство народного просвещения, откуда она поступила на рассмотрение во 2-е отделение Академии наук (Отделение русского языка и словесности) к академику М. Е. Лобанову. 30 мая 1846 г. Ершов с тревогой осведомлялся у Плетнева о судьбе своего сочинения.⁵ Ответ Плетнева от 20 июня 1846 г. был явно уклончивым. Он сообщил Ершову о скоропостижной кончине академика Лобанова и собственном недомогании, препятствующем ему посещать заседания Академии. Видимо, по известным только ему соображениям Плетнев не хотел брать на себя ответственность за сочинение, негативное отношение к которому уже сложилось в академических кругах. «Но будьте уверены, что я все употреблю для сохранения вашей чести и выгоды» (Ярославцев. С. 119), — это обещание наставника было не более как риторической фразой. Академик С. И. Давыдов, которому была передана рукопись, признал ее не вполне отвечающей «понятиям воспитанников» (Ярославцев. С. 122).

С 1844 г. Ершов занимал должность инспектора классов Тобольской гимназии. И. А. Худяков, один из ее воспитанников, свидетельствовал: «В гимназии Ершова не было тех истязаний, на которые так щедры были в то время другие русские гимназии».⁶ Несомненные преимущества вводимой Ершовым системы, методики преподавания и воспитания юношества, ходатайства за него вид-

ных петербургских чиновников однако, не приблизили его в 1849 г — после отставки Качурина — к желанному месту директора гимназии 13 мая 1849 г Ершов пишет к Плетневу спеша заручиться его возможной поддержкой в этом принципиально важном для всей его долголетней службы вопросе Плетнев не мешкает с ответом и через два дня после получения письма — 3 июня — обращается с просьбой о содействии к директору одного из департаментов Министерства народного просвещения П И Гаевскому Однако ни деятельное участие Плетнева ни хлопоты самого Ершова и его друзей успеха не имели В Г Утков полагает и думается, не без оснований, что причиной столь неожиданной «копалы» Ершова была его давняя юношеская дружба с К Тимковским, привлеченным в 1849 г по «делу петрашевцев»

Факты убеждают что эта причина была не единственной Люди, на чье содействие и поддержку рассчитывал Ершов, в первую очередь Плетнев и Никитенко, в тревожную для России пору «мрачного семилетия» (1848— 1855) находились под дозрением Никитенко было сделано внушение по поводу «преступных» мыслей ряда сочинений, помещенных в журнале «Современник», редактором которого он был с 1847 г ⁷ Плетнева Бутурлинский комитет обвинил в политическом вольнодумстве, несовместимом с его положением наставника юношества, — так была оценена его отчетная речь на торжественном акте в университете 8 февраля 1849 г « если бы в последних строках заключения отчета не было упомянуто, что направление всем нравственным и умственным действиям дается у нас по воле монарха, то вся XI статья отчета, по общему ее духу и содержанию, могла бы точно так же, не включая и не прибавляя ни слова, произнесена быть с кафедры парижского университета в 1850 году» ⁸ Обстановка была настолько напряженной, что поручительство «опального» профессора могло только отдалить получение столь желанного для Ершова поста Положительно не удавалась карьера добродушному, преданному делу своей жизни П П Ершову!

Ершов не преувеличивал, причислив себя в письме к Плетневу от 22 сентября 1849 г не к «деятелям, а наблюдателям литературы» Все реже берется за перо инспектор Тобольской гимназии Запоздалое сожаление о «Современнике», перешедшем к Никитенко, Панаеву и Некрасову, — скорее дань уважения к стареющему наставнику Ершов и в прежние годы сотрудничал в «Современнике» от случая к случаю Незаслуженные, но неизменные неудачи по службе Ершов расценивал как «наказание за измену () назначению» (Ярославцев С 133) Но, как справедливо полагает И П Лупанова, «тягостно пережитая не удача по службе обернулась еще одной удачей (последней!) в творческой биографии Ершова» ⁹ В 1851 г Ершов создал «Сибирские вечера» В печати они появились только в 1857 г под названием «Осенние вечера»

Ярославцев располагал текстами четырех писем Ершова к Плетневу этого периода от 5 октября и декабрьского (без точной даты) 1850 г, 8 марта и 20 апреля 1851 г, — утраченными в настоящее время, как и ответы Плетнева В первом из этих писем — страстная ностальгия по минувшему прекрасному пушкинскому времени, «когда люди, заслужившие уже известность () не считали для себя унижительным подать руку начинающему то же поприще, которое они прошли с такою честью» (Ярославцев С 132)

В декабре 1850 г идея «Сибирских вечеров» воплотилась в первых трех повестях, которые Ершов и послал Плетневу С марта 1851 г между ними завязывается оживленный обмен мнениями о новых сочинениях Ершова, о принципах, методах и задачах художественного творчества вообще Проза Ершова показалась Плетневу удачной, хотя и не совсем в духе современной русской литературы Он откровенно предупредил автора о возможных трудностях с напечатанием повестей Между тем собственная его оценка была высока « вы в повестях умели сохранить свое достоинство В них главное то, что ни одна из трех повестей не повторяет ни колорита, ни идеи, ни плана другой Они все три как бы на

писаны тремя разными сочинителями, что всего реже бывает и у самых опытных авторов» (Ярославцев С 137)

С текстом июньского письма Ершова 1851 г (последнее в нашей публикации) Ярославцев был знаком по черновику В черновике (или копии) отсутствует точная дата — 10 июня — и имеются некоторые разночтения с чистовым вариантом¹⁰ Эстетические суждения Ершова были направлены против намеренного, демонстративного натурализма писателей Он не мог согласиться с перемещением идейного центра повествования на «мелочные» детали Отсюда его определение натуральной школы как «мелочной школы» Раздражение против ведущего направления современной ему литературы подогревалось в сознании Ершова и памятью о высказывании Белинского, причислившего его к «гениям Смирдинского периода»¹¹ Великий критик резко отозвался о «Коньке-Горбунке» — как произведении без «художественного достоинства», а о его авторе — как о «молодом человеке» без «таланта»¹² Характерно, что на мнение Белинского повлияло его в целом негативное отношение в 1830-е гг к попыткам русских писателей создать литературную сказку, передав в ней народный дух Белинский не увидел оригинальности и самобытности ни в сказках Пушкина, ни в сказке Ершова

Литературно эстетическая позиция Ершова этих лет заметно отражает влияние Плетнева, авторитетнейшего для него литературного ментора «Не забудьте, что повести такая же поэзия, как и драма, и поэма», — напоминал Плетнев писателю (Ярославцев С 137) Ершов решительно возражал против обнажения перед читателями самого процесса творчества, мастерской художника, отнюдь не всегда привлекательных «инструментов» его вдохновения Анализ — да, но не анатомия По существу рассуждения Ершова были направлены против эпигонов русских реаллистов 1850-х гг

После неудавшейся попытки помочь Ершову в 1849 г Плетнев не оставляет надежды удовлетворить желание Ершова жить в Петербурге и в конце 1850 г предлагает ему должность адъюнкт-профессора в университете Предложение было заманчивым, но — увы! — неосуществимым для Ершова Оно требовало коренной перестройки налаженного семейного быта, обращения к научной деятельности (между тем как Ершов, по его собственному признанию, не обнаруживал склонности к детальному анализу), подчинения строгому режиму ученого-исследователя Ершов отказался

Публикуемые ниже письма Ершова к Плетневу, неизвестные современникам и биографам поэта, в соединении с его перепиской из «Воспоминаний» Ярославцева представляют стройную, завершенную картину жизни и творчества поэта тобольского периода

¹ Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунук» Биографические воспоминания университетского товарища его А К Ярославцева СПб, 1872 Далее ссылки на это издание см в тексте Ярославцев

² В письме к Треборну от 28 декабря 1839 г Ершов оправдывает свое молчание нежеланием беспокоить Плетнева

³ Утков В Г Сказочник П П Ершов Омск, 1950 С 153

⁴ Подробное см Ярославцев С 92—96

⁵ 19 октября 1841 г Плетнев был избран ординарным академиком по 2-му отделению Академии наук

⁶ Дубровский К Творец бессмертной сказки (П П Ершов) // Дубровский К Рожденные в стране изгнания Пг, 1916 С 65

⁷ Евгеньев-Максимов В Е «Современник» в 40—50-е гг Л, 1934 С 243

⁸ Лемке М К Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия СПб, 1904 С 265

⁹ Лупанова И П П П Ершов // Ершов П П Конек-Горбунук Стихотворения Л, 1976 С 45 (Библиотека поэта Большая серия)

¹⁰ Процитированные Ярославцевым пассажи письма и разночтения слов мы укажем в примечаниях к письму (из архива Плетнева) Письмо это цитировалось

1

Тобольск. 29 декабря 1839 <г.>.

Милостивый Государь Петр Александрович.

Начиная это письмо, невольно чувствую упрек в моей неосторожности. С лишком три года, как я простился с Вами,¹ а до сих пор ни одна строка не известила Вас о моем существовании. Не буду извиняться перед Вами: оправдание мое в Вашем сердце, в Вашей снисходительности.

Обстоятельства зовут снова меня в Петербург. Еще в прошлом году, схоронив мою мать,² я решился ехать к Вам; но судьба удержала меня в Сибири, а зачем — Вам это известно. Вступив в новое состояние, обязавшись семейством,³ я вижу необходимость перемещения в столицу или перемены моего положения. Но к кому обратиться с просьбою о содействии? Память Ваших благодеяний указала мне на Вас, а известия Петербургских моих знакомых,⁴ что Вы не изменили ко мне Вашего расположения, заставили меня решиться. И вот я пишу к Вам (простите мою уверенность) в полной надежде на Ваши советы, на Ваше участие.

Прежний товарищ мой Треборн передаст Вам мои желания: если они окажутся возможными, убедительно прошу Вас, Петр Александрович, помочь мне в моем положении. Вы обяжете человека, умеющего чувствовать признательность.

Впрочем, отдаю на волю Вашу переместить ли меня в Петербург или ходатайствовать пока о новом месте в Сибири: Князь Горчаков⁵ в половине января будет в Петербурге. Он решит — могу ли я занять место в Томске или в Тобольске, а личное ходатайство Ваше и Василия Андреевича,⁶ наверное, кончит дело самым благоприятным для меня образом.

Простите меня, Петр Александрович, что первое письмо мое после столь долгого молчания — просьба. От Вас будет зависеть принять ее в мою пользу или предать забвению. Во всяком случае примите искреннее уверение в том уважении, с которым я есмь и буду к вам,

Милостивый Государь,

Ваш покорный слуга

Петр Ершов.

Я писал к брату жены моей Владимиру Александровичу Протопопову,⁷ чтобы он познакомился с Вами. Зная Вас, почитаю ненужным просить Вас о принятии его в Ваше расположение.

¹ В июне 1836 г., получив назначение в Тобольскую губернскую гимназию, Ершов навсегда покидает Петербург

² Ефимия Васильевна Ершова (из купеческого рода Пиленковых) умерла 16 апреля 1838 г

³ Еще до кончины матери Ершов сближается с вдовой одного из строителей казенных зданий Омской крепости, инженерного подполковника Н И Лещева Серафимой Александровной Лещевой (?—25 апреля 1845) С А Лещева была дочерью бывшего директора Тобольской гимназии А Протопопова Будучи женщиной не только красивой, как свидетельствуют современники, но и умной, образованной, она не сразу решается на брак с 23-летним учителем Очевидными препятствиями были возраст (Ершов был несколькими годами моложе своей первой жены) и четверо ее детей от первого брака Тем не менее 8 сентября 1839 г состоялась их «скромная», по определению самого Ершова, свадьба, о которой он извещал своих новых родственников по жене В А и М Ф Протопоповых в письме от 12 сентября 1839 г (См публикацию В Г Уткова Сибирские огни 1964 № 7 С 174—175)

⁴ Петербургские знакомые Ершова принадлежали к университетскому кругу его бывших наставников и приятелей Среди них А В Никитенко (1804—1877), профессор русской словесности, задушевный товарищ В А Треборн, К И Тимковский, с которым обсуждались сокровенные планы исследования Сибири, А К Ярославцев (1815—1884), впоследствии писатель, первый биограф Ершова

⁵ П Д Горчаков, князь — генерал-губернатор Западной Сибири После его смещения по результатам правительственной ревизии пост генерал-губернатора занял Г Х Гасфорт (1790—1874), личность не менее честолюбивая и деспотичная Продвижение Ершова по службе начинается с 1854 г, когда должность гражданского губернатора Тобольска занял В А Арцимович, «деятель новой формации» (Утков В Гражданин Тобольска Свердловск, 1979 С 125) Он обратил внимание на Ершова и после смерти в 1856 г Чигиринцева, директора Тобольской гимназии с 1849 г, выдвинул его на пост директора Тобольских училищ и гимназии

⁶ В А Жуковский В письме к Треборну от 2 июля 1837 г Ершов сообщал о посещении Тобольской гимназии великим князем Александром Николаевичем и сопровождавшим его Жуковским и о своем визите к последнему Известный поэт принял его «как друг» и выразил недоумение «Я не понимаю, как этот человек очутился в Сибири» (Ярославцев С 52)

⁷ В А Протопопов жил с семьей в Петербурге

2

Тобольск. 30 мая 1846 <г.>.¹

Милостивый Государь Петр Александрович.

Я давно уже в долгу перед Вами. Не взыщите, ради Бога, за такую маловажную уплату. Если из посланных стихотворений какие-нибудь удостоятся чести быть помещенными в Ваш журнал, то покорнейше прошу напечатать их без имени: пусть оно будет известно только Вам.² Я просил бы еще о присылке одного экземпляра Современника, но это значило бы называться на плату, и потому предоставляю это Вашему расположению.

Смею ли я беспокоить Вас каким-нибудь извещением о судьбе моего курса словесности?³ Несколько строк руки Вашей выведут меня из тягостного положения неизвестности.

С чувством глубокого уважения и преданности имею честь быть, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугою

Петр Ершов.

¹ В левом верхнем углу помета рукой Плетнева «П(олучил) 19 июня 1846 О(тветил) 20 июня 1846»

² В т 43 «Современника» за 1846 г Плетнев напечатал два стихотворения Ершова «Храм сердца» и «Оправдание», в т 44 — три «Воспоминание», «Три взгляда», «А та femme» (см комментарии Д М Климовой в кн *Ершов П П Конек-Горбунок Стихотворения Л., 1976 С 318—319*) Все стихотворения по желанию автора были напечатаны без подписи

³ См вступительную статью

3

Тобольск. 13 мая 1849 (г.).¹

Милостивый Государь Петр Александрович.

Если память о человеке, некогда Вами обласканном, не совсем изгладилась из Вашего сердца, то, конечно, не удивит Вас ни мое письмо, ни моя просьба. Мне же не на кого надеяться, кроме Бога и Вас.

В июне месяце директор Тобольской гимназии Качурин² отъезжает в Петербург. Он взял отпуск на три месяца, и, слышно, в Тобольск не воротится. Потому на место его есть много претендентов, и об одном из них генерал-губернатор Зап(адной) Сибири³ передал уже докладную записку г. Министру⁴ Между тем место директора в Тобольске — была единственная цель службы моей в Сибири. И казалось бы, что 13 лет службы не без пользы по учебному ведомству давали мне право на эту должность. Однако ж ходатайство одного моего родственника⁵ у князя, в бытность его в Петербурге, не имело успеха: князь Горчаков отозвался, что получение подобной должности зависит не от него, а от министра, хотя тут он прибавил, что если почему-либо предоставлено будет ему назначение директора, то он готов рекомендовать меня. Я удовольствовался бы и этою слабою надеждою, если б не приходило на мысль, что г. Качурин, по нерасположению своему ко мне, вследствие разных причин, о которых не стоит упоминать, предварительно не отрекомендовал меня г. Министру с невыгодной стороны.

Удостоите меня, Петр Александрович, хотя двумя строками ответу: могу ли я надеяться на Ваше ходатайство у г. Министра. Вы успокоите меня и сделаетесь вновь благодетелем целого семейства. Но каково бы ни было Ваше решение, умоляю Вас, не поскучайте просьбою человека, который, повторю, не имеет другой надежды, кроме Бога и Вас.

С чувствами искреннего уважения и преданности имею честь быть, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугою

Петр Ершов.

¹ В левом верхнем углу письма помета рукой Плетнева. «П(олучил) 1 июня 1849 О(тветил) и к Гаевскому писал 3 июня 1849»

² Евгений Михайлович Качурин — директор Тобольской гимназии с 1837 по 1849 г. Летом 1849 г. вышел в отставку. Добрые отношения с Ершовым у него не сложились. В. Г. Утков, исследователь и биограф Ершова, обнаружил в фондах Тобольского архива воспоминания К. М. Голодникова, ученика Ершова, где Качурину дана весьма недвусмысленная характеристика «знал предметы не лучше ученика последнего класса гимназии, где он получил окончательное образование < > являясь на лекции преподавателей не более одного раза в неделю, был горд с ними и никогда не подавал им руки» (*Утков В. Новое о П. П. Ершове // Сибирские огни* 1961 № 5 С. 186).

³ П. Д. Горчаков

⁴ Пост министра народного просвещения до 1848 г. занимал С. С. Уваров (1786—1855). В 1850 г. его сменил князь П. А. Ширинский-Шихматов (1790—1853).

⁵ Вероятно, речь идет о В. А. Протопопове, единственном петербургском родственнике Ершова.

4

Тобольск. 22 сентября 1849 г. <2>.¹

Милостивый Государь Петр Александрович.

Позвольте принести Вам искреннюю мою благодарность за приятнейшее письмо Ваше от 3 июня.² Если оно и не дало мне полной надежды на исполнение моего желания, по крайней мере, уверило в самом главном для меня, что расположение Ваше ко мне не изменилось. Да наградит Вас Бог за слово утешения!

В сентябре должен кончиться срок отпуска г. Качурина. Вероятно, он возьмет отсрочку, а потому назначение директора в Тобольск должно состояться не ранее нового года. Буду ждать того времени с надеждою на милость Бога и Ваше покровительство. Во всяком случае позвольте мне еще беспокоить Вас моею просьбою: могу ли я, в случае назначения другого директора в Тобольск, надеяться на занятие директорской должности в Перми или в Петрозаводске? Я выбираю эти два города потому, что оба они, по гимназиям, первого разряда, и притом 1^й из них близок к Тобольску, а 2^й к Петербургу и, следовательно, к Вам. Или, по крайней мере, могу ли я проситься в которую-нибудь из Петербургских гимназий в должность учителя словесности, с выдачею мне прогонной до Петербурга? Боюсь мысли, что я во зло употребляю Ваше снисхождение; но Ваше сердце для меня оправдание и защита.

Вы намекнули о литературных моих трудах. Что сказать мне на это, разве только то, что они кончились с переходом Современника в другую редакцию.³ По моему понятию о литературе я охотно участвовал бы в журнале, подобном *Вашему Современнику*; всякое же другое направление журнала не по мне. Принадлежит долгое время не к деятелям, а к наблюдателям литературы, я научился смотреть на вещи беспристрастно, и литературная известность в настоящее время не слишком лестна даже и для убогого таланта. А поэзия? Она, кажется, схоронена вместе с незабвенным Пушкиным и Лермонтовым. Лебединая песнь Жуков-

ского ⁴ заглушена журнальными крикунами, и грустно, если она прервется, подобно песни Гоголя ⁵ Одна надежда на светлое будущее, на явление какого-нибудь могучего таланта, который невольно заставит холодный век наш благоговеть пред гармониею звука

С чувством истинного уважения и преданности имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою

Петр Ершов

¹ В левом верхнем углу письма помета рукой Плетнева «П(олучил) 11 окт(ября) 1849 О(тветил) 23 дек(абря) 1849»

² Указанное письмо Плетнева цитируется в книге Ярославцева Плетнев не пытался скрыть от Ершова тщетность своих попыток помочь ему и с горечью писал о своем бессилии «назначение в директоры гимназии не может зависеть не только от усилий такого человека, каков я, но и от ближайшего и высшего начальства Одни попечители или заступающие их место распоряжаются в этом деле На будущее время старайтесь прежде всего войти в хорошие сношения с ними иначе все останется безуспешным » (Ярославцев С 130)

³ В т 44 «Современника» на 1846 г Плетнев поместил свое прощальное слово «К читателю Современника» (с 243—250) и проспект «О Современнике в 1847 году», составленный новой редакцией (с 236—242)

⁴ Речь идет о поэме Жуковского «Странствующий жид», в которой с наибольшей силой отразился трагизм мироощущения поэта, волею обстоятельств оторванного от родной стихии

⁵ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и критика их Белинским Подробно историю печатания этого произведения Гоголя, участие в нем Плетнева и оценку его критикой см в комментариях В И Шенрока в кн Письма Н В Гоголя / Ред В И Шенрок СПб, 1901 Т 3, 4

5

Тобольск. 10 июня 1851 (г.).¹

Милостивый Государь Петр Александрович.

Исполняя Ваше желание, имею честь препроводить при сем 2^ю часть Сибирских вечеров.² В них первые два рассказа те самые, о которых я упоминал в последнем моем письме, а 3^й и 4^й написаны вновь. Буду с нетерпением ждать Вашего отзыва, хотя наперед догадываюсь о нем. Когда-нибудь в рассказе Таз-Баши ³ я изложу свою теорию повестей и надеюсь, что шутка, если только она удастся, лучше покажет крайности нынешнего рода рассказчиков, чем серьезный разговор об них. Я не враг анализа, но не люблю анатомий. Конечно, знать жилы и мускулы, при известном расположении сюжета,⁴ необходимо и для скульптора и для живописца; но обнажать всю внутренность — дело не совсем поэтическое. А повесть разве не та же картина и пластика, только с особенными условиями? Притом же подобный анализ впадает в школьную манеру и старается учить читателей там, где бы следовало заботиться об одном эстетическом удовольствии. Я допущу еще подробности в таких вопросах, как быть или не быть; но в такой мелочи, как идти или ехать, спать или проснуться, право, бездарно ⁵ рассчитывать на терпение чита-

телей. А жизнь героев повестей больше, чем на $\frac{9}{10}$ х слагается из подобных мелочей.

Простите меня, Петр Александрович, за резкие, быть может, выражения. Но я говорю, как понимаю. Для меня одна глава Капитанской дочки дороже сотни ⁶ новейших повестей так называемой натуральной, или лучше мелочной школы.⁷

Книгопродавец Крашенинников снова сделал мне предложение об издании Конька по исправленной рукописи, которая теперь цензируется. Я писал к нему, чтобы он доставил к Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно. Вы первый ввели Конька в свет; надеюсь, что и теперь не откажете ему в Вашем содействии. К Крашенинникову же я писал и о Сибирских вечерах; может быть, он и решится быть их издателем (если только Вы признаете их достойными увидеть свет). Позвольте надеяться, Петр Александрович, что Вы, в случае издания Конька или Сибирских вечеров, Вашим влиянием на редакторов известных журналов защитите мои труды от критик, подобных помещенной в Отечественных записках.

Вы напоминаете мне о труде, более достойном литературы и того мнения, какое Вы по благосклонности своей имеете обо мне. Не скрою от Вас, что мысль о русской эпопее ⁸ не выходит у меня из головы. Но, живя в глуши, я не имею нужных к тому материалов. Это самое обстоятельство преимущественно влекло меня менять места при Императорской Публичной Библиотеке, где я мог бы пользоваться всеми народными ⁹ сказаниями. Предоставляю Богу устроить дальнейшую ¹⁰ мою судьбу. Если ж ему угодно оставить меня навсегда в Сибири, я не буду роптать на это, но мысль о русской эпопее перемену на Сибирский роман. Купер послужить может ¹¹ руководителем. А между тем на мелких рассказах я приучу перо свое слушаться мысли и чувства.¹²

В заключение письма сообщу Вам о нашем гимназическом празднике, который с назначения меня инспектором, т. е. 8 лет, постоянно отправляется 2го июня. В этот день в 1837 г. Е. И. В. наследник цесаревич осчастливил гимназию нашу высоким своим посещением.¹³ Вот вкратце программа нашего праздника. В 9 часов утра все воспитанники и чиновники гимназии в мундирах отправились в церковь к слушанию литургии, которую отправляли трое священников (законоучители гимназии и уездного училища и преподаватель татарского языка в гимназии). Первый из них сказал слово на текст: иже чтит сына, чтит и отца, пославшего его. После обедни подняли икону Владимирской Богородицы и в процессии отправились в зал гимназии, и там, на том самом месте, где за 15 лет мы встретили государя наследника, отправлено было благодарственное молебствие. В 10 часов вечера ждали иллюминации. При пении гимназическом хором: Боже, царя храни открыт вензель цесаревича и приветствуем трехкратным ура всех воспитанников. После этого начали бал для гимназистов и продолжали за полночь. Во все это время народ теснился около

дома гимназии в таком множестве, что решительно не было проезда Называя праздник 2го июня гимназическим, я имею полное право назвать его и моим, потому что я первый подал мысль праздновать этот день — навсегда.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего превосходительства

покорный слуга

П. Ершов.

¹ В левом верхнем углу помета рукой Плетнева «П(олучил) 2 июля 1851»

² Первые три повести цикла «Сибирские вечера» Ершов отправил Плетневу в декабре 1850 г

³ Таз-баши — герой «Рассказа о том, каким образом дедушка мой, бывший у царя Кучума первым муфтием, пожалован в такой знатный чин»

⁴ У Ярославцева «страсти»

⁵ У Ярославцева «безбожно»

⁶ У Ярославцева «всех»

⁷ У Ярославцева «школы мелочей»

⁸ Уже в 1830-е гг., сразу после «Конька-Горбунка» Ершов задумал эпопею «Иван-царевич — сказка сказок в десяти книгах и ста песнях»

⁹ У Ярославцева «старинными»

¹⁰ У Ярославцева это слово опущено

¹¹ У Ярославцева «послужит моим»

¹² В «Воспоминаниях» Ярославцева цитируются первый, второй и четвертый абзацы письма

¹³ По всей вероятности, подробное описание праздника в память посещения гимназии наследником (будущим императором Александром II) и Жуковским 2 июня 1837 г Ершов составил по просьбе Плетнева, который работал в этот период над мемуарным очерком о жизни и творчестве Жуковского

С. М. ТРОИЦКИЙ

ПИСЬМО К А. В., Е. В. И М. В. ЗЛАТОУСТОВСКИМ О ДУЭЛИ И СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА

Публикация А. В. Дубровского

Публикуемое ниже письмо студента Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии Сергея Михайловича Троицкого (Порецкого) сестрам Златоустовским от 1 февраля 1837 г представляет собой неизвестный отклик на дуэль и смерть А. С. Пушкина. Написанное по свежим впечатлениям, оно любопытно как свидетельство восприятия гибели поэта современником, не принадлежавшим ни к петербургскому высшему свету, ни к литературному окружению Пушкина.

Об авторе письма известно немного. Он родился 17 сентября 1813 г в семье пономаря с Георгиевское (на Лехти) Ростовской округи. В течение шести лет (1827—1833) воспитывался в Ярославской духовной семинарии, изучая наряду с богословскими общеобразовательные науки и медицину. В августе 1833 г Троицкий поступает в Петербургскую духовную академию. Пребывание в столице безусловно повлияло на мировоззрение молодого человека. Карьера духовного лица перестает прельщать его, он помышляет о другой стезе: «Теперьшний пост, я думаю, будет последний пост в моей жизни. В медицине никогда не

велят постыться. Да это и славно!»¹ Троицкий проявляет искренний интерес и к литературной жизни Петербурга. В письме от 7 января 1835 г., адресованном, по-видимому, кузине, Александре Васильевне Златоустовской, он приводит текст стихотворения В. Гюго «Красавице» в переводе М. Д. Деларю. Публикация этого перевода в XII книжке журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. вызвала недовольство петербургского митрополита Серафима, который нашел стихи «неприличными» и обратился с жалобой к военному министру графу А. И. Чернышеву. В результате принятых мер цензор А. В. Никитенко был посажен на гауптвахту, а Деларю отстранен от должности в Военном министерстве.²

Громкая цензурная история, судя по записи в дневнике от 22 декабря 1834 г., была хорошо известна Пушкину.³ Любопытно, что в архиве поэта находился и другой перевод, сделанный его приятелем Р. И. Дороховым.⁴

Сказались ли на богословских занятиях Троицкого новые увлечения или действовали какие-то другие обстоятельства, мы в точности не знаем. Но достоверно известно, что 23 апреля 1835 г. «за неспособностью к продолжению наук» Троицкий был уволен из Духовной академии в Ярославское епархиальное ведомство, откуда исключен по его прошению указом Синода от 14 декабря 1835 г.⁵ Отказавшись от духовной карьеры, Троицкий меняет фамилию на мирскую — Порецкий — и в том же году становится студентом Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.⁶ По окончании он был выпущен младшим лекарем в Волынский уланский полк.⁷

27 января 1837 г. произошла дуэль на Черной речке. О тяжелом ранении Пушкина Троицкий мог узнать уже на следующий день. Весть об этом быстро разнеслась по Петербургу. «В городе сделалось необыкновенное движение. На Мойке у Певческого моста (. . .) не было ни прохода ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом, извозчиков нанимали, просто говоря: „К Пушкину“, и извозчики везли прямо туда. Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта», — вспоминает И. И. Панаев.⁸ Был ли среди них Троицкий? Письмо его не дает ответа на этот вопрос. Очевидно лишь то, что в передаче событий, связанных с дуэлью, он опирался на слухи и излагал официозную версию дуэли, широко распространенную в Петербурге. Суть ее — в обличении Натальи Николаевны как главной виновницы гибели мужа⁹ и восхваление государя, который простил поэта и взял на себя заботу о его семье. Троицкий фиксирует в письме и другой ложный слух: о Дантесе как якобы побочном сыне голландского короля.¹⁰

Будучи студентом-медиком, Троицкий в целом верно описал характер ранения и траекторию пули в теле поэта. Лучшие врачи Петербурга — лейб-медик Н. Ф. Арендт и домашний врач Пушкиных И. Т. Спасский считали рану Пушкина смертельной. Диагноз опытных хирургов подтвердило вскрытие, произведенное, по всей вероятности, Спасским. Из всех лечивших Пушкина врачей он один имел диплом судебно-медицинского эксперта. По-видимому, ассистировавший ему В. И. Даль в записках «Вскрытие тела А. С. Пушкина» и «Ход болезни Пушкина» причиной смерти полагал воспаление внутренних органов брюшной полости.¹¹ Современные хирурги признают, что в лечении перитонита врачи первой половины XIX столетия были бессильны.¹²

В заключение автор письма в рамках все той же версии описывает христианскую кончину поэта¹³ и сообщает предполагаемое место захоронения.

Публикуемое письмо Троицкого, адресованное его двоюродным сестрам Александре, Елизавете и Марии Златоустовским,¹⁴ вместе с другими письмами его к родным поступило в Пушкинский Дом в 1972 г. от ярославского коллекционера В. В. Лукьянова и хранится в Пушкинском фонде.¹⁵

¹ См письмо от 18 февраля 1835 г (ИРЛИ, ф 244, оп 18, № 275)

² См Поэты 1820—1830-х годов Л, 1972 Т 1 С 763—764 (примеч В Э Вацууро)

³ См *Пушкин* Полн собр соч [М], 1949 Т 12 С 335

⁴ ИРЛИ, ф 244, оп, 3, № 23, см об этом Литературный архив М, Л, Т 1 С 149—150

⁵ См ЦГВИА, ф 316, оп 63, д 5972, л 1 (отношение Ярославской консистории в конференцию Петербургской Медико-хирургической академии от 29 октября 1835 г)

По свидетельству историка академии профессора Г Прозорова, большая часть воспитанников поступала по требованию из духовных семинарий *Прозоров* / Материалы для истории Имп Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, в память 50-летия ее СПб, 1850 С 29—31

⁷ См Официальные известия с 1-го июля по 1 сентября 1840 года // Военно-медицинский журнал, издаваемый Медицинским департаментом военного министерства 1840 Ч 36, № 2 С 295

⁸ *Панаев И И* Литературные воспоминания [М], 1950 С 96

⁹ Негативному предстанию о жене поэта, сложившемуся в пушкиноведении (*Щеголев П Е* Дуэль и смерть Пушкина Исслед и мат М, 1987, *Ахматова А А* О Пушкине Л, 1977, *Цветаева М И* Мой Пушкин М, 1967), противостоит точка зрения, согласно которой Наталья Николаевна из едва ли не соучастницы светского заговора превращена в жертву (*Благой Д Д* Погибельное счастье // *Ободовская И, Дементьев М* Вокруг Пушкина Неизвестные письма Н Н Пушкиной и ее сестер Е Н и А Н Гончаровых М, 1975, *Кулешов В И* Неясные места биографии А С Пушкина // *Кулешов В И* В поисках точности и истины М, 1986) Подробнее об этом см *Левкович Я Л* Письма Пушкина к жене // *Пушкин А С* Письма к жене Л, 1986 (Лит памятники) О преддуэльных событиях см *Абрамович С Л* Пушкин в 1936 году (Предыстория последней дуэли) Л, 1989

¹⁰ См помету в записной книжке П Д Дурново от 21 ноября 1836 г (Пушкин Исслед и мат Л, 1978 Т 8 С 261 (публ Р Е Терехениной))

¹¹ См *Щеголев П Е* Дуэль и смерть Пушкина С 181—183

¹² См, например *Шубин Б М* История одной болезни М, 1983 С 119—126

¹³ О том, как создавалась легенда о христианском раскаянии и смирении Пушкина, см *Марьянов Б М* Крушение легенды Против клерикальных фальсификаций творчества А С Пушкина Л, 1985

¹⁴ См упоминание о них в письме Троицкого к матери от 1 февраля 1837 г

¹⁵ ИРЛИ, ф 244, оп 18, № 275

1837. Февр. 1.

СПб.

Милые сестрицы!

Спешу сообщить Вам самое печальное и тяжкое известие для всего прекрасного пола. Наш знаменитый поэт, Александр С. Пушкин окончил свою славную жизнь, и, надо признаться, несчастным образом: он убит на дуэли.

Дело, видите, все из-за жены...

Один гвардейский офицер, французской нации, и, как рассказывают, побочный сын Короля, имел дерзость нарушить супружеский покой нашего поэта, и за это вызван на поединок. Вероятно, у покойного Пушкина чаще в руках было перо, чем пи-

столет. Несчастный был сражен одним разом. Пуля попала первоначально в правый бок и пролетела через все пространство брюха на левую сторону, ранивши смертельно на своем пути самые важные внутренности.

Он был привезен домой еще живым. Лучшие доктора предсказали ему верную смерть, которую он встретил, однако, по-христиански, не бывши в жизни христианином ни одной секунды. При конце жизни он просил Государя императора простить своего соперника, секунданта, и взять под свое Высочайшее покровительство жену и детей.

Вчера (31 янв.) в 12 часов ночи были его похороны, а настоящим же образом его похоронят во Пскове где-то.

А все за женщин!! О, женщины, о жены, о дев ...!
О! О! О! О! Вот мы вас!

У — у — у — у — у — у — уж!!!

Прощайте-с. Этой новости довольно, чтобы Вам потолковать об ней в обществах.

Ваш и пр<очее>

Троицкий

П. М. ПЕРЕВЛЕССКИЙ ПИСЬМА К Ю. В. ЖАДОВСКОЙ

Публикация З. И. Власовой

Юлия Валериановна Жадовская (1824—1883), русская писательница 1840—1860-х гг., более известна как поэтесса. Ее первая книга стихов вышла в 1846 г. и была замечена В. Г. Белинским (см. его отзыв в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»). Признавая, что в ее стихах «нельзя отрицать чего-то вроде поэтического таланта», критик заметил: «Жаль только, что источник вдохновения этого таланта не жизнь, а мечта» — и упрекал поэтессу за уход от реальных впечатлений действительности. Как известно, отзыв В. Г. Белинского содержал скрытую полемику с рецензентом «Отечественных записок» В. Н. Майковым, сочувственно встретившим первый сборник стихов Жадовской (положительные отзывы появились и в некоторых других журналах).

Лучшие стихи Жадовской посвящены любви и природе, раздумьям о судьбе женщины и несовершенствах существующего порядка в обществе.

Второй сборник стихов вышел в 1858 г. и был высоко оценен Н. А. Добролюбовым за простоту, искренность и задушевный лиризм: «Мы, ни мало не задумываясь, решаемся причислить эту книжку стихотворений к лучшим явлениям нашей поэтической литературы последнего времени. Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выражения — вот главные достоинства стихотворений г-жи Жадовской». Отмечая грустный характер ее лирики, критик продолжал: «... грусть эта происходит из источника более глубокого, нежели какие-нибудь мечтательные или личные раздражения. Ее сердце, ее ум действительно наполнены горькими думами, которых не хочет или не умеет разделять современное общество. Ее стремления, ее требования слишком обширны и высоки, и не мудрено, что многие бегут от поэтического призыва души, страдающей не только за себя, но и за других (<...> талант ее силен своей задушевностью и решительным отсутствием всякой аффектации».¹

Известна также положительная оценка Н Г Чернышевского, которая содержится в рукописной редакции его рецензии на первый том стихотворений Е П Ростопчиной «Можете () перебрать все стихотворения г жи Жадовской и в каждом из них вы найдете поэзию, потому что они действительно выражают неподдельные чувства женской души» Чернышевский исключил эти строки в печатном варианте рецензии, поскольку они противоречили сатирическому тону его отклика на великосветскую поэзию Ростопчиной²

Некоторые стихотворения Жадовской стали популярными песнями «Не бросай ты цветов», «Нива моя, нива», «Тот, кого любила», были положены на музыку М И Глинкой («Ты скоро меня позабудешь»), А С Даргомыжским («Я все еще его, безумная, люблю»), широко распространились в народе и дали основу для многих вариантов и переделок

Из прозы ее наиболее значителен роман «В стороне от большого света», названный Н А Добролюбовым «замечательным» Первые повести Жадовской — «Простой случай» (1847), «Переписка» (1848), «Непринятая жертва» (1849), «Сила прошедшего» (1851) — и более поздний роман «Женская история» (1861) посвящены проблемам любви, свободного выбора в браке, положению женщины в обществе, условиям ее воспитания и возможности свободного труда По общему признанию критиков, проза Жадовской в художественном отношении слабее ее лирики

Юлия Валериановна родилась в дворянской семье и рано лишилась матери Родилась она без левой руки и с тремя пальцами на правой Воспитывала ее сначала бабушка, потом тетка, сестра матери, жившая в Костроме Жадовская училась в Костромском пансионе В Прибытковой Ее блестящие литературные способности, чуткая восприимчивость при мягком, мечтательном характере привлекли внимание преподавателя словесности, молодого выпускника Московского университета П М Перевлесского В 1840 г Жадовскую взял к себе в Ярославль отец Перевлесского пригласили, видимо, в качестве домашнего учителя Одновременно он получил место в Ярославской гимназии, позднее преобразованной в известный Демидовский лицей Молодой педагог руководил занятиями и чтением своей ученицы, заботился о развитии ее таланта и литературного вкуса Взаимный интерес перешел вскоре в глубокое и серьезное чувство Жадовская занималась под руководством Перевлесского около пяти лет

Положение девушки в доме отца было нелегким Капризный и деспотичный, с крутым и вспыльчивым характером, он заставил дочь в полной мере испытать всю тяжесть домашнего гнета Когда П М Перевлесский решился просить руки своей ученицы, отец решительно восстал против брака с разночинцем Из словесных соображений он не позволил дочери выйти замуж за любимого человека

Ограниченность интересов окружавшего ее общества, деспотизм отца, считавшего естественным вмешательство в личную жизнь дочери, душевное одиночество сыграли решающую роль в становлении молодой поэтессы «Это сознание пустоты и ничтожности окружающего света составляет действительное страдание которое может понять всякий мыслящий человек»³ Она писала об этом мучительном периоде

Впереди темнеет
Жизнь без наслажденья
В сердце проникает
Скорбное сомненье
Мало ли их было,
Чистых упований
Ни одно из жарких
Не сбылось желаний

Беспощадной волей
Все они разбиты
Не было участия,
Не было защиты!
Где ж для новой жизни,
Где возьму я силы?
Знать, не будет больше
Счастья до могилы!

Отраду поэтесса находит лишь в воспоминаниях о прошлом

Лишь тебе в этом хаосе темном —
Как ни стынет от холода кровь —
Лишь тебе не пошло я проклятья
Моей юности первой любовь

Единственной любви она оставалась верна всю жизнь

Свои стихи Жадовская посылала Перевлескому в Москву. По его инициативе и рекомендации ее первые сочинения — «Лучший перл таится» и «Много капель светлых» — появляются в журнале «Москвитянин» в 1843 г. Позднее она печатается в «Московском городском листке», «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества». Отец, поверив в талант дочери, повез ее в Москву и Петербург, чтобы завязать полезные ей литературные знакомства. В Москве она познакомилась с М. П. Погодиным, некоторыми членами кружка «Москвитянина», а в Петербурге — с П. А. Вяземским, А. В. Дружининым и другими литераторами. В Петербурге вышел и ее первый сборник стихотворений, отмеченный положительными рецензиями В. Н. Майкова, А. В. Дружинина и др.

Однако, несмотря на литературную известность, положение Жадовской в губернском обществе Ярославля не изменилось к лучшему. Свидетельства тому читатель найдет и в публикуемых ниже письмах Перевлеского, и в письмах И. С. Аксакова, около года находившегося в Ярославле по служебным делам и познакомившегося с Жадовской. Он не испытывал сильного впечатления от ее личности, которое ощутимо в письмах Перевлеского. В мае 1849 г. И. С. Аксаков писал: «Жадовская не только с уродливой рукой, но и с бельмом на одном глазу и вообще очень дурна, но очень неглупа, и мы с ней подружились очень скоро»¹. В другом письме «отец ее, председатель палаты, не разлучающийся с дочерью, с страшною претензией на любовь к литературе — ужасно скучен. Жадовская прочла мне все свои стихи, выслушала от меня много строгих замечаний, которые, вероятно, будут ей полезны, и поняла их. Я прочел ей „Бродягу“, от которого она в восторге»². Как то, перебирая тетрадь ее стихотворений, которую она, забывшись, положила на стол, я нашел там послание Ак(сако)ву, написанное с год тому назад. Это послание ко мне, в котором она честит меня холодным умом, холодным сердцем и пр. Я мысленно пробежал ряд своих стихотворений (исключая «Бродяги») и невольно согласился, что в них везде виден ум, видна мысль, но теплоты мало. Впрочем, ее стихи последовали по поводу моих стихов о ней, которыми она не очень была довольна, хотя, как говорит в послании, приятна ее слуху, хотя и странная ей суровость моего стиха»³. В том же письме Аксаков заметил, что ярославское общество «очень мало интересуется Жадовской и ее талантом. Отец ее считается генге mauveton,⁴ и к дочери нет ни внимания, ни участия».

Более длительное знакомство с поэтессой вызывает у Аксакова сочувствие к ее судьбе: «Она девушка очень умная и рано созрела в своем несчастье, — писал он в ноябре 1849 г., — хотя ей всего 22 года. Двадцать два года, сорок два года — для ней не все ли равно, что ей в молодости, когда ей нечего ждать от молодости, когда дорога ее резко определена в жизни! Каким мечтам ни предавайся она, но знает, что руки не вырастут, тело не разовьется. Это горькое чувство, это исключительное положение сделали ее писательницей, и, может быть (>) она со временем, помирившись со своим положением, пойдет дальше и усовершенствует свой талант. Дай Бог!» (с. 259—260). Сестры Аксакова заинтересовались поэзией Жадовской и переписывали ее стихи,⁵ а сам он хотел даже издать сборник ее сочинений, но замысел не осуществился.

В конце 1840-х гг в лирике Жадовской появляются социальные мотивы, усилившиеся в 1860-х гг Она обращается к таким темам, как тяжелое положение крестьян («Грустная картина», «Нива»), социальное неравенство («Тунеядцам», «Чем ярче шумный пир») Лирика ее близка устной народно-песенной поэзии, связана с ней своими истоками Возможно, под влиянием П М Перевлесского, записывавшего много народных песен для П В Киреевского, она также собирает крестьянские песни Некоторые ее записи сохранились в архиве П В Киреевского⁹

Весной 1858 г Ю В Жадовская в последний раз виделась с П М Перевлесским в Петербурге По мнению В А Благово, именно этой встрече посвящено ее стихотворение, опубликованное единственный раз в «Сыне отечества» (1859 № 13 С 348, обнаружено В А Благово)

После долгой тяжелой разлуки,
При последнем печальном свиданьи
Не сказала я другу ни слова
О моем безутешном страданьи,
Ни о том, сколько вынесла горя,
Ни о том, сколько слез пролила я,
Как безрадостно целые годы
Понапрасну его все ждала я
Нет, лишь только его увидала,
Обо всем, обо всем позабыла,
Не могла одного лишь забыть я —
Что его беспредельно любила

В 1862 г 38-летняя Жадовская вышла замуж за друга семьи, пожилого врача Карла Богдановича Севена Она писала одному из своих друзей «Мне так тяжело приходилось от страстных привязанностей, связывавших мою судьбу, что у меня достало характера отряхнуть их разом, несмотря на весь их трагизм»¹⁰ По существу ее замужество было актом самопожертвования и принесло ей новые хозяйственные и моральные заботы

В Ярославле писательница уделяла много внимания Л Н Трефолеву, впоследствии известному поэту-демократу, и оказала несомненно благотворное влияние на его литературное развитие

В последние годы Жадовская часто и подолгу болела, писала значительно меньше Она скончалась от грудной жабы 28 июля (9 августа) 1883 г В ее архиве сохранилась часть писем Перевлесского, публикуемых ниже

Петр Миронович Перевлесский (1820—1866) — один из талантливейших педагогов своего времени, инициатор популярных изданий классиков, профессор Александровского лицея, известен также как автор лучших для его времени учебников и пособий по грамматике русского языка и стихосложению Он первым обратился к сокровищам устной народной речи и поэзии, широко представив в созданных им руководствах лучшие образцы народных песен, пословиц, поговорок, загадок В истории русской фольклористики Перевлесский известен как корреспондент П В Киреевского Ему принадлежат первые, уникальные для того времени, записи песен, сделанные в 1836 г в Орловской губернии (190 номеров), пословиц и поговорок в Калужской и причитаний в Ярославской губерниях М К Азадовский отметил, что его записи «принадлежат к числу лучших в собрании П В Киреевского, выделяясь тщательной передачей говора», так как Перевлесский «уже в 1836 году правильно судил о значении диалектологических особенностей языка для его истории»¹¹

Несмотря на то что имя Перевлесского часто упоминается в биографиях и статьях о Жадовской, а также в историко-фольклористической литературе, его деятельность не стала объектом специального исследования литературоведов. Биографические сведения о нем крайне скудны: две-три статьи в биографических словарях с весьма приблизительными, а порою и неточными сведениями, несколько некрологов-воспоминаний и послужной список в архиве Александровского лицея — вот все, чем располагает исследователь. Остановимся поэтому здесь на его характеристике подробнее.

Петр Миронович Перевлесский вышел из среды разночинцев и прошел суровую жизненную школу. Отец его, дьякон с. Перевлеса Пронского уезда Рязанской губернии, умер рано, оставив нищими вдову и сына. Мальчик был помещен в казенную бурсу Рязанской духовной семинарии, где плетка и розга считались важнейшим средством воспитания.¹² Перевлесский учился отлично и с интересом. При

содействии попечителя Рязанской гимназии Н Г Рюмина ему удалось поступить в Московский университет на казенный счет В 1838 г он окончил философский факультет Педагогического института при Московском университете и существовал какое то время переводами и рецензиями ¹³ В 1839/1840 г он преподавал в Костромском пансионе Прибытковой, где у него начала заниматься Жадовская, и вскоре, как мы уже знаем, получил место в Ярославской мужской гимназии, позднее преобразованной в Демидовский лицей Получив на сделанное им предложение «руки и сердца» суровый отказ, Перевлесский уехал в Москву, где начал преподавать словесность и русский язык в Московском дворянском институте, Лазаревском институте восточных языков и в Александровском училище Вскоре он стал известен как один из образованнейших и выдающихся педагогов своего времени Писатель Г П Данилевский, слушавший лекции Перевлесского в Московском дворянском институте и потом поддерживавший с ним связь до самой кончины своего учителя, с чувством глубокой признательности вспоминал о том, что преподаватель словесности не ограничивался программой курса, а знакомил учащихся со всеми лучшими произведениями русской литературы, выходившими из печати «Бессмертную комедию Грибоедова, как и всего почти Лермонтова, мы знали наизусть Перевлесский познакомил нас и с первыми стихотворениями Аполлона Майкова, незадолго перед тем появившимися в печати и ходившими в списках» В 1844 году, когда мы были в IV классе, Перевлесский принес нам однажды красиво изданную книжку, на которой стояла надпись „Гаммы Стихотворения Я Полонского“ — С новым талантливым поэтом, господа! — сказал он с обычной своею шутовщиной, мягким развальцем входя с книгой подмышкой на классную кафедру И мне помнятся доньше этот класс, ярко освещенная весенним солнцем комната, свежий румянец щек тогда еще молодого любимого нашего учителя, его густые, черные, как вороново крыло, волосы, красивыми скобками спадавшие на синий бархатный воротник его всегда изящного, без пылинки, вицмундира, разогнутая книга „Гамм“ и темно-карие, радостно с кафедры улыбающиеся нам его глаза ¹⁴

Перевлесский не был удовлетворен существовавшими тогда учебными пособиями и начал работать над составлением новых, более понятных и доступных для учащихся Им были изданы «Практическая грамматика» в четырех частях, «Полный русский синтаксис», «Грамматика старославянского языка», «Русское стихосложение» Грамматические руководства Перевлесского привлекли внимание общественности Почти все периодические издания, независимо от различия направлений, положительно оценивали каждое новое издание руководства «Современник», «Отечественные записки», «Известия Академии наук», «Москвитянин», «Сын отечества», «Рижский вестник», даже «Северная пчела» О его трудах одобрительно отзывались Ф И Буслаев, А Х Востоков, А Н Пыпин, И В Срезневский и другие ученые и педагоги того времени

«Практический синтаксис» Перевлесского изучал Н Г Чернышевский, когда готовился к пробной лекции в штабе военно-учебных заведений в 1850 г, о чем упоминал в своем дневнике и письме к М И Михайлову ¹⁵ В 1855 г, рецензируя «Грамматические заметки» В Классовского, Чернышевский ставит ему в заслугу знакомство с работами Перевлесского, имя которого упоминает наряду с именами Буслаева, Беккера, Гумбольдта, Кюнера ¹⁶

По свидетельству Н П Барсукова, Перевлесский был знатоком редких библиографических и биографических сведений, так как тщательно собирал материалы для дешевого издания классиков ¹⁷ Сборники выходили в виде отдельных выпусков и включали всю имеющуюся в то время журнальную критическую литературу, чтобы учащимся, особенно малоимущим, не нужно было разыскивать журналы Таким образом были изданы сочинения Кантемира, Ломоносова, Тредьяковского, Фонвизина, Языкова Первый выпуск — «Сочинения М В Ломоносова» — похвалил в рецензии В Н Майков, указав, что Перевлесский впервые

опубликовал 15 стихотворений, ранее не входивших в издания сочинения Ломоносова¹⁸

В период службы в Москве, который можно было бы назвать «второй московский», Перевлесский отходит от славянофилов и испытывает сильное влияние Т. Н. Грановского. Его заметку о немецких народных преданиях он включил как тему для изучения в составленный им учебник. Пристально следит молодой педагог за появлением статей Белинского. Об этом свидетельствует его письмо, в котором сообщается про отзыв Белинского на первый сборник Жадовской. Оценки, данные Белинским писателям XVIII в., включались Перевлесским в состав каждого выпуска сочинений того или иного классика. «Русское стихосложение» Перевлесского подверглось нападкам в «Москвитянине», но получило одобрение «Современника», особо отметившего раздел «Образование стиха в народных песнях», где «прекрасно исследованы многие свойства тонического стихосложения, свойственного народной лирике, и указаны особенности построения наших народных песен»¹⁹. Б. В. Томашевский упоминает «Стихосложение» Перевлесского наряду с «Версификацией» В. Клавдиевича Клавдиевского как одно из исследований, воплотивших классически-догматическое учение о русском стихе²⁰.

Задумав издать отдельным выпуском сочинения Г. Р. Державина, Перевлесский через родственника В. Г. Белинского Д. П. Иванова обращался к великому критику по интересующим его вопросам. В письме к Иванову Белинский писал: «Г-ну Перевлесскому скажи, что статья о Державине («Отечественные записки» 1843, № 2 и 3) моя и что он может ссылаться на нее и делать из нее выписки или что там нужно ему»²¹. Белинский знал о работах Перевлесского и, надо полагать, относился к ним доброжелательно. В обзоре «Русская литература в 1842 году» он называет в числе интересных статей критического отдела «Отечественных записок» рецензию А. Д. Галахова «О грамматиках г-на Перевлесского»²². Сочинения Г. Р. Державина Перевлесским изданы не были, так как вскоре ему пришлось уехать из Москвы.

В 1851 г. Перевлесский вызвал неудовольствие попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова своей статьей «О пуризм в чтении русских писателей юношеству»,²³ о которой, однако, одобрительно отозвались «Отечественные записки». «Г-н Перевлесский в умной и дельной статье своей (< >) решает вопрос, что надо читать в классе. Он справедливо вооружается против тех остальных пуристов, которые суют в руки одного только Карамзина и страшной опалой карают, например, Гоголя, тогда как многие произведения последнего могут и должны быть читаны в классе»²⁴. О выговоре, сделанном за статью графом Строгановым, Перевлесский рассказывает в письмах Жадовской. Однако Строганов ограничился лишь выговором, а после его ухода с поста Перевлесскому пришлось оставить Москву: новый попечитель приказал перевести его инспектором в Костромскую гимназию. Только отличные рекомендации помогли ему найти службу в Петербурге. Благодаря покровительству И. И. Давыдова Перевлесский смог получить место адъюнкт-профессора в Александровском лицее, откуда незадолго до того ушел Я. К. Грот.

В Александровском лицее Перевлесский ввел в преподаваемый им курс русского языка занятия по изучению народной речи и знакомил лицейцев с лучшими образцами устной народной поэзии. Товарищ его и коллега М. Раевский писал: «Выросший среди народа, в борьбе с нуждой дошедший до учительства, Петр Мионович знал и горячо любил народ, глубоко сочувствуя его радостям и печалю. Это знание и любовь он постоянно передавал ученикам»²⁵. Построенный Перевлесским курс был своеобразной пропагандой народного языка и творчества среди привилегированной лицейской молодежи. Преподаватель учил с любовью и уважением относиться к языку и художественно-поэтической мысли народа. «Важность народной речи как представительницы ума, быта народного неоспорима, она относится к образованной литературной речи, как самородный камень к изысканно

отделанному А за всем тем изучение языка наших песен и сказок плохо, немногие посвящают ему свои дарования и досуги < > Для многих же речь наших песен и сказок не только мало знакома, но даже и вовсе чужда»²⁶

Лекции Перевлесского были популярны среди лицеистов В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилось множество воспоминаний его бывших учеников «Среднего роста, худощавый, бритый, с прическою à la Гоголь, которого он напоминал лицом, Петр Миронович с любовью и серьезно относился к преподаваемому им предмету» (Денисьев), «Преподавали нам много предметов и очень различных, но ни одним не увлекались мы так горячо и с такой любовью, как литературой, чем были исключительно обязаны личности и уменью вести дело Петра Мироновича Перевлесского, преподававшего русскую словесность < > Скажу без ошибки, что это был самый симпатичный и самый любимый нами преподаватель < > Основной курс русского языка был сух и ограничивался лишь прохождением синтаксиса и грамматики славянского языка, но Перевлесский умел оживить это сухое содержание тем, что чередовал на своих лекциях изложение правил беседами о литературе и чтением в классе лучших произведений Читал Перевлесский превосходно, причем распространял свое чтение и критическим разбором прочитанного, мнения его были удивительно верны и метки Помимо преподавательского таланта он удивительно привлекал каким-то обаянием всей своей личности Это был вполне русский человек со всеми хорошими качествами русских людей» (А Л Соколовский)²⁷

В период преподавания в лицее Перевлесский подготовил и издал первое полное собрание стихотворений Н М Языкова²⁸ Он включил в него не только уже известные в печати стихи, но и ряд новых, еще не публиковавшихся, сообщенных ему братом поэта А М Языковым²⁹ Он был знаком не только с Языковыми, хотя этот факт интересен сам по себе, но и с кружком близких им лиц Так, друг Н М Языкова и А С Пушкина А Н Вульф посещал Перевлесского, о чем упоминается в предисловии к изданию

Н А Добролюбов отозвался об издании стихотворений Н М Языкова иронически, высмеяв объективизм составителя в подборе критических заметок и безоговорочно причислив Перевлесского к славянофилам,³⁰ что, как видно из публикуемых ниже писем, в тот период не было справедливо На мнение критика повлиял тот факт, что в начале 1840-х гг статьи Перевлесского помещались в «Москвитянин», а также покровительство И И Давыдова, помнившего Перевлесского по Москве и ценившего его деятельность в области народного просвещения Фактически с конца 1840-х гг Перевлесский уже иронически относится к М П Погодину как издателю, по существу порывает с «Москвитянином», ориентируется на статьи Белинского, с интересом следит за литературной деятельностью Герцена Он остро реагирует на сословное неравенство в обществе и с плохо скрытым раздражением пишет Жадовской о пышной церемонии похорон Голицына, который не имел никаких заслуг перед народом и Отечеством

Петербургский период не был счастливым для Перевлесского — мечты о журнальной деятельности не осуществились, он до самой смерти оставался преподавателем Александровского лицея, 13 лет был секретарем Лицейского совета Из некрологов и мемуаров известно, что жил Перевлесский очень скромно и сильно нуждался В 38 лет он женился на дочери чиновника 12-го класса Екатерине Александровне Колотовой, в 1864 г у них родился сын Сергей Издания Перевлесского расходились плохо, ему приходилось самому выкупать большую часть тиража В годы, предшествовавшие крестьянской реформе, Перевлесский усиленно занимался просветительской деятельностью, изучал быт различных социальных групп населения Петербурга, посещал мастерские ремесленников, записывал сведения об их быте и труде, часто бывал на публичных лекциях, интересуясь оценками происходивших в государственном и общественном укладе перемен

В начале 1865 г у него впервые проявились признаки умственного расстройства. Он попал в лечебницу и 3 сентября 1866 г скончался в возрасте 46 лет (похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге). Жена его умерла в 1875 г, 39 лет, а 11-летний сын был отправлен в лицей на казенный счет, в 16 лет он умер. Никаких следов небольшой, но ценной библиотеки Перевлесского, о которой в своих воспоминаниях писали посещавшие его лицейцы, обнаружить не удалось. Неизвестна и судьба архива, где наряду с письмами многих известных современников могли быть и письма Жадовской. Поскольку найти последние надежды нет, публикуемая переписка носит односторонний характер, это письма только одного адресата, но из них можно многое узнать и о письмах другого — из ответов, цитат, возражений и оправданий. Поскольку сын Перевлесского скончался, не достигнув совершеннолетия, архивные материалы отца, скорее всего, частью были уничтожены, частью разошлись по рукам.

Письма Перевлесского, сохранившиеся в архиве Жадовской, относятся ко «второму периоду» его московской жизни. Они уцелели далеко не полностью. Неизвестно, когда и почему прекратилась переписка. Полностью отсутствуют письма за два года — 1843-й и 1845-й. В имеющихся письмах многое не договаривается (по вполне понятным опасениям), многое читается между строк. Не сохранились и окончания некоторых писем. Можно предположить, что прекращение переписки было связано с женитьбой Перевлесского.

Тем не менее публикуемые письма представляют интерес и для историков литературы, и для фольклористов, и для читателей, любящих историю русской поэзии не хрестоматийно и не в избранных образцах. Они проясняют характер отношений, отдельные факты биографии и литературной деятельности каждого из адресатов, помогают понять общественную позицию автора писем. Кроме того, Перевлесский рисует картину литературной, театральной и общественной жизни Москвы конца 1840-х гг (концерты С Шоберлехнер, бенефис М С Щепкина, похороны князя Д В Голицына, дуэль графа Андре де Салиаса с П И Фроловым, о которой упоминается лишь в немногих мемуарах конца века, и др). Письма интересны, наконец, и с точки зрения познавательной: перед нами биография и психология разночинца, вырабатывающего собственную оценку современных ему событий.

Письма сшиты нитками в отдельную тетрадь и хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ф 448, оп 1, ед хр 8). Некоторые письма не имеют подписи — вероятно, часть листов утрачена.

¹ Добролюбов Н А Полн собр соч М, 1956 Т 3 С 133—147

² Чернышевский Н Г Полн собр соч В 15 т М, 1947 Т 3 С 836 См также Добролюбов Н А Полн собр соч Т 5 С 136

³ Добролюбов Н А Собр соч Т 5 С 138

⁴ Несколько иную характеристику внешности Ю В Жадовской дает ее двоюродная сестра Н Федорова. Приведем ее, поскольку она объясняет отчасти увлечение Перевлесского Юлией Валериановной «Наружность Жадовской была очень симпатична < > Она была среднего роста, тонка и чрезвычайно грациозна в молодости, несмотря на свой недостаток. Цвет лица у нее был очень нежный, длинные, густые, мягкие, как шелк, волосы орехового цвета опускались ниже колен. Глаза темно-серые, задумчивые и грустные, ноги были замечательно хороши и гибки. Характер ее был чрезвычайно ровный, веселый и даже резвый от природы» (Исторический вестник 1887 № 11 С 396).

⁵ Поэма «Бродяга» (1846) была запрещена цензурой. Аксаков был вызван министром внутренних дел Л А Ланским, который предложил ему подать в отставку по его мнению, пишущие чиновники не годились для службы «Служить — так не писать, писать — так не служить», — сказано было в свое время и В И Далю.

⁶ И С Аксаков в его письмах М., 1888 Т 2 С 168, 172 Далее ссылки на этот том приводятся в тексте

⁷ Человек дурного тона (*фр*)

⁸ В С Аксакова сообщала стихи Жадовской в письме к Е И Елагиной, прилагая отдельным списком «Я в поздние сумерки часто», «Ты скоро меня забудешь», «Как хорошо! В безмерной высоте», в конце приписка «Какова Жадовская!» (ИРЛИ, шифр ф 10795)

⁹ ЛН 1969 Т 79 Песни, записанные писателями С 569—572

¹⁰ Иванов И Поэзия и личность Ю В Жадовской // Почин М., 1896 С 276
Подробнее биография и творчество Жадовской рассмотрены в кн *Благово В А Поэзия и личность Ю В Жадовской* Саратов, 1981

¹¹ Азадовский М К История русской фольклористики М., 1958 Т 1 С 366

¹² Ростиславов Д И Записки // Русская старина 1893 № 4 С 61—62

¹³ См., например Альманах «Галатея» 1839 Ч 5 и 6

¹⁴ Данилевский Г П Московский дворянский институт // Собр соч СПб, 1892 Т 6 С 387—390

¹⁵ Чернышевский Н Г Дневник // Чернышевский Н Г Собр соч М., 1939 Т 1 С 111, см также Т 2 С 686

¹⁶ Там же Т 2 С 686

¹⁷ Барсуков Н Жизнь и труды М П Погодина СПб., 1886 Т 9 С 111

¹⁸ Майков В Критические опыты СПб., 1891 С 425—433

¹⁹ Современник 1853 № 3 Отд IV С 12—15

²⁰ Томашевский Б В Русское стихосложение Пг., 1923 С 142

²¹ Белинский В Г Собр соч М., 1959 Т 12 С 327

²² Там же Т 6 С 540

²³ Библиотека для воспитания 1845 Отд 2, ч 2 С 35—46

²⁴ Отечественные записки 1846 № 1 Отд 6 С 31

²⁵ Рус инвалид 1866 № 251, 10 сент С 4

²⁶ ИРЛИ, ф 157, оп 1, ед хр 310, 311 (лекции в записи Д Н Львова)

²⁷ Там же, ед хр 315, л 23—25

²⁸ Языков Н М Стихотворения СПб., 1858 Ч 1 и 2

²⁹ Там же Ч 1 С III—IV

³⁰ Добролюбов Н А Собр соч Т 1 С 487

1

Шестнадцатое июля — Ваш праздник. Прошлой год я имел счастье быть на этом празднике и теперь еще вспоминаю о нем как об одном из лучших дней моей ярославской жизни. Нынче судьба сулила мне иное, она лишила меня даже того удовольствия, чтобы лично поздравить Вас с днем ангела. И вот я из душевной и хлопотливой Москвы принужден поздравлять Вас на этом клочке бумажки

Чего бы пожелать Вам в этот радостный для Вас день? Затрудняюсь — думаю, вы столько наслушались различных пожеланий, что мне ничего не осталось сказать Вам. На выдумки я не мастер А желать чего-нибудь надобно, это ввелось в такой неискоренимый обычай!

От души желаю, чтобы Ваш выход на поприще литературы был так же блестящ и такой же бы встретил прием от публики и ценителей, каким встречен был этот молодой поэт,¹ которому я поручил вместо себя поздравить Вас с ангелом. Желаю еще, чтобы такое же трудолюбие, как у г. Майкова, было всегдашним спут-

ником Ваших счастливых дарований; желаю талантам Вашим совершенствоваться не по дням, а по часам и даже по минутам. Вот Вам и мои искренние желания!

Москва 1842, июля 10.

П. Перевлесский.

PS. Извините, что так плохо написал письмо свое. Валериану Никандровичу² свидетельствую свое глубочайшее почтение и честь имею поздравить с именинами дочери. Мне не хочется в этот день отставать от людей, преданных Вашему семейству.

¹ А. Н. Майков, находившийся в это время в Ярославле

² Валериан Никандрович Жадовский — отец Ю. В. Жадовской

2

В беседах с Вами, добрая Юлия Валериановна, я ни разу не слышал о статьях Б (елинского) для чтения нынешнего года. Думаю, что они к Вам не доходили. Если не ошибся я в своем предположении, то моя посылка будет кстати. Если же ошибся, то прошу у Вас снисходительного извинения. Впрочем, хотя и известно, я должен прибавить и то: если Вам угодно будет оставить первый номер для чтения, то потрудитесь поспешить возвращением. Нельзя ли хоть в понедельник?

1843, апреля 2.

П. Перевлесский.

3

14 янв(аря 1844 г.).

Сегодня бенефис Шепкина,¹ дают «Иваной» Шаховского,² переделанный из романа В. Скотта. Самая ранняя и пошлая переделка! Удивляюсь, как ее мог избрать для своего бенефиса первоклассный европейский актер. Публика зевала да сидела. Все вышли бы чрезвычайно недовольны бенефициантом, если бы «Наталка Полтавка» не скрасила дела. Щепкин в роли выборного Макогоненко был до крайности хорош.

Не получили ли Вы от Потемкина книги, для Вас мною купленные? Угодил ли я Вам? 15 января открылись публичные лекции средней истории.³ Дамы встретили профессора рукоплесканиями. Каковы! Вот наши судители и судьи и, слава Богу, снисходительные и добрые. Публики после святок прибавилось — много видел лиц новых, прежде невиданных.

Шевырев на днях спрашивал об Вас: как Вы приняли, что мы без Вашего спросу дерзнули напечатать две Ваши пьески.⁴ Сердитесь или нет? И что вы делаете? Не торопитесь присылкою «Москвитянина» — да постарайтесь выслать с *оказией*, а не по почте. Некогда заезжать на почту, утро все занято.

¹ Михаил Семенович Щепкин (1788—1863) — великий русский актер, один из основоположников русской реалистической школы сценической игры, создал на сцене галерею образов «маленьких людей»

² Александр Александрович Шаховской (1777—1846) — драматург и театральный деятель, руководил петербургской драматической труппой в первой четверти XIX в., член консервативной «Беседы любителей русского слова», написал около 60 пьес, оригинальных и переводных, в их числе «Иваноз, или Возвращение Ричарда Львиного Сердца»

³ Речь идет о лекциях известного профессора Московского университета Т. Н. Грановского, имевших шумный успех не только среди студентов, но и в среде образованных москвичей

⁴ Жадовская по инициативе Перевлесского дебютировала в журнале «Москвитинин» двумя «пиесами», т. е. стихотворениями «Лучший перл таится» и «Много капель светлых»

4

20 янв (аря 1844 г.)

Сегодня мне сделали предложение занять новую должность в Институте Лазаревых — должность помощника инспектора Жалованье — 1000 рублей асс<игнациями>, квартира с освещением и столом. Боюсь, не слишком ли много отнимет времени и свободы эта должность. Если бы я был женат, конечно, я бы очень обрадовался такому предложению и не замедлил бы им воспользоваться. А теперь призадумываюсь. Теперь же, по моему мнению, лучше в поле да на воле, чем в золотой клетке, да на ветке. Впрочем, подумаю. Жаль одного: не с кем посоветоваться от души. С товарищами советоваться — нельзя не подозревать зависти. каждому из них было бы лестно получить место в две тысячи дохода. Один только Давыдов может мне посоветовать что-нибудь или отсоветовать ¹ К нему обращаюсь.

¹ Иван Иванович Давыдов (1794—1863) — в то время руководитель кафедры русской словесности в Московском университете, впоследствии — сенатор и академик, автор ряда пособий по русской словесности, греческому и латинскому языкам, отличался консервативностью взглядов

5

22 января (1844 г.)

Нечаянно, ехавши из пансиона, встретился с вашим ярославским профессором Байковым. Как весело! Минуты две перебросили кой-что об Ярославле, и мне казалось, я побывал в нем самом и гостил долго. . . . Некогда было побольше поговорить: я спешил на публичную лекцию Грановского. После Нового года заметно прибавилось публики; начали являться дамы вовсе не аристократические, а довольно (судя по платью) небогатые, возможно помещицы из матушки России, убежденные к тому своими детками, студентиками. Блистательные лекции! Рукоплескания не умолкают; видно, публика поняла и приглубить хочет науку; видно,

и наука поняла себя и не является сухим, скучным и безжизненным скелетом — пугалом для легких головок дамских. Люблю я смотреть и любоваться этой аудиторией, где собраны «. . .цвет столицы, и знать, и моды образцы, везде встречаемые лица» и «необходимые глупцы».¹ Люблю смотреть я на эту хитрую улыбку дам, когда профессор с ликом бесстрастия рассказывает про трубадура, которого *песнь любви его даме мыслей* не понравилась ее мужу, и тот проколол ему за это язык. Сколько, я думаю, собственных мыслей и воспоминаний заронится у иной в голове при этом рассказе про былое. Люди всегда люди, хотя нынче не прокальвают языков трубадурам, затем что нет трубадуров, зато ныне *религиозные ссоры и драки* иногда прикрывают подобные темные истории, во очию вашей вашей совершающиеся.

¹ Цитаты из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 8, строфа XXIV)

6

16 фев(раля 1844 г.).

Прошла шумная и безумно веселящаяся масленица, и настал пост — время молитвы, покаяния, концертов и живых картин. И мне недурно начать тоже покаянием. Три уж недели, как я получил Ваше приятнейшее письмо и все не соберусь ответить. То служба, то в гостях, то в концерте, то дома возишься с бестолковыми мараниями — хотя их громко называют сочинениями — институтских ребятишек или с безграмотными писаньями пансионеров — вот Вам и день, и вечер. Нынче вовсе мало пишу, а об литературных сочинениях и не думаю. Мне скучно — надоело быть нянькой чужих детей, и я в душе решил переменить службу. Жду только, когда кончится кабала за мое университетское образование — и тогда прощай Москва!¹ С одними нуждами и надеждами на Бога и добрых людей поеду в Петербург искать счастья. Найду ли его? Может, меня в грядущем ждет одно горе и неудачи; может, я паду под гнетом неприязненных обстоятельств, а может? Будь, что будет. Быть вечным циферблатом с неподведенными стрелками для ленивых и неблагодарных — о, это ужасно, ужасно адски! Не то же ли бедный учитель? Блаженни зрящие, но невидящие — увы! Я не из этих блаженных! Черт с ними, деньгами, когда они ведут за собою безнадежность, живую смерть и не представляют впереди никакой перспективы; лишь далеко-далеко виднеется сухое безлистненное дерево, на нем же кусок черствого и редко мягкого хлеба. Это дерево с хлебом по смыслу уложения гражданского зовется *пенсией*. Неужели из этого стоит изживать жизнь нашу? Рай? Что за безрассудность! Не думайте, чтобы я эти строки писал в мрачном расположении духа, напротив, я еще никогда не был так весел, как в сию минуту. Я еще живу под влиянием чудных звуков чудной Шоберлехнер² — я сейчас только с ее концерта. Пробыло одиннад-

цать, завтра дела много, и я прерываю с Вами задушевную свою беседу

¹ Студенты, обучавшиеся в университете на казенный счет («казенно-коштные»), были обязаны во время последующей службы возместить стоимость обучения «Казенные воспитанники < > не могут без важных причин оставить учительского звания, не прослужа в нем по крайней мере шесть лет от определения в должности» (*Шевырев С П* История имп Московского университета (1755—1855) М., 1855 С 319)

² Шоберлехнер София (Софья Филипповна), урожд Далль-Окка (1807—1855) — певица (драматическое сопрано), жена немецкого композитора Франца Шоберлехнера (1797—1843), пела в Итальянском театре и с успехом дебютировала в Петербурге в Итальянской опере в 1827 г

7

21 февр<алья>. Москва, 1844 <г.>.

Приятно, что мне удалось исполнить ваше поручение удачно;¹ угодил Вашему разборчивому, но не капризному вкусу; но мне всего приятнее было читать последнее Ваше стихотворение «Расцветшему гиацинту».² Оно, кроме выражения Вашей личности, имеет и общее значение. Ах, сколько на свете гиацинтов, незримо расцветающих и отцветающих в глуши, в тиши от света и людей!

Не оставляйте переводов с немецкого, кроме Ваших классных упражнений. Последние, я вижу, не очень-то гармонируют с Вашей поэтической душой, и Вам скучно; вижу, г. В<ронченко>³ Вас не понимает и в душе он не поэт. Оттого у Вас нет симпатии или того неразгаданного духовного родства, которое соединяет часто людей различных и далеких — и Вам скучно. Что же делать, мой друг?

Вся тварь разумная скучает,
Таков уж положен предел
Его ж никто не преступает ⁴

Да, скучно, а впереди целая жизнь! Эта скука меня давит теперь более, нежели когда-нибудь, хотя дела по службе идут самым лучшим образом. Значит, человеку еще что-нибудь надобно, кроме успехов по службе!

¹ Жадовская, видимо, благодарила Перевлесского за присылку книг

² Присланное Перевлесскому в письме стихотворение не было тогда опубликовано

³ Михаил Иванович Вронченко (1801—1855) — переводчик Шекспира, Гете, Байрона, Мицкевича, друг Н М Языкова по Дерптскому университету, ревизовал в Ярославле Демидовский лицей и бывал у Жадовских В архиве Жадовской сохранилось значительное число его писем

⁴ Цитата из произведения А С Пушкина «Сцена из Фауста»

22 февр<аля 1844 г.>.

Шоберлехнер поет просто чудесно! С ней никак не могут идти в сравнение примадонны немецкой оперы Нейрейгер и Валкер. Концерты — единственное наслаждение в великий пост, а для меня они были бы и всегда лучшим наслаждением. Это удовольствия чистые, поэтические, после себя не оставляющие ничего мутного и тягостного на душе. Бывая на концертах, много жалею, что я не музыкант. Право, в минуты безотрадные музыка была бы для меня другом лучшим. Скрипка Омана нравится, но не привлекает многочисленных посетителей. Это огорчило артиста. Впрочем, тут много виновата жадность артиста к деньгам; он, наслушавшись людей неразумных, назначил непомерно высокую цену за билеты — вообразите, бельэтаж был шестьдесят рублей ассигнациями. Хоть у кого охоту отобьет ездить на концерты. Деньги еще на многое нужны.

Что нового представляет литература? Право, ничего. Давно ожидаемые повести кн. Одоевского¹ все еще не являются — трудно даже подписываться на них в Москве. Книгопродавцы не берутся за это дело; да, что-то очень мешкотно он печатает. Сочинитель «Сенсаций Курдюковой» умер в Петербурге скоропостижно, после обеда у своей матери.² Его в Москве очень жалеют, особенно дамы. Они даже говорят: «Вот еще значительная потеря в литературе!» Приговор этот пристрастен и преувеличен. Мятлев никогда не был замечательным литератором. Странно, что доселе ничего не пишут в газетах о смерти его. Пора бы. Известие по Москве распространилось из частных писем.

Погодин³ весною едет за границу и, поговаривают, надолго, лет на семь, со всем семейством; отказывается от университета! Болен беденькой! Знать, труды литературные слишком изнурительны.

Перевод Шекспира приостановился — от безучастия публики. Я слышал, Вам было желательно иметь хрестоматию Галахова.⁴ Подождите, она скоро выйдет вторым изданием, гораздо улучшенная. К ней прибавится частично из истории литературы. Для ярославцев она будет интересна и тем, что в числе лучших произведений духовного красноречия будут помещены две проповеди вашего ярославского оратора отца Родиона.⁵ Если Киев гордится своим прежним оратором Левендою, то Ярославль в наше время может гордиться Пулягиным. Есть чем, если кто понимает, в чем состоит искусство красноречия, и умеет ценить таланты. А у вас этот талант никнет в тишине.

Сердечно благодарю Вас за то беспримерное живое участие в судьбе г. Смирнова,⁶ какое Вы постоянно принимали. Он мне пишет, что уже послано представление в Петербург. Поблагодарите за меня Вашего папá. Ко мне пишут о ваших баснословных свадьбах : Авдеева и какого-то Мамонтова.⁷ Вот что значит эгоизм

и корыстолюбие! Святость таинства, сила общественного мнения — все ничто. Страшно за Ярославль.

¹ Владимир Федорович Одоевский (1804—1869) — писатель и музыкальный деятель. Упоминаются его новеллы, объединенные в сборник «Русские ночи» (СПб, 1844, продавался в августе—сентябре)

² Иван Петрович Мятлев (1796—1844) — поэт, автор известных стихов «Фонарики», «Розы» и юмористической поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», где остроумно высмеивается увлечение иностранщиной в дворянском быту

³ Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — историк, профессор Московского университета, редактор журнала «Москвитянин», был за границей в 1835 и 1842 гг., в 1844 г. вышел в отставку, но за границей на этот раз не был из-за перелома ноги, произошедшего вследствие падения с дрожек

⁴ Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) — историк литературы, критик, составитель известных учебных пособий и хрестоматий. Здесь упомянута его «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» М, 1843 Ч 1—2

⁵ Родион Путятин — ярославский священник, известный как религиозный проповедник и оратор

⁶ О ком идет речь, установить не удалось

⁷ Кто имеется в виду, неизвестно

9

24 <февраля 1844 г.>.

Сегодня, встретясь с Галаховым, говорил о Вас; через него — он участвует в «От<ечественных> зап<исках>» — мне хочется Вас познакомить с редактором «От<ечественных> записок» и поместить несколько пьес Ваших. Или не нужно? Какая цель? Разве для того чтобы шутки ради порою слышать мудреные отзывы ваших ярославских бар, претендующих на право судить и рядить литерат<урные> произведения с видом знатока. Впрочем, в жизни Вы встретите много Андреевых и Коковцевых. Не пугайтесь.¹ Напротив, пьеска Ваша прекрасна и кстати. Думаю, Вы меня понимаете. Конечно, Вы позволите мне из ваших пьес сделать доброе распоряжение. Вы можете быть уверены, что все это будет сделано только к чести Вашего счастливого дарования. Мне ничего так в свете не хочется, как Вам счастья, а таланту Вашему — нерекнушей славы.

П. Перевлесский

¹ Видимо, Жадовская писала об отношении к ее стихам гг. Андреевых и Коковцевых — «ярославских бар», — и сообщала Перевлесскому список своего стихотворения, вызвавшего их неудовольствие. Поскольку стихотворение не названо, трудно судить, о каком именно из ее произведений шла речь

10

1844 <г.>. Апреля 16.

Праздник; можно побеседовать со своими далекими друзьями; между ними я почитаю Вас первыми, добрая Юлия Валериановна!

В то время как Москва печальна и служит панихиду по своему градоначальнику — а между прочим, князь Голицын был добрый человек — о чем же поведу речь мою? Конечно, о том, что занимает всех.¹ Князя Голицына, умершего в Париже, по извещению «Journal de Debat» 27 марта, будут хоронить в Донском монастыре; гроб ждут к 27 мая. Церемония торжественна и величественна. Недурно жить для блага человечества! Можно завидовать таким почестям, когда они отдаются заслугам, а каким? Про это скажет история или, по крайней мере, позднее время.

¹ Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844) — московский военный генерал-губернатор.

11

4 мая (1844 г.).

Грустно, что я по-прежнему не могу пока вести с Вами часто беседу. 16 апреля и 4 мая — какое огромное расстояние! Досадую на устройство моих хлопотливых обстоятельств: вот что значит сделаться *чернорабочим*!¹ Первое мая Москва встретила в Сокольниках шумно, душно и пыльно. Гуляла тьма народу; экипажей бездна: хорошеньких мало, разряженных пропасть. И я, урвав часочек, позевал на толпы веселящихся, поглотал пыли и уехал домой, довольный тем, что увлекся общим движением. Сегодня по рукам ходит высочайше утвержденный церемониал для погребения кн. Голицына. Не сообщая его Вам затем, что вероятно он будет напечатан в газетах. Одно только скажу, давно на Руси не воздавали таких почестей умершим сановникам. Честь заслугам, а еще больше честь утаящим заслуги!

¹ Видимо, Перевлесский имеет в виду свою занятость в двух институтах: Московском дворянском и Лазаревых.

12

10 (мая 1844 г.).

Перед церемониалом довольно задолго ходил по Москве памфлет на здешнюю аристократию, который разоблачил московские тайны. И эти вслух рассказанные тайны наделали много шума в столице и сочинителю их обошлись чуть ли не тяжело очень, тогда как рассказчик парижских тайн был осыпан рукоплесканиями и шумными одобрениями.¹ Говорят, что составитель памфлета, в котором, между прочим, чудесно отделаны Солнцев и Синявина, оставляющие Москву по случаю перемещения ее мужа в Петербург, — г. Фролов.² Не желая подвергаться справедливой ответственности как оскорбитель личностей, он отказался и оклеветал в этом деле графа Салиаса.³ При следовании откры-

лось, что граф Салиас по-приятельски и как природный француз поправлял только слог этого памфлета, совсем не подозревая умысла Князь Щербаков, военный губернатор, указал г Салиасу, кто его обвинял в этом А он, не будь дурен, хватъ Фролова хлыстом на гулянье в Петровском парке Это было поводом к дуэли, к(ото)рая и происходила в четырех верстах от Москвы в д Фильках Граф Салиас, несмотря на то что отличный стрелок, был очень тяжело ранен, так что опасались за жизнь

Вы мне пишете, что я ничего не говорил о Ваших последних пиесах Я писал Вам, неужели этого последнего письма Вы не получили? Это меня беспокоит На днях, переписывая опыты даровитого Веневитинова, к сожалению, так рано утраченного для литературы, я приостановился на его переводах из Гете, особенно тех, которые и Вы делали Думаю, что едва ли бывали у Вас в руках его стихотворения, посылаю Вам перевод песни Маргариты из «Фауста» Он ему не удался Сличите его с Вашим, Вы увидите, что не правы те, которые отсоветывают Вам переводить из Шиллера и Гете, хотя перевод Ваш, по моему крайнему и искреннему убеждению, далек от изящных переводов

Проклятые хлопоты, попрепятствовав мне писать к Вам, лишили меня единственного удовольствия — читать Ваши письма и вместе с тем знать про Ваши поэтические занятия и поэтико-прозаическую действительность, в которой Вы живете Стыдно мне перед Вами, бумага даже краснеет и не смеет явиться к Вам за меня с ничтожным содержанием «Мертвые души» Гоголя поднялись в цене против прежнего, их с трудом можно достать, вторым изданием печатать не позволяют «Литературный вечер» московских литераторов в пользу семьи покойного Пассека вышел препустой⁴ «Москва и москвичи» Загоскина, второй выпуск, хорош и много лучше первого выпуска, который так пуст и бесцветен⁵ Знаю, что Вы скоро едете в деревню, и завидую Вам, хотя я сам переезжаю на следующей неделе на дачу в Петров(ский) парк — эту пародию деревенской жизни, приятностями которой наслаждаться желаю от души

Петр Перевлесский

¹ Имеется в виду французский писатель Эжен Сю (1804—1857) и его роман «Парижские тайны», вышедший в десяти томах в 1842—1843 гг Упоминание в письме об этом романе показывает, что Перевлесский внимательно следил за новинками как русской, так и иностранной литературы

² Фролов — москвич Петр Иванович Фролов, хромой См о нем Русский архив 1897 № 3 С 353

³ Салиас де Турнемир Андре, граф — муж известной писательницы Евгении Тур (Е В Салиас, урожд Сухова-Кобылиной, сестры драматурга), за дуэль с П И Фроловым был выслан из России во Францию См *Феоктистов Е М* За кулисами политики и литературы Л, 1929 С 305

⁴ Вадим Васильевич Пассек (1807—1842) — историк и археограф, друг А И Герцена и Н П Огарева, автор пяти книг «Очерков России»

⁵ Михаил Николаевич Загоскин (1789—1852) — писатель, автор известного романа «Юрий Милославский» и очерков «Москва и москвичи», выходивших отдельными выпусками в 1840 х гг

19 мая 1844 (г.). Москва.

Прежнее долгое молчание хочу исправить этим вторым письмом, хотя первое мое, по всей справедливости, еще не получило ответа и не должно получить раньше того времени, сколько следует пройти от последнего письма Вашего, потому что есть пословица на Руси: как аукнется, так и откликнется. Думаю, и Вы против меня в последнем случае попридержитесь этой пословицы, умной и рассудительной, а впрочем, для доброты сердца нет пословиц.

О чем поведу речь мою с Вами, добрая Юлия Валериановна? Конечно, о печальной церемонии, сегодня совершающейся над прахом (думаю, тело должно истлеть) покойного генерал-губернатора.

В среду на этой неделе вечером тысячи толпи(ли)сь около Драгомиловской заставы и по Садовой улице; на то вызвала народ весть, что близко тело любимого градоначальника. Много народу по нем печалится, хотя зрелище истинно печальное. Здесь можно было слышать и горькие упреки князю, и пышные панегрики, и холодные воспоминания и отзывы. Однако же во всех речах люди сходились в одном, что покойник был доброй души и мягкого сердца, хотя далеко не имел ни достоинств государственного мужа, ни отличных способностей человека. Он был, как и все те, ни. . .¹ Я в этом случае удерживаюсь от своих суждений, я помню твердо латинскую пословицу, которая в переводе значит: об умерших или хорошо, или ничего.

Тело пробыло день в церкви Благовещенья, что на Тверской, неподалеку от глазной больницы. Там мог отдавать последний долг всякой, кто хотел, а желающие были все. . . Сегодня назначено печальное шествие в Донской монастырь и похороны. Замечательно, что погода, словно нарочно, дурная — дождь чуть не проливной и почти непрерывный. Само небо прослезилось и плачет об утрате Москвы нашей, ибо что такое капли дождя как не слезы неба, по выражению поэтов. К тому же нынешний день, по расчислению астрономов, полное затмение Луны. Одно к одному. Описатели печальных похорон, вероятно, воспользуются этими явлениями природы, чтобы покрасивее что-нибудь сказать в похвалу и честь князя.

Проезжая из Петровского парка в исходе девятого утра, я встретил и толпившиеся кучи народа, и спешащие кареты к паперти храма. У подъезда стояли дрожки под балдахином и траурная карета покойника, которая должна ехать за гробом в сопровождении камер-лакеев. Мельком взглянул я на это, оттого что спешил к должности; у нас, которые к жизни и деятельности князя не имели никакого прикосновения, дело шло своим обычным порядком, тогда как все присутственные места были закрыты. В половине одиннадцатого из нашего института стало видно, как с Москворецкого моста шествовала эта процессия. Впереди взвод

жандармов, потом члены обществ с своими значками, чиновники в мундирах без траура, певчие, священники и в заключение дряхлый и дородный архиепископ Аарон. Гроб и ордена несли штаб-офицеры, а портрет — какой-то генерал. Жаль, что погода отняла много пышности и величия наружного у этой великолепной и редко виданной церемонии. Участвующие в процессии сбиваются с дороги и идут как попало; тут можно было видеть брадатого купца подле золотом вышитого камергера или чиновника. Не то ли это знаменует, что покойника провожают в ту страну, где не будет отличий рода и знатности, где сравниваются все и где, по выражению князя Долгорукого

«Цари смешаются с рабами,
Безумцы станут мудрецами».²

Я провожал до Калужских ворот. Жаль, что до кладбища некогда. Тем и кончаю письмо мое.

Вам преданный Перевлесский.

¹ Перевлесский, видимо, хотел сказать, что Голицын — ни то, ни се, ни рыба, ни мясо.

² Иван Михайлович Долгорукий, князь (1764—1823) — поэт, близкий по манере Г. Р. Державину. Был офицером гвардии, губернатором в Пензе и Владимире. Белинский заметил, что это «поэт чувствительный и сатирический, нередко отличавшийся неподдельным русским юмором» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 129). Цитируется стихотворение «Завещание».

14

Москва 28 февраля 1846 (г.).

Неловко встретился я с Вами. Вашему папá не хотелось видеть меня. Мог ли я не видаться после этих слов «Я здесь!»? Вы несколько не переменились; время не посмело подступиться к Вам своею деспотическою властью. Благодарю Вас и Бога.

Грустен поехал я домой; приехавши, дома я не выдержал. Я, как женщина, заплакал. Казалось, я потерял Вас навсегда; мне больше не видать Вас. Прием Вашего батюшки отбивает у меня охоту ехать в Ярославль, да и зачем?! Ужели затем, чтобы видеть Вас и не видаться с Вами? Не та же ли будет встреча, как и здесь? Слава Богу, Вас обласкал Петербург: талант Ваш оценили; я этому рад, как старая нянька. Что с Вами? Как я был счастлив, если бы мог видеть, знать все, с Вами случаемся!! Будьте так ласковы ко мне, скажите, что Вы делаете, что я Вам. Счастливы ли Вы? Вам тяжело, но не по Вашим правилам изменять своему слову. Я не хочу просить у Вас перстень, но молю Вас, напишите мне письмецо, как Вы в Яр(ославле) и как Вас принял Петербург? Письмо отошлите к Семену Филипповичу Розанову — он мне перешлет. И мое письмо это получите от него; ему верю, как себе.

26 февраля — день, в который Вы мне написали три незабвенные строчки. И после Вы так удивительно спрашиваете меня, как я узнал о Вашем приезде. Вам понятно, как узнал я. . . Как браню себя за неосторожность! Вы спрашиваете, как я живу. Просто и скучно. Занятия по службе, урывками пишу, о чем вздумается. В прошлом году я писал для «Биб(лиотеки) для воспитания».¹ Но об этой статейке Вы, верно, знаете из литературной летописи «От(ечественных) зап(исок)» за январь нынешнего года.² Скучаю своим ремеслом, думаю переменить, хочу отправиться в Петербург. Боюсь без покровителей туда ехать. Без протекции служить трудно, почти невозможно.

Грустно мне; я сам не свой. Нынешний день перевернул у меня все вверх дном. Такая неожиданная встреча и такая этикетная и сухая! Что тяжелей? Гостиница на Тверской! . . . Как мне будет проезжать ее мимо?! Что такое сердце? Нынче черный год для меня. Сегодня эпизод из моей неоконченной повести. Читали ли Вы «Неоконченные повести» Соллогуба?³ Встреча и знакомство с Вами — моя неоконченная повесть. Прощайте, прощайте! Будьте счастливы и не забывайте меня!

Весь Ваш П(еревлесский).

¹ Имеется в виду статья «О пуризме в чтении русских писателей юношеству», о которой шла речь во вступительной заметке.

² Отечественные записки. 1846. Т. 44, № 1. Отд. VI. С. 31; Т. 49, № 12. Отд. VI. С. 6.

³ Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) — писатель умеренно либерального направления; печатался в «Современнике» и «Отечественных записках». Белинский ценил в его повестях 1840-х гг. элементы реализма и сатиры. «Неоконченные повести» были опубликованы в 1845 г.

Москва 24 мая 1846 (г.).

Два месяца и два дня ежедневно, словно обычную молитву, читаю дорогое письмо Ваше, добрый друг мой! И как ни стану перечитывать его, мне всегда становится холодно и тяжело, как будто я слышу голос скорбного друга, которому нельзя беседовать со мною, который украдкою от неприязненных запретов говорит со мною в последний раз, а между тем этот друг так же страдает, не понимаемый окружающими. Что же? Благодарить ли судьбу нам за ту первую встречу, когда мы узнали друг друга, когда один из нас напрягал свои крепкие, дотоле неосознанные силы духа, чтобы идти к развитию, а другой тепло и братски сочувствовал и радовался каждому шагу вперед на трудном пути усовершенствования. Едва ли не да, если позабудем пошлый эгоизм, который хлопочет лишь о себе, мучится успехами других?! По крайней мере, я буду вечно благодарен теми обстоятельствами, которые меня сблизили с Вами; прочитав последние Ваши «Отрывки из записок молодой женщины», я был изумлен, несказанно обрадо-

ван тому развитию, тому совершенству, которого Вы достигли теперь, а чего еще Вы не свершите во цвете лет и в крепости сил духовных? Завязка так проста, рассказ так жив и естествен, что, зажмурившись, узнаешь талант, хотя эти записки только абрисы, легкие, еще не дорисованные.

Вам сулят блестящий венок, и это справедливо, хотя сулители и прорицатели этого блестящего венка — люди недалекие, судьи, не знакомые со сводом законов эстетики, обойденные природою в талантах поэтических и в знании критическом. Я говорю здесь преимущественно о тех московских литераторах, с которыми Вас познакомили в бытность Вашу в Москве. Что такое Раич,¹ эта божия коровка, по выражению пушкинской эпиграммы, этот тягелый, неловкий переводчик Тасса, разглагольствовавший иногда в Обществе любителей русской словесности об итальянской поэзии, а теперь навсегда смолкнувший? Даже стихи без мысли нынче нипочем? Чем подарить может эта Карлгоф,² эта безграмотная писательница своих путевых впечатлений, которые переделывал и переправлял Сенковский в «Библиотеке для чт(е)ния», — этот не за свое взявшийся синий чулок, которая кичится тем, что, прищуриваясь, заговаривает с молодыми профессорами и литераторами об разных материях важных; кичится, что порою ездит к Глинке³ на какие-то вечера, которые Бог знает зачем названы литературными, уж не за то ли, что на них не играют в карты? А этот сладенький Глинка вечно с патриотическими и благонамеренными мыслями на языке и вечно печатающий такие водянистые рассказы о сюжетах заоблачных екатерининского века — что он? Что значит литературное благословение такого человека, который не сумеет возвыситься до того, чтобы понять собственное литературное самозванство, который вот уже другой год потчует своей «Каплей»,⁴ ее же глотают по вечерам московские дамы, неохотницы читать, но страшные охотницы быть зачисленными в ранг любительниц литературы и просвещения. Откровенно скажу Вам: я не очень обрадовался его радушному литературному благословию; я бы скорее обрадовался, если такое благословение дал Вам Плетнев, этот тонкий ценитель литературных произведений, хотя плохой литератор, а еще незавиднейший ученый, но который был некогда советником Пушкину, и Пушкин ему верил больше, чем себе.⁵ Что Вы ничего мне не написали о том, что он Вам сказал? Это было любопытно. Говоря так много о новых Ваших знакомых, я невольно договорился до того, чтобы высказать свое собственное мнение о Ваших трудах. Может, я и ошибаюсь, но у меня есть убеждение, коли хотите, довольно жесткое, которое другой не посмел бы сказать Вам, но которое я по праву искренней дружбы от Вас не скрою. Мне кажется, что в Ваших произведениях живет только чувство, а нынче *век мысли*; сей-то недостаток я замечаю в каждой пиесе. Явись Ваши пиески в начале карамзинского периода, успех их несомненен; они были бы выражением времени; но теперь, мне сдается, они едва ли по времени, теперь, когда всякое поэтическое создание, всякое художническое

произведение ценится глубиной мысли; ее не заменит ни звучный стих, ни даже избыток чувства. Человечество остарело, нет, не так я выразился, — человечество поблагодарумело, требует дела, а не слов. Мне приятно было бы, если бы я ошибся в своем мнении, немножко строгим и не льстящем Вашему самолюбию. Но мне ли угодать самолюбию?

Ваше письмо много разбило надежд моих; Ваши мысли о Петербурге отбивают у меня охоту ехать туда, а я — признаться ли? — думал поискать там счастья, думал поохотиться за исполнением своих честолюбивых мечт(аний). Скучно и безотраднo быть учителем всю жизнь! Самые литературные труды, изредка предпринимаемые за недосугом служебным, мало утешают, особенно, когда за них получаешь от начальства выговор. Еще так недавно попечитель, приехавший из Петербурга, сказал мне: «Вас хвалят в „Отечественных записках“ за статью „О пуризме чтения писателей“. Мне это очень неприятно; я желаю, чтобы этого не было». Так встретил меня граф Строганов, один из образованнейших вельмож наших, а что еще порой придется услышать от людей? . . . Однако ж я не гляжу на это и собираюсь издавать литературные знаменитости наши с их биографиями и литературными очерками. Первый выпуск будет к сентябрю; он будет содержать Ломоносова. Я постараюсь к Вам прислать его; тогда и Вы мне скажете Ваше мнение. Мне грустно, когда пробегаю строки: «Теперь. . . жизнь моя потекла снова бесцветно и ровно». Отчего? Да где же и у кого же жизнь разноцветна или цветна? Таких счастливыхцев немного, чья жизнь богата разнообразием красных дней. Моя жизнь не то что бесцветна, а глупа и пошла. Да что я? Я таскаюсь, рыскаю по Москве, а все из насущного хлеба, а тут, внутри души, чем же могу порадовать себя? Знаете ли, мне часто приходят на ум эти стихи Лермонтова:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской,
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной.
К чему судьба меня готовит?

Зачем так горько прекословит
Надеждам юности моей?
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей?

26 мая.

Наговориться не наговорюсь я с Вами, друг мой. Письмо, начатое тому день, продолжаю и сегодня. Вы скучаете ярославскою жизнью; отчего? Где же лучше и где же не скучно? Отсутствие литературных вечеров в Ярославле не должно приводить Вас в краску перед москвичами и петербуржцами. Какой же провинциальный город — разве исключая одной Одессы — может похвалиться литературною братиею? Это не должно пугать Вас при Ваших занятиях; признаться, от иных судей подалей бы за тридевять земель. Но вот что — если только справедливо и хорошо — по моему мнению, *Вы стали самонадеянны*. Правда ли это? Приглядитесь-ка к себе побеспристрастнее. Я говорю не свою мысль, но передаю то, что на днях слышал о Вас от ваших ярославцев.

Недавно один из ваших ярославских литераторов, встретив меня в галерее, разговорился об Вас, порадовал меня, что Вы так выросли, но... прибавил: «Она стала самонадеянна». Как я ни спорил, переспорить и разуверить его не мог. Судя по прежнему, как я Вас знаю, слух и отзыв этот должны быть несправедливы, но... я нынче так мнителен, а больно будет, если это правда. Меня заставляет не верить этому Ваша дружба с маленькой Вашей сестрицей Настенькой. Ваши нежные заботы о ней доказывают не одну родственную кровную привязанность, но и стремление духа поделиться его сокровищами, посвятить ее в таинства природы и поэзии. Взять на себя такое дело едва ли сумеет самонадеянность. Отчего? Оттого, что она родная сестра гордости и заносчивости, которая презирает меньшую братию и большой достается. Этот вестовщик, хотя здесь он обо мне распространял лестные слухи, за что я благодарен, признаюсь, мне не по сердцу; кажется, близорук. Да где ему удалось подметить Вашу самонадеянность? Разве у Голохвастовых? Ну да что об этом толковать. Я сказал это лишь потому, что я слишком дорожу Вами. А кстати, с кем же Вы теперь советуетесь? Кому прочитываете Ваши пиески, кроме папá?

А папá Ваш сердит на меня. Напрасно. Преданность моя к Вашему дому не может быть оскорбительна для его чести. Думается, что в его душе живут еще старые запоздалые предрассудки аристократии. Помилуйте, как странно слышать на Руси слово «аристократия»! Где она? Только в головах некоторых, а на деле ее не бывало. А, да что такое в наше время за касты? А впрочем я ему еще благодарен: он принял меня не так, как я думал; я думал, что он поступит хуже. Он был только холоден, но не груб. Я ждал последнего. Слава Богу, что ошибся. Всему причина — Ваша записка. Получивши ее, я позабыл, как меня примут. Да, какая странная история была при отыскании гостиницы. Я Вам расскажу. В записке было написано: «Гостиница. Москва. 1846». А в Охотном ряду есть гостиница «Москва». Я скачу туда, спрашиваю — нет Вас. Говорят, что стоял Жад(овский) до рождества, да съехал на квартиру, а теперь никакой Жадовской не стоит. Перебрали все записные книги. Я упрямо стою на своем: я сегодня получил письмо, что они здесь остановились. Снова перерыли книгу и снова то же «нет» услышал я. Вышел я из себя, показываю надпись письма «Москва. Гостиница. . .» — Да помилуйте, — говорит мне приказчик. Тут между «Москва. Гостиница» стоит точка. Это значит, что они в Москве, а в какой гостинице — этого не сказано. За это готов был расцеловать его. Я и поехал по Тверской отыскивать, не останавливались ли вы в какой из них. Разумеется, начал с «Парижа»; гляжу — на доске Ваше имя — и прямо к Вам. Остальное Вы знаете, да и не надо вспоминать про то, потому что оно слишком грустно для преданного Вам...

¹ Семен Егорович Раич (1793—1855) — поэт и переводчик. Речь идет о неудачном переводе Раичем некоторых мест поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», вышедшей в Москве в 1828 г.

² Имеется в виду Елизавета Алексеевна Драшусова, по первому браку Карлгоф, — писательница, в настоящее время забытая.

³ Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — известный поэт, член декабристских обществ «Союз спасения» и «Союз благоденствия», отбывавший ссылку в Петрозаводске; с конца 1830-х гг. он сблизился со славянофилами, печатался в «Москвитяине».

⁴ Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля», отмеченная религиозным мистицизмом, вышла в двух частях отдельным изданием в 1861 г.

⁵ Павел Александрович Плетнев (1792—1865) — литературный критик и поэт, редактор журнала «Современник» в 1838—1846 гг.; был близок к А. С. Пушкину (см. его стихотворение «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» и др.), но в 1840-е гг. враждебно относился к прогрессивной критике в лице Белинского.

16

Москва 16 марта 1847 (г.).

Чем начну письмо свое? Изъявлением радости, что так неожиданно-негаданно получил от Вас письмо — и длинное. Это не ново, да Вам и без того известно, если Вы не перестали меня знать за прежнего. Начну благодарностью самую искренней и бесконечною тому городу, который дает мне возможность вести с Вами речь хоть изредка, хоть издалеча. Странная вещь! Город, который я никогда не видал в глаза, город, против которого я имел какое-то нелепое предубеждение и нерасположение, этот город доставляет мне наилучшее наслаждение, самую высшую отраду — знать о Вас и давать знать о моем горьком существовании. Спасибо же этому городу! ¹ Да будет ему так же весело и всегда, как мне весело было, когда с его штемпелем письмо пришло ко мне и пришло в ту пору, когда я страдал физически головою болью и нравственно — тоской и скукой. Первая болезнь — знаю отчего: я простудился да утомился от адской деятельности по службе; благодаря той странной моде, об которой преувеличенные слухи дошли и до Вас. ² Второй же болезни причин не знаю. Вы говорите, что хлопоты и занятия спасают от хандры. Увы, занят по горло, но...? Знать, не на меня и не для меня такое спасительное влияние занятий!!

Занятия Ваши литературные идут своим чередом. Но я не понимаю хорошенько, что Вы хотите сказать: «Учусь мало». Кто много думает, тот много учится. Думать и учиться одно, если под «учиться» не станем понимать изучение предмета *по заказу*; слава Богу, что Вы нашли себе доброго советчика во Вронченко! Сожаление Ваше, что близ Вас нет советника, справедливо, но, когда неисполнимо, напрасно. Что же делать? Покоряться судьбе есть дело человека. А как бы я желал теперь видеть Вас, читать и поспорить с Вами!! Нынешнее лето, если буду здоров, непременно буду в Ярославле, авось и Вас увижу.

Читали ли Вы в «Современнике» об Вас? Прочтите, — жестоко и сурово, но надо все принимать к сведению и соображению. ³ Брань полезнее всякой хвалы такой натуре, как Ваша, и в таком умственном возрасте, как Ваш. Каким образом попадают Ваши

стихи в наш «Городской листок»? Охота Вам связываться с таким периодическим изданием, которое, кроме *похуления* (выражусь словом Даниила-заточника), ни от кого ничего не встречает. Общество такое может повредить Вашему литературному имени. Или печатать на листах достойных и удостоенных общего внимания, или оставлять в своем портфеле до поры, до времени — вот что сказало бы Вам благоразумие, как мне кажется. Дописывая эти слова, я знаю свою ошибку: мне не следует писать Вам *так*, судя по тону Вашего последнего письма, исполненного оговорки и неохоты высказывать все, что на ум взбредет, выражаясь плебейским словом. Вас что-то стесняет, а между нами ничто не переменялось. Московская встреча положила какую-то странную и страшную заставу Вашей искренности. Зачем? При этой встрече Вы были тем, чем есть; за людей, самых родственных нам, мы не отвечаем. Он был прав, но кто же виноват? При этом вопросе я невольно вспоминаю последний русский роман Искандера «Кто виноват?».⁴ В этом романе, прекрасном по своему значению и отдельным характеристам, много загадок разрешается. Какое впечатление он произвел на Вас? А мне после этого романа было тяжело и тоскливо. После него не хочется мечтать, хотя от мечтаний я давно отстал; горький опыт остудил. Благодарите Бога, что Вы можете мечтать; эта способность дает Вам минуты, когда, незванное и непрошенное, воскресает все лучшее души, отрадные образы и надежды юности.

Наконец, я решаюсь оставить Москву и переехать в Петербург; удасться нынешним годом или в будущем — того я наверное сказать не могу. Человек, который мне благодетельствовал, известный Вам И. И. Давыдов,⁵ переехал в Петербург, в директоры Главного педагогического института. Жена его и он звали туда. С Москвы мне нечего больше брать. Кроме денег, с утомительным для меня трудом, она не дает ничего. Теперь я изготовил «Русский синтаксис».⁶ Несколько листов уже отпечатано, надеюсь, выйдет в конце апреля. Жду новой брани и новых толков *pro* и *contra*. Ломоносову моему посчастливилось; осталось немного экземпляров нераспроданных. Второй и третий выпуск не замедлят выйти к сентябрю. Кантемир и Державин почти окончательно обработаны; большая часть идет сюда из моей «Истории русской литературы», которую даю воспитанникам институтским. Со временем думаю издать и ее, историю. Но Бог знает, когда. Теперь всего меня поглощает грамматика. Странное самообольщение! Мне сдается, что я могу что-нибудь сделать для школ наших по этой части. Прощайте! Христос воскрес! Веселья и воскресения прежней откровенности желаю Вам от души.

П. П(еревлесский).

¹ Жадовская прислала письмо из Петербурга, куда приезжала, видимо, со своим отцом.

² Речь идет о популярности Перевлесского в Москве — как замечательного преподавателя русского языка и словесности.

³ В первом номере «Современника» 1847 г появилась статья Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (Отд III С 1—56, без подписи), в ней, перечисляя сборники стихов, вышедшие в 1846 г, Белинский обращает внимание и на стихотворения Жадовской, «которые были превознесены почти всеми нашими журналами» Осуждая поэтессу, за то, что она «заклучилась в ограниченный круг мечтаний», а не «ринулась в жизнь для борьбы с нею», Белинский признал ее поэтический талант

¹ Роман А И Герцена «Кто виноват?» впервые публиковался в «Отечественных записках» (1845 № 12, 1846 № 4) за подписью И и И—р Отдельным изданием он вышел только в конце 1847 г Показательна осведомленность Перевлеского о псевдониме Герцена — Искандер

⁵ Иван Иванович Давыдов (см примеч 1 к письму 4) был директором Главного педагогического института в Петербурге с 1847 по 1857 г

⁶ *Перевлеский П* Русский синтаксис М, 1847 В рецензии «Современника» говорилось « приняты автором в соображение наши пословицы и народные песни Через пословицы ему хотелось познакомить учащееся юношество как с оборотами русской народной речи, не знавшей иноземного влияния, так и с теми народными правилами и мыслями, которые в них заключаются < > Наконец, введение примеров из народной русской речи очень полезно через нее всего лучше можно познакомиться с истинными оборотами родного языка, ибо классические писатели больше или меньше платили дань влиянию иноземному» (1847 Т 53 Отд VI С 49—53)

17

5 июля 1847 <г>

Странная вещь, приходится видеть исполнение старинной нашей пословицы «Как аукнется, так и откликнется» даже там, где бы вовсе не хотелось этого. Ваш ответ на мое последнее письмо так много опоздал по обстоятельствам, довольно уважительным в житейском отношении; а мой ответ на это запоздавшее письмо Ваше еще более замешкался — и, сказать правду, вовсе без причин уважительных в деле жизни. Мне даже отговариваться нечем: занят был по службе и по делам немного — стало, эта причина не в мою пользу; слишком был рассеян, заветренничался — я и этого не скажу, хотя в последнее время почти вовсе не занимаюсь — стало быть, и эта причина не может оправдать меня; да рассеянность что за оправдание? А правду сказать, меня останавливала именно бестолковая рассеянность, на душе было так мутно, какие-то все житейские мелочи, ничего не стоящие, — а Ваше письмо было так чисто, веет таким теплым сердечным участием, что взяться за перо в будничные минуты жизни, с душою, исполненною какого-то земного увлечения, мне показалось оскорблением святыни Отвечать Вам в таком расположении духа, — думал я, — не то же ли самое, что прийти в храм с грешными помыслами и житейскими заботами?

Вы собираетесь в Буй-городок, чтобы предаться себе самим, наслаждаться удовольствиями уединения, столь сродного Вашей поэтической душе среди тамошних рощей и сада; быть может, вывезете оттуда несколько поэтических созданий, в которых выскажется жизнь Вашей души. А я отправлюсь волей-неволей в Питер-город, чтобы, может быть, таскаться там по передним людям, кото-

рые могут сделать что-нибудь полезное для моего внешнего благополучия; чтобы летать по железной дороге в Павловск и Царское Село — взглянуть на тамошние диковинки и поласкать слух оркестром Гунгля¹ да полакомиться астрономическими блюдами — рай! Какая пошлая проза! И что я вывезу оттуда? Наглядное знакомство о рельсах, о пароходах, о море, у которого *нет ни горя, ни заботы житейской, для которого нет и напасти*. Вас там встретят родные, и Ваш дядя, и Настя; ² а меня встретит лишь один любящий человек; но между им и мною такое житейское расстояние, что даже нельзя предаться истинной восторженности при виде его. Ох, бедные люди! Повыдумали какие-то превосходительства и благододия и сами же мучаются от своих нелепых выдумок, мешающих им быть *людьми*.

Вы желаете мне доброго пути и много счастья — благодарю Вас; Вы предрекаете, что мне так будет лучше и полезнее — дай Бог Вашими устами мед пить, как выражается добрый русский народ; Вы боитесь за Петербург, что он омут забвения и эгоизма, — не напрасны ли Ваши опасения, если Вы не перестали знать меня все тем же, и заключаете чудными, многозначительными словами: «Было бы Вам лучше». Как и чем я в состоянии благодарить Вас за Ваши нежные заботы обо мне? Их не умаляют даже сплетни, перенесенные к Вам досужими говоруньями. Из Петербурга проеду в Я<рослав>ль; не увижу Вас — увижу Ваш портрет — с меня и того будет довольно. Будем жить, как судьба велит.

Вы пользуетесь советами и мнениями Вронченко — доброе дело: ум хорошо, а два лучше. Зачем я не говорю своего мнения о Ваших пьесах — да я не могу, я слишком пристрастен к Вам покажусь. Лучше я скажу мнения чужие, мною подслушанные в обществе. Ваши «Облака» понравились грациозностью — тем ли они нравятся в Вашем Ярославле Вашему новому знакомому, которого Вы называете писателем? Мой совет — прочесть статью о Вас в «Современнике» столкнулся с отсоветованьем Вронченко. Ну что ж? Слушаться кого — Вы сами выберете. Я только всегда думаю, что не мешает знать различные и противоположные о себе суждения, ведь недаром же ведется у французов поговорка: от столкновения мнений рождается истина. В Вашу сторону поехал Шевырев, он с Вами, вероятно, увидится, потому что он Вас уважает. Он даже вспоминал об Вас на экзаменах в Дворянском институте. Вам передали мой последний труд; благодарю Р<озанов>а за доставление. Он пишет, Вы словно недовольны, зачем при посылке его нет письма. Вы справедливы, но, взвесивши обстоятельства, Вы оправдаете и меня. Я не думал, что ему представится такой удобный случай для передачи, да что греха таить — я думал, что он не станет исполнять мое поручение как следует. Вышло не так, и я наказан оттого, что виноват. Вы думаете, что шум и столица не по моему характеру, Бог весть — я никогда не думал об этом. Конечно, я не страдаю чинобесием; по мне все равно: жить в столице или губернском городке. Одного боюсь жить в городе. . .

как-то скоро все гложет от недостатку соперничества и от всеобщего самодовольствия, скоро как-то и сам заражаешься самодовольствием и перестаешь употреблять данные Богом силы на общее дело — а ведь это смерть — и еще хуже — грех перед человечеством. У меня всегда на уме притча о талантах.

¹ Иоганн Гунгль (1823—1883) — немецкий дирижер, с 1845 г давал в Павловске концерты по четвергам и субботам См *Розанов А С Музыкальный Павловск Л*, 1978 С 41—45

² В замужестве Н П Федорова См *Исторический вестник 1887 № 11 С 394—407*

18

Москва 7 июля (1847 г)

День моего отъезда приближается, в эту субботу в час полудни я еду с экстрапочтой, а на сердце, Бог знает отчего, становится как-то грустно. Что же пророчит эта тоска? Неужели невзгodu какую? Все это время меня бесят люди своими не замечаниями, а придирками к пустякам в моем «Синтаксисе» Из всего видно, что им хочется не истины, не совершенства понятий в теории нашего языка, но того, чтобы моей книгой загородить вход в заведения, словно им досадно, что она пойдет по рукам как руководство при изучении родного языка

Отчего люди беснуются? Кто ж мешает всякому из товарищей по ремеслу делать то же, что я делаю! Больно и грустно! Если бы поменьше было у меня стойкости, то, право, хоть брось заниматься

Вы обещаете мне прислать из деревни два Ваши последние сочинения: «Переписка», «Неумышленное зло». Благодарю Вас сердечно за это доброе обещание, из которого я вижу, что Вы не перестали желать делиться со мной плодами Ваших дум. Добрый знак! Я жду с нетерпением, тем больше, что. . . А что может быть приятней сладостного воспоминания? Не будь воспоминаний да надежд — хоть живой ложись в могилу. Что ж без них человеку? Странно, я в таком расположении духа, что хоть писать элегию в прозе. Нет, лучше положу перо до другого времени — все увы да увы — право, тошно.

19

8 (июля 1847 г.).

Вчера получены здесь из С-П(етер)б(урга) журналы — пустяки, Бог с ними, как показалось мне после беглого перелистывания. В сегодняшнем «Городском листке» помещено двое Ваших стихов. Я прочел их с удовольствием. Они так себе, ничего особенного; едва ли писаны были в минуты поэтического восторга? Отчего Вы так мало пишете прозой? Пишите больше. Здесь больше можно высказаться. Пишу это письмо по прежнему

адресу, не знаю, скоро ли оно дойдет к Вам, а мне бы хотелось, чтобы оно пришло к Вам не позднее Ваших именин. Вот недалеко и 16 июля — праздник, незабвенный для меня. На нем бывало немного гостей, но все, истинно любящие Ваше семейство. От души желаю, чтобы Вы встретили и провели свой праздник по-праздничному, радостно и весело. Вас поздравят многие. . . — ну, да что говорить, что невозможно. У меня иногда приходила мысль когда-нибудь приехать к этому дню в Я(рослав)ль, но зачем? Разве не все равно быть от Вас далеко? Быть близко и далеко — это еще гораздо хуже, чем быть далеко и близко. . . Желаю Вам счастья и веселья. Не все же скучать в жизни!

20

Москва. 1847 (г.), авг(уста) 17.

Вчера, воротившись из Ярославля, на столе нашел между многими письмами и записками и Ваше письмо, добрая Юлия Валерьяновна. Оно меня тем более обрадовало, что я совсем не ожидал его. Меня немножко огорчила Ваша тонкая ирония над началом моего последнего письма. Сам же виноват! Поделом, не пиши высокопарно! Впрочем в моих словах, к которым вполне идет приведенная Вами поговорка Петра Ивановича: «Дико, дико», — есть правда; жаль, что я не умею ее высказать. Точно, месяца четыре я омрачался, выражаясь опять немножко высокопарно, духом; я был под влиянием страсти, которой сам теперь стыжусь, оттого что она не слишком идеальна и оттого что она не давала мне жить мыслью, я совсем разучился думать и трудиться. Теперь только начинаю приходить в себя. Что делать? Ведь еще один из апостолов как-то сказал: не една хочу, чего творю, но еже ненавижу, то содеваю! Но после тонкой иронии меня утешали ваши добрые слова: «Здесь просто теплый радушный приют — приходите покрытый пылью и грязью, дружеская рука очистит Вас от пыли и грязи». С мыслью о приюте я спокоен; в приют входит и нищета в лохмотьях — отчего ж мне, бедному, не явиться в такой радушный приют с своими лохмотьями? И вот я высказал Вам более, нежели бы следовало. . . не в присутствии друга, но перед скромностью девушки; но Вы хотите откровенности, на которой, как Вы справедливо замечаете, люди строят роман, едва ли не оскорбительный для нас обоих. Бог с ними! Им же хуже, что они неправы!

29-го прошлого месяца я воротился из Петербурга, очарованный городом и людьми. Красоты города Вам самим коротко знакомы — Вы сами там недавно были. Но люди, люди, которых я встречал, были ко мне бесконечно добры. Ив(ан) Ив(анович) Давыдов принял меня по-отечески; передо мною исчезло даже превосходительство, которое многому мешает в обращении с людьми. Спасибо ему! Приема и проводов я не умею описать, умею только чувствовать. Он столько был обязателен, что много раз за-

говаривал о моей будущности: как и что я хочу от жизни; он зовет меня к себе на первый раз в адъюнкт-профессора по русской словесности. Что делать? Меня берет раздумье. Правда, с переездом туда я буду богаче надеждами в будущем, но беднее существенностью, у меня долго не будет таких доходов, какие я имею в Москве. В Москве я беден надеждами, перспективу вдаль, но доволен существенностью; в Петербурге открывается лучшая перспектива, но бедная в житейском отношении. Скоро ли придется поставить себя в такое положение, как я теперь здесь? От добра добра не ищут, — говорят умные простолюдины, но ведь смелым Бог владеет, говорят они же подчас. Скажите свое слово. Ваше предположение, что я ездил в Питер не для человечества, несправедливо. Я ездил просто для удовольствия, мне хотелось видиться с теми, кому я предан и кого люблю, — и больше ничего. Правда, тут много юношеского сумасбродства, но много ли поэзии в старческой расчетливости? Минувя эту расчетливость, я ездил и в Ваш Ярославль (где пробыл от 6-го по 14 августа). Что Вам сказать об Я(рослав)ле? Там все по-старому, а вновь ничего; и дома те же, и люди те же, разница одна: люди были ко мне чрезвычайно ласковы, думаю оттого что я был гость. Много, много раз проезжал я мимо уютного и милого желтенького домика у Духа; в нем так же чисто, как и прежде, но не как прежде: в нем никто не сидит под окном и не глядит приветливо, как бывало прежде во дни оны. Вас не было, а папá Вашего встретил я на бульваре, сухо и холодно. Это меня отвлекло от исполнения (желания) видеть портрет.¹ Я предположил много оскорбительных для себя мыслей от него, когда он узнает, что я был в доме. К тому же мне представилось, что Вы по этому случаю не избежите от него упреков, и. . . сколько раз ни подъезжал к дому с мыслями исполнить Ваше желание — всякой раз проезжал мимо. Вините, как хотите. Был я у Голохвастовых.² Он сам, говоря об Вас, передал мне, что он находит в Вас перемену и большую против прежнего: Вы погордели. Будто Алек(сандр) Владимирович спросит иногда у Вас про какую-нибудь книгу, Вы отвечаете с какой-то гримаской: «Я не читала, я теперь вовсе не читаю». В этих словах они видят как бы Вашу *arriere-pensee*:^a «Я сама теперь все пишу и чужого не читаю». Бедные люди! Каких мыслей ни придадут другому, когда он им не по плечу! Им, верно, хотелось всегда видеть в Вас робкую до смешного, застенчивую девочку, которая с подобострастием должна выслушивать мнение Ал(ександра) Владимировича. А то диво! Его не послушали! — глупая гордость и самообльщение? Я вместе с ним подивился Вашей перемене и не стал противоречить ему, за лучшее счел свести разговор на другое.

Что Вам сказать о Карлгоф? Про нее можно повторить слова Вронченко. Умная? так себе, ни то, ни се. Добрая? старуха надвое сказала, как выражается народ. Она любит благотворить на чужой счет. Ученая? Увы! В этом-то грехе ее никто и не подозревал,

^a Заднюю мысль (*фр.*).

хотя она старается принимать к себе ученых славянофилов и профессоров Это женщина сухая и пустая, которой хочется чего-то не святого, она какая-то сонная Что из нее вышло путного, несмотря на то что она прожила сорок лет? Теперь я к ней уж не езжу. Я бывал знаком с нею, когда она жила с Веневитиновыми вместе. — Прощайте, будьте здоровы и пишите побольше Пишите и Карлгоф, если найдете время Не надо бегать людей, которые нас ищут. Они все на что-нибудь когда-нибудь пригодятся.

¹ Портрет Ю В Жадовской находится в Костромской картинной галерее «На зрителя смотрят умные, добрые глаза девушки, в них задумчивость, страдание, усталость Неизвестный художник сумел передать романтическую приподнятость ее души и надломленность ее судьбы, мягкость характера и личную беспомощность, силу ума, пылкость натуры и неизлечимую болезнь, что в народе зовется тоской Этот портрет соответствовал романтическому изображению лирической героини в поэзии Жадовской и чудесному описанию молодой Жадовской, данному в воспоминаниях Н Федоровой» (*Благово В А Поэзия и личность Ю В Жадовской С 22*)

² П В Голохвастов — директор ярославских училищ Александр Владимирович — видимо, его брат, инспектор

П. В. АННЕНКОВ ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикация Н. Н. Мостовской

Эпистолярное наследие Павла Васильевича Анненкова (1813, по другим данным 1812¹—1887), обширное по объему, многообразное по тематике и по участию в нем выдающихся деятелей русской и европейской культуры, представляет собой значительное (и малонсследованное) явление в истории общественно-литературной жизни эпохи Современник В Г Белинского, Н В Гоголя, А И Герцена, Н П Огарева, К Маркса, И С Тургенева, Н А Некрасова, Н Г Чернышевского, Н А Добролюбова, М Е Салтыкова-Щедрина, В П Боткина, А В Дружинина, А Ф Писемского и др., Анненков был постоянным собеседником (другом или антагонистом) и корреспондентом многих из них

Громадный массив писем, адресованных Тургеневу (более 350), охватывающий период с 1852 по 1883 г., занимает в его эпистолярии особое место Частично опубликованные в изданиях, ставших библиографической редкостью,² или использованные в извлечениях в отдельных исследовательских статьях и комментариях к Полному собранию сочинений и писем Тургенева, в большинстве своем полностью не изданные, письма Анненкова к Тургеневу представляют собой одну из самых увлекательных бесед о русской литературе, журналистике, театре, о писателях-современниках и художниках прошлого, о событиях литературной и общественной жизни России и Запада «В ваших письмах наш брат, живущий в отдалении, шупает пульс своей страны и общества», — писал Тургенев Анненкову из Рима 19(31) января 1858 г.³

Знаменательны они прежде всего тем, что отражают малейшие подробности биографии и литературной деятельности Тургенева, творческую историю почти всех его произведений, их журнальную и литературную судьбу, отголоски дискуссий и критических бурь вокруг имени писателя Одна из важнейших тем в них Анненков — первый читатель и критик Тургенсва

Не обладая большими творческими возможностями (по словам Тургенева, «в нем собственно таланта немного, но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом» — 2, 109), Анненков был наделен интуицией художника, редкой способностью проникать в замыслы писателя. Эти качества в сочетании с огромной эрудицией, доброжелательностью и объективностью суждений побуждали Тургенева давать ему на прочтение почти все свои произведения «Я до сих пор все свои вещи до печатания показывал Анненкову. Я верю в его вкус — да и, к тому же, это у меня сделалось вроде суеверной приметы», — писал он в 1875 г. М. М. Стасюлевичу (11, 161). Не случайно Тургенев сравнивал своего корреспондента с немецким критиком Мерком «Талантливый критик направляет дарование, уясняет ему его задачу. Мерк — как Сократ — любил, чтобы его называли повивальной бабкой чужих мыслей. При всей остроте взгляда, доходившей у него до нестерпимой едкости выражения — он был очень добродушен и главное — бескорыстно и с любовью отыскивал и поощрял все, что ему казалось дельным. У Вас есть некоторые черты Мерка — по крайней мере, я не знаю никого, кому бы я больше верил в нынешнее время» (2, 145). В этом суждении нет преувеличения, нет и приятельской снисходительности. Дружеские отношения между Тургеневым и Анненковым в 1850-е гг. были еще в процессе становления, хотя потребность общения, «какая-то непреодолимая связь», по словам Анненкова, обнаружилась рано⁴.

Многие из писем Анненкова, в том числе и публикуемые, являются своеобразными критическими статьями, соотносимыми с его известными литературно-критическими этюдами («Заметки о русской литературе прошлого года», 1849, «О мысли в произведениях изящной словесности», 1855, «По поводу романов и рассказов из простонародного быта», 1854, «О литературном типе слабого человека (По поводу рассказа г-на Тургенева „Ася“», 1858, «„Дворянское гнездо“ Роман И. С. Тургенева», 1859, «Современная беллетристика», 1863, «Русская современная история в романе И. С. Тургенева „Дым“», 1867 и др.), порой предвосхищая или дополняя их. Характеризуя их автора как тонкого интерпретатора творчества Тургенева, они вносят существенные коррективы в сложившееся в литературе представление о нем как стороннике «эстетической критики»⁵. Так, оценивая «Записки охотника», Анненков признавал не только изящество формы, но и демократический пафос цикла, непреходящее значение шедевра Тургенева. (В письме от 23 октября (4 ноября) 1872 г. Анненков назвал книгу Тургенева «памятником, захватившим целую эпоху и выразившим целый народ в известную минуту» — ИРЛИ, ф. 7, № 9, л. 43, об. — 44). С пристальным вниманием комментируется в его корреспонденциях общественно-литературное значение почти всех произведений писателя «Вы в литературе нашей представляете олицетворенное чутье современности», — писал он Тургеневу 25 января (6 февраля) 1857 г.⁶ Это же наблюдение, предвосхитившее известное суждение Добролюбова о Тургеневе, высказывалось им и ранее, в статье «О мысли в произведениях изящной словесности» (1855).

Особый историко-литературный интерес представляет корреспонденция 1860—1870-х гг., посвященная произведениям Тургенева («Отцы и дети», «Вешние воды», «Новь», «Довольно», «Призраки», «Стихотворения в прозе» и др.), о которых Анненков не написал специальных статей. К концу 1860-х гг. его деятельность литературного критика прекращается, и его письма, как и многих других литераторов того времени, оставаясь средством духовного и культурного общения, быстро входили в литературный быт, становились своеобразным эквивалентом литературно-критических эссе.

В них содержится множество интересных наблюдений о психологии творчества Тургенева, например высказывание о «сказочном лиризме», присущем характеру и стилю Тургенева, проявившемся как в «Записках охотника», так и в «Стихотворениях в прозе». Этой же теме посвящены его письма о «Призраках», названных Анненковым не «фантазией», а «элегией». Интересные рассуждения о допустимости и границах «полюемических выпадов» содержатся в письмах по поводу «Отцов

и детей», об «истине памфлетной» и «истине беллетристической» — по поводу «Нови». В корреспонденциях последних лет, посвященных «Кларе Милич» и «Стихотворениям в прозе», критик проявил себя как философ и психолог. В «Стихотворениях в прозе» он одним из первых почувствовал «удивительно симпатичный образ автора» («... что за гуманность, что за теплое слово при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование» — ИРЛИ, ф. 7, № 13, л. 85).

Публикуемые письма 1853 г. относятся к начальному периоду личных и творческих взаимоотношений Анненкова с Тургеневым. К этому времени уже сложилась литературная репутация Анненкова — критика, автора повестей в духе натуральной школы, циклов очерков «Письма из-за границы» и «Парижские письма», в которых отразились его наблюдения над современной интеллектуальной жизнью Франции накануне 1848 г. Он много путешествовал, подолгу жил за границей, был в гуще общественно-литературных событий времени, сближался с людьми полярно противоположных интересов и настроений. Но это не было признаком всеядности, скорее — высокого альтруизма, по поводу которого современники не раз подшучивали: «Анненков весел, здоров, все так же умен, уклончив и еще с большим жаром, чем прежде, ловит современность во всем, боясь отстать от нее», — писал о нем не без иронии Л. Толстой⁷. Более терпимо отнесся к этой его черте Гоголь: «Ваше желание следить все, не останавливаясь особенно ни над чем, очень понятно. В нем слышится разумное стремление всего нынешнего века»⁸.

Он был желанным собеседником среди нежинских друзей Гоголя, в кружке Белинского и «Современника». Известно, что Анненков был первым русским корреспондентом Маркса, он же в 1841 г. в Риме переписывал под диктовку Гоголя «Мертвые души», а через шесть лет, отказавшись от увлекательной поездки на Балканы, отправился вместе с Белинским в Зальцбрунн (предварительно снабдив его деньгами на поездку), став единственным свидетелем создания исторического письма к Гоголю.

Знакомство с Тургеневым произошло в 1843 г. в Петербурге у Белинского, затем они часто встречались в России и за границей. Постоянная переписка, начавшаяся с 1852 г., с годами стала прочной, неизменно дружеской и литературной, отражающей духовное родство корреспондентов, общность культуры и воспитания, близость эстетических вкусов и литературных интересов.

В письмах 1853 г. высвечивается напряженная интеллектуально-духовная жизнь Тургенева, судьба его творческих замыслов периода Спасской ссылки. Основными тургеневскими темами в них становятся обсуждение «Записок охотника», повести «Постоялый двор», смена «старой манеры» писателя, освоение им романного жанра, чутко уловленные и поддержанные критиком. Он был одним из первых авторитетных свидетелей того, как нелегко давалось Тургеневу освоение «новой манеры». Посвященный помещичье-крестьянскому быту роман «Два поколения», доведенный до половины, Тургенев уничтожил. Остался лишь план романа. Письма Анненкова этого периода содержат ценный материал, позволяющий восстановить его творческую историю: «Я жду с замиранием сердца нового романа (< >) Ужасно хочется видеть деревенскую литературу, особенно после ваших слов, что изображали виденное и слышанное. Это всегда выходит хорошо», — писал он в письме от 20 марта 1853 г.⁹

Одно из публикуемых писем (от 1 мая 1853 г.) соотносится с проблематикой статьи Анненкова «По поводу романов и рассказов из простонародного быта». Излагая свою концепцию романа из народной жизни («естественной жизни», «естественного быта», по терминологии Анненкова), критик отталкивается не только от романа Григоровича «Рыбаки». По-видимому, анненковская концепция романа-эпопеи (не случайно в письме упомянут Гомер), в основе которой, по его мнению, должно быть «историческое содержание — верное и поэтическое»,

складывалась и в результате его наблюдений над работой Тургенева, и в процессе его собственных занятий Пушкиным, изучения творческой лаборатории, исторических замыслов поэта «К такой эпопее способен был Пушкин перед смертью, и можно с убеждением, судя по многим вещам, сказать, что он бы ее сделал», — писал он Тургеневу

Другая центральная тема анненковских корреспонденций — Пушкин, над собранием сочинений которого и «Материалами для биографии» он интенсивно работал в это время. В письмах к Тургеневу впервые отчетливо прослеживается внимание Анненкова к личности поэта, стремление постичь внутренний духовный опыт Пушкина в связи с его человеческой судьбой «Не нужно вам говорить о роковой связи, какая находится между талантом и жизнью», — писал он в феврале 1853 г., в самый разгар работы над биографией Пушкина. Сказанное относится не только к поэту, но и к трагической смерти Гоголя, и к писателям-современникам (Островскому, Гончарову, Писемскому), о которых Анненков сообщал Тургеневу «Ужасно приятно видеть жизненную прогулку всякого автора», — замечал он в другом письме, от 20 марта 1853 г. Под этим же углом зрения Анненков пристально следит за биографическими трудами других авторов. В П. Гаевского об А. А. Дельвиге, С. Т. Аксакова о М. Н. Загоскине.

В письме от 17 мая 1853 г. Анненков делится с Тургеневым своими раздумьями о биографическом жанре, о поисках своего тона, стиля повествования, о способе решения трудной задачи биографа «Вот что значит биография. Хорош человек, вытащит за собой и описателя, плоховат человек, так надобно в пять раз усилить талант описателя, живую сторону его взгляда и пера, — замечает он по поводу биографии А. А. Дельвига, подготовленной Гаевским — Неблагодарный предмет получил Гаевский в Дельвиге. Он хочет пояснить его им самим, от себя не прибавляя ничего, кроме добросовестности труда, — и удивительно, что выходит Ничтожество Дельвига! А Дельвиг не был ничтожен, будучи только обыкновенным человеком. Гаевский хочет отделаться оговоркой, что не намерен писать панегирики. Да не в этом дело. Не уразумел он своего человека, потерялся в библиографических разысканиях, видел одну пошлую, печатную сторону, видимую для всех, а не уразумел его потому, что это крайне трудно без догадки и таланта описывать обыкновенных людей, с которыми знаком не был лично. Биография Дельвига удивительно любопытна как ученое, трудолюбивое и длинное свидетельство, что биографии Дельвига еще не существует. Увы! Увы! То же самое грозит и другим господам Гаевским. » В последней фразе звучит автопризнание, сомнения на свой счет, возможно и боязнь перегрузить биографию Пушкина библиографическими разысканиями, в поисках которых он также обращался к Тургеневу.

Пушкинские штудии сложно преломились во многих эпистолярных свидетельствах корреспондента Тургенева. Сказались они в его оценках современной литературы, поэзии, в том числе стихотворений Некрасова «Старики», «Из Гейне» («Ах, были счастливые годы! »), вышедших в свет в первом номере «Современника» за 1853 г. «Не кажется ли вам, что содержание лиризма его теперь уже почти антипоэтическое? Или я заблуждаюсь от антицизма Пушкина? » — спрашивал он писателя в письме от 20 марта 1853 г.

Отзвук их ощутим и в суждении Анненкова о «роде сказочного лиризма», присущего, по его мнению, отдельным лучшим эпизодам второго тома «Мертвых душ» Гоголя и даже характерам людей поколения 40-х гг. (письмо от 12 апреля 1853 г.)

Пушкинская тема и Гоголь мощно звучат в переписке Анненкова разных лет, в том числе и в публикуемых письмах, объясняя его эстетические взгляды, во многом родственные (но не всегда тождественные) тургеневским. Его высокое суждение о Гоголе («Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики. » — в письме от 20 февраля 1853 г.) высказано в период усиленных занятий Пушкиным и в атмосфере острого интереса к Гоголю, литера-

турных споров вокруг его имени, возникших после сожжения второго тома «Мертвых душ» и смерти писателя Отмечая поэтические страницы у позднего Гоголя, Анненков согласился с Тургеневым, почувствовавшим во втором томе «Мертвых душ» проповеднический тон «Выбранных мест из переписки с друзьями» «Вы тонко и умно заметили, что у Гоголя есть какая то струя нечистая, которая сочится между рассказом Действительно есть» (письмо от 31 октября 1853 г) Позднее это наблюдение вошло в его мемуар «Гоголь в Риме летом 1841 года» Как видно из писем Анненкова, Тургенев в 1853 г также внимательно читал и перечитывал автора «Мертвых душ»

Ценность публикуемых писем и в том, что по своему характеру и стилю они представляют собой живые зарисовки лиц и событий литературно общественной и театральной жизни Петербурга напоминаящие своей многооттеночностью эскизы Анненкова «Письма из за границы» и «Парижские письма» Не случайно ссыльный Тургенев с нетерпением ждал писем друга, называя его перо «энциклопедически панорамическим»

Заслуживают внимания отзывы Анненкова о петербургских концертах П Виардо (ее бенефис «погрузил в слезы весь театр»), о неровной игре французской трагической актрисы Рашель его впечатление от чтения Писемским запрещенной театральной цензурой комедии «Ипохондрик» (« чудно! < > В России это бывает что медведь возьмет арфу, да на арфе и сыграет отлично Глазам не веришь» — письмо от 8 октября 1853 г) Личные вкусы и пристрастия Анненкова сказались в его репликах о Панаевском фельетоне в № 1 «Современника» за 1853 г, в котором были иронически представлены современные литераторы и критики («Панаев имеет успех великолепнейшего скандала»), или о Некрасове выигравшем в Английском клубе 8 тысяч серебром (письма от 20 февраля 1853 г) Интересны хотя и небесспорны его суждения об Островском, Гончарове

В публикуемых письмах выражены и личные чувства и привязанности Анненкова Тургенев был для него не только литератором, но и духовно близким дорогим человеком Анненков с нетерпением ждал его писем («бесед») «Я люблю получать от вас письма Всякий раз они расшевелият все что сонным лежит в чело веке, а это как гиппократовское пьянство раз в месяц — хорошо» (письмо от 12 апреля 1853 г) Он был первым, кто сообщил Тургеневу о «разнесшемся в Петербурге слухе» по поводу прекращения Спасской ссылки (письмо от 18 ноября 1853 г)

Публикуемые письма лишь малая часть неизданного эпистолярия Анненкова послужившего ему вместе с личными воспоминаниями основой для мемуарных очерков о Тургеневе «Молодость И С Тургенева 1840—1856» (1884) «Шесть лет переписки с И С Тургеневым 1856—1862» (1885), «Из переписки с И С Тургеневым в шестидесятых годах» (1887) Они представляют собой ценный историко литературный источник, важный не только для понимания творческой судьбы Тургенева, биографии и литературной деятельности самого Анненкова, но и для истории русской общественной мысли прошлого века

Письма П В Анненкова к Тургеневу публикуются по автографам ИРЛИ, ф 7 № 7 л 14—47 об

¹ См свидетельство сына Анненкова, Петра Павловича Анненкова, в письме к М К Лемке от 24 января 1912 г (ИРЛИ, ф 661, № 86, л 4)

² См Письма С Т, К С, И С Аксаковых (5 отрывков, 1852) / Публ Л Н Майкова // Рус обозрение 1894 № 10 С 488—497, Переписка И С Тургенева с П В Анненковым (1871—1883) / Предисл и примеч Л Н Майкова // Там же 1898 № 3, 4, 5, Письма Анненкова к Тургеневу (11) 1876—1877 / Публ М Беляева // Литературная мысль Пг 1928 Кн 1 С 193—207, *Достоевский Ф М и Тургенев И С* Переписка Л 1928 (в комментариях И С Зильберштейна опубликовано 10 отрывков 1863—1865 гг), Письма П В Анненкова к И С Тургеневу (53 письма 1855—1883 гг) / Публ и комментарии Н М Мен

дельсона // Тр Публичной библиотеки СССР им Ленина М, 1934 Вып 3 С 147—184, здесь же приложен указатель опубликованной переписки Тургенева и Анненкова, в котором обозначено 89 писем Анненкова к Тургеневу (1855—1883)

³ *Тургенев И С* Полн собр соч и писем В 28 т Письма В 13 т М, Л, 1961 Т 3 С 191 В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием тома и страницы

⁴ См об этом *Анненков П В* Две зимы в провинции и деревне С января 1849 по август 1851 года // *Анненков П В* Литературные воспоминания М, 1983 С 537—538

⁵ О литературно-критической деятельности Анненкова см *Егоров Б Ф* Борьба эстетических идей в России середины XIX века Л, 1982 С 212—258

⁶ Тр Публичной библиотеки СССР им Ленина Вып 3 С 64

⁷ *Толстой Л Н* Полн собр соч В 90 т М, 1949 Т 60 С 233—234

⁸ *Гоголь Н В* Полн собр соч Л, 1952 Т 13 С 383

⁹ Первую часть романа Тургенев отправил Анненкову 27 мая 1853 г Положительный отзыв Анненкова содержится в ответном письме от 12(24) июня 1853 г — Рус обозрение 1894 № 10 С 489—491, см также *Назарова Л Н* Комментарии к плану романа «Два поколения» // *Тургенев И С* Полн собр соч и писем В 30 т 2-е изд Соч В 12 т М, 1980 Т 5 С 525—535

1

26 января 1853 Петербург

Любезный Тургенев! Я давненько не отвечал вам, но первые хлопоты приезда всегда уносят время¹ Присылайте ваш роман, а за секрет отвечаю: никто не узнает, что вы пишете роман.² Мнение свое выскажу откровенно, а вы уже делайте с ним, что хотите потом. Можно бы и еще поговорить о рассказе вашем,³ но ведь этого остерегаться надо. Как вы сами справедливо заметили раз — всякое мнение может быть делимо до бесконечности. И вот пример: Катенин мне прислал записку о Пушкине и требовал мнения. В этой записке между прочим «Борис Годунов» осуждается потому, что не годится для сцены, а «Моцарт и Сальери» потому, что на Сальери взведено даром преступление, в котором он не повинен.⁴ На последнее я отвечал, что никто не думает о настоящем Сальери, а что это только тип даровитой зависти. Катенин возразил: «Стыдитесь! Ведь вы, полагаю, честный человек и клевету одобрять не можете». Я на это: «искусство имеет другую мораль, чем общество». А он мне: «мораль одна и писатель должен еще более беречь чужое имя, чем гостиня, деревня или город» Да вот десятое письмо по этому эфически-эстетическому вопросу и обмениваем, но напишите, как вам сам вопрос кажется⁵

Видел я Виардо в «Цирюльнике»⁶ и в «Ченерентоле»⁷ — больших опер не давали за болезнью Марио⁸ «Цирюльник», вы знаете, исполняется здесь с таким щегольством, что наконец — нехорошо становится, ей Богу. Боюсь, что вы смеяться станете моим профанным толкам о музыке, да сами хотели Уж какое ухищреннейшее мастерство везде, уж такие лаки наведены, что оперы нет, а концерт идет. Это, кажется, нехорошо, да так нехорошо, что иногда думается: послушал бы «Цирюльника» где-нибудь в Германии с посредственными певцами. Впрочем, в больших городах, может, так и нужно; по крайней мере здесь публика чем

более артист сыплет вокруг себя стружек, тем более в удовольствии А под конец стружками этими она вся и завалена по горло Ронкони, например, уж просто Ариолом становится и вверх ногами ходит Тоже и Лаблаш,⁹ тоже, отчасти, и Виардо Скажу вам, что голос ее все удивителен, но показался мне резче в верхних нотах, чем прежде, но зато низкие приобрели такую полноту и сладость, что чудо Не очень хороша была она и в «Ченерентоле» — в наивных ролях она для меня всегда походила на очень высокого человека, который беспрестанно наклоняется, чтобы лба не зашибить, и отличалась она от роли своим концертным пением С нетерпением жду ее на широкой манере, в «Пророке» и тогда уже изолью перед вами восторг свой Впрочем, раскаиваюсь, что пишу вам о музыке тут есть тонкие вещи, переходы из тона в тон и черт знает что, за которые знатоки, как вы, бьют себя по лбу и в грудь Я сам подобные вещи высоко ценю в других предметах и могу любоваться ими весьма долго, и не вина артистов, что я их недоразумеваю в музыке Больше ничего нового здесь нет, кроме удивительных проделок обезьян, выученных исполнять все штуки цирка, — это уморительно Если бы отрубить им хвостики, да приложить им немножко терпения, то ими можно было бы и балет заместить совершенно удовлетворительно Затем будьте здоровы, мой друг, и пишите

П Анненков

Генваря 1853

26

А за ваше участие в разысканиях о Ченстоне¹⁰ — глубокое спасибо Буслаев¹¹ обещал мне оказать точно такую же услугу в отношении Меримеевской подделки Славянских песен

ИРЛИ, ф 7, № 7, л 12—13, об, отрывок («Катенин мне прислал записку ~ как вам сам вопрос кажется?») опубликован в кн *Модзалевский Б Л Пушкин Л*, 1929, С 296—297

¹ 3 января 1853 г Анненков приехал из Чирьково в Москву, а затем в Петербург (см письмо от 3 (15) января 1853 г — ИРЛИ, ф 7, № 7, л 8—11, об)

² Речь идет о романе «Два поколения», над которым в это время работал Тургенев 10 (22) января 1853 г Тургенев писал Анненкову из Спасского «Что же касается до меня, — то я вот на что решился велю переписать написанные мною пять глав романа и доставлю их Вам в Петербург — с тем, чтобы *Вы их никому не показывали* — и возвратили мне их с Вашими замечаниями и советами Я чувствую, что они мне необходимы, а то — я здесь пишу и работаю словно в чужих краях — никто мне не умеет сказать, хорошо ли, худо ли я делаю — а ведь без отголосков такого рода могут работать только люди подобные Гоголю Нашему брату без них плохо» (ПСС₁ Письма Т 2 С 103)

³ «Постоялый двор» Свое мнение о нем Анненков высказал в письме от 3 (15) января 1853 г «Это вещь зрелая, обдуманная, спокойно выполненная и потому весьма замечательная, гораздо более замечательная, чем „Муму“, да, по моему мнению, и все прежние Ваши рассказы Еще ни в одном из них не было столько драмы, там только было усилие, стремление, желание драмы — здесь она есть честь селу Спасскому! Не должно обманываться, что род жгучести, свойственной этой драме, да и другим русским драмам, как „Антону Горемыке“, купцам Красильниковым, происходит от самого безобразного начала, от противоречий

нестерпимых, нечеловеческих При этом автору легко — за него работает действительность» (ИРЛИ, ф 7, № 7, л 8)

⁴ Мнение П А Катенина высказано в его воспоминаниях о Пушкине (Пушкин в воспоминаниях современников М, 1974 Т 1 С 192) Написанные по просьбе Анненкова, Воспоминания о Пушкине частично включены в «Материалы для биографии А С Пушкина» (СПб, 1855, см также изд М, 1984 С 266) О полемике Анненкова с Катениным по поводу «Бориса Годунова» и «Моцарта и Сальери» см Майков Л Н Пушкин СПб, 1899 С 320—321

⁵ В ответном письме от 2 (14) февраля 1853 г Тургенев писал «В вопросе о Моцарте и Салиери я совершенно на Вашей стороне — но это, может быть, оттого происходит, что нравственное чувство во мне слабо развито» (ПСС 1. Письма Т 2 С 121)

⁶ 29 декабря 1852 г П Виардо приехала на гастроли в Петербург Дебют ее в «Севильском цирюльнике» (опера Дж Россини по комедии П Бомарше) состоялся 3 января 1853 г П Виардо исполняла арию Розины По поводу ее дебюта К И Званцов писал в «Письмах о г же Виардо Гарции» «Весь город в три дня превратился в неистовое скопище энтузиастов — по улицам шум, крик, давка Особенно расходилась военщина < > В Большом театре несмотря на прибитое у кассы объявление, что мест уже нет, началась свалка с пяти часов, то есть за три часа до дебюта < > Ария „Una voce poco fa“ после самых восторженных и продолжительных криков пропета была с таким же чувством и огнем, как в 1843 году, костюм певицы был до последней пуговки тот же, и голос тот же, и фигура та же В лице чуть чуть заметно влияние промчавшихся лет, а в голосе² — никакой перемены, но высокие ноты певица хватает осторожнее, осмотрительнее прежнего¹ < > Исчислять ли все тонкости, затей и комические прибаутки в игре Розины, Лаблаша, Марио, Ронкони и даже Тальяfico³ Все это кипело, возилось под ухарские звуки Россини (цит по Розанов А С Полина Виардо Гарсна 3 е изд, испр и доп Л, 1982 С 90—91)

⁷ «Ченерентола» («La Cenerentola» — ит) — «Золушка» (1816), комическая опера Дж Россини Художественному воплощению П Виардо «Ченерентолы» посвящено стихотворение Теофиля Готье

⁸ Марио Джованни (1810—1883) — итальянский певец (тенор), муж Джулио Гризи, выступал на сцене парижской Итальянской оперы, в 1849 г пел в Лондонском театре с П Виардо, с 1843 по 1853 г несколько раз гастролитировал в Петербурге в театре Итальянской оперы

⁹ Ронкони Джорджио (1810—1890) — итальянский оперный певец (бас), Лаблаш Луиджи (1794—1858) — итальянский певец (бас) — в 1852—1853 гг пели в Итальянской опере в Петербурге

¹⁰ Тургенев помогал Анненкову в поисках «загадочного Ченстона», обращаясь сам и через П Виардо за справками к английскому критику Г Ф Чорли В результате в «Материалах для биографии А С Пушкина» разъяснялось Ченстон (указанный в подзаголовке к «Скупому рыцарю») — имя вымышленное (см Анненков П В Материалы для биографии А С Пушкина М, 1984 С 265, см также Модзалевский Б Л Пушкин Л, 1929 С 296—298)

¹¹ Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — русский филолог, искусствовед

2

⟨Около 20 февраля 1853 Петербург⟩

Я уже два письма получил от вас, умница моя, а отвечаю только теперь, и то с трудом¹ Сильное воспаление в глазах, продолжающееся до дня сего, мешало мне предаться влечению собственного моего сердца Спасибо о Шенстоне,² хотя он был решен для меня еще в Москве — остается Ченстон, но и тот много потерял важности своей Издатели «Атенеума» не слыхивали об его трагедии¹ Значит — все вздор Бенефис Виардо, «Сомнамбула»,³ погрузил в слезы весь театр — это не фигура, а правда, хотя я сам

не был в театре. Впрочем, первый пример она же сама подала, всплакнув при первом выходе своем от эмоции, порожденной блестящим приемом. Платок с кружевами подносим был к глазам и в первой арии голос содрогался и был пропитан слезами умиления: эффект пирамидальный! Словом — бенефис состоялся как нельзя лучше и певица была чудно хороша вместе с Марио. Не обошлось без плохих каламбуров однако же — «этот Марий, плачущий на развалинах Карфагена, хотя *сила* давно уже не существует». Глупо! А об литературе вот свежие новости: Некрасов выиграл в Английском клубе 8 тысяч серебром в пикет,⁴ Панаев имеет успех великопнейшего скандала фельетоном 1-го №, где говорится о «женитьбах космоса»⁵ (гадкая вещь, по моему, и стоило бы, чтоб близкие к нему люди, как вы, например, не поддакивали ему в этих мелких и крайне неблагоприятных мщениях), наконец дельная статья о *Дельвиге* Гаевского,⁶ где собраны весьма полезные указания, не исключая и тех, которые он дает будущим издателям Пушкина по поводу книг, взятых у самих же издателей этих, но как не поучить и не показать себя умному мальчику!

А по поводу Гаевского нельзя не перейти к С. Аксакову, который принадлежит решительно к наилучшим писателям нашего времени. Я зачитался его биографией Загоскина⁷ — мужа читаешь, батюшка, который без хлопотливости и напряжения говорит с вами, потому что имеет, что сказать. Очень хорошо. Комиссии ваши у Дудышкина и Краевского еще не исполнил, потому что две недели не выходил из дому: дай Бог, чтоб Леонтьев, так умный, по вашим словам на бумаге, поумнел и в жизни.⁸

Не нужно вам говорить о роковой связи, какая находится между талантом и жизнью. Писемский, например, много еще хороших вещей напишет, но бедность содержания в нем и его взгляда — ужасно поразительны.⁹ Они, кажется, даже помельче, чем у Гончарова — *et c'est beaucoup dire*.^a

Островский выходит из себя, чтобы отыскать важное содержание, — а все оттого, что пошловаты жизненно.¹⁰ Все они, да и вы тоже показались мне недавно неуловимыми, математическими человеками при слушании двух глав одного посмертного русского романа, — а какого — сами догадайтесь. Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики. Довольно сказать, что первая часть «Мертвых душ» кажется перед ним незрелым произведением, — впечатление, разделенное всеми слушателями со мной. Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как природа, так и характеры уже не описываются, а выставляются весьма скудными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают: от этого манера изложения столь широкая, что с первой строки вы посреди картины и только стоит оборачиваться во все стороны. Есть характер, которым занимались

^a и этим уже много сказано (*фр.*).

все наши писатели, — человека, на все и ни на что не способного, со стремлениями, да без натуры, с решимостью в голове, да отсутствующего перед первой щепкой на дороге

Этот характер был в воздухе — вероятно за него взялся и Гоголь, но что вышел его *Тентетников* — долго говорить, также долго говорить о нравственной мысли самого романа ¹¹ Довольно — это вещи гениальные!

Я бы вам прислал «Самозванца» Мериме, ¹² если бы вы возвратили мне книжку *назад непременно*, ибо отдельных книжек журнала нет еще. Если вы это сделаете осмотрительнее, чем со статьей, которая вам дана была на рассмотрение и вами потеряна, то будете иметь «Самозванца». А он принадлежит к тем вещам, про которых говорят только об авторе, а не о самой вещи, именно толкуют, что автор читал что-то по-русски, изучал что-то, написал что-то как будто и нечто, а впрочем и вздору чистейшего наврал, но однако ж все же старается и прилежен, да и любопытно как он вещи понимает Вот — увидите сами Исаков, ¹³ между прочим, на днях послал Мериме по его требованию все акты исторических и археологических наших экспедиций и комиссий Что-то он еще откроет? Может быть, что Москва долго боролась с Тверью, как теперь открыл, что Димитрий должен называться Самозванцем и что Гришка и Отрепьев — два разные лица! ¹⁴

Я вам огромное письмо накатал и хочу, чтоб вы мне рассказали о своих чтениях, мыслях по поводу книг и вообще писали подробнее о себе, а то нехорошо, что вы сибаритствуете перед людьми, которые хотели бы знать об вас много и пространно.

Прощайте

Февраль.

П. Анненков

ИРЛИ, ф 7, № 7, л 14—15, об., строки «Это колокол Ивана Великого », «Писемский, например, еще много хороших вещей напишет » — процитированы *Вопр лит* 1957 № 2 С 181, ПСС₁, Письма Т 2 С 482

Датируется предположительно около 20 февраля 1853 — по содержанию и по связи с ответным письмом Тургенева от 24 февраля 1853 г («Вчера же поутру получил я Ваше письмо» — ПСС₁ Письма Т 2 С 128)

¹ Письма Тургенева от 10 (22) января и 2 (14) февраля 1853 г (ПСС₁ Письма Т 2 С 102—105, 120—121)

² Сведения об английском поэте Д Шенстоне (Ченстоне) Анненкову были необходимы в связи с комментированием подзаголовка к «Скупому рыцарю» Пушкина «Сцены из Ченстоновой трагикомедии *The covetous Knight*» В письме к Анненкову от 2 (14) февраля 1853 г Тургенев цитировал отрывок из письма Ф Чорли по этому поводу «Я могу сказать Вам с уверенностью, что в этом случае Ваш великий писатель (Пушкин) позабавился над Вашей публикой Ни такой драмы, ни даже отрывка не существует у Шенстона» (ПСС₁ Письма Т 2 С 120)

³ Бенефис П Виардо в «Сомнамбуле» (опера В Беллини) состоялся 9 февраля 1853 г в Петербурге Об эмоциональном выступлении певицы и о ее огромном успехе там же восторженно писал К И Званцов (см *Розанов А С Полина Виардо-Гарсия* 3-е изд, исп и доп Л, 1982 С 97—98)

⁴ 9 июля 1853 г Некрасов писал Тургеневу «Кстати, до тебя, кажется, дошли слухи о моих клубных подвигах, — действительно, я выиграл до 9 т(ысяч) сер(ебром) и, если б не был трусоват в игре, то мог бы выиграть состояние — такое везло счастье целый месяц неизменно!» (*Некрасов Н А Полн собр соч и писем М*, 1952 Т 10 С 193)

⁵ Речь идет о фельетоне И И Панаева «Канун нового, 1853 года, Кошмар в стихах и прозе, Нового поэта» (Современник 1853 № 1 Отд VI С 98—125), где были иронически представлены современные литераторы и критики Резкий выпад Панаев допустил против Н Г Фролова, переводчика «Космоса» А Гумбольдта и автора труда «Александр фон Гумбольдт и его Космос», печатавшегося в «Современнике» (1847—1849) В фельетоне Панаева содержался и намек на женитьбу Фролова на больной сестре Станкевича Фельетоном Панаева был возмущен Т Н Грановский Тургенев отнесся к нему снисходительно «Решительно — лучше всего в нем, „Современнике“, № 1 — статья Нового поэта, — писал он Некрасову и Панаеву 6 (18) февраля 1853 г — Умнее и милее ее ты, Панаев», давно ничего не писал — над ней и захохочешься, и надумаешься вдоволь (Что скажет Фролов о ней — это другое дело)» (ПСС₁ Письма Т 2 С 122)

⁶ Имеется в виду статья В П Гаевского «Дельвиг (Полное собрание сочинений русских авторов Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига Изд А Смирдина СПб, 1850)» Статья первая (Современник 1853 № 2)

⁷ «Биография М Н Загоскина», написанная С Т Аксаковым (Москвитянин 1853 Т 1, № 1), так же высоко оценивалась и Тургеневым «По глубокому и явному пониманию характера и таланта того человека, которому она посвящена, по теплоте сочувствия, разлитого в каждой строчке, по внутренней ее соразмерности и спокойному мастерству изложения биография эта может назваться образцовой», — писал он С Т Аксакову (ПСС₁ Т 2 С 111—112)

⁸ Константин Николаевич Леонтьев — автор повести «Немцы», которую Тургенев отправил А А Краевскому в «Отечественные записки» Анненков должен был узнать у Краевского о судьбе повести и передать С С Дудышкину просьбу «тщательно поддержать корректуру» и последить за повестью К Н Леонтьева

⁹ Отзыв об А Ф Писемском был вызван его комедией «Раздел» (Современник 1853 № 1), недостатки которой признавались автором Тургенев оценивал ее как «очень дюжинную и топором сляпанную вещь» (ПСС₁ Письма Т 2 С 122) Анненков заинтересованно и сочувственно относился к творчеству Писемского Развернутое суждение о нем содержится в его статье «Художник и простой человек Из воспоминаний об А Ф Писемском» (1882) (Анненков П В Литературные воспоминания М, 1983 С 478—515)

¹⁰ Высказывание об А Н Островском относится к его комедии «Не в свои сани не садись», поставленной в Петербурге 19 февраля 1853 г Критическое суждение Анненкова было вызвано славянофильской тенденцией пьесы, проявившейся в идеализации патриархального быта

¹¹ Одно из первых чтений сохранившихся рукописных глав второго тома «Мертвых душ» Гоголя состоялось в Петербурге 9 февраля у А Н Карамзина (см Никитенко А В Дневник М, 1955 Т 1 С 360) Главы читались Д А Оболенским, принявшим участие в подготовке к печати посмертного издания сочинений Гоголя Анненков, принадлежавший к первым читателям второго тома, оценивает гоголевское произведение на фоне современной литературы, отдавая предпочтение Гоголю После публикации глав второго тома (1855) отношение Анненкова к ним стало более критичным В «Воспоминаниях о Гоголе Рим, летом 1841 года» (Библиотека для чтения 1857 Т 141, февраль, ноябрь) он отметил «участие призрака», т е идеализацию, неоднородность и двойственность второго тома

¹² Речь идет о драматических сценах П Мериме «Лжедимитрий» («Le Faux Demetrius, scenes dramatiques») (Revue des deux Mondes 1852 15 décembre Т 16)

¹³ По-видимому, Исаков Яков Алексеевич (1811—1881) — петербургский издатель и книгопродавец

¹⁴ В 1850-е гг П Мериме увлеченно занимался изучением русской истории XVII—XVIII вв (см Заборов П Р Русская история в переписке И С Тургенева с П Мериме // И С Тургенев (1818—1883—1958) Статьи и материалы Орел, 1960 С 245—252) Анненков выразил недовольство концепцией Мериме, согласно которой Лжедимитрий был не кто иной, как запорожский казак (по Мериме, Лжедимитрий и Григорий Отрепьев не тождественны) Произвольное истолкование русских источников, недостаточное знакомство с русскими нравами эпохи, известные натяжки в «Лжедимитрии» Мериме отмечались и в русской печати (см Зернин Л А Осамозванцах // Библиотека для чтения 1853 № 1 Отд II С 1—64)

20 марта (1853). (Петербург).

Чудак Вы, мой рослый друг! Я жду с замиранием сердца нового романа, а он еще из Москвы писца ждет! Зачем же было аппетиты раздражать. Без шуток, постарайтесь скорее его переписать.¹ Ужасно хочется видеть деревенскую литературу, особенно после ваших слов, что изображали виденное и слышанное. Это всегда выходит хорошо. Старик Щепкин — молодец!² А здесь пронесся слух, что он умер по той причине, что Щепин умер. Вот Каратыгин-таки умер! Народу *среднего* сословия было у него тьма на похоронах, и это меня обрадовало.³ Всегда хорошо, когда человек помнит удовольствие испытанное и приходит благодарить за удовольствие. Это важнее, чем деньги.

Поправку за *M-me V(iardot)* я принял — действительно, это может быть, что вы говорите, впрочем как первый элемент, потому что впоследствии она округлила, кажется, для сцены испаниенизм свой.⁴

А об Островском вы мне сделали услугу, назвав Дидро.⁵ Это очень метко. Старик-купец особенно пропитан им. Автор и не думал, да так вышло. А если нет дидровской занимательности, то есть равносильное — лессинговская, но больно чейновитая (?) реальность. Но хорошо! Что далее будет — увидим. Ужасно приятно видеть жизненную прогулку всякого автора. А то здесь в Питере авторы как купеческие дочери в Духов день сидят себе на скамейках в саду, да и только. Авдеев, Михайлов, Панаев etc.

Напишите-ка, что вы думаете о последних стихах Некрасова в «Современнике»? Не кажется ли вам, что содержание лиризма его теперь уже почти антипоэтическое?⁶

Или я заблуждаюсь от аттицизма Пушкина,⁷ или соболезнование о том, что сыт, да ни к чему не годен по пословице: сытое брюхо к учению глухо, не есть поэтические данные. Непременно напишите об этом.

Запускать в себе какую-нибудь болезнь, хоть бы и глухоту к поэзии — не должно. Дайте совет и *remedium*.⁸

Об издании моем напишу к вам, когда можно будет написать что-нибудь положительное.⁸

Жду вашей беседы и сам когда-нибудь побольше напишу. Когда случится. Много есть предметов и хотелось бы наболтаться.

Не будь Корша⁹ — умер бы внутрь вошедшим болтовством.

20 марта

П. Анненков

Арапетов о Капустине известен,¹⁰ а что намерен для него сделать — отвечать будет сам.

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 18—19, об. Год устанавливается по содержанию.

⁴ лекарство (лат.).

¹ Речь идет о романе Тургенева «Два поколения»

² Щепкин Михаил Семенович — русский актер, приезжал к Тургеневу в Спаское и пробыл там с 9 по 15 марта 1853 г., Шепин — лицо неустановленное

³ Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — трагик петербургского (с 1832 г. — Александринского) театра, автор и переводчик нескольких пьес, умер 13 марта. О его многолюдных похоронах, состоявшихся 16 марта в Петербурге, писал его брат П. А. Каратыгин: «С самого раннего утра народ всевозможных званий и возрастов толпился около церкви в ожидании похорон. По окончании отпевания гроб вынесли из церкви и < > на руках донесли вплоть до Смоленского кладбища < >. Самый гроб трудно было видеть в толпе народной массы. До самого кладбища, по обеим сторонам линий Васильевского острова, по которым следовала похоронная процессия, стояла необозримая толпа народа. Ни одному из прежних петербургских артистов до того времени не было оказано такого народного почта, такого искреннего сожаления об его утрате» (*Каратыгин П. Записки* Л., 1970 С. 281—282)

⁴ Имеется в виду суждение Тургенева в письме к Анненкову от 14, 15 (26, 27) марта 1853 г. из Спасского: «Я сам знаю, что М те V<argdot> слишком много играет — но у ней это происходит не от эклектически-немецкой рефлексии, а от ее реалистической южной натуры» (ПСС, Письма Т. 2 С. 138)

⁵ В письме к Анненкову от 14, 15 (26, 27) марта 1853 г. Тургенев сообщал о большом впечатлении от чтения М. С. Щепкиным (в Спасском) пьесы А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» и о возникшей у него аналогии с пьесой Дидро «Отец семейства» и другими его драмами «с сильной начинкой естественности и морали»: «Я не думаю, чтобы эта дорога вела к истинному искусству» (ПСС, Письма Т. 2 С. 137—138). Позднее Анненков написал об Островском ряд статей: «О бурной рецензии на „Грозу“ Г. Островского, о народности, образованности и о прочем» (1860), «О „Минине“ Островского и его критиках» (1862) «Современная беллетристика: Н. Г. Помяловский, Н. В. Успенский, Н. Щедрин, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, Н. Кохановская, А. Ф. Писемский» (1865)

⁶ Речь идет о стихотворениях Некрасова «Старики», «Из Гейне» («Ах, были счастливые годы!»), опубликованных в № 1 «Современника» за 1853 г. В ответном письме от 2 (14) апреля 1853 г. Тургенев писал по этому поводу: «Разумеется — это становится антиподом всякой поэзии — я ему тогда же написал, что такие стихи лучше не печатать — притом эта поэзия *отрывки* и дурного пищеварения не выкупается ни едкостью желчи и насмешки над самим собою — ни даже жидовски блестящим умом a la Heine Remedium, как Вы говорите — тут очень простое — не писать таких вздор — но я не довольно близок с Некрасовым, чтобы преподавать ему подобный совет» (ПСС, Письма Т. 2 С. 141). Незадолго до смерти Некрасов распорядился исключить «Стариков» из основного свода своих стихотворений и перенести в приложение (*Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем* Л., 1981 Т. 1 С. 608). Суждение Анненкова о поэзии Некрасова не было неизменным. После выхода сборника «Стихотворений» Некрасова (1856) он писал ему: «Вам, может быть, Тургенев не говорил, что стихотворения Ваши я считаю единственными серьезными поэтическими произведениями нынешнего времени» (ЛН 1949 Т. 51—52 С. 97)

⁷ Атицизм (от греч. *atikismos*) — утонченность и интеллектуальная образность речи, свойственная жителям Аттики (в Древней Греции), главным образом афинянам в лучшую пору развития их культуры. Критерии оценок современной поэзии, в частности стихотворений Некрасова, выработались у Анненкова в процессе его занятий по подготовке сочинений Пушкина и «Материалов для биографии» поэта

⁸ Имеются в виду подготавливаемые Анненковым Сочинения Пушкина и «Материалы для биографии А. С. Пушкина», работа над которыми была в разгаре

⁹ Корш Евгений Федорович (1810—1897) — редактор газеты «Московские ведомости» в 1843—1848 гг., в 1858—1859 гг. — издатель и редактор журнала «Атеней», знакомы Тургеневу

¹⁰ По видимому, Анненков обращался к И. П. Арапетову по просьбе Тургенева в связи с его хлопотами по поводу устройства на службу Дмитрия Яковлевича Колбасина

12 апреля <1853>. Петербург.

Здравствуйте мой почтенный Иван Сергеевич! Я люблю получать от Вас письма.¹ Всякий раз они расшевелият все, что сонным лежит в человеке, а это, как гиппократовское пьянство раз в месяц — хорошо. На учителя в Гоголе, Александра Петровича, смотреть, кажется, нечего — он только мелькнул. Улинька тоже без движения остается и только выведена на сцену под ручку, как певунья фортепианистом, который будет ей аккомпанировать.

Но почему Селифан не может видеть во сне хоровода с девушками — не знаю. Разве вот почему. Мы с малых ногтей всякого лирического оттенка в романе боимся суеверно. Конечно, поэзия всякого лица должна быть точно такая же кривая, как его рожа, но и Селифан, пораженный хороводами, нисколько не делается от того Линдором.² Да только может вам казаться, что во сне могут видеть сны только особи первых 4-х классов. Говоря без шуток, я считаю вашу заметку просто делом пугливости перед родом сказочного лиризма, который есть тоже род, как и всякий другой, и нисколько не лучше и не хуже. У меня самого это есть в характере, у вас тоже, у Арапетова в колоссальной степени, у Боткина в щелочном виде и проч. Поэтому я только и поднял эту заметку.

Я рад без лицемерия, что Аким нравится Москве.³ Это и должно было так быть. Он имеет много симпатического и много верного, и много высказанного скромно-глубоко. Так. Но повесть остается по-прежнему для меня таким родом, который возбуждает общее удовольствие в минуту появления и пользуется через годик-другой почетным равнодушием.

Поглядите-ка, что делает теперь на свете другой Аким, дядя Том в своей хижине, но, по всем вероятностям, в седые наши головки не прибавится и лишнего седого волоска, когда дядя Том забвен будет.⁴

А между тем все очень благородно, очень тепло и есть превосходные страницы. Но дядя Том и дядя Аким есть полемика, а не создание. Им и чести настолько, насколько полемике прилично, по пословице гражданской: чин чина почитай. Нет. Не обращайтесь вы с любовью на него, принимайте похвалы заслуженные, а про себя думайте свою думу. Впрочем, весьма важную часть благодарности можно упрочить и одной этой стороной, да я думаю, что вы пригодны на лучшее.

«Немцы» — повесть потребовала очищения — и потому не скоро еще увидят свет.⁵ Мне говорили, что противопоставление их с типами русских особенно вышло ярко для печати, что может быть и весьма основательно.

Что сказать еще? Светлые дни наступили у нас, т. е. на небе, а на землишке порядочная грязь. Журналы пусты, книг нет; две последних части истории Милютина еще лучше первых.⁶

О Ченстоне жду известия с живым нетерпением⁷ О приезде к вам еще поговорим Концерты завершились Виардо пела романсы русские и «Студенческую хоту» очень изящно⁸ Сколько сдержанности и эстетической учтивости в разгульных вещах даже Испании и вообще Запада! Скрипач Леонар⁹ с своей превосходной школой и игрой — затеснен был однако же Контским,¹⁰ который выдумал чудную хитрость для денег. На другой день объявления своего о концерте, он припечатал, что нет ни одного билета более в концерт. Он раздал все билеты даром, а на другой концерт уже у него действительно не было мест. Не глупо Впрочем, он тоже хорош, но играет преухищенно, так что на фокус похоже Певческая капелла была по обыкновению изумительна Даргомыжскому на концерте Общества посещения бедных поднесли за создание гениальных вещей, еще никому не известных, серебряную с камнями капельмейстерскую палку.¹¹ Теперь только остается ему написать что-либо Какие, бишь, еще новости? Знаете ли, чей «Дневник студента»? — Жихарева.¹² Истинно печальна бывает человеческая пустота. Панаев с ним давно знаком, Жихарев к нему даже напрашивается со своими портфелями (весьма любопытными), а тот предпочитает рассказы Мухортова¹³ Впрочем, кажется и вы думаете, что есть какое-то достоинство издавать журнал из особой комнаты Дюссо.¹⁴ Это сделали педанты своими нелепостями.

Adieu

П. Анненков

Апрель 12-го.

СПб.

ИРЛИ, ф 7, № 7, л 20—21, об, строки « почему Селифан не может видеть во сне хоровода ~ не делается от этого Линдором» — процитированы Вopr лит 1957 № 2 С 181, ПСС₁ Письма, Т 2 С 490

¹ Анненков отвечает на письмо Тургенева от 2 (14) апреля 1853 г (ПСС₁ Письма Т 2 С 141—142)

² Анненков возражает Тургеневу по поводу его оценки эпизода из первой главы второго тома «Мертвых душ» «Не могу я также переварить Селифана, видящего во сне, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками» (там же С 142)

³ Имеются в виду восторженные отзывы С Т, И С и К С Аксаковых о «Постоялом дворе» (см их письма к Тургеневу от 10, 11, 12, 14 марта, 1853 г — Рус обозрение 1894 № 9 С 26—32)

⁴ Анненков сравнивает «Постоялый двор» с «Хужиной дяди Тома» (1852) Г Бичер-Стоу

⁵ Запрещенная цензурой повесть К Н Леонтьева «Немцы» Под названием «Благодарность» опубликована позднее в «Московских ведомостях» (1854 № 6—10)

⁶ Речь идет об исторических трудах Дмитрия Алексеевича Милютиня (1816—1912) «Описание военных действий 1839 г в Дагестане» (СПб, 1850) «История войны между Россией и Францией в царствование имп Павла I» (СПб, 1852—1853)

⁷ См письмо Анненкова к Тургеневу от 26 января 1853 г (№ 1), примеч 10

⁸ 8, 9, 10 апреля 1853 г, после возвращения из Москвы П Виардо выступала на концертах в Петербурге В числе русских романсов ею исполнялись «Соловей» А А Алябьева, «Безумная» А С Даргомыжского, «Любила я твои глаза»

Мих Ю Виельгорского и «Студенческая хота» Заключительные концерты состоялись позднее, 22 и 26 апреля 1853 г

⁹ Леонар Юбер (1819—1890) — бельгийский скрипач, гастролировавший с 1844 г во многих городах, 10 апреля 1853 г выступил вместе с П Виардо в Михайловском театре

¹⁰ Контский Аполлинарий (1825—1879) — польский скрипач, композитор, дирижер С 1850 г концертировал в России

¹¹ 9 апреля 1853 г П Виардо участвовала в авторском концерте А С Даргомыжского (в зале Дворянского собрания в Петербурге) Она исполнила несколько русских романсов, с особенным успехом — романс А С Даргомыжского «Безумная» В числе почитателей таланта Даргомыжского имя певицы было выгравировано на ручке серебряного дирижерского жезла, подаренного композитору (см *Розанов А С* Полина Виардо-Гарсиа 3-е изд, испр и доп Л, 1982 С 104) По словам А Вольфа, П Виардо «ввела <Даргомыжского> решительно в моду, имя его сделалось известным и в тех слоях общества, где о русских композиторах не имели никакого понятия» (*Вольф А* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года СПб, 1877 Т 1 С 164)

¹² «Записки современника Дневник студента с 1805 по 1807 год» (ч 1) С П Жихарева опубликован в «Москвитянин» (1853 № 3, февраль, кн 1)

¹³ Мухортов Захар Николаевич (ум 1876) — знакомый Тургенева, вице президент Вольного экономического Общества, в «Современнике» не печатался

¹⁴ Намек на частые посещения И И Панаевым ресторана Дюссо в Петербурге В ответном письме от 21 апреля (3 мая) 1853 г Тургенев писал «Помилуйте, друг мой, почему Вы думаете, что я сочувствую изданию журнала в комнате Дюссо, на лоне Мухортова, под шум речей Лонгинова и в дыму тех толстых и вонючих цыгар, которых покойный В<иссарин> Г<ригорьевич> называл ?» (ПСС, Письма Т 2 С 145)

5

1 мая <1853. Петербург>

Я сейчас, Тургенев, получил книжку «Revue» и полнедели тому письмо ваше: ¹ спасибо за все любезное, сказанное Вами в нем. Касательно Григоровича я разделяю ваше мнение — очень верно все, очень хорошо написано и главное — есть *стиль* в живописи его, но оно скучновато, именно оттого, что естественной жизни достанет на очерк и никогда на роман. И тут еще чем более соображений, чем шире план и упорнее добросовестность, тем скучнее. Я убежден, что в наше время можно сделать эпопею, что она возможна, но для нее уже надобно непременно историческое содержание — верное и поэтическое. К такой эпопее способен был Пушкин перед смертью и можно с убеждением, судя по многим вещам, сказать, что он бы ее сделал. Но уже просто взять á la Гомер нынешний естественный быт и переворачивать его и ставить его под разные освещения — все будет скучно, хоть обливайся потом.² Григорович не подозревает, что он хочет построить Ватикан и все его комнаты наполнить самыми настоящими медными крестиками и складными образками. Что за мысль! Но Григоровичу это жестоко бы сказать в глаза — вне своего музея — он пропал. Ни капли ума, ни капли мысли, ни капли таланта — и даже ни капли истинной наблюдательности. И если бы вся Москва обязалась клятвенно читать только Островского и Григоровича, то все же для простого человеческого достоинства следует думать, что это каприз Москвы.

Кстати, вы мастер писать очерки. Не напишете ли вы, чему учится девочка у петербургской французской мадамы, как она там растет и потом, что с нею делается опять в деревне, у господ или, пожалуй, у родителей. Если рассказать просто, без особенных ужасов, даже шутливо, то картина мерзости образования выйдет очень порядочная. Это я вздумал потому, что несколько кадаверов³ этого рода я видел на веку моем, но что меня в них особенно поразило, так следующее. Всякая, даже самая сильная мерзость образования имеет несколько черт, несколько оттенков, которыми всегда превосходит естественную жизнь. Где-нибудь да она нравственнее, изящнее, нежнее естественной жизни. Перегаженная и отвратительная личность может видеть под ногами своими, одну минуту конечно, всю добродушную и здоровую естественную жизнь. Надо храбрость, чтобы сказать это *roug le temps qui souge*,^a но что это не парадокс — так несколько фактов, и все в одном роде, меня в том утверждают. Подобный очерк рядом с Акимом был бы его дополнением и снял бы с него резкую односторонность, и отвел глаза от одного и того же предмета.

Какой-то француз сказал, что Германия нестерпимо кокетничает своим Арминием.⁴ Неужто всю жизнь нашу проведем мы в том, что будем кокетничать нашей зимой, нашей весной, летом, осенью и нашим Антоном, Архипом и проч. Все это пишу я вам так, потому что болтаю с вами, а разумеется, никакой надобности в предложении нет, да и сама мысль может быть еще только вздор разговорный.

Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваливается, ибо есть люди, изливающие силу свою из одежд, если даже и сзади к ним прикоснешься. А вышло биографии на могущественный том листов в 30. Это, разумеется, сожмется в дальнейшем ходу. Задавлен я теперь проверкой текстов. Эта работа, над которой, с непривычки, я ей-Богу погибал и теперь еще едва на поверхности, но надеюсь, нынешним летом все порешится. А мы здесь столы вертим — с ума сошли на столах. Нет дома, где бы не вертели стола. Нет такого чахоточного, который бы не заставил бы вертеться стол. Посильнее привязываются к шкапам и тоже заставляют ходить, говорят. Многие уже кинули столы, представляя их детям, а сами принялись за магнетизировку колец, которые у них, повешенные на шелковой ниточке, стучат в пустой стакан: который час? Сколько лет соседу? и проч. по желанию. Недавно одна барыня спросила у кольца: сколько у меня детей? Кольцо простучало 4. Муж тоже хотел испробовать магнетизм, взял кольцо и загадал: сколько у меня детей. И кольцо публично донесло, что 1. Мы смеялись анекдоту раз по пяти в день и уже четвертые сутки. А удивительно. Все говорят, что только Мессмер⁵ не дожил до нас. Впрочем, очень холодно на дворе и ни листка на деревьях.

Adieu

П. Анненков

1-го мая.

^a в настоящее время (*фр.*).

ИРЛИ, ф 7, № 7, л 22—23, об Год устанавливается по содержанию и связи с ответным письмом Тургенева от 21 апреля (3 мая) 1853 г (ПСС, Письма Т 2 С 144—146)

¹ Письмо Тургенева от 21 апреля (3 мая) 1853, см письмо Анненкова около 20 февраля 1853 (№ 2), примеч 12

² Солидаризуясь с тургеневской оценкой романа Д В Григоровича «Рыбаки» (1853) (« при всех достоинствах григоровических „Рыбаков“ < > мне очень было скучно их читать» — ПСС, Письма Т 2 С 145), Анненков выражает сомнение в создании романа из народной жизни (по его терминологии — «естественной жизни») в современной литературе Его концепция романа, эпопеи (в основе их должно быть драматическое событие исторического содержания) складывалась и в процессе его занятий Пушкиным, изучения творческой лаборатории, исторических замыслов писателя Аналогичные суждения изложены в статье Анненкова «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» (1854)

³ Кадавер, кадавр от фр cadavre — труп

⁴ Арминий (Армин) (18 или 16 г до н э — 19 или 21 г н э) — вождь германского племени херусков, освободитель Германии от ига римлян

⁵ Мессмер Франц Антуан (1734—1815) — австрийский врач, сторонник теории о «животном магнетизме», магнитной «силе» планет, действующей на человека

6

17 мая. <1853>. Петербург.

Сейчас получил Ваше письмо,¹ Тургенев, и отвечаю. Событийно ваше предложение ехать в Спасское и по картине его, а более еще по добродушию и ласке, с какими вы пишете. Так или сяк, но я увижусь с Вами в нынешний 1853 год, но когда? Теперь я не могу оставить город, в котором все материалы у меня под рукою, начиная с Публичной библиотеки и до Вашей, да, вашей, сохраняющейся у Языкова.² Польза, которую Вы мне приносите ею, тогда только может быть оценена, когда узнаем, что русской библиотеки нет нигде, что Публичная не имеет не только собрания журналов и альманахов, но даже издания 1825 и 30-х годов (Крылов, Дельвиг, Востоков считали ее своей собственностью и оставляли у себя на дому присылаемые книги),³ что для незначительной справки о стихе надо объехать Лонгинова, Гаевского, Срезневского⁴ и проч. и проч. Таковы условия труда на Руси.

Вы мне подтвердите право на вашу библиотеку, как на мою временную собственность — это необходимо для меня. Но уже время недалеко, полагаю, когда я высвобожусь и тогда непременно у Вас и всю тонкую кухню съем и погреб отведаю. Об этом спешимся, но роман перешлите непременно сюда.⁵ Долго держать его не стану, и одно из двух, или сам привезу назад, или перешлю, если не будет другого назначения.

Вот что значит биография. Хорош человек, вытащит за собой и писателя, плоховат человек, так надобно в пять раз усилить талант писателя, живую сторону его взгляда и пера. Неблагодарный предмет получил Гаевский в Дельвиге.⁶ Он хочет пояснить его им самим, от себя не прибавляя ничего, кроме добросовестности труда — и удивительно, что выходит. Ничтожество Дельвига!

А Дельвиг не был ничтожен, будучи только обыкновенным человеком

Гаевский хочет отделаться оговоркой, что не намерен писать панегирики Да не в этом дело Не уразумел он своего человека, потерялся в библиографических разысканиях, видел одну пошлую, печатную сторону, видимую для всех, а не уразумел его потому, что это крайне трудно без догадки и таланта описывать обыкновенных людей, с которыми знаком не был лично

Биография Дельвига удивительно любопытна как ученое, трудолюбивое и длинное свидетельство, что биографии Дельвига еще не существует Увы! Увы! То же самое грозит и другим господам Гаевским

Здесь Щепкин — везет издыхающего сына за границу Он еще до сих пор не может опомниться от великолепного прощального обеда, данного ему Москвой, и всплакивает поминутно, как заговорят о нем⁷ Вот чем Москва весьма высока И нелепость, и доблесть — все в размерах, в углах и завитках, сильно лежащих на мозги Как не кричи, что образца нет и диспарат делает, а все живописно

Арапетову передам сегодня же ваше письмо⁸ и попрошу о скорейшем ответе

Тепло становится Зелень еще все-таки редка, но пыль заела уже первые листья деревьев на дачах и островах Вот почему должно считать лучше всей весны праздники у Излера⁹ с лампами между берез, скаликами в акациях, плясунами и цыганами в залах

Здесь также приехал Огарев хлопотать о деньгах, которые Павлова не хочет ему платить, — шельма женщина-поэт!¹⁰ Покамест он хочет завести фортепиано и писать на них романсы — право! Так кто во внутренних монологах обретается, кто у Излера и на королевской даче, а об весне, соловьях, охоте, затишьях¹¹ и аллеях лиственных тут говорить не приходится

Adieu

П Анненков

17 мая

СПб

ИРЛИ, ф 7, № 7, л 24—25 Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом Тургенева от 12 (24) мая 1853 г (ПСС, Письма Т 2 С 149—151)

¹ Письмо Тургенева от 12 (24) мая 1853 г

² Речь идет о библиотеке, купленной Тургеневым в 1853 г у вдовы Белинского и хранящейся у М А Языкова (см *Ланский Л* Библиотека Белинского // ЛН 1948 Т 55 С 431—432) В ответном письме Тургенев предоставил Анненкову «полное право распоряжаться» его библиотекой (ПСС, Письма Т 2 С 159)

³ Иван Андреевич Крылов на протяжении тридцати лет (с 1812 г) служил в Публичной библиотеке, поэт Антон Антонович Дельвиг с 1821 по 1825 г служил помощником библиотекаря под началом И А Крылова, Александр Христофорович Востоков (1781—1864) — поэт, филолог славист, служил в Публичной библиотеке с 1815 г

⁴ Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — библиограф Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) — филолог славист, Виктор Павлович Гаевский (1826—1888) — библиограф, критик

⁵ «Два поколения»

⁶ Имеется в виду статья В. П. Гаевского «Дельви (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига СПб., 1850)», опубликованная в «Современнике» (1853 № 2, 5, 1854 № 1, 9). По поводу нее Некрасов писал Тургеневу 20 января 1853 г. «Кстати о биографиях Гаевский написал прекрасную статью о Дельвиге» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем М., 1952 Т. 10 С. 187). В критических суждениях Анненкова о работе В. П. Гаевского сказались раздумья над собственным трудом — «Материалами для биографии А. С. Пушкина».

⁷ В апреле 1853 г. М. С. Щепкин получил пятимесячный отпуск за границу для поездки с большим сыном Дмитрием (см. *Гриц Т. С.* Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина М., 1966 С. 491). 10 мая 1853 г. в Москве, в саду дома М. П. Погодина на Девичьем поле состоялся прощальный обед в честь отъезжающего за границу М. С. Щепкина. Отчет об этом см. *Москвитянин* 1853 № 10.

⁸ Это письмо Тургенева к И. П. Арапетову неизвестно.

⁹ И. И. Излер (1811—1877) — владеец загородного сада и ресторана под Петербургом. О праздничных гуляниях в саду см. в «Современных заметках» (*Современник* 1848 № 10) и в пародийном стихотворении Некрасова «Прихожу на праздник к царюдею» (Там же 1850 № 8).

¹⁰ По-видимому, речь идет о долге за имение Н. П. Огарева, проданное в 1849 г. (частью безвозмездно, фиктивно) Н. М. Сатину и Н. Ф. Павлову, управлявшему состоянием своей жены, поэтессы К. Павловой, и ее отца, К. И. Яниша. В это время (1853) Н. Ф. Павлов был посажен женой в долговую тюрьму за нерадивое ведение ее дел (см. об этом *Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве М., Л., 1933 С. 133, 177).

¹¹ Возможно, здесь обыгрываются названия статьи Тургенева «О соловьях» (задумана в мае 1853 г., предначалась для «Охотничьего сборника» С. Т. Аксакова, который не был разрешен цензурой) и повести «Затишье» (написана в январе—июне 1854 г., замысел ее возник раньше).

7

6 июля (1853). Петербург.

Вы теперь на охоте,¹ почтеннейший Иван Сергеевич, — стало о наших письмах и не тоскуете, да к тому же и я был в разъездах — на Ладожском озере, в Коневце, Валааме и проч. Вот почему и корреспонденция приостановилась. Посылаю вам конверты. А места, мной посещенные, — оригинальны. Вы их не знаете. Все очень печально, очень сурово, но не скучно, не плаксиво и бесцветно. Скалы, сосновый лес, бурное озеро и даже монахи, единственные жители их — все эффектно, когда пароход у вас под боком и знаете, что через неделю от них скроетесь, может навсегда.

Роман ваш я уже переслал Кетчеру.² Вот еще заметка. Корш³ без предварительной сговорки тоже заметил, что лицо Мити колеблется, а не стоит перед глазами. Он при этом и мысль выразил, по-моему, справедливую. Есть большая разница подготавливать читателя к полному объяснению лица или оставлять его в недоумении. Последнее точно никогда не должно быть и есть ошибка.⁴ С первого раза надо видеть, с кем имеешь дело, и этой беде легко пособить в Мите перестановкой главы о воспитании, что мне кажется совершенно необходимо. Вы спрашиваете: цензура или нет ваша повесть. И да и нет — смотря по тому, что будет в целом. Если выйдет частность, случай, исключение —

нет, если похожее на дело общее, на возможность существования во многих углах — да, принимая уже, разумеется, осторожность изложения в обоих случаях, главным делом. Так, кажется, по крайней мере должно разуть цензурную мысль вообще — да и так почасту она проявляется. Поэтому сдается мне — барыня в своей конторе не будет пропущена, а барыня на прогулке будет пропущена, хотя в последней барыня гнуснее и от нее более тошнит, чем от первой барыни. Долго пояснять мое положение, да вы отгадаете сами все нужное и даже ненужное в нем.

Я познакомился здесь со Смирновой⁵ для собственных нужд. Женщина умная и человек-бестия. Большим пособием в этих сношениях служит для меня то, что она нисколько меня не уважает, и по малозначительности персоны не имеет нужды ни себя ломать, ни меня притеснять, но пользу уже оказала. Вообще великое дело не иметь о себе прекрасного мнения и полезное дело не стараться распространять его в других. Избегаешь многой фальши, а там — *comme il vous pleira*.^a Истинно скажу вам, Иван Сергеевич, что какой-нибудь чудак, живущий на самотеке, более занимает мысль вашу в известные годы, чем целое общество. Разумеется, это не хорошо и, вероятно, происходит от дурных привычек, но по мне это так, как я ни рассуждай.

Уморительную картину свадьбы представили вы мне.⁶ Я хохотал над ней и прочитывал ее другим. Чудеса, ей-Богу. Особенно благодарность за сохранение, когда в первую ночь и не было ничего, меня потешила. И Нилус⁷ — прав. Он исполнил общественное условие, которое только тем сделалось смешно и очаровательно, что вышло из моды, а много таких еще остается в моде, но от чего бы смешно ни было, а смешно сильно.

СПб.
6 июля.

П. Анненков

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 28—29 об.; отрывок («Роман ваш я уже переслал Кетчеру — даже ненужное в нем») опубликован: Русское обозрение, 1894. № 4. С. 491.

¹ Тургенев отправился на охоту 10 июля 1853 г., возвратился в Спасское около 23 июля 1853 г. (см.: ПСС. Письма. Т. 2. С. 171, 173).

² Роман «Два поколения». Критический отзыв о нем (не дошедший до нас) Н. Х. Кетчера совпадает с оценкой Анненкова.

³ Речь идет о Евгении Федоровиче Корше (1810—1897).

⁴ Ср. аналогичное суждение в статье Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности (заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т(олстого))», в которой Тургенев упрекался в том, «что он еще не вполне дописывает свои лица и образы <...> слишком много в них предоставлено отгадке читателя» (Современник. 1855. № 1. Отд. III. С. 20).

⁵ Знакомство Анненкова с А. О. Смирновой вызвано подготовкой сочинений Пушкина и «Материалов для биографии А. С. Пушкина». О резко отрицательном отношении Анненкова к ней свидетельствует его отзыв в письме к М. М. Стасюлевичу: «Это <...> злая светская бабенка, сделавшаяся ко времени Гоголя одной из матерей Восточной церкви и проповедницей аристократизма, долженствующего спасти нас от наплыва каналы в литературе, управлении и в свете» (Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 328).

^a как вам будет угодно (фр.).

⁶ См. об этом в письме Тургенева к Анненкову от 15 (27) июня 1853 (ПСС₁. Письма. Т. 2. С. 169).

⁷ Нилус Александр — отец актера петербургского Александринского театра, выступавшего под фамилией Нильского.

8

8 окт⟨ября 1853 Петербург⟩.

Давно не отвечал я вам, друг мой, на последнее письмо, все ожидая от вас весточки, как вы в нем обещались. Впрочем, и состояние духа у меня было не письменное, как и теперь. Издание мое в цензуре и притом у Фрейганга.¹ Оно должно пройти все степени, повышаясь все более, а я за ним хоботом. Процедуре этой я рад — потому что только ею узнаются намерения, очищаются сомнения и открывается мысль, а всего этого я не боюсь. Однако ж и ворочает это — точно процесс. Я изумлен был разрывом вашим с Тютчевым,² но разрыв ничего — всего важнее *procédés*³ при разрыве и об них-то хотелось бы знать от вас. Если *procédés* были человечны, то и ничего, если не совсем, то хоть миллион раз будь прав — все не прав. Я научился этому здесь, где цинический хохот при известии о вашем разрыве заставил меня подумать, что надо беречь душёнку свою весьма строго: украдут. А без душёнки, какова есть, ей Богу плохо жить — она равняет со всеми, что, при малых чинах, приятно и заставляет прямо смотреть во все глаза. Здесь был Писемский и читал нам «Ипихондрика»³ — чудно! Он прочел все, чего не написал в комедии своей, но что за господин! В будущем «Современнике» будет его рассказ «Леший»,⁴ говорят, образцовый. В России это бывает, что медведь возьмет арфу, да на арфе и сыграет отлично. Глазам не веришь. Щепкин приехал из-за границы (Мих⟨аил⟩ Сем⟨енович⟩) — и об искусстве французском и немецком сказал много дельного, и так как 18-го сего месяца сюда будет Рашель,⁵ то и кстати — вероятно, всю зиму будем толковать об этом, как Бог на ум положит. А что здесь за певица Делгранж, так изумительна по развитию горловых способностей, но кажется немножко без вкуса и уж конечно без всякой экономии. Признаюсь, я терпеть не могу отсутствие этого качества в искусстве, но подожду второй ее дебют в «Лючии» (первый был в «Цирюльнике»)⁶. За тем adieu, пишите же, ленивый.

8 октября.

П. Анненков

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 36—36 об. Год устанавливается по содержанию.

¹ В октябре 1853 г. Анненков передал шесть томов «Сочинений» Пушкина в Цензурный комитет. Цензор А. И. Фрейганг отличался особой строгостью.

² Николай Николаевич Тютчев (1815—1878) исполнял в 1852—1853 гг. должность управляющего Спасским и другими имениями Тургенева. В результате его непрактичности финансовые дела имения пришли в упадок, и Тургенев,

³ действия, поступки (фр.).

считая его человеком «отличной чистоты», вынужден был с ним расстаться, хотя и сохранил с ним дружеские отношения

¹ А Ф Писемский приезжал в Петербург из Костромы в середине октября 1853 г. К этому времени он хлопотал о постановке в Александринском театре запрещенной театральной цензурой комедии «Ипохондрик» (Москвитянин 1852 № 1) — см Писемский А Ф Материалы и исследования М, Л, 1936 С 59—60

¹ Рассказ А Ф Писемского «Лешни» опубликован в «Современнике» (1853 № 11) Подробнее Анненков писал о нем в статье «По поводу романов и рассказов из престолярного быта» (1854)

⁵ Рашель Элиза (1821—1858) — французская актриса, гастролировала в России в 1853—1854 гг. О ее искусстве Анненков сочувственно писал в «Письмах из-за границы» (Отечественные записки 1841—1843)

⁶ Деллагранж — Лагранж Мария-Анна де (р 1825) — французская певица, дебютировала в Петербурге в опере Д. Россини «Севильский цирюльник» «Лючия ди Ламермур» (1835), опера Г. Доницетти

9

22 октября (1853. Петербург).

Я сейчас получил ваше письмо со стихами Николая Федосеева.¹ Это точно удивительно. Судить об этом феномене я решительно отказываюсь до будущих изъяснений — отказываюсь так, как отказываются верить, что от воды сгорел дом, что стреляли ядрами из папиросок, etc. Н. Ф. — есть противоречие, похожее на бред. Я верю, например, что лакей может сказать гениальное слово, но не верю, например, что лакей может протанцевать польку с фрейлиной безукоризненно. А это есть в Н. Ф. Я понимаю в нем теплый и яркий образ, допускаю энергичский, великолепный оборот мысли, даже простоту представления, от простоты верования происходящую, но уже *изыщества* в стиле, но *мастерства* в фактуре стихов — вот этого не могу понять, не могу. Вы же замечаете, что он едва ли и одну книгу на свой век прочел. Все темнее становится. Не так выходит дикая импровизация, не таковы приемы ее. Либо Н. Ф. вас обманывает, либо вы меня морочите, друг мой. Положим что перемена метров, тонкость некоторых подбавок фонетических:

Он освещен мучением и кровью
Завес в храме раздрался,

гармонические переходы из тона в тон есть дело его врожденного музыкального таланта (это уже само по себе диво непостижимое), но язык!.. Язык у него поэзии 1853 года. Как же это? Как же пережил он фазисы нашего языка? Врожденный дар поэзии может быть, но врожденный дар — очутиться без ведома своего даже в механическом развитии — теряюсь! Не придется ли мне на сороковом году жизни выбросить за окно все, что я знаю о природном стихотворчестве, все бесчисленные образцы его, какие видел в творениях гг. Надеждина, И. Аксакова, у себя и у других и по милости Н. Ф. — прийти к мысли, что трудный исторический процесс — может быть перескочен, похищен или

приобретен за крючок Если это так, то Николай Федосеев представляет явление небывалое от допотопных времен, это гений — невразумительный, необъяснимый (в сравнении с его биографией, приложенной вами) — до того, что я считаю его, для собственного успокоения, апокрифом, подделкой Если же нет — то и повторяю снова: отказываюсь от всякого суждения до разъяснения дела

Но пьеса сама по себе — чудо!

У меня сейчас был Некрасов и повторяет — чудо! К этому проявлению восторга он прибавляет по обыкновению: напишите к Тургеневу, чтоб дозволил поместить в «Современнике»: это полезно будет журналу² Согласны ли? Если это ваша пьеса, то она доказывает, что на подделку вы не мастер и не так взялись, но что вы в минуту светлую написали вещь замечательную по верности колорита и вообще по созданию. Мне бы хотелось думать, что вы ее написали, потому что если написал ее Николай Федосеев, то мне придется сознаться, что я дурак, а это неприятно во всяком случае

Жду скорого ответа

Октября 22

П. Анненков

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 40—41, об. Год устанавливается по связи с письмом Тургенева от 14, 15 (26, 27) октября 1853 г (ПСС₁ Письма Т 2 С 189—194)

¹ Письмо Тургенева от 14, 15 (26, 27) октября 1853 г из Спасского Присланные Тургеневым стихи Николая Федосеева (Градова) (бывшего живописца, дворового матери Тургенева) «Восторг души, или Чувства души в высоко-торжественный день праздника», как выяснилось в дальнейшем, были опубликованы в «Литературной газете» (1840 № 30, 13 апр) под заглавием «Христос воскрес!», за подписью «Л» В связи с возникшей по поводу авторства этого стихотворения перепиской Тургенев писал Анненкову «Как ни лестно мне, с одной стороны, что Вы считаете меня способным написать такое стихотворение, с другой стороны, мне обидно, что Вы полагаете во мне возможность такого уж чересчур дерзостного надувательства» (ПСС₁ Письма Т 2 С 198) Об атрибуции этих стихов Тургеневу на основании подписи «Л» см Юшков Н Заметка // Волжский вестник 1889 № 30, 9 апр, Масанов И Ф Словарь псевдонимов М, 1957 Т 2 С 89 Авторство Тургенева не доказано См также ПСС₂ Соч Т 12 С 710

² С просьбой опубликовать это стихотворение в «Современнике» Некрасов обратился к Тургеневу 17 ноября 1853 г «Кому бы ни принадлежали эти стихи — они превосходны () Если ты позволишь, мы бы напечатали их, даже прошу об этом» (Некрасов Н А Полн собр соч и писем М, 1952 Т 10 С 198) В «Современнике» эти стихи не появились Ср об этом Голос минувшего 1916 № 5—6 С 31

10

31 октября <1853. Петербург>.

Если стихи, Иван Сергеевич, принадлежат малоархангельскому попу, то пусть будет так. Одно несомненно, что они столько же замечательны по благородству картины, сколько и по твердости кисти. В этом небольшом произведении есть то, что давно не встречал я в литературе, — стиль. Честь попу!¹

Вы тонко и умно заметили, что у Гоголя есть какая-то струя нечистая, которая сочится между рассказом.² Действительно есть. Он твердо приступает к лицам, но первородный грех все виднеется. Это мне объясняет, почему говорил он, что ему надо обделявать свои произведения вдоль и поперек. Он смывал родовые свои уродливости, которые вылезали и в минуты творчества наружу.

Довольно смутное чувство возбудила во мне Рашель. Ах как легко измучить свой талант. Она остается гениальной женщиной во многих местах, но в общем — это ростовщица, которая все возвышает проценты с своего искусства. Я не узнал ее, признаюсь. От парижской Рашели осталось весьма малое, или, может, для иностранцев принимает она другую манеру. Представьте, что она возвысила в тройную степень все, что есть внешнего, риторического, громкого в трагедии Расина. Это уже *⟨нрзб.⟩* инструмент, а не прежняя Федра.³ Неимоверное искание поз, стремление за выпуклостью образа на каждом шагу, певучесть, доведенная до *plus ultra*,^a — вот петерб⟨ургская⟩ Рашель. Так, говорят, виноделы прибавляют водки в то шампанское, которое назначается для Англии. Много водки подбавила Рашель для нас. Впрочем, иногда мне кажется это естественным следствием долгого игrania одной и той же роли. Каждый раз на волосок припущают материю — из этого выходит гора. Только в сцене объяснения с Ипполитом, да еще раза два узнал я прежнюю Рашель — взбалмошную, капризную, нелепую, удивительную. Остальная труппа из рук вон мерзка. Есть тут Арисия — маленькая, гнусенькая, такая, что хочется ей пинка дать.

Сегодня «Пророк» с Лагранжей и Тамберликом.⁴ Не дождусь вечера, ибо я от Лагранжи в помешательстве нахожусь.

Тютчев⁵ потолстел и ищет места, мы с ним вдоволь наговорились о Спасском и о вас. Я удивляюсь его жене⁶ — редко видел я женщину с более развитым *esprit de conduit*.⁶ Такту, сдержанности и ума — много. Я нахожу удовольствие не говорить с ней, потому что она говорит обыкновенно, а наблюдать за нею, потому что она ведет себя необыкновенно. Кстати, еще о стихах попа. Не скажет ли нам про них английский Атенеум — так как недавно объяснил он нам, что Вы перевели «Дом о 7 шпилях».⁷ Подождем. А до тех пор будьте здоровы, друг мой.

Суббота.

П. Анненков

Октября 31-го.

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 42—43. Год устанавливается по содержанию.

¹ О принадлежности стихов «Восторг души...» малоархангельскому протопопу Ивану Розову Тургенев писал Анненкову 19 (31) октября и 2 (14) ноября 1853 г. (ПСС. Письма. Т. 2. С. 196, 198).

² Речь идет о проповедническом тоне «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, звучащем в отдельных эпизодах второго тома «Мертвых душ».

^a до крайней степени (*лат.*).

⁶ умение держаться (*фр.*).

³ Впечатление о «парижской Рашели» Анненков изложил в «Письмах из за границы» (Отечественные записки 1841—1843) и в корреспонденциях, адресованных братьям «Фаворитка, избалованное дитя публики — эта Рашель, как знаете играет в классических трагедиях < > Рашель играет как-то скачками, т е все идет обыкновенно, благополучно, как у всякой актрисы, да вдруг в каком нибудь месте побледнеет, задрожит и вырвется у нее что-нибудь такое, что подерет по коже» (ИРЛИ, ф 7, ед хр 3, л 53) «Федра» — трагедия Ж Расина (пост 1677 г), Рашель — исполнительница главной роли

⁴ Опера Дж Мейербера «Пророк» (1849) В России шла под названием «Осада Гента» Энрико Тамберлик (1820—1889) — знаменитый итальянский певец (тенор), в 40-х и 50-х годах гастролировал в Петербурге 14 октября 1853 г Анненков писал Тургеневу «И в „Люции“ — Деллагранж превосходна Страсть и грация — пение и голосное *salto mortale* — простота и выходки — трогательно и изумительно — черт знает что Впечатление ново, жгуче, с при месью фальши и с увлечением из глубины сердца Это феномен капризный и подавляющий вас У него могут быть такие враги, которые с восторгом станут вспоминать о его недостатках В области музыки Деллагранж дает понимание о действии исторических гениев — ведет человека куда угодно столько же мощью своею, сколько и всеми слабостями своими По крайней мере, все слепы охотно и с наслаждением» (ИРЛИ, ф 7, № 7, л 39)

⁵ Тютчев Николай Николаевич (см письмо от 8 октября 1853 г (№ 8), примеч 2)

⁶ Тютчева Александра Петровна, урожд Де-Додт (1822—1883), с которой был дружен Тургенев

⁷ Заметка в «Атенеуме» (1852 № 1311, 11 дек) о русском переводе романа американского писателя Н Готорна «Дом о семи шпилях» (1851) принадлежала Г Ф Чорли (см *Marehand Leslie A The Athenaeum A Mirror of Victorian culture The university of North Carolina press, 1941 P 186—189*) В письмах к Некрасову и Панаеву 1852 г Тургенев отзывался об этом романе отрицательно (ПСС₁ Письма Т 2 С 80, 86)

11

11-го ноября <1853. Петербург>.

Я виноват. Сгоряча показалось мне, что стихи Федосеева ваши, но, одумавшись еще до получения последнего Вашего письма, уже был совершенно убежден, что это совершенная невозможность, — и каялся, но у меня это часто бывает. Я всегда вздор говорю, когда нахожусь в восторге. Здесь только я, Корш, да Некрасов разделили со мной удовольствие от этих стихов;¹ остальные сказали, что больно просто и что так точно понимает дело всякая баба и всякий лавочник. Кстати — произошла вещь *la plus simple, la plus étourdissante, la plus etc., etc*² — Я поссорился с Арапетовым² — (это между нами), т. е. не я поссорился с ним — сего не могло быть — а он со мной. С годами и, надо сказать, с чинами резкие слова у него усили(ли)сь, а вместе с тем явилось (как вы думаете!) явилось запрещение отвечать на слова! Выходило так, что он мог называть ворами, шпионами, лакеями, кого хотел на выбор, а вы должны были молчать. Изумленный сей претензией я раз на обеде отлил ему при всех невзначай (лучшие вещи бывают невзначай) такую пулю, что он побледнел *à la lettre*⁶ и

^a самая простая, самая ошеломляющая, самая и т д (*фр* и *лат*)

⁶ буквально (*фр*)

вызвал меня на дуэль. Я как настоящий Сид принял дуэль, но сей остаток рыцарского духа наших предков скоро испарился. Теперь, встречаясь у общих наших знакомых, мы кланяемся с достоинством друг другу, но не говорим ни слова, а когда нужно возразить что-либо, то говорим о себе в третьем лице, чуть-чуть не так: господин в черном сюртуке, сидящий налево от меня замечает. . . Это очень забавно — и так жизнь проходит, а делать нечего.

Стихи Фета хороши, особенно 2-я ода, но как же вы хотите издавать Горация теперь?³ Разве вы надеетесь, что римские соержанки и мальчики под прикрытием поэзии пройдут как будто они были мечта Полонского?⁴ Желаю от души, но верить не смею. Уж если делать, так, кажется, надо наоборот — послать эрудицию не к черту, а напротив, притащить ее на аркане или возами побольше привезти, да и латинский текст приложить — и еще что-нибудь выдумать.⁵ Под этим шеломом, кажется, можно показать всего Горация, да и то еще навряд. Впрочем, может быть я ошибаюсь — только за известие спасибо: Фет оказал больше всего себе услугу, выбрав эту работу. Ах, да — хороша древность. Во 2-ой оде чувствуется легкая насмешка над чудесами мифическими, но как поэтически сказана она. Вспомните Пушкина (стихи *Подражание Данту*) в 9-м томе: вторая картина у него насмешка над семейством одного ростовщика, жившего в Петербурге, но в какой обстановке заключена она! Из вторых рук, из миллиона ли вторых поэзия, но был бы только поэт — все чудно!⁶

Рашель исподволь привела публику к сумасшествию. В первые представления еще привыкали к ее декламации, а теперь, попривыкнув, уже и слышать ничего другого не хотят. И может она теперь раздвигать свои роли как угодно, а ставить перед собой увеличительные стекла и пулковские рефракторы во всякое время, даже чем больше нос походит на Давалагири,⁷ а волосы на канат — тем лучше. Однако ж она все-таки превосходна, особенно в сцене свидания с Елизаветой в «Марии Стюарт» и в сцене IV акта в «Гермионе»⁸ — тут есть что-то очень близкое к гениальности. Жидовку эту надобно судить по особым законам, мне кажется, Лагранж в «Пророке», разумеется, хороша, но не одуревает, как в «Лучии».⁹ У ней же и низкие ноты хрипли несколько. Только в сцене последнего акта она опять изумительна. Лонгинов в «Современнике» написал не рецензию на нее, а любовное письмо, впрочем бескорыстно по своему обыкновению.¹⁰ Теперь ждем ее в Дездемоне и в *Моисее*,¹¹ который ставится. Обо всем уведомя, и о Тютчеве подробно. Бедный Тютчев — однако ж пора.

11 ноября.

П. Анненков

ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 44—45, об. Год устанавливается по содержанию.

¹ См. письмо Анненкова к Тургеневу от 22 октября 1853 г. (№ 9), примеч. 1, 2.

² Арапетов Иван Павлович (1811—1887) — либеральный общественный деятель, знакомый Тургенева, Анненкова, Некрасова.

¹ Речь идет об «Одах» Горация в стихотворном переводе А. А. Фета, опубликованных в «Отечественных записках» (1856 № 1, 3, 5, 6, 7), отдельное издание вышло в том же году Тургенев ознакомился с ними в рукописи, сделав ряд критических замечаний 2-я ода в переводе Фета озаглавлена «К цезарю Августу»

¹ Намек на элегический тон стихов Я. П. Полонского

⁵ Анненков возражает Тургеневу по поводу сокращения комментария к одам

⁶ Имеется в виду стихотворение Пушкина «И дале мы пошли — и страх обнял меня» (1832), написанное терцинами, строфами «Божественной комедии» Данте. В стихотворении в духе Данте рисуются картины загробных мучений, на которые обречены ростовщики и жертвы следующего круга ада — сводни. В 9-м томе посмертного издания «Сочинений» Пушкина в 11 т. (СПб., 1838—1841) оно опубликовано под названием «Подражание Данту»

⁷ Давалагири — гора в Азии. По представлениям современников Анненкова и Тургенева, считалась одной из высочайших вершин мира

⁸ «Мария Стюарт» — трагедия Ф. Шиллера, «Гермиона» — трагедия Ж. Расина — репертуар Рашели во время ее гастролей в Петербурге

⁹ См. письмо от 31 октября 1853, (№ 10), примеч. 3

¹⁰ Статья М. Н. Лонгинова «Итальянская опера в Петербурге», опубликованная в «Современнике» (1853 № 12)

¹¹ Оперы Дж. Россини «Отелло» (1816) и «Моисей в Египте» (1818, шла в России под названием «Зора») «Лагранж была одна из самых эклектических певиц. Все жанры, самые разнохарактерные роли были ей равно доступны. Лагранж, конечно, не заставила забыть о Виардо, но спела Дездемону по-своему весьма искусно» (Вольф А. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч. 1. С. 171)

12

18 ноября СПб. (1853. Петербург).

Любезный друг Иван Сергеевич.

Вчера разнесся здесь слух, что вы прощены.¹ Если это правда, то мне бы хотелось, чтобы я первый вас поздравил с этим. Что вы будете делать, я не знаю, но желал бы, в случае, если решитесь на поездку, и советовал бы приехать прямо сюда, не останавливаясь в Москве или как можно менее останавливаясь. Примите этот совет *непрерывно* в соображение. Вам еще нужно здесь поблагодарить Высшие лица, освободившие вас от необходимости жить больному в деревне, в хандре и тоске. Впрочем, на что бы вы не решились, я вам скажу одно: надо быть осторожным и осмотрительным в форме, во внешности, в минутных делах, так как в сущности вы никогда не можете быть виноваты. Однако ж я вам пишу письмо, как будто уверен в вашем освобождении, а это еще только слух. В последнем случае примите это за пуф моей симпатии к вам, но во всяком случае же напишите скоро, как можно скорее — знаете ли вы сами что-нибудь об этом деле.

Я послал к Щепкину письмо о Рашели, и старик растрогался, разгулялся. Теперь на днях посылаю ему другое, попространнее. Действительно, Рашель произвела некоторую путаницу в идеях об искусстве здесь и уже не капризную, а общественную.² Об искусстве заговорили на визитах. Любопытно к этому прислушаться и не мешает сказать, что самому мерещится в этом деле. Вы лучше моего знаете, что сословия соприкасаются у нас публично и откровенно преимущественно только на этой почве. Так

для нас толки о Рашели могут иметь некоторого рода занимательность и даже вывод и поучение

А насмешили вы меня предостережением не влюбиться в Тютчеву³ Действительно, я могу быть влюблен и очень легко даже, но у меня это делается про себя, не доставляя ни малейшего удовольствия ни мне, ни предмету страсти, ни людям Это у меня нечто в роде родимого пятна под мышкой или чего-нибудь такого Оно есть, да черт ли в том

Однако ж напишите мне поскорее о себе С нетерпением буду ждать ответа

18го ноября,
СПб

П Анненков

ИРЛИ, ф 7 № 7, л 46—47, об Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом Тургенева к Анненкову от 25, 27, 28 ноября 1853 г (ПСС, Письма Т 2 С 211—213)

¹ 16 ноября 1853 гр А Ф Орлов, побуждаемый просьбами друзей Тургенева, в том числе А К Толстого, подписал официальное письмо к Тургеневу о разрешении выехать из Спасского и возвратиться в Петербург, т е об окончании ссылки

² О популярности Рашели в России, об ее эмоциональной игре, в которой сочетались романтический пафос с реалистичностью и психологизмом, много писалось в русской периодике См Панаев И И Рашель в Петербурге // Современник 1853 № 12, 1854 № 1, 2, Зотов В Р 1) Рашель и классицизм // Пантеон 1853 № 11, 2) Рашель в Петербурге // Там же 1853 № 11, 12, 1854 № 1, 2 А А Григорьев называл Рашель «артистичной личностью», однако он не был поклонником ее игры и ее классицистического репертуара (см его стихотворение «Искусство и правда» — Москвитянин 1854 № 4) М С Щепкин высоко ценил талант Рашели Письма Анненкова к нему неизвестны

³ См письмо от 31 октября 1853 г (№ 10), примеч 6

ПИСЬМА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. П. ЛИХАЧЕВА)

Публикация Е. В. Свиясова

Коллекция историка, археографа, палеографа, искусствоведа академика Н П Лихачева (1862—1935) — одна из крупнейших личных коллекций, хранящихся в архивах нашей страны В состав ее входит более 11 тысяч рукописных материалов XIII—начала XX в

Характер коллекции многообразен, он охватывает как поместно-вотчинные и личные фонды (ок 100 фондов), так и коллекции, подобранные по территориальному признаку (136 коллекций), фонды учреждений (ок 30 фондов), коллекции, подобранные по видам документов (15 коллекций), коллекции рукописных книг (ок 600 ед хр)

Коллекция автографов, которая была передана в Академию наук в 1925 г, а в 1936 г поступила в ЛОИИ, обширна В ней содержится более 1200 автографов выдающихся писателей, деятелей искусства и культуры, общественных, политических и военных деятелей России

Значительная часть автографов, в том числе и писем, до настоящего времени не опубликована и практически не являлась объектом изучения для историков

литературы Приведем лишь наиболее известные имена, которые можно встретить в этой уникальной коллекции И К Айвазовский, И С Аксаков, А А Бестужев-Марлинский, Г С Волконский, А И Герцен, Д В Давыдов, А А Дельвиг, В А Жуковский, И И Козлов, И А Крылов, М И Кутузов, М В Ломоносов, Н А Некрасов, А Ф Писемский, Я П Полонский, В В Растрелли, В А Соллогуб, А П Чехов и мн др

Нам представляется необходимым познакомить читателей хотя бы с некоторыми письмами из собрания Н П Лихачева, хранящимися в архиве нефилологического профиля

1

Письмо Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву¹

В пространном обзоре рукописного наследия поэта-воина Дениса Васильевича Давыдова, осуществленном В Н Орловым, письма, хранящиеся в ЛОИИ, не упоминаются (ЛН Т 19—21 С 297—340) Письма Давыдова к кн П А Вяземскому, также принадлежащие этой коллекции, нами опубликованы Рус литература 1980 № 2 С 155—158

В письме к П Д Киселеву от 26 февраля 1828 г Д Давыдов так охарактеризовал свое отношение к старому товарищу по оружию «Ты один из главных лиц того тесного круга друзей моих, который по большому углублению моему в жизнь уменьшается от несговорчивости,приходящей с опытностью и разочарованием от заблуждений юности»²

¹ Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872) — государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г, с 1819 г — начальник штаба 2-й армии, с 1837 г — министр государственных имуществ, посол во Франции (1856—1862)

² ИРЛИ, ф 143, № 13, л 17 (копия)

Мерзкий ты человек, от других, а не от тебя узнал я, что у тебя родился сын!¹ Так ли друзья поступают? Еще коли была бы дочь, можно было бы простить молчание; моя как ни мила, но я о выступлении ее на свет Божий никого не уведомлял.² А у тебя сын и еще *владей-миром!* Поздравляю, любезный друг, от всей души, дай Бог ему красоты матери,³ достоинств отца и счастья того, кто недавно владел миром, но счастье то, которое сопутствовало ему до 814-го года.⁴ Сохрани Бог от ужасов последующих годов!

Читал ли ты последнее сочинение Прадта «L'Europe et l'Amerique»,⁵ где он бросает некоторые черты характера сего богатыря моральной силы. Советую тебе достать эту книгу, особенно первый том мастерски написан

Я теперь привожу в порядок партизанские мои записки и напечатаю вскоре издание моего опыта.⁶ На первой почте пришлю экземпляр тебе и Бурцову.⁷ В книге сделано несколько перемен и увеличены планы.

Кстати о новом издании. Ради Бога, присылай деньги, ты еще мне должен 400 рублей за старые экземпляры.⁸ Меня терзают и требуют за них деньги, а я как раз на мели. Копейки нет. Нынешний год едва мог свести концы с концами. Сделай

же мне милость, любезный друг, поспеши присылкою сей сумы. Ты меня выведешь из больших хлопот.

Каков Инзов?⁹ Каков Гурьев?¹⁰ Каков Перовский? О южная страна России!¹¹

Целую прах ног божественной твоей супруги и благославляю на великое.

Прости, друг милый, хотел было написать более, но почта неумолима.

Твой верный друг

Денис.

28-го августа 1822 г.

¹ Сын Киселева Владимир родился 7 июня 1822 г Умер в начале 1824 г См *Заблоцкий-Десятовский А П* Гр П Д Киселев и его время СПб, 1882 Т I С 168—169

² У Д Давыдова было три дочери Екатерина, Софья и Юлия (ум в 1822 г) О какой именно из них идет речь, выяснить не удалось

³ Киселева Софья Станиславовна, урожд гр Потоцкая (1801—1875) — дочь известной красавицы-гречанки С К Клавоне, жена Киселева с 1821 г

⁴ Речь идет о Наполеоне, который после вступления союзнических войск в Париж 31 марта 1814 г 6 апреля отрелся от престола

⁵ Д Давыдов имеет в виду сочинение французского дипломата и публициста аббата Доминика Прадта (1795—1837) «L' Europe et L'Amerique en 1821» (1822 2 v)

⁶ «Опыт истории партизанских действий» (1821, 2-е изд — 1822 г) Киселев писал гр А А Закревскому «Если увидишь Дениса (Давыдова), то скажи, что не отвечал на его письмо потому, что закидан бумажным делом, но что с удовольствием прочел полезнейшую его книгу и буду отвечать с доставлением обширной рецензии» (Сб РИО СПб, 1891 Т 78 С 79) В дневниковой записи от 17 марта 1864 г Киселев дает резко отрицательную оценку этому сочинению Д Давыдова — См *Давыдов Д* Соч СПб, 1893 Т I С VIII

⁷ Бурцов Иван Григорьевич (1795—1829) — участник Отечественной войны 1812 г, полковник Украинского пехотного полка, адъютант начальника штаба 16-й дивизии П Д Киселева, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества

⁸ В письмах от 27 декабря 1821 г и 13 апреля 1822 г Давыдов настойчиво просил прислать деньги за высланные им книги «Опытов (1-е изд) См ИРЛИ, ф 143, № 13, л 11—12 (копия)

⁹ Инзов Иван Никитич (1768—1845) — генерал-лейтенант, с 1820 по 1823 г исправлял должность Бессарабского наместника

¹⁰ Гурьев Александр Дмитриевич, граф (1786—1865) — одесский градоначальник (1822—1825)

¹¹ Перовский Николай Иванович (1785—1858) — таврический губернатор (1822—1823) После назначения в феврале 1822 г начальником штаба Второй армии П Д Киселев вскрыл факты многочисленных злоупотреблений со стороны правительственных чиновников, о чем и представил отчет Николаю I в 1824 г Возможно, что риторическое высказывание Д Давыдова и явилось его ответом на информацию об этих фактах, содержащуюся в письме Киселева к поэту О таких случаях Киселев, например, сообщал 24 января 1822 года гр А А Закревскому «Хлеб столь здесь вздорожал, что нужно изыскивать все способы к прокормлению войск (теми) суммами, которые нам назначены и которые по милости вельможи Гурьева неисправнейшим образом выплачиваются» (Сб РИО Т 78 С 87)

Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к матери

Публикуемый документ — одно из немногих описаний наводнения 7 ноября 1824 г., сделанных писателем-очевидцем, принимавшим активное участие в борьбе с ужасным бедствием, обрушившимся на Петербург. Известно присланное из Михайловского стихотворное поздравление А. С. Пушкина, обращенное по этому поводу к А. А. Бестужеву

Напрасно ахнула Европа,
 Не унывайте, — не беда,
 От петербургского потопа
 Спаслась «Полярная звезда»
 Бестужев, твой ковчег на бреге!¹

¹ Пушкин Полн собр соч [М., Л.], 1947 Т. 2, Ч. 1 С. 386

С. Петерб(ург). 3 декабря,
 наводнение 1824 года.¹

Для меня удивительно, любезная матушка, и вместе досадно, что наши письма (в) среду после наводнения не дошли к Вам — заставили Вас беспокоиться. Брат² послал известие через людей Хвостова, но как они не дошли, то я вкратце расскажу Вам о бедствиях других, ибо сами мы без исключения ничего не потеряли.

7-го числа вода с ночи пошла на прибыль. Буря ревела — и Нева в 11 часов выхлынула из берегов и возвышалась на поларшина в полчаса. Картина была ужасна — море бушевало по улицам. Лошади и люди спасались, тонули и скоро везде заплывали разбитые дома, дрова, мебели, трупы. Нигде не было видно ни души живой — везде как влажный гроб. В 6 часов вода сошла, и на другой день заря осветила ужасы разрушения. Корабли и барки лежали по улицам, набережных не стало, разбитые окна и плачущие лица, стон и сожаления везде. Гавань и низкие части острова³ смыты вовсе, окружины острова не сохранили ни соломинки, даже все деревья смыты и снесены. Коломна рухнула наполовину. Людей утонуло до 2000. Потери в товарах неисчислимы, но правительство помогает бедным и частные люди пожертвовали значительные суммы. Всего около 2-х миллионов, если эти деньги дошли по адресу, то бедные бы были удовлетворены. У Рылеева (где я жил)⁴ потонула корова и попортилась часть мебели, но лучшую я спас, подняв на столы.⁵

Воды у нас было на полтора аршина в комнатах, а в некоторых местах города до 1 1/2 сажени. В гавани — выше двух. Брат Греча ждал всякую минуту смерти, ибо он стоял в карауле в Гавани и полумертвый был свезен уже ночью.⁶ Анекдоты о разных случаях без конца (. . .)⁷ Брат Миша смотрел в обсерватории на все это преставление света.⁸ Флот почти не существует —

весь разбросало по мелям Окружины (Петропавловской) крепости опрокинуты, бруствер Кронштадта — как не было Рассказывать не станет сил, ни времени Приезжайте, и на день на целый без умолку можно набрать предметов для разговору

Я представлен давно в штате, но наводнение и смута Уварова замедлили производством 12-го, я думаю, объявят⁹ С герцогом — хорош-здоров¹⁰ Вот мои новости С нетерпением жду приезда Вашего, чтоб узнать об Ваших Сестриц любезных моих целую душевно и желаю им счастливой дороги в наши края¹¹ На дорогу посылаю роман В(альтера) С(котта) «Пуритане» Политику здесь уже узнаете Будьте здоровы, любезная матушка Лобзаю ручку Вашу, которую скоро надеюсь поцеловать в натуре Искренне любящий вас сын

Александр

В (1 нрб) Иван Гаврилович окунулся У брата давеча семьи две утопленников

¹ В памятной книжке 1824 г А А Бестужевым сделана малоразборчивым почерком запись «7/19 Пятн(ица) — Навод(нение)» (Памяти декабристов Л, 1926 Т 1 С 70, 99)

² Михаил Александрович Бестужев (1800—1871)

³ Васильевский остров, наиболее пострадавший во время бедствия

⁴ В воспоминаниях М Бестужев писал о брате «Жил он с Рылеевым в доме, занимаемом директором Американской компании (И В) Прокофьева на Мойке, недалеко от Синего моста» (Воспоминания Бестужевых М, Л, 1951 С 53) Рылеев был правителем дел этой компании О том же писал и рассылный Рылеева по изданию «Полярной звезды», очередной выпуск которой в то время готовился к изданию Рылеевым и Бестужевым «Александр Бестужев, хотя и имел квартиру у Юсупова как адъютант принца (Вюртембергского), но по большей части находился у нас и работал вместе с К(ондратием) Ф(едоровичем)» (ЛН 1954 Т 59, кн 1 С 255)

⁵ Рылеев, в момент наводнения находившийся в своем имении в Воронежской губернии (он вернулся в Петербург лишь в середине декабря), узнав подробности о событиях 7 ноября, сообщал жене 14 декабря 1824 г «Ты, я думаю, уже слышала о бывшем здесь наводнении и об ужасах, которое оно произвело () Мы же с тобой должны благодарить Алек(сандра) Алек(сандровича) Бестужева, наши люди совершенно потерялись, и если б не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было в комодах Бестужев прежде стал законопачивать двери, когда же вода начала пробираться в щели и сквозь пол, он приказал мебели ставить одни на другие и выбирать из комодов все и, найдя почти по пояс в воде, до тех пор не оставил квартиры, покуда все не прибрал Таким образом он спас все почти и твой мех, попортилось только мое бюро, письменный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и еще кое что Прочее все спасено, да потонула корова В комнатах воды было выше полтора аршина () Множество домов совершенно снесено Кронштадт весьма пострадал Но будь спокойна скоро не останется и следов ужасного бедствия Все, что можно было сделать людям, люди все сделали» (Рылеев К Ф Полн собр соч М, Л, 1934 С 475—476)

⁶ Павел Иванович Греч (1797—1850) — в то время поручик 6 й егерской роты, впоследствии генерал майор О его мужественном поведении во время наводнения см Греч Н И Записки о моей жизни М Л 1930 С 397—399

⁷ Край письма оборван

⁸ М А Бестужев в то время нес службу в Кронштадте в звании поручика л гв Московского полка В воспоминаниях о Н А Бестужеве М Бестужев рассказывал «В 1824 году, ноября 7 го я описал наводнение в Кронштадте

Я наблюдал его с высокой обсерватории и под горячим впечатлением этого страшного зрелища сделал простое и вместе потрясающее верное описание. Оба брата нашли его стоящим печати. Но когда показали морскому министру, чтоб почитать его разрешение для напечатания, он наотрез отказал, потому что в этом описании было много истины, а ее то и хотели скрыть от государя» (Воспоминания Бестужевых М., Л., 1951 С. 285)

⁹ А Бестужев был произведен в звание штабс-капитана лишь 6 января 1825 г. Что подразумевал Бестужев под «смутой Уварова», выяснить не удалось. Скорее всего, речь шла о каких-то интригах против Бестужева со стороны Федора Семеновича Уварова 3-го (1786—1845) — генерал-майора, командира 1-й бригады 2-й Кирасирской дивизии.

¹⁰ Имеется в виду герцог Александр Вюртембергский, главноуправляющий путями сообщения, адъютантом которого был А. А. Бестужев.

¹¹ Бестужева Елена Александровна (1792—1874) — издательница сочинений брата, Мария Александровна (между 1793 и 1796—1889), Ольга Александровна (между 1793 и 1796—1889).

3

Письмо И. Т. Калашникова к Н. А. Полевому

Творчество Ивана Тимофеевича Калашникова (1797—1863), автора романов «Дочь купца Жолобова» (1831), «Камчадалка» (1833), выдержавших не одно издание и высоко оцененных А. С. Пушкиным и И. А. Крыловым, стало предметом изучения сравнительно недавно.

Первого сибирского романиста с полным правом можно назвать и первым поэтом Сибири. Упомянутые выше романы Калашникова пронизаны глубоким лиризмом, романтический характер повествования сочетается с реалистическим отображением жизни богатого, но сурового края.

Публикуемое письмо, относящееся ко времени издания романа «Дочь купца Жолобова», романа, о котором Крылов (как вспоминал Пушкин) сказал «Ни одного из русских романов я не читал с большим удовольствием»,¹ — обращено к Н. А. Полевому, историку, писателю, издателю «Московского телеграфа», который провел свое детство в Иркутске, где на реке Ушаковке его отец недалеко от дома построил фаянсовый завод.

¹ Пушкин Полн. собр. соч. [М., Л.], 1948 Т. 15 С. 59

〈Конец 1831 года〉.

Милостивый государь, Николай Алексеевич!

Препровождая при сем отрывок из моего романа «Дочь купца Жолобова»,¹ я покорнейше Вас прошу поместить его в Вашем журнале, если найдете оный достойным, и присовокупить объявление о подписке. Роман сей выйдет непременно в половине следующего месяца, в 4 частях, цена 10 рублей и за присылку 1 р. Я было хотел выдать его пред праздником, но случилась неожиданная остановка в типографии. Я считаю нужным упомянуть о сем, ибо о выходе сказанного романа в конце декабря было напечатано в объявлении. Если Вы, милостивый государь, изволите согласиться на напечатание моего отрывка, то вместе с ним не угодно ли будет Вам в объявлении о подписке сказать, что она принимается у Смирдина и в Москве у Ширяева² и в конторе Вашего журнала. Уступая книгопродавцам по 20-ти

процентов, я с большим удовольствием мог бы уступить Вам 30 процентов. Ответ Ваш, милостивый государь, можете адресовать в дом коллежского асессора Масальского,¹ что на Каменноостровском проспекте близ Карповского моста, на имя также коллежского асессора Ивана Тимофеевича Калашникова.

Признаюсь, помещение моего отрывка в Вашем журнале, столько без лести, прекрасном и всегда с одинаковым достоинством выходящем, между тем как все наши русские журналы большею частию хромают на обе ноги, — будет мне весьма приятно, ибо какому же отцу не любо, когда дети нравятся и особенно людям, уважаемым в обществе? Но также признаюсь и в том, что, если и падет моя книга, я не буду в большом горе, потому что, любя душевно мою родину, я получил уже награду за мой труд в тех сладких воспоминаниях, какие являлись моей душе в часы занятий. Вы сами, если не коренной сибиряк, по крайней мере, провели там свои лучшие годы. Кажется я не ошибаюсь? Я знал в Сибири Вашего батюшку, Ваш дом на Ушаковке. Не правда ли, что природа сибирская, если не люди, стоит того, чтоб ее помнить и любить, особенно тем, которые, может быть, разлучены с нею навсегда? Тамошние горы, дебри, пустыни — как все это впечатлительно и прекрасно! Много лет уже провел я в здешней столице, но эти места, эти пустыни не выходят у меня из памяти и часто, по-видимому, в шутку, а откровенно сказать: весьма серьезно говорю я приятелям известный Пушкина стих «Мне душно здесь, я в лес хочу!»⁴ Если и Вы разделяете ту же любовь к Сибири (но, к несчастью, она не родина ваша!), то те сладкие воспоминания, которые, может быть, оживит моя книга в Вашем воображении, конечно, заставят Вас смотреть не столь строго на мой труд и пощадить его при Вашем разборе. Впрочем, еще повторяю: я награжден уже за него сторицею. При том вымалывать похвалу своему сочинению для меня даже постыдно: судите по его достоинству — и дело кончено! Вы сами делаете честь нашей литературе сильным трудом (я разумею «Историю русского народа»),⁵ но, конечно, Вы не оскорбились бы критикою справедливою, дельною, не такою, каковые пишутся так называемыми критиками. Но я слишком расписался много и, вероятно, уже утомил Вас.

Поэтому спешу окончить мое письмо уверенным в том глубоком уважении, какое только может иметь русский к знаменитому историку своего народа.

Милостивый государь!

Ваш покорный слуга

И. Калашников.

¹ Отрывок из романа был опубликован в «Московском телеграфе» (1831. Т. 42, № 23. С. 287—302).

² Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), Ширяев Александр Сергеевич (ум. в 1841 г.) — издатели и книгопродавцы.

³ Масальский Константин Петрович (1802—1861) — исторический романист, чиновник Министерства иностранных дел

⁴ Цитата из «Братьев разбойников» А С Пушкина

⁵ Имеется в виду «История русского народа» в 6 т (М., 1829—1833)

4

Письмо И. И. Лажечникова к Н. А. Полевому

Как свидетельствует настоящее письмо, уже с самого начала существования «Библиотеки для чтения» Иван Иванович Лажечников (1792—1869) был решительным противником этого журнала, а также его редактора О И Сенковского (барон Брамбеус), отношение к которому не изменилось и в последующие годы Так, в 1834 г он советовал В В Пассеку «Плюньте на суд Брамбеуса и его шайки, нападающей на все прекрасное, старающейся вырвать или истоптать цвет, обещающей именно нас Я наперед скажу буду гордиться, если барон побранит мой личный труд»¹

Драматически сложились отношения с «Библиотекой для чтения» у Н А Полевого в результате конфликта с Сенковским Полевой отказался от участия в журнале (декабрь 1837 г), а также отрекся от всего опубликованного им в «Библиотеке» в 1836—1837 гг²

После закрытия «Московского телеграфа», издателем которого был Полевой, в его взглядах происходит резкий поворот в сторону реакционной журналистики Все чаще и чаще имя Полевого становится рядом с именами Булгарина и Греча Именно в это время Лажечников выступает с резкой критикой позиции Полевого, что нашло свое отражение в статье «Антибюфоновский слог», предназначавшейся для «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» и не появившейся в печати по цензурным соображениям Посылая эту рукопись А А Краевскому, в сопроводительном письме Лажечников, в частности, писал «Успех „Литер(атурных) приб(авлений)“ и собственная Ваша польза требует, чтобы мы твердо, благородно отражали нападение Ф Фиглярина и Полевого — Медный лоб Во всяком случае Вы обязаны стать на защиту русской литер(атуры), ими посрамленной Фиглярин начинает уже иметь в ней голос — вот еще новая невзгода, которую послала нам смерть Пушкина При нем Фаддей Вен(едиктович) был ниже воды, тише травы»³

Публикуемое письмо — единственное известное нам обращение Лажечникова к Полевому Письма Н А Полевого к И И Лажечникову неизвестны

¹ Пассек Т П Из дальних лет [М], 1963 Т 2 С 192

² Полевой Н А Очерки русской литературы СПб, 1838 Ч I С XV—XVII

³ ГПБ, ф 391, А А Краевский, № 37 (письмо от 27 янв 1838 г)

Тверь, 24 ноября 1833

Пришла мне охота перемолвить с Вами два, три словечка, почтеннейший Николай Алексеевич! Первое будет — искренняя благодарность за все доброе, что Вы сказали о моем «Новике». Самолюбие мое в этом случае удовлетворено, хотя справедливость вопиет против двух замечаний Ваших о Екатерине и Новике; но об этом когда-нибудь при свидании!¹ Теперь слово о затее Филиппова сына и таки Александра, но, к счастью нашему, не Македонского, а Смирдина² Как вы думаете об его журнале, то есть периодическом или, с позволения сказать, месячном издании?

По-моему он останется в накладе. Одно имя разгонит подписчиков, как появление алебарды перед домом, куда любопытные простачки шли повеселиться. Что за название, Боже мой! Что такое «Библиотека для чтения»? Кроме того, что это старо, как Новиков,³ или, по крайней мере, сам Хвостов;⁴ разве есть «Библиотека для смотра», «для зевания» и пр. и проч.? Неужели барон Брамбеус, знающий все так верно, не только что на земле деет, но и под землю, вооружающий палицею против сей и оный,⁵ неужели целый синклит петербургских литераторов, целый ареопаг тамошних редакторов и журналистов, не могли заметить плоскость этого названия! Воображаю, какая давка писателей, чтобы попасть в число сидельцев «Библиотеки», и сравниваю ее с давкою, бывшею у театральной конторы при раздаче билетов на «12 спящих дев».⁶ Уже, конечно, тут не гумор английский, а русская умора! Боюсь только, чтобы гг. члены «Библиотеки», к тому не для чтения, не подрались из-⟨за⟩ мячика самолюбия за светлые волосы: вот тут-то плешивым старикам придется торжествовать! А что будет, то будет, кричала девка, поднявши (как бы учтивее сказать) шлейф своего сарафана.

Впрочем, что бы ни было, примите мои замечания, как шуточки с языка в веселый час сорвавшиеся, и верьте в искреннюю любовь мою к усовершенствованию всего хорошего, в преданности и уважении к Вам

Покорнейшего Вашего слуги

Ив. Лажечникова.

Р. С. Д. И. Шелехов⁷ сейчас у меня свидетельствует вам свое почтение.

Р. С. После Нового года, если у Вас есть экземп⟨ляры⟩ «Истории русск⟨ого⟩ народа»,⁸ я возьму у вас 9 экз⟨емпляров⟩ для вверенных мне училищ.⁹

Р. С. Вообразите, что цензура московская не пропустила выражение ⟨?⟩ мое в статье для «Денницы», что Петр Великий, когда же угощал своих подданных, любил растилать народу свою порфиру вместо скатерти браной. Требуйте после этого вдохновения, счастливых мыслей! ! !¹⁰

¹ Речь идет о рецензии (ранее лишь предположительно приписывавшейся Полевому) на роман Лажечникова «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» (1831) (Московский телеграф 1833 № 10 С 324—329) В этой рецензии Полевой упрекал Лажечникова в неверной передаче образа Екатерины Раббе (1684—1727), будущей жены Петра I, а также в недостаточной мотивировке некоторых поступков главного героя романа, который, по словам рецензента, «не во всем соответствует своему веку»

² О своем намерении издавать с 1834 г журнал «Библиотека для чтения» А Ф Смирдин объявил в «Северной пчеле» (1833 № 177, 8 авг) Редактором ее до 1836 г совместно с Н И Гречем был О И Сенковский Журнал пользовался большой популярностью, число его подписчиков доходило до 7000, чему в немалой степени способствовало сотрудничество в нем А С Пушкина и М Ю Лермонтова Н В Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» писал « книгопродавец Смирдин, давно известный

своею деятельностью и добросовестностию, который один только, к стыду прочих недалезорких своих товарищей, показал предприимчивость и своими оборотами дал движение книжной торговле, книгопродавец Смирдин решился издавать журнал обширный, энциклопедический, завоевать всех литераторов, сколько их есть в России, и заставить их участвовать в своем предприятии < > С выходом первой книжки публика ясно увидела, что в журнале господствует тон, мнения и мысли *одного* (Сенковского — Е С), что имена писателей, которых блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавного листка, взята была только напрокат, для привлечения большего числа подписчиков» (*Гоголь Н В Полн собр соч М, 1952 Т 8 С 157*)

³ Новиков Николай Иванович (1744—1818) — русский просветитель, журналист, писатель, издатель ряда сатирических журналов (1770—1777), а также журналов «Утренний свет», (1777—1780), «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789) и др

⁴ Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757--1835) — бездарный поэт, объект многочисленных эпиграмм

⁵ Сенковский в течение ряда лет выступал против употребления в литературных произведениях слов «сей», «оний», считая их примерами проникновения канцелярских выражений, о чем с иронией писал Гоголь, называя такую позицию Сенковского «разбором разного литературного сора» (*Гоголь Н В Полн собр соч Т 8 С 160*)

⁶ Имсеется в виду популярный в то время балет, в основу которого положена одноименная баллада Жуковского

⁷ Шелехов Дмитрий Иванович (1792—1854) — писатель, агроном

⁸ «История русского народа» Н А Полевого в 6 т (М, 1829—1833)

⁹ Лажечников в то время занимал должность директора Тверских губернских гимназий и народных училищ (1831—1837)

¹⁰ Лажечников имеет в виду отрывок из своего романа «Ледяной дом», который претерпел вмешательство цензуры Опубликован Дценница Альманах на 1834 год М, 1834 С 129—152

5

Письмо М. А. Бакунина к В. А. Соллогубу

Настоящим письмом в обширную переписку Михаила Александровича Бакунина вводится новый адресат — граф Владимир Александрович Соллогуб Публикуемое письмо, отражающее непродолжительный период взаимоотношений двух еще не определившихся в жизни молодых людей, заражает нас атмосферой философских исканий Бакунина, отчетливо наметившихся непосредственно после его знакомства с Н В Станкевичем в октябре 1835 г ¹ Письмо написано в решающий период жизни молодого человека, когда поручик Бакунин, находившийся в Твери в командировке, неожиданно для близких подал в отставку, что дало ему возможность серьезнее и целеустремленнее заняться изучением философии, в частности трудов Канта Непосредственно в это время и происходит знакомство Бакунина с чиновником особых поручений при тверском губернаторе — графом В А Соллогубом, будущим автором «Тарантаса» (1840)

В посланиях к своему другу А П Ефремову Бакунин не раз рассказывал о времени, проведенном в Твери с Соллогубом Так, 27 ноября 1835 г он писал «Сейчас еду < . > с графом Соллогубом в его деревню за 60 верст от Твери, пробуду там до 3-го и 3-го возвращаюсь опять в Тверь < > Мне нужно было отдохнуть, и я сел в кибитку, взял с собою Гофмана и глаз на глаз с Соллогубом провел целую неделю в старом его доме, в 100 верстах от Твери Мы читали Гофмана, пили по три бутылки вина в день, фантазировали, а когда надоело, так опять пускались в дорогу в другую деревню графа за сто верст от Твери и также в 100 верстах от Твери, так что я проехал около трехсот верст» ²

В том же письме к Ефремову Бакунин дает такую характеристику Соллогу: «Ты хочешь иметь понятие о Соллогу, вот он молодой человек, воспитанный по правилам beau-monde в доме отца до 18 лет, потом отправленный в Дерпт, где провел четыре года, пил, кутил, рубился и приобрел некоторые объективные сведения, слышал () о Гердере, о немецком философии и выучился петь, от природы одаренный умом и благородным сердцем, он, разумеется, сделался прекрасным молодым человеком большого света. Так, он перелистал Кузена, Villemain Guizot, а главное, Сисмонди, которым он бредит и который заставляет его бредить — вот и все. Поет же он лучше, чем говорит, а чувствует лучше, чем поет, мыслит же хуже, чем все это, а пьет лучше, чем все это»¹

Сам Соллогуб в своих мемуарах лишь вкратце упоминает имя Бакунина, замечая, что «это был очень молодой, умный и впечатлительный малый, с добрым сердцем и бедовой головой»⁴

¹ Знакомство Бакунина со Станкевичем произошло еще в марте того же года, однако близкие отношения сложились во время приезда Станкевича в имение Бакунина Прямухино в октябре 1835 г.

² *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем М., 1934. Т. I. С. 181—183. Далее Бакунин

³ Там же С. 185

⁴ *Соллогуб В. А.* Воспоминания М., 1931. С. 332

1835, 13 декабря. Пятница.
10 часов утра, моя комната
золотое сукно на столе, на сукне
Кант, а за столом Ваш покор-
ный слуга с записками из Канта¹

Вчера получил письмо твое и деньги, любезный филоброк... (т. е. любитель вина, водки; на древнем французском языке значит особенный винный сосуд)² — не могу тебе описывать радости восторга, волнения, которые, как следует, посетили сердце любящего тебя от души покорного твоего слуги Михаила Бакунина. Вчера ходил к Толстому³ и, зная, что в письме твоем есть деньги, хотел лично вручить оные его сиятельству, но его сиятельство сердитый человек, с чувством собственного достоинства — оно не изволило впустить меня, а велело человеку своему взять от меня пакет и сказать мне: хорошо. Не правда ли это прекрасно; человек иногда невольно высказывается! Я отдал пакет и ушел с тем, чтоб более не возвращаться. Сегодня я еще раз послал Константина Багрянородного⁴ в Канцелярию губернатора, и он принес мне два письма на твое имя, из которых я одно распечатал, любопытствуя узнать от Норова⁵ ли оно или от твоих, другого же не трогал. Письмо это какое-то деловое и, кажется, не от Норова. Когда-то кончатся твои дела. Сила воли — вот главное.⁶ Я уверен, что одна только воля определяет ценность и успех человека. Все другое: ум, чувство — принадлежность целого человечества. Итак, подвигайся, друг, и не жди у моря погоды.

Вторник был я M-me Juritisky танцевал с m-lle exellence,⁴ только не мазурку, а французские — разумеется, с свойственной мне ловкостью и любезностью.

⁴ по преимуществу (*фр*)

Пусто, друг, очень пусто, в внешнем мире, в одном только духовном и можно жить — там живешь жизнью человечества и эта жизнь не изменяет, а снаружи все зависит от самых глупых, жалких обстоятельств.⁷ Прочти Quinet, Introduction к Гердеру, он подтвердит то же самое.⁸

Чудесный фантастический мир! а внутри тебя буря, как все и положено в Питере. Поверь мне, это единственное верное средство. Препятствия, тебе мешающие, все основаны на <I нрзб> подкапать их нетрудно и все проходит; вспомни, что сказано о препятствиях в «Kabale und Liebe».⁹ Теперь прощай, я навсегда отказался от света и посвятил себя тому, что, по твоему мнению не имеет положительного основания.

Твой Michel

Мое почтение бабушкам, дедушкам и г-ну Плюну <?>.

¹ Возможно, Бакунин делал выписки как раз из той книги, которую ему послал незадолго до этого Н В Станкевич 2 ноября 1835 г он писал Бакунину «Я отправил к тебе своего Канта» (Переписка Н В Станкевича СПб, 1912 С 576 Далее Переписка) Через два дня, 4 ноября, Станкевич вновь обращается к Бакунину, стремясь привлечь внимание своего друга к философской системе Канта «Воображаю твою уютную комнатку, стол, сделанный по моему плану, Канта, табачный дым, твою красненькую рожуцу в задумчивости и тебя мучают те же мечты, ласкают те же бескорыстные надежды на подвиг! < > Верно ты не раз задумаешься над Кантом Читая его, я думал сегодня, как бы облегчить тебе эти труды Я боюсь, что недоразумение взбесит тебя и ты бросишь его или слишком будешь ломать голову Я пришлю тебе его систему по-французски, если достану Не спеши его читать Ты говорил мне, что мало знаком с языком философским и с отвлеченностью вообще В таком случае, Канта надобно изучать медленно и основательно Подвигайся вперед, не оставляя ничего непонятным» (там же С 578—579)

² От фр вгос (сосуд, кувшин)

³ Толстой Александр Петрович, граф (1801—1873) — тверской губернатор (1834—1837), одесский военный губернатор (1837—1840), обер-прокурор Синода (1856—1862) Будучи склонным к мистицизму, оказал пагубное влияние на Н В Гоголя По поручению А П Толстого Соллогуб отправился в Тверскую губернию вести следствие по делу о раскольниках (см *Соллогуб В А Воспоминания* М, 1931 С 333—342) Вспоследствии он вспоминал «И Толстой, и жена его были люди добрейшие и очень образованные и только и грешили тем, что уже до ханжества были набожны» (там же С 332)

⁴ Ироническое прозвище слуги М Бакунина

⁵ Норов Авраам Сергеевич (1796—1869) — историк, писатель, впоследствии министр народного просвещения

⁶ Эти слова Бакунина свидетельствуют о большом влиянии, которое оказал на него Станкевич 8 ноября последний писал Бакунину «Только твердая воля может сделать отпор разным обстоятельствам, увлекающим человека — итак желаю тебе, во-первых, воли, а потом *гармонии*» (Переписка С 583) Подобные рассуждения, мы находим также в письме Бакунина к А П Ефремову от 10 декабря 1834 г «Сила воли, друг мой, — все Ум, чувство нравственное составляют общее достояние человечества < > воля же составляет сущность человека индивидуального, и сила воли-то определяет ценность и степень совершенства человека индивидуального, так что если бы он имел волю достигнуть до духа человечества, то он достиг бы до него» (Бакунин С 184—185)

⁷ Ср со словами Станкевича из его письма к Бакунину от 17 октября 1835 г «Вы мне делаете слишком большую честь, говоря, что я совершенно исторгнул себя из жизни материальной, несмотря на все мое уважение к

хорошей стороне созерцания, все таки не могу возвыситься до того брамина, который целую жизнь смотрел на кончик своего носа Правда, разные обстоятельства, расстроенное здоровье и какая-то своя, особенная цель, которая темна для меня самого, удалила меня несколько от того, что называется светом, но я тем более нуждаюсь в обществе людей, близких мне по отношениям и по идеям, их сочувствие, их участие поощряет деятельность и спасает меня от гибельной скуки, которая часто мстит за внешнюю жизнь» (Переписка С 575) Скептически отнесся к настроению сына и А М Бакунин 27 января 1836 г он писал юноше «Я получил письмо из Москвы и вижу, что та же горячка в голове твоей продолжается, а сердце молчит Истинная философия заключается не в мечтательных теориях и пустословии, а в исполнении семейных, общественных и гражданских обязанностей нашего быта, а ты увлекаешься химерами, пренебрегаешь ими и толкуешь о какой-то внутренней жизни, которая все тебе заменяет, а между тем сам не знаешь, куда от себя деться Эта хандра, которая тяготит тебя, — необходимое последствие самолюбия, праздной жизни и беспокройной новости» (цит по *Корнилов А А* Молодые годы Михаила Бакунина М, 1915 С 141)

⁸ Отношение к философии Гердера Бакунин выразил в письме к братьям и сестрам от 4 февраля 1837 г (Бакунин С 400—401)

⁹ Бакунин имеет в виду слова леди Мильфорд из драмы Шиллера «Коварство и любовь» (1783) «Страшное препятствие преодолено, расторгнуты все узы между мною и герцогом и та бешеная страсть тоже вырвана из моего сердца¹ В твои объятия бросаюсь я, добродетель» (действие IV, явление 8-е, пер Н Любимова)

6

Письмо М. Н. Загоскина к Н. А. Полевому

Публикуемое письмо, представляющее собою ответ Михаила Николаевича Загоскина на письмо Николая Алексеевича Полевого от 10 января 1838 г,¹ относится ко времени отхода Полевого от передовых позиций и сближения его с лагерем реакции

Загоскин пытается убедить Полевого в своих дружеских чувствах к нему Однако факты говорят о другом В начале 1830-х гг их отношения весьма натянуты Будучи директором московских театров, Загоскин принимал на свой счет любые критические статьи «Московского телеграфа», издателем которого был Полевой, не говоря уже о критических замечаниях в адрес его собственных произведений

Так, Ксенофонт Полевой описал в сущности комическую ситуацию, в которую попал добродушный, но обладавший весьма вспыльчивым характером Загоскин, когда он прочитал рецензию Н А Полевого на роман «Рославлев» (Московский телеграф 1831 № 8 С 534—545) Придя в дом к Полевому, чтобы высказать свое возмущение, он был обезоружен искренним гостеприимством критика, его расположением к серьезному разговору о новом романе Загоскин «протянул к нему (Н А Полевому) руку и сказал „Я нахожу вас совсем не таким, каким представлял себе по чужим рассказам, и жалею, что мы давно не сошлись В знак искренности, позвольте же мне попросить у вас извинение в том злом намерении, с каким я пришел к вам я хотел с вами ссориться, драться за отзыв о «Рославлеве», но теперь сознаюсь, что вы пользовались только своим правом, которое принадлежит всякому журналисту!»²

Тем не менее в письме к М А Лобанову от 13 декабря 1833 г Загоскин прямо называет Полевого своим «злейшим (< >) врагом»³

Разногласия между двумя литераторами, историческими романистами, однако, имели более глубокие корни, которые следует искать в различных подходах к отображению исторического прошлого России⁴

¹ Рус старина 1902 № 9 С 627—628

² Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого СПб., 1888 С 260

³ Исторический вестник 1880 № 8 С 703—704

⁴ См *Козмин Н К* Очерки по истории русского романтизма СПб., 1903 С 117—118

15 января 1838 <года>.
Москва.

Почтеннейший, любезный и преумный Николай Алексеевич!

Спешу Вас успокоить Я согласно Вашему желанию дозволил представление «Уголино»,¹ но сделайте милость поспешить присылкою цензурованного экземпляра — без того я не дозволю второго представления и, вероятно, отниму у себя этим один полный сбор. Благодарю Вас от всей души за Ваше обязательное и милое письмо² — в то же время хочу с Вами до смерти ругаться. Что за чопорное начало? Так ли пишут к приятелям? А я Ваш приятель и готов это повторить на Московском лобном месте — потому что горжусь этим. Кого я полюбил, того и люблю не шутя, а особенно если эта дружба основана на душевном уважении, в котором я не отказывал Вам и тогда, когда терпеть Вас не мог. Какая смешная наивность! Скажите, может быть, ошибаетесь, мой милый Николай Алексеевич. Это простое признание, что я некогда был к Вам несправедлив. Не может быть, чтобы Вы, с Вашей душой, когда-нибудь ненавидели нашу общую родину. Добрый человек может горевать и оплакивать недостатки своей матери, но не станет отыскивать их и указывать на них пальцем, или Вы в старину не то писали, что думали, или я не понимал Вас — я так Вас теперь люблю, что от всей души верю последнему. Прощайте, обнимаю Вас и с искренним чувством дружбы Ваш всю душою

М. Загоскин.

¹ Цензурное разрешение на представление драмы Полевого «Уголино» было получено 31 декабря 1837 г. В Петербурге первое представление трагедии было 17 января 1838 г., в бенефис В. А. Каратыгина, а в Москве — 21 января того же года, в бенефис П. С. Мочалова. В Петербурге в сезон 1837—1838 гг. было дано семь представлений «Уголино». См *Вольф А* Хроника петербургских театров с конца 1826 года до начала 1866 г. СПб., 1877 Ч 2 С 47

² В своем письме от 10 января 1838 г. Полевой просил Загоскина под честное слово разрешить представление «Уголино» в Москве в бенефис П. С. Мочалова, мотивируя это тем, что в Петербурге эта драма прошла через цензуру и цензором подписана (Рус старина 1902 № 9, С 627—628)

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (1880—1881)

Публикация Т. И. Орнатской

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится большая часть архива А. Г. Достоевской — жены и сподвижницы Ф. М. Достоевского. В октябре 1866 г. двадцатилетняя курсистка А. Г. Сниткина начала работать с писателем

в качестве стенографистки переписчицы Через месяц Достоевский сделал ей предложение, и 15 февраля 1867 г они поженились С этого времени А Г Достоевская постоянно стенографировала произведения мужа, вела его издательские дела, занималась книжной торговлей После смерти мужа она выпустила семь собраний его сочинений и положила начало собиранию (а затем и изданию) его рукописей, писем и документов Почти 40 лет продолжалась эта ее деятельность В последние годы жизни она работала над собственными «Воспоминаниями», принесшими ей широкую известность и по праву причисляемыми к лучшим образцам русской мемуаристики Ныне в литературный и научный обиход постепенно вводятся все новые материалы из архива Достоевской, расшифровываются и публикуются ее стенографические дневники (начало этой расшифровке положила она сама)

Как известно, А Г Достоевская до последнего дня своей жизни фиксировала тщательнейшим образом все подробности, касающиеся Ф М Достоевского Она припоминала его словечки, привычки, манеру держаться, разговаривать, писать и т п В одной из поздних ее тетрадей (ГБЛ, ф 93 II 4 3), относящихся к 1916—1917 гг, т е к периоду работы над «Воспоминаниями», находим даже такую любопытнейшую подробность под заголовком «Что добавлять к воспоминаниям» записано «Рост Феод(ора) Мих(айловича) был 2 арш(ина) 6 вершков» (т е приблизительно 1 м 74 см)

Публикуемые ниже несколько страниц из записной книжки А Г Достоевской 1880—1881 гг особенно ценны тем, что они еще не «обработаны» в воспоминания, что записи как о годах детства, так и о последних днях, часах и даже минутах жизни писателя даны здесь стенографически точно

Эти несколько страниц, казалось бы, совершенно разрозненных записей содержат ряд уникальнейших и ценнейших данных для биографии писателя Они помогают увидеть живого Достоевского, услышать интонации его речи, узнать о каких-то неожиданных сторонах его характера, привычках, вкусах, увидеть писателя в кругу друзей и семьи — то читающим своим детям величайшие с его точки зрения творения мировой литературы, то собирающегося в дорогу, то просто заваривающего чай Интересен замысел книги для детей с отобранными самим писателем собственными сочинениями Ценны его указания на любимые страницы «Подростка», «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания» Особенно следует отметить важность записей, относящихся к детским годам Достоевского Они сделаны Анной Григорьевной со слов московских родственников писателя сразу же после его смерти Возможно, что уже тогда эти записи предназначались для печати Ведь именно они послужили первоисточником соответствующих разделов в «Материалах для жизнеописания Достоевского», вышедших в 1883 г

Чрезвычайно интересны последние страницы тетради на одной из них содержится текст, предназначавшийся для февральского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г Достоевский продиктовал его жене в день смерти Несколько записей, в частности касающихся предсмертной болезни писателя, были в 1935 г выборочно опубликованы Л П Гроссманом в книге «Жизнь и труды Ф М Достоевского» (М, Л, 1935) Мы воспроизводим их последовательно и в полном объеме

Записи, сделанные стенографически, расшифрованы Ц М Пошеманской

Записная книжка хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, в фонде А Г Достоевской, № 30773 Частично опубликована нами в «Литературной газете» (1986 № 16, 16 апр)

Родился в Мариинской больнице в Москве, в правом флигеле, внизу, окна во двор, теперь там отделение для приходящих малолетних¹ Затем переехали в левый флигель, где и жили до 230

отставки отца.² Для Мих(аила) и Федора Мих(айловича) была темная комната, учились они в зале, где и сидели, уткнувши носы в свои книги.³ Но лишь только отец уезжал на практику, то бросали книги и шли к матери, которая всегда сидела в гостиной, и там все садились за круглый стол, дети читали что-нибудь вслух, а мать работала. Отец был угрюмый, нервный, подозрит(ельный), ревнивый. Рядом с Дост(оевскими) в правом флигеле жили Щуровские.⁴ За больницей есть огромный тенис(т)ый сад, куда и ходил гулять Фед(ор) Мих(айлович), пока не приобрели имение⁵ (л. 80, об.). Нянька была Алена Фроловна, толстая, не старая еще женщина, рассказывала сказки про Остородума, очень хорошая женщина, чрезв(ычайно) любившая детей и их защищавшая от отца. Умерла в богадельне, куда ее поместили Куманины.⁶ Мать Ф(едора) М(ихайловича) умерла в 1837 г., 27 февраля, а в апреле отец повез их в Петербург. Отец умер в 1839 г. Сначала их всех учил Suchard, который потом переименовался в Драшусова, сделав свою фамилию наоборот: Suchard—Drachus—off,⁷ сыновья кот(орого) были потом известны.⁸ А затем Фед(ор) Мих(айлович) был помещен в пансион Чермака, кот(орый) помещался на Басманной, рядом с Басманной частью, ныне г-на Алексеева (л. 81).⁹ По субботам ходили брать уроки из математики к Ламовскому.¹⁰

Пред поездкой в Петербург Куманина свезла Мих(аила) и Фед(ора) Достоев(ских) на богомолье в Сергиев посад и потом говорила, что они всю дорогу декламировали и читали ей стихи.¹¹

Сверстников бывавших не было.

Александра Николаевна-старушка рассказывала «Тысячу и одну ночь» про Алладина и пр(очее). Когда начинала рассказывать, то дети так и не отпускали ее от себя¹² (л. 81, об.).

Любил из Вал(ьтера) Скотта «Эдинбургскую темницу» и «Роб-Рой», из Диккенса «Оливер Твист», «Никльби», «Лавка древностей». Теккерей не любил.¹³ Из Бальзака «Кузен Понс», «Кузина Бетти» (л. 82).

Иногда завязывал на платках узелочки, если хотел что вспомнить (л. 77).

Любил носить узенькие шелковые галстучки, прямые, без машинки, и сам делал бант. Прежде, в первые наши годы, носил цветные широкие галстуки и любил ярко-красный цвет.

Называл цвет *масака*.¹⁴

Не любил серого цвета и вообще неопредел(енных) цветов. Хотел, чтоб я сделала себе ярко-зеленое платье, а про мои серые платья говаривал, что цвет, как заборы красят (л. 77, об.).

Про Лилю часто говорил: «Видел ее в первую минуту, когда она родилась, и тотчас же увидел, что она на меня похожа».¹⁵

Про Сою говорил, что она была хорошенькая.¹⁶

Федя родился 16 июля; Ф<едор> М<ихайлович> говорил, что дал себе слово, если Федя родился бы 15-го ночью, назвать его Владимиром.¹⁷

Пред рождением Леши мы не знали как назвать его;¹⁸ я хотела назвать Иваном, а Ф<едор> М<ихайлович> Степаном, в [память] честь родоначальника рода Достоевских¹⁹ (л. 78).

Первым вопросом, когда он приходил пить кофе, был: «Где дети?».

Про Федю несколько раз говорил: «Если Федя умрет, я застрелюсь». Называл его, когда поднимал ночью: «У, батюшка!²⁰ Какой ты тяжелый?! Ишь, разоспался!». А если тот начинал говорить во сне, то Ф<едор> М<ихайлович> мигом приходил и говорил: «Ну знаю, знаю, ишь разговорился».

Иногда Федя, сидя на горшке,^a начинал читать вслух «Богородицу», читал ее до конца.²¹ Ф<едор> М<ихайлович> очень этому смеялся. Когда же Федя долго сидел на горшке,^b то Ф<едор> М<ихайлович> говорил: «Ах, Федя, Федя!».

Обещал Феде свою щетку.

— «Я себе куплю новую, а эту подарю тебе, а ты чисти свое платье». Федор М<ихайлович> ужасно был чистоплотен, чистил платье, когда его надевал, потом чистил, когда снимал его, пред тем как повесить в шкаф²² (л. 78, об.).

Курил папиросы, которые набивал сам, смешивая два сорта: «Саатги» и «Мангуби Дивес средний» и «Лаферм» ¹/₄ фунта 80 коп.

После поездки в Москву на Пушкинское торжество он бросил папиросы и курил сигары, уверяя, что гораздо меньше теперь кашляет. Сигары были хорошие, дорогие, 25 штук 6 руб. и дороже. В Москве Лентовский²³ потчевал его сторублевой сотня, то есть в один рубль <штука> (л. 79).

Когда куда уехал, то последнюю ночь был очень занят, именно разбирал бумаги, откладывал их в разные пачки, которые подписывал: «текущие», «неважные» и т. д., и очень заботился о том, куда положить свою рукопись; вообще же успокоивался, лишь когда укладывал свой маленький чемодан (л. 82, об.). А в чемодане укладывал след<ующий>: ночная и дневн<ая> рубашки, чулки и платки, свои галстуки и перчатки, туфли, пельнищу, свои портсигары (в них ножницы и ножик, щетку, газеты). А в нижнем этаже всегда укладывал свои папиросы в жестян<ом> ящике, свой эмский стакан и разные мелочи, которые привозил нам из-за границы²⁴ (л. 79, об.).

^a Слова на горшке записаны стенографически.

^b Слова сидел на горшке записаны стенографически.

«Тише! Тише!» — кричал он в Старой Руссе, когда очень шумели во время его сна.²⁵

Когда диктовал, то говорил «на другой строчке», «разговорно», «не разговорно». Восклицательный знак, вопросительный знак любил, чтоб ставили, как можно ближе, решительно около самого слова, напр⟨имер⟩ «дело», и всегда настаивал на этом.

Бывал очень доволен, когда продиктованное было готово к его вставанью²⁶ (л. 82).

Прежде чем лечь спать, он долго приготавливался, часа два, именно сажал детей, поил их, ужинал, осматривал, заперты ли все двери ⟨. . .⟩ мыл зубы,⁸ проделывал гимнастику, молился, приготавливал воду, спички, свечку и часы недалеко от того места, где он спал, перестилал постель и затем уже ложился, закутываясь с головой в простыню и покрываясь двумя одеялами, тканевым и байковым, а сверху накрываясь старым пальто, только ноги. Спал на спине, если спал на левом боку, то очень кашлял (л. 82, об.).

Любил советовать тереться медом с солью (л. 83).

Корабль не круглый, не продолговатый, а четырехугольный, такой, чтоб ни за что плавать не мог ⟨. . .⟩

Боялся, что не пропустят²⁷ (л. 83).

Не любил маленьких портретов.

Дорогой, по жел⟨езной⟩ дороге, имел отличный аппетит, и, бывало, непременно поужинает и в Новгороде и в Чудове.²⁸ В вагоне дремал, а иногда и спал.

«А ведь ты славная у меня, Анечка».

Для детской книжки: «Неточка Незван⟨ова⟩, Коля Красот⟨кин⟩, Смерть Илюшечки, «Мальчик у Христа ⟨на елке⟩», «Мужик Марей», «Столетняя», «Маленький герой».²⁹

Боялся грустного впечатленья.

Боялся, чтоб детей не раздавили.

«А вот я хочу до вас добраться. . .».

На морозе у него кололо пальцы под ногтями, и это случилось при самом легком морозе.

У Феди то же самое.

За последнюю зиму с мороза у него иногда распухало лицо, вернее, щеки (л. 83, об.).

⁸ Слова ⟨. . .⟩ мыл зубы записаны стенографически.

«и *уголь* пылающий огнем он»
«Глаголом *жги* сердца людей»
«И по—те—кут богатства»
«И *вырвал*» (как можно резко) грешный мой язык³⁰ (л. 84).

В четверг? был Мих(аил) Михайлович. Просидел весь вечер, Фед(ор) Мих(айлович) был очень недоволен,³¹ что он сидит. В пятницу был Поляков, привез деньги,³² Федор Мих(айлович) был очень разговорчив. Вечером мы заговорили о том, куда ехать, и он говорил о мечтах (л. 84, об.).

В детскую книгу хотел «Неточку», Колю Красоткина, Смерть Илюшечки, «Мальч(ика) у Христа (на елке)», «Мужик Марей», «Малень(кий) герой».

Но находил лишь, что впечатление на детей будет грустное.

Ничего не было труднее для него, как садиться писать, раскачиваться.

Писал чрезвычайно скоро.

Лилька-Килька, любил ее называть.

Заваривал чай, сначала споласкивал чайник горячею водой, клал 3 ложечки чаю (причем непременно требовал «свою» ложку. Она так и называлась «папиной ложечкой») и наливал лишь $\frac{1}{3}$ чайника, и закрывал салфеточкой; затем минуты через три дополнял чайник и тоже накрывал. И наливал чай лишь тогда, когда он настоится. Ставил чайник на самовар лишь тогда, когда самовар переставал кипеть. Наливая себе чай (л. 85), папа непременно смотрел на цвет чая, и ему случалось очень часто то добавлять чаю, то сливать в полоск(ательную) чашку чай и добавлять кипятком; часто случалось, что унесет стакан в свой кабинет и опять вернется, чтоб долить или разбавить чай. Уверял: «Нальешь чай, кажется, хорош цветом, а принесешь в кабинет, цвет не тот». Клал два куса сахару (л. 84, об.).

В «Подростке» очень ценил рассказ о сне.³³

В Идиоте (пропуск в рукописи)

В «Карамазовых» Великого Инквизитора, Смерть Зосимы, Сцена Дмитрия и Алеши (рассказ о том, как Катерина Иван(овна) к нему приходила), Суд, две речи, Исповедь Зосимы, Похороны Илюшечки, Беседа с бабами, Три беседы Ивана со Смердяков(ым), Черта. «Столетняя», «Мальчик у Христа», «Марей», рассказ Мармеладова (л. 85, об.).

Воскресенье.³⁴ Только что встал, как пришел Майков; говорили об окончании «Дневни(ка)»,³⁵ об февральском «Дневни(ке)», что хочет писать.³⁶ О собрании, бывшем у Грота по поводу того, куда девать остаток от Пушк(инского) памятника.³⁷ Пришел Орест Миллер,³⁸ пришла Катерина Ипполитовна.³⁹ Зашел разговор

¹ Слово недоволен записано стенографически.

о перемене программы и о том, чтоб ему не читать Онегина, которого прочтет вместо него Герард с *⟨пропуск в рукописи⟩*. Фед⟨ор⟩ Мих⟨айлович⟩ был недоволен, почти обижен, но затем мы стали его уговаривать, чтоб он выбрал другое, и он мало-помалу согласился.⁴⁰ Выбрал *⟨пропуск в рукописи⟩*.

Ушел Майков, Фед⟨ора⟩ Мих⟨айловича⟩ вызвала я приститься с Катер⟨иной⟩ Иппол⟨итовой⟩. Та ему сказала, что он будто сердитый. Он очень удивился и сказал ей: «Вот лучше не жить с людьми; тут Бог знает как занят человек, ему тяжело и грустно, и люди тотчас *⟨л. 86, об.⟩* придумают, что он сердится».

— «Да ведь я пошутила» — ответила ему К⟨атерина⟩ И⟨пполитовна⟩. Затем пошел гулять до обеда, именно поехал в типографию⁴¹ отдать последний листок «Дневника», прося завтра же прислать корректуру.⁴² Воротился в ¹/₂ 7-го, мы в это время сходили на полчаса к Кашпировой⁴³ и, воротясь, сели обедать. За обедом все время говорили о «Пиквикс⟨ком⟩ клубе», вспоминали все подробности, рассказывали ему, а затем я спросила, кто же был этот актер.

— Мистер Джингль, — сказал Фед⟨ор⟩ Мих⟨айлович⟩.⁴⁴

После обеда пошел пить свой кофей, а затем сел писать свое письмо к Каткову, а написав, позвал меня и прочел его мне. Между прочим он упомянул, что, может быть, это его последняя просьба,⁴⁵ я на это со смехом сказала, что вот будешь писать опять «Карамаз⟨овых⟩», опять будем просить вперед. Вечером ходил гулять, а затем *⟨...⟩* (л. 86).

«В сослужении с викарием окропил свя—той во—дой», — любил он говорить с насмешкой, говоря о том, что делает наше высшее духовенство (л. 87, об.).

Читал детям «Тараса Бульбу», «Капитанскую дочку», «Выстрел», «Метель». Всего Репетилова прочел, «Горе от ума», «Бородино». Последнее он прочел детям «Тамань». Летом он начал читать «Разбойников» Шиллера. Детям он никогда не читал из своего (л. 87, об.).

Папа читал детям «Бедность не порок». «Перчатка» Жуковского, летом 1880 г. «Разбойники» Шиллера, причем Феде очень не понравилось, и он заснул и почему-то называл это сосульками. Читал «Тараса Бульбу», «Капитанскую дочку».

Самое последнее прочел «Тамань».

Ф⟨едор⟩ М⟨ихайлович⟩ очень чтит св. Тихона Задонского⁴⁶ (л. 87, об.).

Чувствительный Жуир, в размере Баден-Бадена или Карлсруэ.⁴⁷

Любил лес, пусть все продают, а я не продам, из принципа не продам, чтоб не безлесить Россию.⁴⁸ Пусть мне выделяют лесом,⁴⁹ и я его стану растить и к совершеннолетию детей он будет большим.

В пятницу 23 янв⟨аря⟩, когда он выражал свою заботу о моем здоровье, я сказала ему: «Отпусти ты меня с детьми в Ревель, а сам поезжай в Эмс. Когда вернешься, то вместе и поедем доживать лето в Старую Руссу, на три недели, так как придется из-за детей раньше вернуться».

— А, так ты так хочешь, ну так и поезжай, а у меня на лето были совсем другие мечты.

— Какие же мечты? — скажи мне.

— А вот мои мечты: теперь у нас есть кой-какие деньги, да «Дневник» даст кое-что, наберется тысяч 12—15, мы и купим то подмосковное, о котором тебе писали прошлым летом. Чего не достанет, то я займу, право, займу, этак (л. 88, об.) тысяча пять, если не здесь, то в Москве, напр⟨имер⟩ у Лаврова.⁵⁰ Он даст мне наверно, и мы отлично их выплатим ему потом. Ну так я поеду в Эмс, а ты поедешь в имение и будешь там хозяйничать, и проживем до осени, а там сюда. Ты и дети отлично поправитесь.

Всегда мечтал об имении, но непременно спрашивал: есть ли лес? На пахоту и луга не обращал внимания, а лес, хотя бы небольшой, в его глазах составлял главное богатство имения.

Хотел купить в Тверской, Московской, Тульской, Орловской, Тамб⟨овской⟩, но ни за что не в Курской, не в Харьковск⟨ой⟩, не в Малороссии. Не любил дуба, а любил листв⟨енный⟩ лес, не расчищенный, а, скорее, запущ⟨енный⟩, разросшийся (л. 88—88, об.).

Федор Мих⟨айлович⟩ с особенным чувством припоминал слова Лешеньки, сказанные им накануне его смерти: «Наш папа добий, он мне гостинцу дал».⁵¹

Не любил, когда его спрашивали, как его здоровье, всегда сердился. Часто говорил: «[Меня считают угрюм⟨ым⟩,] говорят про меня, что я угрюм и сердит, а они не знают того, что мне дышать нечем, что у меня воздуха не хватает, что я задыхаюсь. Я дышу как бы через платок».

Вы на меня сердитесь?

Когда?? — спрашивал он удивленным тоном.

Когда я заваривала чай, то он говорил мне: «Ах, как я несчастен!» — таким милым тоном отчаяния, что я принималась его еще больше. . .^А

Когда мы поздно ложились, то он торопил: ложитесь скорей, когда ж я буду заниматься? Теперь 2, два часа мне для пригото-вл⟨ения⟩, два на работу, и я просплю не более 7 час⟨ов⟩.

Любил икру, швейцарс⟨кий⟩ сыр, семгу, колбасу, а иногда балык; любил иногда ветчину и свежие горячие колбасы.

^А В этом отрывке, записанном стенографически, последнее слово повреждено.

Когда покупал на углу Владим(ирского) и Невского закуски и гостинцы, и непременно заезжал к Филиппову за калачом или за булкой к обеду, а иногда привозил детям баранков. Булку клал в карманы шубы и иногда было очень трудно ее вытащить. Чай любил черный в 2 р. 40 и всегда его покупал у Орловского, против Гостиного двора. Любил вяземские пряники. Чтоб меня порадовать, приносил иногда мне копченого сига, а незадолго до своей смерти, недели за три, принес много.

Когда дети ложились спать, то кто-нибудь из них кричал: папа, «Богородицу» читать!⁵² Он приходил и читал над ребенком, и затем говорил несколько ласковых слов, целовал в лоб или в губы и уходил, говоря: «Ну, спите, спите» (л. 89, об.).

«Я требую от Лили цвета лица».

«Таков ли я был, расцветая».

«Отцветая, ты лучше, чем когда ты расцветал».

«И я тоже сирота».

Любил, чтобы спички были наготове, совершенно черные чернила и хорошую толстую бумагу.

— «Я так хочу» — одно из его слов.

— «Что она мне говорит?», когда бранились.^е

Говорил Феде: не смей ходить около лошади (л. 90).

Любил пастилу белую, мед, непременно покупал в посту, киевское варенье, шоколад (для детей), синий изюм, виноград, пастилу красную и белую палочками, мармелад и также желе из фруктов.

Пил красное вино, рюмку водки и перед сладким полрюмки коньяку. Любил очень горячий кофе, который бы кипел, и с своей чашкой уходил в свою комнату, в левой руке неся подсвечник и салфетку, а в правой — чашку. Любил оставаться с своей чашкой некоторое время один и был недоволен, когда его в это время тревожили разговорами. Обед кончался в 7, и он любил до 8 или $\frac{1}{2}$ 9-го просидеть один, а затем одевался и шел гулять, или пройтись куда-либо, или же поехать куда-нибудь в гости, но в гости не любил приезжать позже 9 и самое позднее в $\frac{1}{2}$ 10-го. Сидел в гостях до 12, иногда до $\frac{1}{2}$ 1-го, но в час ночи непременно был дома. Переодевался очень долго на свое старое пальто (л. 90, об.).

Если кто заболел, хоть немного, он говорил: «Доктора, доктора».

^е Слова когда бранились записаны стенографически.

«Это надо записать».

«Посадить надо. Ох, Феденька, какой ты тяжелый».

«Обедать! Обедать».

Под Новый год, 30 и 31 дек⟨абря⟩ он сводил счета по продаже в том году наших изданий и был донельзя доволен, если книги шли хорошо.⁵³

Когда был маленький, мать называла его Федюшей.

Любил «Сикс⟨тинскую Мадонну⟩», «Zinsgroschen»^{*} Тициана и «Золотой век» — «Асис и Галатейя», сам назвал Золот⟨ым⟩ веком.⁵⁴

Не любил Гольдбейнов⟨ой⟩ «Мадонны»⁵⁵ (л. 91).

«Не свежа голова».

«А вот я сам начну учить вас арифметике» (собрал учебники). Когда Федя долго не ⟨...⟩ «Ах, Феденька, Феденька, как ты меня мучаешь».

Прогонял детей прочь от самовара.

«А вот я тебе прочту» — и прочел начало «Дневника».

— «Не скучно ли, не есть ли тут повторение?». Я сказала, что совсем не скучно, но что, разумеется, есть многое старое, что иначе и быть не может, так как он проводит свою идею о русск⟨ом⟩ народе и о православии, что круг читателей у него новый и что для тех надо бы выяснить. Он остался очень доволен.⁵⁶

Любил, чтоб его слушали, когда он читал по рукописи,³ и уже ничем другим в это время не занимались; малейший жест сердил и беспокоил его (л. 91, об).

1-го января были в театре на «Сидоркином деле», очень был доволен.⁵⁷

Во вторник⁵⁸ была Штакеншнейд⟨ер⟩,⁵⁹ Орест Миллер, ходила за виноградом, ел икру с бел⟨ым⟩ хлебом, пил молоко. Был Кошлаков,⁶⁰ а после него Бретцель,⁶¹ разъехались ⟨...⟩ освежали комнату. Вечером Верочка и Павел Александр⟨ович⟩.⁶² Рано легли, пил много лимонаду, сделанного мамой,⁶³ часто.

Во вторник боялся, что съедят весь виногр⟨ад⟩, а когда принесли еще виноград, то просил меня есть (л. 92).

«Eugenie Grandet».⁶⁴

Февр⟨альский⟩ выпуск Философу,⁶⁵ и о том, как они провалили классицизм.⁶⁶

* Христос с монетой (нем.):

³ Слова по рукописи записаны стенографически.

«Эдинбургская темница», «Роб-Рой», «Оливер Твист», «Николай Никльби».

Во вторник вечером, перед его сном я ходила наверх попросить господина не ходить, так как эта вечная ходьба очень его беспокоила. Господин перестал.⁶⁷

Вечером до Кошлакова диктовал мне письмо к Гейден с историею его болезни.⁶⁸

Григорович в день смерти.⁶⁹

Утром, пока я ездила в типографию, был Покровский,⁷⁰ потом Майков, Рыкачева,⁷¹ Ор. Миллер, Кашпирева, Павел Алекс (андрович), Мих (айл) Мих (айлович), Григорович, Майков и Анна Ивановна.⁷²

Когда я предложила ему, по совету Кошлакова, нанять студента для присмотра за ним, он согласился, но говорил: как я вас разоряю (л. 92, об.).

Названия романов женские: «На распутьи», «На пути», «На перекрестке», «На пристани».

Если его что-либо очень затрудняло при переправках, то начинал ладонью левой руки сильно ерошить волосы на левом виске, снизу вверх.

Сидел, облокотясь на кресло, положив правую ногу на левую и слегка потрясая ногой, засунув под колено левую руку.

— «У, батюшка, Липа», — когда Федя говорил ночью, — «ну знаю, знаю, все рассказал, Федульчик».

— Je vous aime tendrement. — Et moi s'aussi.^н Tendrissimo.
— Приходи, если хочешь.

— Eh bien.

— À l'instant.^к Приходи-ка.

— Я хочу до тебя добраться.^л

Кашлял очень <...> Я заметила ему.

Когда причастился, то стало легче и голове и груди, голова прояснилась.

Иногда вдруг мне кричал из своей комнаты:^м Ты спишь?

— Нет.

— До свиданья, я тебя люблю.

— И я тебя также (л. 93).

^н Я люблю тебя нежно. — И я тоже (фр.).

^к Хорошо. Тотчас (фр.).

^л Текст Я хочу ~ заметила ему записан стенографически.

^м Текст Иногда вдруг ~ комнаты записан стенографически.

Евангелие Ездил в типографию

— «Меня бы теперь хоронили»

Сердился насчет чаю Это раздражительность

— «Попроси чтоб он приехал» (Кошлаков)

— Видишь не удерживай '

Диктовал «Дневн(ик)» ⁷¹

— «Вычеркни, что найдешь возможным»

— «Кто пришел ?»

— «Прочти „Новое время , что сказано обо мне»,⁷⁵ — 2 раза

Не скучал

— «Конец, конец, зальет Если б моя прежняя мнительность»

Читала «Новое время» Вторник Любопытствовал, кто приходит

Продиктовал бюллетень

Попросил зубы вымыть, завел часы, причесался, зачем я не в ту сторону

О студенте, взять его «Сколько на меня истратили»

Я причастился и исповедался, а все-таки не могу равнодушно подумать об сестре " «Какие они несправедливые»⁷⁶

Я поздравила его с принят(ием) св Таин, но он сказал, что еще не причащался, сомневался и спросил свящ(енника), хорошо ли он сделал, что (л 93, об) причастился, а вдруг он выздоровеет⁷⁷

Джой (?) письмо Каткову, Миллер, Майков, Катер(ина) Ипполитовна

Просил прощ(ения) любил, изменял тебе лишь мысленно⁷⁸ виноград алмерий (?) и клюква в сахаре, киевское вар(енье), чулки, панталоны

— «Это была лишь раздражительность» Не ветри

— «Какая мучительно длинная ночь, только теперь я понял, что еще кровот(ечение), и я могу умереть

— «Дай ему сигару»

В день смерти беспокоился о печке, хорошо ли ее закрыли, пусть Марья придет

— «Ты еще не пообедала?» Спросил два раза "

Недружелюбно встретил незнаком(омого) доктора⁷⁹

Не хотел звать Пашу, качал головой, чтоб тот не смотрел в шелку Позвал Пашу, рассердился и отдернул руку, когда тот ее поцеловал

— «Все деньги твои» Нотариус подписал повестки, подписал доверенность (как бы не обидеть детей) (л 94)

⁷¹ Фраза Я причастился ~ об сестре записана стенографически

⁷⁶ Слова изменял тебе лишь мысленно записаны стенографически

⁷⁸ Слова Спросил два раза записаны стенографически

Федя говорил летом 1881 г «Жаль, что я не знал при жизни папы, что он был в Сибири, я бы многое у него про Сибирь расспросил»

— А когда ты узнал?

— Узнал от Лили, а потом все стали говорить, из газет⁸⁰
Я спросил Лилю, за что наш папа был сослан

— Что ж ты подумал — за воровство?

— Ну вот, совсем нет Он был сослан, что начальству правду говорил

— Федя, ты помнишь, что ты с папой разговаривал?

— Помню, но я все ему задавал такие глупые вопросы, мне кажется, что я был тогда таким маленьким, глупеньким мальчиком () (л 141, об)

Бабушка⁸¹ спросила (Лилю) что это значит «славянофил?»

— Неужели Вы не знаете, да ведь наш папа был славянофил

— А ты знаешь, что это такое?

— Славянофил есть человек, кот(орый) говорит, что мы должны учиться у народа, а не народ у нас, а западник это тот, кот(орый) хочет, что(бы) мы брали все из-за границы и учили этому народ (л 144, об)

На чтении Литер(атурного) *фонда в память Ф(едора) М(ихайловича) при чтении Потехина (читал Мармеладова) Лиля сказала «Зачем ему дали читать, папа вовсе не так читал, горько читал, жалел его, а Пот(ехин) точно смеется над ним или представляет его пьяным» (т е Пот(ехин) читал слишком мелодраматически), а Мармел(адов) лицо трагическ(ое), и она (Лиля) поняла, что он взял не тот тон (л 143)

Фразы из сочинений Фед(ора) Мих(айловича), которые он иногда говорил

Из «Прест(упления) и Нак(азания)»

— А зачем они меня мучают!⁸²

Да что вы все такие скучные Скажите что-нибудь! Что в самом деле так сидеть-то! Ну, говорите же! Станем разговаривать Собрались и молчим Ну, что-нибудь!⁸³ (л 163)

¹ Эта и следующие за ней записи были предоставлены А Г Достоевской О Ф Миллеру для «Материалов для жизнеописания Ф М Достоевского», что подтверждается словами «По сведениям, сообщенным Анне Григорьевне Достоевской в Москве близкими родственниками Ф М, он родился в правом флигеле Мариинской больницы, там, где теперь отделение для приходящих малолетних» (см Биография, письма и заметки из записной книжки Ф М Достоевского СПб, 1883 Отд 1 С 5 Далее Биография)

² М А Достоевский ушел в отставку 1 июля 1837 г

³ М М Достоевский был на год старше брата Федора

⁴ Речь идет о семье врача К А Шууровского (подробно о ее членах см Ф М Достоевский в воспоминаниях современников М, 1964 Т 1 С 45—46, далее Достоевский в воспоминаниях)

¹ Это «имение» — селцо Даровое — находилось в Тульской губ. Каширско-го у. Оно было куплено летом 1831 г.

⁶ Т е родственники тетки Ф М Достоевского А Ф Куманиной (1796—1871)

⁷ Сушард (Драшусов) Николай Иванович преподавал французский язык в Екатерининском институте в Москве (подробно о нем см. Достоевский в воспоминаниях Т I С 75—76)

⁸ В частном пансионе Н И Сушарда для приходящих «два взрослых сына его занимались преподаванием математики и словесных предметов» (там же С 76)

⁹ Об этом периоде жизни Достоевского см. Федоров Г А Пансион Л И Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Мат и исслед. Л, 1974. Т I С 241—254

¹⁰ Александр Михайлович Ломовский — преподаватель математики в пансионе Л И Чермака

¹¹ Этот эпизод вошел в «Материалы для жизнеописания Ф М Достоевского» (Биография С 27)

¹² Этот эпизод также использован в «Материалах для жизнеописания » (там же С 9)

¹³ Это свидетельство А Г Достоевской об отрицательном отношении писателя к У Теккерю не подтверждается. В главке «Несколько заметок о простоте и упрощенности» из октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., носящей автобиографический характер, Достоевский с явным сочувствием отзывался об английском писателе (см. *Достоевский Ф М* Полн. собр. соч. В 30 т. Л, 1981. Т 22 С 141—142). Далее при ссылках на это издание дается только указание на том и страницу).

¹⁴ А Г Достоевская в примечаниях к тексту «Вечного мужа» рядом со словом «масака» пометила «Ф(едор) М(ихайлович) часто упоминал цвет „масака“, но на мои вопросы никогда не мог определить в точности, какой это цвет. По всей вероятности — темно лиловый, т. к. гробы обивали тогда преимущественно темно лиловым бархатом» (9, 483)

¹⁵ Лилей в семье называли второго ребенка — Любовь Федоровну Достоевскую (1869—1926), подробнее о ней см. 29₂, 337)

¹⁶ Первый ребенок Достоевских — Соня, родившаяся 22 февраля 1868 г., умерла в трехмесячном возрасте

¹⁷ Федор Федорович Достоевский родился 16 июля 1871 г. Слова Достоевского об имени будущего ребенка использованы А Г Достоевской в ее «Воспоминаниях» (см. *Достоевская А Г* Воспоминания М, 1971 С 204, далее Воспоминания). Окончив петербургскую гимназию, а затем юридический и естественный факультеты Дерптского университета, он стал крупным специалистом по коневодству и коннозаводству. В последние годы жизни (а умер Ф Ф Достоевский в 1921 г.) сын писателя выполнял волю своей матери А Г Достоевской, продолжая собирать и хранить архив писателя. В одном из московских архивов сохранился интересный документ, относящийся к 1918—1919 гг., — «Заявление Ф Ф Достоевского о состоянии архива Ф М Достоевского» (это архивное название документа). Вот его текст:

«Федора Федоровича Достоевского

Заявление

В 1890 году мною принесено в дар Московскому Историческому музею Собрание сочинений, критики, исследований рукописей, писем и предметов, относящихся к памяти моего покойного отца, писателя Ф М Достоевского. В течение 20 лет трудами моей покойной матери и моими Собрание непрерывно пополнялось и в настоящее время представляет из себя почти законченный музей с указателем в несколько тысяч № №. Тем не менее в состав музея до сего времени не вошли многие предметы, как, например, дорогие по воспоминаниям для покойной матери портреты, бюст и маска работы Бернштама, вся семейная переписка, воспоминания моей матери, предметы обстановки и пр. Часть этих предметов находится у меня, но многое находилось в сѣфе (*так в ркп*), в сохранной казне и в складе для хранения — ключи и квитанции находятся у меня

В течение моего вынужденного пребывания в Крыму для погребения матери произошли значительные изменения — хранилища обезличены и содержание распределено по различным отделам, причем разборка, особенно рукописей и писем, производится людьми, часто несведущими. Я крайне озабочен, что ценнейшие для литературы и истории документы могут затеряться и исчезнуть. Я вижу самую настоятельную необходимость немедленно, не теряя времени, приступить к розыску и изъятию из несоответствующих хранилищ оставшегося материала для сосредоточения всего в одном Российском Историческом музее. Администрация музея вполне разделяет мое мнение и просит меня возможно немедленно приступить к розыску и сбору оставшихся материалов.

К сожалению, после недавно перенесенной тяжелой болезни я не владею прежними силами и нуждаюсь в лечении, ради чего большую часть своего времени я был вынужден тратить на свои личные дела.

Крайне опасаясь откладывать далее и видя самую неотложную необходимость немедленно приступить к розыску угрожающе рассеянных материалов, я обращаюсь с ходатайством оказать мне в том содействие выдачей необходимых средств, соответственного мандата на розыск материалов и вещей и изъятия их для сосредоточения в Историческом музее, а также Предложения на проезд в Петроград и обратно.

Москва

Федор Достоевский»

(Гос Лит музей Оф 4824)

¹⁸ Трехлетний Алеша Достоевский умер 16 мая 1878 г от эпилептического припадка. А. Г. Достоевская вспоминала: «Федор Михайлович был страшно поражен этой смертью. Он как то особенно любил Лешу, почти болезненно любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится» (Воспоминания С. 321). Достоевский часто просил жену записывать слова и выражения детей. Записывала она и за Алешей. Сохранился листок с ее записями, сделанными во время предсмертной болезни мальчика. Эти записи тем более ценны, что во все эти дни Достоевский не отходил от сына, а следовательно, названные в листке числа, часы и минуты пережиты им самим — это уже факты биографии писателя, отразившиеся позднее в «днях и часах» умирающего Илюшечки Снегирева из «Братьев Карамазовых».

«16 го мая 1878 г

— Няня, у нас папа добий, целую кисеку (конфету) дал < >

Когда ложился спать, то клал подле себя куклы из тряпок большие, а когда просыпался, то поднимал подушку и искал гостинцу (дочь-дочь) < >

Накануне своей смерти он вдруг громко запел, во весь голос, а когда я просила его еще спеть, он более не хотел < >

Принесли его с красными щечками в 8 час. Не хотел идти ко мне на постель, но поцеловал меня < > Припадок начался в 1/2 десятого, кончился 40 минут 1-го, было 3 часа 10 минут, умер в 20 минут 3-го. Агония продолжалась 1 час 40 минут, сначала очень стонал и охал, а потом тихо.

Он заболел в первый раз на Святой неделе в пятницу 28 апреля был жарок, скверно ходил, свало очень часто, плохо спал и ел. 30 апреля был припадок родимчика, продолжавшийся 4 минуты. Затем прохворал дня 4, но потом совершенно поправился и был весел, много ел, спал отлично, рвота прекратилась, но жарок появлялся через 3—4 дня, был, напр(имер), 12 мая, 14-го и, наконец, 16. Ночь перед смертью спал отлично, но вечером лег задумчивый < >

Когда ему было около двух лет и у него была нянькой Аграфена, то он очень полюбил Прохоровну и хотел к ней пойти, но боялся Аграфены» (ГБЛ, ф. 93 III 5 20)

¹⁹ Речь идет о Стефане Ивановиче Достоевском, получившем в 1577 г в свое владение Вознесенский монастырь в г Минске

²⁰ Так же называл капитан Снегирев своего сына Илюшечку «Батюшка, милый батюшка (15, 109)

²¹ В «Материалах для жизнеописания» О Ф Миллер писал со слов А Г Достоевской «Едва ли не самым ранним воспоминанием Ф М было, как однажды няня привела его, около трех лет, при гостях в гостиную, заставила стать на колени перед образами и, как это всегда бывало на сон грядущий, прочесть молитву „Все упование, господи, на тебя возлагаю Матерь божия, сохрани мя под кровом своим“ () Воспоминание это врезалось в его память, молитву же ту он твердил всю свою жизнь и ею же напутствовал ко сну своих собственных детей» (Биография С 5—6) Следующие за этой фразой слова «Федор Михайлович вспоминал также » свидетельствуют, что А Г Достоевская многое записывала со слов самого писателя, а не только от его родных

²² В связи с этим вспоминается следующая запись Достоевского «Опрятность может быть свойством и природным, наследственным Но чаще всего приобретается опытом и долгими годами как необходимость в борьбе за существование» (27, 90)

²³ Речь идет об известном антрепренере и артисте московского Малого театра Михаиле Васильевиче Лентовском (1843—1906), депутате на Пушкинском празднике 1880 г

²⁴ С июня 1874 г Достоевский по совету профессора Д И Кошлякова начал регулярно ездить в Эмс для лечения — он бывал там летом 1874—1876, 1878—1879 гг

²⁵ Начиная с 1872 г Достоевские проводили лето в Старой Руссе, а в 1876 г купили здесь дом (ныне Музей Ф М Достоевского) А Г Достоевская вспоминала «Федор Михайлович всегда работал ночью, когда в доме наступала полная тишина и ничто не нарушало течение его мыслей Диктовал же он днем, от двух до трех» «Наша повседневная жизнь в Старой Руссе, — продолжает она, — была вся распределена по часам, и это строго соблюдалось Работая по ночам, муж вставал не ранее одиннадцати часов () После полудня () звал меня в кабинет, чтобы продиктовать то, что он успел написать в течение ночи» (Воспоминания С 269—270)

²⁶ Речь идет о порядке работы, давно заведенном Достоевским сначала он диктовал жене сложившийся у него к этому времени текст, а после того как стенограмма была расшифрована, работал над нею

²⁷ Текст «Корабль не круглый ≈ не пропустят» (30, 24) предназначался для февральского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г и был продиктован писателем жене 28 февраля, в день смерти (см выше «Диктовал „Дневник“ — с 239) Таким образом, это последние строки Достоевского Они должны были войти в главу «Проект мечтателя, сумбуриста» (подробнее см комментарий В А Туниманова к Записной тетради Достоевского 1880—1881 гг — 24, 322—353, а также *Орнатская Т И* Об одной главе февральского выпуска «Дневника писателя за 1881 г» // Достоевский Мат и исслед Л, 1985 Вып 6 С 236—238)

²⁸ Через Новгород и Чудово Достоевский возвращался в Петербург и из Москвы, и из Старой Руссы

²⁹ Детской книжки из своих сочинений Достоевский составить не успел

³⁰ А Г Достоевская пытается передать характер чтения Достоевским стихотворения А С Пушкина «Пророк», его, по возвращении с пушкинских празднеств, писатель часто читал на публичных чтениях «Мне случалось встречать людей, которые по прошествии двух десятков лет помнили, как поразительно хорошо удавалось (его) прочесть Федору Михайловичу» (Воспоминания С 367)

³¹ Мих (аил) Мих (айлович) — племянник писателя, младший сын М М Достоевского (1846—1896) Названный здесь день — четверг — это 22 января Достоевский торопился сдать январский выпуск «Дневника писателя» (он сдал его 25 января — см там же С 371)

³² Пятница — это 23 января Борис Борисович Поляков (ум в 1884 г) — адвокат, поверенный Достоевских по делу о куманинском наследстве Речь идет о деньгах от продажи наследственных имений, принадлежавших А Ф Куманиной (см ЛН 1973 Т 86 С 440, 454—455)

³¹ «Рассказ о сне» — это перешедший в седьмую главу третьей части романа «Подросток» эпизод из главы «У Тихона», предназначавшейся для романа «Бесы» (см 11, 21—22)

³¹ Речь идет о воскресенье 25 января

³⁵ Работа над январским выпуском «Дневника писателя» за 1881 г была закончена в этот день Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) — друг Достоевского с 1846 г

³⁶ О темах февральского выпуска «Дневника писателя» см в комментарии В А Туниманова (см примеч 27)

³⁷ Академик Я К Грот (1812—1893) был членом Комитета по устройству прошедших в 1880 г пушкинских торжеств. Еще во время очередной «лицейской годовщины», в 1870 г Грот (выпускник 1832 г) взял на себя инициативу вновь (после 1860 г) обратиться к Александру II с «всеподданнейшим» ходатайством об открытии подписки на памятник поэту, в результате чего было получено разрешение на учреждение Комитета по сооружению памятника. К 1880 г было собрано 106 575 руб 10 коп., памятник обошелся в 87 тыс. Остаток было решено употребить на пушкинские премии и издания.

³⁸ Профессор О Ф Миллер (1833—1889) был другом писателя в последние годы его жизни. В этот раз приходил просить Достоевского «читать 29 января, в день кончины Пушкина, на литературном вечере в пользу студентов» (Воспоминания С 371)

³⁹ Катерина Ипполитовна — жена родственника А Г Достоевской М Н Сниткина

⁴⁰ По-видимому, Миллер не сомневался в согласии Достоевского участвовать в литературном вечере, потому что в появившемся накануне газетном объявлении имя писателя было уже названо «В четверг, 29-го января, в день смерти А С Пушкина, будет дан, в зале Кононова, большой пушкинский вечер с участием П И Вейнберга, В Н Герарда, гр А А Голенищева Кутузова, И Ф Горбунова, Ф М Достоевского, О Ф Миллера, А И Незеленова, А Н Плещеева, Я П Полонского, А А Потехина, К К Случевского, Стаховича, Хитрово, г-жи А Ф Лауниц и некоторых любителей, которых согласие уже получено < > Сбор с вечера назначается в пользу общества вспоможения студентам > (Голос 1881 № 24, 24 янв.)

⁴¹ «Дневник писателя» печатался в типографии А С Суворина

⁴² Корректурa была прислана через день, 27 января, а 28 числа было получено цензурное разрешение (24, 270)

⁴³ А Г Достоевская была дружна с Софьей Сергеевной Кашпиревой, издательницей журнала «Семейные вечера», она была вдовой В В Кашпирева, издателя журнала «Заря»

⁴⁴ О какой постановке «Пиквикского клуба» идет речь, не установлено

⁴⁵ Это письмо от 26 января было адресовано не М Н Каткову, а его помощнику Н А Любимову. Оно действительно содержало «последнюю, может быть», просьбу «дополучить за „Карамазовых“ еще 400 рублей с чем-то» (см 30, 240)

⁴⁶ Личность и сочинения Тихона Задонского (в миру Тимофея Саввича Соколова, 1724—1783) привлекли внимание Достоевского еще в начале 1860-х гг., в 1870 г святитель намечался в качестве одного из героев задуманного Достоевским романа «Житие великого грешника» (см об этом 9, 511—513), а затем он должен был войти в роман «Бесы» (не включенная в этот роман глава так и была названа «У Тихона» — 9, 5—30)

⁴⁷ Иронический намек на И С Тургенева, жившего за границей, в том числе и в названных здесь городах Карлсруэ (место действия романа Тургенева «Дым») — столица Баденского герцогства, насчитывала в 1881 г всего около 50 тыс жителей

⁴⁸ Теме леса, обезлесивания России посвящены страницы романа «Подросток» (см 13, 54, 381) и «Дневника писателя» (23, 370)

⁴⁹ Речь идет о разделе между Достоевскими наследства тетки писателя А Ф Куманиной

⁵⁰ Имеется в виду журналист и переводчик Вукол Михайлович Лавров (1852—1912), с которым Достоевский познакомился на пушкинских торжествах «Лавров — это мой страстный, исступленный почитатель < > Он издатель

и капиталист „Русской мысли“ Сам он очень богатый неторгующий купец » — писал Достоевский жене 27 мая 1880 г из Москвы (см 30₁, 165)

⁵¹ Ср примеч 18

⁵² Ср примеч 21

⁵³ С 1873 г Достоевские открыли собственное издательское и книготорговое дело (см Воспоминания С 245—251)

⁵⁴ Об этих любимых картинах Достоевского см там же С 150

⁵⁵ Эта картина Г Гольбейна Младшего (ее полное название «Мадонна с семьей бюргермейстера Якобса Мейера») упомянута Достоевским в романе «Идиот» (8, 65)

⁵⁶ Речь идет о IV главке январского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г (27, 18—20)

⁵⁷ «Сидоркино дело» — комедия в 4 действиях Д В Аверкиева Шла 1 января 1880 г в Александринском театре Об отношениях Достоевского с Аверкиевым см 29₂, 326

⁵⁸ Речь идет о вторник 27 января

⁵⁹ С Еленой Андреевной Штакеншнейдер (1836—1897) Достоевский был дружен с начала 1860-х гг (подробнее см Достоевский Мат и исслед Л, 1983 Вып 5 С 254—255)

⁶⁰ Имеется в виду врач-терапевт, профессор Медико-хирургической академии Дмитрий Иванович Кошляков (1835—1891), консультировавший Достоевского еще в 1874 г

⁶¹ Яков Богданович Бретцель (1842—1918) был домашним врачом Достоевских с начала 1870-х гг

⁶² Эта запись, свидетельствующая, что сестра писателя В М Иванова (1829—1896) была именно «вечером», очень важна В письме к Н Н Страхову от 21 октября 1883 г А Г Достоевская, а за нею вслед и Л Ф Достоевская отнесли посещение Веры Михайловны к «обеду» (таким образом, неприятный разговор о наследстве, повлекший первое кровотечение, был также приурочен к обеду) Если же посещение состоялось «вечером», то, следовательно, и разговор с сестрой не имел таких грозных последствий (о письме к Страхову см *Гроссман Л П Жизнь и труды Ф М Достоевского Биография в датах и документах М, Л, 1935 С 352*) Павел Александрович — пасынок писателя П А Исаев

⁶³ Имеется в виду Анна Николаевна Сниткина (1812—1893), всегда очень заботливо относившаяся к семье дочери

⁶⁴ В 1844 г Достоевский перевел эту повесть О Бальзака

⁶⁵ Эта запись помогает установить, что и в «воспоминаниях» А Г Достоевской речь идет о студенте петербургской Духовной академии Философе Николаевиче Орнатском (1860—1918), о том «очень добром» и «симпатичном господине», «который обладал одним недостатком — всегда страшно спорить» (см Воспоминания С 372) По свидетельству дочери Орнатского В Ф Яворской, переданному нам ее дочерью В М Доброумовой, в последние годы жизни Достоевского Орнатский был частым посетителем семьи писателя Эти посещения были связаны с тяжелым состоянием, в котором Достоевский находился после припадков эпилепсии и которое молодому собеседнику писателя удавалось рассеивать Обычно за Орнатским заезжала Анна Григорьевна и увозила его в дом в Кузнечном переулке (А Г Достоевская поддерживала отношения с ним и после смерти мужа — в рукописном отделе Библиотеки им В И Ленина хранятся их переписка)

⁶⁶ «Они» — это проводники так называемой «классической» реформы в народном образовании «Произвели классическую реформу отвлеченно Главное, забыли, что мы не Европа < > Ввели дубиной», — отметил Достоевский в Записной тетради 1880—1881 гг (27, 45)

⁶⁷ Никаких сведений об этом «господине» у нас нет Настоящая запись, внесенная в тетрадь, которую никто не мог видеть, говорит о том, что никакого тайного смысла (как это иногда пытаются делать в последнее время) усматривать за нею не стоит В противном случае А Г Достоевская могла бы записать имя «господина» стенографически (ведь она, как известно, пользуясь принятой системой стенографии, вносила в нее и собственные значки) Речь идет просто о беспокойном соседе

⁶⁸ Это предсмертное письмо Достоевского к графине Е Н Геиден продиктованное им жене и написанное ею от третьего лица, см 30, 242

⁶⁹ Д В Григорович был другом Достоевского в 1840 х гг

⁷⁰ С Михаилом Павловичем Покровским, одним из участников и руководителей студенческого революционного движения 1860 х гг, Достоевский был знаком с 1860 х гг

⁷¹ Речь идет о Евгении Андреевне Рыкачевой (1853—1919), дочери брата писателя А М Достоевского

⁷² Аполлон Николаевич и Александра Ивановна Майковы были давними друзьями семьи Достоевских

⁷³ Набросок известного эпизода с чтением Евангелия и строкой из него, показавшейся Достоевскому пророческой (см Воспоминания С 375)

⁷⁴ См примеч 27

⁷⁵ В газете «Новое время» появилось сообщение о болезни Достоевского (см *Гроссман Л П Жизнь и труды Ф М Достоевского* С 321)

⁷⁶ См примеч 62 «Они» — это родственники Ивановы, возможно напомнившие писателю о его старом долге В 1864 г он, вместе с М М Достоевским, взял на нужды журнала «Эпоха» у шурина А П Иванова «40 акций на 6 000 руб серебром» (см его письмо к М М Достоевскому от 23 апреля 1864 г — *Достоевский Ф М Письма М, Л, 1928 Т I С 374*)

⁷⁷ Причащал Достоевского священник петербургской Владимирской церкви Евграф Иванович Мегорский (род в 1839 г)

⁷⁸ В позднейших воспоминаниях А Г Достоевская передает эти слова противоположным образом « не изменял тебе никогда, даже мысленно» (Воспоминания С 376)

⁷⁹ Этим неизвестным доктором был Н П Черепнин (1841—1906)

⁸⁰ На следующий день после смерти Достоевского в некрологе «Голоса», в частности, были такие строчки « спустя пять лет (после 1846 г — Т О), в 1849 году, о Достоевском опять заговорили, но уже шепотом, замешанный в дело Петрашевского, Ф М Достоевский был сослан в каторжные работы на 4 года и потом оставлен в Сибири рядовым Только спустя 11 лет, в 1860 году, он снова явился в Петербург » (Голос 1881 № 29, 29 янв)

⁸¹ «Бабушка» — А Н Сниткина

⁸² См 6, 194

⁸³ См Там же С 176

«ДНЕВНИК» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Публикация Н П Генераловой

За последнее время значительно возрос интерес к личности и творчеству Леонида Андреева (1871—1919) — крупнейшего писателя начала XX в. оставившего заметный след в русской литературе Увеличилось число публикаций, связанных с его именем, все более глубоко и всесторонне исследуются различные проблемы его творчества Вследствие большой и плодотворной работы, которая ведется нашими литературоведами по изучению творческого наследия писателя, становится все более ясным и осознанным место Леонида Андреева в историко-литературном процессе рубежа веков Его имя ныне прочно вписано в историю литературы начала XX в наряду с именами его выдающихся современников — В Г Короленко, А П Чехова, М Горького, А Куприна, А Блока и др Не случайно в академической «Истории русской литературы» творчеству Леонида Николаевича Андреева посвящена специальная монографическая глава ¹

Среди публикаций документальных материалов, связанных с именем Леонида Андреева, следует прежде всего назвать издание переписки Андреева с Горьким в «Литературном наследстве» (М, 1965 Т 72), публикации Л Н Афонина, К Д Муратовой, В Н Чувакова, Л А Иезуитовой, В И Беззубова и др

Несомненно, настало время собрать воедино обширное наследие писателя, в том числе и многочисленные письма, частью опубликованные в малодоступных изданиях, частью рассеянные в архивах как нашей страны, так и за рубежом. К сожалению, большая часть рукописного наследия Л. Андреева находится за границей и практически недоступна.

Публикуемый «Дневник» Леонида Андреева — лишь небольшая часть дневниковых записей, которые писатель, как правило, заносил в тетради, похожие на ту, что хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.²

На первый взгляд «Дневник» молодого студента Петербургского университета носит сугубо личный характер. Здесь мало рассуждений о литературе и искусстве, об общественных проблемах, чаще всего начинающий писатель говорит о личном, интимном, и тем не менее такого рода документы отнюдь не лишены общественно-литературного интереса.

Публикуемая тетрадь охватывает период с 26 марта по 20 сентября 1892 г. и имеет помету «часть II». Это одна из известных в настоящее время тетрадей, относящихся к гимназическим и студенческим годам писателя. Большая часть ранних дневников Андреева (6 тетрадей с записями от 12 марта 1890 г. по 9 сентября 1893 г.) находилась, по сообщению А. Звигильского, во Франции, у сына писателя — Валентина Леонидовича Андреева.³ Эти тетради содержат 658 страниц рукописного текста, примерно по 150 слов на каждой странице, т. е. они подобны той, что хранится в Пушкинском Доме.

А Звигильскому удалось познакомиться с содержанием лишь двух тетрадей (№ 1 и № 3), некоторые выдержки из них он приводит в своем сообщении. В тетради № 1 есть указание на то, что были и еще более ранние дневниковые записи — с 1888 по 1890 г. Видимо, именно об этих записях идет речь в письмах Л. Андреева к З. Н. Сибилевой, где он не раз упоминает о данном ей для прочтения дневнике и беспокоится о впечатлении, которое он произвел на нее¹.

Публикуемый «Дневник» охватывает важный во многих отношениях ранний период жизни писателя. Судя по первым строкам, Андреев возобновляет записи после довольно значительного перерыва (по-видимому, в несколько месяцев) и подводит итог событиям, произошедшим с весны 1891 г., т. е. с того времени, когда он закончил Орловскую гимназию и с августа 1891 г. был зачислен на юридический факультет Петербургского университета. Дневник, таким образом, охватывает события «петербургского периода» жизни Леонида Андреева-студента, так как, по некоторым данным, осенью 1892 г. Андреев покинул Петербург и жил около года в Орле. Осень же 1893 г. застаёт его студентом Московского университета⁵.

Большая часть предлагаемого читателю «Дневника» Л. Андреева посвящена Зинаиде Николаевне Сибилевой (в замужестве Паутовой) — его юношеской любви. Несмотря на всю сложность их отношений, близкая дружба с Зинаидой Николаевной сохранилась на протяжении нескольких лет (в Рукописном отделе ИРЛИ хранятся 74 письма Леонида Андреева к ней за период с июня 1890 г. по 23 октября 1892 г., среди них есть одно письмо 1902 г.) Именно ей Леонид Андреев подарил один из своих дневников 1890—1900-х гг. (ныне находящийся в собрании И. С. Зильберштейна)⁶. Характерно, что письма к Сибилевой по стилю во многом напоминают дневниковые записи, носят столь же ярко выраженный исповедальный характер и дают богатый материал для проникновения в нравственные поиски начинающего писателя, являясь неотъемлемой частью его творческого наследия. Они уточняют и проясняют многое в дневниковых записях Андреева, нередко почти совпадая с ними по тону и настроению, так что подчас кажется, что письмо — это вырванная страница дневника, а страница дневника — неотправленное письмо (кстати, дневник предназначался Андреевым для чтения — об этом свидетельствуют неоднократные обращения к читателю и дальнейшая судьба дневника). Чувство к Зинаиде Николаевне было омрачено трагическими переживаниями, которые привели к попытке самоубийства Андреева в феврале 1892 г. Через некоторое время (примерно через месяц) он вновь возвращается к дневнику. Сдав в апреле — мае экзамены, Андреев на лето уезжает в Орел и осенью возвращается в Петербург. Такова внешняя канва событий, нашедших отражение в «Дневнике».

Совершенно очевидно, что решение систематически вести дневник, о котором упоминает Звигильский (до этого Андреев записывал свои мысли на разрозненных клочках бумаги), было связано прежде всего с отъездом З. Сибилевой в Петербург и потребностью поверять кому-то свои мысли и чувства, но, думается, истинная причина такого решения гораздо глубже. Свидетельство тому — первая же запись в публикуемом «Дневнике».

Андреев пишет, что он возобновляет дневник не потому, что чувствует в себе потребность вести его, а «чтобы возбудить известный орган функционированием его, чтобы < > привить < > к себе» эту потребность, т. е. ставится собственно литературная задача — выработка слога, умение выразить на бумаге свои мысли. Подчас это стремление отдает излишним анализом, тяжелою вестностью, даже неумелостью или робостью пера. И все же это свидетельство, может быть, еще не до конца осознанного ощущения своего призвания. В этом смысле публикуемый дневник, или, вернее, часть раннего дневника Л. Андреева, представляет особую ценность. Именно здесь ясно видны попытки молодого

писателя выйти за пределы своего личного опыта, узнать жизнь ближе и достовернее, осознать себя в окружающем обществе

Если в начале «Дневника» мы встречаем утверждение, что Андреев «основывает все на познании собственного духа», что у него и без знаний «все вопросы легко решаются», то далее видим, как постепенно усиливаются ощущение оторванности от мира «живых людей», от их проблем, недовольство собственным образом жизни, потребность отрешиться от своего «я» Запись от 6 сентября свидетельствует, что Леонид Николаевич принимал участие в благотворительном спектакле и дежурил в народных столовых Характерны мотивы, побудившие его к такому роду деятельности «Все это имеет главной целью — расширение знакомств, увеличение житейского опыта и изоцирнение наблюдательности» Короткая запись, после чего следует другая, отражающая тяжелое душевное состояние, причины которого выясняются из письма к З Сибилевой от 9 сентября того же года, приоткрывающего завесу над сложнейшим процессом выработки собственного мирозерцания, — отношение к «малым делам», неудовлетворенность результатами подобной деятельности, постановка вопросов личного и общественного блага « я работаю для себя, не для народа Я, как будущий писатель, хочу наблюдать, хочу узнать жизнь И для этого я стал участвовать во всей этой () ерунде»⁷ Запись в дневнике от 11 сентября и письмо к З Сибилевой от того же числа свидетельствуют о глубоком разочаровании Андреева в той общественной деятельности, с которой ему пришлось столкнуться, о неуверенности в истинности своего писательского призвания А ведь всего несколько дней назад он писал Зинаиде Николаевне « сейчас у меня „подъем духа“ Усиленно пишу свои рассказы и мечтаю о славе () писать я задумал много»⁸

Таким образом, дневник содержит большой материал, связанный с процессом формирования мировоззрения творческой личности Именно в это время Андреев решает всерьез посвятить себя литературе, выходит и первый его рассказ «В холоде и золоте»⁹ Дневник дает представление об отношении Андреева-студента к тем наукам, которые ему пришлось изучать в Петербургском университете, к общественным настроениям студенчества

Большой интерес представляют сохранившиеся за этот период письма Л Андреева к его орловской знакомой Л Н Дмитриевой (Орловский государственный музей И С Тургенева) Знаком к З Сибилевой, они проливают дополнительный свет на события и факты, содержащиеся в публикуемом дневнике, дают возможность довольно детально представить начальный период жизни писателя Мы узнаем, что Петербург произвел на молодого Андреева безотрадное впечатление уже через неделю он жалуется Дмитриевой на хлопоты и унижения, которые ему пришлось пережить, пока его зачислили, на дорогую и неудобную квартиру, на отсутствие уроков, которые дали бы ему возможность зарабатывать на жизнь

«Народ кругом отвратительный, — пишет он Дмитриевой 1 сентября 1891 г., — не с кем слова молвить А самое скверное — это полиция Полиция, полиция и полиция Плюнуть нельзя без того, чтобы не попасть в городского или дворника, который здесь также составляет полицейскую власть, и притом очень важную, так как на нем лежит обязанность наблюдать за жильцами () неопределенное будущее с неразрешимым вопросом о том, как и чем жить, скверное настоящее — все это заставляет мучаться » Так тяжело начинался «петербургский» период жизни Леонида Андреева

Почти лишенный материальной поддержки (отец писателя умер, когда Леонид учился в 6-м классе гимназии), он вынужден был кое-как перебиваться уроками и другими мелкими заработками, принимать помощь от друзей (Дмитриевой, Сибилевой), что постоянно задевало его самолюбие и гордость,

должен был заботиться о семье, которая находилась в самом бедственном положении Страдал юноша и от одиночества, и от той беспорядочной, божественной жизни, которую он вел в Петербурге Тяжелое моральное состояние молодого человека, с ранних лет склонного к трагическому мироощущению, во многом определялось и мучительным чувством к Зинаиде Сибилевой, ощущением полной зависимости от нее, желанием разорвать ставшие тягостными отношения

В «Дневнике» читатель найдет немало горьких страниц, посвященных Зинаиде Сибилевой, однако вряд ли было бы правомерным связывать приступы отчаяния и одиночества Леонида Андреева только с нею Они во многом были вызваны причинами более общего характера, и прежде всего тем, что начинающий писатель переживал в это время трудный период становления, самосознания личности, выбора жизненного пути Андреев рано почувствовал «бездну», отделяющую идеал от действительности, которая нередко оборачивалась к юноше самыми неприглядными сторонами Главное, что определяло отношение Андреева к окружающему, — острая неудовлетворенность тем, с чем ему приходилось сталкиваться рутинное преподавание, обывательские интересы окружающих, невозможность активного действия Именно тогда, в те далекие гимназические и студенческие годы, когда он страстно искал и не находил ни в книгах, ни в жизни ответов на волнующие его «проклятые вопросы», формировалось то характерно «леонидандреевское» отношение к человеческой мысли, разуму, к различным гармоническим концепциям мира, то ощущение трагического диссонанса жизни — словом, все, что с такой силой выразилось в зрелом творчестве писателя Скептицизм и пессимизм Андреева принято связывать с его увлечением философией Гартмана, Шопенгауэра, Ницше Но были и более близкие национальные корни — безвременье 80-х гг, пессимизм поколения, певцами которого были Вс Гаршин и С Надсон Не случайно именно их имена встречаются в юношеском дневнике Л Андреева К ним следует, очевидно, добавить имя известного в то время польского писателя Генрика Сенкевича, чьи произведения широко печатались на страницах русской прессы Так, в 1890 г в журнале «Русская мысль» был опубликован перевод только что написанного Сенкевичем, но уже ставшего популярным романа «Без догмата» (вскоре он вышел и отдельным изданием) Отметим, что роман Сенкевича был написан в форме исповеди «сына века», дневниковых записей молодого человека, разочаровавшегося во всех общественных и нравственных идеалах и сосредоточившегося на анализе собственного «я» и своих трагических отношений с женщиной, причиной гибели которой он стал Приведем запись Л Андреева от 22 сентября 1891 г из ставшего недавно доступным исследователям дневника, где передаются впечатления от посещения студенческого кружка «Все они (члены кружка — Н Г) чему-то верят, к чему-то стремятся, цель какую-то видят — один я без веры, без стремлений, без цели Я не знаю даже, к(а)к мне говорить, за что стоять и против чего ратовать Без догмата! Да, мне смешна всякая вера, всякое увлечение, и приходится верить или делать вид, что веришь, чтобы не остаться одному, чтоб тебя мог понять хоть один живой человек»¹⁰

Та же разочарованность в общественных идеалах сквозит во многих высказываниях молодого Леонида Андреева, пытающегося разобраться в причинах своего неприятия окружающего мира Вот что пишет он Л Н Дмитриевой 14 ноября 1891 года «Мне очень скучным и бесцельным представляется и этот кружок, и эти курсистки, — уж больно они, так сказать, прямолинейны и нетерпимы Отвергают все, что не подходит к их убеждениям, — а мои убеждения таковы, что вначале они () говоря со мной, недоумевали, теперь же рассматривают как зверя какой-то невиданной породы „Зверство“ же мое заключается единственно в том, что я осмеиваю решительно все,

что они делают »¹¹ «Они народ деятельный, — пишет он той же корреспондентке в другом письме, — верящий и имеющий свои идеалы, а мой идеал — поскорей добраться до Nirваны, сиречь до Болховского или Крестительного кладбища»¹² Конечно, в подобных рассуждениях немало бравады, позы, проникнутой романтической разочарованностью, за которой нередко кроются решительное осуждение существующего порядка вещей, стремление определить свой особенный взгляд на общественные проблемы

15 мая 1890 г Андреев записал в своем дневнике «Что касается политики, то я принадлежу к партии умеренных, и хотя на словах я крайний, испытываю величайший скептицизм ко всяким словесам, предприятиям и лозунгам экстремистов, так как вижу в них лишь болтовню и утопию Все мои желания в этом направлении ограничиваются полной свободой печати и слова и полной реформой системы образования Я глубоко равнодушен к счастью крестьянства, но теоретически, в общем виде, я вижу все зло и рутину настоящего порядка вещей По правде сказать, я смеюсь надо всем этим, ибо вижу здесь лишь глупость и суету человеческую суету сует »¹³ В то же время у Андреева можно встретить и более сочувственные отзывы, например о рабочих, — в письме к З Сибилевой от 18 июля 1892 г, получив известия о холере в Петербурге, он писал «Уж такой несчастный народ эти рабочие жить последними и умирать первыми»¹⁴ В этом и других высказываниях, содержащихся в публикации, наглядно отразились как явное неприятие современной Андрееву политической системы, так и расплывчатость общественных идеалов, неверие в полезность какой-либо общественной деятельности

Характерно, что основным недостатком своей возлюбленной Андреев считает отсутствие какого-либо «продуманного и ясно осознанного идеала» «Вся ее жизнь сплетена из одних побуждений чувства, в широком смысле этого слова, без малейшей примеси разума» И трагизм собственного положения Андреев объясняет прежде всего тем, что за два года любви к Сибилевой он «весь ушел на жизнь чувства, которое совершенно забило, затерло жизнь ума» В пространных, подчас слишком аналитических рассуждениях уже виден будущий писатель, в чьем творчестве тема противопоставления разума и чувства будет играть существенную роль Андреев как будто и сам иронизирует над собственным аналитизмом, рационализмом, который тоже был своеобразной приметой времени Ср признания Надсона

Наше поколение юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет,
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств рассвет,¹⁵ —

или

Как хирург, доверяющий только ножу,
Я лишь мысли одной доверяю, —
Я с вопросом и к самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!¹⁶

Скрупулезные подсчеты израсходованных денег и надежды на будущие гонорары, опасение провала на экзамене и знакомство с хорошенькой курсисткой — все эти события, о которых повествует Л Андреев, скрывают другую, гораздо более существенную сторону его жизни — определение собственного взгляда на мир, внутреннюю борьбу и недовольство собой, страстную жажду идеала и отчаянье, плохо прикрываемое иронией и самоиронией И все же за излишне веселой бравадой нет-нет да и проглянет лицо наблюдателя, пристально вглядывающегося в окружающий мир и в самого себя Он стремится разобраться

в науках, ощущая их «приноровленность» < > не к разрушению основ, а к поддержанию оных», с затаенной тревогой ждет ответа из редакции на свой первый литературный опыт и одновременно с беспощадной смелостью ставит перед собой сложнейшие вопросы человеческого бытия. И наконец, что особенно важно, постоянно обличая свой образ жизни связанный в его сознании роковым образом с Зинаидой Сибилевой, он ощущает, что где-то рядом с ним проходит другая жизнь, которая ставит перед ним и перед его современниками вопросы «самого жизненного свойства», он горько сетует о «потере всякого внутреннего содержания». Предельно искренне анализируя собственное отношение к людям, в своем одиночестве Андреев склонен обвинять не окружающих, а самого себя.

«Что принесу я с собой людям? Что внесу я от себя в любое дело, в любое общество живых людей?» Такого рода вопросы обнаруживают родственные связи автора дневника с героями не одного поколения русской литературы.

Известно, что круг чтения молодого Андреева был весьма широк. Еще в гимназические годы он зачитывался Толстым и Писаревым, Диккенсом и Дюма, Э. По и Жюльем Верном, увлекался философией модных тогда позитивистов, Ницше, Гартмана, Шопенгауэра и т. д. Знаменательно, что в этом «Дневнике» мы встречаем лишь два литературных имени — это уже упоминавшиеся С. Я. Надсон и В. С. Гаршин, властители дум поколения 1880-х гг. Творчество этих писателей оказало значительное влияние на формирование взглядов молодого Андреева,¹⁷ и публикация «Дневника» позволяет расширить возможности исследователей в разработке проблем литературных традиций в творчестве Леонида Андреева.¹⁸

Интересен «Дневник» и тем, что в нем можно «прочитать» темы многих будущих произведений писателя («Ложь», «Мысль», «Бездна», «В тумане» и др.). В этом смысле изучение дневниковых записей молодого Андреева, а также его эпистолярия может принести весьма ощутимые результаты в области исследования раннего творчества писателя, которое изучено еще недостаточно всесторонне.

Нуждается в рассмотрении и вопрос о жанровой своеобразии дневника Андреева (эта проблема была интересно поставлена французским исследователем М. Бурмайстером при обсуждении доклада А. Звигильского)¹⁹ в связи с исповедальным характером многих его произведений. Писатель часто использовал форму «записок» и «дневников» в своем творчестве, как раннем, так и зрелом («Мысль», «Мои записки», «Дневник Сатаны» и др.).

Предлагаемый читателю «Дневник» Леонида Андреева полностью никогда не публиковался. Значительная его часть воспроизведена в воспоминаниях брата писателя Павла Николаевича Андреева в альманахе «Литературная мысль» (Л., 1925 [Кн.] 3), при этом Павел Николаевич нередко ошибался в датах. В тексте и в комментариях по возможности раскрыты (в угловых скобках) те имена и фамилии, которые нам удалось установить.

Особо следует отметить, что публикацию дневников Леонида Андреева считал необходимой М. Горький, который был связан с ним многолетней дружбой и высоко ценил его талант. 18 ноября 1927 г. Горький писал вдове писателя Анне Ильиничне Андреевой: «Почему бы вам не издать „Дневники“ Леонида, хотя бы часть их, до 14-го года? Это было бы крайне интересное издание»²⁰. При этом Горький даже предлагал написать вводную статью к такому изданию. Однако Анна Ильинична в ответ сообщила, что у нее в распоряжении находится лишь несколько ученических тетрадей, которые «особого интереса не представляют». «Он ведь вообще-то дневника настоящего не любил. Только, и то по моему настоянию, и вел его последние два года жизни — в нем есть очень ценные вещи, но главного, как он сам выразился, и там он не записывал»²¹.

Как справедливо полагают исследователи, Анне Ильиничне не было известно, что на родине писателя осталось немало дневников

В заключение выражаю глубокую благодарность Л В Ивановой А И Понятовскому и другим сотрудникам Орловского государственного музея И С Тургенева за помощь в подготовке настоящей публикации

¹ Автор ее — К Д Муратова (см История русской литературы Литература конца XIX—начала XX века (188—1917) / Под ред К Д Муратовой Л, 1983 Т 4 С 30—372)

² ИРЛИ, ф 9 оп 1 ед хр 16

³ *Zviguilsky A* Le journal de jeunesse inedit de Leonid Andreev // Le Journal intime et ses formes litteraires Actes de Colloque de Septembre 1975 Geneve, Paris, 1978 P 147 Недавно эти дневники были приобретены Русским архивом в Лидсе (Великобритания), в том числе и тетрадь, имеющая помету «часть I», которая в настоящее время подготовлена к печати благодаря любезности английского ученого Ричарда Дэвиса, предоставившего в распоряжение ИРЛИ АН СССР ее ксерокопию

⁴ ИРЛИ, ф 9 оп 2, ед хр 26 (письма от 22, 23 и 25 июня 1 и 6 августа 1890 г)

⁵ См Фатов Н Н Молодые годы Леонида Андреева М, 1924 С 77—78
Далее Фатов

⁶ См ЛН 1965 Т 72 С 463

⁷ ИРЛИ, ф 9, оп 2, ед хр 26, л 235—236, об

⁸ Там же, л 232

⁹ См *Иезуитова Л* 1) Первый рассказ Леонида Андреева // Рус литература 1963 № 2 С 183—187, 2) Творчество Леонида Андреева (1892—1906) Л, 1976 С 10—16

¹⁰ ИРЛИ, ф 9, оп 1, № 18, л 11, об Ссылка дается на ксерокопию дневника Леонида Андреева, охватывающего период с 3 сентября 1891 г по 5 февраля 1892 г (с пометой «том II, часть I») и имеющего тот же эпитаф, что и публикуемый дневник Подлинник находится в Русском архиве в Лидсе (Великобритания)

¹¹ Орловский государственный музей И С Тургенева, ф Л Андреева, № 2629
Далее ОГМГ

¹² Там же, № 2627 (письмо к Л Н Дмитриевой от 30 сентября 1891 г)

¹³ Цит по *Zviguilsky A* Op cit P 151 (пер с фр)

¹⁴ ИРЛИ, ф 9, оп 2, ед хр 26, л 204

¹⁵ *Надсон С Я* Полн собр стихотворений М, Л, 1962 С 238

¹⁶ Там же С 205

¹⁷ См, например *Иезуитова Л А* Леонид Андреев и Вс Гаршин // Вестн Ленингр ун та 1964 № 8, вып 2 С 97—109

¹⁸ Этой теме посвящена монография В И Беззубова «Леонид Андреев и традиции русского реализма» (Таллинн, 1984)

¹⁹ См *Zviguilsky A* Op cit P 160

²⁰ ЛН Т 72 С 462—463

²¹ Там же С 463

Леонид Андреев

ДНЕВНИК

Кто беспокойному сердцу ответит?
Море любви ему в вечности светит,
Светит желанный покой!¹

Часть II

С. Петербург—Орел

26 марта 1892 г.—20 сентября.

27 марта.

Начинаю еще тетрадку дневника,² но сильно сомневаюсь в его будущности. Боюсь, что не придется мне увидеть ее конца — но не потому, чтоб я умер. Нет, я жив — но умерла, кажется, душа моя. Оставивши эту высокопарщину, поговорю толком. Я думаю, что буду вести дневник очень неаккуратно, записывать через очень большие промежутки времени, и, наконец, чего доброго совсем брошу его на какой-нибудь 40—50 странице. Все это легко может произойти потому, что во мне нет теперь *потребности* вести дневник; и решил я теперь вновь вести дневник не затем, чтоб удовлетворять этой несуществующей потребности, а затем, чтобы пробудить известный орган функционированием его, чтобы возвратить к жизни эту потребность, поступая так, как бы она существовала, другими словами, привить ее к себе.³ Вопрос теперь в том, почему исчезла во мне эта потребность и зачем она снова нужна мне.

Исчезла она во мне по той простой причине, что тот умственный капитал, который прежде составлял для нее почву, теперь истощился, сведен к нулю — а нового капитала я не приобрел. Виновата в этом та жизнь, которую я веду здесь, в Петербурге.⁴ Прожил я в этом «центре умственной жизни» около года — и, когда на днях подвел я итог моим приобретениям в сфере умственного развития, — я ужаснулся. Я не только ничего не приобрел, хотя уже одна бы и эта остановка на точке замерзания ничего прогрессивного в себе не заключает — но я многое и потерял. Потерял я способность к серьезному чтению, потерял способность интересоваться.

29 марта.

Воскресенье.

За последнее время я очень часто думал, что я тупею. В особенности часто приходила эта мысль за год пребывания моего в Петербурге. Это только отчасти правда. Действительно, мои умственные

способности вследствие невозможной в гигиеническом отношении жизни значительно ослабели. Укажу, как на пример, на полное почти отсутствие памяти, к(отор)ая прежде составляла мою гордость, а теперь грозит довести меня до сумасшествия или кретинизма. Сообразно с памятью, только не в такой значительной степени, уменьшились и сообразительность, и остроумие, и умственная восприимчивость. Но причины того умственного состояния, которое я называю в себе оупением, заключаются не в одном этом. Заключаются они в том, что эти два года весь я ушел на жизнь *чувства*, которое совершенно забило, затерло жизнь ума. То время, которое для других служит началом расцвета всех умственных сил, для меня было началом эпохи любви, со всеми ее дурными сторонами. Любовь великая сила. Она вызывает к жизни все лучшее в человеке. Она пробуждает желание быть совершенным, быть лучше других; она служит великим стимулом труда и развития. К сожалению, только не всякая любовь делает это. Только любовь к высокому и прекрасному, будет ли это человек, или идея, способна сделать любящего высоким и прекрасным. Но горе человеку, если она обращена на предмет низменный, пошлый, — будет время и субъект уподобится, сольется с объектом в его низменности и посредственности. А любовь не разборчива. Для нее нет ни высокого, ни низкого. Она безразлично отдает человека во власть самой низкой женщины или самого высокого идеала. И это чрезвычайно мало зависит от свойств человека. Даже, наоборот, признано, что умные мужчины редко любят умных женщин и наоборот.

И меня жизнь отдала силой любви во власть, не скажу пошлой, низкой женщины, но женщины посредственной, женщины, не имеющей ровно никакого продуманного и ясно сознанного идеала, живущей, в смысле ума, почти животной жизнью. Вся жизнь ее сплетена из одних побуждений чувства, в широком смысле этого слова, без малейшей примеси разума. И в этом заключается и сила Зинаиды,⁵ и губительное влияние этой силы. Она женственна. Она может так отдаться любви, если ее почувствует, как немногие; нет жертвы, которой не принесла бы она ради нее. Благодаря известным условиям воспитания и жизни, у нее существует стремление к совершенствованию; в силу этого она может вся целиком отдаться, не какой-нибудь идее, а делу на идейной подкладке; но и здесь она не выйдет из области животных побуждений: потребности деятельности в известном направлении. Но, страдая отсутствием критической мысли, ее увлечение с виду хорошим делом может принести дурные результаты, ибо само дело может оказаться дурным. Наконец, последний элемент ее силы заключается в том, что она, опять-таки благодаря своей животности, целиком полна сама собой. Это не эгоизм, это что-то выше и страшнее эгоизма. Всякий из нас эгоист, всякий «плоть свою возлюбя, никто же ее возненавиде»⁶ — но не всякий может и в мысли, и в практической жизни поставить себя центром всего существующего и совершающегося. Я не хочу этим сказать, что

З⟨инаида⟩ никогда ничего не делает для других; нет, она много делает — но она считает это жертвами. Понятие долга, как первое ограничение эгоизма, чуждо ей. Чуждо ей и все, что выходит из сферы прямого соприкосновения с ней. А то, с чем придется ей сталкиваться в жизни и мысли, то она видит не таким, каким оно существует. Из него, т. е. из всего, мысль ли это или поступок, она берет прежде всего только то, что непосредственно воздействовало на нее, вызвав то или другое ощущение. Затем эту часть, заменившую ей целое, она разбирает согласно своей телеологии, говоря, что это делается для того, чтоб доставить ей удовольствие, а это — страдание; хотя бы делающий совершенно и не имел в виду ни ее удовольствия, ни страдания. Имел ли он право поступить именно так — об этом она не знает и не думает. Ей неприятно — значит, не имел; приятно — имел. И все ее суждения о других людях и их действиях основаны на сравнении с самой собой и своими поступками, которые всегда хороши. Она, как говорится, меряет всех своим аршином, отвергая то, чего в ней нет, признавая право на существование того, что и в ней существует. В силу всего этого она совершенно не может принимать других людей, и благодаря своему непониманию, она должна постоянно мучить их. В этой способности заключается последний элемент ее силы в любви — ибо в любви для нас дороже всего тот, кто больше нас мучает.

И вот во власти этой женщины я нахожусь два года.

5 апреля.

Светлое Христово Воскресение.

Хочу рассказать о моей жизни в Петербурге после Рождества.⁷ Приехал я сюда битком набитый мрачными мыслями и намерениями. Денег, а с ними и надежд на будущее не было никаких. Пьяная безобразная жизнь в Орле отразилась на душевном состоянии. Раскаяние, упреки совести, а с другой стороны, мнимая или действительная невозможность изменить свое поведение, остановиться на наклонной плоскости — делали положение безвыходным. Выход был один — самоубийство. Здесь в Петербурге начались неприятности с З⟨инаидой⟩ — и я в конце концов в субботу на масляной совершил *попытку* на самоубийство.⁸ В оправдание неудачи приведу то, что совершил я ее пьяный до бессознательности, затем — очень неудобным оружием, ножом, и наконец — меня удержали от второй попытки ударить себя. Потом был несколько дней в больнице, а потом — потом началась та мерзостная жизнь, которая тянется по днесь. Вся она вращается вокруг З⟨инаиды⟩ и отравляется ею. Полная духовная зависимость от нее. Мое настроение духа зависит от З⟨инаиды⟩, и зависит именно так: она может в одну минуту изменить хорошее настроение на убийственно дурное, но не в силах, да и не в желании, конечно, дурное хоть когда-нибудь изменить на хорошее.

Таким образом, мне все время дурно или само по себе, а если не само по себе, то от Зинаиды. Положение до того мучительное, что Бог знает что отдал бы я за выход из него.

Зато после попытки улучшилось мое денежное положение. Улучшение это, конечно, не находится в связи с попыткой. За два месяца круглым счетом получено мной 130 р (ублей) — 65 из дому, 40 из У (ниверсите)та, 30 заработано. За уплатой в У (ниверситет) 43-х р (ублей) остается 87, которые я прожил в полтора, собственно, месяца, ничего не купивши, кроме шинели за 15 р (ублей). Да, забыл еще прибавить 13 руб (лей), которые я получил, заживши еще.

В физическом отношении дело абсолютный швах. Со времени попытки осталось что-то вроде катарра желудка, совершенно истощившего меня. Постоянно нездоровится, а временами прямо болен. Худ стал, как шепка, самому себя жалко становится. И не знаю, что собственно за причина катарра — обедаю я у З (инаиды), т. е. она через прислугу закупает провизию, и сама готовит обед. Исключая материальную ценность, обеды эти доставляют мне одно огорчение и портят массу крови.

С Орлом отношения испортились. Пишу только одной матери и от нее одной получаю письма. Писал Саше Полякову, желая через него завязать сношения с Ж.,⁹ — но ответа нет. Кажется оба письма пропали. Писал Васильевой,¹⁰ с которой мне очень хотелось бы возобновить хорошие отношения — но ответа нет. Дмитриева¹¹ не пишет больше месяца. С Арбузовым¹² мы было поссорились, в силу чего завязалась оживленная переписка, но потом помирились. Но и он до сих пор не отвечает на мое письмо.

В Орел тянет страшно. Здесь отвратительная погода. Весны совсем нет. Познакомился с курсисткой,¹³ в которую, кажется, мог бы серьезно влюбиться, что составляет мою мечту, но благодаря погоде это решительно невозможно.

В среду первый экзамен.¹⁴ Готовился всего неделю, и притом ужасно плохо. Есть надежда провалиться.

В общем, как видно, живу хорошо.

10 апреля.

Был экзамен. Сверх ожиданий и вопреки справедливости не только не провалился, но получил 5. Этот экзамен с подготовкой принес мне большую пользу. Он наполовину сделал меня юристом. Это не значит, что я за неделю беспардонного зубрения поспел собаку съесть в юриспруденции, — знаю я столько же, сколько и прежде знал. И даже одним лишним знанием убавилось — и в этом-то именно заключается польза. При поступлении на Юридический фак (ультет) я весьма наивно, по образцу романистов прошлого столетия, разделил все проходимые на нем предметы на добрые и злые. До самого последнего времени я твердо

знал, что Полит<ическая> экономия предмет добрый, а Русское и Римское право дурные предметы, в особенности последнее. И если их изучают, то только благодаря нашей рутине, в силу которой очень часто часовой прогуливается около того места, где когда-то стояло что-то, о чем и старожилы ясного представления не имеют. Очевидно, что это твердое знание было продуктом самодовлеющего невежества, как оно и оказалось действительно. Изучая, даже поверхностно, русское право, я должен был сознаться в этом. А раз сознавшись в своей ошибке и убедившись, что изучение русск<ого> права имеет глубокий смысл, я склонен теперь даже у Римск<ого> права попросить извинения и поставить его наряду с Полит<ической> экон<омией>, т. е. с таким предметом, цель которого состоит не в затемнении рас-судка, но в просветлении. Только это уж крайность, кажется. Но, одним словом, хорошо и то, что я теперь должен все предметы нашего фак<ультета> признать скорее за добрые, чем за злые.

Вообще, для меня начинается, по-видимому, эра новой жизни. Боязно только, как бы это начало началом и не осталось. Слишком много пут прикрепляют меня к старой почве «сжигания свечи с обоих концов»,¹⁵ на которой я так долго стоял. Признаков перерождения много; одни из них новейшего происхождения, начало же других трудно указать с точностью. Заметил же я все их очень недавно. К числу старейших по происхождению можно отнести *исчезновение пессимизма*.¹⁶ Пессимизм мой, как известно, выражался в желании смерти, обоснованном многими данными, как, напр<имер>, вопросом «к чему?», атеизмом и т. п. Прежде всего исчезла обосновка. Вопрос «к чему?», отнимавший у меня всю энергию, давно уже, больше года, стал являться все реже и реже, а вот уже с полгода не является совсем. Исчезновение его можно отчасти приписать знакомству с реальными бедствиями, оттеснившими бедствия, так сказать, метафизические. Благодаря исчезновению вопроса «к чему?», потеряли свою силу атеизм и прочие пакостные воззрения, служившие только иным выражением, проявлением этого ненавистного вопроса. Вторым важным признаком перерождения, истекающим из первого, является *сознательное желание жизни*. Начало являться оно уже давно, но урывками, а сплошным стало только после известной попытки. Наконец, третьим служит *желание работать*, пока еще очень слабое. Оно, очевидно, завершает первые два признака, как подготовительную переработку всего мировоззрения, и когда оно будет приведено в исполнение, это будет значить, что перерождение совершилось.¹⁷ Но это, очевидно, будет еще не скоро, и мне придется очень долго оставаться в гнуснейшем состоянии перехода, пока, наконец, не порвутся те путы, которые приковывают мою волю к прошлому. Все эти путы можно обобщить в одном — в рутине. Ох эта рутина, рутина — бедовое ты, брат, дело! Исчезли старые убеждения, заставляющие поступать известным образом, явились новые убеждения — но привычка к известному образу действий осталась и ломает новые убеж-

дения, расчленяет твое «я» на две половины, одна другой противоречащие. Вот убедился я, что нужно жить, желаю жить, а все время поступаю так, как будто я самый страшный ненавистник жизни. И не скоро исчезнет во мне эта рутина и — заменится новой, не скоро потому, что слишком много в моей жизни элементов, которые питают и греют ее. Трудно ввести в свои поступки что-нибудь новое, когда вокруг тебя одно лишь старое, среди которого так привольно было предаваться пьянству и т. д., которое и теперь умильно на каждом шагу призывает тебя к тому же. И все это милое старое воплощается здесь, в Петербурге, по крайней мере в одном — в Зинаиде.

11 апреля.
Суббота.

Меня многие считают индифферентистом. Не знаю, верно ли это название; можно ли им охарактеризовать мое отношение к явлениям общественной жизни. Индифферентист — значит человек, безразлично, равнодушно относящийся к известной группе явлений. Но я отношусь не безразлично. Для меня не все равно, быть ли свободным или слышать на каждом шагу звон цепей, сковывающий не только тело, но и душу. Мне далеко не безразлично, изучать ли то же русское право и Политическую экзонию, приноровленные по мере возможности не к разрушению основ, а к поддержанию оных, или же изучать действительную науку, чуждую, в своей чистоте, всякой партийности.¹⁸

12 апреля.

Только утро любви хорошо хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая —
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле — наслаждения рая!¹⁹

Кажется, в моей жизни начинается новая эра. Другими словами, не то я уже влюблен, не то влюбляюсь еще только. Во всяком случае, дело не чисто. Зовут ее Эммой Васильевной Реймер;²⁰ она на одном курсе с Зинаидой, математичка — хотя математического у нее так же мало, как и у меня. Зинаида давно уже стала сходить с ней, и давно стала твердить мне о том, какая красавица эта Реймер, и как хорошо было бы для рассеяния моей скуки познакомиться с ней. Но я уклонялся от этого не потому, чтоб не хотел рассеяния, но просто не доверял отзыву Зинаиды. Мне раз тоже показали одну красавицу, как они ее называли, — и мне пришлось потом минуты три отплеиваться. Гораздо больше

значения придал я словам А. А. Бодиско,²¹ которого нельзя упрекнуть в недостатке эстетического вкуса и который назвал как-то ее Сикстинской мадонной. Но и тут желанья познакомиться с ней у меня не прибавилось. Если она мадонна, то куда же к черту полезу я со всеми моими грехами духовными и физическими? И притом у мадонн всегда бывают поклонники, а я этого народа страх не люблю. Однако познакомиться пришлось-таки. Она с Зин(аидой) стала вместе готовиться к экзамену, а занятия по большей части происходят в пансионе, которого я, как известно, постоянный обитатель. Действительно, ни З(инаида) ни Ал(ександр) А(лександрович) меня не обманули. Она блондинка, с замечательно тонкими, красивыми чертами лица. И главное — во всей, и в лице, и в фигуре видна какая-то воздушность, или, точнее, не воздушность, а одухотворенность. Точно она на небо лететь собирается. Но все это не важно. Она могла быть архи-мадонной, и все-таки не понравиться. К счастью, этого не случилось. С первого же раза я почувствовал себя в ее присутствии связанным отчасти робостью (!), отчасти бессознательным желанием нравиться ей. Я с радостью заметил, что не знаю, куда девать руки, и что вся вообще моя развязность, обуславливаемая привычкой находиться преимущественно в женском обществе, куда-то исчезла. (Это было на страстной. Быть с ней пришлось не больше 10 минут; разговор ограничился двумя-тремя общими фразами. Следующий раз увиделся я с ней на третий день Святой, разговаривал больше часу, и вижу с тех пор каждый день очень помногу и очень помногу разговариваю. Но не в этом дело. Дело в том, что с первого же разговора началось то, что Надсон называет «перекрестных намеков и взглядов игрой», игрой, которую я когда-то так любил и в которой я так искусен. Началась эта игра не случайно; я сам поставил разговор на такую почву — и теперь не знаю, жалеть об этом или радоваться. Боюсь, что нужно жалеть. Несомненно, что это самый быстрый и иногда довольно верный путь — но именно в этой быстроте и заключается все неудобство. Все переводится на слишком легкую почву, почву улыбки и шутки. И разве действительно можно серьезно отнестись к моим словам, если я при третьем же разговоре полусловами и полунамеками все время твержу ей о том, что она мне очень нравится и что я чувствую себя готовым в нее влюбиться. Хорошо еще, что она на это не намекает, — а то совсем бы плохо дело. И что мне говорить ей теперь, когда я с первого же раза заявил уже, что она мне нравится? Нужно прямо в любви объясниться — а это невозможно в данную минуту, главным образом потому, что еще не успели как следует друг другу понравиться. И обидней всего подумать, что я так подло промахнулся, когда видишь, что это действительно могло бы быть. Наприм(ер), вчера я чувствовал себя влюбленным по уши, когда проводивши ее, возвращался домой. Давно я себя так не чувствовал. Иду, дороги не вижу, спотыкаюсь, глаза устремил куда-то в поднебесье и твержу с чувством, толком и расстановкой такое стихотворение, которого

в другую пору и не заметил бы. И мыслей о Реймер никаких нет, а есть какая-то сладостная захватывающая тоска, вызывающая слезы, — а о чем эта тоска, не знаю; о том ли, что я такой дурной, о том ли, что так пошла и продажна жизнь — Бог весть. Только и в минуты радости и счастья никогда не любил я так жизни, никогда так полон не был я ею, как в тот вечер тоски. Еще несколько таких вечеров — и я начну с ума сходить от любви к Реймер. И все это явилось во мне единственно благодаря тому, что мне показалось, будто Реймер и не любит меня и никогда не полюбит. . .

Что будет дальше — не знаю, решительно не знаю. Быть может, ничего — а быть может и все.

13 апреля.

Нехорош избранный способ действий главным образом тем, что если я даже добьюсь ее благосклонности, цель моя не будет достигнута. Мне, как это ни смешно, приходится ухаживать за двумя: за ней и за собой, а по результатам для меня важнее влюбиться самому, чтоб влюбить ее в себя. И цель, которую я поставил себе в этом деле, будет достигнута именно в том случае, когда я влюблюсь, причем отношение ее к моей любви является уже на втором плане, делом второстепенной важности. Даже в видах наилучшего достижения моей цели желательно было бы, если не совсем, то по крайности как можно на дольше отложить достижение ее благосклонности и обставить его как можно большими трудностями.

Мне нравится та обстановка, в которой я сейчас нахожусь. Предо мной разбросаны на столе лекции. В окно видны только ярко освещенные солнцем стена и окна. В открытую форточку несется прохладный весенний воздух и звуки чувствительной песенки, которую под аккомпанемент гармони распевает бродячая певица. Вдалеке слышен гул экипажей.

Пойду сейчас шататься. К черту Полит<ическую> экономию!

14 апреля.

Плохо дело. Так и не придется, видно, влюбиться. С каждым днем чувствую все меньше позыва к этому. Нынче я влюблен уже гораздо меньше, чем вчера, завтра, наверное, буду еще меньше, чем нынче. Плохо дело. Ухаживать, однако, буду, займусь с горя хоть этим. Тем более, что и обстоятельства очень благоприятствуют. Приведу, для примера, вчерашний день. В 3 часа пошел к З<инаиде> обедать. Не кончил еще обеда, приходит Реймер; времени до экзамена осталось очень мало, и им с З<инаидой> нужно усиленно готовиться — но не знаю, всегда как-то выходит, что из этого времени час или два уходит на наши разговоры с Реймер; так и вчера мы, исключительно вдвоем с ней, беседо-

вали до $\frac{1}{2}$ шестого, а потом втроем отправились гулять на Английскую набережную. Я был против прогулки, но З(инаида) и она настояли на ней. Наконец в 10 часов, когда кончились их занятия, я пошел проводить ее домой. Этот столь обыкновенный акт вежливости приобрел у нас несколько большее значение, и принял несколько иной характер, чем бы должно быть. Первый раз она хотела отнестись к нему, как к обыкновенной вежливости, но я целым рядом разговоров дал ей понять — хотя она и раньше понимала, — что здесь так же мало вежливости, как и в том, что я ежедневно пью чай, что, другими словами, я провожаю ее потому, что это для меня приятно. Вчера дорогой, я еще с большей откровенностью говорил ей об этом, результатом чего было то, что когда я проводил ее до дому, она предложила немного прогуляться. А еще раньше она уверяла З(инаиду), что ей необходимо домой. Прощаясь, она предложила бывать у нее, но я возразил, что это было бы для меня возможно только в том случае, если придется быть только с ней вдвоем, ибо третьего я не выношу. Она ответила, что так и будет, пот(ому) что у нее никого не бывает.

Вечером.

Судя по всему этому, можно надеяться, что моя любовь без ответа не осталась бы. Особенно важен в этом смысле тот факт, что она предложила мне еще пройти до М(алого) проспекта. Не нужно забывать, что мы с ней знакомы, собственно, только неделю, и что она не имела в виду гулянья *an und für sich*,^a так как еще раньше говорила, что ей нужно домой, а потом жаловалась, что холодно и она замерзла. Затем существует еще масса мелочей, свидетельствующих о том же. Но вот странное дело. Все эти знаки расположения, все эти мелочи проявляются единственно только в *действии*, в поступках — или же в таких словах, которые прямо не говорят о нем, и нужен целый ряд умозаключений, чтоб вывести что-либо из этих слов. Она идет гулять, она приглашает меня к себе, она обращается к З(инаиде) с просьбой дать *мне* чаю и т. д. Все это поступки или слова, по своему значению равные поступкам. Таких же слов и намеков, в которых она прямо выразила бы, что я ей нравлюсь, я не слыхал ни одного. Она не говорит, что ей приятно быть со мной, но предлагает вместе с тем прогуляться; она не говорит, что ей удобней быть со мной вдвоем, но выражает это в соответствующих поступках. Что заключить отсюда о свойстве ее отношений ко мне? Если б все это делала Женичка,²² я с полной уверенностью сказал бы, что я, очевидно, ей очень нравлюсь. Я помню себя, когда я начал влюбляться в Зинаиду. Ни одним словом не намекал я на свою любовь, и вместе с тем каждый мой шаг говорил о любви. Но я был тогда невинен, как агнец, Реймер же, кажется прошла

^a самого по себе (нем.).

сквозь огонь, воду и медные труды. Я поступал известным образом, не отдавая себе отчета, почему я поступаю так, а не иначе, и что должно было выражаться в моих поступках — она же не может не отдавать себе отчета, пот<ому> что вся эта история ей не впервые. Таким образом, она знает, следовательно, что, поступая так, она этим показывает мне свое расположение. Почему же тогда не хочет она прямо говорить об этом? Объяснений может быть несколько. Первое — она не понимает смысла своих поступков. Второе — она видит этот смысл, но думает, что <я> его не замечаю. И третье — все это может быть одним из видов тончайшего кокетства или, другими словами, одним из способов ухаживания. Каждое из этих предположений в отдельности не выдерживает критики. Она не настолько непосредственна, чтобы не знать, к чему клонятся ее поступки. Трудно, затем, думать, что я не понял и не заметил такого, сравнительно крупного факта, как известное предложение прогулки. Наконец — хотя она иногда кокетничает, но так наивно, что предположить ее способной на такую иезуитскую махинацию нельзя. Но если эти три предположения слить, то можно, несмотря на их кажущуюся противоречивость, объяснить ими ее образ действий довольно удовлетворительно. В одних случаях она может не видеть смысла своих поступков. Ведь для того чтоб отдавать себе отчет в *каждом* шаге, добиваясь, как, почему и отчего я поступаю так или иначе, нужно быть до известной степени психопатом, как я, напр<имер>. В других случаях она может знать смысл, но думать, что я его не замечу. Наконец, она иногда не прочь и пококетничать, как я говорил.

Что ж в итоге? Можно надеяться, мне кажется. Как я стал дурно писать, совсем разучился выражать свои мысли на бумаге. Теперь я лучше говорю, чем пишу, а прежде было наоборот.

15 апреля.
Среда.

Это ужаснейшее свинство. Ты смешон, почтеннейший друг мой Леон<ид> Николаевич. И не потому ты смешон, что исписал несколько страниц о Реймер и своих вожделениях, когда ни эта Реймер, ни твои вожделения не оправдались, а тем ты комичен, что сейчас в состоянии писать об этом, в тысячный раз пережевывать одну и ту же жвачку. О читатель! не думай, пожалуйста, что имеешь дело с ослом. Я умный человек, но я весь свой ум трачу на глупости.⁶ Были же ведь на свете схоластики,²³ решали ж интересные вопросы о том, сколько ангелов уместится на острие иголки. И среди этих комиков были, наверное, умные

⁶ Эта фраза подчеркнута кем-то в тексте красным карандашом. На этой же странице, на полях, еще две пометы — красным и синим карандашом.

люди. Вот и я умный схоластик, довольно хорошо решающий вопрос о том, что было бы, если б ничего не было. Но комизм не в этом. Схоластики жили в такое время, когда по самим условиям умственной жизни они ничего другого решать не могли. Я же живу в XIX веке в *России*, каждый день натыкаюсь на вопросы самого жизненного свойства — и трачу часы на то, чтоб определить, почему Реймер сказала «о», а не «а», нет ли в этой замене одного гласного другим, какого-нибудь сокровенного смысла. И, о небо! я нахожу этот смысл. Вообще по части нахождения смыслов я так теперь наострил себя, немедленно нахожу требуемый условиями минуты смысл. И весь день напролет я занимаюсь нахождением смыслов не только в фактах уже совершившихся, но еще и имеющих, по моему мнению, совершиться. Ведь черт знает, что такое, в самом деле! Ведь если б всю эту энергию, достигающую иногда поистине изумительных размеров, направить на разработку бы хоть той же Полит<ической> экономии, — что бы за чудный ученый из меня вышел! А я люблю Полит<ическую> экономию — вообще я много хороших вещей люблю — но для меня, конечно, не может быть неприятным изучение того, что я считаю важным, необходимым, полезным, приятным и т. д. Действительно, я и говорю себе: «Линочка,²⁴ изучай брат!» <и> немедленно отвечаю: «буду изучать!» и с удовольствием начинаю размышлять о том, как это будет приятно изучать ее и как хорошо будет, когда я приобрету по ней многого знаний. А подумавши, я начинаю решать не терпящий отлагательства вопрос о том, почему З<инаида> не кашлянула, как бы следовало, а чхнула и притом так чхнула, что $2 \times 2 = 4$ становится ясною нелюбовь ее ко мне. Огорчившись и мельком подумавши «не выпить ли?», перехожу к решению других стоящих на очереди вопросов. А Пол<итическая> экон<омия> скромно между тем полеживает на столике, раскрытая по часам на одной и той же странице, и, наверное, с недоумением так же спрашивает себя: «а что ж необходимое-то, полезное и т. д., когда ж до него очередь дойдет?» Рядом лежащая философия права — вещь тоже изумительно полезная, необходимая и т. д. — наверняка отвечает ей: «Ах, госпожа Пол<итическая> экономия! Нужно терпение. Видите, я вот уж целый год считаюсь необходимой, полезной и т. д., а еще не раскрыта ни разу. А вы не только раскрыты уже, но есть даже надежда, что не нынче-завтра перевернется и эта покрывшаяся уже пылью страница. Ведь 20-го у него экзамен.²⁵ Вот если б не экзамен — я сама не выдержала бы — удушилась бы, не имея надежды быть когда-нибудь раскрытой, но, к счастью, небо послало экзамены. А без них прямо пропадать бы нам с вами». Но вот я вспомнил и о них. Но не радуйтесь, ни ты, глубокомысленная философия права, ни ты, не терпящая непроизводительных трат Пол<итическая> экономия! Не до вас мне теперь. Я огорчен. Решая один из вопросов, я пришел к тому печальному выводу, что З<инаида> совсем

меня разлюбила, и спешу пойти сказать ей, что она, думая просто чхнуть, нанесла вместо этого глубокую рану моему чуткому сердцу. О комедия человеческого сознания! о великий комедиант, Леонид Николаевич, о небо, о ад, о всякая чертовщина! Ведь это просто курам на смех! А я серьезен, и не токмо серьезен, но даже величественен. Я уже доказал Зинаиде, что она меня не любит. Она говорит, что любит, но она ошибается. Об этом достаточно ясно свидетельствует то, что она чхнула, когда всякий человек на ее месте кашлянул бы. В свои доказательства я ввел и опыт веков, и народную мудрость, и даже Полит<ическую> экономию, так жестоко мною покинутую, — и, вполне естественно, страшно оскорблен, что З<инаида> не согласилась со мной, говоря, что это распушенность. Я был так красноречив, так умен в своей речи — и вдруг распушенность! Обидно, когда тебя так мало понимают люди, да еще близкие тебе люди. . .

Приятно быть в такие юные лета великим человеком. А я великий человек — иначе чем объяснить то, что меня никто не понимает? Ведь это удел всех великих. Быть может, и поняли бы меня, да уж слишком специальна область моего величия — только в сфере нахождения смыслов в чханьи моего и Зинаиды. Не всякому интересен, к сожалению, великий вопрос, почему именно она чхнула, а не что-нибудь, вопрос, над которым я доблестно и упорно потрудился. Я это знаю, скорблю о том, что еще не доросли, значит — и имею настолько благоразумия, что даже не стараюсь передавать результатов моей долговременной работы. Пожалуй, иногда и не прочь бы передать — только, удивительное дело, — забываю, забываю, что я собственно решал, и почему решил так, а не иначе. В окончательном результате получается вот что. Передать людям то, над чем я мыслю целый день, нельзя; вести с ними разговор в сфере интересов общечеловеческих я не могу, пот<ому> что, отдавая весь день своим вопросам, я стал совершенно чужд всему человеческому. Благодаря тому, что я специализировался именно в переливании из пустого в порожнее, я сам потерял всякое внутреннее содержание. Потерявши его, я тем самым потерял всякий интерес в их глазах, потерял всякую дорогу к их сердцу. Вот почему я так одинок, вот почему связь с живым миром порвана у меня настолько, что я, как и Ал<ексей> Петрович,²⁶ готов считать себя лишним человеком. Я и вправду лишний! Что принесу я с собой людям? Что внесу я от себя в любое дело, в любое общество живых людей? Свои размышления о том, почему чхнула Зинаида? Или вот эти свои рассуждения о том, что я лишний? А другого у меня ничего нет и, как это ни дико сказать, — ничто другое не имеет для меня жизненного интереса. Поэтому-то и тяготеею я к Алек<сею> Петровичу, лишнему человеку, поэтому-то готов я был сегодня отдать последний грош, как я смеялся З<инаида>де, чтоб увидеться с ним. Он поймет мои рассуждения на тему, почему чхнула Зинаида, пот<ому> что у самого его нет других тем для размышлений. Почему я теперь не могу оставаться один? От крайней внутрн-

ней пустоты — мне думать не о чем. Не люди виноваты в том, что я одинок, а я, моя пустота и бессодержательность.

И никогда эта пустота не выступала предо мной с такой силой, как сегодня, при свидании с Реймер. Пора намеков кончилась. Но так как я хочу ухаживать за ней, я должен был говорить с ней, и говорить о чем-нибудь, обязательно интересном. Но о чем? Хоть убей, не знаю. Не мог *придумать* даже, о чем говорить. Или молчать должен был, или повторять в десятый раз то, что она мне нравится, или вести до смерти скучные разговоры об экзаменах, или же наконец толковать о том, почему З(инаида) чхнула. И во всех этих случаях я мог бы только отдалить себя от цели. Инстинктивно я выбрал наименее дурной путь — стал повторять, что она мне нравится. (Кажется тупо, что вся эта история кончится нулем). И не мудрено, почему я не могу влюбиться в нее. Мне скучно и тяжело с ней, как и со всяким вообще человеком. Мне чужды ее интересы, мне не о чем говорить с ней; а сознание, что нужно говорить, когда сделать этого не в силах, может только отдалить от нее.

Не нужно думать, что такой оригинальный способ употребления умственных способностей есть только продукт последнего времени. Кто читал мой дневник, тот поймет, что всегда я толоч воду в ступе; только толчение это, будучи обращено на несколько более содержательную тему, как, напр(имер), на тот же пессимизм, имело более благообразный вид и, по существу дела, могло быть интересно и для других. Если я говорил, например, что мне тяжело жить, ибо я не знаю цели жизни, — то это еще могло с грехом пополам интересоваться хоть кого-нибудь, но едва ли заинтересует кого-нибудь заявление, что мне скверно оттого, что З(инаида) чхнула, и следующее затем подробное исследование этого вопроса. И последнее время только тем отличается от прежнего, что я уж слишком разошелся, благодаря благоприятным условиям, и дошел до последней крайности.

Этим же «способом» легко объясняется и то обстоятельство, почему так скоро испаряются у меня всякие знания. Понятное дело — лежат в голове без всякого употребления и в полнейшем беспорядке — и забываются одно за другим. Знание ведь такое орудие мысли, которое тогда только и имеет силу, если оно постоянно в ходу. А у меня и без него все вопросы легко решаются. Все на познании собственного духа основываю. Придется же решать что-нибудь на основании знаний — так, пожалуй, и не сумею по непривычке обращаться с этим великим орудием мышления. Да, во мне классическая система добилась полного своего выражения: с величайшей логикой и последовательностью мыслю. . . над чем? Система классическая, конечно, здесь не при чем; здесь виноваты десятки систем, до системы управления включительно.

Вся эта история с Реймер приняла крайне пошлый характер, так что ее наверно придется бросить. Я вчера был «именинником»; были у меня два студента. Один из них завел разговор о Реймер. Оказалось, прежде всего, что у нее есть уже четыре ухаживателя. Двое с самыми серьезными намерениями, а один почти уже жених. Далее оказалось, что и другой из бывших в это время студентов, некто Хлобошин (совершеннейший осел), также не прочь приписаться к этой когорте, хотя и без серьезных намерений. Потом начали уличать меня в том, что я влюблен в Реймер. Я, обозленный отчасти сообщением, отчасти тем, что меня ставят на одну доску с таким ослом, как Хлобошин, начал говорить то, чего не следовало. Не отрицал, что ухаживаю за ней, но мотивировал это ухаживание желанием наклеить всем остальным носы, свел, одним словом, на самолюбие. Говорилось на эту тему чрезвычайно много, и преимущественно пошлости. Весь почти вечер на это ушел. В результате явилось, конечно, то, что и Реймер отчасти, а в особенности самое ухаживание испакощены в моих глазах до невозможности. «Влюбление» всегда должно ограничиваться двумя лицами: он и она. Даже третий, сочувствующий одному из этих двух, уже нарушает гармонию и чистоту. Известно, как человек не влюбленный и не ухаживающий относится к этим пожатиям ручек, к этим взглядам, намекам и т. д., ко всему тому, что составляет самую прелесть любви, самую чистую и лучшую ее сторону. Для него это только материал ко всякого рода остроумным сопоставлениям, наиболее невинным из которых является сравнение с двумя собаками, предающимися на улице известному акту. Все эти сопоставления не лишены доли истины, но ведь любовь такая вещь, которая целиком основана именно на самообмане. Всякий мало-мальски искренно влюбленный хочет думать, что его любовь настолько чиста, что совершенно исключает разные «акты» и т. п. У некоторых желание это до того сильно, что они действительно ухитряются совершенно убедить себя в этом. Другие, поопытнее, хотя и знают, к чему все это ведется, но стараются забыть об этом, во всяком случае не думать. И когда кто-нибудь на их глазах начинает самым беспощадным образом разоблачать истину, становится страшно неприятно. Теряет свою прелесть поцелуй, о котором по целым бессонным ночам мечталось, отравляются воспоминания о взглядах, намеках, воспоминания, служившие утешением в минуту тоски и скуки. И все это делает одна только мысль об акте, одно только слово, напоминающее его. Прежде, должно быть, этого не было. С таким же наслаждением мечтали об «акте», как теперь о поцелуе. Это все милые плоды нашей великой культуры с ее великим принципом обособления занятия. Акт составляет специальность известного класса людей; класс же этот настолько противен, насколько противно само по себе это разделение любви по стадиям ее развития, причем то, что должно служить венцом любви, покупа-

ется за целковый, что даже противно, органически противно стало связать представление об акте с представлением о любимом существе. А вчера только тем и занимались, что сопоставляли. И в этих сопоставлениях остроумнее и пошлее всех оказался, конечно, не кто другой, как я. Пошлю, а сам чуть не плачу, что сам своими руками развенчиваю, топчу в грязь то, что для меня в миллион раз дороже всех этих Хренниковых, Хлобош(иных) и т. д. А ведь иначе нельзя: смешным покажешься в глазах того же Хренникова. Конечно, *удалось* избежать этой беды и подвести под нее Хлобошина. Ведь осел, осел — а лучше меня, не осла, оказался. Итак, пусть Хлобошин будет смешон, а мы с Хренниковым будем наблюдать и смеяться. Так мы с ним порешили. Э—эх—ма!

Вот теперь и ухаживай, и желай чистой любви, стремись к ней. . .

Благодаря сообщению Хренникова о 5 ухаживателях и еще кое-каким *новым* мелочам, с полной уверенностью могу сделать заключение о свойстве отношений Реймер ко мне. Немного нравлюсь, точнее нравился, и очень много кокетства, желания привязать шестого дурака к своей победной колеснице. Исполать ей. Нехай привязывает Хлобошина.

Вчера был первый *опыт* моего сближения с людьми. В результате на душе за один вечер образовалось столько грязи, так было противно и совестно, что я потом разревелся, когда остался один, разревелся, как малый ребенок. Виноваты, впрочем, не люди, а я, хотя от этого не легче.

Вечером.

12 ч(асов) н(очи).

Мне кажется, что я схожу с ума
Да, я схожу с ума и не стыжусь признанья!
Томит меня, томит, как цепи, как тюрьма,
Бессмысленная жизнь без цели и призванья
Кто мне укажет путь? Чей голос разбудит
Крик сердца моего? Жить без любви, без Бога —
Нет, лучше уж не жить ²⁷

Бесконечно грустно. . . Тянет куда-то, зарождается тысяча смутных желаний, вся грудь полна ими. Грустно, томительно грустно. . . Хочется прижать к сердцу что-то бесконечно дорогое, бесконечно милое и чистое; и так жаль, что нет его, что не на кого излить всю ту массу любви, которая переполняет грудь, которая выжимает слезы на глаза, заставляет от переизбытка жизни думать о смерти. Нет, не смерти хочу я. . .

Весна — это ты! Только не нужно давать себе воли, опять дойдешь черт знает до чего. Постараюсь думать о другом, из мира грез спуститься в пошленький мирок пошленькой жизни.

Вчера, как на зло, весь почти день был наполнен неприятностями, хотя и не вещественного свойства. И без того грустно, что приходится проводить этот день вдали от тех, кто действи-

тельно любит меня, а тут еще все окружающие стараются на каждом шагу показать, насколько ты, братику, лишний и насколько ты никому не нужен.

Только одна приятная вещь и была. Это известие о том, что мой рассказ будет недели через две напечатан в «Звездочке».²⁸ Хотя внешним образом я своей радости и не выражал, а наоборот, высказывал только сожаление, что рассказ будет напечатан в таком плохом журнале, — но внутри радовался сильно; и даже теперь радуюсь. Мне, главное, крайне любопытно, каким выйдет в печати все то, что при писаньи казалось таким простым и не стоящим внимания. Приятно думать, что те мысли, которые ты так долго носил в себе, те слова, которые ты ночью, в полной тишине и уединении заносил на бумагу, будут прочитаны тысячами людей. Приятнее же всего соображения о том, как должен будет перемениться на меня взгляд всех, знающих меня. Как должна будет радоваться мать, так как помимо этих невещественных радостей, рассказ даст ей радость самую реальную: деньги. Чего доброго, гордиться мною начнет. Хорошо все это и потому, что составит лишнее побуждение к дальнейшему труду в той же области, а успех зависит ведь именно от того, насколько я хочу работать. У меня уже явилась тема нового рассказа. Если как следует разработать, выйдет порядочная вещь.

А все-таки грустно. . .

27 апреля.
Понедельник.

Было два экзамена. Получил по пяти. Ко второму готовился страшно — хочу получить стипендию. Остается еще один. Буду готовиться, насколько сил хватит.

С З(инаидой) дела очень плохи. Решительно нельзя больше так жить. Через день *плакать* приходится. Ведь это черт знает что, в самом деле. Из-за чего, из-за кого я должен губить себя?

30 апреля.
Четверг.

Tempora mutantur et nos mutamur in illis.^в Как, черт возьми, изменилось мое положение. Полгода тому назад я напивался водкой и закусывал колбасой; сегодня же уже напиваюсь коньяком и закусываю апельсинами, 2 месяца тому назад пропарывал бок грязным, ни к черту негодным ножом, сегодня, весьма вероятно, проделаю это посредством чистенького финского ножа.

Зачем я напиваюсь? А все от Зинаиды. Замучила она меня. Минуты хорошей не вижу. Нервы у меня совсем разбиты, а она

^в Времена меняются, и мы меняемся с ними (*лат.*).

старается каждым своим словом, каждым своим поступком еще больше разбить. Совсем не человеком. . . ¹. ²⁹

. . . за нос тяну, — эх (< . . . >). Вот когда вновь пробуждаются во мне усыпленные водкой чувства! Вот когда пробуждается во мне дикий зверь, готовый, буквально, заесть, загрызть, разорвать на мелкие части, разнести вдребезги все, что находится перед глазами. . . Ну-ка, брат Линочка, выпьем, для успокоения!

Ведь это черт знает что. Я положительно схожу с ума. Даже о том, когда завтра идти в У (<ниверсите>т, думаю чуть не стихами. И насилиу сдерживаюсь, чтоб не ударить кулаком по столу и не начать того, что так дурно кончалось. Эх, Зинаида, Зинаида! Если б ты хоть десятую часть испытала того, что я сейчас испытываю. Понимаешь, я не могу вместить. Помнишь изречение: «могий вместити, да вместит»? ³⁰ А я не могу. У меня лезет наружу. У меня сейчас, против воли, сокращаются мускулы, дрожит перо в руках — но не оттого, что я пьян, а оттого, что изнутри меня исходит какая-то сила, дергает мои пальцы, заставляет их бросить перо и взяться за разрушение. ³¹ О, если б я был пьян! . . . А то я сейчас самого себя боюсь. Владею всеми способностями, владею памятью, рассудком, — но ничем этим не могу сдержать того могучего потока силы, который исходит из меня, который заставляет дрожать мою руку, который мечет меня по комнате, который, заставит. . . эх, заставит, сейчас биться головой об стенку. И только этим *тоже потоком* слов я немного отвожу в сторону силу — но слишком быстро возрастает она, не успевает писать рука. . . Меня трясет, дыхание прерывается, скрипят зубы. . . ах, если б ты знала, ты, подл—ей—шая из подлых. . . Ай выпить последнюю рюмку?

Ты знаешь, неоцененная моя, дорогая, милая, хорошая, любящая меня Зиночка, ты знаешь, что я делал сейчас в этом «антракте»? . . . Я рыдал, как не рыдал при смерти отца, я. . . ^{д. 32}

8 мая.

Пятница.

Проклятые экзамены, как они мучают людей. Ничего хуже, кажется, выдумать нельзя. Нервы, как струны, голова, точно свинцом налитая, перестает уже воспринимать что бы то ни было.

Вместо того чтоб учить, сижу сейчас и мечтаю об Орле. Рисую картины разные: как меня встретят, как я буду в саду чай пить. Кругом зелень, погода чудная, на душе легко — Господи, *хорошо* как! Никогда, кажется, не наступит это время. Конца, кажется, не будет этим экзаменам, этим мучениям нравственным, этой подлой, гадкой и мелочной возне с З (<инаидой>).

¹ Здесь рукопись обрывается. Следующая запись, сделанная на вырванных листах неровным почерком (л. 42а и 42б), не является продолжением предыдущей.

^а Далее рукопись обрывается.

А экзамен нужно выдержать хорошо. Нужно получить 5, по-т<ому> что от этого зависит стипендия.

Никто, пожалуй, не поверит, что я так добиваюсь стипендии, мучу себя не для себя, а для матери. А это так.

11 мая.

Сейчас иду на экзамен, от которого зависит стипендия, т. е. чуть ли не больше, чем в прошлом году аттестат.³³

28 сентября.^с

К сожалению, на этом экзамене провалился: получил четыре. Не знаю, как, дадут стипендию или нет. Боюсь, что не только не дадут, а даже от платы не освободят. Тогда совсем капут, хоть в петлю. Занял я в этот самый день у З<инаиды> 300 рублей, 50 нынче ей отослал, и осталось у меня всего 130 — вся надежда на будущее.

3 июня.
Орел.³⁴

Если кто взглянет на меня со стороны, то едва ли подумает, что я — сумасшедший. Дело в том, что я очень хитрый сумасшедший. Я вполне здраво говорю обо всем, о чем говорят другие, делаю вид, что интересуюсь всем, чем интересуются другие, — одним словом, по внешности ничем ровно не отличаюсь от окружающих. Ни одним словом, ни одним намеком не выдаю я той единственной мысли, которая одна составляет содержание всей моей душевной жизни, одна реагирует на нервы, одна вызывает и муку, и боль.

Эта мысль — Зинаида.

6 июня.
Суббота.

Все точно так же, как и два года тому назад. Так <же> сижу я здесь, в саду за столом, так же пью чай, такая же прекрасная погода и т. д. — но не могу я сказать: я наслаждаюсь. Что же мешает мне наслаждаться? Болезнь? Да, болезнь, имя которой — Зинаида.

Ни на минуту не оставляет она меня. Днем — мысли, одна другой нелепее, одна другой мучительнее, ночью — сны, один другого фантастичней и ужасней. Все Зинаида, Зинаида. . . Как кошмар, как страшный сон без пробуждения мучает она меня. Что делать? Куда мне бежать от нее? Вот я и в Орле, вот та обстановка, на ко-

^с В тексте описка; следует читать: 28 мая.

торуя я так сильно рассчитывал — а кошмар все продолжается, все более и более приближаюсь я к тому пределу, за которым смерть или безумие. Что ж мне делать? Ведь это ужас... Все бессильно перед этой *idée fixe** сумасшедшего. Меня любит Васильева; одно слово — и эта девушка, добрая и умная, может стать моей — да что мне из этого: ведь я люблю Зинаиду, ведь душу свою, тело отдал я ей.

Вот и сейчас, Бог знает что отдал бы за возможность увидеться с Зинаидой, хотя я ненавижу ее, и мысль о поцелуе чередуется с мыслью о ноже, который я с наслаждением воткнул <бы> ей в грудь за все эти муки. И я знаю, что вышло бы из этого свидания. Опять бы мои упреки, мои слезы наткнулись на каменную стену тупости и мелкого эгоизма, которыми Зинаида ограждена от всего мира. Опять хладнокровным тоном изрекала б она истины о силе воображения, о своих правах и отсутствии обязанностей — а я бы метался, как дикий зверь в клетке, и томился от страшной муки и плакал бы, как маленький ребенок... Да, только это и ничего кроме этого не было бы.

А я все-таки хочу, страшно хочу видеть ее... Господи, да когда ж конец этому!...

10 июня.
Среда.

Сегодня четвертый день, как приехала Зинаида — и уже было все, о чем я писал. 10 минут тому назад повторилась как раз одна из тех сцен, после которых и во время которых я страдаю невыносимо. Где выход из этого ужасного положения? Нет его...

Я представил ей на выбор два исхода: или она должна будет «в пустяках» следовать моему желанию, или же навсегда расстаться со мной. Она, кажется, выбрала первое, но не исполнит, и будет опять то же самое. А если будет опять то же, я вскоре покончу с собой, пот<ому> что это невыносимо, невыносимо... Нервы, у меня, как говорит доктор, разбиты совершенно, а Зинаида)...³

29 июля.
Среда.

Положение самое трагикомическое. Кого из двух? Вот вопрос.

Вечером.

Опять пробуждаешься ты к жизни, дорогой мой дневник. Опять понадобился ты мне для разрешения разных вопросов и сомнений и для того милого занятия, которое называется почтительным

* навязчивой идеей (фр.).

³ Фраза не дописана.

самооплеванием. Немногосложны эти вопросы и сомнения — так начинаю я самооплевание на этот раз. В три категории все уложатся. Или с Зинаидой что-нибудь неладно, или влюбляюсь, или, наконец, бешусь с жиру и выискиваю в себе и в жизни всякую гадость. На этот раз можно было бы с успехом пройтись по всем трем, но — успокойся, читатель! — я этого не сделаю. Мне и самому страшно надоела и Зинаида — в этом смысле, конечно, — и собственная душа. Хотя меня по-старому тянет и к тому, и к другому — но писать я об этом не могу: противно. И дневник я даже из-за этого забросил. Только ведь все время и было, что неприятности с Зинаидой, да собственная мерзость. Теперь, к счастью, является на сцену что-то вроде любви, на которой я и буду отводить душу.

Прежде чем приступить к «любви», скажу вкратце, что произошло за это время. Зинаида пробыла в Орле до 3 июля. Уехала она, испугавшись грядущей холеры. Я проводил ее в Петербург, пробыл там полторы недели и 19-го уже был в Орле. Отношения наши те же, что и прежде. Друг друга любим, но разойтись во всяком случае лучше было бы, ибо несчастное сходство наших характеров отравляет нам жизнь обоим. Таким образом, я имею не только полное нравственное право влюбиться, но даже и обязан сделать это — и чем скорей, тем лучше.

Итак — место действия: Орел, вернее, Орловский городской сад. Действующие лица — я и две Васильевы, Зинаида и Софья. Да, две — в этом-то и штука. Давно уже решил я ухаживать в Орле за Васильевой Софьей. Я уже, кажется, писал как-то в дневнике, что еще прошлым летом, перед отъездом в Петербург, я сделал по адресу сей особы несколько авансов и что они, сверх чаяния, были чрезвычайно удачны. Я и хотел возобновить прошлое и довести его до конечных результатов. Хотелось также, по привычке, иметь возле себя любящего и пекущегося обо мне человека. Софья вполне удовлетворяет этой цели. Человек она чрезвычайно добрый и любит меня, как я давно уже убедился, очень сильно. Стоит мне только сказать слово — и она сделает все, что мне угодно — но... Тут как раз подвернулась ее сестра и испортила все дело. Я Софьи несколько не люблю, а если хотел окончательно влюбить ее в себя, то отчасти потому, что больше не было никого под рукой. Затем самый характер Софьи, крайне мягкий, и вся ее вообще незатейливость служит мне ручательством за скорый и легкий успех. Когда я первый раз увидел Зинаиду (Васильеву), мне показалось, что и она скоро подалась бы, если б за ней поухаживать. Хотя Зинаида и красивей Софьи и больше мне нравилась, но я решил было, после долгого колебания, отдать предпочтение Софье. К этому обязывало меня и давнее за ней ухаживание и ее любовь. Но когда я от решения перешел к делу, явились неожиданные осложнения. Прежде всего, готовый сколько угодно лгать в теории, на практике я совершенно не способен к этому искусству. Ни за что не мог я поэтому сказать Софье, что я ее люблю, когда этого

нет. Если б она хоть нравилась мне как женщина, возбуждала мою чувственность, — это вполне заменило бы отсутствующую любовь, а то ведь она даже не нравится мне. Я чувствую себя с ней превосходно, готов разговаривать с ней целые дни, отдаю дань всем ее достоинствам, — но мне никогда не приходит желание поцеловать ее. Одним словом, я настолько дружественно отношусь к ней, что решительно не могу перейти на любовный лад. И когда я, хоть издали, начинаю делать это, я теряю способность смотреть ей в глаза. Она так доверчиво смотрит на меня, такая бесхитростная любовь видна на ее лице, что мне попросту — совестно. А не быть в состоянии смотреть в глаза — это уж швах дело. Половиной своих любовных побед я обязан глазам, т. е. известным взглядом.

11 августа.

Произошло довольно много любопытного. С Зинаидой порвано окончательно. Причины разрыва известны. 9-го послал я ей письмо,³⁵ в котором говорил, что мы теперь — чужие. Чего стоил мне этот подвиг — говорить не стану. Буквально несколько дней сходил с ума. Теперь как-то успокоился и начинаю смотреть на разрыв, как на совершившийся факт, а сперва совсем не мог себе представить его возможности. Совершение подвига было несколько облегчено одним обстоятельством, о котором поговорю подробно.

У меня существует дурная привычка, свойственная журналам и кокетничавшим барышням, — останавливаться на самом интересном месте. Так, напр<имер>, последний раз я не договорил самого главного в своих отношениях к Васильевым.

Итак, одна из них, Софья, как сказано, любит меня очень сильно; я собрался было эксплуатировать эту любовь, когда явилось на сцену одно неожиданное обстоятельство. Зинаида Васильева вздумала плевать на меня! Нуль внимания — да и только. Я и так, я и сяк — ничего поделать не могу. Тогда я почувствовал, что начинаю влюбляться в нее. Да и как было не влюбиться: я, напр<имер>, подхожу в саду к ним — через минуту З<инаида> уходит с кем-нибудь с самым явным намерением оставить меня вдвоем с Софьей. Удалось как-то случайно остаться с ней вдвоем — она заявляет, что ей вдвоем скучно — «пойдемте к остальным!», т. е. такая стена равнодушия, о которую всякий лоб расшибется. Я сперва думал — кокетство, нет, какой там, самое обыкновенное равнодушие. Оставалось одно: беседовать с С<офьей> и следовать глазами за гуляющей вдали Зинаидой. Так продолжалось очень долго. Ездили мы как-то на лодке — то же, З<инаиде> то весело, то грустно — но ни веселье ее, ни скука никакого касательства ко мне не имеют. Видно, что ей одинаково интересно беседовать со мной или с Пановой.³⁶ Прямо хоть ложись, да помирай. В это время я, две Васильевы и Панова представляли собой очень дружную компанию, в которой я вообще чувствовал

себя превосходно. Главное, полнейшая простота, позволявшая делать и говорить, что вздумается.

Вечером.

Отправились мы еще раз гулять всей компанией. На этот раз пришлось почему-то больше быть с З⟨инаидой⟩ и даже идти с ней под ручку, но стена равнодушия, так сказать, пробита еще не была. Потом наступила история моя с Зинаидой. Я, как говорил, совершенно сходил с ума, и хотя виделся каждодневно с В⟨асильевыми⟩, но отчета в характере отношений дать себе не мог, да и не заботился об этом. Велико было поэтому мое удивление, когда я, придя в себя, заметил, что я теперь гораздо ближе с З⟨инаидой⟩, чем с Соф⟨ьей⟩, чаще с ней хожу и беседую, чем с последней. Конечно, я обрадовался и почувствовал снова некоторое расположение к С⟨офье⟩, на которую я стал было слегка сердиться. Хотя она и не виновата была в том, что мешала мне своей любовью, но ведь тут разбирать трудно. Однако ближе-то, ближе стал, а доказательств того, что она ко мне относится хорошо, еще не было — до прошлой субботы. В субботу мы гуляли в поле, было холодно; мы с З⟨инаидой⟩ сидели на насыпи (за платф⟨ормой⟩), а Софья и Панова гуляли по рельсам невдалеке. Я сидел, прижавшись к З⟨инаиде⟩, пока она не предложила мне положить голову к ней на колени. Когда я сделал это, она прикрыла меня своим манти, положила руку мне на голову, гладила волосы, лицо, пока не добралась до моих губ. Тут наступила роль последних. Все это вперемежку с ласковыми речами, в коих мало смысла, но много любви. Когда я поднялся, со мной произошла крупная и неприятная перемена — в моих отношениях к Васильевым. Раньше для меня было сравнительно неважно, иду я с С⟨офьей⟩ или с З⟨инаидой⟩, пот⟨ому⟩ что и в том и в другом случае ухаживанье не прекращалось, и в первом случае могло быть даже успешнее; короткие, хорошо составленные фразы могут сделать иногда больше, чем длинный, и потому уже скучный, разговор. Теперь же все это изменилось: мне не все равно, с кем идти: с Соф⟨ьей⟩ я буду только разговаривать о предметах, мало для меня интересных, хоть этот предмет по большей части я сам, а от З⟨инаиды⟩ я могу получить больше. По этому самому для меня теперь неинтересно быть в саду, где есть свет и люди, — хочется быть где-нибудь на лоне природы, где я могу закончить начатое.

В конце концов влюбился я не на шутку. Все время думаю о ней, единственно с ней чувствую себя хорошо. Злюсь, огорчаюсь, страдаю, когда она из кокетства или так начинает показывать самое безразличное ко мне отношение. Проклинаю всех, Софью, Протопопова,³⁷ когда они мешают мне быть с З⟨инаидой⟩.

Вчера так и было в саду. У меня и так хандра, а тут с Зин⟨аидой⟩ и поговорить не приходится, окружили. И она, главное, как будто вполне довольна этим и ничего другого не желает. Это

так обозлило меня и расстроило, что я хотел уже домой уходить, — но обстоятельства изменились. Пришлось сперва быть втроем, т. е. она и Панова еще, а потом даже вдвоем удалось остаться. Хотя я чувствовал себя изрядным дураком, однако кое-как настроил Зинаиду на прежний любовный лад. Вернее, она сама настроилась — и, как бы то ни было, этим она настолько прогнала хандру, что, возвращаясь домой, я чувствовал себя чуть не на 7 небе. Даже Зинаиду (старую) жаль стало, думаю: мне-то хорошо, а ей каково там?

Да, а то я было отчаиваться уже стал. Я теперь относительно любви замечательно опаслив и неуверен в себе стал. Знаю, что если человек разлюбил или не полюбил, то ничего с ним не поделаешь. Я уже долго ухаживал за Зинаидой, если она до сих пор равнодушна ко мне, то, стало быть, такой и останется, ничем на нее не подействуешь. Вот, например, как Софья любит меня — а нет, хоть убей не могу ответить ей.

13 августа.
Утром.

Возмутительный человек — эта Зинаида Ивановна! Опять повторилась вчера в саду сцена равнодушия и безразличия. Вначале я думал, что она это так, кокетничает, — и чувствовал себя превосходно. Потом стал сомневаться, не вправду ли это она безразлична ко всему и ко мне — ко мне, по крайней мере — и огорчился чрезвычайно. Не знаю, не поймешь ее никак — но если все это игра, то не совсем для меня приятная. Вот теперь, утром, мне как-то приходит уверенность, что все это действительно игра, что на самом-то деле вовсе не так она равнодушна, как старается показать, — но стоит мне пойти в сад, увидеть ее равнодушное лицо, услышать это проклятое «мне все равно, а впрочем, я даже не понимаю, о чем вы говорите», — и я обозляюсь до такой степени, что если б не мое человеческое достоинство, то, как собака, кусаться бы стал.

14 августа.
Утром.

Тем не менее все это очень странно. Было вчера в саду все то, о чем я мечтал: «целовал, миловал, в ясны очи глядел»: до сих пор еще чувствую ее поцелуи на своих губах — тем не менее странно. Не пойму я ее до сих пор. Расскажу подробней.

Пришел вчера я в сад больной, наполовину мертвый, апатичный и несколько злой. Даже не решался подходить к Васильевой, опасаясь, что в таком состоянии ничего путного у меня не выйдет. Но обстоятельства были слишком благоприятны: Софья ушла с Разумовским,³⁸ и Зинаида была одна. Подошел, тянул с чет-

верть часа Лазаря, потом мы с Зинаидой пошли гулять. Долго рассказывать, да и не к чему — только зашло у нас дело на откровенность. Полунамеками, полусловами высказал я ей свою любовь. Ответ оказался не из утешительных. Прежде всего, она совершенно неверно судила о моих отношениях к Софье и думала, что я люблю ее, — по крайней мере, она так говорит, но я ей не совсем верю. Отсюда значит: все признаки ее расположения ко мне — мнимые. Затем она сказала: жаль, что это так случилось. Одним словом, показала, что ни на грош не любит меня. Но вот что комичнее всего. После этого ей, конечно, следовало пойти со мной к остальным и все забыть — а вместо этого она говорит:

— Пойдемте, отыщем местечко, я хочу покурить...

Т. е. местечко потемнее и поединеннее. Нашли такое в «Америке». ³⁹ Так как я действительно вчера был влюблен в нее, то говорить, конечно, стал о своей любви. Говорил все время, говорил с чувством. Она... смеялась, но не уходила, хотя это и нужно было. Наш «клуб» не должен разлучаться и Софья должна была сердиться, что мы оставили ее с Разумовским, которого она не любит (и который ненавидит за это меня). Вначале я совсем было расстроился (серьезно), видя по ее словам, что я все время играл дурака и любил, не будучи любим, — но потом несколько утешился. Когда она сказала, что теперь наш клуб существовать не может, я предложил перевести это в дело и отложить сегодняшнюю прогулку. Она сказала, что этого не нужно. Затем она сказала, что я ей «нравлюсь»... одним словом, слишком часто противоречила себе, чтоб я мог серьезно отнестись к ее кажущейся нелюбви. Но все-таки я был огорчен, и сильно. Совсем иного ожидал я от этого объяснения. Тут пришла Софья, искавшая нас по всему саду. Зла страшно. Водворилось неловкое молчание, изредка нарушаемое Зинаидой. Она все смеялась. Я сделал было попытку заговорить — но неудачно. Софья молчит, как убитая, Разумовский ей соответствует. Зинаида предлагает пройтись — «Идите, мы вас здесь подождем» — отвечает с ударением Софья. Пошли мы вдвоем. Говорили о многом. О том, прекратить существование нашего клуба или нет, — и что вообще делать. — Завтра пятница? — спрашивает Зинаида.

— Пятница.

— Пойдемте все эти три дня гулять.

— Почему же три?

— Пусть эти три дня будут наши. «Побалуемся» — а потом конец.

— Т. е. как конец?

— Т. е. как будто ничего не было. Как будто мы с вами только что познакомились.

— Ну, это будет нетрудно исполнить...

Я стал говорить, что люблю ее серьезно, что эта «игра», по ее выражению, является для меня чуть ли не вопросом жизни и смерти. Но она так и решила все-таки: пусть это будет «шалость». А потом... так неожиданно, что сердце у меня, как сумасшедшее, забилося:

— «Хватим» во вторую часть? — т. е. сада. А быть во второй части — значит состоять в самых близких отношениях.

— Хватим, — отвечаю я с трудом.

Пошли. Сердце выскочить хочет. Неужели? . . . думаю. И в то же время. . . ах, проклятое самонаблюдение. Слушаю, как «глупо» раздаются мои шаги в тихой аллее, думаю: как это комично: вот мы идем. . . целоваться.

Добрались до нашей обычной скамейки.

Сели.

— А как же те? спрашиваю — т. е. Соф(ья) и Р(азумовский).

— Семь бед — один ответ. Видно уже — кутим.

Я завладел ее рукой, наклонился к ней. Шепчу: «голубка моя». . . голос хриплый, чувствую, что совсем я ошалел. А в то же время. . . ах, проклятое самонаблюдение. Как это в сущности комично, думаю. Я не люблю, она не любит — а сейчас будем целоваться — а я вдобавок волнуюсь до безобразия. Любопытно, что она чувствует? Не бойсь то же. . . Комично! Думаю, а сам в то же время совершенно диким голосом повторяю: «люблю, люблю» — и все ближе склоняюсь. И чувствую вдобавок, что правая рука у меня сзади совсем без толку болтается. Нужно обнять ее — но я не могу. Злюсь на себя — но не могу. Наконец — губы мои коснулись ее щеки — и в то же время правая рука приобретает способность движения, я обнимаю ее и прижимаю к себе. Целую без конца. . .

— Довольно, довольно — пустите! . . . Сидите спокойно.

— Не могу, дорогая моя, голубка, не могу.

— Я раскаиваюсь, зачем я пошла. Эта игра — дурная игра.

— Если игра — зачем вы пошли?

— Мне жалко вас. . .

— Я жалости не хочу — и не приму. . . И кроме жалости, ничего нету?

— Не знаю. . .

— Скажите!

— Есть. . . нечто другое — но жалости больше.

Смеется.

— Что вы смеетесь?

— Так. . .

— Вы не хотите меня сделать вполне счастливым. Зачем вы делаете это?

— Что?

— Зачем вы *двоитесь*? Я чувствую, что должен сейчас быть к вам близко, близко, а вы своим смехом, своими словами воздвигаете между нами какую-то стену. . .

— Я жалею о том, что сделала. . . Во время этого разговора я продолжаю целовать ее — и *один раз* она отвечает на мой поцелуй. В голове проносятся скверные мысли. . . Ах, проклятое самонаблюдение! Думаю, таков я был, когда объяснялся с Зинаидой Сибилевой? Думаю: а почему это я сейчас, приложивши руку к ее груди, не чувствую возбуждения, вернее ошаления? Но стоит мне

только взглянуть на ее лицо — и я забываю все. Знаю одно, что люблю ее безмерно, что расстаться с ней — значит расстаться с последней радостью.

Долго сидели мы так. Она несколько раз хотела уходить, но оставалась. Наконец, пора была действительно уходить. Крепко крепко поцеловал я ее на прощанье. Она отвечала тем же. Клянусь честью! Когда я вспоминаю о ее поцелуях — я снова начинаю любить ее.

Потом Софья и Р(азумовский). Недовольство, ирония и даже злоба. Однако мы опять остались дорогой одни. Целовать нельзя было — но я жал ей руку, глядел в милое личико и говорил — о любви — бесконечно. Она опять смеется. Что это значит? — спрашиваю.

— Так, вспомнила.

— Да что?

— В прошлом году в это время я слышала как раз то же самое, те же уверения в любви, те же фразы — даже голос, интонация та же самая. Я опешил даже. Фу ты, черт возьми! Ведь это безобразие. Однако мне самому смешно стало и я, уже без всякой примеси трагедии, ответил, что и у меня ведь то же самое.

— Ведь эту самую фразу и я, наверное, в десятый раз повторяю, но — прибавил я — когда вы в десятый раз чувствуете боль, вы кричите, делаете те же жесты, что и в первый, — однако от этого боль не легче, ну и т. д.

Наконец мы расстались, с тем чтобы встретиться сегодня. Любопытно, что-то будет? З(инаида), наверное, будет рассказываться и будет преувеличенно холодна. Софья погрузится на дно меланхолии — одна. Панова будет только спрашивать господина, что с вами? И что-то буду делать я? О Владыко Господи Боже мой! Покарай нечестивых — но только в свое время, а пока дай как следует насладиться З(инаидой) новой и окончательно забыть З(инаиду) старую.

Когда я пришел вчера домой, я вспомнил, что вчера было — *тринадцатое августа*, т. е. третья годовщина нашего объяснения в любви с Сибилевой. Однако недурно я ее отпраздновал! Ровно в тот же самый час, в тот же самый день, в тех же словах я говорил когда-то о своей любви З(инаиде) — но только другой З(инаиде). Был я тогда молод, глуп, не занимался самонаблюдением — но, право, жаль того времени!

Итак, ровно три года любили мы с Сибилевой друг друга. А мне казалось — целую вечность. Теперь она не отвечает на мое письмо — значит, все кончено. Ну и слава Богу. Я уж не люблю ее почти. А если люблю — то ровно настолько, чтоб не влюбиться совсем в Зинаиду (новую) — А как я непостоянен! Ровно неделю тому назад меня привезли домой без чувств из кабака. Я сходил тогда с ума от любви к Сибилевой и не мог не пить а теперь?

О судьба, как я благодарю тебя, что ты развязала меня с З(инаидой). Буду опять жить и пользоваться жизнью!

Что-то будет нынче?

Довольно прискорбная вещь: приходится убедиться, что З(инаида) не любит меня. Во всяком случае, я решительно не могу понять ее поведения. Если она любит меня, то за каким чертом она так старательно обходит вопрос о любви, многозначительно молчит, изредка раздражаясь фразами вроде: «как я хотела бы быть вашей сестрой!», и, наконец, смеется, видя, что все это мучает и раздражает меня. Наоборот — если она меня не любит — почему не бросит она этой ерунды сразу, зачем позволяет целовать и обнимать себя, рискуя рассориться с сестрой и во всяком случае доставляя ей своим поведением много горя? Темна вода. Если она думает разжечь этим мою любовь — напрасно, она скорее погасит ее. Люби я ее в самом деле, до безумия — тогда ее поведение действительно заставило бы меня окончательно потерять голову, — а то ведь я только... увлекаюсь. Поцелуй и известная интимность могли бы раздуть это увлечение до серьезных размеров, а подобная неопределенность заставит меня плюнуть на все и искать утешения в другом месте. А мест этих немало: та же Женичка,⁴⁰ сейчас сердящаяся на меня, способна занять меня месяца на два. Я слишком самолюбив для того, чтоб играть роль осла, хотя бы эта роль и оплачивалась поцелуями. Мне нужно не только целовать — мне нужно любить, нужно иметь возле близкого человека — вроде З(инаиды), — которому я мог бы сбывать накопляющиеся в душе глупости.

Как бы то ни было, я доволен этой игрой. В ней страшно много комического и поучительного. По обыкновению, я больше наблюдаю за собой, чем действую, — и, должен сознаться, не напрасно. Я никогда не воображал, до чего сильна в такого рода любви роль рутины и памяти. Оказывается, в этой игре чувства даже самые неразумные и для меня убыточные, как, напр(имер), огорчение, злоба, возникают не сами собой, а по приказанию... разума. Дело происходит так. Дома, перед тем как идти на свидание, я думаю: каким я должен быть, сообразуясь с известными обстоятельствами? Решение: должен быть весел, беззаботен, стараться показать, что я «плюю» на ее равнодушие. Действительно, я являюсь таким. Далее: она говорит, что ей неприятна эта игра. Прежде чем сказать что-нибудь, я окидываю мысленным взором все подобные случаи, бывшие в моей практике и вычитанные, и стараюсь вспомнить, как поступал я в таких случаях. Вспомнил: в этих случаях я огорчился и принимал обиженный вид. И не успел я этого подумать, как я действительно огорчаюсь и вид у меня самый обиженный. И огорчен не только для показу, а ведь на самом деле, искренне. Но только что я огорчился — является новое соображение: да, в таких случаях я обыкновенно огорчился, но в данном случае, принимая во внимание его индивидуальную сторону, мне нужно, наоборот, выразить беззаботность и презрение. Однако это мне не удастся. Я поспел уже настолько огорчить себя, что вновь вернуться к беззаботности для меня невоз-

можно. Злюсь, обзываю себя дураком и окончательно огорчаюсь. Но вот она ласково взглянула на меня и сказала что-нибудь «любовное». Опять тот же процесс. Как поступал я, когда на меня ласково взглядывали? Старался словом или делом показать, что это вызвало во мне прилив любви. Не успел опять-таки подумать — прилив любви явился и я, с самым телячьим выражением, бормочу: ми—лая. . . Опять новое соображение: но ведь это удочка; тебе нужно не поддаваться на нее — но опять поздно. Опять ругаюсь, ибо каша ощущений получается страшная. И так все время. И раз только или два пришлось мне что-либо почувствовать без предварительных соображений о пользе и вреде данного чувства.

16 августа.
Воскресенье.

Это мне нравится. Наши отношения с З〈инаидой〉 принимают крайне курьезную форму. Вот подумашь, чего только на свете не бывает. Многократно влюблялся я, имел много романов — но такого не случалось. Комизм! Сидят двое в темной аллее, он пылает страстью, она до известной степени разделяет ее; сидят и разговаривают. . . о том, сколько раз он влюблялся и еще влюбится и что вообще за комическая вещь это наше самое сидение. Решаем вопрос о том, сколько приблизительно времени будет тянуться эта история — по нашему соображению в сентябре должна окончиться, и т. п. Наверное, ни одни на свете влюбленные не разговаривали так хладнокровно и объективно о своих чувствах и не разбирали их — с их комической стороны преимущественно.

Начался вчера вечер, однако не так спокойно. Я, под впечатлением кажущейся нелюбви З〈инаиды〉, начал с первого же слова играть комедию: смеялся, говорил черт знает о чем, избегал малейшего намека на наши отношения. В конце концов эта комедия расстроила меня самого: играй ее еще мы двое — ничего бы, а то ломаюсь один: З〈инаида〉 совершенно хладнокровно, без всякой задней мысли говорит о погоде, музыке — не подозревая, что, говоря об этом, я выказываю ей свое неудовольствие и т. д. Видя, что на этом коне далеко не уедешь, я перевел разговор на наши отношения — и каким-то образом между нами снова водворилось согласие. Я взял сперва ее руку, потом, как водится в таких случаях, обнял ее, потом стал целовать. Но все-таки она. . . ах, возмутительная З〈инаида〉 И〈вановна〉! не особенно балует меня: на все мои поцелуи она ответила только *одним* за весь вечер. Это, впрочем, хорошо. Поцелуи слишком опьяняют меня.

Что за удивительный я человек. Я замечаю в своем характере такие черты, которые не на шутку возмущают мое нравственное чувство. Так, например, сейчас мои мысли и мое чувство почти равномерно распределены между тремя: З〈инаидой〉 Сибилевой, З〈инаидой〉 Васильевой и Женичкой. Сибилеву я почти не люблю теперь. Как я рад этому — представить невозможно. Но я все-таки

думаю о ней: именно о том, что я ее не люблю и что она так же, очевидно, меня не любит. Последнее обстоятельство частью приятно мне, частью меня возмущает. Как! думаю — а клятвы, а слезы? и т. д. О Зинаиде, естественно, думаю больше всего — но и то, впрочем, не много. Нельзя собственно не думать: роман идет, ничего не поделаешь. Думаю отчасти и о Ж(еничке). О ней я стал думать с нынешнего только дня. Она положительно нравится мне. Нужно будет опять возобновить авансы. Ее глазки... трудно решить; чьи лучше: ее или З(инаиды). А Женичку на Рождество я больше любил. С З(инаидой), как она сама говорит, у нас игра, шалость — а тогда была совсем не шалость — для меня, конечно.

Один из узлов, слава Богу, распутался. До последних дней Софья не подозревала моих отношений с З(инаидой), и думала, что к ней, к С(офье), я отношусь по-прежнему. Положение мое поэтому было самое двусмысленное. Но со вчерашнего дня я официально признан принадлежащим Зинаиде. Произошло это благодаря тому, что З(инаида) рассказала — не все, конечно, а часть — Софье. Я удивляюсь, как хватило на это духу у З(инаиды). Результаты, однако, довольно благоприятные. Софья сказала мне одну фразу, очень удивившую и утешившую меня: н. к. п. р. п. ч. в. н. у., а м. в. м. (мы всегда так говорим, когда дело заходит о щекотливых вещах), т. е. пора расходиться нашему клубу, п(отому) ч(то) вам нужно уединение, а мы вам мешаем. Я изъявил согласие, и таким образом наш клуб скончался. Вечная ему память, — еще одним хорошим учреждением меньше!

Я начинаю пьянствовать, вернее «пить». Мне предписано пить перед обедом несколько рюмок красного вина. Очень часто и раньше я несколько злоупотреблял этим предписанием, выпивая вместо рюмки — бутылку, а теперь злоупотребляю регулярно: через день я упиваюсь весьма основательно, перейдя уже за бутылку. Ну да наплевать на все это. Как это ни странно, но, ей-Богу, я готов умереть во всякую минуту, и та самая холера, которая навела такую панику на всю Европу, для меня желанный гость!

А курьезные шутки выкидывает судьба. Как ловко сводит она людей, какими отношениями перепутывает их. Можно сказать — случай, но ведь из всего непонятного в мире — случай — вещь самая непонятная.

Напр(имер): существует трое людей: я, М. И. Лутохин⁴¹ и Разумовский. Все мы очень мало знакомы друг с другом, и очень друг друга не любим. Судя по этому, мы должны были бы быть как можно дальше друг от друга — а вместо того трудно найти людей, более связанных между собой, чем мы. И связало нас одно — женщины. Я представлю это в табличке, графически —

Я	}	Зинаида	Наталья,	З(инаида)	Соф(ья)
Лутохин		С(ибилева),	⟨Сибилева⟩	Васильева,	В(асильева).
		Зинаида	Наталья,	З(инаида)	—
Разумовский		С(ибилева),	⟨Сибилева⟩	Васильева,	
	Зинаида	Наталья,	—	Софья	
		С(ибилева),	⟨Сибилева⟩		В(асильева).

Кстати, переберу все имена, с которыми мне приходилось иметь дело: Зинаида — 2, Вера, Надежда, Любовь, Евгения, Варвара — 2, Лукерья, Александра, Елена, Ольга, Мария, Софья — 2, Эмма, Зоя, Вера и т. д., остальных не упомяну.

Из всего того, что говорила мне З(инаида), одно понравилось мне чрезвычайно, хотя, конечно, я не показал этого. Это отзыв ее о моей особе. Читатель дневника знает, конечно, степень моих умственных способностей, хотя и не совсем. Пусть же теперь узнает он, как говорят обо мне другие. Все женщины, с которыми я сходился, убеждены в одном: что я очень умен. Я сам лично не убежден в этом, однако приходится верить. Это говорила З(инаида) Сибилева, это сказала Зинаида, это говорят все, даже враги мои. Каждый почти день слышу я это. То какие-нибудь Коссовы хвалят мои способности и говорят, что с ними я могу звезды с неба хватать, то какой-нибудь Комаров ругает меня за то, что я зарываю в землю талант писательства, то, наконец, какой-нибудь Горшечников⁴² советует мне бросить все и идти в Академию Художеств. Неужели и вправду я умен? Ведь не все ж дураки, которые говорили это. Та же Сибилева: она знает меня три года, знает, как свои пять пальцев, — и говорит, что умнее меня не встречала.

Затем, относительно красоты. Я люблю свою физиономию, но я многим недоволен в ней. Я иногда с удовлетворением смотрю на себя в зеркало; удачная поза, удачное освещение делают меня иногда полным красавцем, так что я даже с художественной точки зрения не нахожу, в чем упрекнуть себя. Но вообще я не нахожу себя красивым. Поэтому меня всегда чрезвычайно удивляет и радует, когда я слышу это. А это бывает часто. Иной раз идешь по улице и слышишь из прекрасных уст: «какой красавец!» И вчера меня до глубины души тронула фраза Зинаиды — «Вы вчера были так красивы, что я жалела, почему я не художник, не могла наглядеться на вас». — Таким образом, самый уместный теперь вопрос — это какого ж рожна мне от Г(оспода) Бога нужно?

17 августа.

Понед(ельник).

Вечер вчера проведен был отвратительно. Мы четверо поехали на лодке — по инициативе Зинаиды — но с половины дороги вернулись: у инициатора заболела голова. Я, обозленный уже тем, что З(инаида) предложила ехать на лодке, зная, что таким образом нам не придется остаться вдвоем, расстроился окончательно. Что буду делать я весь вечер? представился мне вопрос. Оказалось, что с успехом можно заняться только одним — водкой.

Вместо того как-то случайно вышло, что я вдвоем с Софьей отправился гулять. Когда после этой прогулки я возвращался домой, я был страшно зол на себя — и, несмотря на это, смеялся. Уж больно комично все это, так комично, что и нарочно не придумаешь. Ты, читатель, думаешь, наверное, что я объяснился в люб-

ви с Софьеи, — ошибаешься. Совсем наоборот. Объясниться я объяснился — но только в дружбе. Да, мы теперь друзья. И вот ближайшие результаты.

— Не задумывайтесь, Л(еонид) Н(иколаевич), не хандрите, — говорит мне С(офья), видя мой нос на квинте^н.

— Эх, С(офья) И(вановна), как тут не хандрить. Не доведет до добра эта «история» (под этим именем нами подразумеваются мои отношения к Зинаиде).

— Почему вы так думаете?

— Я не имею почти никакой надежды.

— На что?

— Что меня когданибудь полюбят.

— А я думаю наоборот. По всему я вижу, что Зина — что вы на половину добились этого.

— Да нет уж, не утешайте, — с бесконечной грустью произношу я.

— Серьезно вам говорю. Я лучше вас знаю Зину — и все мои наблюдения говорят, что успех будет.

— А—ах! продолжаю томиться я — вашими бы устами да мед пить. Нет, не будет, не будет — (горестный вздох).

— Да откуда вы это взяли?

— Да нет уж, что там говорить!

— Объясните же мне, пожалуйста, из чего вы это заключили? Говорила она вам что-нибудь?

— Да, говорила, — протяжно вздыхаю я.

— Что?

— Так, вообще — А—ах.

— А верите ее словам? — улыбается Софья.

— Н — не особенно, — отвечаю я, — но я верю ее поступкам.

— Ну, так вы их плохо очень понимаете. Вчера еще заметила, как сильно противоречат ее слова поступкам и т. д.

Да, читатель, вот до какого комизма дошли мы. Софья которой неделю тому назад я чуть не в любви объяснялся, утешает меня и уверяет в любви Зинаиды. *Mirabile dictu, horribile visu!*^к

18 августа

Преотвратительно чувствую себя весь день. Ах эта З(инаида) И(вановна), З(инаида) И(вановна), — не доведет, и вправду, она меня до добра. Положительно, она переходит уже границы возможного.

Ведь это трудно себе представить — но вот сколько времени прошло после объяснения, сколько говорилось по поводу нашей любви — и я ни на йоту не чувствую себя ближе к З(инаиде), для

^н Повесить нос на квинту (*разг. шутл.*) — приуныть.

^к Странно слышать — страшно видеть (*лат.*)

меня до сих пор нерешенный вопрос, как относится ко мне Зинаида) и как самому мне относиться к ней.

Она говорит, что очень любит меня — и сейчас же противоречит своим словам. Например), начал я говорить ей о том, что для меня страшно тяжело это неопределенное положение, что я люблю ее и не могу, не в силах разговаривать с ней о разных неинтересных для нас вещах, в то время как сердце мое полно любви. — Ах, как это избито и пошло! — с гримасой отвращения произносит Зинаида.

Я удивляюсь.

Т. е. что? спрашиваю.

— Да вот все то, что вы говорите о любви.

Я возмущен до глубины души. Говорил я искренно, — и вдруг «пошло и избито»!

— Мы, Зинаида) Ивановна), не мудрецы, отыскивающие новую истину, а несчастные комедианты, в миллионный раз разыгрывающие избитый фарс. Было бы слишком дерзко требовать новых слов и новых чувств в той самой любви, которая наших еще прародителей выгнала из рая.

Такого вот рода словечками она совершенно лишила меня дара слова. О музыке говорить я не могу и не хочу — а о любви заговорить, рискуешь услышать «пошло и избито».

Благодаря этому возможны такие картинки. Сидим мы с ней вдвоем в темной аллее. Я сгораю от любви, на языке у меня тысячи ласкательных слов — и я достаю из кармана двадцатую папиросу, молчу и курю, курю и молчу. Наконец, не выдерживаю.

— Скажите мне окончательно, Зинаида) Ивановна), как должен я к вам относиться?

— Как к хорошей знакомой.

— Но ведь вы знаете, что я вас люблю и поэтому так относиться к вам не могу.

— Ну тогда относитесь так, как находите лучше.

— Ну а вы-то?

— Мне все равно.

Опять обозяюсь. Опять курю и молчу.

— Ну, о чем вы задумались, не хандрите. . . Леонид) Николаевич), слышите?

Молчу.

Она берет мою руку, гладит ее. Заглядывает мне в лицо.

— Ну, голубчик, перестаньте. Я не понимаю, чего вам нужно.

— Мне нужно, чтоб вы хоть немного полюбили меня. . .

— Да я вас люблю. . . очень.

Раздражение мое пропадает. Становится смешно. Я беру ее руку, целую. . . Обнимаю ее — через мгновение она вырывается и смеется.

— Чего вы?

— Да так. . . Вы меня не любите, вам хочется только «лизаться».

Совсем швах дело. Как это ни смешно, но я не на шутку влюбился в З(инаиду) и не на шутку страдаю. Что дальше делать и что дальше вообще будет — решительно недоумеваю. По теории-то все ясно выходит: нужно выкинуть из головы З(инаиду) и заняться другим объектом. Да — ну а на практике совсем не то. Гайка слаба, как говорится. И выкинуть не могу, и другой объект на ум не идет. После вчерашнего разговора, которого я, к сожалению, не окончил и который довел меня в конце до белого каления, я решил, что в сад сегодня не пойду и постараюсь вообще, насколько это возможно, ослабить проклятые путы, так неосторожно надетые на себя. Решение, как видно, хорошее, к сожалению только неисполнимым оказалось. По долговременном размышлении оказалось, что дома я не высижу — с тоски ошалею. Есть у меня и дело — начатый давно уже рассказ, но делом этим заняться я могу тогда только, когда с сердечной стороны у меня все благополучно. В результате — отправляюсь сегодня в сад, прямо как на казнь. Только зашел в сад — видел вдалеке Васильевых, но они меня не заметили. Когда через десять минут я стал искать их — их уже не оказалось. Очевидно, ушли домой. И такая тогда обуяла меня тоска — прямо хоть в воду. Что ж я, думаю, делать теперь буду? Тоска, тоска, да и только. Подошел к Женичке, гулявшей с сестрой, думал порассеяться — не тут-то было — хуже только сделалось. Дело в том, что Ж(еничка) теперь нисколько, очевидно, не симпатизирует мне — и я это заметил. Хотя я совсем не думал ухаживать за ней, да и у самого меня всякое чувство к ней давно исчезло — но все-таки жаль как-то стало. Все-таки прежде, в минуты горькие, легче становилось, как подумаешь, что тебя любят, — а теперь и этого утешения не осталось.

Нужно мне закончить с собой. Так жить, как я живу, — невозможно, перед самим собой совестно. Во что я обратился — подумать противно. Только у меня и речи, только и мыслей, что о своем «я», своих ощущеньицах. Измельчал до последней степени. Самому себе опротивел до того, что без отвращения слова «я» произносить не могу. А вместе с тем не в силах отделаться от него. Лезёт проклятое в голову, на все лады переворачивается — но лезет. То думаю о том, что мне грустно, пот(ому) что З(инаиду) нынче не видел, то думаю о том, что скверно так много о себе думать, то, поймавши себя на этой мысли, ругательски ругаюсь и начинаю думать, что нужно *мне* что-нибудь сделать с собой, — но все «я», «я», проклятое, ненавистное «я».

20 августа.

Вчерашний вечер начался при чрезвычайно грустных обстоятельствах. Мне показалось, что З(инаида) совершенно не любит меня, и я, преисполнившись отчаяния, сидел медведем. Зин(аида) была равнодушна и не только равнодушна, но прямо враждебна.

Выражала явное нежелание оставаться вдвоем, для чего про-сила Софью не оставлять нас — одним словом, обозлила меня до последней степени. Однако каким-то образом пришлось остаться вдвоем. Софья, кажется, устроила это. Сидим. Я, под влиянием всех нанесенных мне обид, — молчу. З(инаида) тоже. Предлагает, наконец, мне «рассказать что-нибудь». Я уклоняюсь под предлогом неохоты. Тогда, очевидно рассердившись, она отправляется со мной к «своим», и, когда мы находим «своих», не хочет даже рядом идти, — берет С(офью) Д(митриевну) под ручку. В конце концов они трое отправляются слушать гармонистов, а я остаюсь один, размышляю: «что же мне теперь делать? Конiec, значит?» Трудно говорить, но при этой мысли чувствовалось так скверно, что я чуть не плакал. В самый разгар размышлений слышу:

— Я вам не помешаю? — и возле меня садится Софья. Думаю, неспроста подошла, — так оно и оказалось.

— Л(eonид) Н(иколаевич), зачем вы мучаете себя и других? Я изображаю удивление.

— Зачем вы так упорно не хотите говорить с Зиной?

— Я? Не хочу? не наоборот ли? Вы видите, что З(инаида) И(вановна) старается избегать меня.

— Вы, должно быть, рассердили чем-нибудь ее, когда оставались вдвоем. Прекратите это, Л(eonид) Н(иколаевич), а то и себя расстроите и З(ина) опять будет больна из-за вас!

— Т. е. как опять больна?

— Да так. Вот вас вчера мы не нашли в саду — и Зина очень расстроилась.

— Вы думаете это?

— Не думаю, а знаю, п(отому) ч(то) Зина сама говорила мне это.

— Из-за меня?

— Из-за вас.

— Не верится.

— Я вас уверяю. Вы еще накануне очень опечалили ее — не хотели с ней ехать на лодке.

— Да, но ведь сами знаете — вчетвером. . .

— Она предлагала вдвоем.

— В таком случае я не понял.

— Ну, вот в том-то и дело. Очевидно — недоразумение, а вы оба страдаете. Только дайте слово, что не скажете Зине про наш разговор.

— Даю. Мне бы очень хотелось поговорить с З(инаидой) И(вановой). . .

— Мы это устроим.

И устроила. Дальше всякая история кончается. Мир и контрибуция. З(инаида) была, сверх обыкновения, чрезвычайно ласкова и проста. Только разок, да и то слегка, ошарашила меня, заявивши:

— Вы вчера были для меня интересней. . .

— Почему?

— Было, знаете, слегка досадно... ну и т. д.

Одним словом, все благополучно и я должен быть счастлив. Однако... и т. д.

Но какова Софья?

21 августа.

1 ч(ас) ночи.

Счастливые народы и люди истории не имеют. Не имеем ее и мы с Зинаидой. Тишь да гладь, да божья благодать. Виделся с ней в саду вчера и сегодня. Совсем ее не узнаю. Воркует не хуже меня. Прежней... как бы сказать — увертливости и следа нет. Так горячо целует меня, что как будто и не она говорила еще на днях: страх не люблю лизаться. Пришла сегодня в сад, хотя погода была отвратительная. Одним словом — *optima!*¹

Я, по обыкновению, добившись своего, чувствую себя счастливым только отрицательно — т. е. не чувствую страданий — но и наслаждений тоже. Минутами разве только чувствую себя хорошо — когда у меня является приступ любви к З(инаиде), что обыкновенно бывает — при взгляде на ее личико. В остальное время больше анализирую.

Получил письмо от Сибилевой. Пишет то, чего и ожидал: «К чему рвать. Она меня любит, без меня чувствует себя скверно. Только не нужно ничего от нее требовать. В Петерб(урге) умерло от холеры столько-то. Твоя З(инаида) С(ибилева)».

Что прикажете отвечать на такое письмо?

23 августа.

Не знаю просто, что с собой делать. Не могу описать того состояния, в каком нахожусь все эти дни. Меня мучает мое «я». Как будто разделился я на две половины. Одна смеется, скучает, говорит, ухаживает, целуется — а другая не сводит с нее глаз и ежеминутно спрашивает: «Ну что, как? Весело? а зачем это? к чему? — и с иронией прибавляет: а вот сейчас станет скучно. Да и сейчас скучно, а это ты обманываешь себя, что тебе весело. Обманываешь, обманываешь!..»

И никуда уйти не могу от этого «я». Сяду ли за рассказ — чувствую, что стоит кто-(то) за мной и с иронией говорит: «Ты думаешь, не знаю, зачем ты сел писать? — чтоб уйти от меня. И рассказ тебе не нужен, ничего тебе не нужно, — тебе скучно, скучно и хочется уйти от меня. Но ты не уйдешь. Везде с тобой, всегда ты мой. Вчера ты целовал З(инаиду) — а сам что думал? — Думал: вот оно, проклятое „я“: смотрит на меня!... Да я и смотрело. И сейчас смотрю. Напрасно ты пьешь — не уйдешь все равно. Ты мой, безраздельно мой. Ты сейчас шутил с матерью, с теткой —

¹ в высшей степени! (лат.).

что ж, шути: меня не обманут ни шутка твоя, ни улыбка. Ты смеешься, а в душе у тебя отчаяние и ты спрашиваешь: а где *оно*, это „я“. Здесь, с тобой, в тебе, всегда, всегда». И чувствую, что это правда. И чувствую, что весь я — ложь. Рассказ — ложь, шутка — ложь, поцелуи — ложь. Одно правда — стоит за мной «я» и спрашивает, и смеется: «что, ушел? нет, не уйдешь! Спать будешь ложиться — последняя мысль: а где это „я“? Проснешься — первая мысль: сейчас „я“ явится!» И явлюсь, и буду с тобой, и нет тебе ни счастья, ни покоя, ни скуки, ни тоски — а есть для тебя одна ложь, ложь и ложь!⁴³

6 сентября.
8 ч(асов) вечера.

Сегодня кончается мой роман с З(инаидой) — она уезжает в Москву, куда С(офья) уехала еще 25. Покойников поминают хорошо — помянем и этого покойника добрым словом. Я почти не любил, она почти не любила, — но дело не в этом. Были луна, лодка, дальние прогулки, горячие поцелуи и речи и прочая поэзия любви. И если любовь у нас была фальсификация — так это просто дух времени. Нужно добавить, что любовь кончается вовремя — становилось скучно.

Общее положение дел таково. Моя хандра сравнительно прошла, и я все время ревностно занимаюсь рассказом; сперва ожидал от него большего проку и работал с увлечением, теперь — только по инерции.

— Неожиданно сделался общественным животным: принимаю участие в спектакле в пользу д(ома) труд(олюбия) и два дня в неделю дежурю в народных столовых. Все это имеет главной целью — расширение знакомств, увеличение житейского опыта и изощрение наблюдательности.

С З(инаидой) Сиб(илевой) — примирение. Я пишу, она пишет, я целую — она целует. Никак не могу отделаться от глупой привычки любить ее.

11 сентября.
Пятница.

Чувствую себя ужасно. Как мне жить — хоть убей, не знаю. А жить нужно, и хочется. Решительно не могу жить, как живут люди. Только в одном случае чувствую я свою жизнь и полной, и хорошей — это когда являются припадки творчества. Но они так редки, эти припадки. Один только месяц в году, не больше. А что ж делать остальные 11? Вести такую же изолированную от общества жизнь и тратить все силы на большую любовь к какой-нибудь старой или новой Зинаиде, как делал я весь этот год, — немыслимо, противно. Я ведь человек и, несмотря на свое глубокое падение, все-таки хотел бы хорошего. Это время я лелеял себя мечтой о широкой общественной жизни, какую поведу в П(етер-

бурге), — эта мечта оказалась неисполнимой. Я не могу быть с людьми, хотя страстно хочу этого. Попробовал я принять участие в этом спектакле и прочем — и вот результаты. Ужасно, ужасно! Все отравлено ложью, этой ложью, к(отор)ая не позволяет мне оставаться с собой. Ни одной минуты не остаюсь я самим собой, ни одной минуты, в к(отор)ую я не *наблюдал* бы за самим собой и не говорил бы: ты говоришь это для того, чтоб понравиться тому-то; ты печален для того, чтоб произвести такое-то впечатление. И эта постоянная комедия, ломанье перед самим собой так тяжело и мучительно. Я не могу быть один, не могу быть с людьми — что ж делать, что?

20 сентября.

Послал нынче письмо З(инаиде), вероятно последнее⁴⁴ По крайней мере, решительно предлагаю ей разрыв. Говорю: или все, или ничего. Всего дать она не может, а той полу-любовью, какую она мне предлагает, я удовольствоваться не могу. Пока я был занят Васильевой и писаньем, мне было наплевать, целую любовь дает мне Зинаида или часть. А теперь я хочу всего. И так как занят я чем-нибудь один месяц в год, остальное свободен — то, стало быть, мне придется переносить чертову гибель мучений из-за выеденного яйца. И потом я не хочу, чтоб со мной гибла и З(инаида), а это неминуемо, если наши отношения продолжатся.

Но рвать мне тяжело. Не знаю, как обойдусь я без З(инаиды). Предчувствую, что придется выпить массу водки, видя ее чужой мне, любящей другого.

Конец II-ой части.

¹ Источник эпитафии не установлен

² Часть первая (том II) была начата 3 сентября 1891 г., по приезде в Петербург, и окончена 6 февраля 1892 г. (ксерокопия — ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 18, подлинник — в Русском архиве в Лидсе (Великобритания))

³ Любопытно сравнить это обоснование причин, по которым Андреев возобновляет ведение дневника, с теми задачами, которые он ставил перед собой раньше, а именно в начале 1890 г. По свидетельству А. Звигильского, следующая запись была сделана Андреевым в 18 с половиной лет по мнению Андреева, дневник должен быть «собранием систематических и ясно сформулированных записей всего, что происходит как во мне, так и вне меня» (*Zviguilsky A. Op cit P 147*) О значении дневника в формировании творческой личности Андреева вспоминал его товарищ по гимназии И. Н. Севастьянов «Главным достоинством Андреева как писателя, по моему мнению, является его прекрасный язык, и, я полагаю, это потому, что он всегда вел очень старательно и аккуратно дневник, стараясь писать его литературно и посвящая ему много времени по ночам» (цит. по Фатов С. 231)

⁴ В августе 1891 г. Андреев был зачислен на Юридический факультет Петербургского университета. В воспоминаниях брата писателя, Павла Николаевича, ошибочно указана дата поступления в Университет — 1890 г.

⁵ Сибилева Зинаида Николаевна, в замужестве Паутова — юношеская любовь Андреева. Она на год раньше закончила Орловскую гимназию и поступила

в Петербургский университет, именно поэтому Андреев тоже решил поступать в Петербургский, а не в Московский университет. За этот период сохранилось большое количество писем Л Андреева к З Сибилевой, которые хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ. Впоследствии З Н Сибилева вышла замуж и уехала с мужем куда то в Сибирь, но и после отъезда Андреев поддерживал отношения с нею, о чем свидетельствует письмо к Сибилевой за 1902 г. В дальнейшем судьба ее неизвестна.

⁶ Вольный пересказ стихов Нового завета «Тако должны суть мужие любити своя жены, яко своя телеса Любя и бо свою жену, себе самого любит никто же бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Господь Церковь» (Еф V, 28—29)

⁷ На Рождество Андреев ездил в Орел. Л Н Дмитриевой он писал «Приеду я в Орел 10-го или 11-го» (письмо от 24 ноября 1891 г — ОГМТ, № 2630)

⁸ Андреев несколько раз совершал попытки самоубийства. Мысли о смерти постоянно занимали его. О том же свидетельствуют и другие записи в дневниках Так, А Звигильский, говоря об одном из неизвестных нам дневников, сообщает «Идея самоубийства постоянно присутствует в этом юношеском дневнике, как и в его жизни» (*Zviguilsky A Op cit P 149*) Биограф Андреева В В Брусняин в своей книге «Леонид Андреев Жизнь и творчество» (М, 1912) настаивал на том, что причины этих попыток были «не личного характера». Сам Андреев писал, например, Дмитриевой «Пишу к вам из больницы св Марии Магдалины. Нахожусь я здесь с 16, вернее, 15 февраля, именно с того самого часа, когда я имел глупость нанести себе рану ножом в бок» (письмо от 18 февр 1892 г — ОГМТ, № 2632). Характерно, что, называя причины случившегося «ничтожными», Андреев оговаривается «Впрочем, я даже не знаю причин, знаю только одно, что давно уже нахожусь в заколдованном кругу с единственным для него выходом — самоубийство» (там же). О распространенности самоубийств среди молодежи вспоминает брат писателя (Литературная мысль Л, 1925 [Кн] 3 С 152)

⁹ А Поляков — очевидно, орловский гимназист, товарищ Андреева. Сведений о нем обнаружить не удалось. Ж — видимо, Е Н Хлуденева — см примеч 22

¹⁰ Васильева Софья Ивановна — орловская знакомая Андреева. О ней и ее сестре Зинаиде Ивановне см дальше в дневнике Васильевы, очевидно, жили в Москве (или учились там), а летом приезжали в Орел.

¹¹ Дмитриева Любовь Николаевна, в замужестве Тухина — близкий друг Андреева. 10 писем Андреева к Дмитриевой хранятся в Орловском государственном музее И С Тургенева. Как и письма к Сибилевой, они носят исповедальный характер и во многом напоминают дневниковые записи Андреева. Из этих писем видно, что Дмитриева оказывала будущему писателю денежную помощь в трудные для него студенческие годы.

¹² Арбузов Алексей Петрович — соученик Андреева по Орловской гимназии, который позднее, очевидно, учился в Москве. Его имя встречается в письмах к Дмитриевой и Сибилевой. В дневнике говорится об «оживленной переписке» с Арбузовым, однако письма Андреева к этому корреспонденту неизвестны.

¹³ Реймер Эмма Васильевна — курсистка, подруга Сибилевой.

¹⁴ Судя по записям, первым экзаменом Андреев сдавал Русское право — 8 апреля, хотя в Свидетельстве, выданном 20 августа 1893 г. Петербургским университетом, говорится, что экзамены были сданы в мае. Возможно, Андреев сдавал их досрочно, чтобы раньше приехать в Орел. В свидетельстве значится «на экзаменах показал следующие познания в Истории Римского права, Истории Русского права, Политической экономии — отличные (5), в Энциклопедии права и Истории Философии права — хорошие (4)» (Фатов С 281).

¹⁵ Буквальный перевод французского фразеологизма «brûler la chandelle des deux bouts» — прожигать жизнь.

¹⁶ «Пессимизм» был одной из постоянных тем размышлений Андреева. Шопенгауэр оставался одним из любимых его философов. 30 октября 1890 г. Андреев писал Сибилевой «Опять начинаю в гартмановщину и шопенгауэрщину погружаться. От плохой жизни пессимизм обуревать начинает» (ИРЛИ, ф 9, оп 2, ед хр 26, л 22—22, об.)

¹⁷ Это место в дневнике интересно сравнить с аналогичным в письме к Дмитриевой от 28 апреля 1892 г. «Ну, голубушка моя, кажется, в моей жизни начинается поворот к лучшему. Один, о котором я вскользь упомянул вам, состоит

в том, что рассказ мой будет напечатан Это было моим первым опытом — к счастью, удачным Теперь я уж с уверенностью последую своей склонности и займусь не на шутку писательством Я уверен, что меня ожидает успех если я поработаю над собой и отброшу свой проклятый пессимизм, который связывал меня до сел по рукам и ногам, я добышу и денег, и славы, и всего, чего душа пожелает А я теперь хочу работать, я уже отбросил почти пессимизм» (ОГМТ, № 2134) В этом же письме Андреев пишет о желании сдать все экзамены на «отлично», чтобы получить стипендию

¹⁸ Хотя Андреев и не был «индифферентистом», его скептицизм в отношении различных кружков и партий сохранился до конца жизни Основы этого, очевидно, лежат в глубоком кризисе народнического движения, когда формировались взгляды будущего писателя

¹⁹ Начало стихотворения С Я Надсона (см *Надсон С Я* Полн собр стихотворений М, Л, 1962 С 221—222)

²⁰ См примеч 13

²¹ Бодиско Александр Александрович — знакомый Л Андреева и З Н Сибиловой

²² Хлуденева Евгения Николаевна (урожд Стрежелецкая) — воспитанница начальника Витебско-Орловской железной дороги Андреев был одно время увлечен ею Случай на Рождество, который в действительности, по воспоминаниям мемуаристов, произошел с Хлуденовой, лег в основу рассказа Андреева «Смех» В письме от 24 февраля 1891 г к З Н Сибиловой Андреев сообщал о том, что «Наталья (сестра Зинаиды — Н Г) хлопочет у Хлуденева о месте для Варвары (еще одна сестра Зинаиды — Н Г)» (см ИРЛИ, ф 9, оп 2, ед хр 26, 57 г об)

²³ В средние века схоластикой называли религиозно-идеалистическую философию, ставившую своей целью теоретически оправдать и подкрепить с помощью системы чисто формальных логических аргументов церковные догматы В переносном смысле схоластика — беспредметное, пустое, бессодержательное, оторванное от реальной жизни умствование

²⁴ Так, по воспоминаниям брата Андреева, Павла Николаевича, называли Леонида в семейном кругу

²⁵ По философии права Андреев получил оценку «хорошо»

²⁶ Алексей Петрович Арбузов Приводя этот отрывок в своих воспоминаниях, Павел Николаевич Андреев пояснил, что речь здесь идет о товарище Андреева, студенте, покончившем с собой, который впоследствии стал прототипом героя «Рассказа о Сергее Петровиче» По воспоминаниям товарища Андреева по гимназии В Еловского, студент, покончивший с собой и выведенный впоследствии в упоминавшемся рассказе, был Григорий Петрович Третьяков (см Фатов С 239—240)

²⁷ Не совсем точная цитата из стихотворения С Я Надсона «Мне кажется, что я схожу с ума » Ср у Надсона 5-я строка «Кто мне укажет путь? Чей голос усыпит » (*Надсон С Я* Полн собр стихотворений С 378)

²⁸ Первый рассказ Андреева «В холоде и золоте» появился в апрельском номере журнала «Звезда» за 1892 г См об этом Иезуитова Л А Первый рассказ Леонида Андреева С 183—187

²⁹ Следующая затем запись до слов « при смерти отца, а » — написана неровным почерком, свидетельствующим о возбужденном состоянии Андреева По сообщению Звигильского, в других дневниках тоже имеются записи, сделанные в нетрезвом состоянии (*Zviguilsky A Op cit P 148*)

³⁰ Цитата из Евангелия Речь идет о том, что, ввиду строгости обязанностей мужа по отношению к жене, лучше не жениться, Христос на это отвечал «Не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так, и есть скопцы, которые осклоплены от людей, и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного Кто может вместить, да вместит» (Мф, XIX, 11—12)

³¹ Характерно, что в раннем дневнике семнадцатилетний Андреев писал, что «в будущем он непременно завоюет себе звание „знаменитого писателя“ и своими писаниями разрушит и религию, и мораль и закончит свою жизнь всеразрушением» (по воспоминаниям В В Бруснянина — см *Бруснянин В В* Леонид Андреев Жизнь и творчество М, 1912 С 55)

³² Отец Андреева, Николай Иванович, умер в мае 1888 г., когда Леонид учился в шестом классе гимназии

³³ Аттестат об окончании Орловской гимназии Андреев получил весной 1891 г.

³⁴ Лето 1892 г Андреев провел в Орле

³⁵ Это «прощальное» письмо в Рукописном отделе ИРЛИ (ф 9, оп 2, ед хр 26, л 226—227, об.)

³⁶ Панова Софья Дмитриевна — двоюродная сестра Андреева, друг детства и юности Сохранились письма Андреева к Пановой, которые приводит в своей книге Фатов, а также воспоминания Пановой об Андрееве, записанные Фатовым в Орле в 1922 г (см Фатов С 197—207)

³⁷ Протопопов — орловский знакомый Андреева, о Софье Васильевой см примеч 10

³⁸ Разумовский Леонид Петрович — орловский знакомый Андреева, который, очевидно, учился с ним в Петербургском университете

³⁹ Название части городского сада в Орле

⁴⁰ См примеч 22

⁴¹ Орловский знакомый Андреева

⁴² Горшечников Николай Иванович — преподаватель истории в Орловской гимназии В ОГМТ хранится сборник рассказов Андреева с автографом «Николаю Ивановичу Горшечникову с благодарностью за редкие, хорошие минуты, проведенные в гимназии на уроках истории, от прежнего ученика

Леонида Андреева 1902 г.»

⁴³ Здесь намечена тема одного из ранних рассказов Андреева — «Ложь»

⁴⁴ Это письмо от 19 января 1892 г находится в Рукописном отделе ИРЛИ (ф 9 оп 2, ед хр 26, л 245—246, об.), однако оно не было последним

ЖАН ШЮЗЕВИЛЬ ПИСЬМО К Н. С. ГУМИЛЕВУ

Публикация М. Д. Эльзона

В истории русско-французских литературных связей начала XX в. существенное место занимает издание «Антологии русских поэтов» Жана Шюзевиль¹ В книгу вошли стихотворения Вл Соловьева, Д С Мережковского, Н Минского, З Н Гиппиус, Ф Сологуба, К Д Бальмонта, В Я Брюсова, А Белого, А А Блока, Вяч Иванова, И Ф Анненского, М А Кузмина, М А Волошина, Н С Гумилева, А Н Толстого Вступительная статья принадлежит В Я Брюсову² Посредник русской литературы во Франции, поэт, критик и переводчик Жан Шюзевиль осуществил также издание сборника русских народных сказок (в своем переводе), переводил и публиковал стихотворения и повести Пушкина, перевел и издал сборник рассказов В Я Брюсова «Земная ось» (Paris, 1914)³

Публикуемое письмо Ж Шюзевиль к Н С Гумилеву (ИРЛИ, р 1, оп 5, № 505) отражает эту сторону деятельности французского литератора

В антологии Ж Шюзевиль были помещены переводы четырех стихотворений Н С Гумилева «Камень», «Попугай», «Основатели» и «Озеро Чад», которым предшествовала справка об авторе⁴ Судя по публикуемому письму, отбор был произведен самим Н С Гумилевым, а перевод осуществлен Ж Шюзевилем Это обстоятельство должно быть особо отмечено по двум причинам Во-первых, во вступительной статье Т Г Динесман к публикации брюсовского предисловия

к французской антологии высказано предположение о том, что состав и композиция сборника были осуществлены Ж Шюзевиелем исходя из замысла В Я Брюсова⁵ Скорее всего, отбор все-таки осуществлялся самими авторами (кроме, естественно, Вл Соловьева и И Ф Анненского) Во вторых, и это особенно важно, письмо Ж Шюзевиля не оставляет никаких сомнений в том, что стихотворения Н С Гумилева, помещенные в «Антологию», не были автопереводами Мы не знаем, каким образом шюзевиелевский перевод «Камня» («La Pierre») оказался в записной книжке Н С Гумилева, — может быть, поэт переписал его из какого-либо журнала или газеты, где это стихотворение было впервые помещено Как бы то ни было, текст перевода был записан рукой Н С Гумилева и на этом основании включен Г П Струве в раздел «Французские автопереводы Гумилева»⁶ При этом в комментарии указано, что этот «автоперевод» публикуется впервые (правда, с оговоркой «насколько нам известно»)⁷

Письмо Ж Шюзевиля к Н С Гумилеву не датировано Судя по тексту, оно написано весной 1910 г Об этом свидетельствуют как упоминание о планах на 1910/1911 г, т е сезон, так и «нижайший поклон госпоже Гумилевой» (бракосочетание Н С Гумилева и А А Горенко (Ахматовой) состоялось 25 апреля 1910 г)⁸

Перевод письма осуществлен П Р Заборовым

¹ *Chuzeville Jean* Anthologie des poetes russes Paris, 1914

² Публикацию оригинала по беловому автографу см ЛН 1976 Т 85 Валерий Брюсов С 200—204 (публикация Т Г Динесман)

³ Об отношениях Ж Шюзевиля и В Я Брюсова см там же С 200—201

⁴ *Chuzeville Jean* Op cit P 271—283

⁵ ЛН Т 85 С 201

⁶ *Гумилев Н* Собр соч В 4 т Вашингтон, 1964 Т 2 С 267—268

⁷ Там же С 345

⁸ См Коротко о себе // Ахматова А Стихотворения и поэмы Л, 1977 С 20

J. Chuzeville.
Villa Mirandola — Brunate.
Como (Italie).

Cher Monsieur,

Je me permets de me rappeler à votre souvenir, car je désirerais savoir où en sont demeurés vos projets. Si vous aviez aperçu quelque obstacle à leur réalisation, je vous serais reconnaissant de vouloir bien simplement m'en avertir.

Comme je vous l'ai dit, je passerai selon toute probabilité l'année 1910—1911 à Rome. Pour l'instant je suis aux environs de Côme où je séjournerais encore un mois.

Il serait bon que l'on m'expédie ici quelques-uns au moins des ouvrages à traduire. Ma santé s'est bien améliorée et je crois que je pourrai travailler avec succès.

Agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués

J. Chuzeville.

Tous mes compliments à Madame Goumileff.

Перевод:

Ж. Шюзевиль.
Вилла Мирандола—Брунате.
Комо (Италия)

Сударь,

я решаюсь напомнить Вам о себе, ибо хотел бы узнать, как определились Ваши планы. На пути к их осуществлению Вам могло встретиться какое-то препятствие, в таком случае я был бы Вам признателен, если бы Вы прямо мне об этом сказали.

Как я Вам говорил, по всей вероятности я проведу 1910—1911 год в Риме. В настоящее время я нахожусь в окрестностях Комо, где пробуду еще месяц.

Было бы хорошо, чтобы мне прислали сюда хотя бы некоторые из тех сочинений, которые следует перевести. Здоровье мое вполне поправилось, и я полагаю, что смогу успешно работать.

Примите, милостивый государь, уверение в моей душевной симпатии и преданности.

Ж. Шюзевиль

Мой нижайший поклон госпоже Гумилевой.

**«ИСККУСТВО ДЛЯ ВСЕХ»
ИЛИ «ИСККУСТВО ДЛЯ КАЖДОГО»?
(М. А. ВОЛОШИН О ТВОРЧЕСКИХ ШКОЛАХ ДЛЯ НАРОДА)**

Публикация В. П. Купченко

14 ноября 1920 г части Красной Армии заняли Феодосию. А уже 19 ноября Максимилиан Волошин был назначен заведующим по охране памятников искусства и науки в Феодосийском уезде¹. Весь декабрь и половину января поэт ездит по уезду, инспектируя памятники искусства, коллекции и библиотеки². К этому времени относится черновик его письма заведующему Южсовхозом Никонову (в Ялту) «В Феодосийском уезде, благодаря катастрофическому положению, обусловленному постоями воинских частей, недостатку перевозочных средств, ценности и библиотеки переносят, с согласия владельцев, в центральные помещения, намеченные в Судаче, Старом Крыму, Шах-Мамае, Коктебеле, Отузах, Но(вом) Свете, Карадаге, и регистрируются на месте. Метод обусловлен практическими требованиями момента. Работа затруднена разгромом культурных сил. Прошу сведений об организации Южсовхоза»³. (О трудном положении с охраной памятников культуры поэт писал также заведующему КрымОхрисом Г. А. Бонч-Осмоловскому).

24 января 1921 г Волошин едет в Симферополь⁴ с отчетом о положении в уезде — и задерживается там до мая. Читает лекции и стихи, выступает перед спектаклями, рассказывая об авторах пьес, участвует в другой культурно-просветительной работе Крымнаробраза⁵. В этот период он общается с молодой Ф. Г. Раневской, литературоведами А. А. Смирновым и Н. К. Гудзием, поэтом Т. В. Чурилиным, химиком А. А. Байковым, искусствоведами П. И. Новицким и Я. А. Тугендхольдом⁶. Максимилиану Александровичу не раз доводилось встречаться с членом Крымревкома (впоследствии — председателем КрымЦИКа) Ю. П. Гавеном⁷.

В записной книжке В Волошина находим мысли об «искусстве для всех» и «искусстве для каждого»⁸ Сами статьи о народных школах (написанные, возможно, уже в Симферополе), были, по-видимому, представлены Волошиным в Крым наробраз Однако тезис об аристократичности искусства должен был отпугнуть его деятелей

Кроме «Записки о направлении Народной художественной школы» и «Записки об учреждении Народной литературной школы и мастерской»⁹ Волошин в том же 1921 г написал еще «Записку о музее киммерийской живописи» и «Проект об учреждении бесплатных летних колоний для поэтов, писателей и художников» Последний послужил основанием для мандата Отдела народного образования на создание в доме Волошина «Коктебельской художественно-научной экспериментальной студии» (сокращенно КОХУНЭКС, позднее — «Дом, поэта») ¹⁰ Постепенно эта своеобразная литературно-художественная коммуна стала заметным культурным центром восточного Крыма

А при феодосийской картинной галерее летом 1921 г возникли «Государственные художественные мастерские живописи, рисунка и графики» — воплощение другого волошинского проекта Вместе с Волошиным в работе этих мастерских участвовали в качестве преподавателей художники К Ф Богаевский, Г А Магула, Н И Пискарев, Е Н Святский, Н И Хрустачев и М А Шаронов ¹¹ Несмотря на исключительно трудные условия — разруху, голод, деятели культуры Крыма были преисполнены желания нести искусство в народные массы

¹ Удостоверение, выданное комендантом г Феодосии (об освобождении от воинского постоя) // ИРЛИ, ф 562, оп 4, ед хр 57

² Записная книжка Волошина № 29 // Там же, оп 1, ед хр 465

³ Скопировано в архиве М С Волошиной в Коктебеле в 1960-х гг Охрана памятников «по Южсовхозу» была поручена Никонову 7 января 1921 г

⁴ Дата отъезда — по записи в дневнике А М Петровой (Феодосия) — ИРЛИ, ф 562, оп 6, ед хр 12

⁵ Записная книжка Волошина № 29

⁶ Там же

⁷ Там же

⁸ Там же

⁹ ИРЛИ, ф 562, оп 1, ед хр 342

¹⁰ Охранная грамота Отдела народного образования Крымревкома от 22 марта 1921 г // Там же, оп 4, ед хр 57

¹¹ Магула Г Отчет секции Охриса г Феодосии и уезда // Архив Дома музея М А Волошина (Коктебель), А 1089 См также два письма Н И Пискарева к Волошину (ИРЛИ, ф 562, оп 3, ед хр 968)

ЗАПИСКА О НАПРАВЛЕНИИ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ

Когда-то Д. Рёскин¹ формулировал свои отношения к постановке народного художественного образования требованием: «... чтобы ни один Джитто² не остался в горах пасти овец».

Это изыскание и воспитание талантов не может удовлетворить Народную художественную школу. Дело должно быть поставлено гораздо шире. Целью должно быть поставлено: **ЧТОБЫ НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК В НАРОДЕ НЕ ОСТАВАЛСЯ ЧУЖД РАДОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА.**

Возникновение и бытие художественного произведения слагается из двух актов: *отцовского* — творческий акт создания произведения и *материнского* — акт понимания его. Оба эти акта необходимы настолько же, насколько необходимо физиологическое соединение мужчины и женщины для рождения ребенка, с тою

лишь разницей, что акт создания творческого семени может быть отделен от момента его восприятия годами и веками.³

Старое искусство переносило центр художественного воспитания на создание отдельных произведений и, стремясь усвоить себе веяние времени и демократизма, выдвигало ложную и глубоко оскорбительную формулу «искусство для всех». То есть: мы стараемся быть популярными и сделаем наши произведения доступными пониманию и осмотрению масс.

Ложь такой постановки вопроса в том, что искусство по существу своему отнюдь не демократично, а аристократично в точном смысле этого слова: «аристос» — лучший. И чем искусство народнее, тем оно аристократичнее и благороднее.

Эта формула фальшивой подделки под демократию должна быть заменена новой формулой: «искусство для каждого». То есть каждый должен иметь право и возможность быть причастным к созданию ценностей искусства, каждый должен иметь возможность и права быть аристократом искусства — «равным среди равных».

При старой постановке художественного образования, все свои усилия употреблявшего на тепличное взращивание плодоносных растений, это было невозможно. Новая Народная школа искусства должна создавать не отдельных мастеров, а ту атмосферу всенародного понимания, без которого немислим расцвет творчества.

Научить творчеству нельзя. Поэты и художники рождаются, а не создаются в школах. Но каждого можно научить пониманию, тому творческому пониманию, без которого самое существование искусства невозможно.

Задачей Народной школы искусства должно быть не воспитание творчества, как это было до сих пор, а воспитание понимания.

Такая постановка вопроса сразу переворачивает все основы школы: с одной стороны, она открывает свои двери *всем* и ее преподавание становится необходимым каждому, с другой же стороны, новая школа создает ту насыщенную среду, в которой ученик, одаренный творческим даром, сразу становится заметен и получает возможность продолжать свое образование в высшей школе искусств и у мастеров живописи.

Поэтому программа Народной школы искусства намечается так: владение кистью, карандашом, краской — отодвигается на второй план, а на первый план выдвигается воспитание глаза, вернее, раскрытие зрения.

В обычной жизни мы привыкли читать окружающее, а не видеть его.⁴ Мы глазом «называем» имена предметов и явлений, а не видим их конструкции, так же как, читая книгу, мы сразу схватываем смысл слов, не замечая их орфографии, а читая газету, — смысл фраз, не замечая слов, из которых они составлены.

Первым делом новой школы будет раскрыть ученику глаза на окружающий мир, на его законы и на то, как они отражаются в

его зрачке. Это будет кратким, но исчерпывающим курсом естественных наук, взятых под углом зрительного восприятия явлений.

Ученика надо, прежде всего, ознакомить с восприятием пространства и его свойствами, то есть с основами перспективы, полупрозрачной среды — т. е. воздушной перспективы, света, светотеней, теории цветов.

Затем такой же курс предстоит ему пройти по отношению к отдельным областям природы: вода (законы зеркальности и рисунок волны), земля (законы геологии и минералогии), растительный мир (основы живописной ботаники), животный мир (зоология и анатомия) и, наконец, человеческий <мир> и живописная анатомия.⁵

Эти курсы должны быть, по возможности, наименее классными. Эти уроки должны даваться перипатетически, среди природы.⁶ Из реальных явлений должны выводиться законы, управляющие ими, и реальные явления должны формулироваться в простейших геометрических чертежах и схемах. А затем наличие этих схем должна указываться ученикам в произведениях старых мастеров, пользуясь иллюстрированными изданиями и фотографиями. Только после прохождения такого предварительного курса, которое, быть может, займет весь первый год, в руки ученику можно дать карандаш и кисть.⁷

Механические и бессмысленные приемы старой школы, как рисование с гипса или даже с живой природы, без предварительного анализа ее, должны быть безусловно изгнаны. Эти работы могут принести пользу только на более высоких ступенях уже творческой работы — при изучении истории искусств, для ознакомления со стилем и с пропорциями.

Результаты такого систематического предварительного воспитания глаза не замедлят сказаться в том, что ученик в течение двух-трех недель сможет сделать то, на что раньше требовались годы.

Но для того чтобы осуществить такую программу воспитания глаза и обучения, необходимо создать не только кадры новых преподавателей, — необходимо теоретически и практически разработать самую программу, так как в этой области придется работать, подымая целину и имея только отрывочные указания в дневниках, записках и письмах старых мастеров, которые необходимо систематизировать.

Многое из области познания природы придется искать вне традиций европейского искусства, в котором есть громадные пробелы, а черпать из опыта искусств японского, китайского, индийского, персидского и т. д.⁸

Для разработки всех этих сложных вопросов и их систематизации необходимо создание, наряду с Народной школой, Свободных мастерских художников, деятельность которых будет посвящена именно выработке программы и созданию кадра преподавателей.

Максимиллиан Волошин.

ЗАПИСКА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ И МАСТЕРСКОЙ

Кладя в основание преподавания в Народной литературной школе те же самые принципы, которые изложены мною в Записке об Народной школе искусства, я полагаю, что программа преподавания в Н(ародной) литер(атурной) школе должна быть, прежде всего, основана на развитии в учениках не творческих способностей, а *понимания* литературных и поэтических произведений, — главным образом, выяснению их стиля и техники письма

В этой области самым важным, конечно, явится разбор произведений новой и новейшей литературы и поэзии, не затрагиваемых общей школой, выявление новых форм изобразительности и инструментовки стиха, сравнение их с(о) старыми классическими формами и оценка тех и других

Руководством для преподавателей в этой области могут быть главным образом книги Реми де Гурмона⁹ о стиле и об эстетике языка. В области стихосложения такими руководствами будут являться исследования и статьи Андрея Белого,¹⁰ Недоброво,¹¹ В. Чудовского,¹² Брюсова,¹³ Шенгели¹⁴ — и т(ак) к(ак) для руководства всей Школой предположено привлечь самого Шенгели, то это заранее гарантирует ей правильную постановку преподавания.

В области же практических упражнений в стиле необходимо руководствоваться теми приемами и методами, которыми пользовался Флобер, обучая художественному письму Мопассана, то есть выдвигая на первый план краткость, точность и четкость в изложении мысли.¹⁵

Точно так же, как рядом с живописной школой предполагается создание Свободной мастерской, посвященной выработке метода преподавания и кадра преподавателей, так же и здесь необходимо создание Свободной мастерской литературы и стихотворчества.

М. Волошин

¹ Рескин Джон (1819—1900) — английский писатель, историк, искусствовед

² Джотто ди Бондоне (ок 1266—1337) — итальянский живописец. Сын крестьянина, он был замечен художником Чимабуе, когда рисовал фигуру овцы

³ Эти же идеи высказывались Волошиным в статье «Русская живопись в 1908 г. „Союз” и „Новое общество”» (Русь 1908 № 64, 5 марта), а позднее — в письме к Евгению Ланну от 20 декабря 1924 г. (ЦГАЛИ, ф. 2210, оп. 1, ед. хр. 346)

⁴ «Мы — не художники — видим вокруг себя только свои призраки и свои мысли, — писал Волошин ранее в статье «Скелет живописи» — Мы видим только то, что мы знаем» (Волошин М. Лики творчества Л., 1988 С. 211)

⁵ «В наши дни художник будет искать так необходимых ему художественной метеорологии, геологии, художественной ботаники, зоологии, не говоря уже о художественной социологии», — повторял Волошин в 1930 г. (Волошин М. О самом себе // Максимилиан Волошин — художник М., 1976 С. 47)

⁶ Перипатетики — ученики или приверженцы древнегреческой философской школы Аристотеля (384—322 до н. э.), который имел обыкновение преподавать свою философию во время прогулок

⁷ В необходимости такого пути Волошин убеждался на собственном художественном опыте. В очерке «О самом себе» он вспоминал: «В ранние годы я не прошел никакого специально живописного воспитания и не был ни в какой рисовальной школе, и *теперь* рассматриваю это как большое счастье — это не связало меня ни с какими традициями, но дало возможность оформить самого себя в более зрелые годы, сообразно с сознательными своими устремлениями и методами» (Максимилиан Волошин — художник С 41)

⁸ Противопоставление японского искусства европейскому содержалось уже в статье Волошина «Скелет живописи» (1904 г.) А в статье «О самом себе» он признавался: «В методе подхода к природе, изучения и передачи ее я стою на точке зрения классических японцев (Хокусаи, Утамаро)» (Там же С 46)

⁹ Гурмон, Реми де (1858—1915) — французский писатель и критик. Вопросы эстетики, стиля и языка рассматривались в его работах «Культура идей» (1900) и «Проблема стиля» (1902)

¹⁰ Андрей Белый (1880—1934, наст. фамилия Бугаев Б. Н.) — поэт, автор ряда работ по стиховедению

¹¹ Недоброво Николай Владимирович (1884—1919) — поэт и литературовед

¹² Чудовский Валерий Адольфович (1891—1938) — литературный критик

¹³ Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, вел общественно-педагогическую деятельность

¹⁴ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956) — поэт, переводчик, стиховед

¹⁵ Об уроках литературного мастерства, полученных им у Г. Флобера, Ги де Мопассан написал в очерке «Гюстав Флобер»

А. И. Куприн

Письма к В. А. Алексею

Публикация М. П. Лепехина

В течение трех последних десятилетий в нашей стране ведется работа по публикации эпистолярного наследия А. И. Куприна, однако до окончания этой работы еще далеко. Большое количество писем Куприна еще ждет своего издания и исследования. До сих пор еще не опубликованы полностью (ввиду значительности объема и резкости содержания) его письма к Ф. Д. Батюшкову — одному из наиболее близких ему людей в писательской среде, несмотря на несомненную научную значимость этих текстов. Не привлекали внимание публикаторов письма Куприна, не содержащие критических оценок своих собратьев по перу и новых сведений по истории русской литературы, зачастую обращенные к второстепенным или малоизвестным лицам. Между тем подобные письма крайне важны для характеристики окружения Куприна, для понимания его непростых взаимоотношений с литературным миром.

Подобного рода интерес представляют и публикуемые письма. Они адресованы Василию Алексеювичу Алексею — выдающемуся переводчику античных авторов и военному историку, одному из колоритнейших деятелей отечественной культуры рубежа XIX—XX вв. Современному читателю имя Алексея ничего не говорит (оно, в частности, не вошло в словник наиболее основательного современного справочника — «Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь» (М., 1989)). Поскольку имя Алексея известно, но пользовалось и при его жизни, а юбилейная заметка о нем,¹ некролог² и статьи в справочных изданиях³ отличаются неполнотой, поневоле приводящей к курьезам (в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова В. А. Алексея упомянут трижды — как три самостоятельных автора),⁴ необходимо кратко рассказать о жизни и трудах этого замечательного труженика.

В А Алексеев родился 13 (25) апреля 1863 г в Петербурге, в семье чиновника Детство провел в Саратове Образование получил во 2-й С-Петербургской гимназии (1873—1882) и на историко-филологическом факультете С-Петербургского университета (1882—1887) Первым выступлением Алексеева в печати явился новый прозаический перевод басен Эзопа (Родник 1885 № 3—5, продолжение Мой журнал 1888 № 5—7 и Детское чтение 1888 № 6—9, отд изд СПб, 1889, на языке эсперанто Nugenberg, 1891) Еще будучи студентом, Алексеев приступил к работе над «Библиотекой греческих и римских классиков» — общедоступной серией выполненных им заново переводов важнейших памятников античной литературы Первый выпуск «Библиотеки», в предисловии к которому был изложен план всего издания, — «Превращения» Овидия (СПб, 1885) — заслужил похвальные отзывы специалистов,⁵ был рекомендован Мини-стерством народного просвещения для гимназических библиотек, что обеспечивало переводам Алексеева устойчивый сбыт Это обстоятельство сблизило его с А С Сувориным, издававшим в дальнейшем все его труды Успех «Превращений» побудил Алексеева всецело посвятить себя литературному труду, лишь в 1888—1890 гг он служил секретарем редакции журнала «Пантеон литературы», где поместил перевод «Характеристик» Теофраста (1888 № 1) и «Картины» Кебета (1888 № 2)

Замысел «Библиотеки» встретил всеобщее сочувствие Л Н Толстой 15 января 1889 г писал Алексееву «Я очень и очень одобряю Вашу мысль издания и желаю ему успеха Самое важное и трудное — это выбрать авторов и из авторов тех мест, кот(орые) должны быть выпущены и тех, кот(орые) должны быть напечатаны Важен тоже < > язык переводов простота и доступность его наибольшему кругу читателей < > Буду очень рад, если могу чем-либо помогать начатому Вами делу»⁶ 30 августа 1890 г Толстой вновь писал Алексееву, благодаря за присылку очередных выпусков «Библиотеки» «Дело Ваше очень мне сочувственно»⁷ Обладая феноменальной трудоспособностью, Алексеев в 1888—1895 гг издал 10 выпусков своей «Библиотеки» («Характеристики» Теофраста, «Основания стоицизма» Епиктета, «Картину» Кебета, «Превращения» Антонина, 1-й том «Истории» Фукидида, «Наставления оратору» Квинтиллиана, речи Цицерона, сатиры Сенеки, трагедии Еврипида и сочинения Лукиана), в это же время переводы Алексеева вышли в «Дешевой библиотеке» Суворина («Сравнительные жизнеописания» Плутарха, басни Эзопа, трагедии Еврипида, Эсхила и Софокла, комедии Плавта, Теренция и Аристофана, афоризмы Епиктета) Для последней серии Алексеев перевел также и «Разбойников» Ф Шиллера (СПб, 1895) — это был первый бескупюрный русский перевод Все переводы Алексеева отличались безукоризненной точностью следования подлиннику (не превращаясь при этом в подстрочник), изяществом слога, живостью и правильностью языка, обстоятельностью примечаний Новаторский характер переводов Алексеева подчеркивал в своей рецензии А И Кирпичников, отмечавший, что они «выполнены на настоящем русском языке < > нигде не отзываются латинской конструкцией»⁸ Деятельность Алексеева как популяризатора античной культуры не ограничивалась собственными переводами — он составил хрестоматии лучших русских переводов античной лирики со своими комментариями «Древнегреческие поэты в биографиях и образцах» (СПб, 1895) и «Римские поэты в биографиях и образцах» (СПб, 1897 Т 1), ряд переводов в них принадлежал самому Алексееву Оба эти издания имели значительный успех А Н Майков писал 16 мая 1895 г Алексееву «Вы приводите меня в крайнее смущение Вашим желанием посвятить мне Вашу греческую антологию Я был еще мальчишка, а антология была некоторое время моей гувернанткой как же гувернантку посвящать ученику?»⁹ Алексеев также издал в своем переводе «Избранные эпиграммы греческой антологии» (СПб, 1886) и перевел с английского «Минерву» Дж Гау (СПб, 1893) — лучшее руководство того времени по изучению античных авторов

В искусстве перевода Алексеев был не только усердным труженником, но и теоретиком. Его воззрения на сущность художественного перевода были изложены в ряде рецензий на переводы из античных авторов, выполненные другими лицами (Е. Ф. Шнейдером, В. Т. Ипполитом, Д. И. Нагуевским, Дурдиффи и др.), как правило эти рецензии помещались в «Библиографе» и «Филологических записках» (1889—1893). Так, о переводах Д. С. Мережковского Алексеев, не допуская в переводе малейшего отхождения от текста оригинала, писал: «Как переложение Софокла — весьма плохо. Это, скорей, импровизация»¹⁰.

С 1899 г. Алексеев всецело посвятил себя изучению биографии А. В. Суворова по первоисточникам. Поставив себе целью издать все сохранившиеся к началу XX в. бумаги Суворова, с 1899 по 1900 гг. Алексеев объездил почти всю Россию, посетил более 600 различных частных, ведомственных и местных архивов.¹¹ Эта растянувшаяся на десятилетие своеобразная археографическая экспедиция показала Алексею крайнюю степень неблагоприятия архивного дела в стране, ужасающие условия хранения ценнейших исторических документов, малограмотность, продажность и своеобразную кастовую надменность тех лиц, которым они были вверены, полнейшее равнодушие к памяти людей, составивших славу России. Исполнение задуманного Алексеевым было бы невозможно без содействия выдающегося историка великого князя Николая Михайловича, первым откликнувшегося на печатные призывы Алексея о доставлении ему суворовских рукописей. Плодом полутора десятилетий подвижнической работы Алексея явился 1-й том «Писем и бумаг Суворова» (Пг., 1916). Алексеев видел свою задачу исключительно в сборе и публикации подлинных бумаг Суворова без каких-либо теоретических размышлений и обобщений. Труд Алексея (учитывая последующую гибель ряда документов) в настоящее время зачастую имеет характер первоисточника. Алексеев интересовал не столько Суворов-полководец, сколько Суворов-человек: его родословие, родственные взаимоотношения, хозяйственная деятельность, литературное творчество, краеведческие изыскания о нем. В комментариях Алексея проявился не только его талант интерпретатора суворовских иносказаний — примечания заключают в себе огромный справочный материал, а некоторые из них представляют собой целые монографические исследования, написанные по новым архивным данным. Помимо суворовских документов Алексеев опубликовал также ряд бумаг Г. Р. Державина, М. Ф. Каменского, А. А. Аракчеева, М. И. Пыляева, А. В. Венецианова, В. Ганки, а также материалы о пребывании М. Е. Салтыкова-Щедрина в Вятке. Все свои статьи и публикации Алексеев предлагал в родной ему «Исторический вестник» и лишь в случае отказа С. Н. Шубинского — в другие издания,¹² как правило, это были «Русская старина» (цикл заметок «Из архивных мелочей»), «Военно-исторический сборник» (цикл «Из пыли архивов»), «Варшавский военный журнал», «Русский инвалид», «Военно-исторический вестник», «Журнал Императорского военно-исторического общества» и др., из газет Алексеев печатался преимущественно в «Новом времени». Он был членом почти всех военно-исторических обществ, наиболее же деятельное участие принимал в работе Общества ревнителей военных знаний. Обширность знаний Алексея, а также его необычайная работоспособность делали его постоянным участником всех важнейших энциклопедических начинаний — он активно сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, а также в их «Новом энциклопедическом словаре». В «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина ему принадлежит значительное число статей биографического характера.

Связанные с собиранием суворовских материалов постоянные разъезды серьезно расстроили не только здоровье, но и финансовое положение Алексея. Начатые им переводы Лукиана, Фукидида, Партения, Диогена Лаэртского, Павсания, Марка Антония, Иосифа Флавия, Флора, Юлиана, Бозция завершены не были. Свет увидели лишь переводы «Притч» К. Крумахера, т. 1-й «Полного собрания речей» Цицерона (СПб., 1901, совместно с Ф. Ф. Зелинским), «Жизни

двенадцати Цезарей» Светония (СПб, 1904 — два изд.), «Науки любви» Овидия (СПб, 1904, 2-е изд — СПб, 1914) Последние книги вызвали неодобрение Суворина «Примечания заставляют Вас довольно небрежно относиться к переводу Вместо того чтобы над слогом поработать, Вы работаете над примечаниями Перевод часто выходит тяжеловесный, а примечания мало кто ценит»¹³ Серьезная болезнь глаз и недостаток времени вынудили Алексеева отказаться от перевода античных авторов Материальные дела его к тому времени начинали понемногу приходить в упадок, сделанные в предшествующее десятилетие накопления были прожиты и проезжены, серьезных затрат потребовала покупка дома с участком в Гатчине Вдобавок 24 февраля 1907 г Суворин окончательно отказался предоставить Алексееву долгосрочную ссуду в 25 000 руб, взамен чего последний предлагал ему определенные права на свои труды, а также на свои коллекции (гравюр, оружия, рукописей) и на свою библиотеку (около 2 000 томов — инкунабулы, альды, эльзевиры, собрание книг о Суворове)¹⁴ Алексей был вынужден заняться черновым повседневным литературным трудом составлением сборников («Избранные латинские афоризмы и цитаты» (СПб, 1904), «Сборник стихотворений русских поэтов в память 19 февраля 1861 г» (СПб, 1911)) и написанием рецензий, которые помещал в «Новом времени», «Санкт-Петербургских ведомостях» и исторических журналах, по его собственному признанию, к 1913 г было «рецензий же лишь подписанных около тысячи»¹⁵

Вследствие тяжелой болезни Алексей с 1909 г почти не выезжал из Гатчины, где жил с 1896 г Поводом к единственной длительной отлучке явилась продолжительная поездка почти по всей Карелии, имевшая своей целью борьбу с сепаратистским движением на окраинах России Эта поездка, которую Алексей считал выполнением своего гражданского долга, потребовала от него большого личного мужества¹⁶ «Интересующийся решительно всем», как позднее характеризовала Алексеева его вдова,¹⁷ в своем гатчинском затворничестве он больше всего любил заниматься разведением оранжерейных растений и оставил ряд ценных руководств в этой области,¹⁸ особенно его привлекали пальмы, в честь которых он написал панегирическое сочинение¹⁹ Оставшийся после сувороведческих и цветоводческих трудов досуг Алексей посвящал изучению португальского языка, намереваясь опубликовать найденные им материалы по истории русско-португальских отношений XVII в²⁰ Жизнь в Гатчине обратила внимание Алексеева на личность другого гатчинского затворника — императора Александра III, рассказы старожилов о нем заботливо собирались Алексеевым²¹

Публикуемые ниже письма относятся к 1915—1916 гг — самому тяжелому периоду в жизни Алексеева, когда он уже не только не выезжал из Гатчины, но и не вставал с постели ввиду тяжелой болезни За пять лет Алексей практически утратил какие-либо связи с литературным миром — даже всезнающий Б Л Модзалевский был крайне удивлен, получив в 1916 г от него письмо Тяжело больна была и жена Алексева, болели и две его дочери

Алексей, смолodu отличавшийся завидным здоровьем и трудоспособностью, не делал никаких сбережений — все свои гонорары (зачастую весьма большие — в оплату Суворин не скупился) он тратил на библиотеку, на свои путешествия и коллекции, на дом и оранжерею, помогал нуждающимся Полтора десятилетия отняла бескорыстная работа над изданиями Суворова Имущественные дела Алексева к 1915 г пришли в совершенный упадок В доме поселилась стойкая бедность Архивные изыскания Алексева уже почти никого не интересовали Рецензиями в столичных изданиях он также уже не мог содержать семью — умерли неизменно поддерживавшие его Суворин и Шубинский, их преемники Алексева не знали, а авторов рецензий и без него было достаточно К тому же по болезни Алексей был лишен возможности выезжать в Петроград Он изредка сотрудничал в гатчинской периодике В столичных изданиях на самых невыгодных условиях публиковал лишь найденные им неизвестные произведения Н А Некрасова, В В Крестовского

и других писателей Пробовал Алексеев свои силы и в переводах современной ему беллетристики (см настоящую публикацию), однако слабая осведомленность в литературной жизни приводила к тому, что он брался за произведения, уже неоднократно переведенные, и вполне естественно, что опыты Алексеева издателей заинтересовать не могли К тому же вследствие товарного голода расценки на печатание книг выросли так, что для напечатания 1-го тома «Писем и бумаг Суворова» средств не было ни у самого Алексеева, ни у Военно-исторического общества, и лишь при посредстве великого князя Николая Михайловича деньги были высочайше пожалованы Николаем II Отметим, что именно Николаю Михайловичу — выдающемуся русскому историку и человеку редкой доброты и внимательности к сотрудникам выходивших его изданием — решился в феврале 1915 г обратиться с просьбой о помощи Алексеев В своем письме он не стал скрывать от своего августейшего корреспондента, с которым был знаком на протяжении двух десятилетий, тяжких условий своего существования «Не казните меня за то, что не решаюсь напомнить о себе Тяжко жить было мне до сих пор, а теперь окончательно невольно < > Достаточно сказать, что при 40 рублевой квартире дрова обходятся мне в 50 рублей в месяц! А денег не получая ниоткуда! Просил о пособии „Новое Вр(емя)“, впервые за 28 лет, — отказ, просил Академию, — тоже в первый раз, — и тот же результат О том, в какой форме сообщил мне решение Академии Нестор Котляревский, знает Владимир Иванович (Саитов — М Л) Он вполне верно заметил, что писать так можно разве „с пьяных глаз“» Причиной обрушившихся на семью невзгод Алексеев считал свое болезненное состояние («Я только что встал с постели в два года шесть раз хвораю аппендицитом»), из-за отсутствия денег для домашних он отказывался ложиться на операцию («Для того чтобы лечь на 3—4 недели, надо обеспечить семью деньгами, а военные журналы не платят мне с июля 1914 года!») Обращение к великому князю Николаю Михайловичу заканчивается прямой мольбой о помощи «Умоляю Ваше Высочество, пока еще не поздно, спасти меня и семью — исходатайствовать возобновление субсидии на 6 лет Тогда я со спокойной совестью и душою кончил бы остальные тома Суворова»²² Однако никаких казенных субсидий Николай Михайлович исходатайствовать Алексею не сумел и в январе 1916 г помог ему из личных средств, а после отбытия великого князя на фронт Алексеев не мог рассчитывать на дальнейшую помощь Подготовленный Алексеевым в 1916 г к печати 2-й том «Писем и бумаг Суворова» света не увидел, и судьба его в настоящее время неизвестна

С горечью писал в свое время Алексеев о трагических судьбах выдающихся русских коллекционеров В С Передольского и Ф П Плюшкина и их собраний,²³ не ведая, что почти такие же слова будут написаны и о нем На публикацию объявлений в «Новом времени» о продаже библиотеки и коллекций откликнулся лишь Б Л Модзалевский, кроме него в 1916 г столь специфически подобранные рукописи и книги уже не могли заинтересовать никого, кроме букинистов При посредничестве Модзалевского Алексеев передал в сентябре 1916 г в дар Пушкинскому Дому письма к нему Л Н Толстого, А Н Майкова, А И Куприна, самого Б Л Модзалевского и ряда других лиц²⁴ Участь оставшегося собрания рукописей, библиотеки и коллекций Алексеева в настоящее время неизвестна распродажа была начата самим владельцем Наступившую вскоре Октябрьскую революцию Алексеев приветствовал как раскрепощение творческой и научной мысли от затретов, созданных для нее самодержавным режимом»²⁵ Умер Алексеев у себя дома 17 февраля 1919 года от голода

Алексеев и Куприн в Гатчине были соседями (с 1911 г Куприн постоянно жил на Елизаветинской ул , 19а, Алексеев же с 1909 г — на Александровской ул , 23, дома не сохранились), знакомство же их, вероятно, произошло еще ранее При крайней замкнутости образа жизни Алексеева Куприн был неизменно желанным гостем в его доме В свою очередь Куприн, как это видно из публикуемых ниже

писем, относился к Алексееву с большой теплотой и всячески старался помочь соседу в его житейских невзгодах

Три первых публикуемых здесь письма не датированы, по содержанию они написаны не ранее середины мая 1915 г (возвращение Куприна в Гатчину из Гельсингфорса) и не позднее сентября 1916 г (передача их Алексеевым в Пушкинский Дом), предположительно — весной 1916 г (в первом письме упоминается болезнь всего семейства Алексеевых, имевшая место в феврале—марте 1916 г, а во втором письме упомянут праздник Св Пасхи, бывший в 1916 г 10 апреля) Четвертое письмо датировано

Письма 1—3 хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф 642, № 14 565), письмо 4 — в ЦГАЛИ (ф 240, оп 1, ед хр 130) За сообщение текста последнего письма публикатор приносит благодарность П П Ширмакову

¹ XXXV лет литературной деятельности В А Алексева // Исторический вестник 1910 № 5 С 772, Нива 1910 № 13 С 260

² Вестник литературы 1919 № 3

³ Новый энциклопедический словарь, издаваемый Ф А Брокгаузом (Лейпциг) и И А Ефроном (С-Петербург) СПб, [6 г] Т 2 Стб 13, Венгеров С А 1) Русские книги С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893) СПб, 1896 Т 1, вып 4 С 163—165, 2) Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых СПб, 1889 Т 1 С 383, 3) Источники словаря русских писателей СПб, 1990 Т 1 С 39

⁴ «1) Алексеев В, сотр журн „Библиограф“ (1889), псевд В А, 2) Алексеев Василий (р 1896—ум 29 дек 1919, журналист), псевд В А, 3) Алексеев Василий Андреевич (р 1858—дата см неизв), автор статей по военным вопросам, сотр газ „Новое Время“» (Масанов И Ф Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей М, 1960 Т 4 С 32)

⁵ См Рецензию И В Помыловского ЖМНП 1885 № 8 С 255—264

⁶ Толстой Л Н Полн собр соч В 90 т М, 1953 Т 64 С 214

⁷ Там же Т 65 С 152

⁸ Исторический вестник 1889 № 5 С 435

⁹ ИРЛИ, ф 642, № 14 567, л 3

¹⁰ Письмо А В Половцеву от 15 октября 1884 г // ГПБ, ф 601, № 28, л 1, об

¹¹ Алексеев В А Архивные мытарства // Исторический вестник 1910 № 12 С 1034—1057

¹² Письмо Шубинского к Алексееву от 29 мая 1903 г // ИРЛИ, ф 642, № 14 570, л 1—2

¹³ Письмо А С Суворина к В А Алексееву от 29 мая 1903 г // ИРЛИ, ф 642, № 14 570, л 1—2

¹⁴ Там же, л 5, письма Суворина к Алексееву см также ГПБ, ф 115, № 59 О библиотеке Алексева см Материалы для словаря библиофилов // Антиквар 1902 № 6 С 194

¹⁵ ИРЛИ, ф 377 (собрание автобиографий С А Венгерова), № 74, л 8

¹⁶ Алексеев В А Панфинско-лютеранский поход финляндцев на православную Россию СПб, 1910

¹⁷ ИРЛИ, р I, оп 1, № 17, л 1, об

¹⁸ Алексеев В А 1) Лучшие луковичные и шишковистые растения для комнатной культуры СПб, 1897, 2) Содержание и разведение геснерийных в комнатах СПб, 1911 (отд отт из «Вестника садоводства» (1911 № 3—5)), 3) Содержание и разведение пальм в комнатах СПб, 1914 (отд отт из «Вестника садоводства» (1913, № 6—9, 12, 1914, № 1))

¹⁹ Алексеев В А Роль пальм в истории человеческой культуры // Нива 1911 № 34

²⁰ План задуманного издания см ГПБ, ф 123 № 68, л 6—11

²¹ Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно

²² ЦГАОР, ф 670, оп 1, № 494

²³ Алексеев В А 1) В С Передольский // Исторический вестник 1908

№ 4 С 199—216, 2) Ф М Плюшкин // Там же 1911 № 11 С 696—703,
3) Ф М Плюшкин и его музей // Там же 1916 № 7 С 176—197

²⁴ ИРЛИ, ф 642, № 14 568, л 6—10

²⁵ ЛОИИ, ф 276, оп 1, № 195/5, л 11

1

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Простите ради Бога — все это время я был зверски завален работой — и только теперь могу спокойно, без суетливости, начать читать Ваши работы.

Желаю Вашему лазарету скорейшего выздоровления

Ваш А Куприн.

2

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Я толкался в Петрограде с Вашими рукописями в несколько мест. И вот результат: «Путешествие вокруг комнаты» давно и многократно переведено. «Будущая война» — тоже, кроме того, что она утратила живой интерес текущего момента.¹ Что касается меня, то я прочел и то и другое с удовольствием, и если еще представится случай предложить их кому-нибудь, я не премину это сделать.

Христос Воскрес! Как теперь здоровье Ваших детишек?

А. Куприн.

Жена Вам кланяется. Девочку зовут Аксинья.

¹«Путешествие вокруг моей комнаты» написано Ксавье де Местром в 1794 г и неоднократно переводилось на русский язык, так же, как и многочисленные подражания этому произведению, из которых наибольший успех выпал на долю «Путешествия по комнате» Г Вагнера, переиздававшегося несколько раз М О Вольфом

3

Многоуважаемый Василий Алексеевич!

Простите, что не пишу лично, а диктую жене — болен. С удовольствием постараюсь исполнить Ваше желание, сегодня же пересмотрю мою коллекцию открыток и, что найду, — пришлю завтра. Стихи дочери Вашей присылайте, просмотрю, что можно будет сделать.

Готовый к услугам

А. Куприн.

Жена шлет привет.

4

Очень извиняюсь, многоуважаемый Василий Алексеевич, за поздний ответ. Я только вчера нашел Ваши стихи, не мною затертые, среди бумаг. Очень жаль, что вот эти книги и вещи, так любезно подобранные для меня, в настоящее время могли бы представить лишь коллекционный интерес, а не помощь в работе,

и мне приходится отказаться от удовольствия приобрести их
Прошу принять уверения в совершенном почтении

1918,1/11

А Куприн

НОВОЕ О М. С. ОЛЬМИНСКОМ

Публикация М Д Эльзона

I

АВТОБИОГРАФИЯ

В 1913 г, готовя второе издание «Критико биографического словаря », С А Венгеров разослал знакомым писателям и ученым обращения с просьбой о присылке биобиблиографических сведений Помимо того, соответствующее «Письмо в редакцию» было опубликовано в периодической печати

Обращение содержало следующие разделы и подразделы

«Биография 1) имя и отчество, 2) год, месяц и число рождения, 3) место рождения, 4) кто были родители, 5) вероисповедание, 6) краткая история рода, главным образом были ли в роде выдающиеся в каком либо отношении люди, 7) ход воспитания и образования, под какими умственными и общественными влияниями оно происходило, 8) начало и ход деятельности, 9) замечательные события жизни

Библиография 1) перечень написанного или переведенного, с точным обозначением а) если речь идет о книге — года, места, формата и количества страниц, б) если о журнальной статье — года, № и названия периодического издания где она появилась, с) если о газетных статьях (главнейших, конечно), то в каких именно газетах и в каком году они появились, 3) не были ли (где, когда и кем) переведены произведения на иностранные языки,¹ 4) не появились ли где нибудь биографические сведения (если появились, то в какой книге или в каком номере периодического издания), 5) не были ли помещены где нибудь портреты, 6) псевдонимы»

В обращении содержалась также просьба прислать фоторафию²

Публикуемая автобиография М С Ольминского сохранилась в архиве С А Венгерова и отражена в перечне I го собрания под № 69 («Александров Мих Степ») Поскольку она датирована 10 марта 1913 г, а цитированное обращение С А Венгерова помещено в июньской книжке «Исторического вестника», следует думать, что либо М С Ольминский получил письмо по почте, либо прочел его в какой либо газете

¹ При публикации в цитируемом источнике (см примеч 2) пункт 2 (о рецензиях) был пропущен, следующие пункты имели № 3, 3, 4, 5

² Венгеров С Письмо в редакцию // Исторический вестник 1913 № 6 Указанием на данную публикацию автор обязан Анатолию Дмитриевичу Алексееву, светлой памяти которого посвящается настоящая работа

ДЛЯ КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Михаил Степанович Александров

Родился 2 окт⟨ября⟩ 1863 г в г Воронеже Потомств⟨енный⟩ дворянин, отец — разоряющийся землевладелец, мелкий чиновник Вероисповедание — *по паспорту* православное В роду вы-

дающихся людей не знаю; знаю документ, что при царевне Софье Семен Александров верстан помещьем на р. Тихой Сосне («хутор Семенов» перешел в чужие руки на моей памяти).

Учился в Ворон(ежской) классич(еской) и отчасти СПб 7-й гимн(азии), затем в СПб Ун(иверситете) (юрист); арестован на 3 курсе, в 1885 г.; второй арест — в 1886 г.; 1888 и 1889 гг. — солдатчина в Карсской обл.; вновь арестован весной в 1894, сидел до конца 1898 г. в одиночн(ом) заключении (в Петроп(авловской) креп(ости) 9 мес., в Д(оме) предв(арительного) закл(ючения) 1 г. и в Крестах 3 г.). С 1899 по осень 1903 — ссылка в Якутскую обл. (Олекминск). 1904 и 1905 г. жил за границей. Прочее время — в Петербурге.

Умственные влияния. Русские классики, затем Писарев, Добролюбов, Некрасов, Гл. Успенский и народовольческая литература. Около 1897—99 (в тюрьме) кризис миросозерцания — переход от народничества к марксизму (хотя Маркса читал и был под его руководящим влиянием с 1884 года).

Дать перечень всего написанного не могу по полицейским условиям; вероятно, после смерти какие-н(ибудь) псевдонимы опубликуют те, кто знает. Псевдонимов, известных теперь редакции словаря случайно (по слухам и т. п.), настоятельно прошу не опубликовывать.¹

Литературной деятельностью начал заниматься только на 36 году жизни, будучи в ссылке, и смотрел на это как на дело «между прочим», ввиду невозможности политической работы. Начал с газеты «Восточное обозрение», кое-что печатал в «Северн(ом) курьере», «Нижегородском листке».

По возвращении из ссылки в 1904 г. печатался в московском ежемес(ячном) журнале «Правда», затем в «Образовании» А. Я. Острогорского, в «Совр(еменном) мире», в «Былом», «Вестнике жизни» и в газетах марксистских; были и брошюры под псевдонимами (изд. «Знание» и др.). Делать более подробные указания считаю неудобным.

Под своим именем, кажется, напечатал только: 1) книгу «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» изд. 1910 г. СПб, книгоизд. «Жизнь и знание» и 2) в «Былом» статью «Группа народолюбцев 1892—1894 г.» — год, кажется, 1906 или 1907, осенью,² — под руками не имею.*

На вопрос 2-й о рецензиях не могу ответить, не помню. На вопрос 3, 4 и 5 — «нет». На вопрос 6 (о псевдонимах), как сказано выше, считаю неудобным отвечать.

Фотографич(еские) карточки есть только древние, давно не снимался. Если соберусь — пришлю.

СПб.

Мих. Александров.

10 III 1913.

* Если интересно, могу еще указать, что в «Статистич(еском) сборнике» 1894 г.¹, СПб Губ. земством почти все статьи — мои (анонимно).

¹ А м(ожет) б(ыть), и 1895.

¹ Судя по второму изданию «Критико-биографического словаря», С. А. Венгеров учел просьбу М. С. Ольминского в т. I назван «Александров, Михаил Степ., публицист марксист, р. 2 окт. 1863 в Воронеже, сын помещика («звездочка») слева вверху перед фамилией означает, что в собрании имеется автобиография) (с. 11), в т. 2 — «Ольминский М. (псевд.), публицист, историк и беллетрист, сотрудник рабочих газет и журналов, 1914» (с. 202). Указание («псевд.») свидетельствует об осведомленности составителя.

² Статья опубликована в № 11 за 1906 г.

II

ПИСЬМА К М. К. ЛЕМКЕ И М. В. ПИРОЖКОВУ

«Щедринский словарь» М. С. Ольминского (1937) — уникальное явление в справочной литературе. Составленный для себя, с целью лучше уяснить («») политическую физиономию Щедрина»,¹ труд М. С. Ольминского закономерно стал фактом общественного значения, необходимым справочным пособием не только для щедринистов, но и вообще историков литературы, всех интересующихся творчеством гениального сатирика.

Между тем история словаря, его издания до недавнего времени не привлекала внимания исследователей. Первая специальная работа о нем появилась сравнительно недавно.² Обследовав фонд М. С. Ольминского в Центральном партийном архиве Института марксизма ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ, ф. 91), опираясь на работы видного революционного деятеля и литературу о нем (в том числе наиболее значительную — книгу О. А. Лежавы и Н. В. Нелидова),³ В. А. Мосенцев довольно подробно изложил историю создания словаря, достаточно точно проанализировал его.

Однако вне поля зрения исследователя остались документы, находившиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и представляющие первостепенный интерес для воссоздания истории издания словаря (из статьи В. А. Мосенцева видно, что М. С. Ольминский предпринял попытку издать «Щедринский словарь» еще «в конце 1900-х гг.»)⁴ Я имею в виду письма М. С. Ольминского к издателю М. В. Пирожкову и его помощнику (с сентября 1903-го по апрель) М. К. Лемке, а также дневник М. К. Лемке и письмо к нему В. П. Кранихфельда. Среди указанных материалов наиболее существенным представляется письмо к М. К. Лемке от 8 декабря 1904 г., поскольку к нему приложены фрагменты словаря и «Предисловие», которое сам М. С. Ольминский считал утраченным.⁵

Михаил Васильевич Пирожков (1867—1927) принадлежал к числу забытых русских издателей начала XX в. Между тем в каталогах выпущенных им книг фигурируют такие значительные названия, как собрания сочинений А. П. Щапова (1906 Т. 1—2, 1908 Т. 3) и М. Метерлинка (1906—1907), «Полное собрание стихотворений» Н. М. Минского (1907 В. 4 т.) основные книги М. К. Лемке («Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», 1903, «Эпоха цензурных реформ», 1904), «Моя повесть о самом себе» А. В. Никитенко (2-е изд. 1905) и др. Последние вышли в серии «Исторический отдел» (иначе — «Историческая библиотека»), издание которой курировал М. К. Лемке. Можно думать, что именно с этим обстоятельством связана следующая запись в его дневнике, относящаяся к 1904 г. «25/X («») Был у меня Александр Александрович Малиновский, пишущий под известным псевдонимом „А. Богданов“. Это ярко проявленный передовой человек, с(оциал) д(емократ) («») Он приходил, чтобы узнать подойдет ли нам работа его приятеля Александрова (под псевдонимом «Ольминский») пишет в «Правде»,⁶ а именно словарь щедринских слов.⁷ Я сказал, что по идее это работа хорошая, но что необходимо ее видеть. Она написана в два года сиденья по административному делу»⁸ В действительности «Щедринский словарь» был составлен в течение 1897 г. в «Крестах», куда М. С. Ольминский был заключен за участие в «Группе народолюбцев», и дорабатывался в Олекминске и Женеве.

Письма М С Ольминского к М К Лемке (ф 661, № 66) и к М В Пирожкову (ф 661, № 1344) публикуются в основном полностью. Исключение составляет письмо к М К Лемке от 8 декабря 1904 г. поскольку содержащиеся в приложении большая словарная статья «Идеалы» и 33 мелких статьи («Казна» — «Катка» (крепостная Затрапезновых), за исключением «Карамзин») в основном идентичны печатному тексту, публикатор счел возможным ограничиться собственно эпистолярной частью и «Набрском предисловия». При публикации эпистолярной части курсивом выделены фрагменты, помещенные в статью В А Мосенцева как извлечения из черновика письма М С Ольминского «к издателю Пирожкову, давшему согласие напечатать словарь»⁹

В приложении публикуется письмо В П Кранихфельда к М К Лемке (от 1 августа 1906 г. — ИРЛИ, ф 661, № 590, л 4—5), работавшему в это время в издательстве М М Стасюлевича

¹ *Ольминский М* Статьи о Щедрина М, Л, 1930 С 164

² *Мосенцев В А* Из истории ранней марксистской критики («Щедринский словарь» М С Ольминского) // Проблемы развития советской литературы Межвуз науч сб Саратов, 1975 Вып 2(6) С 151—160

³ *Лежава О, Нелидов Н М С* Ольминский Жизнь и деятельность 2-е изд., перераб и доп М, 1973 256 с

⁴ *Мосенцев В А* Указ соч С 156

⁵ Там же

⁶ Имеется в виду журнал

⁷ В книге М Г Вандалковской «М К Лемке — историк русского революционного движения» (М, 1972) на с 20—21 сказано, что «Богданов рекомендовал Лемке публиковать работу М С Ольминского „Словарь иностранных (!) слов“ (< >) В ходе переписки Ольминский предлагал Лемке и другие свои работы, например „Словарь литературно-художественных произведений Салтыкова-Щедрина“» Из публикуемого далее текста видно, что приведенное заглавие — плод вымысла автора монографии и речь шла только о «Щедринском словаре»

⁸ ИРЛИ, ф 661, № 8, л 19—19, об Поскольку в августе того же (1904) года А А Богданов познакомил М С Ольминского с В И Лениным (см *Лежава О, Нелидов Н* Указ соч С 81—82), можно предположить, что тогда же В И Ленину стало известно о работе, выполняемой М С Ольминским

⁹ *Мосенцев В А* Указ соч С 156 Фрагменты см С 156, 159

1

1904 8 XII н. ст.

М<илостивый> г<осударь> г. редактор!

А. А. Малиновский (А. Богданов) известил меня, что Вы выразили принципиальное согласие издать составленный мною щедринский словарь. Вопрос теперь в том, насколько удачно выполнена работа. При этом Вы выразили предположение, что словарь сопровождается комментариями

Мне не совсем ясно, о каких комментариях Вы говорите. Я имел в виду предпослать словарю предисловие; там я думал, во-первых, изложить свою точку зрения на главные мотивы литературной деятельности Щедрина и, во-вторых, сделать необходимые указания технического, так сказать, характера. Посылаю Вам приблизительный конспект этого предисловия. Надеюсь, что Вы с своей стороны не откажетесь сообщить более точно, что именно разумели Вы под комментариями

По поводу технической стороны дела не лишне будет сказать еще следующее. Хотя вообще отсылать читателя от одного слова

к другому не очень удобно, но поступить иначе было нельзя: пришлось бы или бесконечно повторяться, или раздробить до невозможности, так сказать, распылить выписки. Думаю, что Вы одобрите также очищение словаря от массы собственных имен (портных, модисток, трактирщиков и т. п.), не имеющих никакого значения для читателя, хотя вообще в именных указателях (а мой словарь представляет собою особый вид именного и предметного указателей) помещаются обыкновенно все слова, начинающиеся с заглавной буквы. *Соединить в одно и именной, и предметный указатели меня заставила необходимость отсылать читателя от одного слова к другому, при этом нередко от предмета дается ссылка на имя и обратно.* Все меткие щедринские определения и юмористические характеристики я вносил в словарь, так как опустить их значило бы обесцветить Щедрина, хотя я лично больше ценю глубокие и серьезные стороны его произведений.

Думаю, что мой словарь будет очень полезен для лиц, которые пожелали бы серьезно и полно ознакомиться со взглядами, далеко не устаревшими, Щедрина на различные вопросы русской общественной жизни; затем, вероятно, каждый литературный работник постарается запастись словарем, чтобы иметь под рукой неисчерпаемый источник оригинальных мнений и замечаний, выраженных сжато, своеобразно и остроумно; наконец, словарь может стать настольной книгой для всех любителей и почитателей Щедрина, особенно из числа лиц, не могущих иметь всегда под рукой дорогое, многотомное полное собрание его сочинений.

Размер словаря — около 1 500 000 букв. Сократить его теперь уже невозможно ввиду уже указанных мною случаев отсылки читателя от одного слова к другому. Нужно печатать или все, или ничего.

Посылаю Вам небольшой образчик из двух частей: 1) об идеалах — как пример тех случаев, когда в словаре говорится о предмете, которому Щ<едрин> посвящал много внимания; 2) несколько страниц такого места словаря, где подобраны мало-значущие предметы и имена. Должен заметить, что некоторые имена (напр<имер>, Глумов, Затрапезные, Головлевы и др.) занимают довольно много места и, однако ж, словарь может только дать справку, напомнить фигуры знакомых лиц, но не может претендовать на то, чтобы *дать читателю художественное впечатление подлинника.*

Из образчиков (напр<имер>, об идеалах) Вы видите, что благодаря ссылкам на другие слова почти невозможно судить по отдельным выпискам о степени полноты словаря. Тем не менее если Вы в принципе не отказываетесь от издания, то можете потребовать от меня еще образчиков относительно лиц и предметов, на которые Вы укажете.

Имея свой определенный взгляд на Щ<едрина>, я тем не менее обращал внимание на те черты его литературной физиономии, которые привлекали внимание критиков (гл<авным> обр<азом> Михайловского и Пыпина, затем Арсеньева и отчасти Скабичев-

ского). Уже после составления словаря я собрал материал для книги или большой статьи на тему «Шедрин в русской критике» (кроме упомянутых выше, еще Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Андреевич и нек(торые) др(угие)). Изучение этого вопроса б(олее) или м(енее) отразилось на словаре при его оконча(тельной) обработке.¹

Что касается вопроса о гонораре, то я предложил бы, чтобы Вы первый высказали свои условия.

Адрес: Genève, Suisse, Boulevard Carl Vogt 41 chez Gauthier pour m-г Alexandroff.

М. Александров (М. Ольминский).

НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемый словарь представляет собою первый в этом роде опыт в нашей печати. Составление его вызвано желанием облегчить разработку запутанного и разбросанного материала, представляемого художественно-публицистическими произведениями Щедрина. Надеюсь, что моя работа поможет выяснению литературной и общественной физиономии одного из замечательнейших русских общественных деятелей. Считаю это тем более полезным, что русские критики, в особенности современники Щедрина, толковали и толкуют о нем вкривь и вкось, противореча друг другу.¹

Приступать к составлению словаря с чисто механическими приемами значило бы безнадежно запутаться в обильном материале. Необходимо было заранее иметь более или менее определенный взгляд на Щедрина, чтобы отличать важное от неважного, чтобы подчеркнуть те или иные стороны писателя. В основу моего взгляда на Щ(едрина) легло его собственное заявление о том, что он считал главной задачей своей деятельности. Эта задача формулирована им в конце жизни, в главе VI «Пошехонской старины» (см. в выписке из словаря об идеалах стр. 4—5 с указанием П 6).² На авторские самооценки, вообще говоря, нужно смотреть критически. Но внимательное изучение Щедрина привело меня к заключению, что в данном случае самооценка была довольно близка к истине. И я обращал особенное внимание на все, что говорится у Щ(едрина) об идеалах (утопиях, бреднях, мечтаниях, убеждениях, сознательности, широте задач) и об отсутствии идеалов или их искажении (бессознательность, сужение задач, компромисс, наше время — не время широких задач и проч.). В связи с перечисленными понятиями находятся и взгляды Щ(едрина) на литературу, читателя, массу (толпа, народ, человек лебеды), и его отношение к явлениям текущей общественной и государственной жизни. Само собою разумеется, что я не старался во что бы то ни стало укладывать Щедрина в прокрустово ложе моих собственных взглядов на него. Но, считая необходимым обладание руководящим взглядом при составлении словаря, я считаю также необходимым предупредить читателя о моей

точке зрения. Зная ее, лица, не согласные со мною, легче смогут внести необходимые с их точки зрения поправки. Техническая сторона дела также требует некоторых пояснений.

Из числа собственных имен я внес в словарь решительно все случаи, когда имя присвоено персонажу Щедрина, хотя бы персонаж появлялся на сцену в виде статиста и не более одного раза (напр<имер>, некоторые слуги и т. п.). Из принадлежащих Щедрину названий городов, деревень, усадеб и рек я вносил только те, о которых упомянуто не мимоходом. Что касается действительно существующих географических названий, то они заносились в словарь лишь в тех случаях, когда сопровождались оригинальными щедринскими описаниями и характеристиками.

Упомянувшиеся у Щедрина действительно существующие лица разделены мною на две категории: 1) писатели и лица, имеющие отношение к литературе, — они всегда вносились в словарь; 2) не имеющие отношения к литературе (содержатели трактиров и магазинов, портные и т. п.) вносились только в тех случаях, когда о них сказано что-либо характерное.

Значительная часть щедринских беллетристических произведений написана от первого лица. В более ранних сериях рассказ ведется обыкновенно от имени чиновника Ник. Ив. Щедрина, который и фигурирует в словаре в качестве особого персонажа. Позже имя Н. И. Щедрина как действующего лица пропадает (кроме единственного косвенного упоминания в «Круглом годе») — и я не счел себя вправе отождествлять анонимного рассказчика позднейших серий с Щедриным-чиновником. Этот анонимный рассказчик фигурирует в словаре под именем «Автора» (такого-то рассказа); таким образом, «Автора» словаря нужно принимать как персонаж, — название чисто условное. Те случаи, когда Щ<едрин> говорит о себе как о писателе, выделены особо под рубрикой «Щедрин-писатель».

Сочинения Щедрина имеются во многих, не тождественных между собою, изданиях. Поэтому вместо указания томов и страниц в словаре указывается название сочинения и (цифрой) глава или место, занимаемое рассказом в данной серии. Знаки сокращения следующие: А — В среде умеренности и аккуратности; Б — Недоконченные беседы; Бр — Брусин; В — Признаки времени; Г — Господа Головлевы; Д — Дневник провинциала в Петербурге; Ж — Мелочи жизни; З — За рубежом; И — История одного города; Ид — Современная идиллия; Ит — Итоги; К — Круглый год; Л — Культурные люди; М — Помпадуры и помпадурши; Н — Невинные рассказы; Оч — Губернские очерки; П — Пошехонская старина; Пп — Пестрые письма; Пр — Письма о провинции; Р — Благ<онамеренные> речи; С — Сатиры в прозе; Сб — Сборник; Ск — Сказки; Т — Письма к тетеньке; Тк — Господа ташкентцы; У — Убежище Монрепо; Х — Пошехонские рассказы. См. — смотри, уп. — упоминается.³

¹ Этот замысел был реализован в большой статье «Социалист-утопист в оценке современников» (Образование. 1906. № 12. С. 15—52), содержавшей

полемику с работами К К Арсеньева, Н К Михайловского, А М Скабичевского и Е А Соловьева (Андреевича)

² Отсылка к известному фрагменту («Прошу читателя не думать, что я считаю отвлеченности и обобщения пустопорожнюю фразой < > Разница заключается только в том, что, создавая идеалы будущего, просветленная мысль отсекает все злые и темные стороны, под игом которых изнывало и изнывает человечество») (см с 272 «Шедринского словаря» изд 1937 г.)

³ В списке сокращений (изд 1937 г.) последние два отсутствуют

2

30 XII н ст 1904

Милостивый государь Михаил Константинович!

Я, конечно, знал, что согласиться на издание такой большой книги, как Шедринский словарь, можно только имея его в руках полностью Я посылал выписки лишь для предварительного ознакомления Вашего и для начала переговоров. Еще до получения Вашего ответа¹ я пригласил двух переписчиков, теперь прибавил третьего, и в непродолжительном времени надеюсь переслать Вам рукопись разом или по частям Предисловие я, конечно, имею в виду расширить, Вам был послан только набросок или конспект. За список работ о Шедрине, который у Вас имеется, буду очень благодарен.² В словарь не включены выписки из сочинений Щ(едрина), не вошедших в полное собрание, вследствие недоступности для меня необходимых книгохранилищ: начат был словарь в Петербурге, в условиях, исключающих возможность выхода из «квартиры»; обрабатывался он в Якутской области, а заканчивается в Женеве. Замечу, м(ежду) проч(им), что из числа сочинений, перечисляемых Пыпиным как не вошедшие в отд(ельные) издания, имеются такие, которые на сам(ом) деле в это издание вошли, только под другим заглавием. Например, Пыпин излагает (а А. Б.³ в «Мире божьем» перепечатывает) в числе неизданных статью или рассказ, вошедший в собрание сочинений под заглавием «Сеничкин яд».⁴ Было бы хорошо, если бы кто-ниб(удь) если не издал, то хоть изложил не переизданные сочинения Щ(едрина); пока этого не сделано, я поставлен в невозможность пополнить словарь Ввиду того, что печатание словаря откладывается почти на год, я думаю, что и представление мною предисловия м(ожет) б(ыть) несколько отложено. Условия, предложенные Вами, считаю для себя достаточно удобными.⁵

М. Александров (Ольминский)

¹ Это письмо неизвестно

² Фраза подчеркнута карандашом

³ Псевдоним критика и публициста А И Богдановича

⁴ Имеется в виду фрагмент из книги А Н Пыпина «М Е Салтыков» (СПб., 1899), посвященный циклу «Наша общественная жизнь» (с 44—58), и рецензия на книгу «Мир божий 1899 № 9 Отд II С 59—67) Явно имея в виду и «Сеничкин яд», А Н Пыпин указывал в первом примечании к главе «Журнальная деятельность» «Из ряда статей Салтыкова, на которых мы остановимся в дальнейшем изложении, только два-три рассказа были потом перепечатаны в сборнике „Признаки времени“ (Пыпин А Н Указ соч С 29)

⁵ Фраза подчеркнута карандашом

М<илостивый> г<осударь>, посылаю в Ваше книгоиздательство посылкой из Женевы «Щедринский словарь», о котором уже известно Вам (переговоры письменные об этом издании вел со мною от имени книгоиздательства г. Лемке). Вскоре надеюсь быть в Петербурге лично для выяснения некоторых обстоятельств дела. Остаюсь с уважением

Берлин 2(15) ноября
1905.

М. Александров
(М. Ольминский)

Многоуважаемый Михаил Константинович!

Вероятно, Вы уже успели выяснить судьбу моего щедринского словаря.

Будьте добры, сообщите результат по адресу: Здесь, ул. Жуковского, д. 11, кв. 10, Мих. Степ. Александрову, а также — где я могу получить рукопись обратно, если издательство раздумало ею воспользоваться.

М. Ал<ександров> (Ольминский).

Письмо не датировано. На нем имеется запись карандашом рукой М. К. Лемке «22/XII». Поскольку в ноябре 1905 г. М. С. Ольминский вернулся в Петербург, письмо относится к этому году.

Приложение

ПИСЬМО В. П. КРАНИХФЕЛЬДА К М. К. ЛЕМКЕ

Многоуважаемый Михаил Константинович!

Я просмотрел известную Вам отчасти рукопись Михаила Степановича Александрова — словарь к произведениям Щедрина — и она показалась мне заслуживающей серьезного внимания.¹ Будь я в силах, непременно издал бы ее сам. Не возьметесь ли за это дело Вы? Он сейчас очень нуждается и готов был бы продать ее в рассрочку. В крайнем случае Вы могли бы издать ее на условиях, о которых Вы говорили со мной, т. е. издать ее за свой счет, с выплатою типографских расходов от продажи издания. Но в этом последнем случае нельзя ли было бы вторую (авторскую) корректуру оплачивать автору из средств типографии наличными?

Как бы там ни было, рекомендуя Вам труд Александрова с своей стороны, я прошу Вас обратить на него свое благосклонное внимание и вступить с автором для этой цели в непосредственные сношения. Адрес его: Колокольная ул., 9, кв. 10.

Жму Вашу руку

1 авг<уста> 1906 г.

Вл. Кранихфельд.

¹ В статье «Щедринский словарь» М С Ольминский вспоминал, что В П Крайфельд «брал его два раза и подолгу держал» (На литературном посту 1928 № 7 С 77)

К. А. ФЕДИН АВТОБИОГРАФИЯ

Публикация А Л Ершова

Публикуемая ниже автобиография К А Федина находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), в архиве Государственного института истории искусств (ГИИИС), ф 172, № 335

Как следует из описи, автобиография была приобретена у автора 5 сентября 1928 г за 25 рублей Написанная в марте 1925 г, она представляет собой ответ на типовой вопросник, разосланный многим литераторам сотрудниками Кабинета современной литературы ГИИИСа ¹

В архиве ГИИИСа сохранились многочисленные ответы на данную анкету М М Шкапской (№ 61), Ю Н Тынянова (№ 129), М Л Слонимского (№ 312), А В Туфанова (№ 339), Б А Лавренева (№ 635) и многих других Благодаря тому что некоторые из анкетуемых ответы писали на присланном им бланке, нам известны и сами вопросы ²

¹ Основанием для подобного предположения является письмо Сергея Семенова от 30 марта 1925 г сотруднику Кабинета современной литературы ГИИИСа Ю С Перцовичу С Семенов пишет «Милый Юрий Саввич, верный своему обещанию, посылаю вам свою автобиографию и ответы на вопросы вашей анкеты Если сведения для вас недостаточны — черкните мне, и я охотно дополню» (ИРЛИ, ф 172, № 309)

² А. Автобиографические данные

- 1 ФИО,
- 2 Дата рождения,
- 3 Место рождения,
- 4 Сведения о Ваших родных (характеристика имел ли кто-либо из родных влияние на Ваше развитие),
- 5 Ваша национальность,
- 6 В каких учебных заведениях Вы учились, где, когда и какую окончили среднюю школу и Высшее учебное заведение,
- 7 В каких городах Вы жили, в какие годы и сколько времени Какое это имело влияние на Вашу литературную судьбу,
- 8 Ваше постоянное занятие,
- 9 Какие события Вашего детства имели, по Вашему мнению, влияние на Вашу дальнейшую жизнь (любимые авторы, любимый род литературы — в детстве и в юношеские годы),
- 10 Кто из современных авторов Вам ближе всего и почему,
- 11 Не состояли ли Вы в редакции какого-либо журнала или газеты и какой раздел Вами редактировался,
- 12 Какое из Ваших произведений Вы считаете наиболее для себя характерным,
- 13 Какой литературный жанр Вы считаете наиболее Вам удающимся или наиболее актуальным,
- 14 Ваше отношение к литературной критике вообще и к тому, что было написано о Вас в частности,
- 15 Как Вы представляете себе Вашего читателя и чувствуете ли Вы с ним связь,
- 16 Сведения по Вашему усмотрению

В. Библиографические данные

17. В каких изданиях по преимуществу и в каком отделе Вы печатались;
18. Где и когда появилось первое Ваше произведение;
19. Ваши псевдонимы;
20. Перечень отдельно изданных книг (желательно указание года, формата, издательства, места издания, числа страниц);
21. Перечень произведений, напечатанных Вами в периодических изданиях (то, что помните, особенно ранние произведения, можно ограничиться указанием журнала, газеты, сборника и т. д.);
22. Что Вам известно из библиографии о Вас.

1.¹ Я написал всего три автобиографическ(ие) заметки. Первая из них напечатана в «Литературных записках», № 3, I.VIII. 1922 г. и в «Нов(ой) Русск(ой) Книге», № 7, июль, 1922 г., Берлин; вторая — в сборнике «Литературная Россия», под ред. В. Лидина, изд. «Новые вехи», М., 1924; третья не напечатана и хранится у П. Н. Медведева.²

2. Федин Константин Александрович.

3. 12 (24) февраля 1892 года.

4. Город Саратов.³

5. Окончил в 1911 году Козловское (Тамб(овской) губ.) коммерческое училище.

6. Высшее не окончил (в 1911—1914 г. состоял студентом экономич(еского) отделения Московск(ого) Коммерч(еского) Института).

Разлагающее влияние имела школа, особенно младшие классы (приготовительный—третий).⁴ Я тогда учился в Саратовском коммерческом училище.⁵ Педагоги были бездарны и жестоки. Я до сих пор, наезжая в Саратов, не могу без боли и озлобления *проходить мимо здания*, в котором помещалось училище.⁶ Многие мои товарищи, доведенные до отчаяния бессмысленным режимом и тупым равнодушием школы, сбились с круга. Побег из дому родителей, восстановленных против своих сыновей педагогами, были обычным явлением. Я был плохим учеником. В пятом классе меня оставили на повторительный курс. Я упросил отца взять меня из училища и начал готовиться к поступлению в Техническое училище, но не выдержал удушливой, тяжелой обстановки, окружавшей меня дома (отец был суров), и бежал в Москву.⁷ Там меня пригрел такой же, как и я, несчастливец, своего рода специалист по побегам (он «удирал» на Кавказ, в Сибирь, еще куда-то) — Страшилин, впоследствии — художник.⁸ Отцу удалось разыскать меня, я вернулся домой, отношения с отцом как будто наладились, но ненадолго. Через полгода я снова бежал, на этот раз в лодке, по Волге⁹ и уже не от школьной муштры, а от прилавка: по возвращению из Москвы (это было зимой 1907 года) отец приспособил меня торговать в своем писчебумажном магазине.¹⁰

Побродив, я снова вернулся домой и выговорил себе право на ученье. Меня отпустили в Козлов.¹¹ В противоположность саратовскому коммерческому училищу козловское отличалось

добрыми нравами. Из педагогов я вспоминаю с любовью директора училища — А. И. Анкирского, сумевшего меня покорить своей необычайно «умной» сердечностью.¹² Я стал учиться сносно, по некоторым предметам даже хорошо (словесность, естественные науки, гуманитарные).

Тяжкий след в моей душевной жизни оставил саратовский погром евреев¹³ и вообще события 1905 года. Может быть, о них доведется когда-нибудь сказать.

Самое светлое и неизгладимо-прекрасное в моем детстве и в юношеские годы — моя мать.¹⁴ Черты этого человека, вероятно, общи тем чертам «русской женщины», которые всем нам хорошо знакомы по литературе, с той разницей, что для меня мать моя была не воображаемой «русской женщиной», а самым близким человеком по плоти, крови и душе. Она была малограмотна (судьба ее незавидна и нерадостна), но ее природа была утонченно-культурна.

8. Великоросс — по отцу и матери.¹⁵

9. Постоянное занятие — литература.

10. Полагаю, что критика имеет громадное значение для общественного мнения, для его формирования. Это — «исторически». Влияние критики на искусство — невелико, пожалуй — ничтожно. Она — производное искусства. Если, однако, мы знаем примеры того, как критика непосредственно влияла на искусство (а не через посредство общественного мнения), то такие случаи кончались плачевно для искусства.

Обо мне написано очень много. К тому, что до сих пор написано, я не отношусь никак.

11. Не хочу сказать.¹⁶

12. У нас — Гоголь, Достоевский; из новейших — Горький. На западе — Гейне, Диккенс, Гюго.

13. Если у меня есть читатель, то это, вероятно, существо несколько старомодное. Каким я *хотел бы* представить себе своего читателя? Я хотел бы видеть его человеческим, умеющим любить и жалеть, умеющим понимать несчастье и презирать жестокость. Признаюсь, без всякого стыда, — само это желание тоже старомодно.

14. Мне кажется, что я должен стать романистом; новелла мало увлекает меня. Актуальным же считаю всё, что талантливо.

15. Печатался в литературных альманахах и, отчасти, в журналах, всегда в отделе прозы.

16. Первое мое произведение не появилось нигде: его мне вернули (это был рассказ, написанный в Уральске, летом 1910 года).¹⁷ Впервые было напечатано одно стихотворение в журн(але) «Новый Сатирикон», в 1913 году, кажется в ноябре. Впрочем, неверно. Тогда было напечатано «Глубокомыслие» — произведение в три строки.¹⁸ Стихотворение появилось позже, вероятно — в феврале 1914 года, там же.¹⁹

17. Псевдонимов было несколько, когда работал в газетах. Называть их не следует, по-моему.²⁰

18 Отдельно изданные книги перечислены в «библиографии», помещенной в сборнике под ред В Лидина — «Литературная Россия», М, 1924, изд «Новые Вехи» К ней следует прибавить «Города и годы», роман, стр 387, 1924, «Сад» — 2-е изд, Гос(ударственное) Изд(атель)ство, Ленигр(ад), стр 20, 1924 В том же изд(атель)стве скоро должна выйти повесть «Анна Тимофеевна»²¹

19 К сборнику моему «Пустырь» (изд «Круга», М -П, 1923) приложена библиография изданий, в котором напечатаны рассказы, вошедшие в «Пустырь» В сборник не вошли ранее написанные рассказы, напечатанные в 1919 году в журнале «Отклики», который я редактировал (в Сызрани),²² и в газете «Агит-Роста» (рассказ «Дядя Кисель», премированный на литер(атурном) конкурсе Роста, выпуск 150, лист 1, Москва, 14 XI 1919) Рассказы, напечатанные в «Откликах», вполне достойны этого мизерного журнала, поэтому я никогда о них не говорю Там у меня были и статьи — не лучше, впрочем, рассказов²³

20 Смотрите 18 и 19 ответы

15 марта 1925 г

Конст Федин

¹ Ответ на этот вопрос не был предусмотрен анкетой Вполне вероятно, что он представлял собой ответ на вопрос № 16 — «Сведения по Вашему усмотрению»

² Медведев Павел Николаевич (1891—1942) — литературовед Работал научным сотрудником ИРЛИ, был заведующим литературным отделом Ленотгиза профессором теории и истории русской литературы в Ленинградском государственном педагогическом институте им А И Герцена Его архив хранится в настоящее время в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им М Е Салтыкова Щедрина (ф 474) В нем находится (Альбом № 2, л 30—31) шуточная анкета К А Федина, написанная на бланке заявления о принятии в члены Центрального Дома работников просвещения, которую, вероятно, имеет в виду К А Федин в данном случае Дата отсутствует, однако можно предположить что написана она была в 1922 г, так как на полях, рядом с резолюцией М Э Козакова «Сделать членом», имеется запись карандашом рукой неустановленного лица «Передать общему собранию в 1942 ом году» Вполне вероятно, что срок «выдержки» при этом был установлен в 20 лет (публикацию этого документа см ниже)

³ К А Федин вспоминал «Я родился на Большой Сергиевской улице Это говорила мне моя мать, в доме, который находился против Сергиевской церкви» (цит по *Бугаенко П А* Константин Федин и Саратовская земля Саратов, 1982 С 3)

⁴ В 1899—1901 гг К А Федин учился в Сретенском начальном училище в котором преподавали, как позднее вспоминал писатель, «дядя моей матери и мой крестный отец Семен Иванович Машков < > Моя мать воспитывалась Машковыми, жила у них в девичестве до выхода замуж за моего отца < > Я очень много почерпнул в доме Машковых в свои отроческие годы и юные годы — главн(ым) образом в отношении нравственных представлений что то удивительно чистое, прямое, честное, любовное и строгое было в этой паре — учителя и его жены» (*Федин К* Из переписки с земляками // Волга 1967 № 2 С 24)

⁵ В 1901 г он был определен в Коммерческое училище — отец желал видеть сына преемником в своем деле

⁶ Это чувство не стерлось с годами В 1967 г К А Федин вспоминал «Коммерческое училище на Константиновской улице я не любил всю жизнь — оно связано с самыми горькими переживаниями моей ранней юности» (*Федин К* Из переписки с земляками С 26)

⁷ Это произошло в декабре 1907 г Позднее писатель вспоминал «Бежал

в Москву, где меня отец и разыскал. Эта история, которая очень поучительна, мне самому представляется очень важным этапом в моем юношеском изначальном бытии. Как то я все не соберусь это сделать, описать эту трагическую историю бегства из дома родительского, бог знает куда к приятелю, в подвал какой то московский. Такая есть улица, она жива и до сих пор — Большая Кисловка (в 1949 г. эта улица была переименована в ул. Семашко — А. Е.) Вот оттуда то меня, к счастью, мой отец вытащил в Саратов, увез домой» (цит. по *Бугаенко П. А. Указ* соч. С. 9)

⁸ Кто именно имеется в виду, установить не удалось

⁹ «Летом 1908 года я сделал еще попытку бегства на лодке вниз по Волге, но не довел отчаянного предприятия до конца», — вспоминал К. А. Федин (цит. по *Бугаенко П. А. Указ* соч. С. 9)

¹⁰ К. А. Федин отмечал в этой связи в автобиографии: отец «положил мне четыре рубля жалования в месяц и перестал нюхать мой рот. За жалование и отпущенье смертного греха курения поставил меня в своей магазин приказчиком. Я выучился торговать» (Литературные записки 1922 № 3 С. 27)

¹¹ Осенью 1908 г. К. А. Федин уехал в Козлов (ныне Мичурино) для продолжения учебы. Он писал: «Мать оказалась мне в этом доброй опорой, чем была всю свою не очень легкую жизнь. Думаю, что только благодаря ее чуткой воле я не сбился с пути» (Советские писатели. Автобиографии. М., 1959. Т. 2. С. 567)

¹² Александр Иванович Анкирский — статский советник, преподаватель, а затем директор Козловского коммерческого училища

¹³ Имеется в виду погром 18—20 октября 1905 г. В автобиографии писатель отмечал: «погромы с матерью в погребе отсиживал (дверь на погребицу тоненькой веревочкой завязал), страшно было. Пожаров, стона и того, как с иконами в руках у ворот стояли, чтобы отвести погром, и того, как на глазах поляка разорвали, а я топал ногами и плакал, и того, как своего учителя скрипача (Гольдмана) в кухню под лестницу спрятал и луком прикрыл, — никогда не забуду» (Литературные записки 1922 № 3 С. 27)

¹⁴ Анна Павловна Фекина (?—1919). Позднее в автобиографии К. А. Федин писал: «Моя мать, Анна Павловна, урожденная Алякринская, дочь народного учителя, воспитанная своим дедом-священником в глуши Пензенской губернии, внесла в дом уклад русских духовных семей» (Советские писатели. Автобиографии. Т. 2. С. 567)

¹⁵ В неопубликованной автобиографии К. А. Федин писал: «Отец мой происходил из крепостных крестьян господ Боборыкиных — деревни Пестровка Инсарского уезда Пензенской губернии» (ИРЛИ, р. 1, оп. 31, № 1, л. 2). Впоследствии отец писателя, Александр Ерофеевич Федин, был приказчиком, а позднее сам приобрел писчебумажный магазин. К. А. Федин вспоминал: «Он был самоучкой, до женитьбы (в 1884 г. — А. Е.) пробовал писать стихи и всю жизнь имел слабость к немудрящей рифме, собирал религиозные книги, любил церковность». «Быт был строгий, заведенный отцом раз навсегда, как календарь. Во всем ощущалось принуждение» (цит. по *Бугаенко П. А. Указ* соч. С. 9)

¹⁶ Единственный вопрос анкеты, на который К. А. Федин не ответил, — «Какое из Ваших произведений Вы считаете наиболее для себя характерным». Вероятно, именно этот вопрос и имел в виду писатель.

¹⁷ В автобиографии К. А. Федин позднее писал: «Первый рассказ был сочинен еще летом 1910 года, в Уральске, где я гостил у сестры. Это было подражание Гоголю — его „Шинель“ оставалась надолго одним из глубочайших моих внутренних потрясений. Я понял, что это подражание, много позже, в зрелые годы, а когда писался рассказ, мне чудилось — я пою, как птица. Я отправил тогда эту птичью песню из Козлова в Петербург, в „Новый журнал для всех“, и перенес первое, столь хорошо знакомое новичкам сочинителям, горе журнал возвратил мне рукопись без всякого ответа» (Советские писатели. Автобиографии. Т. 2. С. 567—568)

¹⁸ Глубокомыслие (Из записной книжки преподавателя классической гимназии) // Новый сатирикон 1913 № 21 С. 3. Подпись: Нидефак. Первая публикация — миниатюры в том же году, в № 2 того же журнала.

¹⁹ Несчастливая осока («В тени орешника, где шест скворешника») // Новый сатирикон 1914 № 9 С. 3. Подпись: Нидефак.

²⁰ См К А Федин // Русские советские писатели Прозаики Библиографический указатель М, 1968 Т 5 С 322

²¹ Повесть эта вышла в Ленигизе в 1925 г

²² В автобиографии К А Федин замечал «Вскоре мне представилась соблазнительная возможность работать хотя бы в провинциальной печати» (Советские писатели Автобиографии Т 2 С 568—569) Перечень произведений, опубликованных в этот период, см Русские советские писатели Прозаики Т 5 С 330—332

²³ См примеч 24

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Заявление

Прошу зачислить меня в Члены Центрального Дома

Анкета № 100 *

1. Фамилия *Культякин*
2. Имя *Фаддей*
3. Отчество *Лукич*
4. Год рождения *1691*
5. Образование *домашнее*
6. Партийность (№ билета) *не могу понять*
7. Профессия *писатель*
8. Специальность *критик*
9. Стаж *с 1719 года*
10. Семейное положение *женат, 17 ч(еловек) детей*
11. Время вступления в Союз *не состою*
12. № Союзного билета Рабпроса *не имею*
13. Член Дома *с не член*
14. Место службы *не имею*
15. Домашний адрес *бездомен*
16. В какой работе в Центр(альном) Доме намерены принять участие (кружки, лекции, экскурсии и т. д.) *не намерен*
18 октября 1780 г.
Подпись Культякин

В верхнем правом углу рукою неизвестного лица сделана запись: «Передать общему собранию в 1942-ом году». Ниже — резолюция рукою Мих. Козакова: «Сделать членом».

В. В. ВИШНЕВСКИЙ ПИСЬМА К А. М. ДМИТРИЕВУ

Публикация В. И. Протченко

Всеволд Витальевич Вишневский (1900—1951) — писатель-коммунист, драматург, чье творчество особенно ярко раскрылось в 1930-е гг. Его письма к широко известному в ту пору советскому писателю-маринисту Адаму Мартыновичу Дмитриеву (1902—1936) относятся именно к этому времени — они охватывают период с сентября 1930-го по октябрь 1935 г

¹ Все выделенное курсивом написано рукою К А Федина

Ценность публикуемых писем определяется прежде всего тем, что они при надлежат одному из основоположников оборонной темы в советской литературе и обращены к другу и единомышленнику в творчестве и литературно-организационной работе В Вишневский и А Дмитриев, кроме того, были в числе первых и активнейших инициаторов создания Ленинградского отделения ЛОКАФ — возникшего в 1930 г Литературного объединения Красной Армии и Флота, среди отделений которого (на Украине, в Белоруссии, на Северном Кавказе, на Черноморском флоте, на Дальнем Востоке и т д) ленинградское являлось одним из наиболее крупных и значительных В состав ЛОКАФа входили М Горький, А Серафимович, Д Бедный, А Фадеев, Ф Гладков В качестве членов инициативной группы центральной организации ЛОКАФа многое сделали для ее формирования и успешной работы не только писатели-москвичи, но и наиболее видные представители местных организаций — Н Асеев, Д Бедный, А Безыменский, В Вишневский, А Дмитриев, Мате Залка, Я Купала, Ю Либединский, В Ставский, А Сурков и другие писатели, а также представители Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ПУРККА)

ЛОКАФ ставил своей задачей создание художественных произведений о войне и Красной Армии, воспитание молодых творческих кадров из среды красноармейцев и краснофлотцев, организацию литературных кружков и объединений в частях армии и флота, издание журналов, альманахов, сборников, посвященных обороне страны Говоря о заслугах наиболее видных представителей ЛОКАФа, А Тарасенков, в частности, справедливо подчеркивал, что «патриотические усилия группы передовых советских писателей были вызваны обострением военной опасности, грозившей СССР, необходимостью создать такую художественную литературу, которая помогла бы идеологическому воспитанию широких масс читателей в патриотическом духе, помогла бы духовной мобилизации молодежи против возможной фашистской агрессии»¹

В 30-е гг влияние идей ЛОКАФа на свое творчество испытали такие известные писатели, как А Новиков-Прибой, Б Лавренев, П Павленко, В Луговской, Н Тихонов, А Толстой, А Малышкин, С Щипачев, А Сурков и др

Центральная организация объединения с 1931 г издавала свой журнал, который так и назывался — «ЛОКАФ», а в 1933 г был переименован в «Знамя» Ленинградское отделение ЛОКАФа с января 1931 г до лета 1934 г издавало журнал «Залп», имевший подзаголовок «Литературно-художественный и критический ежемесячник Ленинградско-Балтийского литературного объединения Красной Армии и Флота»

Некоторые наиболее заметные «начальные» издания ЛОКАФа помещали на своих страницах специфический «морской» материал, как, например, наиболее ранний из них — еженедельник «Моряк» (1917), издававшийся Гельсингфорским матросским клубом (Хельсинки) С апреля 1918 г он некоторое время печатался в Петрограде, при центральном морском журнале «Морской сборник», старейшем из морских изданий в России Уже в советское время (декабрь 1917—март 1918 г) в Ревеле (Таллинне) издавался еженедельник «Шторм» В это же время в Петрограде начал выходить еженедельник «Свободный флот», переименованный в декабре 1917 г в «Революционный флот» и затем вобравший в себя журнал «Моряк» В октябре 1917 г возник журнал «Центрофлот», а вскоре здесь же, в Петрограде, еще один — «Альбатрос» (1918) — при самом активном участии поэта В Кириллова, открывшего первый номер журнала своим стихотворением «Матросам» (1918)

На базе существовавшего в 1920 г ежемесячника «Красный балтиец» в апреле 1922 г был создан общероссийский флотский журнал «Красный флот», реорганизованный в 1928 г в «массовый военно-морской, литературный и иллюстрированный журнал» «Краснофлотец» В 1929 г он слился с журналом «Красноармеец» и стал выходить под названием «Красноармеец и краснофлотец»

Что касается маринистики в Ленинградско-Балтийском ЛОКАФе, то существенную сторону ее зарождения и движения на первых шагах раскрывает, в частности, свидетельство В Вишневого «Осенью 1922 года в Балтийском флоте создается литературная группа Организатором ее был автор этих строк Моряки связались и со своей газетой „Красный Балтийский Флот“ Движение приобрело новый характер выступал коллектив писателей, октябрьское поколение < > Движение расширялось Моряки-писатели концентрировались вокруг флотской газеты и нового журнала „Красный флот“ И именно сюда, к этому центру, стали подтягиваться начинающие тогда моряки-писатели Л Соболев, С Колбасев, С Абрамович-Блэк, А Дмитриев, Г Тарпан, а вслед за ними — писатели молодого поколения И Зельцер, Н Мамин, Гаврилов, Галышев, и др»²

Ведущий отряд ЛОКАФа составили молодые писатели-моряки, участники Центральной Краснофлотской группы Балтфлота (работавшей при Кронштадтском Доме Красной Армии и Флота) А Дмитриев, В Вишневский, Н Мамин, В Кнехт, Л Соболев, С Колбасев, С Калышев, И Зельцер, объединившиеся вокруг журнала «Залп»³ Являясь наиболее активными участниками инициативной группы организации Ленинградско-Балтийского ЛОКАФа, В Вишневский и А Дмитриев в 1931 г составили обращение от имени актива Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП) «Ко всем членам ЛАПП» Обращение призывало писателей Ленинграда активизировать творческие усилия на создание по-революционному боевой и художественно полноценной литературы, бороться «за решительное господство революционного мировоззрения», «за сознательную, боевую партийность» искусства, «потому что она означает мобилизацию литературы на службу практическим задачам класса на сегодняшний и завтрашний день»⁴

Эти требования идейно-революционной чистоты советской литературы, призванной, по убеждению В Вишневого, неизменно воспитывать читателя и внутренне готовить его для решения практических задач строительства социализма и его защиты, характерны и примечательны тем, что они составляют скрытый либо откровенно взрывчатый пафос большинства имеющих в нашем распоряжении писем писателя к А Дмитриеву С присущей его стилю повышенностью интонаций, с заостренностью формулировок, весьма характерных, впрочем, для многих литературных споров того времени, В Вишневский касается в своих письмах также общих проблем взаимоотношений художественной правды и действительности, документализма, проблемы взаимоотношений критики и литературы, проблемы развития советской драматургии, ее жанрового своеобразия и художественно-образного наполнения, а также других, более частных вопросов и литературных забот

Творческий и жизненный путь адресата В Вишневого, А М Дмитриева, современному читателю известен мало Выходец из семьи белорусского крестьянина, переселившийся в 1912 г в Сибирь в район бывш Целиноградской области), он семнадцати с небольшим лет вступает в партию и включается в активную политико-просветительскую, а вскоре и в организационно-практическую работу «С приходом Советской власти в Сибирь, — писал, в частности, А Дмитриев в автобиографии, хранящейся в его архиве, — поступил на писарскую службу в волостном полком, одновременно организовал в своем селении ячейку сочувствующих РКП и был секретарем ячейки Это ноябрь 1919 г В апреле 1920 г был назначен секретарем нарсуда Кыштовского района, а 23 марта 1920 г местной ячейкой утвержден членом РКП(б)

В ноябре 1920 г Татарским укомом партии командирован в Сибирский коммуниверситет в город Омск, окончил краткосрочный курс комвуза в мае 1921 г Тогда же был назначен инструктором отдела управления Сибревкома (Новосибирск) В июле 1921 г послан для организации Каргатского уезда с группой товарищей был зам(естителем) зав(едующего) уездным отделом управления

в Каргате и членом президиума уездревкома В этой должности пробыв до сентября 1922 г — уже (будучи) членом уездисполкома и укома партии По совместительству одно время заведовал агитпропотделом укома Зиму 1921—1922 годов был на продработе — чрезвычайным уполномоченным по налогу (длительная командировка)

В сентябре или начале 1922 г назначен был зав(едующим) секретно директивной частью новосибирского губкома ВКП(б), а в конце декабря по решению названного губкома откомандирован для службы в Дальневосточный флот » (№ 104, л 1—2) В феврале 1923 г А Дмитриев зачисляется краснофлотцем на военный корабль, избирается секретарем партийной ячейки флотского экипажа и успешно осваивает морскую специальность

Для понимания некоторых жизненных истоков творчества А Дмитриева важно отметить, что вторая половина 1923 г в его краснофлотской биографии связана со службой на корабле «Адмирал Завойко» — в качестве электрика и секретаря партийной ячейки этого судна С 1924 г А Дмитриев — уже как политработник Амурской флотилии — продолжает участвовать в борьбе с остатками белогвардейских банд, с диверсантами и контрабандистами империалистической Японии С осени 1925 г талантливый военмор А Дмитриев — политработник на военных кораблях Балтики, а затем — в Политуправлении морских сил Балтики

Все эти годы он активно сотрудничал в краснофлотской печати, редактировал литстралицу газеты «Красный Балтийский флот» (1919), был членом РАПП (в составе литературной группы, формировавшейся вокруг журнала «Смена»)

В 1930 г, оставаясь в распоряжении Политуправления Морских сил Балтийского моря (Пубалт), он откомандировывается на руководящую и литературно-творческую работу в Ленинградский ЛОКАФ и назначается (по февраль 1931 г) его оргсекретарем Вслед за тем он — заместитель редактора, а с 1932 г — редактор журнала «Залп»⁵ и редактор серии «Литература и война» в Лениздате В 1932 г А Дмитриев избирается заместителем председателя Правления ленинградского отделения ССП и исполняет обязанности заведующего сектором современной литературы Ленгосиздата, что отнимает у него много сил и времени

Еще не подозревая о том, что надвигающийся недуг оставляет ему ровно год жизни, он 12 января 1935 г мимоходом жалуется в письме к В Вишневскому «У меня дела плохи Я не написал ни единой строчки — мешает служба < > Прямо-таки нет выхода Я весь день, как сукин сын, сижу в издательстве, высиживаю часы, треплюсь и т п Но что поделать? Кто меня вырвет из аппарата? А вечерами читаю горы барахла, каждый день часа по четыре—пять < > Урывками кропаю книгу, неровно, с больной головой И спешу!»⁶

Писать А Дмитриев начал, по его собственному свидетельству в автобиографии (№ 104, л 9), в 1925 г Годом позже в журнале «Красный флот» (1926 № 5) появился его рассказ «За хищниками», основанный на жизненных наблюдениях автора в период службы на Дальневосточном флоте В рассказе представлена картина борьбы дальневосточных моряков с японскими контрабандистами, незаконно промысляющими рыбу в советских территориальных водах Дальневосточному флоту посвящена и приключенческая повесть А Дмитриева «Крейсер „Ниппо“» (1928)

Книгой, которую сам автор рассматривал как «пропуск» в настоящую литературу, явилась повесть «Есть — вести корабль» (1931) Критика 1930-х гг заметила повесть и указала на ряд ее несомненных достоинств как первого серьезного произведения, посвященного красному Балтийскому флоту периода мирных будней

Над последним и наиболее значительным произведением — романом «Адмирал Макаров» — А Дмитриев работал с 1930 г до конца жизни Роман посвящен событиям гражданской войны на Дальнем Востоке «Я хочу на примере одного корабля, — раскрывал писатель свой замысел, -- показать, как героически дрались

большевики с японскими интервентами и белогвардейцами, сколько мужества, находчивости и дипломатического искусства проявили они в крайне сложной, запутанной обстановке Дальнего Востока, как умело раслаивали старых специалистов и использовали противоречия в империалистическом лагере. Снова надвигается война, и надо хорошо знать опыт нашего героического прошлого»⁷

Первая книга романа закончена писателем в 1933 г и опубликована в журнале «Знамя» (1934, № 3, 4). Отдельным изданием вышла в Ленинграде в 1936 г. Вторая книга осталась незаконченной, представлена в архиве писателя в отрывках (№ 42). Несмотря на то что из огромного замысла писателя оказалась реализованной и дошла до читателя лишь первая книга, роман, как произведение во многом новаторское, остается заметным явлением в истории советской маринистики⁸ «Двадцать лет биться с жизнью, два десятка лет завоевывать (с огромным напряжением сил) возможность оставить после себя следы в живом мире и вдруг свалиться, обессилев, и стать неспособным делать дело () Страшно трудно привыкнуть к мысли, что лечиться надо долго, что надо не меньше года жить в Ялте и что неизвестно, когда я смогу сесть за „Адмирала“»,⁹ — так писал А. Дмитриев своему другу Н. Свирину, всем существом художника и коммуниста не приемля мысли об обреченности своего положения.

А. Дмитриеву не суждено было закончить роман, которому он посвятил столько душевных сил и надежд. Однако его «следы в живом мире» продолжают излучать теплоту. И не только в книгах. До конца своих дней это живительное тепло ощущали на себе писатели-друзья, близко знавшие его как человека и политического наставника. Л. Соболев так и называл А. Дмитриева — «мой комиссар», подчеркивая то особое значение, которое имела для его писательской молодости взыскательная и окрыляющая дружба с локафовским соратником, который, будучи моложе по годам, обладал тем не менее притягательным превосходством духовного багажа и политического опыта.

Спустя годы после смерти А. Дмитриева, в феврале 1947 г., другой его товарищ по перу, Б. Лавренев, писал в письме к А. Прокофьеву «Покойный Адам был хорошим, честным тружеником и чистым человеком»¹⁰.

Отраженные в письмах факты многообразной и тесной связи участников переписки с социальной действительностью, их доверительно-откровенный тон дают возможность углубить и уточнить наши представления не только о внутренних творческих установках и взглядах В. Вишневского на вопросы литературной и общественной жизни своего времени, но также и о существенных чертах его характера, личных вкусах и привязанностях. В публикуемой переписке, в частности, особенно наглядно запечатлелись такие качества В. Вишневского, как бескомпромиссность и прямота в выражении взглядов и оценок при обсуждении самых разнообразных вопросов и в то же время — неизменная душевная чуткость по отношению к своему адресату, оплодотворенная теплом подлинной дружбы и непоказного участия в судьбе друга, столь рано отмеченной трагизмом неосуществимости творческих замыслов и человеческих надежд.

Примечательную особенность писем В. Вишневского составляет при этом способность их автора естественно и органично переводить разговор из русла личных, дружеских тем к насущным вопросам текущей литературной практики, забывших ЛОКАФ, к судьбам советской культуры. Таково, например, уже самое начало его первого письма за 1935 г. (от 3 января) «Адам, во-первых, просто так, дружески жму лапу. Идет 1935-ый год, год будет серьезный. Где придется вместе орудовать, действовать, писать»¹¹ — «Какие судьбы над головой»¹². И оглядывается фронт испытанных товарищей. » Вишневский предстает перед нами и как художник, исполненный больших замыслов и делящийся творческими планами с другом, и как тонкий критик, всегда готовый принять активное участие в анализе и оценке произведений близкой ему оборонной тематики. В этом отношении выраженная в приведенных нами строчках готовность В. Вишнев

ского вмешаться в литературную судьбу произведения молодого автора весьма показательна и обращает на себя внимание, тем более что перед этим В Вишневым уже была опубликована обстоятельная статья, посвященная спорам вокруг первой книги романа «Адмирал Макаров»¹¹

По своему характеру и содержанию публикуемые письма В Вишневого довольно разнообразны. Это и краткие дружеские весточки о себе — на почтовых открытках, и сугубо деловые письма — о заботах литературных, и письма отзывы, письма-рецензии

Среди них особого внимания, на наш взгляд, заслуживает письмо, являющееся приложением к письму от 8 сентября 1935 г. В Вишневым пытался здесь поднять настроение тяжело болеющему А Дмитриеву

Добавим, что большую заботу проявлял В Вишневым и по отношению к младшим собратям по перу, всячески помогая их становлению как художников. Ярким примером тому может служить, в частности, его интерес к С. И. Абрамовичу Блэку,¹² вниманием к творческой судьбе которого проникнуто едва ли не каждое второе письмо к А Дмитриеву

По свидетельству В Вишневого, к 1936 г. (ко времени завершения его переписки с А Дмитриевым) С. Абрамовичем-Блэком было написано также около 500 художественных очерков, 35 рассказов, несколько военных радиопьес, три книги для детей (*Вишневым В. О морском романе С. 14—15*)

Уместно отметить то обстоятельство, что еще до совместной работы в Ленинградско-Балтийском ЛОКАФе С. Абрамович-Блэк в годы службы на Дальнем Востоке выпускал совместно с А Дмитриевым рукописный литературный журнал «Амурские вымпелы». Вполне естественно поэтому, что А Дмитриев весьма охотно откликался на все советы и пожелания В Вишневого, касавшиеся помощи молодому писателю-маринисту

Добавим в заключение, что в публикуемых письмах В Вишневого, естественно, далеко не в полном объеме отражено все многообразие его личных и литературно-общественных отношений с А Дмитриевым. Более того, есть основания предполагать, что не все письма В Вишневого к последнему сохранились

Ответные письма А Дмитриева (их 9), охватывающие период с 27 марта 1930 г. по 25 ноября 1935 г., хранятся в ЦГАЛИ, ф. 1038 (В Вишневого), оп. 1, № 2762. Черновик письма А Дмитриева к В Вишневному от 3 ноября 1934 г. находится в его фонде в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

11 писем В Вишневого печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 715, № 59)

¹ Тарасенков А. Силы утверждения М., 1955 С. 116

² Вишневым В. О морском романе // Абрамович-Блэк С. Невидимый адмирал М., 1936 С. 11, 12. Более подробно о ранней советской маринистике см. Селиванов В. Военно-морская пресса за десять лет // Красный флот 1927 № 20, Вильчинский В. Советские писатели-маринисты Л., 1979 С. 12—58

³ Большую работу в Ленинградско-Балтийском ЛОКАФе вели также Н. Тихонов, Б. Лавренев, критики Н. Свиринов, Р. Мессер, С. Варшавский, Е. Добин, А. Дымшиц, Н. Гринберг и др.

⁴ ИРЛИ, ф. 715 (А. М. Дмитриев), № 137, л. 1. Далее ссылки на материалы этого фонда даются в тексте с указанием лишь номера единицы хранения и листа. Общий обзор документов фонда см. Полякова Г. Архив А. М. Дмитриева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год Л., 1974 С. 49—54

⁵ В конце 1934 г. журнал «Залп» был закрыт. Его задачи взял на себя журнал «Знамя», созданный в 1933 г.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 7

⁷ Дмитриев А. Есть — вести корабль Адмирал Макаров Л., 1936 С. 9

⁸ Подробнее о творчестве А. Дмитриева см. Вильчинский В. Указ соч. С. 115—122. К сожалению, эта работа не свободна от некоторых фактических неточностей. Так, на с. 120 мы читаем: «В основу романа, законченного в 1934 г.,

писатель положил подлинный эпизод из эпохи борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке вывод большевиками из японо белогвардейского плена сторожевого крейсера „Адмирал Макаров“ с оружием и боеприпасами для красных партизан Как известно, первую книгу романа А Дмитриев закончил в 1933 г, к началу 1934 г ее рукопись уже находилась в портфеле редакции «Знамя» и спешно готовилась к публикации в № 3—4 На 1933 г как год окончания романа указал Дмитриев в автобиографии (№ 114, л 9) Вторая неточность в приведенной цитате касается исторического факта Крейсер «Адмирал Макаров» в продолжении первой мировой и гражданской войн постоянно действовал в составе Балтийского флота и, таким образом, находиться на Дальнем Востоке не мог Изображенные в романе корабль и действующие лица, являясь художественным отражением типичных перипетий в судьбах революционных дальневосточных судов и их команд, несут условные имена и названия, что вполне естественно для художественного произведения

В действительности события, положенные в основу романа А Дмитриева связаны с революционной биографией команды корабля «Адмирал Завойко» на котором он в свое время служил и историю которого, естественно, хорошо знал Ссылку на этот корабль как на «прототип» изображенного в романе А Дмитриева делал, кстати, в свое время и В Вишневский в статье «Бездумный критик» (Литературный Ленинград 1934 26 окт) Об этом же убедительно свидетельствует и содержание публикуемой переписки двух писателей В письме от 3 ноября 1934 г В Вишневский советует А Дмитриеву с целью всестороннего выявления достоинств и недостатков первой книги «Адмирала Макарова» добиваться ее обсуждения в возможно более широком кругу творческих организаций и местных отделений ЛОКАФа И следом добавляет примечательную фразу «Рекомендую втянуть в дело т(оварищей) завойковцев Прочли ли они книгу? Знают ли суть спора?»

⁹ Дмитриев А Есть — вести корабль Адмирал Макаров С 12

¹⁰ ИРЛИ, ф 726 (А Прокофьева), оп 2, № 603, л 3

¹¹ Вишневский В Бездумный критик // Литературный Ленинград 1934 № 56 26 ноября

¹² Сергей Иванович Абрамович Блэк вышел из семьи железнодорожного служащего С 1905 г учился в Петербурге в реальном училище, затем в политехникуме В канун первой мировой войны попал во флот, участвовал в войне, получил первый офицерский чин Принимал участие в Октябрьской революции и гражданской войне В 1922—1923 гг служил на Дальнем Востоке В последующие годы — командир эскадронного миноносца на Балтике

Начал писать стихи с 16 лет С началом революции С И Абрамович Блэк издавал кают компанейскую газету «Бодряга», вел дневниковые записи — в частности, как очевидец и участник, подробно описал знаменитый рижский бой русского флота против немецкой эскадры в канун Октября (эти записи впоследствии составили основу его романа «Невидимый адмирал»)

В годы первой пятилетки С Абрамович Блэк в качестве начальника гидрографической партии принял участие в морской экспедиции в Якутию, где изучал неисследованные районы Результатом экспедиции явилась книга «Записки гидрографа» (Л, 1934)

1

Одесса, 6 сент(ября) <19>30 г

Привет!

Как дела? Пока я в Одессе — до 10-го ¹

Собираю материал по гр(ажданской) войне Потом еду к месту б(ывших) боев на Украине Потом в Крым ²

Напишу из Крыма, из Севаст(ополя) — о «Штурме» ³

Привет всем тт

Вс Вишневский

Адрес дам, когда остановлюсь подольше

¹ В Вишневский прибыл в Крым в начале сентября 1930 г с целью сбора материалов для осуществления своих творческих замыслов

² То обстоятельство, что за недостающим материалом В Вишневский отправился в Крым и на Украину (где в годы гражданской войны он, кстати, сражался сам в рядах революционных матросов), служит в пользу предположения, что материалы писатель собирал для цикла рассказов «Матросы», над которым он работал в период с конца 1920-х до середины 1930-х гг (Лучшие из рассказов, заново отредактированные автором в 1940 г, включены под общим названием «Матросы» во 2-й том собрания сочинений писателя в 5 томах (М, 1954)) События гражданской войны в Крыму и на Украине нашли отражение в содержании ряда рассказов этого цикла

Прямым подтверждением нашего предположения служит второе краткое послание В Вишневецкого к А Дмитриеву от 11 сентября 1930 г с евпаторийского рейда

Можно также предположить, что Вишневский намеревался использовать собранный материал для эпопеи «Война», над которой он работал в 1929—1939 гг и которая осталась незаконченной (опубл во 2-м томе собрания сочинений в 5 томах (М, 1954))

³ Вероятно, имеется в виду существовавшая в Севастополе, при газете «Красный Черноморский флот» (1920), литературная группа «Шторм», созданная в годы гражданской войны и близкая по своим устремлениям к ЛОКАФу Об этом, в частности, свидетельствует письмо писателя-локафовца Н Мамина к А Дмитриеву от 19 апреля 1930 г «Во время моего севастопольского житьишка „посетил“ я < > и литгруппу „Шторм“»(ф 715, № 80, л 1) Вполне естественно, что Вишневский, проявлявший особый интерес к подвигам революционных моряков Черноморского флота, как и другие локафовцы-маринисты, стремился установить творческие контакты с этим объединением

2

11 сентября 1930 г.

Плаваю. Шамаю. Собираю материал для «Матросов».

Как дела, какие новости?

Стукни спешное на Ялту, до востребования.

Жду.

Привет всем друзьям.

Вс. Вишневский.

3

8/II—(19)34

Адам!

Прочел все.¹ Мнение прежнее: интересно, места есть отличные. Но неровно. Язык надо чистить. Посиди над этим. В Москве буду править первую часть.

Книга широкая. Как-то у тебя дальше будет? Жду тебя в Москве к 5/III.²

Вс. Вишневский.

< . >³

Язык отличный Нет фальши. Вещь крепкая. Конец как-то авантюрно снижает (местами) — но развязка на мостике драматична.

М<ожет> б<ыть>, будут упреки — «где связь с массами и пр.»? Типы живые.

Местами вещь очеркова, схематична, но это встречается редко.

Могут упрекать: «А где все партруководство, показан ли комиссар и бегло ячейка». . .

Я бы советовал поднять конец.

Речь в конце я бы дал не прямо, а отраженно, показав, как ее слушают (гнев, радость).

Крой!

Вс. Вишневский.

¹ Имеется в виду рукопись первой книги романа «Адмирал Макаров»

² Факт посещения А Дмитриевым Москвы в марте 1934 г не установлен

³ На 3-й странице письма Вишневским сделаны выписки отдельных слов и некоторых выражений из романа с сокращенно-условными замечаниями и пометами к ним, оставшимися нерасшифрованными

4

18/Х—<19>34

Адам, салют!

С. Варшавскому встрепку даю, — прилагаю.¹ Отдай срочно М. Козакову² и воздействуй, чтобы скорее дал.

(Справку о дате статьи Варшавского в Л<итературной> г<азете> дай на стр<анице> 2 моей статьи).

Второй вариант для Москвы даю особо.³ Об этом Козакову не сообщай.

За книги, которые привез Вашенцев,⁴ спасибо.

С М. Суббоцким⁵ говорил, — якобы возмущался: «Кого назначаете! Армии не знает. . . Не справится! Не хочет и не может!⁶ etc.» Миша спужался. Наметили Исбаха.⁷ Сейчас решают. . .

Сообщи, как дела. Держи под творческим надзором Абрамовича. Надо, чтобы парень вылез, надо, чтобы сделал вещь.⁸ Подсобляй ему.

Адамсон, пиши вообще. Что слышно, что есть нового у лен<инградских> писателей? Как твои литературные дела?

Жду ответ.

Всеволод.

¹ Варшавский Сергей Петрович (р 1906) — прозаик и критик, деятельность которого с начала 30-х гг была связана с Ленинградско-Балтийским ЛОКАФом Автор «Открытого письма» Дмитриеву по поводу его романа «Адмирал Макаров» (Лит газ 1934 2 авг)

В «Открытом письме» С Варшавский предпринял анализ первой книги романа, где наряду с действительными недостатками произведения молодого

автора (схематизм отдельных сцен и образов, язык) подверг несправедливой критике его основное содержание как произведения о революционных морях. При этом необоснованная критика ряда положений романа, его ситуации и характеров, как выяснилось, вызвана слабым представлением автора «Открытого письма» о самой действительности, отображенной в романе «Адмирал Макаров».

Против этого выступления С. Варшавского и была полемически направлена статья Вишневого «Бездумный критик», которую он просит А. Дмитриева передать в редакцию «Литературного Ленинграда», где статья и была опубликована 26 октября 1934 г.

² Козаков Михаил Эммануилович (1897—1954) — русский советский прозаик и драматург, в то время редактор газеты «Литературный Ленинград».

³ Публикация второго варианта статьи В. Вишневого с критикой «Открытого письма» С. Варшавского не обнаружена.

⁴ Вашенцев Сергей Иванович (1897—1970) — поэт и прозаик оборонной темы, сотрудничавший с Ленинградско-Балтийским ЛОКАФом.

⁵ У Вишневого неточно Субоцкий Михаил Матвеевич — в те годы заместитель начальника культпропа Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ПУРККА), ведавший ЛОКАФом и его органом — журналом «Знамя» — по линии ПУРККА.

⁶ Что имеется в виду, установить не удалось.

⁷ Исбах Александр (наст. фам. Барах Исаак Абрамович, 1907—1977) — автор нескольких произведений на оборонную тему, член редколлегии журнала «Знамя». Речь, по-видимому, шла о возможной кандидатуре на должность редактора журнала.

⁸ В это время С. Абрамович-Блэк работал над своим первым крупным произведением «Невидимый адмирал» (Знамя 1935 № 9). Первоначально — по месту описываемых событий — роман носил название «Моонзунд». В результате боя в октябре 1917 года у Моонзундских островов в Балтийском море (ныне территория Эстонии) корабли русской эскадры, принявшие сторону большевистского Центробалта («невидимого адмирала»), не позволили немецкому флоту прорваться в Рижский залив.

5

Москва, вечер, 25/X—〈19〉34 г.
А. Дмитриеву

Привет!

Твое письмо, Адам, получил (о Лаврениеве «дипписулька» и о моей статье).¹

Давай по существу. Мне бы ты мог писать без намеков и т. п., Лаврениев чего хочет? И что ты ему сказал?

Вот письмо одного моряка: «Пора литераторам с ленточкой „Шалун“ (Лаврениевым) перестать гадить на палубах военных кораблей. . .» Ясно?

Представь себе, что в «Адм(ирале) Макарове» было бы на 15 страниц лаврениевских ошибок! Ну? Что надо было бы делать?

У Варшавского вагон таких ляпсусов, невежества — и мы его не лупим.

А ты ударился в «политику»: де литературный вымысел, так и Л. Толстого можно по-военному «убить». .

Ты не равняй Лаврениева с Л. Толстым. Ты, марксист, писатель, возьми основу, ткань Лаврениева, его «Страт(егическую) ошибку». Все фальшиво. Будешь спорить? Можно по неск(ольким) пунктам

полемизировать, но в основе — он не знает и не понимает данный матерьял. Опыт «Син⟨его⟩ и бел⟨ого⟩» — чего уж лучше!

«Надо приветствовать попытку Лавренева перейти. . .» и т. д., — пишешь ты. Что приветствовать: переход от слабого знания русск⟨ого⟩ флота к полн⟨ому⟩ незнанию англ⟨ийского⟩ и немецкого?! Помилуй бог, Адам! Я удивлен твоим письмом. Либо бороться за качество, быть твердыми, либо потворствовать и делать «политику» с «мастерами». (Да какой он «мастер»?) — Долго еще цацкаться: Да, перейдет к нам или нет?

Без дураков: ездит он на флот, хочет работать — давайте учить его. Ясно, что ляпает, не хочет сидеть и изучать матерьял. В след⟨ующий⟩ раз пойдет к консультантам. Вот и все. . . Пусть и «Синее и белое» даст в⟨оенно⟩-м⟨орским⟩ консультантам.

Ты взвесь все и свои редакторские гуманизмы брось. Пиши мне все прямо. А Лавренев может мне писать тоже прямо — без попыток коммуниста А. Дмитриева противопоставить коммунисту Вс. Вишневскому. (Ясна тебе ситуация? Так устраивают «дела». . .).

Обдумай — и умело сделай нужные шаги; какие — дело твое. Пусть прежде всего не будет задних ходов и противопоставлений. Ошибки есть ошибки. Я это показал. Желаете еще одну экспертизу, идите к военно-морским писателям, в частности А. Дмитриеву, автору «Адм⟨ирала⟩ Макарова». Он может тоже все показать. (К «редактору» А. Дмитриеву не ходи).

Если я дам лит⟨ературно⟩-крит⟨ический⟩ разбор+в⟨оенно⟩-м⟨орские⟩ ошибки Лавренева, загроблю его вещь совсем. . . А?

О моей статье.² Ты хочешь в одну статью ввалить и японск⟨ие⟩ справки, и полемику, и порку Варшавского, и аргументацию, и памфлет — и. . . разбор романа!³ Что ты, друг! . — Да я только вчера прочел высказывания Павленко,⁴ Соболева (крутит!.)⁵ и др. — на летнем обор⟨онном⟩ совещ⟨ании⟩ — о твоём романе. Надо обдумать, собрать полемич⟨еский⟩ матерьял, все рассмотреть — и тогда дать свою оценку. Это я и сделаю.

Прошу, побеседуй делово с Блэком о «Моонзунде». С января ему надо обеспечить «жизнь, харч», иначе как же роман? Возьмись за дело, тяни автора, помогай, — я гарантирую твою редактору в романе и т. п. Постараться надо и помочь сделать вещь. Словом, надо договор. Сообщи свои мысли об этом. А общие слова Блэку — его не накормят.

Пиши. Вышли № «Лит⟨ературного⟩ Лен⟨инграда⟩» со статьей моей о Варшавском. Как будут реагировать?

Всеволод.

¹ Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — прозаик и драматург. В те годы член оборонной комиссии (вместе с А. Дмитриевым) при ленинградском Оргкомитете ССП, некоторое время замещал А. Дмитриева на посту редактора журнала «Залп». С локафовской проблематикой связаны и последующие значительные произведения Б. Лавренева, вызвавшие отрицательную реакцию В. Вишневского, выраженную, в частности, в письме к А. Дмитриеву: роман «Синее и белое» (Звезда. 1933. № 1—9, 11—12) и повесть «Стратегическая ошибка» (Знамя 1934. № 8).

В романе «Синее и белое» Б Лавренев предпринимает художественное исследование предыстории первой мировой войны на фоне действий Черноморского флота в канун и в первые месяцы военных действий Публикация романа вызвала многочисленные критические отзывы, побудившие автора переработать произведение По этой же причине не была закончена вторая часть В романе, писал автор, дана «„История молодого человека“ моего поколения () Груз культуры и традиций прошлого века очень мешал этому поколению, и к принятию идей XX века оно шло медленно, срываясь и жестоко раясь» (Красная газета, веч вып 1932 23 дек)

Вишневский, как видно из письма, основное внимание сосредоточил на недостатках в изображении военно-морского флота При этом в его подходе к произведениям Б Лавренева мы и сегодня не можем не ощутить форсированности критических интонаций Таким же было его отношение и к «Стратегической ошибке», написанной в жанре документальной повести В основу ее автором положен известный эпизод из истории первой мировой войны — так называемая «стратегическая ошибка» английского флота, в результате которой блокированные им в Средиземноморье два немецких крейсера были пропущены в Черное море

На основе выявленных некоторых фактических неточностей в описании ряда деталей военно-морского характера — сначала в «Синем и белом», а затем в «Стратегической ошибке» — Вишневский и строит в письме к А Дмитриеву свою полемическую формулу по отношению к этим произведениям « переход от слабого знания русск(ого) флота к полн(ому) незнанию англ(ийского) и немецкого» Развернутые в послании В Вишневского критические суждения явились ответом на письмо (без даты) А Дмитриева, в котором последний сообщал, что он познакомился с отзывом Вишневского, присланным Б Лавреневу по поводу «Стратегической ошибки» (этот отзыв обнаружить не удалось) А Дмитриев приветствовал статью В Вишневского «лишь как письмо одного писателя другому» и обосновывал свой вывод следующим образом «Целый ряд указаний Лавреневу ты делаешь совершенно по существу и абсолютно дельно За ряд твоих указаний Лавренев будет тебя благодарить, однако ты там очень перегнул Мы к литературе подходим с одинаковой меркой, как и к точному научно-историческому исследованию Мне кажется, так подходя, можно Льва Толстого с его „Войной и миром“ сравнять с землей ()

Рассказ («Стратегическая ошибка» — В П) сам по себе интересен и показывает попытку Лавренева отойти от его пошловатого, легковесного стиля, ярко проявившегося в „Синем и белом“ Этот рассказ — уход от „Синего и белого“ на лучшие позиции

Я тебе советовал бы не печатать списка обвинений по мелочам, а разобрать рассказ как критику Это очень интересно, и я пожалел когда не нашел в твоей статье о Лавреневе именно разбора вещи по существу, вне мелких погрешностей » (ЦГАЛИ, ф 1038, оп 1, № 2762, л 3—4)

Нетрудно заметить, что содержание и характер доводов А Дмитриева в споре с рядом положений статьи Вишневского отличают продуманная обоснованность и глубокий профессионализм суждений о специфике художественного творчества Тонкость аналитического подхода и безошибочность вкуса А Дмитриева-критика, не боявшегося противопоставить свой взгляд общепринятой точке зрения на то или иное явление искусства, отмечал и сам Вишневский Об этом свидетельствует, в частности, его признание в письме от 29 октября 1935 г (см ниже) — в отношении оценки А Дмитриевым романа А Мальро «Годы призрания» Из этого письма видно, что Вишневский очень ценил, по его собственному определению, «исключительно верный и сильный» взгляд А Дмитриева на литературные произведения и порою благодаря ему корректировал собственные первоначальные суждения

Как видим, В Вишневский в критическом запале продолжает отстаивать исходный принцип своего отношения к творчеству Лавренева, расценивая попытку А Дмитриева обратить внимание и на положительные моменты в творческом движении писателя как «дипписульку» Однако тот факт, что публикация упомянутой статьи Вишневского, исполненной отрицательных эмоций по отношению к Лавреневу, не обнаружена, заставляет думать, что и на этот раз столкновение точек зрения друзей-локафовцев в чем то существенном оказало уравновешивающее воздействие на окончательное решение импульсивной натуры «неистового Всеволода»

² Имеется в виду статья «Бездумный критик».

³ В цитированном письме А. Дмитриев писал: «Статью против Варшавского я передал в „Литературный Ленинград“. Статья мне понравилась, но удивлен тем, что, критикуя Варшавского, критикуя интересно и правильно, ты не говоришь своего мнения об „Адмирале“. Напрашивается вопрос сразу же после прочтения статьи: „А как же сам Вишневский смотрит на роман, что он считает в нем хорошим и что плохим?..“» (ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 4).

⁴ Павленко Петр Андреевич (1899—1951) в 1930-е гг. активно сотрудничал с ЛОКАФом; самое значительное произведение П. Павленко на оборонную тему — роман о будущей войне «На Востоке» (1936—1937. Кн. 1—2).

⁵ Соболев Леонид Сергеевич (1898—1971) — в те годы активный сотрудник Ленинградско-Балтийского ЛОКАФа, с 1931 г. — его оргсекретарь, секретарь журнала «Залп», секретарь оборонной комиссии при ленинградском оргкомитете ССП (с ноября 1932 г.). Крупнейшее произведение Л. Соболева-мариниста — роман «Капитальный ремонт» (публикация глав первого тома началась в журнале «Знамя» в 1932 г., последние главы вышли в 1961 г.).

Стенограмма Всесоюзного совещания по вопросам оборонной литературы (Москва, 1 июня 1934 г.) не опубликована, поэтому обоснованность упрека Вишневского в непоследовательности выступления Соболева при оценке романа «Адмирал Макаров» определить трудно. Однако выступление Л. Соболева на собрании «Объединения молодой литературы» (Ленинград, 15 ноября 1934 г.), посвященном обсуждению романа «Адмирал Макаров» и статьи Вишневского «Бездумный критик», следует охарактеризовать как довольно объективное и принципиальное. Если говорить в данном случае о непоследовательности, то ее можно усмотреть лишь в том, что, по собственному признанию самого Л. Соболева, при первоначальном восприятии романа на слух — при чтении рукописи автором — им не были замечены недостатки, касающиеся избыточности диалектизмов, принципов введения в художественную ткань произведения исторического материала, идейно-смыслового и композиционного соотношения отдельных образов и других частных деталей (ИРЛИ, ф. 715, № 37, л. 36—41).

Для характеристики некоторых моментов содержания публикуемых писем Вишневского, отражающих его последующее отношение к Соболеву, уместно добавить, что в этом же выступлении последний, говоря о романе А. Дмитриева, коснулся и статьи «Бездумный критик». Возражая В. Друзину, считавшему эту статью едва ли не попыткой Вишневского оживить в советской литературе теорию фактографии, Л. Соболев тем не менее по поводу эмоционального накала статьи заметил, что у Вишневского «есть способность к необычайной взрывчатости вообще, причем порой аммонала подложено слишком много, и осколки летят так много, что за осколками нельзя разобрать, из-за чего произошел этот взрыв» (там же, л. 36).

6

Москва, 3/XI—〈19〉34. Вечер.

Привет, Адам.

Твое послание насчет действия встрепки, устроенной для Варшавского, получил.¹ Занятно. Пушай беспокоятся, пускай о ДВ² читают, о флоте — и то польза. Пушай бой дают — кому следует, сумеет еще поднасыпать.

Ведь если собрать высказывания сов(етских) писателей — о критике, — получится вопль гнева. Сборник бы такой. . . Ты как Лен. Гос. Лит. Издат.³ — не хочешь, а? Я бы составил. А начал бы с Горького: «За всю мою жизнь критика ничему меня не научила. . .»⁴

Делаю выписки о твоём романе из летней стенограммы.⁵

Много читаю по ДВ.

Беседовал недавно с рядом людей.

Вероятно, к дискуссии дам статью о твоём романе.⁶ Рекомендую втянуть в дело т(оварищей) завойковцев. Прочли ли они книгу? Знают ли суть спора?

Послал ли ты книгу во все в(оенно)-м(орские) базы (Кронштадт, Ленинград, Севаст(ополь), Баку, Хабар(овск), Владивосток, Мурманск. . .)? Устрой обсуждение в Кронштадте — через «КБФ».⁷

Лавренев пытается в письме ко мне оправдаться,⁸ спорит о числе ошибок (я указал 37 в(оенно)-м(орских) ошибок). Бегаёт в В(оенно)-Морскую Акад(емию), почитывает. . . И то польза! . .

С. Абрамович роман пишет. «Зная» его поддержит полностью.⁹ Надо создать ещё одного в(оенно)-м(орского) автора.

Держи меня в курсе обсуждения «Адм(ирала) Макарова» и моей статьи. Я сумею повернуть дело к роману.

Пришли мне перечень вопросов, деталей, которые ты бы хотел увидеть в критическом разборе. Важно вскрыть, чего же писатель ждёт (по-честному, а не для капризных требований и для славы и для шума).

Короче: что ты мог бы ждать и требовать от критиков Вс. Вишневого, Н. Свирина,¹⁰ Новикова-Прибоя,¹¹ Л. Соболева, Н. Мамина¹² и т. п. Вот в чём вопрос! Такой документ я в своё время имел от Соболева — и ему лично неск(олько) раз давал подробнейший разбор книги и советы etc. (В печати и устно я выступал сдержаннее, ясно почему).

Твой перечень будет мощным полемич(еским) средством — в «борьбе» (если это борьба!) с Варшавским и К⁰. Надо им объяснить, что они даже не понимают, что надо им делать.

Жду перечня спешно!

Ехать в Ленинград — для своей работы в Мор(ской) библиотеке — думаю к 15/XI.¹³

Держи в курсе дел, отзывов, шли максимум материала. — Тогда я сумею выступить наиболее развернуто, подкованно.

Жду.

Всеволод.

¹ В письме от 3 ноября 1934 г. А. Дмитриев сообщал В. Вишневскому по поводу его статьи «Бездумный критик»: «Редакция газеты отнеслась к статье очень хорошо (. . .) Появление статьи вызвало много шума, особенно среди критиков. Критики до того завозились, что вчера даже собрали собрание, где в центре внимания была твоя статья. (Я на этом собрании не был, не знал о нем). Критики (в большинстве) считают, что правильно, по существу отхлестал Варшавского, но все поголовно (а есть такие, которые защищают Варшавского) считают, что тебе надо дать бой по „принципиальным вопросам“, которые ты ставишь, касаясь методологии критики, и что ты де „огульно охаиваешь критику“. Они будут бить тебя за то, что ставишь в необходимость критику знать авторский материал» (ЦГАЛИ, ф. 1038, № 27, л. 5).

² ДВ — Дальний Восток.

³ В это время А. Дмитриев был заведующим сектором современной литературы Ленгосиздата.

⁴ Такую мысль Горький высказывал неоднократно. Так, на вопрос об отношении к отзывам критики на его произведения он в 1915 г., в частности, заметил «Не читал ни одной статьи, которая научила бы меня чему-нибудь добру» (*Горький М* Моя работа и критика // Журнал журналов 1915 № 2 С 20)

⁵ Имеется в виду стенограмма Всесоюзного совещания по вопросам оборонной литературы, проходившего в Москве 1 июня 1934 г.

⁶ Публикация статьи Вишневого не обнаружена

⁷ «КБФ» — газета «Красный Балтийский Флот» (1919)

⁸ Письмо Б Лавренива не опубликовано

⁹ Вишневецкий в это время входил в руководство журнала «Знамя»

¹⁰ Свириин Николай Григорьевич (1900—1944) — один из организаторов ЛОКАФа, председатель оборонной комиссии при Ленинградском оргкомитете ССП, критик оборонной темы в советской литературе, автор книги «Мобилизация литературы» (Л., 1933)

¹¹ Новиков-Прибой Алексей Силыч (наст. фам. Новиков, 1877—1944) активно сотрудничал с ЛОКАФом, в советской маринистике представлен исторической эпопеей «Цусима» (1932—1935 Ч 1—2)

¹² Мамин Николай Иванович (1906—1968) — прозаик-маринист, поэт, драматург, активный сотрудник Ленинградско-Балтийского ЛОКАФа. Литературный путь начал в 1928 г., в газете «Красный Балтийский флот». Наиболее значительные произведения Мамин-мариниста 1930-х гг. — роман «Законы совместного плавания» и пьеса «Погон российский», в послевоенные годы — повести «Знамя девятого полка» (1958) и «Витязи студеного моря» (1966)

В архиве А Дмитриева (№ 80) хранится письмо к нему Н Мамин от 19 апреля 1930 г. с приложенным к нему автографом стихотворения «80 строк без названия», посвященного А Дмитриеву

¹³ Свое намерение приехать к 15 ноября в Ленинград Вишневецкий не осуществил. Об этом свидетельствует ответное письмо Дмитриева от 22 ноября этого же года «Думал, что ты приедешь 18, и не писал. Дискуссия состоялась 15» (имеется в виду дискуссия о статье В Вишневого «Бездумный критик» и романе А Дмитриева «Адмирал Макров», ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 6)

7

3/1—(19)35.
А. Дмитриеву.

Привет, с Новым Годом!

Адам, во-первых, просто так, дружески жму руку. Идет 1935-ый год; год будет серьезный... Где придется вместе орудовать, действовать, писать?! — Какие судьбы над головой?! И оглядывается фронт испытанных товарищей. И в том числе Вас, друг мой Адам.

Вы, т(оварищ) в(оен)м(ор), пишете мне лишь по делам. А доброе, хорошее обыкновение писателей давних буржуазных веков — переписываться, беспокоить друг друга «дух», обмениваться опытом, мыслями — Вы забыли. У Вас, м(ожет) б(ыть), все тихо и ничто не просится на бумагу, в письмо, к другу? И рождается подозрение: в чем дело, почему молчат бывшие лихие питерцы?

Что в литературе Ленинграда? — Какие подлинные события, новости, — кто как работает? Что в театрах, в кино? — Какие дела у тебя в Изд(ательстве), — как твой роман? ¹

Если тебе не трудно — пришли мне на несколько дней стено-

грамму диспута об «Адмирале Макарове» — я напишу в журнал статью.²

Дам в «Н(овый) мир» или в «Лит(ературный) критик». — По использовании стенограммы — обратно. (М(ожет) б(ыть), сам буду к 16/1).³

Ты вот, Адам, возьми 2—3 листа твоей бумаги желтой, восковой и изложи сжат, но связно — как дела в родом городе.

Что у Свирина, у Зельцера,⁴ у Блэка (он мне что-то давно не пишет). . .⁵

Как дела с А. Толстым? (Вчера сообщили, что у него удар: отнялась лев(ая) рука). Правда ли?⁶

Черкни о «Портрете»,⁷ о «Пик(овой) даме»⁸ и пр.

Привет твоей жене.⁹

У меня идет проза+фильм.¹⁰ В Москве юбилей.¹¹

¹ В. Вишневский имеет в виду роман «Адмирал Макаров».

² Обсуждение романа А. Дмитриева состоялось на собрании «Объединения молодой литературы» 29 мая 1934 г. (см.: ИРЛИ, ф. 715, № 37) и, как уже отмечено, на собрании ленинградских критиков и писателей 15 ноября 1934 г. Публикация обещанной В. Вишневским статьи не обнаружена. Однако в архиве А. Дмитриева хранятся беглые заметки В. Вишневского, свидетельствующие о его знакомстве со стенографическим отчетом о дискуссии по роману «Адмирал Макаров» (см. там же, № 39).

³ Факт приезда В. Вишневского в Ленинград в январе 1934 г. не установлен.

⁴ Зельцер Иоганн Моисеевич (1905—1941) — рассказчик и драматург.

⁵ А. Дмитриев проявлял постоянную заботу о молодом Абрамовиче-Блэке. В письме от 3 ноября 1934 г. он сообщал, например, В. Вишневскому: «Абрамович „Моонзунд“ пишет. Поддерживаю, как могу. В планах книгу провел ему через Москву. Ежели не снимет ЦК, подпишу скоро договор» (ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 5).

⁶ В письме от 12 января 1935 г. А. Дмитриев отвечал В. Вишневскому: «О Толстом? Знаю мало. Говорят, грудная жаба. Лежит. Об ударе не слышал» (там же). В действительности 27 декабря 1934 г. у А. Толстого случился инфаркт (см.: *Рождественская И. С., Ходяк А. Г.* А. Н. Толстой: Семинарий. М., 1962. С. 162).

⁷ Что конкретно интересует В. Вишневского, установить не удалось. В письме от 12 января 1935 г. А. Дмитриев отвечал ему; «О „Портрете“. Его здесь ругали в пух и прах. Мы отдельной книжкой печатать не будем, пересылаем в Москву. Пусть там решают. Больше о театре сказать не могу, не связан с театром» (ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 8).

⁸ В. Вишневский, надо полагать, имеет в виду новое сценическое воплощение оперы Чайковского в 1935 г. на сцене Малого театра в Ленинграде (режиссер В. Мейерхольд).

⁹ Вишневецкая Софья Касьяновна (1899—1962), жена В. Вишневского — театральная художница, принимала участие в оформлении пьес Вишневского.

¹⁰ Вишневский работал в это время с постановщиками фильма по его сценарию «Мы из Кронштадта» (сценарий закончен в 1933 г.).

¹¹ Что имел в виду Вишневский, не установлено.

Дорогой Адам.

Письмо твое с историко-лит(ературными) соображениями о том, почему писатели нынче редко пишут друг другу, получил.¹

Конечно, теперь превалируют иные общения. . . Но доброе письмо даже архаически-интимного типа — не вредно. Вот ты написал на 3 узких листочках такую цидулу С. Вашенцову — о «Каннах».² Как раз 6-го/II был вечер в Воен(ной) Академии им. Фрунзе, — и жаль, что тебя не было. Ты смог бы услышать мнение Академии о «Каннах». . . Была суровая критика, анализ военный, политический, художественный. Три-четыре товарища (вечер тянулся с 8 ч(асов) до 12.30 ночи) выступали прямо блестяще, и я был рад за культурное развитие т(оварищей) ко(манди)ров.

Ты пишешь торопливо: «Это литература!»³ etc. Какая, о чем, о ком, — верно ли даны люди, время, типы? . — Критерий партийный, военный не забывай. Что за тип Каляев? Что за «запах» у него? Это ли мыслящий к(оманди)р РККА, академик? — С его интроспекцией, индивидуализмом, «задумчивостью»? Верны ли его поступки: на марше, в беседе с воен(ными) войсковыми начальниками?

А вся фактура вещи, полная минора, снов, ретроспекций, печали, «раздумий», отстранений и пр. (Я сделал выписку этих моментов, получилась удивительная картина: смерти, убийства, сын Клауса, уральский председатель и др.); поражения 1914—16; беспорядок движ(ения) войск; одиночества; спящий штаб; сырость, болота; (нрзб.) Петухов; гибель крестьян в 1919; скитанья беспризорников, тусклые разговоры (наплывы) 1916; наплывы о смерти жены; случайности в болоте; пьяный старик; видения, полочки, грустные разговоры с Сергеевичем; танки, давящие животных; сын Салмасова; мечтатель, разговор с Клаусом, видение женщины. . .

Это ли атмосфера, запах, колорит РККА?

Это ли наши командиры, наша армия?

Лавина цитат из старых историков. А где новое мышление, где люди типа Тухачевского,⁴ Триандофиллова⁵ и др.? Где мысли вперед — о стратегии буд(ущей) войны, о мех(анизированной) войне, о глубоком бое, о комбинир(ованных) ударах?

Идет у Вашенцева повторение задов — и автор теряет даже замысел: не Канны получились, а частный охват фланга (такти(еская) задача на знакомой местности?). Все как-то выдыхается в повести. . .

Намерений у автора много: «Мыслите, тт. к(оманди)ры РККА! Не будьте шаблонными исполнителями. Будьте инициативны» etc. . .

Но преломление замысла?! . . — Если Каляев в центре, положит(ельный) тип Академии (сливки!), — то что же вся масса неакадемиков?! — Вот так да! Если Каляев «умница» (а я в это не верю, его рассуждения хромают), то остальные кто? И каковы же комдивы, комкоры и др(угие)? И это образ нового к(оманди)ра РККА?

Вашенцев к концу вечера тихо сказал: «Я принимаю много из критич(еских) замечаний товарищей. . .» Тарасенков⁶ плоско адвокатствовал.

11/II будет второй вечер в ДСП.⁷ — Я просил отзыв Н. Свирина о «Каннах». Хотел бы и твой — подробнее. Дискуссия принципиально важна — она освещает путь романа, повести о совр(еменной) Кр(асной) Ар(мии).

С резко отрицательным разбором 11-го/II выступит нач(альник) Академии т. Шапошников⁸ и пом(ощник) нач(альника) Академии — т. Щаденко.⁹ В основе у них разбор воен(ной) стороны: что такое Канны, их место, наш сег(одняшний) взгляд на стратег(ические) проблемы. Что занимает мысли Кр(асной) Армии сегодня? — Не Канны!

Далее. О типе к(оманди)ра. Ващенко в споре со мной, отступая, сказал: «Ну, пусть. . . Но Каляева надо прибавить к каждому к(оманди)ру», — т. е. придать к(оманди)рам «ум и инициативу». Но разве Каляев — партийно-военный образец ума и инициативы? Разве он совр(еменный) универсальный к(оманди)р? Его «индивидуализм», «слабость души», часто шаткая идеология — не годятся. Я не требую 100%-го образца. Я хочу свойского командира. У нас их тысячи! Ты их знаешь. Вне этих к(оманди)ров нет литературы о совр(еменной) К(расной) Ар(мии).

Ты же пишешь: «Это литература!»

Что, о чем? Уменьше дать прозу «вообще»? Это не достоинство. Средний лит(ературный) француз пишет лучше. Возьми, например П. Низана «Антуан Блуайе».¹⁰ (Пишет рев(олюционный) сред(ний) писатель).

Мы хотим, ждем, бьемся за новый роман. Его качества: ум, ясность, мощь, лепка новых образов, живость, сила, яркость. . . — Да что ты — не знаешь, что ли!

Я прочел внимательнейше все, что писал Ващенко за 10 лет (от его поэм 1925 г. до «Канн»). У него чрезмерность минорных красок, раздумий, абстрагир(ованных) решений (о трусости и героизме, о плане, о стратегии и т. д. . .). Его слабость в головных построениях.

Аудитория бурно аплодировала словам: «Мы не Каляевы!»

Я пишу это, желая узнать твои и других т(оварищей) мысли по вопросу о совр(еменной) воен(ной) повести, романе. Мне казалось, что мы почти не расходимся в оценке ряда воен(ных) лит(ературных) явлений.

Пиши!

Всеволод.

P.S. Как твоя работа?

¹ Имеется в виду цитированное выше письмо А. Дмитриева от 12 января 1935 г., в котором он, в частности, излагает свой взгляд на особенности обмена информацией современных писателей в новых, мобильных условиях жизни — в отличие от быта прежних литераторов, у которых основным средством общения была обстоятельная переписка, достигшая высот эпистолярного жанра.

² О каком письме либо записке А. Дмитриев к С. Ващенко идет речь, не установлено. «Канны» — повесть С. Ващенко (опубл.: Знамя. 1934. № 9). В истории военного искусства «Канны» — символ полководческого мастерства — в честь блестящей победы Ганнибала, окружившего и разгромившего в 216 г. до н. э. превосходящее войско римлян.

В условиях нарастающей угрозы империалистической агрессии повесть С Вашенцева была посвящена проблемам стратегического мастерства Красной Армии как армии нового типа. Главная мысль этой повести, составлявшая ее пафос, — это мысль о необходимости для командира Красной Армии широкого политического кругозора, высокого культурного уровня и глубокого, разностороннего знания военного дела. Уже в журнальном варианте повесть «Канны» вызвала в локафовских кругах горячие и заинтересованные споры. И здесь следует отметить, что если на вечере 6 февраля 1935 г в Военной академии им Фрунзе, согласно сообщению В Вишневого, повесть «Канны» подверглась критике за ее недостатки (стенограмма выступлений на вечере не опубликована), то на дискуссии в Ленинградском отделении ССП 30 марта 1935 г, где также были подвергнуты критике недостатки повести, произведение С Вашенцева тем не менее рассматривалось на общем фоне литературы тех лет прежде всего как несомненное достижение автора в создании образа думающего командира (Отчет о дискуссии о «Каннах» в ЛО ССП см Знамя 1935 № 6 С 200—215).

⁹ Имеется в виду неустановленное послание А Дмитриева к С Вашенцеву, на которое В Вишневский ссылается в начале письма. Подробный, обстоятельный разбор недостатков повести В Вишневским носит, как видим, характер спора с А Дмитриевым. Это может служить подтверждением того, что в письме к С Вашенцеву А Дмитриев дает положительную оценку повести «Канны». Об этом свидетельствует и письмо последнего к В Вишневскому от 12 января 1935 г, где, в частности, есть следующие строчки: «Прочел страниц 40 из „Канн“ Вашенцева. Если все так, как эти 40 страниц, то книжка вышла хорошая. Выкажусь, когда прочту» (ЦГАЛИ, ф 1038, оп 1, № 2762, л 8).

⁴ Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза.

⁵ Триандофилов Владимир Кириакович (1894—1931) — советский военный деятель и теоретик, в 1923—1931 гг — начальник Оперативного управления и заместитель начальника Генерального штаба РККА.

⁶ Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909—1956) — литературный критик, ведущий вечера, на котором обсуждались «Канны».

⁷ ДСП — Дом советских писателей.

⁸ Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — военный деятель и теоретик, в 1932—1935 гг — начальник и военный комиссар Военной академии им Фрунзе.

⁹ Щаденко Ефим Афанасьевич (1885—1951) — военный деятель, герой гражданской войны.

¹⁰ Низан Поль (1907—1940) — французский писатель и критик, до 1939 г был членом коммунистической партии Франции. В «Антуане Блауе» (1933) на примере индивида, среднего человека, дает картину разложения буржуазного общества.

9

Москва, 8 сент(ября) 1935 г.

Адамсон, здорово!

Жизнь идет. . . Пишем, фильмы делаем, «пиесы». . . ¹ Ездим много. ² Болезнь была, подыхал (аз(иатская) дизентерия), но воспрянул, хо-хо!

Как II том «Адм(ирала) Макарова»?

Блэк дал свой роман, 10-го сент(ября) в «Знамени» выйдет. ³ Соболев не показывается, был в Москве, не «явился» ни в «Знамя», ни ко мне. ⁴

Особых происшествий в литературе не случилось.

Пиши о своих делах, о здоровье, планах. . . Когда будешь в Москве? ⁵

Главное — пиши!

Твой Всеволод

¹ В июле—августе 1935 г В Вишневский совместно с режиссером Е Дзиганом продолжал работу (под Севастополем) над постановкой фильма «Мы из Кронштадта» (закончен в январе 1936 г)

² В 1935 г помимо поездки в Крым В Вишневский совершил и ряд других поездок по стране В частности, в дневнике 31 декабря 1935 г он записал «Апрель Отъезд в Сред(нюю) Азию (17 апр(еля) 1935 г) Ташкент—Самарканд—Сталинабад—Баумунабад (граница)—Бухара Сильнейшие впечатления понял Азию — в сущности угадывал верно

На обратном пути — Баку В Баку — около смерти (болезнь, о которой В Вишневский пишет А Дмитриеву — В П)

В Москву вернулся 18 июня» (Вишневский В Собр соч В 5 т Т 6 (доп) С 237—238)

С 10 по 20 ноября 1935 г в связи со съемками фильма «Мы из Кронштадта» В Вишневский находился в Ленинграде

³ Речь идет о романе «Невидимый адмирал» (опубл Знамя 1935 № 9)

⁴ Причина, по которой Л Соболев, приехав в Москву, не встретился с В Вишневским, неизвестна В любом случае было бы неверно искать ее в каком-то отчуждении писателей друг от друга в период острых литературных споров Об этом свидетельствуют и дневники В Вишневого Так, его запись от 15 августа 1935 г, т е за три недели до письма А Дмитриеву, начинается словами «Написал хорошее письмо Л Соболеву » 4 февраля 1936 г В Вишневский записывает «Прочел С К (Вишневецкой Софье Касьяновне, жене писателя — В П), Л Соболеву и его жене главы новой повести (романа?) (имеется в виду «Песнь человеческая» — В П) Разговоры всю ночь » (Вишневский В Собр соч В 5 т Т 6 (доп) С 231, 242)

⁵ А Дмитриев находился в это время на излечении в Крыму, в Алупке

10

Москва, 8 сент(ября) 1935.

А. Дмитриеву

Адам!

То, что здесь будет сообщено, держи в тайне.

Я с Блэком формирую в Москве отряд моряков в Абиссинию.¹ Сам понимаешь, братва посыпалась со всех сторон. Пишут, идут, и уже в ходу короткий лозунг: «Даешь танганайскую флотилию!» Наши переживания тебе понятны. Вновь показать высокий дух красных матросов и продемонстрировать неугасающее уменье все обтять — это все очень своевременно. Мы полагаем, что набрав 200—250 братков — гл(авным) образом командоров, пулеметчиков, рулевых матросов и сигнальщиков, — мы сможем без труда создать (для начала) дивизион канлодок Танганайка — Голубой Нил. А там видно будет. . . Не первый раз. Приходится, конечно, строго фильтровать. Бывают всякие «казусы». . . Возникают споры. Один явился: «— Без очереди, ну-ка! Я кр(асный) партизан!» — «Здесь все кр(асные) партизаны». Встал в очередь.

Проверяем политические и военные знания, вплоть до знания семафора, спрашиваем название частей оружия и т. д. Некоторые ни черта не помнят, забыли, но «наощупь», как сказал один, «все знаю». . . Таких придется пропускать через ускоренную в(оенно)-м(орскую) переподготовку. В(оенно)-м(орской) отдел ОСО (Марк Рудный)² наладит это дело. Многих тт., гл(авным) образом северян, приходится по мед(ико)-климатическим

причинам отводить. Доктор (ты, наверное, его помнишь, — был в Балтике на «Петропавловске») изворачивается.³ Братва прямо давит его за горло, если он бракует.

Горячка страшная. . . Надо робу подготовить — в первую очередь штатскую. Потом хоть приблизительно языком. . . — У нас идет долбежка элементарных терминов и т. п.: англ⟨ийских⟩, итальянск⟨их⟩, абиссинск⟨их⟩. Достал вчера литературу кое-какую. Начали с Блэком и еще 3 товарищами, сидим. . . Колбасьев⁴ предлагает свои услуги по связи, но я избегаю этого человека. Сам понимаешь. Многое приходится делать с затруднениями. Ну, это устроимо. Гораздо важнее — цель. После боев 1929 г⟨ода⟩ на Амуре, т. е. на Сунгари,⁵ боев⟨ой⟩ практики у РККФ не было — и польза экспедиции теперь, т⟨аким⟩ образом, ясна. Насчет маршрута тоже ясно (пока не сообщаю), а о взаимоотношениях с туземным населением на месте мы не беспокоимся, договоримся. Главное — встряхнуть там массу, показать организацию. Им этого не хватает, насколько мы информированы.

Не ждал, Адам, что так сложится судьба, но рад и готов сделать все, что нужно, по-флотски. Твой ответ еще застанет меня, а там — «пока» или «прощай»! Но ряжку фашистам набьем исправно.

Твой Всеволод.

Р. С. Опубликовано этого занимательного литературного опуса разрешаю в 1945 г. — в отделе «Юмор и др.» (Как Вс. В⟨ишневский⟩ и Блэк хотели малость позабавить своего дорогого друга Адамца! Хо-Хо, ха-ха! . . .)

¹ Как уже отмечалось, данное «приложение» к письму В. Вишневого от 8 сентября 1935 г. представляет собой примечательный дружеский розыгрыш, который в атмосфере тех дней легко было принять всерьез. Мотивы, побудившие В. Вишневого и С. Абрамовича-Блэка — морских офицеров запаса и боевых локафовцев, написать это своему другу, легко объяснимы. Письмо родилось под впечатлением известия об агрессии фашистской Италии против Абиссинии (Эфиопии). Обладая несравнимым превосходством в вооружении, Италия к маю 1936 г. оккупировала столицу страны Аддис-Абебу, поскольку Лига Наций, куда обратилась Эфиопия с жалобой, никакой помощи ей не оказала. Единственным государством, последовательно выступавшим на мировой арене в защиту жертв агрессии, был в ту пору Советский Союз.

Ответное письмо А. Дмитриева дает основание полагать, что он не принял до конца это «секретное» сообщение друзей за чистую шутку — возможно, в силу тяжелого физического и душевного состояния. Более того, А. Дмитриев обнаружил в этом сообщении другую, не менее серьезную сторону, которая никак не предполагалась авторами дружеской затей. Суть этой стороны изложена в ответе А. Дмитриева следующим образом: «Письмо твое и Абрамовича (в Алупку) я получил. Не бойся, оно у меня! Но я удивлен. Как это ты, Вс. Вишневыч, хорошо знающий разведку, пишешь такое письмо мне, посылаешь его по почте. Ведь если бы это письмо попало в какие-нибудь шпионские руки, то было бы за хорошие деньги продано неприятельской контрразведке, а наше посольство в Италии имело бы крепкую неприятность» (ЦГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 2762, л. 11).

² За именем Марк Рудный несомненно просматривается намек на открытое сближение авторами своего «сочинения» со столь же «достоверными» историями, поведенными Рудым Паньком в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

³ «Петропавловск» — линейный корабль большой мощности периода первой мировой войны, вступил в строй в 1914 г. После Октября вошел в состав Балтий-

ского флота и в 1919 г был переименован в «Марат» Исходя из того что А Дмитриев, как бывший офицер Балтийского флота и видный деятель Ленинградско Балтийского ЛОКАФа, был близко знаком с этим флотом и судя по письму В Вишневецкого, можно предположить, что он бывал на этом корабле, во всяком случае знал лично некоторых членов его команды Имя доктора, о котором идет речь, установить не удалось

⁴ Колбасьев Сергей Адамович (1898—1942) — поэт, прозаик маринист, сотрудник ЛОКАФа и его изданий С Колбасьев — воспитанник Морского кадетского корпуса, активный участник гражданской войны, сотрудник советских полпредств в 1930-е гг В эти же годы им были созданы произведения о военных морях 1917—1920-х гг — книги «Поворот — все вдруг» (1930), «Правила совместного плавания» (1943), повести «Арсен Люпен», «Джигит», «Река», «Салажонок» Вопреки нападкам рапповской критики, Н Тихонов в свое время сказал о лучших книгах С Колбасьева, что они «хорошо передают дух, и цвет, и голос эпохи Они правдивы и скромны, люди в них видны во весь рост, и это русские люди, показанные в решающие годы своей жизни» (Тихонов Н Морские повести и рассказы Сергея Колбасьева // Колбасьев С Повести и рассказы Л, 1970 С 9)

⁵ Сунгари — река на северо-востоке Китая, правый приток Амура В результате десантной операции, осуществленной здесь 11—12 октября Особой Дальневосточной Армией и Амурской военной флотилией в период советско-китайского конфликта 1929 г, были разгромлены части китайских милитаристов и русских белогвардейцев, предпринимавших непрерывные провокации на советско-маньчжурской границе

Москва, 29 X 1935 <г.>.

Дорогой Адам.

Твое последнее письмо, в частности отзыв о «Годах призрания» А. Мальро,¹ меня крайне взволновало.² Твой острый, прямой анализ исключительно верен и силен. В обалделом увлечении франц<узскими> попутчиками многие наши товарищи не видят сути, корней этих людей.

Конечно, у Мальро — это дикий ужас и страх перед полит<еским> врагом, фашизмом. Конечно, он и не подозревает о большевизме, его духе, силе. . . (Много говорят о гуманизме и пр. . .). Если бы они познакомились с русской полит<ической> категорией! С гражданской войной, с контрразведками, с гибельями героев-коммунистов и их нутром! У меня есть два редких тома: списки погибших в гр<ажданскую> войну членов РКП(б), их посл<едние> действия, поведение. . . Это эпос! Я и в тысячной доле не исчерпал этого океана бесстрашия и мужества. . .³ А Мальро, конечно, выдает себя с головой. . .

Работаю, как всегда, с напором. В декабре выпущу фильм «Мы из Кронштадта».⁴ Это должен быть памятник «Балтфлоту», песнь о матросах, орлах. Вложил я много в эту работу — почти 3 года. . . Отделявал, шлифовал, обдумывал. Первые пробные показы <. . .> прошли очень хорошо. Рад Кожанов:⁵ «Точь в точь живые, мои „братва“ . . .» Но за обликом «братвы» многое взято глубоко.

Работают кругом, в литературе сильные сдвиги, пока не всем заметные. . . Умнеет народ, зреет.

Абрамович-Блэк, видимо, подрастает, учится. . . Пишет «Трехсотлетие»⁶ — Б〈алтийский〉 флот в 1912—13 г〈одах〉, подполье РСДРП(б), загр〈аничное〉 плаванье, «Олег»⁷ и др. Взято широко.

Соболев пока сдвигается туго, но что-то в нем зашевелилось: побывал в Казахстане.⁸

Свирин работает над книгой, учится упорно, глубоко.⁹ Лавренев лезет в «Кавторанги», халтурит. . . То скороспелые сценарии, то еще что-то.¹⁰

В Питере давно не был; поеду в начале ноября.¹¹ «Красный театр» возобновлю «Первую конную».¹²

Много работаю над прозой, урываю все утра. Иногда и днем. . . Двигается! . . . Надо роман в 1936/37,¹³ обязательно. Это дело чести, совести.

Были у меня Зельцер, Я. Горев. . .¹⁴ Зельцер еще «порхает», на глубину не идет. . . Яша думает о пьесе: подполье 18/19, кр〈асные〉 партизаны юга. . . Дай бог.

15/XI устраиваю в Москве отчетный вечер (секретариат драм〈атургической〉 секции) ленинградских драматургов. Проверяю вообще всех поголовно: как, кто, что делает к ХХ-летию Октября. (Я сейчас отв〈етственный〉 секр〈етарь〉 др〈аматургической〉 секции ССП). Дело ответственное — драматургия к 1937 г. Ждут, спрашивают. Много требований на сов〈етские〉 пьесы и из-за границы. («Оптимистическая трагедия»¹⁵ идет 5/XI в неделю дружбы с Советским Союзом в Чехословакии). В Париже готовится Театр Народного фронта. . .¹⁶ Дел много!

Прочел ли «Юность Максима». . .¹⁷ Напиши мне. . .

Ну, Адам дорогой, поправляйся. Если с фильмом буду в Черноморском флоте, приеду к тебе в Ялту.¹⁸

Крепко жму руку!

Всеволод.

¹ Мальро Андре (1901—1984) — французский писатель, искусствовед, общественный деятель, участник I Всесоюзного съезда советских писателей.

² В. Вишневский имеет в виду письмо к нему А. Дмитриева от 26 сентября 1935 г. Как уже отмечалось, рассуждения В. Вишневского о «Годах призрения» (1935, рус. пер. 1935) являются прямой реакцией на тонкий и глубоко верный анализ идейно-художественного содержания этого романа в письме А. Дмитриева.

³ О каких книгах идет речь, установить не удалось. Героинку гражданской войны и самоотверженность защитников нового мира В. Вишневский стремился воплощать в сущности во всех своих произведениях тех лет — в прозе и особенно в драматургии.

⁴ Как уже отмечалось, над фильмом «Мы из Кронштадта» В. Вишневский работал с режиссером-постановщиком Е. Дзиганом. С ним же В. Вишневский работал над кинофильмами «Мы, русский народ» (сценарий 1937 г., фильм подвергся критике, закончен не был) и «В 1920-м году» («Первая конная»). Работа над последним фильмом была прервана в связи с началом Великой Отечественной войны. Фильм на экраны не вышел.

⁵ Кожанов Иван Кузьмич (1897—1938) — один из создателей советского военного флота, командир Первого морского боевого отряда, первоначально охранявшего Кремль; в годы гражданской войны отряд сражался в составе Волжской флотилии. В этом отряде воевал рядовым бойцом и В. Вишневский.

⁶ Есть основания полагать, что замысел широкого произведения, посвященного Балтийскому флоту кануна первой мировой войны и событиям, связанным с деятельностью РСДРП(б) этих лет, С А Абрамовичем-Блэком не был осуществлен

⁷ «Олег» — русский крейсер Вступил в строй в 1904 г Принимал участие в Цусимском сражении, в первой мировой войне В октябре 1917 г перешел на сторону Советской власти 18 июня 1919 г был потоплен английскими торпедными катерами у Толбухина маяка (Финский залив)

⁸ Л Л Соболев в составе группы ленинградских писателей, в которую входили также Вс Рождественский, Н Чуковский, П Лукницкий, А Гитович и Ю Берзин, выехал в Казахстан по приглашению правительства республики в начале мая 1935 г (см о поездке *Рождественский Вс* Страницы жизни Из литературных воспоминаний М, 1974 С 401—422) Вернулся Л Соболев из Казахстана в конце августа—начале сентября 1935 г Об этом свидетельствуют, в частности, уже цитировавшаяся запись В Вишневого в дневнике от 15 августа 1935 г («Написал хорошее письмо Л Соболеву») и данное письмо А Дмитриеву, который в середине августа — по пути в Крым — еще находился в Москве, и, естественно, В Вишневский не стал бы сообщать ему о Л Соболеве того, что А Дмитриеву безусловно знал бы сам, случись это до его отъезда (В письме В Вишневого в Москву от 15 августа 1935 г А Дмитриев замечает «Заходил к тебе с Григорием Зельцером 12/VIII» — ЦГАЛИ, ф 1038, оп 1, № 2762, л 12)

⁹ Известны две книги Н Свирина 1930-х гг — «Литература и война» (1931) и «Мобилизация литературы» (1933) О какой книге идет речь в письме В Вишневого, можно судить лишь предположительно В определенной мере ответ на этот вопрос содержится в первом крымском письме самого А Дмитриева (от 15 августа 1935 г), в котором он делится информацией, привезенной им из Ленинграда (по пути в Крым ему не удалось застать В Вишневого в Москве) «Свирин тебе передает привет Он сидит на даче и упорно пишет о Пушкине»

¹⁰ Конкретной расшифровке замечание В Вишневого не поддается Из более значительных произведений Б Лавренева этих лет можно отметить драму «Разлом» (1928) и повесть «Большая земля» (1935) Следует добавить, что по своей образно-стилевой направленности произведения Б Лавренева, в частности его драматургия, в годы поисков советского театра 1930-х гг отличалась от творческих установок В Вишневого Этим, видимо, в значительной мере объясняется неизменная полемическая заостренность высказываний последнего в адрес Б Лавренева В этой связи уместно привести слова В Вишневого из статьи «Автор о трагедии» «Я писал не обычным реалистическим методом, а неким иным» (*Вишневский В* Собр соч В 5 т Т 2 С 238) Примечательна также дневниковая запись В Вишневого, относящаяся, как и письмо к А Дмитриеву, к октябрю 1935 г « полемика с „Красным маком“ (либретто М Курилки, музыка Р Глиэра — В П) и „Разломом“ (там же Т 6 С 233) В Вишневский имеет в виду внутреннюю полемiku своих драм с облегченным, по его мнению, подходом к действительности отмеченных произведений, обходящих ее глубину и социальный трагизм Сказывались здесь, видимо, и следы недавней острой литературной полемики

¹¹ Как уже отмечалось, В Вишневский приехал в Ленинград 10 ноября 1935 г и провел здесь 10 дней

¹² Красный театр — театр, созданный в Ленинграде в 1924 г В 1926 г слился с театром «Красный молот» и стал передвижным коллективом при Леноблсовпрофе В 1930 г слился с театром Народного дома и получил название «Красный театр Народного дома» Последний и имеет в виду В Вишневский В 1936 г этот театр и Театр рабочей молодежи (ТРАМ), близкие по творческим устремлениям, объединились в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола Драма В Вишневого «Первая Конная», написанная в 1929 г, к 10-летию Первой Конной армии, впервые поставлена А Диким (1889—1955) в 1930 г в Народном доме (Ленинград)

¹³ В это время — с 1929 по 1939 г, с перерывами — В Вишневский работал над эпосей «Война» (опубл во 2-м томе его Собрания сочинений в 5 томах) В 1935 г начата работа над романом о К Е Ворошилове, собран большой материал, написаны отрывки (не опубл) Более конкретно о работе В Вишневого над романом говорится в его дневниковой записи от 15 декабря 1935 г, в которой,

в частности, читаем «Работаю над романом Перебираю все Задачи большие Вчерне надо сделать к февралю—марту » (*Вишневский В Собр соч в 5 т Т 6 (доп) С 237*) В комментарии к этой записи составитель тома, вдова писателя С К Вишневецкая, поясняет, что речь идет о начатой осенью 1935 г работе над книгой, посвященной младшему командиру Красной Армии Писатель предполагал проследить за судьбой своего героя от дня его рождения до конца жизни Книга, которая рассматривалась автором то как роман, то как повесть, получила название «Песнь человеческая» (закончена не была, одна из завершенных глав книги опубликована во 2-м томе собрания сочинений в 5 томах)

¹¹ Горев Яков Лазаревич (1894—1971) — советский драматург-маринист В 1930-е гг Я Горевым опубликованы пьесы «Карта Кудеяра» (1932), «Бот» (1934), « Семь баллов» (1935) Публикация пьесы, о которой идет речь в письме В Вишневецкого, не обнаружена

¹⁵ «Оптимистическая трагедия» была напечатана в журнале «Новый мир» (1933 № 2) В неделю дружбы с Советским Союзом в Чехословакии (первая неделя ноября 1935 г) «Оптимистическая трагедия» была поставлена на сцене драматического театра города Оломоуца Ее премьера в пражском драматическом театре состоялась в апреле 1936 г

¹⁶ В 1930 е гг — перед угрозой фашизма — левыми силами в ряде стран Западной Европы был организован Народный фронт, в рамках которого действовали вали организации и учреждения, отстаивавшие демократические принципы как в социально-политической жизни общества, так и в культурной Конкретные факты, связанные с подготовкой к созданию Театра Народного фронта в Париже, установить не удалось

¹⁷ Можно предположить, что В Вишневецкого, как драматурга, интересовал сценарий первой части кинотрилогии («Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона»), над которой авторы сценария и постановщики — Г Козинцев и Л Трауберг — работали с 1932 по 1938 г Публикацию какого варианта сценария «Юность Максима» имел в виду В Вишневский, установить не удалось Как известно, под воздействием партийной критики Г Козинцев и Л Трауберг переработали первый вариант сценария и создали второй (см об этом *Вайсфельд И Г Козинцев и Л Трауберг М, 1940 С 44—45*)

¹⁸ А Дмитриев, уже неизлечимо больной, находился в это время в ялтинском санатории «Словати» В Вишневский заканчивал с Е Дзиганом работу над фильмом «Мы из Кронштадта» Видимо, он предполагал поездку в Крым, к морю кам Черноморского флота, с целью устройства общественного просмотра фильма Документальных материалов об этой поездке В Вишневецкого обнаружить не удалось

Н. С. ТИХОНОВ ПИСЬМА К В. М. САЯНОВУ

Публикация В. А. Прокофьева

В большой литературном наследии Николая Семеновича Тихонова (1896—1979) ¹ эпистолярная часть исключительно обширна и разнообразна Поэтому то, что увидело свет после смерти писателя, интересно не только для характеристики его творческой биографии, но и всего литературного процесса советского времени ²

Публикуемые письма адресованы известному ленинградскому писателю Виссариону Михайловичу Саянову (1903—1959), одному из близких друзей Н С Тихонова, с которым в течение десятилетий он был связан совместной литературно-общественной деятельностью (в 20-е гг оба писателя работали в ленинградском журнале «Звезда», в 30-е гг Тихонов и Саянов входили в ред коллегия «Литературной учебы», во время финской войны (зимой 1939—1940 гг) оба были военными корреспондентами газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины») ³

Совместная творческая работа Тихонова и Саянова продолжилась и в годы Великой Отечественной войны, с первых дней которой Тихонов возглавил группу писателей при Политуправлении Ленинградского фронта, а Саянов наряду с А Прокофьевым, Б Лихаревым и другими писателями составлял своеобразное ядро этой группы «Как хорошо я жил в своем замечательном городе на Неве, — писал Тихонов 22 декабря 1943 г редактору «Красной Звезды» Д И Ортенбергу, незадолго до своего перевода в Москву для руководства Союзом писателей СССР — Вся моя жизнь прошла там, все, что было связано с моей литературной деятельностью, прошло там Там я пережил годы войны и блокады Привязан я к городу так, что не представляю жизни без него»⁴

Войне и блокаде была посвящена начавшаяся сразу после победы работа Тихонова и Саянова над сценарием фильма о героической обороне Ленинграда Об этом неосуществленном замысле и рассказывают письма Тихонова, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в архиве Саянова (ф 597)

До сравнительно недавнего времени об этой работе Тихонова и Саянова, принесшей немало тревог и забот обоим писателям, ничего не было известно ни сам Тихонов, ни его соавтор никогда не вспоминали о ней в своих печатных выступлениях Автору книги «Николай Тихонов в Ленинграде», изданной в 1984 г, Д Т Хренкову удалось разыскать ряд интересных документов, позволивших в общем плане познакомить читателей с историей этого совместного замысла Тихонова и Саянова Сохранившиеся письма Тихонова в какой-то мере дополняют содержательную работу Д Хренкова

Идея создания такого фильма возникла в 1946 г «Перед советским киноискусством, — отмечал министр кинематографии СССР И Г Большаков, — стоит задача создать ряд *монументальных* произведений, которые отразили бы крупнейшие этапы («десять сталинских ударов» — В П) Отечественной войны, как, например, оборону Москвы и Ленинграда, битву за Сталинград, освобождение Крыма Сейчас уже наступило время, когда к этим фильмам мы можем подходить исторически, т е показать эти выдающиеся военные операции во всех их конкретных деталях и подробностях, чего мы не могли делать во время войны по соображениям военной тайны В этих фильмах нужно показать наших полководцев, руководивших этими операциями»⁵

Задуманная серия получила название «Десять ударов Советской Армии», тогда же началась и работа над ее созданием «В 1948 году, — отмечал И Г Большаков в публичной лекции, — будут закончены первые два фильма, которые должны утвердить в кинематографии новый жанр — жанр художественно-документального фильма, Это „Третий удар“ и „Сталинградская битва“ Кроме того, мы должны будем в текущем году приступить к постановке трех новых фильмов этого же жанра — „Падение Берлина“, „Битва за Ленинград“ и „Пятый удар“ — о разгроме немецких войск в Белоруссии»⁶

Как и планировалось, фильм «Третий удар», посвященный разгрому немцев в Крыму в 1944 г, действительно вышел на экраны в 1948 г, с небольшим отставанием от плановых сроков, в 1949 г, была закончена работа над фильмом «Сталинградская битва», годом позже вышла картина «Падение Берлина» Что же касается других фильмов этой серии, то работа над ними задержалась Среди них оказалась и картина «Битва за Ленинград»

Фильму о героической обороне Ленинграда придавалось исключительно важное значение, поэтому для написания сценария был привлечен Н С Тихонов (секретарь Союза писателей СССР), а для режиссерской работы — Г Н и С Д Васильевы, более известные под псевдонимом «Братья Васильевы» Однако неожиданная смерть Г Н Васильева (1899—1946) потребовала внесения поправок в этот план «Когда мы в министерстве получали заказ на этот сценарий, — отмечал несколько позднее Саянов, — я, как один из авторов, прямо сказал „Имейте

в виду что мы не кинодраматурги поэтому «ремесленная» часть у нас пока тут окажется слабой Нам сказали чтобы мы не вошлись» Тем не менее повод для волнений и беспокойства за успех предпринятой работы у обоих авторов был

Во первых, им хотелось чтобы в сценарии на первом плане было изображение исторических событий (так, в письме от июля 1949 г Тихонов опасается, что редакционные изменения сократят военную основу сценария и все действие будет происходить «на фоне ленинградской эпопеи») В то же время оба соавтора находились в границах существовавших в то время определенных представлений и стереотипов «Товарищ Жданов — душа и мозг обороны Ленинграда, день и ночь печется о нуждах города и фронта, непрерывно думает о плане прорыва и набрасывает свои мысли о полном разгроме немцев под Ленинградом», — читаем в письме Тихонова от 18 апреля 1948 г В то же время «роль партии» в картинах тех лет и позднее (вплоть до создания таких киноэпопей, как «Освобождение» и в большей степени «Блокада») должна была быть показана через изображение народа где часто ведущей фигурой был образ старого рабочего Не минували этого обязательного условия и Тихонов с Саяновым Так, Д Т Хренников приводит отрывок сценария с эпизодом о «Кировском заводе»

«Во время обстрела директор завода вместе с ушедшим в ополчение Дмитриевым, бывшим работником парткома, а ныне старшим батальонным комиссаром, и молодым рабочим Мишей Сиверцевым обходят цех ()

— Товарищ директор, пушка готова

Чинят танк Рабочие наклоняют головы и невольно отступают за машину когда рвется поблизости снаряд и осколки свистят над головами

Мишка (к директору) Где мой старик, как он?

Голос сверху (в мегафон) Старик ничего ()

— Старика что делается? У нас, старых большевиков, кость железная »⁸

Таким образом, получалось, что сценарий должен был вместить в строго ограниченный объем образы партийных руководителей Жданова и А А Кузнецова, военачальников — Л А Говорова, Г Ф Одинцова, Д Н Гусева, необходимо было показать линию врагов, немецких генералов и наконец (Тихонов это особенно подчеркивает в том же письме) непрерывность «сталинского руководства, о его (Сталина — В П) всепробывании, т е солдатская легенда о том, что Сталин был на всех фронтах сам»

Во вторых, работу Тихонова и Саянова осложняли и предельно сжатые сроки написания сценария Договор между «Ленфильмом» и авторами был заключен 18 августа 1947 г, когда фильм уже был включен в разработанный и утвержденный министерством план, согласно которому к его постановке следовало приступить в 1948 г Кроме того, и руководство студии долгое время не могло решить вопрос об утверждении режиссера постановщика будущего фильма, о чем в сентябре 1948 г говорил Саянов при обсуждении сценария на художественном совете «Ленфильма» «У нас все время не клеилось дело с прикреплением режиссера Сначала к нам прикрепили т Васильева () Через некоторое время нам дали нового режиссера — т Ивановского, который работал с нами около полутора месяцев () Затем т Ивановский был назначен на другую картину, а нам сказали, что режиссером нашим будет вновь назначен т Васильев Тов Васильев за все это время ни разу не встретился с нами, а вы сами понимаете, что хорошо сделать сценарий без соавторства с режиссером невозможно даже для опытных сценаристов»⁹

Руководство «Ленфильма» постоянно подгоняло авторов с завершением сценария, более того, обеспокоенное создавшимся положением, нарушившим все сроки сдачи работы, оно решило соединить киносценарий Тихонова и Саянова с тематически близкой к нему работой Ю Германа и С Д Васильева «Слава Ленинграда» представленной на «Ленфильм»

В ходе обсуждения доработанного варианта сценария Тихонова и Саянова

на заседании худсовета «Ленфильма» 11 сентября 1948 г., на котором выступили Ф. М. Эрлер, Г. М. Козинцев, А. Г. Иванов, Л. З. Трауберг, Б. Ф. Чирсков, А. В. Ивановский и др., была предпринята попытка соединить два родственных сценария. Большинство поддержало эту идею, против которой решительно возражал только Саянов (Тихонов на заседании не присутствовал, так как находился в это время в Грузии). «Мне ужасно хочется знать, — писал он Саянову 12 сентября 1948 г., чем кончилось наше киномытарство. После печального, известного тебе события Васильев совсем обнаглеет, но, я думаю, и на него управа найдется. Ни в коем случае Германа не включать в авторы. В общем, надеюсь на тебя, дорогой Виссарион»¹⁰. В письме от 11—21 октября того же года Тихонов вновь писал Саянову из Сагурамо: «Здесь я кончил грузинский цикл и кое-что продумываю о Ленинграде. У меня кошки скребут на сердце, дорогой брат Виссарион, когда я думаю, как ты там бьешься из-за нашего сценария с „нечистой“ силой. Вижу, что переплет, в который мы попали, сложный, и один Аллах знает, чем все это кончится. Ты ведешь себя совершенно правильно, не тратя лишние нервы, но все-таки все это в высшей степени неприятно и глупо. Если Васильев соберет остатки своей совести и захочет честно доводить дело до конца, можно согласиться на это и на его поправки и советы, если они будут разумны. Но если он начнет во что бы то ни стало „скрещивать“ оба сценария, да еще при помощи своего компатриота, то это уже свинство, на которое идти невозможно, так как — ты это знаешь хорошо — оба сценария несоединимы».

Тогда нам придется искать ответ в другом месте. Хорошо еще, что у тебя хороший год: роман вышел, новые стихи на столе и ты еще работаешь, а то просто было бы обидно за потерянное время и труды, которые даже на оплачиваются» (л. 26, об.).

Среди целого ряда трудностей, с которыми столкнулись Тихонов и Саянов в своей работе, главная состояла в общественно-политической обстановке тех лет. И дело, вероятно, не только в поучениях А. А. Жданова, прозвучавших в «Докладе о журналах „Звезда“ и „Ленинград“», но и в инструкциях, данных деятелям кино министром кинематографии СССР И. Г. Большаковым: «Следует отметить также и то обстоятельство, что за последнее время в кинодраматургии наметилась неправильная тенденция рассматривать киносценарий не как драму с хорошо сделанным сюжетом, а как бессюжетную киноповесть, в результате чего мы имеем аморфные, малозанимательные, многоречивые фильмы < >. Мы должны отказаться также от двухсерийных и длинных двухчасовых фильмов. Мы должны уважать зрителя и жалеть его время и не показывать ему растянутые, нудные фильмы»¹¹. Вполне понятно, что «хорошо сделанный сюжет» легче контролировать с точки зрения указаний о «бодрости и уверенности в своих силах»¹². В односерийный фильм, таким образом, войдут только определенные, идеологически выверенные эпизоды. Поэтому Тихонов справедливо опасался, что любое сокращение «будет сделано за счет удаления и без того „ограбленных“ военных сцен». «Жесткая память» войны по понятным причинам раздражала сталинское руководство, и тот же И. Г. Большаков говорит об этом так: «Если многие художественные кинопроизведения о войне, созданные под непосредственным впечатлением боевых событий, не отличались своей глубиной (курсив мой — В. П.) и часто носили характер зарисовок боевых эпизодов, не подвергнутых творческому обобщению и осмыслению, то теперь художественные произведения о войне должны быть более глубокими и с большими обобщениями < >. Первым крупным кинопроизведением, вышедшим в первом послевоенном 1946 году, был фильм „Клятва“»¹³. Таким образом, места для творческого, оригинального подхода к сценарию фильма практически не оставалось.

И наконец, нельзя забывать о том, что именно в это время надвигались события «Ленинградского дела», в контексте которого замысел фильма о героической обороне города вообще не мог быть осуществлен¹⁴. В последующих письмах

Тихонова к Саянову встречаются лишь беглые упоминания о сценарии «Как все таки с нашим загадочным трехговым младенцем? Я ничего, абсолютно ничего не знаю, что было дальше Обсуждал кто его, пошел он выше или просто лежит без движения, или что нибудь с ним еще приключилось — ничего не знаю Будь добр, дорогой Витя, отчеркни мне о нем, что знаешь Как дела Васильева вообще? *Что нового в Ленинграде?* (курсив мой — В П)» (2 октября 1949 г., л 36) «О нашем сценарии даже киношные люди ничего не знают По видимому ты прав — это дело долгое и нам придется запастись терпением» (26 октября 1949 г., л 36, об)

Больше никаких упоминаний о сценарии в сохранившихся письмах Тихонова к Саянову нет

Письма публикуются по подлинникам из архива В М Саянова, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф 597)

¹ С наибольшей полнотой оно представлено в кн Николай Семенович Тихонов Библиографический указатель его произведений и литературы о нем 1918—1970 гг / Сост А С Моршихина Под ред В А Шошина Л, 1975

² Помимо опубликованной еще самим Н С Тихоновым в «Вопросах литературы» (1970 № 5) подборки его писем военных лет редактору «Красной Звезды» Д И Ортенбергу см., например *Тихонов Н С* 1) Письма о литературе // Нева 1980 № 7 С 195—205, 2) «Мари» — значит человек // Лит газ 1980 20 февр, 3) Письма грузинским друзьям // Лит Грузия 1980 № 2 С 15—40, 4) О мире, о стихах, о дружбе Из переписки Николая Тихонова с Мирдзой Кемпе // Лит газ 1981 7 янв, 5) [Письма к Б Пастернаку] // ЛН 1983 Т 93 С 664—684, Время писать стихи Письма Н Тихонова В Луговскому // Лит Россия 1984 21 сент, *Шмелева Н* Неопубликованные письма Н С Тихонова // Аврора 1985 № 6 С 140—143

³ См об этом *Хренков Дм* Виссарион Саянов Путь поэта Л, 1972 С 72 О своей работе в «Звезде» Тихонов вспоминает в статье «Журналу „Звезда“ — пятьдесят лет» (Звезда 1974 № 1 С 187—188) О работе в «Литературной учебе» см *Саянов В* Статьи и воспоминания Л, 1958 С 167—172, *Шошин В А* Н Тихонов и М Горький // М Горький и его современники Л, 1968 С 273—300, см также мемуарный очерк Тихонова о Саянове «Палатка под Выборгом» (Знамя 1961 № 6)

⁴ *Тихонов Н* Письма из блокадного города // Вopr лит 1970 № 5 С 108

⁵ *Большаков И* Пятилетний план восстановления и развития советской кинематографии М, 1946 С 6

⁶ *Большаков И* Советское киноискусство в 1947 г М, 1948 С 36

⁷ *Хренков Дм* Николай Тихонов в Ленинграде Л, 1984 С 130

⁸ Там же С 131—132

⁹ Цит по Там же С 130

¹⁰ ИРЛИ, ф 597 (В М Саянова), оп 2 (письма Н С Тихонова) Далее ссылки на эти материалы даются в тексте с указанием лишь номера листа

¹¹ *Большаков И* Советское киноискусство в 1947 году М, 1948 С 23

¹² *Жданов А А* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Правда 1946 21 сент

¹³ *Большаков И* Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) М, 1948 С 138

¹⁴ См об этом *Демидов В* «Ленинградское дело» (Попытка реконструкции) // Звезда 1989 № 1 С 131—162

1

Дорогой Витя! ¹

Обстоятельства сложились так неожиданно, что меня срочно командировали в Тбилиси на пленум Союза писателей ² Вернусь к 25 апреля

Оставляю тебе набросок нового варианта 1-й серии Если ты его одобришь, то эти сцены я немедленно приведу в готовое состояние. Окончательно выяснилось, что режиссером будет Александр Иванов.³ Он приедет из Ленинграда к концу той недели, т. е. тоже к 25. Если он приедет раньше (ты это выяснишь через Семенова),⁴ не дожидаясь меня и поговори с ним о сценарии. Наверно, он читал его в Ленинграде, взяв его у Васильева⁵ Скажи ему, что это был первый вариант и вообще поговори с ним, чтобы выяснить его взгляды на сценарий.

Обязательно позвони Фомиченко⁶ Он жаждет от тебя статью к Первому мая,⁷ что ты и сделаешь к общему удовольствию.

Таким образом, наша следующая встреча будет в понедельник 26 апреля.⁸ Приезжай утром и мы будем продолжать работать.

Так как все было необыкновенно срочно, то я никак не мог предупредить тебя о моем неожиданном отъезде Да и все равно ты должен был бы и так приехать в понедельник, чтобы взять материалы первой серии.

Желаю тебе успеха, горячо обнимаю. Поцелуй от меня Катю.⁹

Н. Тихонов.

Р. С. Эта неожиданная встряска может быть и освежит меня и я по дороге придумаю что-нибудь необыкновенное и в Тбилиси придумаю вторую серию.

17/IV 48 г.

Н(иколай) Т(ихонов).

¹ Так нередко называли Виссариона Саянова друзья

² На пленуме Союза писателей Грузии Тихонов выступил с большой речью, в которой «обрисовал картину нового подъема советской литературы, наметившегося после исторического постановления ЦК ВКП(б), и подчеркнул необходимость активного вторжения писателей в жизнь» (Лит газ 1948 12 мая)

³ Иванов Александр Гаврилович (род 1898) — народный артист СССР, постановщик фильмов «Луна слева» (1929), «Звезда» (1953), «Поднятая целина» (1960—1961) и др. Назначение его режиссером фильма «Битва за Ленинград» не состоялась (подробнее об этом см. во вступительной статье)

⁴ О ком именно идет речь, установить не удалось

⁵ Васильев Сергей Дмитриевич (1900—1959) — народный артист СССР, кинорежиссер

⁶ Фомиченко Илларион Яковлевич — главный редактор газеты «Красная Звезда», хорошо известный Тихонову и Саянову по работе в блокадном Ленинграде Бригадный комиссар, профессор, начальник кафедры марксизма-ленинизма Академии связи, он был ответственным редактором газеты Ленинградского фронта «На страже Родины», а затем — заместителем начальника Политуправления фронта по агитации и пропаганде, подготовил и выпустил книги «Итоги зимних боев 1942/43 г войск Ленинградского фронта (В помощь агитатору)» (Л, 1943) и «Великая победа Красной Армии под Ленинградом» (Л, 1945)

⁷ Написанная Саяновым согласно этой просьбе статья «Весна человечества» была опубликована в «Красной Звезде» 1 мая 1948 г

⁸ Постоянно проживавший, как и прежде, в Ленинграде Саянов еженедельно приезжал на воскресные дни к Тихонову в Москву для работы над сценарием фильма, чтобы обменяться подготовленными материалами и обсудить дальнейший ход работы

⁹ Саянова-Рыкова Екатерина Януарьевна (1903—1981) — жена В. М. Саянова

18 апреля 1948 г.

Дорогой Виссарион!

Я хочу тебе пояснить, что я сделал. Я сделал заново схему первой серии, исходя из сосредоточения военных фактов и приближения их к непрерывному драматическому действию. Таким образом, наши разорванные, существовавшие сами по себе сцены теперь объединились и включением новых сцен немецкого командования сценарию придана и военная драматизация. Действие стало более пружинить.

Образ товарища Жданова ¹ теперь значительно многообразнее. Ход всего исторического действия теперь более понятен и непрерывен. Сцены с мальчиками, испанцами (мои сцены) и с семьей Миши я оставил, чтобы о них посоветоваться с режиссером. Всегда успеем выбросить. Если нужно еще более чисто военное расширение, то оно, конечно, потеснит эти сцены.

По общему объему для серии материала достаточно. Что касается эмоциональной стороны, то я берусь из всех вводимых заново сцен сделать драматические положения, как требует кинодраматургия.

Язык их тоже меня не беспокоит, потому что сделать красочно речи не так трудно. Самое важное проверить — удалось ли при новом варианте достичь: 1) непрерывности развития драматургического действия, оправданности и полной ясности, 2) драматургического действия внутри эпизодов, 3) связи личных линий героев.

Если бы не мой такой неожиданный отлет в Тбилиси, я бы успел написать все вводимые сцены, и тебе стало бы много яснее, но, с другой стороны, так как схема пока дискуссионна, и мне надо обязательно обсудить ее с тобою, я, пожалуй, и хорошо сделал, что зря не писал сцены, которые еще нами не утверждены окончательно.

Как ты заметишь, я много выбросил из того, что задерживало действие. Теперь развитие его рисуется так: товарищ Жданов — душа и мозг обороны Ленинграда, день и ночь печется о нуждах города и фронта, непрерывно думает о плане прорыва и набрасывает свои мысли о полном разгроме немцев под Ленинградом. Говоров ² — суровый и талантливый исполнитель сталинского общего плана и помощник Жданова в новых задачах. С. А. А. Кузнецовым ³ тов(арищ) Жданов в самых дружеских отношениях и видит в нем первостепенного деятеля и своего помощника по работе Ленинградской фронтовой промышленности.

Жданов часто говорит с народом, рабочими, солдатами, является и на фронте, и в тылу живым примером большевистского упорства и воли к победе. Поэтому теперь в его разговоры с Черных и другими вносятся новые элементы, каких ранее не было.

Вот почему старая легенда твоя в землянке здесь уже не так сильна. Лучше ее вторая часть, где говорится о непрерывности

Сталинского руководства, о его всепробывании, т. е. солдатская легенда о том, что Сталин был на всех фронтах сам.

Ленинградцы растут по мере развития действия. Эти люди, которые после страшной блокадной зимы сами приводят город в порядок, и день и ночь работают под огнем, на фронт.

Чувство коллектива надо еще больше подчеркнуть. Теперь это легче, чем при старом построении.

Надо продумать еще линию генералов. Одинцов,⁴ Гусев⁵ и др. — тут я не делал ничего нового по части их ввода в сценарий. Подумай, как лучше это сделать.

Линию показа нашей мощи мы развили, по-моему, достаточно. Видно, что Ленинград могуч и его больше врагу не взять.

Линию вражескую я очень дополнил. И это правильно. Во-первых, для Гитлера Ленинград не был второстепенным объектом.⁶ Во-вторых, он в полной ярости из-за того, что он не поддается никакому штурму. Реакцию Гитлера на отбитие штурма, вернее на его срыв, на контрбатареиную борьбу и прорыв блокады надо показать со всеми вытекающими последствиями.

Надо показать гитлеровское командование и во время боев, за время срыва штурма и за время прорыва. Так мы достигнем картинности того исторического поединка, который развернулся под Ленинградом в 1942—43 гг. От этого выиграет и драматичность, и правдивость сценария.

Я думаю, что испанцев нужно сократить, но как — это мы сговоримся при дальнейшей работе. За счет сокращения достигнем и экономного показа, скажем, штурма Шлиссельбурга Трубачевым.⁷ Сейчас это растянуто.

Иное покажется тебе не совсем понятным из-за схематичности, но имей в виду, что я все продумал и подробности сцен напишу тебе, ну, к примеру, подменяющую госпиталь сцену встречи нового года Мишей и Таней. Мне она ясна. И там будет и комсомольский простреленный билет.

Детей тоже можно подсократить, но сделать это осторожно. Ты главным образом подумай и подбери материал из того, что у нас есть, считаю, что в архиве его достаточно, *по линии чисто военной*, т. е. к сценам в военных штабах — у нас и у немцев.

Нагрузить еще направленнее Черных, Мишу и Уварова можно, но и сейчас у них хорошие сцены, надо только хорошенько разработать их и, главное, разнообразить язык героев. Всячески сокращая и оставляя только точные, яркие, необходимые до зарезу сцены, мы и эту линию соединим тогда с линией главных государственных деятелей.

Еще надо отдельно продумать линию партийности. Здесь главную роль выполняет Дмитриев. Мне кажется, он у нас выйдет. Но ты тоже подумай об этом.

Я не задержусь в Тбилиси и, явившись, немедленно буду двигаться дальше наш сценарий. Тебя же прошу, если действительно наш таинственный режиссер⁸ явится, поговори с ним и посмотри. Если окажется, что он расположен к нашему сценарию и, конечно,

к нам, то можешь уже говорить с ним откровенно и начать работать. Если у тебя возникнут сомнения относительно немедленной с ним работы, — подожди меня и мы вместе разберемся во всем.

Ну, крепко обнимаю тебя и желаю успеха. Очень интересуюсь твоими достижениями во второй серии и жажду их увидеть. Думаю, что, несмотря на все трудности, мы одолеем с тобой все Сциллы и Харибды и увидим свободное море дальнейших работ. Ужасно хочу броситься на стихи⁹. Ты меня понимаешь?

Н Тихонов.

Р S Подчеркиваю красным кружком все вновь вводимые сцены.

¹ Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — член Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского областного и городского комитетов партии, а также «верный соратник» И В Сталина, в годы войны, как член Военного совета Ленинградского фронта, генерал-полковник, был одним из организаторов обороны Ленинграда, его памяти посвящены статьи Тихонова «Могучий образ» (Правда 1948 2 сент) и «Пламенный борец за коммунизм» (Лит газ 1949 31 авг) а также статьи Саянова «Человек большого сердца» (Красная Звезда 1948 1 сент) и «Душа ленинградской обороны» (Лен правда 1948 3 сент).

² Говоров Леонид Александрович (1897—1955) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, с апреля 1942 г командовал группой войск Ленинградского фронта, с июня 1942 г по октябрь 1944 г — командующий Ленинградским фронтом, автор книги «В боях за город Ленина. Статьи 1941—1945 гг.» (Л., 1945). Вспоминая позднее свои встречи с ним в годы войны, Тихонов писал: «Леонида Александровича заинтересовала работа нашей писательской группы при Политуправлении фронта, которую я тогда возглавлял. Я подробно доложил о нашем труде. Меня поразило знание маршала творчества многих ленинградских писателей. Командующий попросил нас больше писать о Ленинграде, о его истории, традициях, памятниках. Он сказал: „Понимаете, приходит новое пополнение, не видевшее Ленинграда, а им его защищать. Больше будут знать о Ленинграде — лучше будут воевать.“ После этой беседы мы развернули огромную работу». И далее: «Когда мы беседовали уже после войны в Москве, Говоров называл имена десятков командиров, политработников, давая им обстоятельную, всестороннюю характеристику. В этой встрече меня поразило и другое — невероятная скромность. С трудом я его заставлял говорить о себе. Правда, я многое уже о нем знал. Знал, что он еще в годы гражданской войны был награжден орденом Красного Знамени» (см. Тихонов Н. Маршал Говоров // Сов. Россия 1985 8 февр). В процессе работы над сценарием фильма «Битва за Ленинград» Саянов, как и Тихонов, также имел возможность опираться на свои личные наблюдения о работе Л. А. Говорова, с которым он встречался и беседовал в годы блокады Ленинграда, подробнее об этом см. Хренков Дм. Виссарион Саянов. Путь поэта Л., 1972 С. 146—151.

³ Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) — советский государственный и партийный деятель, в годы войны — секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта, генерал-лейтенант, один из руководителей обороны Ленинграда, с января 1945 г — первый секретарь Ленинградского областного и городского комитетов партии, затем — секретарь ЦК ВКП(б). Расстрелян по сфабрикованному так называемому «Ленинградскому делу» (см. Звезда 1989 № 1 С. 131—162). О его деятельности в годы блокады Тихонов подробно писал в статье «Верный сын партии. К 70-летию со дня рождения А. А. Кузнецова» (Правда 1975 20 февр).

⁴ Одинцов Георгий Федотович (1900—1972) — советский военачальник, маршал артиллерии, в годы войны — начальник штаба артиллерии и начальник артиллерии 54 й армии, затем — начальник штаба артиллерии и (с мая 1942 г)

командующий артиллерией Ленинградского фронта, о своем боевом пути подробно рассказал в книге «Повелители огня» (Л, 1980)

⁵ Гусев Дмитрий Николаевич (1894—1957) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза, с октября 1941 г до апреля 1944 г — начальник штаба Ленинградского фронта

⁶ С захватом Ленинграда фашисты связывали осуществление не только крупных военно-стратегических, но и политических целей, намереваясь стереть этот город с лица земли и полностью истребить его население

⁷ Имеется в виду Герой Советского Союза полковник В А Трубачев — командир 86-й стрелковой дивизии 67-й армии Ленинградского фронта, войска которой в ходе операции прорыва блокады Ленинграда 15 января 1943 г первыми ворвались в Шлиссельбург (ныне Петрокрепость) и после тяжелых трехдневных боев 18 января полностью освободили город от фашистов (подробнее об этом см Непокоренный Ленинград Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны 2-е изд, перераб и доп Л, 1974 С 351—355)

⁸ Тихонов, очевидно, имеет в виду А Г Иванова (см примеч 3 к письму 1)

⁹ Очевидно, имеется в виду уже задуманный к этому времени Тихоновым цикл «Грузинская весна», стихи которого создавались поэтом на протяжении всего 1948 г и публиковались по мере их написания главным образом в журнале «Огонек» (1948 № 17 С 22, № 45 С 7—8, № 46 С 12, № 51 С 5, 1949 № 1 С 17), а в 1949 г были опубликованы отдельной книгой Грузинская весна Стихи 1948 года Л, 1949, 2-е изд М, 1949 Под заглавием «Стихи о Грузии» книга вышла в Тбилиси в 1949 г За цикл «Грузинская весна» Тихонову 10 апреля 1949 г была присуждена Сталинская премия

3

24 / VI 1949 г.

Дорогой друг Виссарион.

Первым делом добравшись до дому, стал искать тот экземпляр сценария, о котором мы говорили.¹

Найдя его, прочел сразу же, чтобы иметь полное представление о всех вариантах. Вот что я обнаружил.

За исключением 4 эпизодов: 1) квартиры, где девушки переодеваются в Катины платья и где является легчик, 2) вагона, где Леиб² встречается с Ключе,³ 3) злополучных «апартаментов» Астории, где «великосветская свадьба» на кладбище, занимающая 7 страниц, 4) Вороньей горы,⁴ где «геройствует» Кюхлер,⁵ — за исключением этих сцен все остальное вошло и в наш последний вариант Чуешь?

Правда, многое изменено, многое сокращено, но *движение* всех линий осталось прежним Все герои этой городской линии, перекочевав из первого варианта, продолжают существовать, занимая главное место по количеству сцен и их речи мало изменены, а во многих случаях и вовсе не подверглись изменению Чуешь?

Для того чтобы ты лично убедился в этом, одновременно с письмом посылаю тебе сценарий Васильева⁶ У него не хватает трех страниц, которые, по-видимому, он взял у меня еще в Сухуми, но это неважно.

Так как мне писать ему, запрашивая, неудобно, я хочу твоего совета Как бы это деликатно тебе узнать, почему, вернее, с какими выводами был отстранен его сценарий, не утвержден. Потому

что, как видишь, мы его дополнили сильно в военных сценах и переделали в других, но все-таки он занимает всю начинку нашего пирога. Надо бы сократить эту начинку, потому что я честно опасаясь, что при доработке наш общий друг⁷ будет сокращать за счет военных сцен, — наших, а не штатских — своих, и таким образом от нас в сценарии останутся рожки да ножки.

Тут-то и встанет призрак из «Пиковой дамы» и скажет свое «тройка, семерка, туз»¹! И выльет еще нам на голову ушат г.

Права милая Катя, сказавшая: «Вы еще хлебнете горя с этим сценарием». Какая умница!

Вот так обстоят дела. Думаю, что в ближайшую неделю ничего не будет — все в переписке и у нас есть время обменяться советами.

Прочитай «сочинение» и напиши мне свои соображения

Н. Тихонов.

Обнимаю тебя и Катю. Привет сердечный.

¹ Вероятно, имеется в виду киносценарий С Д Васильева и Ю П Германа «Слава Ленинграда»

² Лееб Вильгельм Йозеф Франц фон (1876—1956) — генерал-фельдмаршал германской армии, командующий группой армий «Север», по приказам которого Ленинград подвергался варварским интенсивным артиллерийским обстрелам и ударам с воздуха, после провала гитлеровского наступления на Ленинград в январе 1942 г был отстранен от командования и уволен в отставку

³ Клюге Ханс Гюнтер (1882—1944) — генерал-фельдмаршал германской армии, с декабря 1941 г командовал группой армий «Центр», действовавшей на центральном участке фронта, отличался жестокостью в отношении к военнопленным и населению оккупированных советских территорий, с ноября 1943 г находился в резерве

⁴ Ворожья гора — гора у поселка Можайский под Ленинградом (ныне Красносельский район г Ленинграда), на которой фашистами была установлена дальнобойная артиллерия, систематически обстреливавшая находившийся в кольце блокады город

⁵ Кюхлер Георг фон — генерал-полковник германской армии, в январе 1942 г, после успешного контрнаступления советских войск под Тихвином, сменил Лееба на посту командующего группой армий «Север»

⁶ Сценарий С Д Васильева и Ю П Германа «Слава Ленинграда»

⁷ Имеется в виду С Д Васильев, к этому времени вновь назначенный режиссером фильма «Битва за Ленинград»

4

4 июля 1949 года

Дорогой Виссарион!

Приветствую тебя! Прости, что пишу на машинке. Мне надо написать тебе много, я тороплюсь, почерк у меня такой, что ты будешь полдня разбирать, что я написал. Дел у меня в Москве столько, что до самого сентября я не двинусь из города никуда. И в Осетию не удалось поехать на Нарты¹ из-за срочных и важных работ, неотложных никак. Так что я дышу московским воздухом и изредка бегаю по пятнадцати—восемнадцати километров, чтобы

хоть этими пробегами возместить отсутствие настоящей горной прогулки. Вот, собственно, то малое, что я могу тебе сообщить о себе. Но пишу я по другой причине, не менее важной, чем все мои сегодняшние работы. Среди всех этих забот и работ я все время возвращаюсь к нашему сценарию и сознаю — большое беспокойство не может меня оставить. И я очень просил бы тебя серьезно отнестись к моему письму и передать его содержание или просто дать прочесть Сергею Дмитриевичу.²

Я все время думаю о том состоянии, в котором мы оставили работу над сценарием, и над его видом, в котором он будет сдан на обсуждение.³ Мне кажется, что мы работы до конца не довели как следует. Посмотри сам: в сценарии, не погружаясь в его оценку, около двухсот страниц или пусть немногим меньше. Это уже подсказывает необходимость сокращения на любом дальнейшем этапе работы. Сокращение это, конечно, будет сделано, и я боюсь, что оно будет сделано за счет удаления и без того «ограбленных» военных сцен, т. е. сценарий начнет неизбежно сползать на сценарий, действие которого происходит *на фоне* ленинградской эпопеи, на частные линии отдельных действующих лиц и потеряет основное, т. е. то, ради чего он, собственно, и создается. Он потеряет изображение исторических событий, и ни о какой Битве за Ленинград не может уже быть и речи. Он может стать развлекательнее, интереснее, но его замысел первоначальный будет безвозвратно потерян.

Я помню, что когда мы пытались сокращать и сокращать целые линии, то в спешке тех дней у нас рука не поднялась даже на сокращение эпизодов, и сокращения настолько минимальные, что дело, по сути, не сдвинулось с места.

Между тем дальнейшее мое раздумье о сценарии все-таки приводит меня к необходимости беспощадного сокращения именно для выигрыша цельности. Иначе полетит все, что относится к самой ленинградской эпопее, и останется тот вариант, который, в сущности, мало пострадал при дальнейшей работе над сценарием, т. е. первый вариант Сергея Дмитриевича и Германа,⁴ — вариант, как известно, отвергнутый, и по справедливости. Того решительного, совершенно нового варианта, который должен был заменить все предшествующие варианты, взявшего лучшее и достигшего тематического единства и нового построения сценического, — не будет.

Это мое глубокое убеждение, и мне кажется, тут я скажу, может быть, строгие слова, но я обязан их сказать, потому что мы друзья и никаких иных смыслов я в сказанное не вкладываю. Мне кажется, что Сергей Дмитриевич не совсем уверен в военной стороне сценария и более склонен снимать сюжетную, если можно так ее назвать, лирическую сторону. И его нежелание назвать сценарий, даже с намеком на то, что это сценарий о ленинградской битве, — это подтверждает. Таким образом, выброс военных сцен, которых и так немного, если брать их значение для такой темы, как битва за Ленинград (а ведь сценарий в серии «Десять уда-

ров Советской Армии»,⁵ а не вообще в плане), неизбежно уведет нас за поставленное нам задание.

Поэтому совершенно необходимо, я думаю, ты с этим согласишься, сократить всю Рюминскую ситуацию, потому что, по правде говоря, не так уж необходим один подлец, да еще в чине генерала, на котором почему-то так много задерживается действие. Сократить надо, как ни печально, бытовую бригаду, проезд в санках старика по городу и ладожскую землянку. Увы, но и сцена поцелуя ни к чему! И ее можно и нужно удалить. Чем больше я думаю об этом поцелуе и проезде по городу в санках, тем больше чувствую, что это натяжки, и очень искусственные.

Я знаю, что мне могут возразить, что резать действие целыми кусками — значит нарушать движение сюжета и превращать его в набор несвязанных кусков. Я думал и об этом. Несмотря на всю свою загруженность, раз нужно, я берусь найти новые связи сцен и такие, которые возместят потерянное, но будут в духе изображаемого и короче намного.

Надо сократить и все разглагольствования немецких генералов. Театральность их монологов и рассуждений между собой неимоверно затянет сценарий. Уже при последнем чтении это бросалось в глаза.

Я думаю, что общие замечания, сделанные при чтении тем ленинградским критиком,⁶ который будет скоро читать сценарий, тоже внесут новые поправки. Я не представляю себе, что наш сценарий безукоризнен, нам придется еще повозиться с ним, и это естественно. Но хуже он не может быть от сокращений и разумной критики.

Мне кажется, что большим недостатком вообще сценария является какая-то литературная многословность многих сцен. Вместо эпизодических действий отдельных лиц они обязательно тянут свою линию, причем при большой прерывности трудно следить за их действиями. Этим грешит, напр(имер), линия Алеши и Насти, особенно линия художника, так и не нашедшего цельности до конца.

Тема блокадной зимы занимает по отношению к другим периодам ленинградской эпопеи несоразмерно большое место. Это тоже замедляет ритм действия и неправильно ориентирует зрителя в том плане, что только и трудность была в блокадной первой зиме, а все остальное — ничего особенного.

Все эти мои замечания и соображения прошу обязательно довести до сведения Сергея Дмитриевича, потому что он сейчас вступает в решающий период работы, как сценарист и режиссер фильма, надеюсь в конце концов увидящего свет экрана.

Возникли же они сейчас, так, как будто, поздно не потому, что раньше не было этих соображений, но потому, что если вспомнить всю историю этой мучительной, спешной, трудной работы, то и тогда они возникали в той или иной степени.

Теперь же, когда уже многое пережито и неоднократно перевернуто в материале, еще яснее последние недочеты и недостатки.

Я пишу о них не походя, а со всей серьезностью и прошу в случае, если Сергей Дмитриевич или ты не согласишься с принятием всерьез моих предложений, приложить их к сценарию как особое мнение

Я уже говорил с тобой по телефону об этих сценах, но сейчас решил, что лучше, чтобы это было обсуждено как можно подробнее, отчего и пишу это письмо

Что касается обсуждения сценария в инстанциях по порядку, то я остаюсь в Москве до первого сентября и поэтому вполне доступен в любой день Правда, не в любой, потому что меня держит одно обстоятельство, чрезвычайно серьезное,⁷ но всегда можно договориться В крайнем случае, для личных переговоров можно приехать ко мне в Москву, если дела мне не разрешат выехать в Ленинград в точный день

Письмо мое разрослось, но ничего не поделаешь

Приветствую тебя и шлю привет нашим друзьям!

Николай Тихонов

¹ Тихонов имеет в виду проходившие 11—25 июля 1949 г торжества по случаю выхода в свет книги «Осетинские нартские сказания» 11 июля в Орджоникидзе состоялось торжественное собрание, на котором выступили руководитель делегации Союза писателей СССР С Бабаевский, секретарь Союза писателей Армении Р Ко чар и др , 20 июля там же состоялась посвященная этому примечательному событию культурной жизни республики специальная научно литературная конференция (см Соц Осетия 1949 13 и 27 июля, История советской многонациональной литературы В 6 т М, 1974 Т 6 С 366) Не имея возможности принять непосредственное участие в проходивших в Орджоникидзе мероприятиях Тихонов откликнулся на выход книги статьями «Героический эпос» (Лит газ 1949 9 июля) и «Нартские сказания» (Комсомольская правда 1949 10 июля), а 25 июля в Москве открыл торжественное собрание общественности столицы, посвященное «Осетинским нартским сказаниям»

² С Д Васильеву

³ Состоялось ли это намечавшееся повторное обсуждение сценария на «Ленфильме», установить не удалось

⁴ Имеется в виду сценарий С Д Васильева и Ю П Германа «Слава Ленинграда»

⁵ Задуманная еще в 1946 г, но в полной мере так и не осуществленная серия художественно документальных фильмов о Великой Отечественной войне «Пона чалу существовал замысел показать в художественно документальных фильмах все основные сражения войны битвы под Москвой, под Ленинградом, победные операции 1944 года, сражение за Берлин Однако осуществлены были только три картины „Третий удар“ (1948), „Сталинградская битва“ (1949) и „Падение Берлина“ (1950)» (История советского кино 1917—1967 В 4 т М, 1975 Т 3 1941—1952 С 136)

⁶ Кто именно имеется в виду, установить не удалось

⁷ Речь идет, вероятно, о порученной Тихонову в это время работе по подготовке доклада «Защита мира и борьба против поджигателей новой войны», с которым он затем выступил на Всесоюзной конференции сторонников мира 25 августа 1949 г (см Правда 1949 26 авг, Лит газ 1949 27 авг, отд изд М, 1949 32 с)

Виссарион дорогой!

Я не мог написать письма раньше, потому что меня взяли в большую работу, потом узнаешь, в какую,¹ и я не мог собраться даже черкнуть тебе несколько строк

Но сейчас я написал все, что я думаю о сценарии, и это письмо, на пишущей машинке написанное, отправлю тебе вместе с этим. Напиши мне сразу, такое ли оно, как нужно, и не нужно ли что-либо там добавить

Ты можешь его показать Сергею Дмитриевичу и сам прибавить свои соображения. Я написал резко, но, по-моему, обоснованно. Сценарий меня очень беспокоит теми неожиданностями, по большей части неприятными, которыми он нам грозит в будущем, — я в этом не сомневаюсь. Но зачем идти на них уж такими безоружными? Попробуем все-таки сказать и свое слово. Мы слишком долго были мягки. Я уверен, что там, где будут смотреть раньше всех (в Л(енингра)де), тоже скажут свое критическое слово или, во всяком случае, прислушаются к нашему мнению.

Я боюсь, что по мере приближения практического периода работы, где власть режиссера начнет естественно давить, полетят последние наши военные сцены и сценарий покатится по рельсам самого первого, чуть поправленного Васильевско-Германовского варианта.²

Это никак не должно быть!

Я буду в Москве до сентября. Мне дали сложную, срочную работу, с которой мне скоро не разделаться. Когда ты приедешь в Москву? Напиши мне и о своих планах, и о том, как себя чувствует Васильев и что слышно на кинофабрике с нашим сценарием. Напиши поскорей. Горячий привет Кате.

Мария Конст(антиновна)³ шлет тоже свое приветствие и очень хочет в Л(енингра)д.

Обнимаю тебя

Николай Тихонов

¹ Здесь и в конце письма («Мне дали сложную, срочную работу, с которой мне скоро не разделаться») имеется в виду доклад на предстоящей Всесоюзной конференции сторонников мира (см примеч 7 к письму № 4), на которой был учрежден Советский комитет защиты мира, а его председателем избран Н. С. Тихонов.

² Киносценарий С. Д. Васильева и Ю. П. Германа «Слава Ленинграда».

³ Мария Константиновна Тихонова, урожд. Неслуховская (1892—1975) — жена Н. С. Тихонова.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

В. В. ГИППИУС «ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН»

Публикация Н. Н. Мостовской и Г. М. Фридендера

Имя Василия Васильевича Гиппиуса (1890—1942) — выдающегося советского филолога, талантливого и разностороннего исследователя русской литературы XIX в., чья жизнь и деятельность были тесно связаны с Пушкинским Домом, научным сотрудником которого он был с 1932 по 1942 г., пользуется заслуженным признанием в нашей стране и за рубежом. Ученый широкого профиля, В. В. Гиппиус в разные годы уделил много сил и внимания изучению наследия Пушкина, В. Ф. Одоевского, Тютчева, Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других русских писателей-классиков. Ряд его работ, посвященных этим писателям, вошли в число лучших классических достижений советской филологической науки.¹ Но наиболее весом вклад В. В. Гиппиуса в исследование жизни и творчества Н. В. Гоголя. К Гоголю В. В. Гиппиус постоянно возвращался на протяжении всей своей научной деятельности, рассматривая изучение творчества этого писателя как главное дело всей своей жизни.

В 1924 г. в ленинградском издательстве «Мысль» вышла первая — небольшая по объему — книга В. В. Гиппиуса «Гоголь», остающаяся до сих пор одной из лучших работ о творчестве писателя. Книга эта выделяется среди работ о Гоголе, выходивших у нас в первые послереволюционные годы, не только богатством сравнительного историко-литературного материала — русского и западноевропейского, — но и попыткой связать тщательный анализ произведений Гоголя с анализом его философско-эстетических идей, рассматриваемых в их движении, которое определялось общей идейной эволюцией писателя. В последующие годы В. В. Гиппиус продолжал занятия по изучению Гоголя и в качестве преподавателя высшей школы (в течение ряда лет он вел гоголевский спецсеминар на филологическом факультете Ленинградского университета), и в качестве сотрудника Института русской литературы АН СССР — как редактор двух томов сборника «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» (1936), и как научный руководитель академического Полного собрания сочинений Гоголя, заместителем главного редактора которого он был до конца своей жизни. В 1930-х годах им был написан также ряд исследований о Гоголе, помещенных в качестве вступительных статей к изданию отдельных его сочинений и в тогдашней периодической печати.

Впервые публикуемая в настоящем сборнике статья В. В. Гиппиуса, посвященная идиллии Гоголя «Ганц Кюхельгартен» (1829), была написана в последний год жизни ученого. Она является первой главой задуманной автором обширной монографии, в которой В. В. Гиппиус намеревался подвести итоги своей

многолетней работы над изучением Гоголя Над книгой этой, начатой весной 1940 г автор продолжал работать в осажденном гитлеровскими захватчиками Ленинграде в первый год Великой Отечественной войны Н И Мордовченко в 1946 г рассказывал что он несколько раз встречался с В В Гиппиусом осенью и зимой 1941 г и что В В Гиппиус во время этих встреч говорил ему, что несмотря на трудности и лишения, вызванные блокадой, он испытывал, работая над книгой, огромный душевный подъем Начало второй главы монографии, непосредственно примыкающей к данной главе и посвященной «Вечерам на хуторе близ Диканьки», было напечатано посмертно в кн Труды Отдела новой русской литературы М, Л, 1948 Т 1 С 9—38 (Академия наук СССР Институт литературы (Пушкинский Дом)) Вторая глава не была завершена автором обработав для печати общий очерк о «Вечерах», он приступил к разбору отдельных произведений Гоголя, вошедших в состав первого его повествовательного цикла, но смерть ученого в осажденном Ленинграде 7 февраля 1942 г не дала ему возможности довести этот труд до конца Некоторое — хотя и неполное — представление о главных идеях и общих контурах незавершенной монографии В В Гиппиуса дают две более ранние статьи, в которых он в последние годы жизни стремился дать целостный краткий обзор творчества Гоголя «Н В Гоголь» (*Гоголь Н В* Полн собр соч, М, 1940 Т 1 С 21—58) и «Творческий путь Гоголя» (*Гиппиус В В* От Пушкина до Блока М, Л, 1966 С 46—200) Следует, однако, отметить, что сопоставление глав последней, незавершенной монографии В В Гиппиуса, посвященных «Ганцу Кюхельгартену» и «Вечерам на хуторе близ Диканьки», со страницами о тех же произведениях в указанных более ранних статьях, свидетельствует о том, что в главах этих отражен новый, более высокий и зрелый этап развития научной мысли и исследовательского мастерства автора

Пафос публикуемой главы о «Ганце Кюхельгартене» — в стремлении автора включить юношескую поэму Гоголя в широкий контекст общественно литературного движения 20 х гг XIX в В упомянутой выше книге 1924 г «Гоголь» (где «Ганцу Кюхельгартену» посвящены с 18—25) В В Гиппиус рассматривал «Ганца Кюхельгартена» как своеобразную исповедь Гоголя, отразившую психологическую борьбу между его отталкиванием от мира обыденных «существователей», свойственной Гоголю гордой мечтой о романтическом «избранничестве», с одной стороны, и притяжением писателя к традиции, среде, «почве» (с 22) — с другой, борьбу, которая постоянно, в меняющихся формах возобновлялась на следующих этапах развития мысли великого писателя В печатаемой ныне позднейшей работе автобиографическое по преимуществу, узкопсихологическое истолкование смысла поэмы сменяется иным, более широким и полным Мечты героя гоголевской поэмы, как показывает теперь В В Гиппиус, как у декабристов и вообще у большинства русских романтиков поколения 20 х годов, неотделимы от стремления к «славным делам» и «вольности» Бегство Ганца Кюхельгартена в Грецию, разочарование и скептицизм, рожденные у гоголевского героя картиной подавления восставшей Греции турками, идейно-психологически связывают переживания Ганца с настроениями людей, в памяти которых было свежо восстание 14 декабря В то же время образ Ганца Кюхельгартена сродни плеяде романтических героев скитальцев — от байроновского Чайльд Гарольда до Рене Шатоabriана Таким образом, «Ганц Кюхельгартен» по своему сокровенному смыслу — не столько идиллия, сколько история возвышенных и свободолюбивых порывов романтического скитальца и бунтаря, его трагического столкновения с жизнью и поражения, свидетельствующего не только об объективной трагичности исторической ситуации, но и об отсутствии у героя сил, необходимых для продолжения борьбы Поэтому Ганц — не психологический двойник автора, он духовно и нравственно дистанцирован от последнего, вызывает у Гоголя не только сочувствие, но и осуждение Углубившееся понимание общественно-психологического и исто

рико литературного смысла поэмы и образа ее главного героя позволили В В Гиппиусу в публикуемом здесь исследовании предвосхитить основные направления в изучении юношеской поэмы Гоголя позднейшей советской и зарубежной наукой раскрыть многообразные ее связи с предшествующей и современной Гоголю русской и западноевропейской литературой и с последующим творчеством писателя

После смерти В В Гиппиуса советская наука обогатилась рядом новых ценных монографий о творчестве Гоголя (М Б Храпченко Г А Гукковского Н Л Степанова, С И Машинского, Ю В Манна и др) где уделено определенное место оценке юношеской его поэмы Появился также ряд специальных работ, где в связи с анализом раннего творчества Гоголя так или иначе затрагиваются вопросы поставленные в данной главе монографии В В Гиппиуса² Однако многие впервые сделанные в ней наблюдения и выводы не совпадают с наблюдениями и выводами других исследователей и сохранили, как нам представляется свою свежесть и научную ценность для литературоведения сегодняшнего дня

В послевоенные годы Н И Арнольдом было обнаружено письмо П И Мартоса к П И Бартеневу от 16 февраля 1866 г с полным текстом стихотворения Гоголя «Новоселье» (см ЛН 1952 Т 58 С 773—774, *Гоголь Н В* Полн собр соч М, 1952 Т 9 С 7—8, 613) В данной статье указанное стихотворение именуется автором «Непогода» (как оно было озаглавлено в раннем автографе, по которому его впервые напечатал Н С Тихонравов в 1892 г, под этим названием стихотворение печаталось до 1952 г)

Текст публикации подготовлен Н Н Мостовской по черновому автографу с поправками автора (ИРЛИ, ф 47, архив В В Гиппиуса) В конце автором поставлена дата 15 июня 1940 г Вступительная заметка Г М Фридлендера

¹ Основные вехи жизни, литературной и научной деятельности В В Гиппиуса см *Фридлендер Г М* От редактора // Гиппиус В В От Пушкина до Блока М, Л, 1966 С 3—6 Там же собраны наиболее значительные статьи В В Гиппиуса и помещена библиография его научных трудов, составленная В В Зайцевой (с 341—346)

² *Адамс В* Идиллия Н В Гоголя «Ганц Кюхельgarten» в свете его природоописаний Тарту, 1946, *Фридлендер Г М* Из истории раннего творчества Гоголя // Гоголь Статьи и материалы Л, 1964 С 124—136, *Алексеев М П* К источникам идиллии Гоголя «Ганц Кюхельgarten» // Проблемы поэтики и истории литературы Саранск, 1973 С 172—182

В. В. Гиппиус

ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН

1

Литературное развитие Гоголя на самом раннем его этапе не может быть планомерно исследовано почти все написанное им в школьные годы утрачено, а то, что дошло (стихотворение «Непогода», эпиграмма и еще строки из утраченного стихотворения), совершенно недостаточно для выводов Очень скудны и показания самого Гоголя, и его современников Никакому раскрытию не поддаются интригующие строки в письме семнадцатилетнего Гоголя к матери (от 23 ноября 1826 г) «Сочинений моих вы не узнаете *Новый переворот* настигнул их Род их теперь совершенно особенный»¹ Предположение В В Каллаша, что переворот совершился в направлении сентиментально-романтической мечтательности,² хотя и правдоподобно, но ничем не может быть подтверждено

Позднейшее (1847 г.) показание Гоголя: первые сочинения мои «были почти все в лирическом и сурьезном роде» (VIII, 438) — имеет слишком общий характер. Свидетельства товарищей Гоголя ограничиваются заглавиями недошедших юношеских произведений (может быть, не всегда точными) и очень немногими пояснительными данными. Вот все, что можно из этих показаний извлечь:

1. Н. Я. Прокопович слушал в чтении Гоголя балладу «Две рыбки», вызванную воспоминанием об умершем брате; было это «еще в одном из первых классов гимназии»³ (т. е. в 1821—1823 гг.?).

2. Г. И. Высоцкий, сообщивший Кулишу акrostих Гоголя «Спиридон», рассказал и о ранней сатире Гоголя «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан». Он привел и заголовки пяти разделов этого «довольно обширного сочинения». Сатира написана до отъезда Высоцкого из Нежина, т. е. до весны 1826 г. В стихах или в прозе была сатира, неизвестно.

3. Без указания источника, но, очевидно, со слов тех же товарищей Гоголя Кулиш передал «предание еще об одном ученическом произведении Гоголя — о трагедии „Разбойники“, написанной пятистопным ямбом».⁴

4. Он же со ссылкой на устные предания соучеников Гоголя (очевидно, тех же самых) упоминает о повести «Братья Твердиславичи» («подражание повестям, появившимся в тогдашних современных альманахах»)⁵. Повесть, как и «разные стихотворения» Гоголя, помещена была в школьном журнале, который Кулиш называл «Звездой», но настоящее название которого было, по-видимому, «Метеор литературы».

5. Г. П. Данилевский со слов М. И. Гоголь сообщил о стихотворении Гоголя «Россия под игом татар». Из «окончания» этого стихотворения М. И. Гоголь запомнила два стиха:

Раздвинув тучки среброрунны (?)
Явилась трепетно луна.

Что касается украинской пьесы, будто бы сочиненной Гоголем и сыгранной в Нежине, то уже Шенрок, передавший это известие со слов нежинца К. М. Базили, с полным основанием заподозрил, что Гоголю-сыну была приписана одна из комедий Гоголя-отца.⁶ Это все, что мы знаем о первых литературных шагах Гоголя. Ни эти отрывочные сведения, ни стихотворение «Непогода» — всецело ученическое и вдобавок не полностью сохранившееся — не отвечают даже на вопрос, как подготовлялся «Ганц Кюхельгартен» — первое произведение Гоголя, с которого только и можно начинать историю его творческого пути. Эта скудость материала тем обиднее, что мы могли бы знать больше. В 1884 г. в руках члена-корреспондента Академии Наук библиографа С. И. Пономарева был номер нежинского рукописного журнала «Метеор литературы» за январь 1826 г., писанный рукою Гоголя и, конечно, заключавший его произведения. Но в заметке об этом журнале (Киевская старина. 1884. № 5) Пономарев ограничился

тем, что привел содержание номера, да одну из эпиграмм. Рассуждения Пономарева, оправдывающие такое воздержание, сейчас можно цитировать только в качестве историко-литературного курьеза. «По содержанию своему, — писал Пономарев, — почти все эти статейки сентиментального, мечтательного, псевдо-исторического и романтического характера, и мы решительно затрудняемся определить, что из них может принадлежать Гоголю. Впрочем, если бы и все содержание книжки несомненно принадлежало ему, оно ничего не представляет для его славы (!). Проза никоим образом не может быть приписана Гоголю. . .»⁷ Почему же? Оказывается потому, что из двух помещенных в номере повестей одна имеет подзаголовок «с немецкого» (а немецкий язык Гоголь знал плохо), другая же — «реторическая вещь во вкусе Марлинского». Одного этого впечатления оказалось достаточно, чтобы отвергнуть авторство Гоголя! Речь идет о повести «Ожесточенный», помещенной в журнале на втором месте с подзаголовком «начало оригинальной повести». Есть все основания думать, что автором «Ожесточенного» был Гоголь. Создатель журнала, конечно, и сам в нем сотрудничал, а из всего содержания номера именно она вызывает меньше всего сомнений;⁸ можно даже предположить, не та же ли это повесть, которая фигурирует у Кулиша как «Братья Твердиславичи»? Да и «Битва при Калке» также могла быть тем самым стихотворением, о котором мы знаем как о «России под игом татар».

Где находится в настоящее время этот экземпляр «Метеора литературы», неизвестно. Литературное лицо юноши Гоголя (до «Ганца Кюхельгартена») может быть отчасти угадано только по его письмам. Это возможно именно потому, что письма Гоголя не целиком «литературны», что литературная природа их начинает обнаруживаться лишь по временам, но зато очень сильно и напряженно. Такое усиление литературности можно заметить в двух случаях: во-первых, при подъемах эмоционального тона в возвышенных признаниях или часто изречениях; во-вторых, в юмористических характеристиках-анекдотах.

Противоречивое отношение к миру, перебои от юмористических оценок к возвышенным обобщениям намечены уже у юноши Гоголя. Сам он не раз и разным своим корреспондентам характеризует себя часто как натуру двойственную, противоречивую. «Вы знаете меня, — писал он матери 26 февраля 1827 г., — какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни» (X, 83). Высоцкому, самому близкому из своих друзей, он писал 19 марта 1827 г.: «Я теперь все тот же, как прежде веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы» (X, 85). Именно письма к Высоцкому, которые меньше всего можно за-

подозреть в неискренности, говорят о том, насколько прочным было для юноши Гоголя сочетание «веселости» и юмористической наблюдательности с настроениями «сентиментальной мечтательности», вовсе не только внешними. Остроты над каким-нибудь «барончиком Доримончиком, фон Фонтиком-Купидончиком» сами по себе довольно поверхностны, но в свете фразы «дураки все так же глупы» даже в них проступает сатирический смысл. А в беглом карикатурном портрете гимназиста Баранова уже явно намечаются черты будущих гоголевских миргородцев: «Баранов находится в собственном, благоприобретенном и родовом своем поместье; преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете» (X, 86). Отсюда не так далеко до «сей дыни, съеденной такого-то числа». Картина «движения» среди «мятежных сенаторов» греческого магистрата варьирует гоголевскую же сатиру «Нечто о Нежине». И те же письма к Высоцкому дают не только образцы иного — высокого — стиля, но и дают и идейное обоснование этой стилевой двойственности. «Дураки», которым «закон не писан», в письме 26 июня 1827 г. определяются уже как существователи, которые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека» (X, 98). Это первое звено той темы, которая станет основной во всем гоголевском творчестве.

Смеясь над существователями, Гоголь уже теперь умеет наблюдать в них конкретные социальные черты (пример — дворянская спесь в характеристике Баранова). Но идея «высокого назначения человека» остается романтической абстракцией. Юноша Гоголь ни разу не высказывался непосредственно на политические и социальные темы. Соответствующий биографический материал также исключительно скуден. Как переживался Гоголем разгром декабрьского и январского восстаний — неизвестно. Ни связь Гоголей с семьей Капнистов, близкой к декабристам, ни интерес нежинцев к нелегальной рукописной литературе, ни даже показание, данное Гоголем в пользу профессора Белоусова, обвиненного в вольнодумстве, — не дают твердых данных для суждений о собственном политическом мировоззрении Гоголя, хотя и ставят под сомнение тенденции биографов Гоголя представить его идеологию исконно консервативной. Необходимо и другое заключение: развитие молодого Гоголя, как и развитие большинства его сверстников, вступивших в жизнь после декабрьской катастрофы, совершалось ближайшим образом под влиянием не столько политических, сколько моральных и эстетических идей. В отрицании «ничтожного самодоволия существователей» и в идее «высокого назначения человека» были даны предпосылки для дальнейшего творчества Гоголя, в том числе и для первого законченного его юношеского произведения — для «Ганца Кюхельгартена».

Первая книга Гоголя, его поэма — или, как определил он сам, «идиллия в картинах» — «Ганц Кюхельгартен» — естественно привлекала внимание историков литературы и биографов Гоголя — не по художественному значению, которое единогласно признавалось небольшим, но как необходимый материал для суждений о литературном развитии Гоголя.

О «Ганце» написаны четыре специальные работы (Шаровольского, Кульмана, Стендера-Петерсена и Адамса),⁹ большие главы в книгах Шенрока и Чудакова; о «Ганце» высказывались вряд ли не все писавшие о Гоголе, начиная от первого его биографа Кулиша и первого критика его посмертного наследия — Чернышевского.

Внимание к юношеской идиллии Гоголя не прекратилось и в наше время: исследование Адамса датировано 1931 годом; в советском литературоведении отметим наблюдения В. В. Виноградова (1925) и В. А. Десницкого (1936).¹⁰

Вызвавший много споров вопрос о хронологии «Ганца» точному решению, очевидно, не поддается, и время написания «Ганца» приходится определять лишь приблизительно между 1827 годом (гоголевская дата) и маем 1829-го (цензурное разрешение книги).

Попытки ограничиться гоголевской датой (Тихонравов) или отвести ее вовсе (Шаровольский), а также точно распределить отдельные части поэмы по годам (Шаровольский, Стендер-Петерсен) нужно признать необоснованными. Наименее определенная датировка оказывается наиболее правдоподобной: первое крупное произведение потребовало, конечно, немалого времени; трудно допустить, чтобы Гоголь не продолжал работу над поэмой перед тем, как сдать ее в печать, если даже она была вполне окончена в 1827—1828 гг.

С несомненностью установленной можно считать глубоко личный в широком смысле слова автобиографический характер поэмы. Но именно в широком смысле — как и в одновременных его письмах (к Г. И. Высоцкому, к дяде Петру Косяровскому) — это было отражение порывов и раздумий юноши Гоголя.

Об автобиографизме непосредственном — о связи с действительными проектами гоголевских путешествий в чужие края и его осуществленным в 1829 г. путешествием можно говорить лишь в самом общем виде, не потому, что романтический замысел поэмы не допускает прямых аналогий между героем и автором, но также и потому, что в самых этих гоголевских проектах и до сих пор многое неясно. Основное же, что требует изучения, — литературное лицо поэмы, ее место в литературе, ее связи с позднейшими, зрелыми произведениями Гоголя — еще никак не может считаться проясненным. Отдельных литературных сближений сделано немало, начиная с указания на идиллию Фосса «Луиза» и русский перевод ее Павла Теряева (отмечено еще Кулишом).

В связи с «Ганцем» назывались имена Гёте, Байрона, Мура, Шато-бриана, Тика, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Бестужева-Марлинского, Кюхельбекера. Но сопоставления с этими авторами в большинстве случаев были случайны и бесперспективны; параллели регистрировались, но редко осмысливались; из подбора имен, в общем исторически закономерного, не было сделано никаких выводов, кроме разве узко биографических — о круге гоголевского чтения. Связь между первой и второй книгой Гоголя — между «Ганцем» и «Вечерами на хуторе» — устанавливалась либо чисто цитатная, либо, если и идеологическая, то слишком общая и неопределенная. Тем не менее как старыми работами, так особенно работами последнего времени (я имею в виду работы А. Стендера-Петерсена, В. В. Виноградова, В. Адамса и В. А. Десницкого) проложены пути к историко-литературному изучению первой гоголевской поэмы. Отдельные мысли этих авторов мне придется поддержать или оспорить в дальнейшем изложении.

В историко-литературном изучении «Ганца Кюхельгартена» определились два противоположные взгляда. Один, высказанный А. Стендер-Петерсеном и поддержанный В. В. Виноградовым, резко разграничивал идиллические и романтические элементы поэмы, считая их разнородными и объединенными лишь механически. Стендер-Петерсен, исходя из этого, строил даже историю создания поэмы по частям. Другой противоположный взгляд полнее всего обоснован В. Адамсом: «Ганц Кюхельгартен» представляет собой «романтико-идиллическое единство»; тот же сложный комплекс романтико-идиллических чувств автор видит в юношеских письмах Гоголя 1827—1828 гг.

О механическом соединении идиллических и романтических элементов нельзя говорить уже потому, что в сюжетном движении поэмы эти элементы соотнесены: романтическое стремление героя в даль возникает не самостоятельно, а как противодействие идиллии, а возвращение в идиллию возникает как следствие кризиса романтических порывов. Поэтому точка зрения Адамса представляется более верной, хотя и требующей дальнейшего раскрытия. «Романтико-идиллическое единство», как всякое единство противоположностей, предполагает не только взаимопроникновение, но и борьбу противоположностей. Идеино-общественный смысл этой борьбы может быть уяснен лишь с определением ведущей противоположности в этом единстве, а это возможно лишь в результате анализа всей художественной конструкции поэмы — притом более тщательного, чем это делалось до сих пор (не исключая из этого итога и соответствующих страниц моей книги 1924 г.).

В предисловии к «Ганцу», написанном от лица мнимого покровителя «юного таланта», с сожалением отмечено, что «многие из картин сей идиллии, к сожалению, не уцелели: они, вероятно, связывали более ныне разрозненные отрывки и дорисовывали изображение главного характера» (I, 60). Это замаскированное извинение перед читателями говорит о том, что жанр «идиллии в кар-

тинах» не исключал в сознании Гоголя требований единства этих картин, нарушенного тем, что некоторые из картин «не уцелели». Чем же объяснить самое отсутствие этих картин? Возможны два ответа: либо мнимый пропуск, эстетически обоснованный примерами «Евгения Онегина» и «Дон Жуана», а психологически — расчетом на то самое снисхождение читателя, о котором заявлено в предисловии; либо пропуск реальный по цензурным, самокритическим или иным соображениям.

Первое предположение маловероятно потому, что пропуск картин не так значителен (из восемнадцати картин пропущено четыре). 1) За четвертой картиной следует сразу шестая и 2) между одиннадцатой и шестнадцатой картиной вместо ожидаемых четырех картин помещена только одна, 13-я. Никаких внешних эффектов с этими пропусками не связано, они отразились только в нумерации картин.

С другой стороны, неслучайными представляются образовавшиеся перерывы. Вторая картина оканчивается переходом к мечтаниям героя:

Пока в жилище суеты
Его подслушаем украдкой,
Доселе бывшие загадкой,
Разнообразные мечты

(I, 69).

Следует картина 3-я с мечтами о Греции и картина 4-я с мечтами о какой-то восточной стране (скорее всего, Индия, хотя «луга Кандагарские» указывают на Афганистан).

После многоточия о мечтах героя говорится от автора. Пропуск естественнее всего предположить перед заключением. «Разнообразные мечты» о чужих краях представлены слишком скупю; после двух картин — 3-й и 4-й — слишком неожиданны строки картины 8-й:

Творцы чудесных впечатлений!
Резец ваш, кисть увижу я...

(I, 79).

Рядом с картинами Греции и Индии явно недостает Италии, на которую намекает строка о «кисти» великих творцов. Но Италия не была обойдена в творчестве юноши Гоголя; к тому времени, когда «Ганц Кюхельгартен» был подготовлен к печати, в мартовской книжке «Сына отечества» 1829 г. уже была напечатана «Италия» как отдельное стихотворение. Вопрос об авторстве Гоголя остается, правда, не до конца ясным, так как неизвестен первоисточник показаний Кулиша и Тихонравова.¹¹ Но, если показания эти справедливы, можно предположить связь «Италии» с «Ганцем Кюхельгартеном». Это и предположил в свое время И. Н. Жданов в своем университетском курсе («вероятно, одна из частей „Ганца“ первоначальной редакции»). То же предполагал и первый исследователь «Ганца» — Шарвольский; но ни

Жданов, ни Шаровольский не указали в структуре поэмы места для «Италии». Найти это место не трудно. Всего вероятнее видеть в «Италии» именно пятую, пропущенную картину «Ганца». Пропуск объясняется легко: включением «Италии» в поэму был бы разоблачен псевдоним В. Алова — по крайней мере для редакции «Сына отечества».

Менее ясен вопрос об остальных пропущенных картинах — 12-й, 14-й и 15-й, но он-то особенно и важен, так как пропуск относится к центральному месту сюжета — к самим странствиям Ганца. Указаний на содержание этих пропущенных картин можно искать только в самом тексте поэмы. Волнения героя названы «думой непонятной» (карт. II), «думой неясной» (карт. IV), «мечтой неясной» (там же). Эти романтические эпитеты характерны, но и характерность их не дает нам права завершить на этом исследование образа героя: неясность не значит бессодержательность; Гоголь же дал и более полные определения мечтаний своего героя, отмечая в них не одну «неясность» и не одну беспредельную тоску «по дальней, дальней стороне». «Тайная печаль» Ганца во второй картине раскрывается как тайное негодование:

Чего-то смело ищет ум,
Чего-то тайно негодует;
Душа, в волненьи темных дум,
О чем-то, скорбная, тоскует

(I, 67).

Пусть двусмысленное «что-то» значит здесь не «никому не открытое», а именно «неопределенное»; но в этой неопределенности проступают черты, отличные от романтического томления о «голубом цветке» (сближение Стендера-Петерсена). В четвертой картине — слова:

...но чего
Волненья сердца своего
Искал он думую неясной —

продолжаются так:

Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною и страстной,
Как будто мир желал обнять, —
Того и сам не мог понять

(I, 71).

«Неясность» мечтаний героя восходит к «неясности» самого замысла. В образе гоголевского героя томление (*Sehnsucht*) немецких романтиков сочетается с порывами байронических героев. Это обнаруживается наглядно в монологе картины восьмой. Звеном, которое позволяет сомкнуть сюжетную цепь, является здесь процитированная строфа 6-я:

Творцы чудесных впечатлений!
Резец ваш, кисть увижу я,
И ваших пламенных творений
Душа исполнится моя

(I, 79)

Рационализируя это лирическое восклицание, мы могли бы так наметить чертеж сюжета: Ганц покидает родину и Луизу, чтобы увидеть воочию великие памятники искусства в Греции и, может быть, в Италии и вдохновиться ими (что Ганц — поэт, выясняется в картине XIII). Этому, однако, противоречит та многозначительность, даже таинственность, какую окружен замысел героя И, возвращаясь к первым строфам монолога, мы видим, что в этом замысле на первом месте — иное содержание: желание героя «испытать волненье мира», жажду славы:

Все решено Теперь ужели
Мне здесь душою погибать?
И не узнать иной мне цели?
И цели лучшей не сыскать?
Себя обречь бесславью в жертву,
При жизни быть для мира мертву?
Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность в мире полюбить?
Душой ли, к счастью не остывшей,
Волненье мира не испытать?
И в нем прекрасного не встретить?
Существованья не отметить?

(I, 78—79)

Тема славы — и контрастная ей тема бесславья имели в литературе двадцатых годов определенный общественный смысл. В поэзии декабристского круга поэтический образ «славы» вызывал гражданские ассоциации. Рылеев говорил (имея в виду в слове «он» — Пушкина): «Как он, и я живу для славы. Для пользы родины моей». В его же думе «Волынский» сказано: «Беда несчастному, беда! Он сын не славы, а бесславья». Кюхельбекер в «Европейских письмах» писал: «Все почти итальянцы были влюблены в славу своего отечества, а любить прекрасное и славу не может человек, совершенно отверженный природою» («Невский Зритель», апрель 1820). Ср. его же: «И в вольность и в славу, как я, ты влюблен» («К Ахатесу», 1821). Пушкин в обращении к Кюхельбекеру — в кругу тех же образов: «Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви». Пушкину нужен был особый ограничительный эпитет, чтобы противопоставить гражданский подвиг — обману «любви, надежды, тихой славы».

Слава, о которой мечтает Ганц, не «тихая слава», она отождествляется с «волненьем мира». Но, как и для Кюхельбекера, «прекрасное и слава» в сознании героя неразлучны. Тем же сочетанием представлений — об эстетически прекрасном и о славе — открывается картина третья. И здесь идея славы уже прямо сочетается с идеей гражданского вольнолюбия:

Земля классических, прекрасных созиданий,
И славных дел, и вольности земля!

(I, 69)

Греция была для передовой мысли двадцатых годов — страной не только красоты, но и вольности и «славных дел». Представления о «славных делах» античной Греции естественно соединяются с представлениями о славных делах новой Греции — двадцатых годов XIX века, борющейся за свободу и независимость. В тексте «Ганца» есть указание и на славные дела современной Греции — пастор вступает в спор со своим зятем:

Разговорясь про новости газет,
Про злой неурожай, про греков и про турок,
Про Мисолунги, про дела войны,
Про славного вождя Колокотрони,
Про Канинга, про парламент,
Про бедствия и мятежи в Мадрите ¹²

(I, 74).

На эти строки обратил внимание В. А. Десницкий, отметив, что они рисуют юного Гоголя «далеко не таким чуждым вопросам общественности, как обычно принято думать». Для нашей цели существенно другое: те дополнительные черты, которыми наделен в поэме образ Греции; заметим, что самый мотив обсуждения газетных новостей восходит к «Луизе» Фосса, что ускользнуло от исследователей, но Гоголь расцветил его конкретными современными подробностями.¹³

Итак, в первой части поэмы — до ухода Ганца — Греция изображена в двойственном облике: как страна античных воспоминаний, античной красоты, славы и вольности и как страна современных славных дел. В этой же двойственности, но уже трагически осознанной, является Греция в картине тринадцатой — единственной уцелевшей из первоначального ряда картин XII—XV. Античность—современность оказываются уже несовместимы, так как современность обнаруживает не славу, а бесславие.

Печальны древности Афин

не потому одному, что памятники разбиты, что ящерицы скользят по обломкам древних колонн, но и потому, что греческое восстание подавлено.

Везде читает смутный взор
И разрушенье, и позор.
Промеж колонн чалма мелькает,
И мусульманин по стенам,
По сим обломкам, камням, рвам,
Коня свирепо напирает.

(I, 89).

Единственная уцелевшая картина о странствиях Ганца отражает европейские политические события двадцатых годов — вероятно,

без точного хронологического приурочения: один из моментов подавления восставшей Греции.

Для реконструкции утраченных картин — хотя бы и самой предположительной — этих наблюдений еще недостаточно. К ним необходимо присоединить указания семнадцатой картины.

Ганц возвращается разочарованный, и в его скорбных итогах есть намеки на то, чего нет в картине 13-й, но что должно было быть в утраченных картинах 12-й и особенно 14-й и 15-й. Ганц «зло смеется над собою» — между прочим и над тем,

что, не колеблясь, смело он
Сим людям кинулся в объятия;
И, околдован, охмелен,
В их злые верил предприятия

(I, 94).

Эти строки с обличением «сих людей», как и следующие, больше заинтриговывают, чем разъясняют. Несомненно одно, что мечты Ганца о «славе» и «волненье мира» должны были как-то реализоваться в сюжете поэмы и именно в недошедших картинах, где Ганц вступал в соприкосновение с людьми и участвовал в каких-то предприятиях, оцененных им после разочарования как злые.

Предприятия эти как-то должны быть связаны и с тяготением героя к чужим краям (конечно, это не значит, что каждой экзотической картине первой половины поэмы должно быть соответствие во второй). Если Грецию герой застал в период поражения ее «славных дел», то не переносят ли картины 14-я и 15-я в Италию с ее революционной борьбой карбонариев, не заглохшей в изображаемые годы и тоже далеко не победоносной? Это объяснило бы исключение по крайней мере двух картин — между картиной «печальных древностей Афин» и возвращением разочарованного Ганца: содержание их было бы, конечно, нецензурным, и, если картины эти были не только задуманы, но и написаны, — автор, вероятно, и не пытался бы их напечатать. Догадка эта обречена остаться догадкой.

Возможно, разумеется, и другое: промежуточные картины странствий могли остаться недоработанными потому, что сам автор не пришел к окончательному сюжетному разрешению поставленных им мотивов «славы» и «злых предприятий».

Как бы то ни было, в «Ганце Кюхельгартене» различимы две струи: пафос вольнолюбивой романтики в первой половине поэмы и резко выраженный мотив общественного разочарования — в картине XVII. Эта смена настроений только отчасти может быть прикреплена к тем европейским событиям, на которых непосредственно строится сюжет «Ганца». Гораздо более глубоки и прочны должны быть связи этих настроений и смены их с самой русской действительностью второй половины двадцатых годов, периода поражения декабрьского восстания. Но для того чтобы гоголевскую поэму включить в эту истори-

ческую перспективу, необходимо от отдельных — хотя бы и существенных мотивов обратиться к ее художественному целому.

3

Гоголь назвал свое первое произведение «идиллией в картинах»; исследователи Гоголя установили связь «Ганца Кюхельгартена» с известной идиллией Фосса «Луиза». Но для содержания «Ганца» эти обозначения и сближения не могут быть решающими: не только поэма в целом, но и ее собственно идиллические элементы (если допустить их искусственное выделение из целого) — имеют иной идейно-художественный смысл, чем идиллии Фосса. Фосс и в «Луизе» — известнейшей и обширнейшей из его идиллий, и в других своих стихотворениях пытался создать идиллию в том смысле, какой затем придал этому жанру Шиллер в рассуждении о наивной и сентиментальной поэзии: смысл и цель идиллии — изображение человека «в состоянии невинности, то есть в состоянии гармонии и мира с самим собою, равно как и с внешним миром», с уничтожением «всякой противоположности между действительностью и идеалом». Воплощение идиллической или, говоря шире, наивной поэзии Шиллер видел в поэзии древнегреческой, и единственной возможностью для нового поэта приблизиться к ней считал подражание древним грекам. Примером такого подражания была для Шиллера именно «Луиза» Фосса. «Эта идиллия, — писал Шиллер, — не вполне, правда, свободная от сентиментальных влияний, принадлежит, однако, к наивному роду и в индивидуальной правдивости и отличной естественности с редким успехом соперничает с греческими образцами». Для самого Фосса, классического переводчика Гомера, ориентация на греков — именно как на представителей «детства человечества» была, разумеется, вполне сознательной, равно как и выбор гекзаметрического размера — вполне принципиальным. С этим связано и социальное содержание фоссовских идиллий (впрочем, претерпевшее изменение в его творческой эволюции): идеализация сельской простоты в отличие от пышности аристократов (в «Луизе»), народолюбивые и антикрепостнические мотивы (в цикле «Die Leibeigenen — Die Erleichterten — Die Freigelassenen»)^a. Между античностью, воспринимаемой как воплощение всех — в том числе и вольнолюбивых идеалов человечества, и повседневным бытом современного бюргерства устанавливалась таким образом непосредственная связь, и формой этой связи был жанр идиллии.

В гоголевском «Ганце» тоже дан образ Греции, но в существенно иных — не идиллических, а патетических тонах. Гоголевская Греция прежде всего страна, где было осуществлено «высокое назначение человека» (выражение из гоголевского письма — см. выше).

^a «Крепостные — Облегченная участь — Вольноотпущенники» (нем.).

Земля классических, прекрасных созиданий,
И славных дел, и вольности земля!

Вот от треножников до самого Пирея
Кипит, волнуется торжественный народ,
Где речь Эсхинова, гремя и пламеня,
Все своенравно вслед влечет

Под портиком божественный мудрец
Ведет высокое о дольном мире слово,
Кому за доблести бессмертие готово,
Кому позор, кому венец

(I, 69)

Гражданское вольнолюбие, эстетическое восхищение, «эпикуреизм» и вакхическая эротика объединяются здесь в общей идее полноты жизни: «прекрасная наука» эпикурейской философии учит,

Как жизнью жить, как наслажденье пить

Так воспринятые кипящие Афины противоположны мирному Люненсдорфу. Между античностью и современностью для Гоголя двадцатых годов не оказалось того промежуточного звена, какое явно подразумевалось Фоссом и которое сам же Гоголь двадцать лет спустя, в исходе своего многосложного творческого пути называет «спокойствием и простотой почти младенческой» («Об Одиссее, переводимой Жуковским» — VIII, 238) или — в другом месте той же статьи — «свежестью жизни, непритупленной, младенческой ясностью человека» (VIII, 243). Теперь же, для юноши Гоголя, хотя люненсдорфский быт и выступает в поэтизированном свете (отражающем еще большую поэтизацию его в «Луизе» Фосса), но эти отражения «спокойствия и простоты» не вступали ни в какую связь с идеалом античной «полноты жизни», напротив, сопоставление с идеалом античности низводит идиллию на низшую ступень.

Шиллер, требуя от идиллии впечатления покоя, разъяснял, что это должен быть «покой совершенства, а не косности, покой, пристекающий из равновесия, а не из бездействия сил, из полноты, а не из пустоты».

Идиллия Фосса, объективно, может быть, и не убеждая впечатлением совершенства, равновесия и полноты, — несомненно исходила из замысла дать современную параллель к античной гармонии. В идиллических картинах Гоголя это впечатление если и было задано, то уничтожалось образом героя, мечтающего об античной «полноте», как об отрицании идиллического «покоя», несмотря на то что непосредственного разоблачения косности, бездействия и пустоты внутри самой идиллии Гоголь не дал.

Итак, идейно-художественный смысл гоголевских идиллических картин (в отличие от фоссовских) оказывается неопределенным и колеблющимся, в то время как смысл его же греческой картины совершенно недвусмыслен. О Греции Гоголь (как его герой) говорит с тем же поэтическим пафосом и тем же

375

стилем, каким говорили о Греции все поэты декабристского круга. В. А. Десницким была приведена убедительная параллель из Кюхельбекера, но это сопоставление следует расширить, и если в «Олимпийских играх» Кюхельбекера близки к Гоголю отдельные мотивы, то, например, «Мир поэта» Катенина (1822) дает к той же гоголевской картине ряд концепционных и ритмических соответствий.¹⁴ Гоголевская Германия — поэтический образ в русской поэзии более самостоятельный, но и менее цельный: это одновременно «страна высоких вдохновений», хранимая «великим Гете» (эпилог «Ганца»), и — страна люненсдорфской идиллии. В колебаниях героя между «высокими вдохновениями» и мирной идиллией заключено идейно-психологическое содержание поэмы; на этом противоречии построен самый сюжет.

Возвращением Ганца в «идиллию» и отречением от «грез» поэма заканчивается, но сам по себе этот мотив возвращения не является решающим для понимания поэмы. Первый биограф Гоголя значительно упрощал ее смысл, когда резюмировал: «Действие вертится на борьбе Ганца между любовью к простенькой деревенской девушке и жаждою славы. Он покидает свою возлюбленную, пускается в широкий свет, узнает, что люди холодны, и возвращается к своей Луизе».¹⁵ Нельзя понимать сюжет «Ганца» в том смысле, что Ганц отрекается от любви во имя высших идеалов, а затем, разочаровавшись, вновь избирает любовь. Такому пониманию противоречит самый текст поэмы. Прощальный монолог Ганца кончается его обращением к Луизе:

Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь — тебя ль забуду? . .

(I, 80).

Гоголь не приписывает своему герою ни отказа от любви, ни желания уйти навсегда из родных мест. Катастрофа, крутой поворот действия заключается не в самом факте его возвращения, а в психологическом процессе, им пережитом. Это приводит к вопросу о месте гоголевского героя в ряду романтических героев европейской литературы, ему современной.

4

Юношеская поэма Гоголя — произведение несамостоятельное, даже ученическое. Его место в истории гоголевского творчества определяется поэтому не столько образами самими по себе, сколько отношением этих образов к традиции. В этой традиции образ скитальца наделяется различным идейно-художественным содержанием. Большое принципиальное значение имела тема «странствия» в теории и практике немецкого романтизма. В теме путешествия могли объединяться такие противоположные романтические традиции, как неопределенное стремление в даль и поэтизация действительности; возникал особый круг иллюзорных переживаний, снимающих противоречие далекого и близкого и даже —

прошлого и настоящего. Во введении к «Фантазусу» Тика обосновывается не только особый метод описания путешествий, но и «искусство путешествовать» — die Kunst zu reisen. «Путешествию» придается, таким образом, символический, притом абсолютный смысл: стремление путешествовать неотвратно, и в жертву ему должны быть принесены всяческие житейские связи, которые в свете высокой романтической мечты презрительно оцениваются как филистерство. Впрочем, отрицание такой реально-общественной категории, как филистерский быт, неизбежно принимало в немецком романтизме отвлеченную мистифицированную форму.

Жан Поль писал в гл. 12 «Зибенкэза»: «каждое путешествие превращает в нашей груди филистерское гражданство и мещанский мирок (das Spiessbürgerliche und Kleinstädtische) в вселенское гражданство и божественный мир — град божий (in etwas Weltbürgerliches und Göttlichstädtisches — Stadt gottes)». Отрицание и преображение совершается «в нашей груди», и романтиков это удовлетворяет до конца. Путешествие — в этом именно смысле преображения жизни силою самого романтического сознания было темой таких программных произведений романтизма, как «Странствования Франца Штернбальда» Тика и особенно «Генрих фон Офтердинген» Новалиса. Мотив ухода из родительского дома лег в основу сказки Тика «Руненберг», в которой образы домашнего уюта в долине символически противопоставлены стремлению в горы.

И у Жан-Поля, и у иенских романтиков романтическое томление (Sehnsucht), оставаясь по самой природе своей неутолимым, дает тем не менее мечтателю психологическое самоудовлетворение. Иные черты вносит в ту же тему Вильгельм Кюхельбекер, воспитанный на впечатлениях не одной немецкой романтической литературы, но и на жизненных впечатлениях революционного брожения в России. В «Отрывке из путешествия по полуденной Франции» Кюхельбекер так характеризует поэта: «Поэт некоторым образом перестает быть человеком; для него уже нет земного счастья. . . он блуждает по земле как изгнанник, ищет и никогда не находит успокоения. — Узы семейственной жизни для него милы, но тягостны; он понимает тихое счастье, но не способен к нему. — В одних бурях, в борьбе с неутолимою судьбою взор его проясняется, а грудь дышит свободнее — вот его стихия! Он с радостью погибнет среди общего разрушения под гулом грома и при зареве пожаров, но не в состоянии без ропота доживать свой век среди мелких страстей и сплетней в толпе набожных Ксантипп, глупых остряков». . . (и т. д. продолжается сатирическая характеристика мира «мелких страстей»). — «Поэт предпочитает страдание всякому мертвому спокойствию». Поэт-скиталец Кюхельбекера наделен уже иными чертами, чем странники Тика и Новалиса, устраняющие противоречия реального мира его иллюзорным «преображением». Стихия этого поэта — борьба, и для него невозможно ни практическое, ни умозрительное примирение с отрицаемым им миром. Траги-

ческим мятежным колоритом окрашен образ скитальца-поэта и в поэзии Кюхельбекера еще до декабрьского перелома (см., на пример), «Жребий поэта» 1824 г.). Но самый мотив странствия здесь естественно отходит на задний план или сменяется мотивом изгнанничества.

Новым вариантом был образ странника, терзаемого внутренними противоречиями и убедившегося в их неразрешимости и в недостижимости идеала. Образ этот возник уже в иных исторических условиях, чем образы отрешенного мечтателя или деятельного борца. Исторические предпосылки для него даны были крушением французской буржуазной революции и неудивительно, что именно во Франции на рубеже XVIII—XIX века он нашел наиболее полное выражение в образе Шатобрианового «Рене». «Рене» особенно важен для понимания гоголевской поэмы, так как возникала она в условиях если не равного, то подобного исторического кризиса; отметим и тот знаменательный внешний факт, что именно в том году, которым Гоголь датировал свою поэму (1827), «Рене» появился в русском переводе Погодина и был напечатан в «Московском Вестнике» — журнале русских романтиков, который, по собственному признанию Гоголя, имел на него влияние (письмо 10 марта 1835 г. к Шевыреву). Этим переводом с отсылками в необходимых случаях к подлиннику и будем пользоваться в наших цитатах.¹⁶

Рене характеризует себя как «молодого человека без силы и добродетели, который в себе самом находит источник своих терзаний» (*qui trouve lui même son Tourment*). Характер его неровный и порывистый, он весь в перебоях страстей и меланхолии, самая мысль о путешествии была ему заменой первоначальной мысли о монастыре. Первым предметом его путешествия были «народы уже не существующие». Он посетил развалины Рима и Греции, стран, оставивших по себе память сильную и славную (*pays de forte et d'ingénieuse mémoire*), стран, «коих гордые здания обратились в прах, и мавзолеи заросли терновником». Эта картина наводит его на мысли о «силе природы и слабости человека». После опыта жизни в свете Рене решается кончить свое поприще «в сельском уединении» (*dans un exil champêtre*). Он приходит к своеобразному культу «привычки» — обосновывая его недостижимостью идеала. «Увы! Я ищущ только неизвестного блага, врожденное желание коего меня преследует (*dont l'instinct me poursuit*). Моя ли вина, что я во всем нахожу пределы, что конечное не имеет для меня никаких прелестей (*apscipe valeur*). Однако же мне кажется, что я люблю неизменяемость (*monotonie*) в чувствованиях жизни, — и если бы я еще верил существованию счастья, то стал бы искать его в привычке». Как известно, эту сентенцию Шатобриана Пушкин иронически включил в текст Евгения Онегина («Привычка свыше нам дана. Замена счастью она»), тем самым низведя романтического героя Шатобриана до уровня «примиренной» старушки Лариной.

Наконец, последним вариантом романтического скитальца был скиталец байронический. Здесь скитальчество является как бы

формой инерции жизни для героя, утратившего энергию жизни, — для героя, пресыщенного или разочаровавшегося в людях (в «людях вообще»). Общественно-исторический смысл подобных психологических построений в русской критике был угадан рано — при появлении первого же русского байронического образа — пушкинского «пленника». В рецензии 1822 г. на «Кавказского пленника» Вяземский писал: «...подобные лица часто встречаются взору наблюдателя в нынешнем положении общества. Преизбыток силы, жизни внутренней, которая в честолюбивых потребностях своих не может удовлетворяться уступками внешней жизни... волнение без цели, деятельность пожирающая, неприкладываемая к существованию; упования, никогда не совершаемые и вечно возникающие с новыми стремлениями, должны неминуемо посеять в душе тот неистребимый зародыш скуки, приторности, пресыщения, которые знаменуют характер Child Harold, Кавказского пленника и им подобных». Кажется, Вяземский сознательно подчеркивал в этом своем социально-психологическом обобщении те черты, которые были характерны не столько для европейского общества вообще, сколько для русского — в самодержавно-крепостническом государстве в ожидании революционного взрыва.

Гоголевский герой — не повторяет ни одной из вариаций романтического образа скитальца, но представляет собою их своеобразное сочетание.

В основе образа гоголевского Ганца — черты романтического мечтателя, но значительно упрощенные, соединяющие различные типы не в высшем синтезе, а в итоге отказа от острых различий. Характерная для иенских романтиков «неясность» мечтаний придана и Ганцу, но это не их принципиальная философски обоснованная «неясность», а лишь неясность в смысле непроясненности, смутности самих желаний. Мечтательность эта отчасти окрашена и теми оттенками вольнолюбивой мятежности, какие так четко выразил Кюхельбекер, но оттенки эти бледны и малоконкретны. Присоединим к наблюденному раньше такие строки: «Ему казалось душно, пыльно В сей позаброшенной стране» (в картине пятой), или презрение к «нашему» миру, «расквадраченному на мили» (в картине третьей). Во всяком случае, Ганц до путешествия ближе к путешественникам немецких романтиков, чем к психологически неуравновешенному Рене или к пресыщенным и разочарованным героям Байрона. Тем существеннее, что, завязав свой сюжет романтической *Sehnsucht*, Гоголь развязывает его именно Шатобриановым мотивом примирения с действительностью.

Возвращение героя в оставленную им идиллическую действительность может быть прояснено только в литературно-идеологической перспективе. Установить ее тем важнее, что проблема отношений «мечты» и «существенности», а отсюда и проблема примирения мечтателя с существенностью в иных, более зрелых формах получит первостепенное значение для дальнейшего

идейного развития Гоголя, а также — для развития его лучшего и глубочайшего истолкования. О примирении с действительностью в гоголевском смысле пока еще не могло быть речи на русской почве, куда самое имя Гоголя едва лишь начинало проникать. Но, возможно, было иное обоснование — в духе и традиции Гёте. Ведь еще в Вертере дана была теза приятия простой будничной жизни (в формах именно — идиллии) с точки зрения античной гомеровской мудрости, и если там побеждала антитеза новоевропейского, оссианического разорванного сознания, то идейный путь Гёте ведет к новому культу античной гармонии, снимающей диссонансы. Именно Гёте создает образ странника — Вильгельма Мейстера, — от которого исходит романтик в своих *Reiseroman*'ах, хотя и радикально его переосмысляя. Мечтатель, находящий истину в познании всей полноты жизни, становится центральным образом в творчестве Гёте — как лирик, он создает знаменитое декларативное изречение, которое на первый взгляд могло бы быть эпиграфом к Ганцу Кюхельгартену:

Willst du immer weiter schweifen?
Sieh! das Gute liegt so nah!
Lerne nur das Glück ergreifen
Denn das Glück ist immer da

Тематическая близость эта, однако, обманчива. Несмотря на пietet к Гёте, внушенный Гоголю сотрудниками «Мнемозины» и «Московского Вестника», отразившийся и в эпилоге «Ганца» («Тебя обняв, как некий гений, великий Гете бережет»), — Гоголь не усвоил самой сущности гетевского «примирения». Для Гёте «das Gute» и «das Glück» — синонимы полноты космической жизни, и только в этом свете (а также в контексте всего гетевского творчества) приведенное четверостишие звучит не филистерской, а философской формулой. Ключ к нему в другом изречении: *Willst du dich im Herzen erquicken, so musst du dich lernen arbeiten.*⁶ В гоголевском Ганце не только нет никаких следов такого осмысления идиллии, но, как уже было показано, идея полноты жизни и античной мудрости противостоят идиллии, а не включаются в нее.

Только тематически, а не идеологически близок Гоголь и к сентиментально-романтическому варианту «возвращение в идиллию», лучшим образцом которого был «Теон и Эсхин» Жуковского (1814). Тематическая близость очень велика: судьба Ганца похожа на судьбу Эсхина; тот и другой блуждали по свету за счастьем и блуждали бесплодно, оба вернулись с горьким опытом и оба, видимо, готовы примириться у «пенатов», так как у Жуковского последнее слово остается за Теоном, проповедником примирительной философии. Но самое содержание этой философии в идиллии Гоголя не отзывается никак. Несмотря на античную декорацию, философия эта лишь отчасти соприкасается с неоклас-

⁶ Если ты желаешь насладиться сердцем, то должен научиться работать (нем)

сически-гетеанским вариантом примирения. Если наиболее общие формулы оптимистического гуманизма вроде: «при мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою» — не противоречат ни пафосу зрелого Гёте, ни пафосу молодого Гоголя, то специфичны для раннего Жуковского дуализм, образ потустороннего мира, оправдание земной жизни с точки зрения вечности и смерти, наконец, абсолютный оптимизм, обусловленный не разрешением, а отстранением противоречий. Никаких признаков примирения в этом смысле в поэме Гоголя нет. Примирение гоголевского героя достигнуто не путем высшего философского синтеза, но и не путем погружения в одностороннюю сентиментально-религиозную философию, а путем чисто психологической резинькации в результате жизненного опыта. Опыт убеждает героя, что идеал недостижим: ни общее и смутное романтическое томление, ни более определенные «желанья блага и добра», порывание к славе, к деятельности — не исполнились. Одни не осуществились потому, что оказались «пустою тенью», «блеском мишурным», другие — потому, что люди, с которыми пришлось столкнуться, холодны и низки, а собственные силы для борьбы — слишком скудны. Эти горькие итоги сосредоточены в семнадцатой картине «Ганца», особенно в «думе» героя. Возвращение в идиллию здесь прямо объяснено трудностями борьбы и утратой веры в то, что своими слабыми силами мечты могут быть осуществлены. Только немногие «небом избранные» могут твердо преследовать свои цели и быть твердыми среди криков «черни».

Когда ж коварные мечты
Взволнуют жаждой яркой доли,
А нет в душе железной воли,
Нет сил стоять средь суеты, —
Не лучше ль в тишине укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму света не внимать?

(I, 95)

Примирение Ганца, таким образом, вынужденное и переживаемое им самим как катастрофа. Правда, в картине восемнадцатой в строках о возвращении Ганца к Луизе звучит как будто мотив полного раскаяния и перерождения героя («А я безумный, бестолковый, Летел искать кручины новой» и т. д.) — но вслед за тем восстанавливается первоначальный психологический рисунок. Уже после того как «коварные мечты» еще раз отвергнуты, вступает в права мотив грусти по старым мечтам — мотив тем более важный, что именно им идиллия заканчивается:

Но что ж опять его туманит?
(Как непонятен человек!)
Прощаясь с ними он навек, —
Как бы по старом друге верном,
Грустит в забвении усердном и т. д.

(I, 99)

Эти колебания в шатобриановском герое гораздо сильнее и трагичнее. Он мечется от странствий и светской жизни к семейному уединению и «привычке», от этого отречения — к мысли о самоубийстве и затем (удержанный от самоубийства сестрой) — к новым скитаниям. Первобытная мудрость Шактаса, его изречение «Счастье только на путях, общих всем» («Il n'y a de bonheur que dans les Voies communes») имеет тот же смысл: счастье на «необщих» путях — недостижимо, и стремиться осуществить его бесполезно.

Таким образом, из возможных и действительно существовавших в европейской общественной мысли вариантов «примирения с действительностью» Гоголь больше всего подошел к шатобриановской. Но она, с одной стороны, ослаблена, а с другой — осложнена байроническим мотивом разочарования в людях («Как гробы холодны они, Как тварь презреннейшая низки» и т. д. в картине XVII); мотивом именно байроническим, а не байроновским: стилистически эти 15 строк восходят больше всего к Пушкину, это сплав из различных пушкинских мотивов (иногда значительно более поздних, чем южные поэмы): здесь отзываются инвективные строки и «Разговора книгопродавца с поэтом», и даже «Черни», напечатанной только в 1829 г. (в первой книжке «Московского вестника»).

Идеализм молодого Гоголя не стоит на той прочной философской базе, которая запретила бы смешивать стремление к бесконечному идеалу с стремлением к личному счастью. Идеи германского этического идеализма, начиная с Лессинга и кончая глубочайшей постановкой проблемы идеала в философии Фихте, Гоголем не были усвоены, как не были они усвоены, впрочем, и его современниками — романтиками 20-х гг. Но от общей атмосферы декабристского периода русской литературы Гоголь унаследовал идею назначения человека с той, впрочем, неопределенной окраской, которая характерна и для дальнейшего русского романтизма. Идея эта переключается из социально-этического плана в план индивидуально-этический или даже индивидуально-эстетический.

Что гоголевский образ скитальца оказался родственным именно позднеромантическим разочарованным героям — обусловлено всем социально-историческим происхождением гоголевской идиллии. Как и явления западноевропейского романтического разочарования, она выросла в атмосфере несбывшихся свободолобивых надежд, в атмосфере общественной депрессии второй половины двадцатых годов, после крушения первой в России революционной попытки. В данном случае должна была оказаться важной и действенной именно общая атмосфера культурной жизни, даже независимо от того, в каких формах отразился этот исторический поворот в личном сознании Гоголя.

О личном отношении Гоголя к катастрофе 1825 года мы не можем судить даже с приблизительной уверенностью. Аргументы от умолчания, широко использованные, например, Н. И. Коробкой

(и даже включенные им в хронологическую канву биографии Гоголя), могут говорить единственно о том, что непосредственно политические идеи не определяли собой идейной жизни Гоголя.¹⁷ Но в том, что Гоголь наблюдал, воспринимал и так или иначе переживал происходившие колебания общественной психологии, — не может быть сомнения. Достаточно припомнить его характеристику Петербурга в письме к матери от 30 апреля 1829 года («Тишина в нем необыкновенная. Никакой дух не блещит в народе» и т. д.). Как ни абстрактны и ни общи в самом тексте «Ганца» свободолюбивые мотивы, они все же существуют; начало картины третьей (мечты о Греции) своим пафосом противостоит не только картине 13-й (картине Греции), но и мотивам разочарования в финале поэмы. В свете же не только личного развития Гоголя, но и общего движения русской литературы и общественной мысли — «Ганц Кюхельгартен» несомненно должен быть воспринят как отражение и выражение последекабрьской депрессии двадцатых годов.

5

Итак, в «романтико-идиллическом» единстве «Ганца Кюхельгартена» ведущей противоположностью является романтика, притом романтика в определенном, исторически обусловленном варианте — эклектическом по своему происхождению, но с шатобриановским мотивом разочарования в основе. Это уясняется как из анализа самих романтических элементов поэмы, так и из анализа ее собственно идиллических элементов.

Носители идиллического начала в «Ганце Кюхельгартене» — семья висмарского мызника Вильгельма Бауха (отец, мать Берта, дочери Луиза и Фанни) и старый пастор, отец Берты, с женой Гертрудой. Из них только в Вильгельме и Берте идиллическое начало воплощено как ничем не поколебленное. В картинах их сельского усадебного быта ближе всего воспроизведены мотивы и тона Фоссовой «Луизы»: душевный мир людей, объединенных сердечной связью на патриархально-семейной основе, в тесной близости с природой, в довольстве «малым», простыми, незатейливыми земными благами, и прежде всего плодами своего домашнего хозяйства; любовное внимание к деталям материальной жизни, которая своим безыскусственным благообразием всецело гармонирует с таким же безыскусственным внутренним миром героев. Вильгельм и Берта представляют собою первый очерк той идиллической четы, которая затем явится в творчестве Гоголя в значительно углубленных и усложненных образах Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Но здесь чета эта эпизодична; на переднем же плане сюжета идиллия представлена юной героиней — Луизой; в таких основных эпизодах, как уход Ганца, его возвращение, наконец, семейное торжество в заключении — именно образ Луизы воплощает в себе идиллическую «сущность», противостоящую романтической «мечте» героя. Но

оказывается, что в этом образе первоначальное, идиллическое существо уже во многом нарушено. Здесь-то Гоголь и не пошел за Фоссом, хотя и повторил имя его героини. Фоссова героиня — схематический образ «стыдливой невесты»; самая «откровенность», казалось бы естественная в наивных нравах, граничит здесь — в любовных эпизодах с известной жеманностью (особенно это явно в третьей части — в жеманно-эротических шуточках на тему о брачной постели).

Гоголь не пошел по следам Фосса и его русского переводчика. Он пытался создать более индивидуальный образ, притом — образ в развитии, от первоначальной детской беспечности к более сложной, эмоциональной жизни. Луиза Гоголя тревожится, видя перемену в Ганце; она боится за него, боится и потерять его любовь; она грустит, не умея помочь ему; она тяжело переживает разлуку («Ее кручина давит, жжет, Гробовый холод в ней течет» . . . «адское мученье» . . . «и жар и дрожь» и т. п.); ей являются страшные сны и жуткие «ночные видения» при луне. Любовь к тоскующему Ганцу нарушена и ее душевное равновесие. И если в первоначальном рисунке героини самые эпитеты «простодушная», «резвая» и т. п. указывают как на образец на пушкинскую Ольгу, то Луизу грустящую и страдающую естественно сопоставить с пушкинской Татьяной.

Сопоставление Луизы с Татьяной уже делалось многими исследователями, хотя обычно шла речь не о целом образе, а о частных текстовых параллелях. Не все в этих параллелях было убедительно. Некоторые авторы (Мандельштам, Жданов) сопоставляли, например, картину десятую — приход Луизы в комнату Ганца — с эпизодом прихода Татьяны в комнату Онегина. Если ставить вопрос о влиянии — параллель отводится простой хронологической справкой: 7-я глава «Евгения Онегина» появилась в 1830 г., т. е. позже «Ганца Кюхельгартена». Но дело не только в этом: сравнение двух эпизодов указывает как раз на границу, разделяющую женские образы Пушкина и Гоголя. Многозначительный перечень любимых авторов Ганца («Платон и Шиллер своенравный, Петрарка, Тик, Аристофан, Да позабытый Винкельман») никак не связан с изображением внутреннего мира Луизы. Даже внешне он показан скорее глазами автора, чем героини, и мотив «чтения», появляясь на минуту с описанием обстановки — затем исчезает; здесь нет и намека на тему умственного самовоспитания, который появился в пушкинском романе: Луиза приближается к Татьяне только эмоциональной, не умственной жизнью. «Мыслящая героиня» появится у Гоголя вообще поздно (мельком в «Театральном разъезде», затем только во втором томе «Мертвых душ»). Луиза может петь сочиненные Ганцем стихи — близкие ей по настроению, — но умственным миром Ганца она занята только с точки зрения его здоровья и покоя (картины I и VII: «Зачем одна с какой-то книгой, Ты ночь сидишь. . .»).

Только что упомянутый эпизод — пение Луизы в картине XVIII-й — В. А. Десницкий сопоставил с письмом Татьяны. Это

сближение также должно быть признано неудачным, и не только потому, что Луиза поет стихи, сочиненные Ганцем, — что в замысле автора есть выражение мужской любви, но и по самому строю этого традиционного любовного романса, лежащего в иной поэтической плоскости, чем глубоко своеобразное признание Татьяны. (Любопытно, что Адамс приводил к этой песне параллель совсем другого рода и в свою очередь малоубедительную — песню дев из «Руслана и Людмилы»).

Из частных сопоставлений наиболее убедительно одно, мельком сделанное Н. Котляревским: сон Луизы и сон Татьяны. Не решаем здесь вопроса о сюжетном значении этого сна, о том, насколько образ раненого Ганца мог намекать на какие-то недошедшие или только задуманные эпизоды пропущенных картин: вопрос осужден остаться неразрешимым (хотя в системе романтической поэмы естественно было бы ожидать сюжетного осмысления такой подробности, как кровь, струящаяся из раны, — как это было и в «Евгении Онегине»). Но так или иначе, если даже «кровавую» строку надо объяснить ученической неумелостью Гоголя, — весь эпизод сна имеет тот же художественный смысл, что и в гоголевском образце — сне Татьяны: не мистический, а психологический; он обосновывает не воздействие каких-нибудь потусторонних сил, а только острую душевную чуткость героини, способной предчувствовать то, что случится с любимым человеком, — какую-то пока еще неясную катастрофу. Существенна, однако, не эта параллель сама по себе, а общее стремление молодого Гоголя овладеть пушкинским методом психологического рисунка. Можно сказать, что героиня Гоголя переживает любовь «по Пушкину», хотя и более элементарно. В то же время грезит она «по Жуковскому».

Эти грезы даны в следующей картине, 11-й, под особым заголовком «Ночные видения». Четыре картины — борьба рыцарей, дворец фей, русалки («сирены») в море и мертвецы на кладбище — показаны как игра облаков при луне, и все это сочетание мотивов ведет, конечно, к той общеромантической традиции, которая разлилась в русской поэзии вокруг Жуковского. Отдельные образы могли быть и, вероятно, были обработаны на этой основе самим Гоголем; отметим, что третья из четырех картин ведет к «Майской ночи», а последняя — к «Страшной мести». Близость к Жуковскому сказывается здесь не только в самом выборе лунных мотивов (суммированных самим поэтом в «Подробном отчете о луне»), но и в том особом лирическом стиле, в котором Жуковский умел сочетать фантастику с пейзажем и который Гоголем усваивался с большим трудом: вот почему строки прямо подражательные (из «Людмилы» — что было отмечено Шаровольским) сочетаются с другими, хотя и оригинальными, но звучащими невольной пародией на кладбищенскую и иную фантастику («Земля колетя и — бух Тени разом в бездну. . . — Уф!» и т. д.).

Жуковский и Пушкин своеобразно сочетались в «Ганце», вспомним, что пятая глава «Онегина» со сном Татьяны своим

эпиграфом тоже указывала на Жуковского-балладника. Различные по своей природе влияния Пушкина и Жуковского служили одной цели — психологическому обогащению и углублению образа героини. Оба они противостоят идиллической основе поэмы, разлагая и разрушая идиллию. Луиза, которая должна была быть носителем идиллического начала, приблизившись к образам Пушкина и Жуковского, оказалась по ту сторону идиллии.

Разложение идиллии сказалось еще более резко, хотя и гораздо более грубо и топорно, еще в одном пункте: в характеристике старого пастора. Совершенно на этот раз немотивированно Гоголь осложнил этот образ какими-то неожиданными демоническими чертами. Обращаясь к Луизе как к небесному видению («спросонья», что должно было означать, вероятно, не просто бессмысленный бред), старый пастор вспоминает о своей греховной юности:

О, я готов, да недостоин,
Велики тяжкие грехи:
И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи; (?)
Мне лютые дела не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть. . .

(I, 63).

В составе гоголевской поэмы, и вообще-то ученической и часто неловкой по форме, строки эти особенно резко выделяются наивностью мысли, совершенно детской техникой и главное — решительной инородностью и ненужностью в отношении всего содержания поэмы. Неудивительно, что Н. Полевой с ловкостью и злорадством профессионального рецензента воспользовался для дискредитации автора этими именно строками. При всем том самая возможность их появления показательна для оценки авторского отношения к изображаемой им идиллии.

6

Все это показывает, что в «Ганце Кюхельгартене», названном «идиллией в картинах», не оказалось идеологического пафоса идиллии — ни в ее сентиментально-консервативном варианте, упрощенном еще Карамзиным («Деревня», «Письмо сельского жителя») и Жуковским («Кто истинно добрый и счастливый человек»), ни в сентиментально-оппозиционном бюргерском варианте Фосса. В этом смысле можно сказать, что Гоголь остался незатронутым и той волной возвращения к идиллии, которая поднялась в русской поэзии двадцатых годов, вызвав отклик и в тогдашней критике, когда идиллия стала поводом принципиальной борьбы между реакционными староверами, тянувшими назад к Гесснеру, и поэтами декабристской ориентации, желавшими создать идил-

лию народную, демократическую, близкую к действительной жизни, между Вл. Панаевым и Н. И. Гнедичем.¹⁸

В проблематике «Ганца Кюхельгартена» «идиллизм» — лишь одна из проблем, притом не основная и не решающая, лишь теза — при романтической (в свою очередь сложной по составу) антитезе и при неопределенном решении в итоге (примирение — от сознания своего бессилия, грусть при разлуке с мечтами). Поэтому непосредственного идейного влияния на проблематику «Ганца» нечего было и ждать от оживившейся вокруг идиллии борьбы, в которой волновавшие Гоголя идеи отсутствовали. Но были в этой борьбе и проблемы, непосредственно связанные с литературным развитием автора «Ганца». Это были проблемы эстетического порядка.

Идиллия в понимании Гнедича и других преромантиков и романтиков 20-х гг. была тем участком поэзии, на котором поддерживался культ естественности, простоты, внимания к действительной жизни: здесь намечался и пролагался путь к дальнейшему реализму. Павел Теряев в предисловии к переводу «Луизы» Фосса (1820) отмечал как одну из своих задач — «быть верным отголоском простого семейного разговора». Тогда же Гнедич в предисловии к переводу «Сирокузянок» осуждал в Гесснере «природу сентиментальную» и требовал внимания к нашим «простолюдинам»; в 1821 г. и вышли его «Рыбаки». В том же предисловии к «Сирокузянкам» Гнедич указывал, что Фосс, Броннер и Гебель произвели идиллии истинно народные, эти три имени были близки не одному Гнедичу. На Фосса указал Гнедичу Батюшков, который еще в 1813 г. в Веймаре «сходил с ума на Фоссовой Луизе»; в 1816 г. Жуковский переводил идиллии Гебеля (вызывал на этот раз недовольство Батюшкова); с идиллиями в прозе Броннера Гнедич был связан непосредственно — своими рыбацкими темами.¹⁹

Но особенно замечательна та оценка Фосса, которую дал в 1824 г. Кюхельбекер в «Мнемозине» — в одном из отрывков своего «Путешествия» (письмо XIX из Дрездена, датированное 14 ноября 1820 г.). Поводом вспомнить о Фоссе были для Кюхельбекера художники — «фламандцы» (так он называл их, следуя обычному тогда словоупотреблению и не отличая голландцев от фламандцев; на самом деле он приводил примеры из голландской живописи — из картин Доу и Метсю). «Превосходны фламандцы, — писал Кюхельбекер, — в представлении сцены из обыкновенной сельской и хозяйственной жизни. Они создали в этом отношении в живописи род, который можно сравнить единственно с идиллиями в новейших нравах Фосса и некоторых других немецких писателей». Следуют подробные описания двух картин Доу и трех картин Метсю; Кюхельбекер останавливается на бытовых деталях, на выражении лиц, передающих несложные, но ярко выраженные душевные движения и черты характеров; например: «упрямый продавец, сидя прехладнокровно на бочке, и даже не глядя на нее (т. е. на кухарку) из-под огромной

шляпы, не соглашается на предлагаемую цену; продолжает курить трубку и, кажется, ворчит сквозь зубы: как угодно, но я не отступлюсь от своего слова». Отмечается жизненность, верность природе в изображениях Метсю: «Все три идиллии списаны с природы: дичина, куры, зелень, коробки лежат передо мною в самом деле; чем более гляжу, тем более забываюсь». Наблюдательность, тщательность в изображении деталей — общепризнанные свойства этих голландских художников XVII века, которых пропагандировал Кюхельбекер.

Совершенно очевидно, что те же «фламандские» черты ценил он в Фоссе и что в этот же круг эстетических задач вовлекается молодой Гоголь как автор «Ганца Кюхельгартена». Гоголь своими «фламандскими», т. е. собственно идиллическими картинами, проходит как бы предварительную школу реализма — притом в тех границах, которые вполне приемлемы были для широкого реалистического движения — вплоть до Кюхельбекера, в эти годы никак еще не отразившего в собственном творчестве движения от романтизма к реализму. Идиллические пейзажи, портреты, интерьеры и натюрморты рисовались Гоголем вслед за Фоссом: все эти мохнатые голуби, клохчущие индейки, пестрые куры и ручные козы в картине VI или убранство стола в картине VII («. . . Редис и масло в фарфоровой утке, И пиво, и вино, и сладкий бишеф, И сахар, и коричневые вафли») — все почти восходит к Фоссовским деталям;²⁰ в то же время все приводит на память образцы голландской и фламандской живописи с их вниманием к деталям материального быта и общим тоном уюта и довольства. Независимо даже от идейной функции этих эпизодов, которая обнаруживается только во всей структуре поэмы, художественная функция их может быть определена как своеобразная реалистическая пропедевтика. От сцен на мызе Вильгельма Бауха лежит путь к «старосветским помещикам», где функция идиллии существенно иная, но где метод изображения вещей, а отчасти и людей генетически связан с пройденной Гоголем «фламандской» школой Фосса.

Сопоставление тенденций Кюхельбекера и Гоголя требует, однако, одной существенной оговорки. «Фламандское» направление в литературе было осознано вскоре как нечто, более резко порывающее с классической «благопристойностью», чем это было в поэзии у Фосса, а в живописи — у Метсю. Символом «фламандской школы» становится не Метсю, а Тенирс («Теньер»): появляются писатели, определяемые как «русские Теньеры»; этот эпитет то сочувственно, то укорительно прилагается к Нарезному, к А. Е. Измайлову, а впоследствии всего решительнее — к Гоголю; «фламандскую школу» представлял отчасти и Пушкин, о чем, как известно, и сам не без иронии упоминал.²¹

Дальнейший путь Гоголя показывает, что «фламандское» направление он усваивал во всей его широте, отнюдь не гнушаясь «теньерством», напротив, принципиально защищая право писателя на простонародный и вообще «низкий» материал,

на «картины, взятые из презренной жизни». Если остаться в кругу живописных параллелей, то Гоголь не остановился и на Тенирсе, смелее которого его современники ничего не видели; смелость Броувера была для него столь же приемлема.

Иное дело Кюхельбекер. В том же письме он резко провел границу своих эстетических сочувствий: это именно «благопристойные» Метсю и Доу, но никак не Тенирс: «Теньер, всегда однообразный и отвратительный, в Дрездене тот же, что в С.-Петербурге: у него всегда пьяные мужики, растрепанные солдаты, толстые бабы, грубые пляски, карты и вино». Кюхельбекер двадцатых годов — видит в искусстве только два организующих начала: «вдохновение» и «прелесть» (из того же письма). Вопрос о «низкой природе» как материале искусства им вовсе не ставится: поэта-декабриста смущают, конечно, не «мужики» и «солдаты» сами по себе, а то, что они «пьяные» и «растрепанные», что они не соответствуют властным для него эстетическим критериям и нормам. Впоследствии Кюхельбекер, видимо, эволюционировал, признав права фламандской литературной школы в более широком объеме.²²

Для Гоголя этот объем расширился очень рано. Возможно, что и в период работы над «Ганцем» умеренность его «фламандских» тенденций не была принципиальной и связана была со спецификой данного материала, данного жанра. С утратой сатиры «Нечто о Нежине», мы не можем сказать ничего более определенного. Но от «Ганца Кюхельгартена» путь Гоголя идет не только к «Старосветским помещикам», но еще дальше, к «Вечерам на хуторе», где фламандские картины даны уже в духе Тенирса; где вступают в свои права столь презрительно оцененные Кюхельбекером «пьяные мужики, толстые бабы, грубые пляски, карты и вино».

Воспитанный в школе русского реализма 20-х годов, усвоив многое от «любомудрия» «Мнемозины», Гоголь эстетически развивается с гораздо большей смелостью и последовательностью. «Ганц Кюхельгартен» был только первым крупным опытом в сущности, мало показательным: слишком явно было, что Гоголь не овладел ни версификационной, ни стихотворно-стилистической техникой; что по жанру и стилю поэма Гоголя оказалась в кругу явлений романтического эпигонства, притом на невысоком уровне. Если и можно отметить в поэме некоторые удачные детали пейзажа и некоторые попытки оживить стиль поэмы просторечием, то, с другой стороны, те же самые попытки нередко приводили к курьезной стилистической разноголосице.²³ чего стоит одно восклицание пастора, который, глядя на закат и задумываясь о закате собственной жизни, говорит: «но эдак ли прекрасно опочию»? Стихотворческая беспомощность сказывается особенно наглядно в избытии неорганических «уж», «вот» и тому подобных словечек, которыми строки испещрены явно в угоду размеру (см. особенно: «Сотворены они уж друг для друга»).

Композиционно поэма очень нестройна: нет надобности прини-

мать гипотезу одновременной работы над идиллическими и романтическими картинами, чтобы убедиться в слабой общей связи картин друг с другом.

Тем не менее «Ганцу» в истории гоголевского творчества принадлежит заметное место. Это был первый, еще ученически-робкий опыт изображения мира в его противоречиях, осознанных романтически — как «вечный раздор мечты и сущности». Эта формула, произнесенная в 1834 г. в «Невском проспекте», впервые намечена в 13-й картине «Ганца Кюхельгартена»:

Безжалостно и беспощедно
Пред ним захлопнули вы дверь,
Сыны сущности жалкой,
Дверь, в тихий мир мечтаний, жаркой!

(I, 89).

Мир, расколотый на разнородные части — «существенную» и идеально мыслимую, требует для своего изображения либо различных методов, либо, напротив, единого метода, снимающего это противоречие. К созданию такого единого метода приходит Гоголь в дальнейшем своем развитии; но пока сделана попытка разграничить эти методы, закрепить идиллию за «сущностью», возвышенный лиризм за «мечтой». Отзвуки этого первоначального раздвоения обнаружатся и в следующей книге Гоголя — в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

7

Первое выступление Гоголя с большим произведением, хотя и под прикрытием псевдонима, было очень важным фактом его творческой биографии. Это была проба сил и в то же время разведка при решении проблемы деятельности: результат известен — книга была признана ошибкой. С оценкой критики соглашался и автор: он уничтожил свою книгу и не возвращался более ни к данному жанру, ни к стихам вообще. Это был удар не настолько решительный, чтобы вовсе оттолкнуть Гоголя от литературы, но достаточный, чтобы склонить его к поискам новых литературных путей.

На этом эпизоде юношеской биографии Гоголя приходится остановиться, так как здесь не все ясно и не все излагается верно. Тихонравов первый попытался учесть все детали этого эпизода и разобраться в них. Он установил, что поэма Гоголя вызвала три печальных отзыва: один — в «Московском Телеграфе» в конце июня 1829 г., другой — в «Северной пчеле» от 20 июля 1829 и третий в «Северных цветах» на 1830-й год (вышли в начале 1830 г.). Два первые отзыва были анонимны; третий — вышел в «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 года», подписанном именем О. Сомова. Но третий отзыв появился уже после сожжения книги Гоголем и после возвращения его из заграничного путешествия. На основании

примечания с рецензией «Северной пчелы» о том, что книга продается там-то и по такой-то цене, Тихонравов заключил, что рецензия «Московского Телеграфа» еще не произвела на Гоголя особенного впечатления (как думал Кулиш), что сожжение «Ганца Кюхельгартена», очевидно, совершалось после рецензии «Северной пчелы», т. е. после 20 июня. Оно совпадает по времени с внезапным решением Гоголя ехать за границу — решением, о котором он уведомил свою мать 24 июня. Одной из главных причин (если не главной) этой решимости был холодный прием, оказанный «Ганцу Кюхельгартену».²⁴

Умозаключение по принципу — *post hoc ergo propter hoc*²⁵ оказывается, однако, и на этот раз несостоятельным. Гоголь действительно уведомил мать о своей предстоящей поездке только 24 июня. Но уже 5 июля — т. е. за полмесяца до рецензии «Северной пчелы» — имя Гоголя уже упомянуто в «С. Петербургских Ведомостях» в списке лиц, отъезжающих за границу. Связи между неуспехом «Ганца» и путешествием Гоголя вообще более чем сомнительны. Ближайший биографический повод к поездке известен: случайно оказавшаяся в руках сумма денег, которая позволила осуществить давнюю, смутную мечту о «чужих краях». (Предлоги, придуманные для оправдания перед матерью, не могут идти, конечно, в счет). Впоследствии (в «Авторской исповеди») Гоголь объяснял свой отъезд «противувольным влечением» и «непонятным чувством», прибавляя: «проект и цель моего путешествия были очень неясны» (VIII, 450).

Если сам Гоголь в 1847 г. переносил на свои юношеские настроения позднейшее чувство тоски по родине на чужбине, то и биографы вольно или невольно говорили о поездке 1829 года в свете гоголевских переживаний 1836 года; отождествлять их, однако, вряд ли законно.

Но соображения Тихонравова о том, что сожжение «Ганца» произошло после рецензии «Северной пчелы», вполне убедительны — не только по фактическим данным, им приведенным, но и по соображениям психологическим. Рецензия Полевого была очень хлесткой, но вывод, сделанный из одной лишь цитаты, был явно необоснован. Рецензия «Северной пчелы», напротив, была написана спокойно, даже благожелательно; в авторе признавалась «способность писать (со временем) хорошие стихи», но потому-то к нему и предъявлялись требования не выступать до написания «чего-нибудь зрелого, обдуманного, обработанного», при этом сжато описаны серьезные недостатки и «несообразности» всей поэмы, а не одного случайного ее места.

Тем больший интерес приобретает вопрос об авторе этой рецензии — вопрос, до сих пор в литературе не поставленный. Обследование «Северной пчелы» за 1829 г. и сравнительный анализ двух рецензий — отрицательной из «Северной пчелы» и положительной из «Северных цветов» приводит к любопытному

²⁵ После этого — значит по причине этого (*лат.*).

выводу, что обе они написаны одним и тем же автором. Основным рецензентом «Северной пчелы» в течение всего почти 1829 года был Орест Сомов; разрыв его с Булгариным и Гречем относится к самому концу года. Еще 28 ноября Сомов печатает в «Северной пчеле» (№ 143) рецензию на поэму Деларю «Превращение Дафны». Рецензии он помещал как за подписью (С; С—в, О. С—в), так и без подписи, что может быть установлено из сравнения некоторых отзывов «Северной пчелы» с отзывами «Обозрения» «Северных цветов» — и по содержанию, и по стилю, вплоть до повторения целых фраз. Правда, выступали в «Северной пчеле» и другие рецензенты: Бестужев-Рюмин, Мих. Яковлев, редко — Булгарин и Греч. Но в отношении рецензии на «Ганца» авторство Сомова устанавливается сравнением.

В «Северной пчеле» сказано: «В сочинителе заметно воображение и способность писать (со временем) хорошие стихи».

В «Северных цветах»: «...Заметны еще молодость воображения... виден талант, обещающий в нем будущего поэта».

В «Северной пчеле»: «...авторская смелость в поэтических украшениях, в слоге и даже в стихосложении так безотчетлива...»

В «Северных цветах»: «...незрелость дарования в отношении к слогу, языку и стихосложению и крайняя безотчетливость в создании».

В «Северной пчеле» дан совет «дождаться чего-нибудь зрелого, обдуманного, обработанного...»

В «Северных цветах» отмечена «незрелость дарования». «Если он станет прилежнее обдумывать свои произведения... надежды доброжелательной критики не будут обмануты».

Словом, обе рецензии состоят из тех же элементов порицаний и похвал, притом в тех же самых выражениях, иногда стилистически необычных (как «безотчетливость»). Разница оказалась не в отдельных мыслях, а в их сочетании и тем самым в тоне отзыва. Автор как бы перевернул свой первоначальный отзыв, превратив главное предложение в придаточное и обратно. Смысл рецензии «Северной пчелы»: хотя в авторе есть воображение и талант, — в поэме все же много недостатков.

Смысл рецензии «Северных цветов»: хотя в поэме много недостатков, но в авторе есть воображение и талант.

Возможно, что перемена тона связана с личным знакомством двух «земляков», а впоследствии и сотрудников по «Северным цветам» и «Литературной газете». Заметим, что в практике Сомова-критика подобный случай изменения тона не единственный: отзыв о поэме Подолинского «Борский» повторит в «Северных цветах» все положительное, что Сомовым же сказано в «Северной пчеле», но прибавит суровую оценку содержания поэмы, чего в «Северной пчеле» не было.

Итак, можно говорить только о двух критиках «Ганца Кюхельгартена»: Н. Полевым и О. Сомове. В полемике о следующей книге Гоголя — о «Вечерах на хуторе» эти два критика встретятся снова, но уже не в силу случайностей журнальных ситуаций,

а как принципиальные противники: новая книга даст для этого повод, какого не могло еще быть при гоголевском дебюте

¹ Гоголь Н В Полн собр соч Л, 1940 Т 10 С 79 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой)

² См *Калаш В Н В* Гоголь в воспоминаниях современников и переписке М, 1924 С 10

³ *Николай М [Кулиш П А]* Записки о жизни Н В Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем СПб, 1856 Т 1 С 25

⁴ Там же

⁵ Там же С 26 Сведения об этой повести и историю ее сочинения написал со слов нежинца В И Любича-Романовича М В Шевляков (Исторический вестник 1892 № 12 С 696) Воспоминания Романовича заслуживают мало доверия

⁶ Иначе думал Е В Петухов (рецензия на «Материалы» Шенрока) См *Петухов Е В* Гоголь и Жуковский Юрьев, 1903 (отд отл)

⁷ *Пономарев С* Нежинский журнал Н В Гоголя // Киевская старина 1884 № 5 С 143—146

⁸ Вот содержание номера по описанию Пономарева Проза 1) «Завещание» (повесть с немецкого) 2) «Ожесточенный» (начало оригинальной повести) Стихотворения 1) «Песнь Никатомы» (отрывок из Оссиановой поэмы «Бератон») 2) «Битва при Калке» 3) «Альма, вождь угров, проходивших по Днепру» 4) «Подражание Горацию» 5) «К²» (на одно прекрасное утро) 6) «Эпиграмма» (насмешнику некстати) 7) «Эпиграмма»

⁹ *Шаровольский И В* Юношеская идиллия Гоголя // Памяти Гоголя Научно-литературный сборник / Под ред Н П Дашкевича Киев, 1902 Отд 2 С 13—52, *Кульман Н* «Ганц Кюхельgarten» Гоголя и «Луиза» Фосса // Изв отд рус яз и словесн 1908 Т 13, кн 4 С 252—263, *Stender-Petersen A I H Voss und der junge Gogol* // Edda Oslo, 1921 Bd 15 S 98—128, см отзыв *Slavia* 1924 Roč 2, seš 4 (самая статья не была нам доступна), *Adams V* Gogols Erstlingswerk «Hans Kuchelgarten» im Lichte seines Natur und Welterlebens // Zeitschrift für slavische Philologie 1931 Bd 8, H 3—4 S 323—368

¹⁰ *Виноградов В* Гоголь и натуральная школа Л, 1925 С 34—36, 41—43, *Десницкий В А* Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н В Гоголь Материалы и исследования / Под ред В В Гиппиуса М, Л, 1936 Т 2 С 52—57

¹¹ История установления авторства Гоголя в отношении «Италии» представляется в высшей степени странной Первым приписал Гоголю «Италию» Кулиш в анонимной статье «Несколько черт для биографии Гоголя» (Отечественные записки 1852 № 4) В следующем году Тихонравов в заметке «Библиографические поправки и дополнения к статье „Несколько черт для биографии Гоголя“» (Московские ведомости 1853 № 51) установил дату появления «Италии» в печати и перепечатал ее Кулиш же в «Опыте биографии Гоголя» (1854) писал об «Италии» «Это стихотворение указано мне вместе с некоторыми другими биографическими данными г Тихонравовым в № 51 „Московских ведомостей“ 1853 года» Приходится предположить, что Кулиш плохо помнил содержание своей статьи 1852 г

¹² В А Десницкий видел в этих строках «сочетание имен и событий европейской жизни 1824—1826 гг» Хронологическая точность, возможно, не входила в задания Гоголя, но, если предположить обратное, придется передвинуть датировку действия на несколько лет назад «Бедствия и мятежи в Мадриде» указывают на события 1822—1823 гг и, скорее всего, на лето 1823 г жестокую реакцию, связанную с возвращением Фердинанда VII В том же 1823, Колокотрони возглавил оппозиционную военную партию, а Каннинг сыграл важную роль в признании Греции воюющей державой О Миссолунгах можно было говорить и до взятия их в 1826 г Вспомним, что летом того же 1823 года отбыл в Грецию Байрон и был именно в Миссолунги Байроновское стремление в Грецию вероятно не осталось без влияния на замысел гоголевской поэмы

¹³ В «Луизе» Фосса—Теряева (с 65) «Дремлет и курит пастор меж тем

вечернюю трубку, Рассуждая с собою, в просонках и вслух о науках И о церковных делах, и об новостях прошлой газеты» Ср у Гоголя «Уже два раза он из трубки выбивал Золу, и в спор вступал с Вильгельмом, Разговорясь про новости газет» (I, 74) Тот же мотив развит во «второй идиллии» (с 110) «В этих газетах стоит об Америке и Гибралтаре, О парламенте, войне, путешествии старца святого» Ср у Гоголя «Про Мисолунги, про дела войны < > Про Канинга, про парламент » (I, 74) Отметим попутно еще одну параллель, не замеченную прежними исследователями вопросы Берты Луизе о бессоннице в картине 10-й и ответы Луизы «Не дождь ли помешал шумливый» и т д — восходят к вопросам Луизы отцу и его ответам у Фосса—Терьева на с 28 («Верно мяукал наш кот» и т д)

¹⁴ Ср, напр(имер), с приведенной выше картиной Греции такие строки из «Мира поэта» (Вестник Европы 1822 Ноябрь)

Граждан несметное число
По стогнам всяк волнуется, как море
Кто к площади спешит, витий где в шумном споре
Правленья движется кормило и весло,
Кто в Академов сад и т д

¹⁵ *Кулиш П* Опыт биографии Н В Гоголя // Современник 1854 № 1 Отд II С 75

¹⁶ Впервые сопоставил «Ганца» и «Рене» И В Шаровольский, затруднившийся при этом согласовать путешествие Ганца в Грецию по примеру Рене — с прежними планами Ганца «Очевидно, — писал Шаровольский, — здесь противоречие, устранить которое нет возможности» (*Шаровольский И* Юношеская идиллия Гоголя // Памяти Гоголя Научно-литературный сборник Киев, 1902 С 48)

¹⁷ См *Гоголь Н В* Полн собр соч / Под ред Н И Коробки СПб, 1912 Т 1 С 62—64

¹⁸ См об этом в содержательной статье А М Кукулевича «Русская идиллия Н И Гнедича „Рыбаки“» (Учен зап Ленингр ун-та Сер филол наук 1939 Вып 3) Заметим, что и Вл Панаев пытался писать в «народном» стиле, не выходя, однако, за пределы шаблонных стилизаций

¹⁹ См письма Батюшкова Гнедичу от 30 октября 1813 г Жуковскому от 1 августа 1819 г (*Батюшков К Н* Соч Пб, 1886 Т 3 С 240, 562) Об отношении идиллии Гнедича к идиллиям Броннера см в названной статье А М Кукулевича

²⁰ Слово «бишеф» (нем Bischof) в этой именно форме встречается не сколько раз в терьевском переводе «Луизы» (с 125, 181, 183, 188)

²¹ *Шимкевич К А* Пушкин и Некрасов // Пушкин в мировой литературе Л, 1926 С 317

²² См *Тынянов Ю Н* Французские отношения В К Кюхельбекера (Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821 гг — Декабрист и Бальзак) // ЛН 1939 Т 33—34 С 364 Полемизируя с Менцелем, Кюхельбекер писал (в дневнике от июня 1834 г) «Я должен признать изящество многих произведений школы, которую называет он фламандскою, — они не выродки, а законные дети поэзии»

²³ См *Виноградов В* Гоголь и натуральная школа Л 1925 С 41—43

²⁴ См *Гоголь Н В* Соч 10-е изд М, СПб, 1889 Т 5 С 542

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В И Ленина (ныне Российская Государственная библиотека)
- ГИИИс — Государственный институт истории искусств
- ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М Е Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека)
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- ЛН — Литературное наследство
- ЛОААН — Ленинградское отделение Архива Российской Академии наук
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории РАН (ныне Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН)
- ОГМТ — Орловский государственный музей И С Тургенева
- ПСС₁ Письма — *Тургенев И С* Полн собр соч и писем В 28 т Письма В 13 т М, Л, 1961—1967
- ПСС₂ Соч — *Тургенев И С* Полн собр соч и писем В 30 т 2-е изд., испр и доп Соч В 12 т М, 1978—1986
- Сб РИО — Сборник императорского Русского исторического общества
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
- ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 С А Есенин Фотография 1925 г
- 2 С Д Дрожжин Фотография 1900 г
- 3 П М Перевлесский Литография Кирстена, 1859 г
- 4 Л Н Андреев Фотография 1893 г

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

В В Базанов Материалы о Сергее Есенине в Рукописном отделе Пушкинского Дома 8
Л Н Иванова Архив С Д Дрожжина 67

ПУБЛИКАЦИИ

Из литературного наследия А М Бакунина *Публикация К Ю Лаппо Данилевского* 94
П А Вяземский Письма к К Н Батюшкову. *Публикация В А Кошелева* 118
П П Ершов Письма к П А Плетневу *Публикация Е П Горбенко* 143
С М Троицкий Письмо к А В, Е В и М В Златоустовским о дуэли и смерти А С Пушкина *Публикация А В Дубровского* 154
П М Перевлесский Письма к Ю В Жадовской *Публикация З И Власовой* 157
П В Анненков Письма к И С Тургеневу *Публикация Н Н Мостовской* 188
Письма русских писателей первой половины XIX века (из коллекции Н П Лихачева) *Публикация Е В Свясова* 216
А Г Достоевская Материалы для биографии Ф М Достоевского (1880—1881) *Публикация Т И Орнатской* 229
«Дневник» Леонида Андреева *Публикация Н П Генераловой* 247
Жан Шюзевиль Письмо к Н С Гумилеву *Публикация М Д Эльзона* 294
«Искусство для всех» или «Искусство для каждого»? (М А Волошин о творческих школах для народа) *Публикация В П Купченко* 296
А И Куприн Письма к В А Алексееву *Публикация М П Лепехина* 301
Новое о М С Ольминском *Публикация М Д Эльзона* 308
К А Федин Автобиография *Публикация А Л Ершова* 317
В В Вишневский Письма к А М Дмитриеву *Публикация В И Протченко* 322
Н С Тихонов Письма к В М Саянову *Публикация В А Прокофьева* 346

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

В В Гиппиус «Ганс Кюхельгартен» *Публикация Н Н Мостовской и Г М Фридлендера* 361

Научное издание
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Материалы по истории русской литературы
и общественной мысли

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства *И. И. Шефановская*
Художник *А. И. Слепушкин*
Технический редактор *Н. В. Шергина*
Корректоры *А. Х. Салтанова, Г. И. Суворова,*
Г. И. Тимошенко

ИБ № 44556

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 24.12.91.
Подписано к печати 26.09.94. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.0. Уч.-изд. л. 32.0.
Тираж 1100 экз. Тип. зак. № 3126. С 900.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

**В издательской фирме РАН
готовится к печати книга**

**А. С. П У Ш К И Н.
ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1813—1817)**

Книга представляет собой первое современное академическое издание лицейской лирики А. С. Пушкина, сопровождающееся обширным комментарием. В основу издания легли материалы, собранные М. А. и Т. Г. Цявловскими и дополненные впоследствии сотрудниками Пушкинского Дома — Института русской литературы. Публикуется также описание и анализ источников текстов стихотворений.

Для всех, интересующихся русской литературой.

**Книги фирмы РАН можно заказать
в магазинах Центральной конторы
Российской торговой фирмы «Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации.**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

- 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
103009 Москва, ул. Тверская, 19а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»)
443002 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
- Магазин «Академкнига» в Татарстане:
420043 Казань, ул. Достоевского, 53